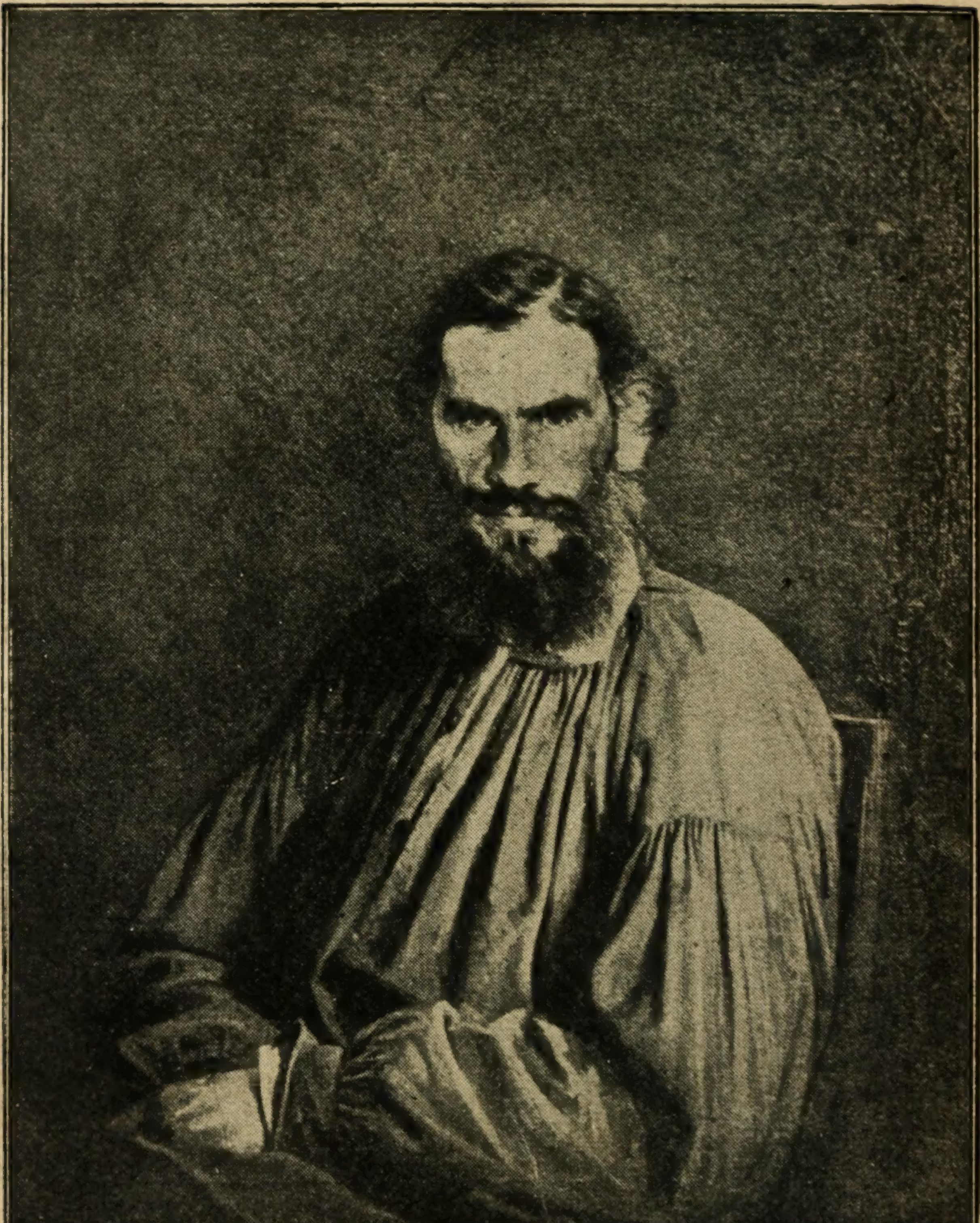
3 1761 08820940 8

ЛЕВЪ
ТОЛСТОЙ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

III



Length 4½" wide 3"

Cut

Съ портрета И. Н. Крамского
(Третьяковская Галлерея)

LR
T6545
1921

Tolstoi, Lev Nikolaevich

СОЧИНЕНІЯ

Sochineniya

Л. Н. ТОЛСТОГО

(tom 3)

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Утро помѣщика — Метель — Записки маркера — Два гусара — Альбертъ. — Люцернъ — Три смерти — Семейное счастье — Поликушка — Холстомѣръ

459326
14.3.47

[Берлинъ]
1921
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

Printed in Germany.

УТРО ПОМѢЩИКА

Повѣсть

Отрывокъ изъ неоконченнаго романа «Русскій помѣщикъ» (1852 г.)

I

Князю Нехлюдову было девятнадцать лѣтъ, когда онъ изъ 3-го курса университета пріѣхалъ на лѣтнія вакаціи въ свою деревню и одинъ пробылъ въ ней все лѣто. Осенью онъ неустановившейся, ребяческой рукой написалъ къ своей теткѣ, графинѣ Бѣлорѣцкой, которая, по его понятіямъ, была его лучшій другъ и самая геніальная женщина въ мірѣ, слѣдующее переведенное здѣсь французское письмо:

«Милая тетушка!

«Я принялъ рѣшеніе, отъ котораго должна зависѣть участь всей моей жизни. Я выхожу изъ университета, чтобъ посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея. Ради Бога, милая тетушка, не смѣйтесь надо мной. Вы скажете, что я молодъ; можетъ-быть, точно, я еще ребенокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать мое призваніе, желать дѣлать добро и любить его.

«Какъ я вамъ писалъ уже, я нашелъ дѣла въ неописанномъ разстройствѣ. Желая ихъ привести въ порядокъ и вникнувъ въ нихъ, я открылъ, что главное зло заключается въ самомъ жалкомъ, бѣдственномъ положенiи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣнiемъ. Если бы вы только могли видѣть двухъ моихъ мужиковъ, Давыда и Ивана, и жизнь, которую они ведутъ съ своими семействами, я увѣренъ, что одинъ видъ этихъ двухъ несчастныхъ убѣдилъ бы васъ больше, чѣмъ все то, что я могу сказать вамъ, чтобъ объяснить мое намѣренiе. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастiи этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ изъ-за плановъ наслажденiй или честолюбiя? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я чувствую себя способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ; а для того, чтобы быть имъ, какъ я разумѣю это слово, не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которыхъ вы такъ желаете для меня. Милая тетушка, не дѣлайте за меня честолюбивыхъ плановъ, привыкните къ мысли, что я пошелъ по совершенно особенной дорогѣ, но которая хороша и, я чувствую, приведетъ меня къ счастью. Я много и много передумалъ о своей будущей обязанности, написалъ себѣ правила дѣйствiй, и, если только Богъ дастъ мнѣ жизнь и силъ, я успѣю въ своемъ предпрiятiи.

«Не показывайте письма этого брату Васѣ: я боюсь его насмѣшекъ; онъ привыкъ первенствовать надо мной, а я привыкъ подчиняться ему. Ваня если и не одобритъ моего намѣренія, то пойметъ его».

Графиня отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ, тоже переведеннымъ здѣсь съ французскаго:

«Твое письмо, милый Дмитрій, ничего мнѣ не доказало, кромѣ того, что у тебя прекрасное сердце, въ чемъ я никогда и не сомнѣвалась. Но, милый другъ, наши добрыя качества больше вредятъ намъ въ жизни, чѣмъ дурныя. Не стану говорить тебѣ, что ты дѣлаешь глупость, что поведеніе твое огорчаетъ меня, но постараюсь подѣйствовать на тебя однимъ убѣжденіемъ. Будемъ разсуждать, мой другъ. Ты говоришь, что чувствуешь призваніе къ деревенской жизни, что хочешь сдѣлать счастіе своихъ крестьянъ и что надѣешься быть добрымъ хозяиномъ. 1) Я должна сказать тебѣ, что мы чувствуемъ свое призваніе только тогда, когда ужъ разъ ошибемся въ немъ; 2) что легче сдѣлать собственное счастіе, чѣмъ счастіе другихъ, и 3) что для того, чтобы быть добрымъ хозяиномъ, нужно быть холоднымъ и строгимъ человѣкомъ, чѣмъ ты едва ли когда-нибудь будешь, хотя и стараешься притворяться такимъ.

«Ты считаешь свои разсужденія непреложными и даже принимаешь ихъ за правила въ жизни; но въ мои лѣта, мой другъ, не вѣрятъ въ разсужденія и въ правила, а вѣрятъ только въ опытъ; а опытъ говоритъ мнѣ, что твои планы — ребячество. Мнѣ ужъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, и я много знавала достойныхъ людей, но никогда не слыхивала, чтобы молодой человѣкъ съ именемъ и способностями, подъ предлогомъ дѣлать добро, зарылся въ деревнѣ. Ты всегда хотѣлъ казаться оригиналомъ, а твоя оригинальность не что иное, какъ излишнее самолюбіе. И, мой другъ, выбирай лучше торныя дорожки; онѣ ближе ведутъ къ успѣху, а успѣхъ, если ужъ не нуженъ для тебя, какъ успѣхъ, то необходимъ для того, чтобъ имѣть возможность дѣлать добро, которое ты любишь.

«Нищета нѣсколькихъ крестьянъ — зло необходимое, или такое зло, которому можно помочь, не забывая всѣхъ своихъ обязанностей къ обществу, къ своимъ роднымъ и къ самому себѣ. Съ твоимъ умомъ, съ твоимъ сердцемъ и любовью къ добродѣтели нѣтъ карьеры, въ которой бы ты не имѣлъ успѣха; но выбирай, по крайней мѣрѣ, такую, которая бы тебя стоила и сдѣлала бы тебѣ честь.

«Я вѣрю въ твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нѣтъ честолюбія; но ты самъ обманываешь себя. Честолюбіе — добродѣтель въ твои лѣта и съ твоими средствами; но она дѣлается недостаткомъ и пошлостью, когда человѣкъ уже не въ состояніи удовлетворить этой страсти. И ты испытаешь это, если не измѣнишь своему намѣренію. Прощай, милый Митя! Мнѣ кажется, что я тебя люблю еще больше за твой нелѣпый, но благородный и великодушный планъ. Дѣлай, какъ знаешь, но признаюсь, не могу согласиться съ тобой».

Молодой человѣкъ, получивъ это письмо, долго думалъ надъ нимъ и, наконецъ, рѣшивъ, что и геніальная женщина можетъ ошибаться, подалъ прошеніе объ увольненіи изъ университета и навсегда остался въ деревнѣ.

II

У молодого помѣщика, какъ онъ писалъ своей теткѣ, были составлены правила дѣйствій по своему хозяйству, и вся жизнь и занятія его были распредѣлены по часамъ, днямъ, мѣсяцамъ. Воскресенье было назначено для пріема просителей, дворовыхъ и мужиковъ, для обхода хозяйства бѣдныхъ крестьянъ и для поданія помощи съ согласія міра, который собирался вечеромъ каждое воскресенье и долженъ былъ рѣшать, кому и какую помощь нужно было оказывать. Въ такихъ занятіяхъ прошло болѣе года, и молодой человѣкъ былъ уже не совсѣмъ новичокъ ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ знаніи хозяйства.

Было ясное іюньское воскресенье, когда Нехлюдовъ, напившись кофе и пробѣжавъ главу «Maison Rustique», съ записной книжкой и пачкой ассигнацій въ карманѣ своего легонькаго пальто, вышелъ изъ большого съ колоннадами и террасами деревенскаго дома, въ которомъ занималъ внизу одну маленькую комнатку, и по нечищеннымъ, заросшимъ дорожкамъ стараго англійскаго сада направился къ селу, расположенному по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Нехлюдовъ былъ высокій, стройный молодой человѣкъ съ большими, густыми, вьющимися темно-русыми волосами, съ свѣтлымъ блескомъ въ черныхъ глазахъ, свѣжими щеками и румяными губами, надъ которыми только показывался первый пушокъ юности. Во всѣхъ движеніяхъ его и походкѣ замѣтны были сила, энергія и добродушное самодовольство молодости. Крестьянскій народъ пестрыми толпами возвращался изъ церкви; старики, дѣвки, дѣти, бабы съ грудными младенцами, въ праздничныхъ одеждахъ, расходились по своимъ избамъ, низко кланяясь барину и обходя его. Войдя въ улицу, Нехлюдовъ остановился, вынулъ изъ кармана записную книжку и на послѣдней исписанной дѣтскимъ почеркомъ страницѣ прочелъ нѣсколько крестьянскихъ именъ съ отмѣтками. *Иванъ Чурисенокъ — просилъ сошекъ*, прочелъ онъ и, войдя въ улицу, подошелъ къ воротамъ второй избы справа.

Жилище Чурисенка составляли: полусгнившій, подопрѣлый съ угловъ срубъ, погнувшійся на бокъ и вросшій въ землю такъ, что надъ самою навозною завалиной виднѣлись одно разбитое красное волоковое оконце съ полуоторваннымъ ставнемъ и другое, волчье, заткнутое хлопкомъ. Рубленныя сѣни, съ выгнившимъ порогомъ и низкою дверью, другой маленькій срубецъ, еще древнѣе и еще ниже сѣней, ворота и плетеная клѣть лѣпились около главной избы. Все это было когда-то покрыто подъ одну неровную крышу; теперь же только на застрѣхѣ густо нависла черная, гніющая солома; наверху же мѣстами видны были рѣшетникъ и стропила. Передъ дворомъ былъ колодецъ съ развалившимся срубикомъ, остаткомъ столба и колеса и съ грязной и стоптанной скотиною лужей, въ которой полоскались утки. Около колодца стояли двѣ старыя, треснувшія и надломленныя ракиты, съ рѣдкими блѣдно-зелеными вѣтвями. Подъ одной изъ этихъ ракитъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что кто-то и когда-то заботился объ украшенiи этого мѣста, сидѣла восьмилѣтняя бѣлокурая дѣвочка и заставляла ползать вокругъ себя другую двухлѣтнюю дѣвчонку. Дворной щенокъ, вилявшiй около нихъ, увидавъ барина, опрометью бросился подъ ворота и залился оттуда испуганнымъ, дребезжащимъ лаемъ.

— Дома ли Иванъ? — спросилъ Нехлюдовъ.

Старшая дѣвочка какъ будто остолбенѣла при этомъ вопросѣ и начала все болѣе и болѣе открывать глаза, ничего не отвѣчая; меньшая же открыла ротъ и собиралась плакать. Небольшая старушонка, въ изорванной клѣтчатой понявѣ, низко подпоясанной старенькимъ красноватымъ кушакомъ, выглядывала изъ-за двери и тоже ничего не отвѣчала. Нехлюдовъ подошелъ къ сѣнямъ и повторилъ вопросъ.

— Дома, кормилецъ, — проговорила дребезжащимъ голосомъ старушонка, низко кланяясь и вся приходя въ какое-то испуганное волненiе.

Когда Нехлюдовъ, поздоровавшись съ ней, прошелъ черезъ сѣни на тѣсный дворъ, старуха подперлась ладонью, подошла къ двери и, не спуская глазъ съ барина, тихо стала покачивать головой. На дворѣ бѣдно; кое-гдѣ лежалъ старый невоженый почернѣвшiй навозъ; на навозѣ безпорядочно валялись: прѣлая колода, вилы и двѣ бороны. Навѣсы вокругъ двора, подъ которыми съ одной стороны стояли соха, телѣга безъ колеса и лежала куча сваленныхъ другъ на друга пустыхъ, негодныхъ пчелиныхъ колодокъ, были почти всѣ раскрыты, и одна сторона ихъ обрушилась, такъ что спереди переметы лежали уже не на сохахъ, а на навозѣ. Чурисенокъ топоромъ и обухомъ выламывалъ плетень, который придавила крыша. Иванъ Чурисъ былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, ниже обыкновеннаго роста. Черты его загорѣлаго продолговатаго лица, окруженнаго темно-русою съ просѣдью бородою и такими же густыми волосами, были красивы и выразительны. Его темно-голубые полузакрытые глаза глядѣли умно и добродушно-беззаботно. Небольшой правильный ротъ, рѣзко обозначавшійся изъ-подъ русыхъ рѣдкихъ усовъ, когда онъ улыбался, выражалъ спокойную увѣренность въ себѣ и нѣсколько насмѣшливое равнодушіе ко всему окружающему. По грубости кожи, глубокимъ морщинамъ, рѣзко обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ, по неестественной сутуловатости и кривому, дугообразному положенію ногъ видно было, что вся жизнь его прошла въ непосильной, слишкомъ тяжелой работѣ. Одежда его состояла изъ бѣлыхъ посконныхъ портокъ съ синими заплатками на колѣняхъ и такой же грязной, расползавшейся на спинѣ и рукахъ, рубахи. Рубаха низко подпоясывалась тесемкой съ висѣвшимъ на ней мѣднымъ ключикомъ.

— Богъ помощь! — сказалъ баринъ, входя на дворъ.

Чурисенокъ оглянулся и снова принялся за свое дѣло. Сдѣлавъ энергическое усиліе, онъ выпросталъ плетень изъ-подъ навѣса и тогда только, воткнувъ топоръ въ колоду и оправляя поясокъ, вышелъ на середину двора.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство! — сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая волосами.

— Спасибо, любезный. Вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать, — съ дѣтскимъ дружелюбіемъ и застѣнчивостью сказалъ Нехлюдовъ, оглядывая одежду мужика. — Покажи-ка мнѣ, на что тебѣ сохи, которыхъ ты просилъ у меня на сходкѣ.

— Сошки-то? Извѣстно, на что сошки, батюшка, ваше сіятельство. Хоть мало-мальски подперетъ хотѣлось, сами изволите видѣть: вотъ анадысь уголъ завалился, еще помиловалъ Богъ, что скотины въ ту пору не было. Все-то еле-еле виситъ, — говорилъ Чурисъ, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сараи. — Теперь и стропила, и откосы, и переметы только тронь, — глядишь, дерева дѣльнаго не выйдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь? сами изволите знать.

— Такъ на что же тебѣ пять сошекъ, когда одинъ сарай уже завалился, а другіе скоро завалятся? Тебѣ нужны не сошки, а стропила, переметы, столбы — все новое нужно, — сказалъ баринъ, видимо щеголяя своимъ знаніемъ дѣла.

Чурисенокъ молчалъ.

— Тебѣ, стало-быть, нужно лѣсу, а не сошекъ; такъ и говорить надо было.

— Вѣстимо нужно, да взять-то негдѣ: не все же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сіятельству за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша на то будетъ, насчетъ дубовыхъ макушекъ, что на господскомъ гумнѣ такъ, безъ дѣла лежатъ, — сказалъ онъ, кланяясь и переминаясь съ ноги на ногу, — такъ, може, я которыя подмѣню, которыя поурѣжу и изъ стараго какъ-нибудь соорудую.

— Какъ же изъ стараго? Вѣдь ты самъ говоришь, что все у тебя старо и гнило: нынче этотъ уголъ обвалился, завтра тотъ, послѣзавтра третій; такъ ужъ ежели дѣлать, такъ дѣлать все заново, чтобы не даромъ работа пропала. Ты скажи мнѣ, какъ ты думаешь, можетъ твой дворъ простоять нынче зиму или нѣтъ?

— А кто ее знаетъ!

— Нѣтъ, ты какъ думаешь — завалится онъ или нѣтъ?

Чурисъ на минуту задумался.

— Должонъ весь завалиться, — сказалъ онъ вдругъ.

— Ну, вотъ видишь ли, ты бы лучше такъ и на сходкѣ говорилъ, что тебѣ надо весь дворъ перестроить, а не однѣхъ сошекъ. Вѣдь я радъ помочь тебѣ...

— Много довольны вашею милостью, — недовѣрчиво и не глядя на барина отвѣчалъ Чурисенокъ. — Мнѣ хоть бы бревна четыре да сошекъ пожаловали, такъ я, можетъ, самъ управлюсь; а который негодный лѣсъ выберется, такъ въ избу на подпорки пойдетъ.

— А развѣ у тебя и изба плоха?

— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ-вотъ раздавитъ кого-нибудь, — равнодушно сказалъ Чурисъ. — Намедни и то накатина съ потолка мою бабу убила.

— Какъ убила?

— Да такъ, убила, ваше сіятельство: по спинѣ какъ полыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала.

— Что-жъ, прошло?

— Прошло-то прошло, да все хвораетъ. Она, точно, и отроду хворая.

— Что ты, больна? — спросилъ Нехлюдовъ у бабы, продолжавшей стоять въ дверяхъ и тотчасъ же начавшей охать, какъ только мужъ сталъ говорить про нее.

— Все вотъ тутъ не пущаетъ меня, да и шабашъ, — отвѣчала она, указывая на свою грязную тощую грудь.

— Опять! — съ досадой сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами. — Отчего же ты больна, а не приходила сказаться въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ вамъ не повѣщали?

— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки — все одна! Дѣло наше одинокое...

III

Нехлюдовъ вошелъ въ избу. Неровныя закопченныя стѣны въ черномъ углу были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и платьемъ, а въ красномъ — буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимися около образовъ и лавки. Въ серединѣ этой черной, смрадной шестиаршинной избенки, въ потолкѣ была большая щель и, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ стояли подпорки, потолокъ такъ погнулся, что, казалось, съ минуты на минуту угрожалъ разрушеніемъ.

— Да, изба очень плоха, — сказалъ баринъ, всматриваясь въ лицо Чурисенка, который, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ предметѣ.

— Задавитъ насъ и ребятишекъ задавитъ, — начала слезливымъ голосомъ приговаривать баба, прислонившись къ печи подъ полатями.

— Ты не говори! — строго сказалъ Чурисъ и съ тонкою, чуть замѣтной улыбкой, обозначившеюся подъ его пошевелившимися усами, обратился къ барину: — и ума не приложу, что съ ней дѣлать, ваше сіятельство, съ избой-то; и подпорки, и подкладки клалъ, — ничего нельзя исдѣлать.

— Какъ тутъ зиму зимовать? Охъ-охъ-о! — сказала баба.

— Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатникъ настлать, — перебилъ ее мужъ съ спокойнымъ, дѣловымъ выраженіемъ, — да одинъ переметъ перемѣнить, такъ, можетъ, какъ-нибудь пробьемся зиму-то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь — вотъ что; а тронь ее, такъ щепки живой не будетъ; только поколи стоитъ — держится, — заключилъ онъ, видимо весьма довольный тѣмъ, что онъ сообразилъ это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурисъ довелъ себя до такого положенія и не обратился прежде къ нему, тогда какъ онъ съ самаго своего пріѣзда ни разу не отказывалъ мужикамъ и только того добивался, чтобъ всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами. Онъ почувствовалъ даже нѣкоторую злобу на мужика, сердито пожалъ плечами и нахмурился; но видъ нищеты, окружавшей его, и среди этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса превратили его досаду въ какое-то грустное, безнадежное чувство.

— Ну, какъ же ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ? — съ упрекомъ замѣтилъ онъ, садясь на грязную кривую лавку.

— Не посмѣлъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Чурисъ съ тою же, чуть замѣтной улыбкой, переминаясь своими черными босыми ногами по неровному земляному полу; но онъ сказалъ это такъ смѣло и спокойно, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ не посмѣлъ придти къ барину.

— Наше дѣло мужицкое: какъ мы смѣемъ!.. — начала было, всхлипывая, баба.

— Не гуторь, — снова обратился къ ней Чурисъ.

— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя; это вздоръ! — сказалъ Нехлюдовъ, помолчавъ нѣсколько времени. — А вотъ что мы сдѣлаемъ, братецъ...

— Слушаю-съ, — отозвался Чурисъ.

— Видѣлъ ты каменныя герардовскія избы, что я построилъ на новомъ хуторѣ, что̀ съ пустыми стѣнами?

— Какъ не видать-съ, — отвѣчалъ Чурисъ, открывая улыбкой свои, еще цѣлые бѣлые зубы: — еще не мало дивились, какъ клали-то ихъ — мудреныя избы! Ребята смѣялись, что не магазеи ли будутъ, отъ крысъ въ стѣны засыпать. Избы важныя! — заключилъ онъ съ выраженіемъ насмѣшливаго недоумѣнія, покачавъ головой: — остроги словно.

— Да, избы славныя, сухія и теплыя, и отъ пожара не такъ опасны, — возразилъ баринъ, нахмуривъ свое молодое лицо, видимо недовольный насмѣшками мужика.

— Неспорно, ваше сіятельство, избы важныя.

— Ну, такъ вотъ, одна изба ужъ совсѣмъ готова. Она десятиаршинная, съ сѣнями, съ клѣтью и совсѣмъ ужъ готова. Я ее, пожалуй, тебѣ отдамъ въ долгъ за свою цѣну: ты когда-нибудь отдашь, — сказалъ баринъ съ самодовольной улыбкой, которую онъ не могъ удержать при мысли о томъ, что дѣлаетъ благодѣяніе. — Ты свою старую сломаешь, — продолжалъ онъ: — она на амбаръ пойдетъ; дворъ тоже перенесемъ. Вода тамъ славная, огороды вырѣжу изъ новины, земли твои во всѣхъ трехъ клинахъ тоже тамъ, подъ бокомъ, вырѣжу. Отлично заживешь! Что-жъ, развѣ это тебѣ не нравится? — спросилъ Нехлюдовъ, замѣтивъ, что, какъ только онъ заговорилъ о переселеніи, Чурисъ погрузился въ совершенную неподвижность и, уже не улыбаясь, смотрѣлъ въ землю.

— Воля вашего сіятельства, — отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ.

Старушка выдвинулась впередъ, какъ будто задѣтая заживо, и готовилась сказать что-то, но мужъ предупредилъ ее.

— Воля вашего сіятельства, — повторилъ онъ рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ покорно, взглядывая на барина и встряхивая волосами; — а на новомъ хуторѣ намъ жить не приходится.

— Отчего?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, коли насъ туда переселите, — мы и здѣсь-то плохи, а тамъ вамъ навѣкъ мужиками не будемъ, — какіе мы тамъ мужики будемъ? Да тамъ и жить-то нельзя, воля ваша!

— Да отчего-жъ?

— Изъ послѣдняго разоримся, ваше сіятельство.

— Отчего же тамъ жить нельзя?

— Какая же тамъ жизнь? Ты посуди: мѣсто нежилое, вода неизвѣстная, выгона нѣтути. Коноплянники у насъ здѣсь искони навозные, а тамъ что? Да и что тамъ? Голь. Ни плетней, ни овиновъ, ни сараевъ, ничего нѣтути. Разоримся мы, ваше сіятельство, коли насъ туда погонишь, въ конецъ разоримся! Мѣсто новое, неизвѣстное...— повторилъ онъ задумчиво, но рѣшительно покачивая головой.

Нехлюдовъ сталъ было доказывать мужику, что переселеніе, напротивъ, очень выгодно для него, что плетни и сараи тамъ построятъ, что вода тамъ хорошая и т. д., но тупое молчаніе Чуриса смущало его, и онъ почему-то чувствовалъ, что говоритъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Чурисенокъ не возражалъ ему; но когда баринъ замолчалъ, онъ, слегка улыбнувшись, замѣтилъ, что лучше бы всего было поселить на этомъ хуторѣ стариковъ дворовыхъ и Алешу-дурачка, чтобы они тамъ хлѣбъ караулили.

— Вотъ бы важно-то было! — замѣтилъ онъ и снова усмѣхнулся. — Пустое это дѣло, ваше сіятельство!

— Да что-жъ, что мѣсто нежилое? — терпѣливо настаивалъ Нехлюдовъ. — Вѣдь и здѣсь когда-то мѣсто было нежилое, а вотъ живутъ же люди; и тамъ, вотъ ты только первый поселись съ легкой руки... Ты непремѣнно поселись...

— И, батюшка, ваше сіятельство, какъ можно сличить! — съ живостью отвѣчалъ Чурисъ, какъ будто испугавшись, чтобы баринъ не принялъ окончательнаго рѣшенія: — здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное: и дорога, и прудъ тебѣ — бѣлье, что ли, бабѣ стирать, скотину ли поить, — и все наше заведеніе мужицкое, тутъ искони заведенное, и гумно, и огородишка, и ветлы — вотъ что мои родители садили; и дѣдъ, и батюшка наши здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сіятельство, больше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправить, много довольны вашею милостью останемся; а нѣтъ, такъ и въ старенькой своей вѣкъ какъ-нибудь доживемъ. Заставь вѣкъ Бога молить, — продолжалъ онъ, низко кланяясь: — не сгоняй ты насъ съ гнѣзда нашего, батюшка...

Въ то время, какъ Чурисъ говорилъ, подъ полатями, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла его жена, слышны были все усиливавшіяся и усиливавшіяся всхлипыванія, и когда мужъ сказалъ: «батюшка», жена его неожиданно выскочила впередъ и, въ слезахъ, ударилась въ ноги барину.

— Не погуби, кормилецъ! Ты нашъ отецъ, ты наша мать! Куда намъ селиться? Мы люди старые, одинокіе. Какъ Богъ, такъ и ты... — завопила она.

Нехлюдовъ вскочилъ съ лавки и хотѣлъ поднять старуху, но она съ какимъ-то сладострастіемъ отчаянія билась головой о земляной полъ и отталкивала руку барина.

— Что ты! встань, пожалуйста! Коли не хотите, такъ не надо; я принуждать не стану, — говорилъ онъ, махая руками и отступая къ двери.

Когда Нехлюдовъ сѣлъ опять на лавку и въ избѣ водворилось молчаніе, прерываемое только хныканьемъ бабы, снова удалившейся подъ полати и утиравшей тамъ слезы рукавомъ рубахи, молодой помѣщикъ понялъ, что́ значила для Чуриса и его жены разваливающаяся избенка, обвалившійся колодезь съ грязною лужей, гніющіе хлѣвушки, сарайчики и треснувшія ветлы, виднѣвшіяся передъ кривымъ оконцемъ, и ему стало что-то тяжело, грустно и чего-то совѣстно.

— Какъ же ты, Иванъ, не сказалъ при мірѣ прошлое воскресенье, что тебѣ нужна изба? Я теперь не знаю, какъ помочь тебѣ. Я говорилъ вамъ всѣмъ на первой сходкѣ, что я поселился въ деревнѣ и посвятилъ свою жизнь для васъ; что я готовъ самъ лишить себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы, — и я передъ Богомъ клянусь, что сдержу свое слово, — говорилъ юный помѣщикъ, не зная того, что такого рода изліянія неспособны возбуждать довѣрія ни въ какомъ, и въ особенности въ русскомъ человѣкѣ, любящемъ не слова, а дѣло, и неохотникѣ до выраженія чувствъ, какихъ бы то ни было прекрасныхъ.

Но простодушный молодой человѣкъ былъ такъ счастливъ тѣмъ чувствомъ, которое испытывалъ, что не могъ не излить его.

Чурисъ погнулъ голову на сторону и, медленно моргая, съ принужденнымъ вниманіемъ слушалъ своего барина, какъ человѣка, котораго нельзя не слушать, хотя онъ и говоритъ вещи, не совсѣмъ хорошія и совершенно до насъ не касающіяся.

— Но вѣдь я не могу всѣмъ давать все, что у меня просятъ. Если-бъ я никому не отказывалъ, кто у меня проситъ лѣса, у меня самого скоро бы ничего не осталось и я не могъ бы дать тому, кто истинно нуждается. Затѣмъ-то я и отдѣлилъ заказъ, опредѣлилъ его для исправленія крестьянскаго строенія и совсѣмъ отдалъ міру. Лѣсъ этотъ теперь ужъ не мой, а вашъ, крестьянскій, и уже я имъ не могу распоряжаться, а распоряжается міръ, какъ знаетъ. Ты приходи нынче на сходку; я міру поговорю о твоей просьбѣ: коли онъ присудитъ тебѣ избу дать, такъ и хорошо, а у меня ужъ теперь лѣсу нѣтъ. Я отъ всей души желаю тебѣ помочь; но коли ты не хочешь переселиться, то дѣло ужъ не мое, а мірское. Ты понимаешь меня.

— Много довольны вашею милостью, — отвѣчалъ смущенный Чурисъ. — Коли на дворъ лѣску ублаготворите, такъ мы и такъ поправимся. Что міръ? Дѣло извѣстное...

— Нѣтъ, ты приходи.

— Слушаю. Я приду. Отчего не придти? Только ужъ я у міра просить не стану.

IV

Молодому помѣщику видно хотѣлось еще спросить что-то у хозяевъ; онъ не вставалъ съ лавки и нерѣшительно поглядывалъ то на Чуриса, то въ пустую нетопленную печь.

— Что, вы ужъ обѣдали? — наконецъ спросилъ онъ.

Подъ усами Чуриса обозначилась насмѣшливая улыбка, какъ будто ему смѣшно было, что баринъ дѣлаетъ такіе глупые вопросы; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Какой обѣдъ, кормилецъ? — тяжело вздыхая, проговорила баба: — хлѣбушка поснѣдали — вотъ и обѣдъ нашъ. За сныткой нынче ходить неколи было, такъ и щецъ сварить не изъ чего, а что квасу было, такъ ребятамъ дала.

— Нынче постъ голодный, ваше сіятельство, — вмѣшался Чурисъ, поясняя слова бабы: — хлѣбъ да лукъ — вотъ и пища наша мужицкая. Еще слава ти Господи хлѣбушка-то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у нашихъ мужиковъ и хлѣба-то нѣтъ. Луку нынѣ вездѣ незародъ. У Михайла-огородника — анадысь посылали — за пучокъ по грошу берутъ, а покупать нашему брату неоткуда. Съ Пасхи почитай-то и въ церкву Божью не ходимъ, и свѣчку Миколѣ купить не на что.

Нехлюдовъ уже давно зналъ не по слухамъ, не на вѣру къ словамъ другихъ, а на дѣлѣ всю ту крайнюю степень бѣдности, въ которой находились его крестьяне; но вся дѣйствительность эта была такъ несообразна со всѣмъ воспитаніемъ его, складомъ ума и образомъ жизни, что онъ противъ воли забывалъ истину, и всякій разъ, когда ему, какъ теперь, живо, осязательно напоминали ее̇, у него на сердцѣ становилось невыносимо-тяжело и грустно, какъ будто воспоминаніе о какомъ-то совершонномъ, неискупленномъ преступленіи мучило его.

— Отчего вы такъ бѣдны? — сказалъ онъ, невольно высказывая свою мысль.

— Да какимъ же намъ и быть, батюшка ваше сіятельство, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая — вы сами изволите знать: глины, бугры; да и то, видно прогнѣвили мы Бога: вотъ уже съ холеры почитай хлѣба не родитъ. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало: которые позаказали въ экономію, которые тоже въ барскія поля попридрали. Дѣло мое одинокое, старое... гдѣ и радъ бы похлопоталъ — силъ моихъ нѣту. Старуха моя больная, что ни годъ, то дѣвчонокъ рождаетъ: вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсь, а семь душъ дома. Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хоть бы прибралъ которыхъ Богъ поскорѣе. И мнѣ бы легче было, да и имъ-то лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать...

— О-охъ! — громко вздохнула баба, какъ бы въ подтвержденіе словъ мужа.

— Вотъ моя подмога вся тутъ, — продолжалъ Чурисъ, указывая на бѣлоголоваго шершаваго мальчика лѣтъ семи, съ огромнымъ животомъ, который въ это время робко, тихо скрипнувъ дверью, вошелъ въ избу и, уставивъ исподлобья удивленные глаза на барина, обѣими ручонками держался за рубаху Чуриса. — Вотъ и подсобка моя вся тутъ, — продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проводя своею шершавою рукой по бѣлымъ волосамъ ребенка. — Когда его дождешься? А мнѣ ужъ работа невмочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хоть крикомъ кричи, а вѣдь ужъ мнѣ давно съ тягла, въ старики пора. Вонъ Дутловъ, Демкинъ, Зябревъ — всѣ моложе меня — давно земли посложили. Ну, мнѣ сложить не на кого — вотъ бѣда моя. Кормиться надо: вотъ и бьюсь, ваше сіятельство.

— Я бы радъ тебѣ облегчить, точно. Какъ-же быть? — сказалъ молодой баринъ съ участіемъ, глядя на крестьянина.

— Да какъ облегчить? Извѣстное дѣло, коли землей владать, то и барщину править надо — ужъ порядки извѣстные. Какъ-нибудь малаго дождусь. Только будетъ милость ваша — насчетъ училища его увольте; а то намедни земскій приходилъ, тоже говоритъ: и его ваше сіятельство требуетъ въ училищу. Ужъ его-то увольте: вѣдь какой у него разумъ, ваше сіятельство? Онъ еще младъ, ничего не смыслитъ.

— Нѣтъ, ужъ это, братъ, какъ хочешь, — сказалъ баринъ: — мальчикъ твой уже можетъ понимать, ему учиться пора. Вѣдь я для твоего же добра говорю. Ты самъ посуди: какъ онъ у тебя подраститъ, хозяиномъ станетъ, да будетъ грамотѣ знать и читать будетъ умѣть, и въ церкви читать, — вѣдь все у тебя дома съ Божьей помощью пойдетъ, — говорилъ Нехлюдовъ, стараясь выражаться какъ можно понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то краснѣя и заминаясь.

— Неспорно, ваше сіятельство, — вы намъ худа не желаете; да дома-то побыть некому: мы съ бабой на барщинѣ, ну, а онъ, хоть и маленекъ, а все подсобляетъ — и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ, — и Чурисенокъ съ улыбкою взялъ своими толстыми пальцами за носъ мальчика и высморкалъ его.

— Все-таки ты присылай его, когда самъ дома и когда ему время, — слышишь? непремѣнно.

Чурисенокъ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

V

— Да, я еще хотѣлъ сказать тебѣ, — сказалъ Нехлюдовъ, — отчего у тебя навозъ не вывезенъ?

— Какой у меня навозъ, батюшка ваше сіятельство! И возить-то нечего. Скотина моя какая? Кобыленка одна да жеребенокъ, а телушку осенью изъ телятъ дворнику отдалъ — вотъ и скотина моя вся.

— Такъ какъ же, у тебя скотины мало, а ты еще телку изъ телятъ отдалъ? — съ удивленіемъ спросилъ баринъ.

— А чѣмъ кормить станешь?

— Развѣ у тебя соломы-то недостанетъ, чтобы корову прокормить? У другихъ достаетъ же.

— У другихъ земли навозныя, а моя земля глина одна, ничего не сдѣлаешь.

— Такъ вотъ и навозь ее, чтобы не было глины; а земля хлѣбъ родитъ, и будетъ чѣмъ скотину кормить.

— Да и скотины-то нѣту, такъ какой навозъ будетъ.

«Это странный «cercle vicieux», подумалъ Нехлюдовъ, но рѣшительно не могъ придумать, что посовѣтовать мужику.

— Опять и то сказать, ваше сіятельство, не навозъ хлѣбъ родитъ, а все Богъ, — продолжалъ Чурисъ. — Вотъ у меня лѣтось на прѣсномъ осьминникѣ шесть копенъ стало, а съ навозной и крестца не собрали. Никто, какъ Богъ! — прибавилъ онъ со вздохомъ. — Да и скотина ко двору нейдетъ къ нашему. Вотъ шестой годъ не живетъ. Лѣтось одна телка издохла, другую продалъ: кормиться нечѣмъ было, а въ запрошлый годъ важная корова пала: пригнали изъ стада — ничего не было, вдругъ зашаталась, зашаталась, и паръ вонъ. Все мое несчастье!

— Ну, братецъ, чтобы ты не говорилъ, что у тебя скотины нѣтъ оттого, что корму нѣтъ, а корму нѣтъ оттого, что скотины нѣтъ, вотъ тебѣ на корову, — сказалъ Нехлюдовъ, краснѣя и доставая изъ кармана шароваръ скомканную пачку ассигнацій и разбирая ее: — купи себѣ, на мое счастье, корову, а кормъ бери съ гумна — я прикажу. Смотри же, чтобы къ будущему воскресенью у тебя была корова: я зайду.

Чурисъ такъ долго, съ улыбкой переминаясь, не подвигалъ руку за деньгами, что Нехлюдовъ положилъ ихъ на конецъ стола и покраснѣлъ еще больше.

— Много довольны вашею милостью, — сказалъ Чурисъ съ своей обыкновенной, немного насмѣшливой улыбкой.

Старуха нѣсколько разъ тяжело вздохнула подъ полатями и какъ будто читала молитву.

Молодому барину стало неловко; онъ торопливо всталъ съ лавки, вышелъ въ сѣни и позвалъ съ собой Чуриса. Видъ человѣка, которому онъ сдѣлалъ добро, былъ такъ пріятенъ, что ему не хотѣлось скоро разстаться съ нимъ.

— Я радъ тебѣ помогать, — сказалъ онъ, останавливаясь у колодца: — тебѣ помогать можно, потому что, я знаю, ты не лѣнишься. Будешь трудиться — и я буду помогать: съ Божьею помощью и поправишься.

— Ужъ не то что поправиться, ваше сіятельство... — сказалъ Чурисъ, принимая вдругъ серьезное, даже строгое выраженіе лица, какъ будто весьма недовольный предположеніемъ барина, что онъ можетъ поправиться. — Жили при батькѣ съ братьями, ни въ чемъ нужды не видали; а вотъ какъ померъ онъ, да какъ разошлись, такъ все хуже да хуже пошло. Все одиночество!

— Зачѣмъ же вы разошлись?

— Все изъ-за бабъ вышло, ваше сіятельство. Тогда ужъ дѣдушки вашего не было, а то при немъ бы не посмѣли, — тогда настоящіе порядки были; онъ такъ же, какъ и вы, до всего самъ доходилъ, — и думать бы не смѣли расходиться.

Не любилъ покойникъ мужикамъ повадку давать; а нами послѣ вашего дѣдушки завѣдывалъ Андрей Ильичъ — не тѣмъ будь помянутъ — человѣкъ былъ пьяный, необстоятельный. Пришли къ нему проситься разъ, другой: нѣтъ, молъ, житья отъ бабъ, позволь разойтись; ну, подралъ, подралъ, а наконецъ, тому дѣлу вышло, все-таки поставили бабы на своемъ, врозь стали жить, а ужъ одинокій мужикъ извѣстно какой! Ну да и порядковъ-то никакихъ не было; орудовалъ нами Андрей Ильичъ, какъ хотѣлъ. «Чтобы было у тебя все», а изъ чего мужику взять — того не спрашивалъ. Тутъ подушныя прибавили, столовый запасъ тоже сбирать больше стали, а земель меньше стало и хлѣбъ рожать пересталъ. Ну, а какъ межовка пришла, да какъ онъ у насъ наши навозныя земли въ господскій клинъ отрѣзалъ, злодѣй — и порѣшилъ насъ совсѣмъ, хоть помирай! Батюшка вашъ — царство небесное — баринъ добрый былъ, да мы его и не видали почитай: все въ Москвѣ жилъ; ну, извѣстно, и подводы туда чаще гонять стали. Другой разъ распутица, кормовъ нѣтъ, а вези! Нельзя же и барину безъ того. Мы этимъ обижаться не смѣемъ; да порядковъ не было. Какъ теперь ваша милость до своего лица всякаго мужичка допускаете, такъ и мы другіе стали, и приказчикъ-то другой человѣкъ сталъ. Мы теперь знаемъ хоша, что у насъ баринъ есть. И ужъ и сказать нельзя, какъ мужички твоей милости благодарны. А то въ опеку настоящаго барина не было; всякій баринъ былъ: и опекунъ баринъ, и Ильичъ баринъ, и жена его барыня, и писарь изъ стану тотъ же баринъ. Тутъ-то много, — ухъ! много горя приняли мужички!

Опять Нехлюдовъ испыталъ чувство, похожее на стыдъ или угрызеніе совѣсти. Онъ приподнялъ шляпу и пошелъ дальше.

VI

«Юхванка-Мудреный хочетъ лошадь продать», прочелъ Нехлюдовъ въ записной книжечкѣ и перешелъ черезъ улицу, ко двору Юхванки-Мудренаго. Юхванкина изба была тщательно покрыта соломой съ барскаго гумна и срублена изъ свѣжаго свѣтлосѣраго осиноваго лѣса (тоже изъ барскаго заказа), съ двумя выкрашенными красными ставнями у оконъ и крылечкомъ съ навѣсомъ и съ затѣйливыми, вырѣзанными изъ тесинъ перильцами. Сѣнцы и холодная изба были тоже исправныя; но общій видъ довольства и достатка, который имѣла эта связь, нарушался нѣсколько пригороженною къ воротищамъ клѣтью съ недоплетеннымъ заборомъ и раскрытымъ навѣсомъ, виднѣвшимся изъ-за нея. Въ то самое время, какъ Нехлюдовъ подходилъ съ одной стороны къ крыльцу, съ другой подходили двѣ крестьянскія женщины съ полнымъ ушатомъ. Одна изъ нихъ была жена, другая — мать Юхванки-Мудренаго. Первая была плотная румяная баба, съ необыкновенно развитою грудью и широкими мясистыми скулами. На ней была чистая, шитая на рукавахъ и воротникѣ рубаха, такая же занавѣска, новая понява, коты, бусы и вышитая красною бумагой и блестками четвероугольная щегольская кичка.

Конецъ водоноса не покачивался, а плотно лежалъ на ея широкомъ и твердомъ плечѣ. Легкое напряженіе, замѣтное въ красномъ лицѣ ея, въ изгибѣ спины и мѣрномъ движеніи рукъ и ногъ, выказывало въ ней необыкновенное здоровье и мужскую силу. Юхванкина мать, несшая другой конецъ водоноса, была, напротивъ, одна изъ тѣхъ старухъ, которыя кажутся дошедшими до послѣдняго предѣла старости и разрушенія въ живомъ человѣкѣ. Костлявый остовъ ея, на которомъ надѣта была черная, изорванная рубаха и безцвѣтная понява, былъ согнутъ, такъ что водоносъ лежалъ больше на спинѣ, чѣмъ на плечѣ ея. Обѣ руки ея, съ искривленными пальцами, которыми она, какъ будто ухватившись, держалась за водоносъ, были какого-то темно-бураго цвѣта и, казалось, не могли ужъ разгибаться; понурая голова, обвязанная какимъ-то тряпьемъ, носила на себѣ самые уродливые слѣды нищеты и глубокой старости. Изъ-подъ узкаго лба, изрытаго по всѣмъ направленіямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю два красные глаза, лишенные рѣсницъ. Одинъ желтый зубъ выказывался изъ-подъ верхней впалой губы и, безпрестанно шевелясь, сходился иногда съ острымъ подбородкомъ. Морщины на нижней части лица и горла похожи на какіе-то мѣшки, качавшіеся при каждомъ движеніи. Она тяжело и хрипло дышала; но босыя искривленныя ноги, хотя, казалось, черезъ силу волочась по землѣ, мѣрно двигались одна за другою.

VII

Почти столкнувшись съ бариномъ, молодая баба бойко составила ушатъ, потупилась, поклонилась, потомъ блестящими глазами исподлобья взглянула на барина и, стараясь рукавомъ вышитой рубашки скрыть легкую улыбку, постукивая котами, взбѣжала на сходцы.

— Ты, матушка, водоносъ-то теткѣ Настасьѣ отнеси, — сказала она, останавливаясь въ двери и обращаясь къ старухѣ.

Скромный молодой помѣщикъ строго, но внимательно посмотрѣлъ на румяную бабу, нахмурился и обратился къ старухѣ, которая, выпроставъ корявыми пальцами водоносъ, взвалила его на плечи и покорно направилась было къ сосѣдней избѣ.

— Дома сынъ твой? — спросилъ баринъ.

Старуха, согнувъ еще болѣе свой согнутый станъ, поклонилась и хотѣла сказать что-то, но, приложивъ руки ко рту, такъ закашлялась, что Нехлюдовъ, не дождавшись, вошелъ въ избу. Юхванка, сидѣвшій въ красномъ углу на лавкѣ, увидѣвъ барина, бросился къ печи, какъ будто хотѣлъ спрятаться отъ него поспѣшно сунулъ на полати какую-то вещь и, подергивая ртомъ и глазами, прижался около стѣны, какъ будто давая дорогу барину. Юхванка былъ русый парень, лѣтъ тридцати, худощавый, стройный, съ молодою остренькой бородкой, довольно красивый, если бы не бѣгающіе каріе глазки, непріятно выглядывавшіе изъ-подъ сморщенныхъ бровей, и не недостатокъ двухъ переднихъ зубовъ, который тотчасъ бросался въ глаза, потому что губы его были коротки и безпрестанно шевелились. На немъ была праздничная рубаха съ ярко-красными ластовицами, полосатыя набойчатыя портки и тяжелые сапоги съ сморщенными голенищами. Внутренность избы Юхванки не была такъ тѣсна и мрачна, какъ внутренность избы Чуриса, хотя въ ней такъ же было душно, пахло дымомъ и тулупомъ и такъ же безпорядочно было раскинуто мужицкое платье и утварь. Двѣ вещи здѣсь какъ-то странно останавливали вниманіе: небольшой погнутый самоваръ, стоявшій на полкѣ, и черная рамка съ остаткомъ грязнаго стекла и портретомъ какого-то архимандрита съ кривымъ носомъ и шестью пальцами, висѣвшая около иконы въ мѣдномъ окладѣ. Нехлюдовъ, недружелюбно посмотрѣвъ на самоваръ, на портретъ архимандрита и на полати, на которыхъ торчалъ изъ-подъ какой-то ветошки конецъ трубки въ мѣдной оправѣ, обратился къ мужику.

— Здравствуй, Епифанъ, — сказалъ онъ, глядя ему въ глаза.

Епифанъ поклонился, пробормотавъ: «здравія желаемъ, васясо», особенно нѣжно выговаривая послѣднее слово, и глаза его мгновенно обѣжали всю фигуру барина, избу, полъ и потолокъ, не останавливаясь ни на чемъ: потомъ онъ торопливо подошелъ къ полатямъ, стащилъ оттуда зипунъ и сталъ надѣвать его.

— Зачѣмъ ты одѣваешься? — сказалъ Нехлюдовъ, садясь на лавку и видимо стараясь, какъ можно строже смотрѣть на Епифана.

— Какъ же, помилуйте, васясо, развѣ можно? Мы, кажется, можемъ понимать...

— Я зашелъ къ тебѣ узнать, зачѣмъ тебѣ нужно продать лошадь, и много ли у тебя лошадей, и какую ты лошадь продать хочешь? — сухо сказалъ баринъ, видимо повторяя приготовленные вопросы.

— Мы много довольны вашему сясу, что не побрезгали зайти ко мнѣ, къ мужику, — отвѣчалъ Юхванка, бросая быстрые взгляды на портретъ архимандрита, на печку, на сапоги барина и на всѣ предметы, исключая лица Нехлюдова. — Мы всегда за вашего сяса Богу молимъ...

— Зачѣмъ тебѣ лошадь продать? — повторилъ Нехлюдовъ, возвышая голосъ и прокашливаясь.

Юхванка вздохнулъ, встряхнулъ волосами (взглядъ его опять обѣжалъ избу) и, замѣтивъ кошку, которая спокойно мурлыкала, лежа на лавкѣ, крикнулъ на нее «брысь, подлая», и торопливо оборотился къ барину. — Лошадь, которая, васясо, негодная... Коли бы животина добрая была, я бы продавать не сталъ, васясо.

— А сколько у тебя всѣхъ лошадей?

— Три лошади, васясо.

— А жеребятъ нѣтъ?

— Какъ можно-съ, васясо! И жеребенокъ есть.

VIII

— Пойдемъ, покажи мнѣ своихъ лошадей; онѣ у тебя на дворѣ?

— Такъ точно-съ, васясо; какъ мнѣ приказано, такъ и сдѣлано, васясо. Развѣ мы можемъ ослушаться вашего сяса? Мнѣ приказалъ Яковъ Алпатычъ, чтобы, молъ, лошадей завтра въ поле не пущать: князь смотрѣть будутъ, мы и не пущали. Ужъ мы не смѣемъ ослушаться вашего сяса.

Покуда Нехлюдовъ выходилъ въ двери, Юхванка досталъ трубку съ полатей и закинулъ ее за печку; губы его все такъ же безпокойно передергивались и въ то время, какъ баринъ не смотрѣлъ на него.

Худая сивая кобыленка перебирала подъ навѣсомъ прѣлую солому; двухмѣсячный длинноногій жеребенокъ какого-то неопредѣленнаго цвѣта, съ голубоватыми ногами и мордой, не отходилъ отъ ея тощаго засореннаго репьями хвоста. Посерединѣ двора, зажмурившись и задумчиво опустивъ голову, стоялъ утробистый гнѣдой меренокъ, съ виду хорошая мужицкая лошадка.

— Такъ тутъ всѣ твои лошади?

— Никакъ нѣтъ-съ, васясо; вотъ еще кобылка, да вотъ жеребеночекъ, — отвѣчалъ Юхванка, указывая на лошадей, которыхъ баринъ не могъ не видѣть.

— Я вижу. Такъ какую же ты хочешь продать?

— А вотъ евту-съ, васясо, — отвѣчалъ онъ, махая полой зипуна на задремавшаго меренка и безпрестанно мигая и передергивая губами. Меренокъ открылъ глаза и лѣниво повернулся къ нему хвостомъ.

— Онъ не старый на видъ и собой лошадка плотная, — сказалъ Нехлюдовъ. — Поймай-ка его да покажи мнѣ зубы. Я узнаю, стара ли она.

— Никакъ не можно поймать-съ одному, васясо. Вся скотина гроша не стоитъ, а норовистая — и зубомъ и передомъ, васясо, — отвѣчалъ Юхванка, улыбаясь очень весело и пуская глаза въ разныя стороны.

— Что за вздоръ! Поймай, тебѣ говорятъ.

Юхванка долго улыбался, переминался и только тогда, когда Нехлюдовъ сердито крикнулъ: «ну! что-жъ ты?» бросился подъ навѣсъ, принесъ обротъ и сталъ гоняться за лошадью, пугая ее и подходя сзади, а не спереди.

Молодому барину видимо надоѣло смотрѣть на это, да и хотѣлось, можетъ-быть, показать свою ловкость.

— Дай сюда оброть! — сказалъ онъ.

— Помилуйте! какъ можно васясу? Не извольте...

Но Нехлюдовъ прямо съ головы подошелъ къ лошади и, вдругъ ухвативъ ее за уши, пригнулъ къ землѣ съ такой силой, что меренокъ, который, какъ оказывалось, былъ очень смирная мужицкая лошадка, зашатался и захрипѣлъ, стараясь вырваться. Когда Нехлюдовъ замѣтилъ, что совершенно напрасно было употреблять такія усилія, и взглянулъ на Юхванку, который не переставалъ улыбаться, ему пришла въ голову самая обидная въ его лѣта мысль, что Юхванка смѣется надъ нимъ и мысленно считаетъ его ребенкомъ. Онъ покраснѣлъ, выпустилъ уши лошади и, безъ помощи оброти открывъ ей ротъ, посмотрѣлъ въ зубы: клыки были цѣлы, чашки полныя, что̀ все уже успѣлъ выучить молодой хозяинъ: стало-быть, лошадь молодая.

Юхванка въ это время отошелъ къ навѣсу и, замѣтивъ, что борона лежала не на мѣстѣ, поднялъ ее и, прислонивъ къ плетню, поставилъ стоймя.

— Поди сюда! — крикнулъ баринъ съ дѣтски раздосадованнымъ выраженіемъ въ лицѣ и чуть не со слезами досады и злобы въ голосѣ. — Что, эта лошадь старая?

— Помилуйте, васясо, очень стара, годовъ двадцать будетъ.... которая лошадь...

— Молчать! Ты лгунъ и негодяй, потому что честный мужикъ не станетъ лгать: ему не зачѣмъ! — сказалъ Нехлюдовъ, задыхаясь отъ гнѣвныхъ слезъ, которыя подступали ему къ горлу. Онъ замолчалъ, чтобы не осрамиться, расплакавшись при мужикѣ. Юхванка тоже молчалъ и съ видомъ человѣка, который сейчасъ заплачетъ, посапывалъ носомъ и слегка подергивалъ головой. — Ну, на чемъ же ты выѣдешь пахать, когда продашь эту лошадь? — продолжалъ Нехлюдовъ, успокоившись достаточно, чтобы говорить обыкновеннымъ голосомъ. — Тебя нарочно посылаютъ на пѣшія работы, чтобы ты поправлялся лошадьми къ пахотѣ, а ты послѣднюю хочешь продать? А главное, зачѣмъ ты лжешь?

Какъ только баринъ успокоился, и Юхванка успокоился. Онъ стоялъ прямо и, все такъ же передергивая губами, перебѣгалъ глазами отъ одного предмета къ другому.

— Мы вашему сясу, — отвѣчалъ онъ, — не хуже другихъ на работу выѣдемъ.

— Да на чемъ же ты выѣдешь?

— Ужъ будьте покойны, вашего сяса работу справимъ, — отвѣчалъ онъ, нукая на мерина и отгоняя его. — Коли бы не нужны деньги, то сталъ бы развѣ продавать.

— Зачѣмъ тебѣ нужны деньги?

— Хлѣба нѣтути ничего, васясо, да и долги отдать мужичкамъ надоти, васясо.

— Какъ хлѣба нѣту? Отчего же у другихъ, у семейныхъ, еще есть, а у тебя, безсемейнаго, нѣту? Куда же онъ дѣвался?

— Ѣли, ваше сясо, а теперь ни крохи нѣтъ. Лошадь я къ осени куплю, васясо.

— Лошадь продавать и думать не смѣй!

— Что-жъ, васясо, коли такъ, то какая же наша жизнь будетъ? И хлѣба нѣту, и продавать ничего не смѣй,—отвѣчалъ онъ совсѣмъ на сторону, передергивая губы и кидая вдругъ дерзкій взглядъ прямо на лицо барина: — значитъ, съ голоду помирать надо.

— Смотри, братъ! — закричалъ Нехлюдовъ, блѣднѣя и испытывая злобное чувство личности противъ мужика: — такихъ мужиковъ, какъ ты, я держать не стану. Тебѣ дурно будетъ.

— На то воля вашего сяса, — отвѣчалъ онъ, закрывая глаза съ притворно-покорнымъ выраженіемъ, — коли я вамъ не заслужилъ. А, кажется, за мной никакого пороку не замѣчено. Извѣстно, ужъ коли я вашему сіясу не полюбился, то все въ волѣ вашей состоитъ; только не знаю, за что я страдать долженъ.

— А вотъ за что: что у тебя дворъ раскрытъ, навозъ не запаханъ, плетни поломаны, а ты сидишь дома да трубку куришь, а не работаешь; за то, что ты своей матери, которая тебѣ все хозяйство отдала, куска хлѣба не даешь, позволяешь ее своей женѣ бить и доводишь до того, что она ко мнѣ жаловаться приходила.

— Помилуйте, ваше сіясо, я и не знаю, какія это трубки бываютъ, — отвѣчалъ смущенно Юхванка, котораго, видно, преимущественно оскорбило обвиненіе въ куреніи трубки. — Про человѣка все сказать можно.

— Вотъ ты опять лжешь! Я самъ видѣлъ...

— Какъ я смѣю лгать вашему сіясу!

Нехлюдовъ молчалъ и, кусая губу, сталъ ходить взадъ и впередъ по двору, Юхванка, стоя на одномъ мѣстѣ, не поднимая глазъ, слѣдилъ за ногами барина.

— Послушай, Епифанъ, — сказалъ Нехлюдовъ дѣтски-кроткимъ голосомъ, останавливаясь передъ мужикомъ и стараясь скрыть свое волненіе, — этакъ жить нельзя, и ты себя погубишь. Подумай хорошенько. Если ты мужикомъ хорошимъ хочешь быть, такъ ты свою жизнь перемѣни, оставь свои привычки дурныя, не лги, не пьянствуй, уважай свою мать. Вѣдь я про тебя все знаю. Занимайся хозяйствомъ, а не тѣмъ, чтобы казенный лѣсъ воровать да въ кабакъ ходить. Подумай, что̀ тутъ хорошаго! Коли тебѣ въ чемъ-нибудь нужда, то приди ко мнѣ, попроси прямо, что нужно и зачѣмъ, и не лги, а всю правду скажи, и тогда я тебѣ не откажу ни въ чемъ, что только могу сдѣлать.

— Помилуйте, васясо, мы, кажется, можемъ понимать вашего сяса! — отвѣчалъ Юхванка, улыбаясь, какъ будто вполнѣ понимая всю прелесть шутки барина.

Эта улыбка и отвѣтъ совершенно разочаровали Нехлюдова въ надеждѣ тронуть мужика и увѣщаніями обратить на путь истинный. Притомъ ему все казалось, что неприлично ему, имѣющему власть, усовѣщевать своего мужика, и что все, что̀ онъ говорилъ, совсѣмъ не то, что̀ слѣдуетъ говорить. Онъ грустно опустилъ голову и вышелъ въ сѣни. На порогѣ сидѣла старуха и громко стонала, какъ казалось, въ знакъ сочувствія словамъ барина, которыя она слышала.

— Вотъ вамъ на хлѣбъ, — сказалъ ей на ухо Нехлюдовъ, кладя въ руку ассигнацію: — только сама покупай, а не давай Юхванкѣ, а то онъ пропьетъ.

Старуха костлявою рукой ухватилась за притолоку, чтобы встать, и собралась благодарить барина, голова ея закачалась, но Нехлюдовъ былъ уже на другой сторонѣ улицы, когда она встала.

IX

«Давыдка Бѣлый просилъ хлѣба и кольевъ», значилось въ записной книжкѣ послѣ Юхванки.

Пройдя нѣсколько дворовъ, Нехлюдовъ при поворотѣ въ переулокъ встрѣтился съ своимъ приказчикомъ, Яковомъ Алпатычемъ, который, издалека увидѣвъ барина, снялъ клеенчатую фуражку и, доставъ фуляровый платокъ, сталъ обтирать толстое красное лицо.

— Надѣнь, Яковъ! Яковъ, надѣнь же, я тебѣ говорю...

— Гдѣ изволили быть, ваше сіятельство? — спросилъ Яковъ, защищаясь фуражкою отъ солнца, но не надѣвая ее.

— Былъ у Мудренаго. Скажи, пожалуйста, отчего онъ такой сдѣлался? — сказалъ баринъ, продолжая идти впередъ по улицѣ.

— А что, ваше сіятельство? — отозвался управляющій, который въ почтительномъ разстояніи слѣдовалъ за бариномъ и, надѣвъ фуражку, расправлялъ усы.

— Какъ что́? Онъ совершенный негодяй, лѣнтяй, воръ, лгунъ, мать свою мучитъ и, какъ видно, такой закоренѣлый негодяй, что никогда не исправится.

— Не знаю, ваше сіятельство, что онъ вамъ такъ не понравился...

— И жена его, — перебилъ баринъ управляющаго, — кажется, прегадкая женщина. Старуха хуже всякой нищей одѣта, ѣсть нечего, а она разряженная, и онъ тоже. Что съ нимъ дѣлать, я рѣшительно не знаю.

Яковъ замѣтно смутился, когда Нехлюдовъ заговорилъ про жену Юхванки.

— Что-жъ, коли онъ такъ себя попустилъ, ваше сіятельство, — началъ онъ, — то надо мѣры изыскать. Онъ точно въ бѣдности, какъ и всѣ одинокіе мужики, но онъ все-таки себя сколько-нибудь наблюдаетъ, не такъ, какъ другіе. Онъ мужикъ умный, грамотный, и ничего, честный, кажется, мужикъ. При сборѣ подушныхъ онъ всегда ходитъ. И старостой при моемъ ужъ управленіи три года ходилъ, тоже ничѣмъ не замѣченъ. Въ третьемъ годѣ опекуну угодно было его ссадить, такъ онъ и на тяглѣ исправенъ былъ. Нешто, какъ въ городу на почтѣ живалъ, то хмелемъ немного позашибется, такъ надо мѣры изыскать. Бывало, зашалитъ, постращаешь — онъ опять въ свой разумъ приходитъ: и ему хорошо, и въ семействѣ ладъ; а какъ вамъ не угодно, значитъ, эти мѣры употреблять, то ужъ я и не знаю, что съ нимъ будемъ дѣлать. Онъ точно себя очень попустилъ. Въ солдаты опять не годится, потому, какъ изволили замѣтить, двухъ зубовъ нѣтъ, еще давно нарочно выбилъ. Да и не онъ одинъ, осмѣлюсь вамъ доложить, что совершенно страху не имѣютъ...

— Ужъ это оставь, Яковъ, — отвѣчалъ Нехлюдовъ, слегка улыбаясь, — про это мы съ тобой говорили и переговорили. Ты знаешь, какъ я объ этомъ думаю, и что̀ ты мнѣ ни говори, я все такъ же буду думать.

— Конечно, ваше сіятельство, вамъ это все извѣстно, — сказалъ Яковъ, пожимая плечами и глядя сзади на барина такъ, какъ будто то, что онъ видѣлъ, не обѣщало ничего хорошаго. — А что насчетъ старухи вы изволите безпокоиться, то это напрасно, — продолжалъ онъ. — Оно, конечно, что она сиротъ воспитала, вскормила и женила Юхвана и все такое; но вѣдь это вообще въ крестьянствѣ, когда мать или отецъ сыну хозяйство передали, то ужъ хозяинъ — сынъ и сноха, а старуха ужъ должна свой хлѣбъ зарабатывать по силѣ, по мочи. Они, конечно, тѣхъ чувствъ нѣжныхъ не имѣютъ, но ужъ въ крестьянствѣ вообще такъ ведется. То и осмѣлюсь вамъ доложить, что напрасно старуха васъ трудила. Она старуха умная и хозяйка: да что-жъ господина изъ-за всего безпокоить? Ну, поссорилась съ снохой, та, можетъ-быть, ее и толкнула — бабье дѣло! — помирились бы опять, чѣмъ васъ безпокоить. Ужъ вы и такъ слишкомъ все изволите къ сердцу принимать, — говорилъ управляющій, съ отеческой нѣжностью и снисходительностью глядя на барина, который, молча, большими шагами шелъ передъ нимъ вверхъ по улицѣ.

— Домой изволите? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, къ Давыдкѣ Бѣлому, или Козлу... какъ онъ прозывается?

— Вотъ тоже лядъ-то, доложу вамъ. Ужъ вся эта порода Козловъ такая. Чего-чего съ нимъ ни дѣлалъ, ничего не беретъ. Вчера по полю крестьянскому проѣхалъ, а у него и гречиха не посѣяна; что прикажете дѣлать съ такимъ народцемъ? Хоть бы старикъ-то сына училъ, а то такой же лядъ: ни на себя, ни на барщину, все какъ чрезъ пень колоду валитъ. Ужъ что-что съ нимъ не дѣлали и опекунъ, и я: и въ станъ посылали, и дома наказывали — вотъ что̀ вы не изволите любить...

— Кого, неужели старика?

— Старика-съ. Опекунъ сколько разъ и при всей сходкѣ наказывалъ, такъ вѣрите ли, ваше сіятельство, хоть бы те что: встряхнется, пойдетъ, и все то же. И вѣдь Давыдка, доложу вамъ, мужикъ смирный и неглупый мужикъ, и не куритъ, не пьетъ то-есть, — объяснилъ Яковъ, — а вотъ хуже пьянаго другого. Одно что въ солдаты коли выйдетъ или на поселенье, больше дѣлать нечего. Эта вся ужъ порода Козловъ такая: и Матрюшка, что̀ въ черной живетъ, тоже ихней семьи, такой же лядъ проклятый. Такъ я вамъ не нуженъ, ваше сіятельство? — прибавилъ управляющій, замѣчая, что баринъ не слушаетъ его.

— Нѣтъ, ступай, — разсѣянно отвѣчалъ Нехлюдовъ и направился къ Давыдкѣ Бѣлому.

Давыдкина изба криво и одиноко стояла на краю деревни. Около нея не было ни двора, ни овина, ни амбара; только какіе-то грязные хлѣвушки для скотины лѣпились съ одной стороны; съ другой стороны кучею навалены были приготовленные для двора хворостъ и бревна. Высокій зеленый бурьянъ росъ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ. Никого, кромѣ свиньи, которая, лежа въ грязи, визжала у порога, не было около избы.

Нехлюдовъ постучалъ въ разбитое окно; но такъ какъ никто не отзывался ему, онъ подошелъ къ сѣнямъ и крикнулъ: «хозяева!» И на это никто не откликнулся. Онъ прошелъ сѣни, заглянулъ въ пустые хлѣвушки и вошелъ въ отворенную избу. Старый красный пѣтухъ и двѣ курицы, подергивая ожерельями и постукивая ногтями, расхаживали по полу и лавкамъ. Увидѣвъ человѣка, они съ отчаяннымъ кудахтаньемъ, распустивъ крылья, забились по стѣнамъ, и одна изъ нихъ вскочила на печку. Шестиаршинную избенку всю занимали печь съ разломанною трубой, ткацкій станъ, который, несмотря на лѣтнее время, не былъ вынесенъ, и почернѣвшій столъ съ выгнутою треснувшею доскою. Хотя на дворѣ было сухо, однако у порога стояла грязная лужа, образовавшаяся въ прежній дождь отъ течи въ потолкѣ и крышѣ. Полатей не было. Трудно было подумать, чтобы мѣсто это было жилое, — такой рѣшительный видъ запустѣнія и безпорядка носила на себѣ какъ наружность, такъ и внутренность избы; однако въ этой избѣ жилъ Давыдка Бѣлый со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ настоящую минуту, несмотря на жаръ іюньскаго дня, Давыдка, свернувшись съ головой въ полушубокъ, крѣпко спалъ, забившись въ уголъ печи. Испуганная курица, вскочившая на печь и еще не успокоившаяся отъ волненія, расхаживая по спинѣ Давыдки, не разбудила его.

Не видя никого въ избѣ, Нехлюдовъ хотѣлъ уже выйти, какъ протяжный, влажный вздохъ изобличилъ хозяина.

— Эй! кто тутъ? — крикнулъ баринъ.

Съ печки послышался другой протяжный вздохъ.

— Кто тамъ? Поди сюда!

Еще вздохъ, мычанье и громкій зѣвокъ отозвались на крикъ барина.

— Ну, что-жъ ты?

На печи медленно зашевелилось; показалась пола истертаго тулупа; спустилась одна большая нога въ изорванномъ лаптѣ, потомъ другая, и наконецъ показалась вся фигура Давыдки Бѣлаго, сидѣвшаго на печи и лѣниво и недовольно большимъ кулакомъ протиравшаго глаза. Медленно нагнувъ голову, онъ, зѣвая, взглянулъ въ избу, и, увидѣвъ барина, сталъ поворачиваться немного скорѣе, чѣмъ прежде, но все еще такъ тихо, что Нехлюдовъ успѣлъ раза три пройти отъ лужи къ ткацкому стану и обратно, а Давыдка все еще слѣзалъ съ печи. Давыдка Бѣлый былъ дѣйствительно бѣлый: и волоса, и тѣло, и лицо его — все было чрезвычайно бѣло. Онъ былъ высокъ ростомъ и очень толстъ, но толстъ, какъ бываютъ мужики, то-есть не животомъ, а тѣломъ. Толщина его, однако, была какая-то мягкая, нездоровая. Довольно красивое лицо его, съ свѣтло-голубыми, спокойными глазами и съ широкой окладистой бородой, носило на себѣ отпечатокъ болѣзненности. На немъ не было замѣтно ни загара, ни румянца; оно все было какого-то блѣднаго, желтоватаго цвѣта, съ легкимъ лиловымъ оттѣнкомъ около глазъ, и какъ будто все заплыло жиромъ или распухло. Руки его были пухлы, желтоваты, какъ руки людей, больныхъ водяною, и покрыты тонкими бѣлыми волосами. Онъ такъ разоспался, что никакъ не могъ совсѣмъ открыть глазъ и стоять не пошатываясь и не зѣвая.

— Ну, какъ же тебѣ не совѣстно, — началъ Нехлюдовъ, — середь бѣлаго дня спать, когда тебѣ дворъ строить надо, когда у тебя хлѣба нѣтъ?...

Какъ только Давыдка опомнился отъ сна и сталъ понимать, что передъ нимъ стоитъ баринъ, онъ сложилъ руки подъ животъ, опустилъ голову, склонивъ ее немного на бокъ, и не двигался ни однимъ членомъ. Онъ молчалъ; но выраженіе лица его и положеніе всего тѣла говорило: «Знаю, знаю; ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну бейте же, коли такъ надо, — я снесу». Онъ, казалось, желалъ, чтобы баринъ пересталъ говорить, а поскорѣе прибилъ его, даже больно прибилъ по пухлымъ щекамъ, но оставилъ поскорѣе въ покоѣ. Замѣчая, что Давыдка не понимаетъ его, Нехлюдовъ разными вопросами старался вывести мужика изъ его покорно-терпѣливаго молчанія.

— Для чего же ты просилъ у меня лѣсу, когда онъ у тебя вотъ уже цѣлый мѣсяцъ лежитъ, и самое свободное время, такъ лежитъ, а?

Давыдка упорно молчалъ и не двигался.

— Ну, отвѣчай же!

Давыдка промычалъ что-то и моргнулъ своими бѣлыми рѣсницами.

— Вѣдь надо работать, братецъ: безъ работы что же будетъ? Вотъ теперь у тебя хлѣба нѣтъ, а все это отчего? Оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвоена, да не во-время засѣяна, — все отъ лѣни. Ты просишь у меня хлѣба: ну, положимъ, я тебѣ дамъ, потому что нельзя тебѣ съ голоду умирать, да вѣдь этакъ дѣлать не годится. Чей хлѣбъ я тебѣ дамъ? какъ ты думаешь, чей? Ты отвѣчай: чей хлѣбъ я тебѣ дамъ? — упорно допрашивалъ Нехлюдовъ.

— Господскій, — пробормоталъ Давыдка, робко и вопросительно поднимая глаза.

— А господскій-то откуда? Разсуди-ка самъ, кто подъ него вспахалъ, заскородилъ? кто его посѣялъ, убралъ? Мужички? такъ? Такъ вотъ видишь ли: ужъ если раздавать хлѣбъ господскій мужикамъ, такъ надо раздавать больше тѣмъ, которые больше за нимъ работали, а ты меньше всѣхъ — на тебя и на барщинѣ жалуются — меньше всѣхъ работалъ, а больше всѣхъ господскаго хлѣба просишь. За что же тебѣ давать, а другимъ нѣтъ? Вѣдь коли бы всѣ, какъ ты, на боку лежали, такъ мы давно всѣ бы на свѣтѣ съ голоду умерли. Надо, братецъ, трудиться, а это дурно — слышишь, Давыдъ?

— Слушаю-съ, — медленно пропустилъ онъ сквозь зубы.

X

Въ это время мимо окна мелькнула голова крестьянской женщины, несшей полотна на коромыслѣ, и чрезъ минуту въ избу вошла Давыдкина мать, высокая женщина лѣтъ пятидесяти, весьма свѣжая и живая. Изрытое рябинами и морщинами лицо ея было некрасиво, но прямой, твердый носъ, сжатыя, тонкія губы и быстрые сѣрые глаза выражали умъ и энергію. Угловатость плечъ, плоскость груди, сухость рукъ и развитіе мышцъ на черныхъ босыхъ ногахъ ея свидѣтельствовали о томъ, что она уже давно перестала быть женщиной и была только работникомъ. Она бойко вошла въ избу, притворила дверь, обдернула поняву и сердито взглянула на сына. Нехлюдовъ что-то хотѣлъ сказать ей, но она отвернулась отъ него и начала креститься на выглядывавшую изъ-за ткацкаго стана черную деревянную икону. Окончивъ это дѣло, она оправила грязный клѣтчатый платокъ, которымъ была повязана голова ея, и низко поклонилась барину.

— Съ праздникомъ Христовымъ, ваше сіятельство, — сказала она. — Спаси тебя Богъ, отецъ ты нашъ...

Увидавъ мать, Давыдка замѣтно смутился, согнулъ нѣсколько спину и еще ниже опустилъ шею.

— Спасибо, Арина, — отвѣчалъ Нехлюдовъ. — Вотъ я сейчасъ съ твоимъ сыномъ говорилъ о вашемъ хозяйствѣ.

Арина, или, какъ ее прозвали мужики еще въ дѣвкахъ, Аришка-Бурлакъ, подперла подбородокъ кулакомъ правой руки, которая опиралась на ладонь лѣвой и, не дослушавъ барина, начала говорить такъ рѣзко и звонко, что вся изба наполнилась звукомъ ея голоса и со двора могло показаться, что вдругъ говорятъ нѣсколько бабьихъ голосовъ.

— Чего, отецъ ты мой, чего съ нимъ говорить! Вѣдь онъ и говорить-то не можетъ, какъ человѣкъ. Вотъ онъ стоитъ, олухъ, — продолжала она, презрительно указывая головой на жалкую массивную фигуру Давыдки. — Какое *мое* хозяйство, батюшка, ваше сіятельство? Мы — голь; хуже насъ во всей слободѣ у тебя нѣтъ: ни на себя, ни на барщину — срамъ! А все онъ довелъ. Родили, кормили, поили, не чаяли дождаться парня. Вотъ и дождались: хлѣбъ лопаетъ, а работы отъ него, какъ отъ прѣлой вотъ той колоды. Только знаетъ на печи лежать, либо вотъ стоитъ, башку свою дурацкую скребетъ, — сказала она, передразнивая его. — Хоть бы его ты, отецъ, постращалъ бы, что ли. Ужъ я сама прошу: накажи ты его ради Господа Бога, въ солдаты ли — одинъ конецъ. Мòчи моей съ нимъ не стало — вотъ что.

— Ну какъ тебѣ не грѣшно, Давыдка, doродить до этого свою мать? — сказалъ Нехлюдовъ, съ укоризной обращаясь къ мужику.

Давыдка не двигался.

— Вѣдь добро бы мужикъ хворый былъ, — съ тою же живостью и тѣми же жестами продолжала Арина, — а то вѣдь только смотрѣть на него, вѣдь словно боровъ съ мельницы раздулся. Есть, кажись, чему бы работать, — гладухъ какой! Нѣтъ, вотъ пропадаетъ на печи лодыремъ. Возьмется за что, такъ не глядѣли бы мои глаза: коли поднимется, коли передвинется, коли что, — говорила она, растягивая слова и неуклюже поворачивая съ боку на бокъ своими угловатыми плечами. — Вѣдь вотъ нынче старикъ самъ за хворостомъ въ лѣсъ уѣхалъ, а ему наказалъ ямы копать: такъ нѣтъ вотъ, и лопаты въ руки не бралъ... (На минуту она замолчала). Загубилъ онъ меня, сироту! — взвизгнула она вдругъ, размахнувъ руками и съ угрожающимъ жестомъ подходя къ сыну. — Гладкая твоя морда лядащая, прости Господи!... (Она презрительно и вмѣстѣ отчаянно отвернулась отъ него, плюнула и снова обратилась къ барину, съ тѣмъ же одушевленіемъ и со слезами на глазахъ продолжая размахивать руками). — Вѣдь все одна, кормилецъ. Старикъ-отъ мой хворый, старый, да и тоже проку въ немъ нѣтъ, а я все одна да одна. Камень — и тотъ треснетъ. Хоть бы помереть, такъ легче было-бъ: одинъ конецъ. Заморилъ онъ меня, подлецъ! Отецъ ты нашъ! мочи моей ужъ нѣтъ! Невѣстка съ работы извелась — и мнѣ то же будетъ.

XI

— Какъ извелась? — недовѣрчиво спросилъ Нехлюдовъ.

— Съ натуги, кормилецъ, какъ Богъ святъ, извелась. Взяли мы ее за прошлый годъ изъ Бабурина, — продолжала она, вдругъ перемѣняя свое озлобленное выраженіе на слезливое и печальное, — ну, баба была молодая, свѣжая, смирная, родной. Дома-то у отца, въ дѣвкахъ, въ холѣ жила, нужды не видала, и какъ къ намъ поступила, какъ нашу работу узнала — и на барщину, и дома, и вездѣ... Она да я — только и было. Мнѣ что? Я баба привычная, она же въ тяжести была, отецъ ты мой, да горе стала терпѣть, а все черезъ силу работала — ну, и надорвалась, сердечная. Лѣтось, Петровками, еще на бѣду мальчишку родила, а хлѣбушка не было, кой-что, кой-что ѣли, отецъ ты мой, работа же спѣшная подошла — у ней груди и пересохни. Дѣтенокъ первенькій былъ, коровенки нѣтути, да и дѣло наше мужицкое: гдѣ ужъ рожкомъ выкормить; ну, извѣстно, бабья глупость, она этимъ пуще убиваться стала. А какъ дѣтенокъ померъ, ужъ она съ той кручины выла-выла, голосила-голосила, да нужда, да работа, все хуже да хуже: такъ извелась въ лѣто, сердечная, что къ Покрову и сама скончалась. Онъ ее порѣшилъ, бестія, — снова съ отчаянною злобой обратилась она къ сыну. — Что я тебя просить хотѣла, ваше сіятельство, — продолжала она послѣ небольшого молчанія, понижая голосъ и кланяясь.

— Что? — разсѣянно спросилъ Нехлюдовъ, еще взволнованный ея разсказомъ.

— Вѣдь онъ мужикъ еще молодой. Отъ меня ужъ какой работы ждать: нынче жива, а завтра помру. Какъ ему безъ жены быть? Вѣдь онъ тебѣ не мужикъ будетъ. Обдумай ты насъ какъ-нибудь, отецъ ты нашъ.

— То-есть ты женить его хочешь? Что-жъ, это дѣло.

— Сдѣлай Божескую милость; вы наши отцы-матери.

И, сдѣлавъ знакъ своему сыну, она съ нимъ вмѣстѣ грохнулась въ ноги барину.

— Зачѣмъ ты въ землю кланяешься? — говорилъ Нехлюдовъ, съ досадой поднимая ее за плечи. — Развѣ нельзя такъ сказать? Ты знаешь, что я этого не люблю. Жени сына, пожалуйста, я очень радъ, коли у тебя есть невѣста на примѣтѣ.

Старуха поднялась и стала рукавомъ утирать сухіе глаза. Давыдка послѣдовалъ ея примѣру и, потеревъ глаза пухлымъ кулакомъ, въ томъ же терпѣливо-покорномъ положеніи продолжалъ стоять и слушать, что говорила Арина.

— Невѣсты-то есть, какъ не быть! Вотъ Васютка Михейкина, дѣвка ничего, да вѣдь безъ твоей воли не пойдетъ.

— Развѣ она не согласна?

— Нѣтъ, кормилецъ, коли по согласію пойдетъ!

— Ну, такъ что-жъ дѣлать? Я принуждать не могу; поищите другую: не у себя, такъ у чужихъ; я выкуплю, только бы шла по своей охотѣ, а насильно выдать замужъ нельзя. И закона такого нѣтъ, да и грѣхъ это большой.

— Э-э-эхъ, кормилецъ! да статочное ли дѣло, глядя на нашу жизнь да на нашу нищету, чтобъ охотой пошла? Солдатка самая — и та такой нужды на себя принять не захочетъ. Какой мужикъ дѣвку къ намъ во дворъ отдастъ? Отчаянный не отдастъ. Вѣдь мы голь, нищета. Одну, скажутъ, почитай что съ голоду заморили, такъ и моей то же будетъ. Кто отдастъ? — прибавила она, недовѣрчиво качая головой, — разсуди, ваше сіятельство.

— Такъ что жъ я могу сдѣлать?

— Обдумай ты насъ какъ-нибудь, родимый! — повторила убѣдительно Арина. — Что-жъ намъ дѣлать?

— Да что-жъ я могу обдумать? Я тоже ничего не могу сдѣлать для васъ въ этомъ случаѣ.

— Кто-жъ насъ обдумаетъ, коли не ты? — сказала Арина, опустивъ голову и съ выраженіемъ печальнаго недоумѣнія разводя руками.

— Вотъ хлѣба вы просили, такъ я прикажу вамъ отпустить, — сказалъ баринъ послѣ небольшого молчанія, во время котораго Арина вздыхала и Давыдка вторилъ ей. — А больше я ничего не могу сдѣлать.

Нехлюдовъ вышелъ въ сѣни. Мать и сынъ, кланяясь, вышли за бариномъ.

XII

— О-охъ, сиротство мое! — сказала Арина, тяжело вздыхая.

Она остановилась и сердито взглянула на сына. Давыдка тотчасъ повернулся и, тяжело переваливъ черезъ порогъ свою толстую ногу въ огромномъ грязномъ лаптѣ, скрылся въ противоположной двери.

— Что я съ нимъ буду дѣлать, отецъ? — продолжала Арина, обращаясь къ барину. — Вѣдь самъ видишь, какой онъ! Онъ вѣдь мужикъ не плохой, не пьяный и смирный мужикъ, ребенка малаго не обидитъ — грѣхъ напрасно сказать; худого за нимъ ничего нѣту, а ужъ и Богъ знаетъ, что такое съ нимъ попритчилось, что онъ самъ себѣ злодѣй сталъ. Вѣдь онъ и самъ тому не радъ. Вѣришь ли, батюшка, сердце кровью обливается, на него глядя, какую онъ муку принимаетъ. Вѣдь какой ни есть, а моя утроба носила; жалѣю его, ужъ какъ жалѣю!... Вѣдь онъ не то, чтобы супротивъ меня, али отца, али начальства что бы дѣлалъ, онъ мужикъ боязливый, сказать, что дитя малое. Какъ ему вдовцомъ быть? Обдумай ты насъ, кормилецъ, — повторила она, видимо желая изгладить дурное впечатлѣніе, которое ея брань могла произвести на барина. — Я, батюшка, ваше сіятельство, — продолжала она довѣрчивымъ шопотомъ, — и такъ клала, и этакъ прикидывала: ума не приложу, отчего онъ такой. Не иначе, какъ испортили его злые люди.

Она помолчала немного.

— Коли найти человѣка, его излѣчить можно.

— Какой вздоръ ты говоришь, Арина! Какъ можно испортить?

— И, отецъ ты мой, такъ испортятъ, что и навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаютъ! Мало ли дурныхъ людей на свѣтѣ! По злобѣ вынетъ горсть земли изъ-подъ слѣду... или что тамъ... и навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ. Долго ли до грѣха? Я такъ себѣ думаю: не сходить ли мнѣ къ Дундуку старику, что въ Воробьевкѣ живетъ: онъ знаетъ всякія слова, и травы знаетъ, и порчу снимаетъ, и съ креста воду спущаетъ: такъ не пособитъ ли онъ! — говорила баба. — Може, онъ его излѣчитъ.

«Вотъ она, нищета-то и невѣжество!» думалъ молодой баринъ, грустно наклонивъ голову и шагая большими шагами внизъ по деревнѣ. «Что мнѣ дѣлать съ нимъ? Оставить его въ этомъ положеніи невозможно и для себя, и для примѣра другихъ, и для него самого, невозможно», говорилъ онъ себѣ, высчитывая на пальцахъ эти причины. «Я не могу видѣть его въ этомъ положеніи, а чѣмъ вывести его? Онъ уничтожаетъ всѣ мои лучшіе планы въ хозяйствѣ. Если останутся такіе мужики, мечты мои никогда не сбудутся», подумалъ онъ, испытывая досаду и злобу на мужика за разрушеніе его плановъ. «Сослать на поселенье, какъ говоритъ Яковъ, коли онъ самъ не хочетъ, чтобъ ему было хорошо, или въ солдаты? Точно: по крайней мѣрѣ, и отъ него избавлюсь и еще замѣню хорошаго мужика», разсуждалъ онъ.

Онъ думалъ объ этомъ съ удовольствіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то неясное сознаніе говорило ему, что онъ думаетъ только одною стороной ума и что-то не хорошо. Онъ остановился. «Постой, о чемъ я думаю?» сказалъ онъ самъ себѣ.

«Да, въ солдаты, на поселенье. За что? Онъ хорошій человѣкъ, лучше многихъ, да и почемъ я знаю... Отпустить на волю?» подумалъ онъ, разсматривая вопросъ не одною стороной ума, какъ прежде, «несправедливо да и невозможно». Но вдругъ ему пришла мысль, которая очень обрадовала его; онъ улыбнулся съ выраженіемъ человѣка, разрѣшившаго себѣ трудную задачу. «Взять во дворъ», сказалъ онъ самъ себѣ, «самому наблюдать за нимъ и кротостью, и увѣщаніями, выборомъ занятій пріучать къ работѣ и исправлять его».

XIII

«Такъ и сдѣлаю», съ радостнымъ самодовольствомъ сказалъ самъ себѣ Нехлюдовъ и, вспомнивъ, что ему надо было еще зайти къ богатому мужику Дутлову, онъ направился къ высокой и просторной связи, съ двумя трубами, стоявшей посрединѣ деревни. Подходя къ ней, онъ столкнулся у сосѣдней избы съ высокою ненарядною бабой, лѣтъ сорока, шедшей ему навстрѣчу.

— Съ праздникомъ, батюшка, — сказала ему, нисколько не робѣя, баба, останавливаясь подлѣ него и радушно улыбаясь и кланяясь.

— Здравствуй, кормилица! — отвѣчалъ онъ. — Какъ поживаешь? Вотъ иду къ твоему сосѣду.

— Такъ-съ, батюшка, ваше сіятельство, хорошее дѣло. А что къ намъ не пожалуете? Ужъ какъ бы мой старикъ радъ былъ.

— Что-жъ, зайду, потолкуемъ съ тобой, кормилица. Это твоя изба?

— Эта самая, батюшка.

И кормилица побѣжала впередъ. Войдя вслѣдъ за нею въ сѣни, Нехлюдовъ сѣлъ на кадушку, досталъ и закурилъ папиросу.

— Тамъ жарко; лучше здѣсь посидимъ, потолкуемъ, — отвѣчалъ онъ на приглашеніе кормилицы войти въ избу. Кормилица была еще свѣжая и красивая женщина. Въ чертахъ лица ея и особенно въ большихъ черныхъ глазахъ было большое сходство съ лицомъ барина. Она сложила руки подъ занавѣской и, смѣло глядя на барина и безпрестанно виляя головой, начала говорить съ нимъ:

— Что-жъ это, батюшка, зачѣмъ изволите къ Дутлову жаловать?

— Да хочу, чтобъ онъ у меня землю нанялъ десятинъ тридцать и свое бы хозяйство завелъ, да еще, чтобы лѣсъ онъ купилъ со мной вмѣстѣ. Вѣдь деньги у него есть, такъ что-жъ имъ такъ даромъ лежать? Какъ ты объ этомъ думаешь, кормилица?

— Да что-жъ? Извѣстно, батюшка, Дутловы люди сильные; во всей вотчинѣ, почитай, первый мужикъ, — отвѣчала кормилица, поматывая головой. — Лѣтось другую связь изъ своего лѣса поставилъ, господъ не трудили. Лошадей у нихъ, окромя жеребятъ да подростковъ, троекъ шесть соберется, а скотины, коровъ да овецъ, какъ съ поля гонятъ да бабы выйдутъ на улицу загонять, такъ въ воротахъ ихъ то сопрется, что бѣда; да и пчелъ-то колодокъ сотни двѣ, не то больше живетъ. Мужикъ очинно сильный и деньги должны быть.

— А какъ ты думаешь, много у него денегъ? — спросилъ баринъ.

— Люди говорятъ, — извѣстно по злобѣ, можетъ, что у старика деньги не малыя; ну да про то онъ сказывать не станетъ и сыновьямъ не открываетъ, а должны быть. Отчего ему рощей не заняться? Нѐшто побоится славу про деньги пустить. Онъ тоже, годовъ пять тому, лугами было съ Шкаликомъ дворникомъ, въ долѣ помалости сталъ займаться, да обманулъ, что ли, его Шкаликъ-то, такъ рублевъ триста пропало у старика; съ тѣхъ поръ и бросилъ. Да какъ имъ исправнымъ не быть, батюшка, ваше сіятельство! — продолжала кормилица: — при трехъ земляхъ живутъ, семья большая, все работники, да и старикъ-отъ — что же худо говорить — сказать, что хозяинъ настоящій. Во всемъ-то ему задача, что дивится народъ даже; и на хлѣбъ, и на лошадей, и на скотину, и на пчелъ, и на ребятъ-то счастье. Теперь всѣхъ поженилъ. То у своихъ дѣвокъ бралъ, а теперь Илюшку на вольной женилъ, самъ откупилъ. И тоже баба хорошая вышла.

— Что-жъ они, ладно живутъ? — спросилъ баринъ.

— Какъ въ дому настоящая голова есть, то и ладъ будетъ. Хоть бы Дутловы — извѣстно, бабье дѣло: невѣстки за печкой полаются, полаются, а все подъ старикомъ-то и сыновья ладно живутъ.

Кормилица помолчала немного.

— Теперь старикъ бо́льшаго сына, Карпа, слыхать, хочетъ хозяиномъ въ дому поставить. Старъ, молъ, ужъ сталъ: мое дѣло около пчелъ. Ну, Карпъ-то и хорошій мужикъ, мужикъ аккуратный, а все далеко противъ старика хозяиномъ не выйдетъ. Ужъ того разуму нѣту!

— Такъ вотъ Карпъ захочетъ, можетъ-быть, заняться и землей, и рощами, какъ ты думаешь? — сказалъ баринъ, желавшій отъ кормилицы выпытать все, что она знала про своихъ сосѣдей.

— Врядъ ли, батюшка,— продолжала кормилица: — старикъ сыну денегъ не открывалъ. Пока самъ живъ да деньги у него въ домѣ, значитъ, все стариковъ разумъ орудуетъ; да и они больше извозомъ займаются.

— А старикъ не согласится?

— Побоится.

— Чего же онъ побоится?

— Да какъ же можно, батюшка, мужику господскому свои деньги объявить? Неровенъ случай, и всѣхъ денегъ рѣшится! Вотъ съ дворникомъ въ дѣла вошелъ, да и ошибся. Гдѣ-жъ ему съ нимъ судиться! Такъ и пропали деньги; а съ помѣщикомъ-то ужъ вовсе квитъ какъ разъ будетъ.

— Да, отъ этого... — сказалъ Нехлюдовъ, краснѣя. — Прощай, кормилица.

— Прощайте, батюшка, ваше сіятельство. Покорно благодаримъ.

XIV

«Не идти ли домой?» подумалъ Нехлюдовъ, подходя къ воротамъ Дутловыхъ и чувствуя какую-то неопредѣленную грусть и моральную усталость.

Но въ это время новыя тесовыя ворота со скрипомъ отворились предъ нимъ, и красивый, румяный, бѣлокурый парень, лѣтъ восемнадцати, въ ямской одеждѣ, показался въ воротахъ, ведя за собой тройку крѣпконогихъ, еще потныхъ, косматыхъ лошадей, и, бойко встряхнувъ бѣлыми волосами, поклонился барину.

— Что, отецъ дома, Илья? — спросилъ Нехлюдовъ.

— На осикѣ, за дворомъ, — отвѣчалъ парень, проводя одну за другою лошадей въ полуотворенныя ворота.

«Нѣтъ, выдержу характеръ, предложу ему, сдѣлаю, что отъ меня зависитъ», подумалъ Нехлюдовъ, и, пропустивъ лошадей, вошелъ на просторный дворъ Дутлова. Видно было, что со двора недавно былъ вывезенъ навозъ: земля была еще черная, потная и мѣстами, особенно въ воротищахъ, валялись красные волокнистые клочья. На дворѣ и подъ высокими навѣсами въ порядкѣ стояло много телѣгъ, сохъ, саней, колодокъ, кадокъ и всякаго крестьянскаго добра; голуби перепархивали и ворковали въ тѣни подъ широкими, прочными стропилами; пахло навозомъ и дегтемъ. Въ одномъ углу Карпъ и Игнатъ прилаживали новую подушку подъ большую троечную окованную телѣгу. Всѣ три сына Дутловы были почти на одно лицо. Меньшой, Илья, встрѣтившійся Нехлюдову въ воротахъ, былъ безъ бороды, поменьше ростомъ, румянѣе и наряднѣе старшихъ; второй, Игнатъ, былъ повыше ростомъ, почернѣе, имѣлъ бородку клиномъ и, хотя былъ тоже въ сапогахъ, ямской рубахѣ и поярковой шляпѣ, не имѣлъ того праздничнаго, беззаботнаго вида, какъ меньшой братъ. Старшій, Карпъ, былъ еще выше ростомъ, носилъ лапти, сѣрый кафтанъ и рубаху безъ ластовиковъ, имѣлъ окладистую рыжую бороду и видъ не только серьезный, но почти мрачный.

— Прикажете батюшку послать, ваше сіятельство? — сказалъ онъ, подходя къ барину и слегка и неловко кланяясь.

— Нѣтъ, я самъ пройду къ нему на осикъ, — посмотрю его устройство тамъ; а мнѣ съ тобой поговорить нужно, — сказалъ Нехлюдовъ, отходя въ другую сторону двора съ тѣмъ, чтобъ Игнатъ не могъ слышать того, что онъ намѣренъ былъ говорить съ Карпомъ.

Самоувѣренность и нѣкоторая гордость, замѣтная во всѣхъ пріемахъ этихъ двухъ мужиковъ, и то, что сказала ему кормилица, такъ смущали молодого барина, что ему трудно было рѣшиться говорить съ ними о предполагаемомъ дѣлѣ. Онъ чувствовалъ себя какъ будто виноватымъ, и ему казалось легче говорить съ однимъ братомъ такъ, чтобы другой не слышалъ. Карпъ какъ будто удивился, зачѣмъ баринъ отводитъ его въ сторону, но послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ что, — началъ Нехлюдовъ, заминаясь: — я хотѣлъ тебя спросить: много ли у васъ лошадей?

— Троекъ пять наберется, жеребятки есть тоже, — развязно отвѣчалъ Карпъ, почесывая спину.

— Что, братья твои на почтѣ ѣздятъ?

— Гоняемъ почту на трехъ тройкахъ, а то Илюшка въ извозъ ходилъ; вотъ только вернулся.

— Что-жъ, это вамъ выгодно? Сколько вы этимъ зарабатываете?

— Да какая выгода, ваше сіятельство? По крайности кормимся съ лошадьми — и то слава Богу.

— Такъ зачѣмъ же вы другимъ чѣмъ-нибудь не займетесь? Вѣдь можно бы вамъ лѣса покупать или землю нанимать.

— Оно, конечно, ваше сіятельство, землю нанять можно, когда бы гдѣ сподручная была.

— Я вотъ что хочу вамъ предложить: чѣмъ вамъ извозомъ заниматься, чтобы только кормиться, наймите вы лучше землю десятинъ тридцать у меня. Весь клинъ, что за Саповымъ, я вамъ отдамъ, да заведите свое хозяйство большое.

И Нехлюдовъ, увлеченный своимъ планомъ о крестьянской фермѣ, который онъ не разъ самъ съ собою повторялъ и передумывалъ, уже не запинаясь, сталъ объяснять мужику свое предположеніе о мужицкой фермѣ. Карпъ слушалъ очень внимательно слова барина.

— Мы много довольны вашею милостію, — сказалъ онъ, когда Нехлюдовъ, замолчавъ, посмотрѣлъ на него, ожидая отвѣта. — Извѣстно, тутъ худого ничего нѣтъ. Землей заниматься мужику лучше, чѣмъ съ кнутикомъ ѣздить. По чужимъ людямъ ходитъ, всякаго народа видитъ, — балуется нашъ братъ. Самое хорошее дѣло, что землей мужику заниматься.

— Такъ какъ ты думаешь?

— Поколи батюшка живъ, такъ я что-жъ думать могу, ваше сіятельство? На то воля его.

— Проведи-ка меня на осикъ; я поговорю съ нимъ.

— Сюда пожалуйте, — сказалъ Карпъ, медленно направляясь къ заднему сараю. Онъ отворилъ низенькую калитку, ведущую на осикъ, и, пропустивъ въ нее барина и затворивъ ее, подошелъ къ Игнату и молча принялся за прерванную работу.

XV

Нехлюдовъ, нагнувшись, прошелъ черезъ низенькую калитку изъ-подъ тѣнистаго навѣса на находившійся за дворомъ осикъ. Небольшое пространство, окруженное соломой и просвѣчивающими плетнями, въ которомъ симметрично стояли покрытые обрѣзками досокъ ульи, съ шумно вьющеюся около нихъ золотистою пчелою, было все залито горячими блестящими лучами іюньскаго солнца. Отъ калитки протоптанная тропинка вела на середину къ деревянному голубцу съ стоявшимъ на немъ фольговымъ образкомъ, ярко блестѣвшимъ на солнцѣ. Нѣсколько молодыхъ липъ, стройно подымавшихъ выше соломенной крыши сосѣдняго двора свои кудрявыя макушки, вмѣстѣ съ звукомъ жужжанія пчелъ, чуть слышно колыхались своею темно-зеленою свѣжею листвой. Всѣ тѣни, отъ крытаго забора, отъ липъ и отъ ульевъ, покрытыхъ досками, черно и коротко падали на мелкую, курчавую траву, пробивавшуюся между ульями. Согнутая небольшая фигурка старика съ блестящею на солнцѣ, открытою сѣдою головой и плѣшью виднѣлась около двери рубленнаго, крытаго свѣжею соломой мшеника, стоявшаго между липами. Услышавъ скрипъ калитки, старикъ оглянулся и, отирая полой рубахи свое потное, загорѣлое лицо, и кротко, радостно улыбаясь, пошелъ навстрѣчу барину.

Въ пчельникѣ было такъ уютно, радостно, тихо, прозрачно; фигура сѣдого старичка съ лучеобразными частыми морщинками около глазъ, въ какихъ-то широкихъ башмакахъ, надѣтыхъ на босую ногу, который, переваливаясь и добродушно, самодовольно улыбаясь, привѣтствовалъ барина въ своихъ исключительныхъ владѣніяхъ, была такъ простодушно ласкова, что Нехлюдовъ мгновенно забылъ тяжелыя впечатлѣнія нынѣшняго утра, и его любимая мечта живо представилась ему. Онъ видѣлъ уже всѣхъ своихъ крестьянъ такими же богатыми, добродушными, какъ старикъ Дутловъ, и всѣ ласково и радостно улыбались ему, потому что ему одному были обязаны своимъ богатствомъ и счастіемъ.

— Не прикажете ли сѣтку, ваше сіятельство? Теперь пчела злая, кусаетъ, — сказалъ старикъ, снимая съ забора пахнущій медомъ грязный холстинный мѣшокъ, пришитый къ лубку, и предлагая его барину. — Меня пчела знаетъ, не кусаетъ, — прибавилъ онъ съ кроткой улыбкой, которая почти не сходила съ его красиваго загорѣлаго лица.

— Такъ и мнѣ не нужно. Что, роится ужъ? — спросилъ Нехлюдовъ, самъ не зная чему, тоже улыбаясь.

— Коли роится, батюшка, Митрій Миколаевичъ, — отвѣчалъ старикъ, выражая какую-то особенную ласку въ этомъ названіи барина по имени и отчеству: — вотъ только, только что брать зачала какъ слѣдъ. Нынче весна холодная была, изволите знать.

— А вотъ я читалъ въ книжкѣ, — началъ Нехлюдовъ, отмахиваясь отъ пчелы, которая, забившись ему въ волоса, жужжала подъ самымъ ухомъ, —что коли вощина прямо стоитъ по жердочкамъ, то пчела раньше роится. Для этого дѣлаютъ такіе ульи изъ досокъ... съ перекладин...

— Вы не извольте махать: она хуже, — сказалъ старичокъ. — А то сѣтку не прикажете ли подать?

Нехлюдову было больно, но по какому-то дѣтскому самолюбію ему не хотѣлось признаться въ этомъ, и онъ, еще разъ отказавшись отъ сѣтки, продолжалъ разсказывать старичку о томъ устройствѣ ульевъ, про которое онъ читалъ въ *Maison Rustique* и при которомъ, по его мнѣнію, должно было въ два раза больше роиться; но пчела ужалила его въ шею, и онъ сбился и замялся въ срединѣ разсужденія.

— Оно точно, батюшка, Митрій Миколаевичъ, — сказалъ старикъ, съ отеческимъ покровительствомъ глядя на барина, — точно въ книжкѣ пишутъ. Да, можетъ, это такъ — дурно писано, что вотъ, молъ, онъ сдѣлаетъ, какъ мы пишемъ, а мы посмѣемся потомъ. И это бываетъ! Какъ можно пчелу учить, куда ей вощину крѣпить? Она сама по колодкѣ норовитъ, другой разъ поперекъ, а то прямо. Вотъ извольте посмотрѣть, — прибавилъ онъ, оттыкая одну изъ ближайшихъ колодокъ и заглядывая въ отверстіе, покрытое шумящею и ползающею пчелой по кривымъ вощинамъ: — вотъ эта молодая; она видать, въ головѣ у ней матка сидитъ, а вощину она и прямо и въ бокъ ведетъ, какъ ей по колодкѣ лучше, — говорилъ старикъ, видимо увлекаясь своимъ любимымъ предметомъ и не замѣчая положенія барина. — Вотъ нынче она съ калошкой идетъ, нынче день теплый, все видать, — прибавилъ онъ, затыкая опять улей и прижимая тряпкой ползающую пчелу, и потомъ огребая грубою ладонью нѣсколько пчелъ съ морщинистаго затылка. Пчелы не кусали его; но зато Нехлюдовъ ужъ едва могъ удерживаться отъ желанія выбѣжать изъ пчельника: пчелы мѣстахъ въ трехъ ужалили его и жужжали со всѣхъ сторонъ около его головы и шеи.

— А много у тебя колодокъ? — спросилъ онъ, отступая къ калиткѣ.

— Что Богъ далъ, — отвѣчалъ Дутловъ, посмѣиваясь: — считать не надо, батюшка: пчела не любитъ. Вотъ, ваше сіятельство, я просить вашу милость хотѣлъ, — продолжалъ онъ, указывая на тоненькія колодки, стоящія у забора, — объ Осипѣ, кормилицыномъ мужѣ; хоть бы вы ему заказали: въ своей деревнѣ такъ дурно дѣлать по сосѣдству нехорошо.

— Какъ дурно дѣлать?... Ахъ, однако онѣ кусаютъ! — отвѣчалъ баринъ, уже взявшись за ручку калитки.

— Да вотъ, что ни годъ, свою пчелу на моихъ молодыхъ напущаетъ. Имъ бы поправляться, а чужая пчела у нихъ вощину повытаскаетъ да и подсѣкаетъ, — говорилъ старикъ, не замѣчая ужимокъ барина.

— Хорошо, послѣ, сейчасъ... — проговорилъ Нехлюдовъ и, не въ силахъ уже болѣе терпѣть, отмахиваясь обѣими руками, рысью выбѣжалъ въ калитку.

— Землей потереть: оно ничего, — сказалъ старикъ, выходя на дворъ вслѣдъ за бариномъ. Баринъ потеръ землею то мѣсто, гдѣ былъ ужаленъ, краснѣя, быстро оглянулся на Карпа и Игната, которые не смотрѣли на него, и сердито нахмурился.

XVI

— Что я насчетъ ребятъ хотѣлъ просить ваше сіятельство, — сказалъ старикъ, какъ будто или дѣйствительно не замѣчая грознаго вида барина.

— Что?

— Да вотъ лошадками, слава те Господи, мы исправны, и батракъ есть, такъ барщина за нами не постоитъ.

— Такъ что-жъ?

— Коли бы милость ваша была, ребятъ на оброкъ отпустить, такъ Илюшка съ Игнатомъ въ извозъ бы на трехъ тройкахъ пошли на все лѣто: може, что бы и заработали.

— Куда-жъ они пойдутъ?

— Да какъ придется, — вмѣшался Илюшка, который въ это время, привязавъ лошадей подъ навѣсъ, подошелъ къ отцу. — Кадминскіе ребята на восьми тройкахъ въ Роменъ ѣздили, такъ, говорятъ, прокормились да десятка по три на тройку домой привезли; а то и въ Одестъ, — говорятъ, кормы дешевые.

— Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ тобой, — сказалъ баринъ, обращаясь къ старику и желая половчѣе навести его на разговоръ о фермѣ. — Скажи, пожалуйста, развѣ выгоднѣе ѣздить въ извозъ, чѣмъ дома хлѣбопашествомъ заниматься?

— Когда не выгоднѣе, ваше сіятельство! — опять вмѣшался Илья, бойко встряхивая волосами: — дома-то лошадей кормить нечѣмъ.

— Ну, а сколько ты въ лѣто выработаешь?

— Да вотъ съ весны, на что корма дорогіе были, мы въ Кіевъ съ товарами ѣздили, въ Курскомъ опять до Москвы крупу наложили, такъ и сами прокормились, и лошади сыты были, да и пятнадцать рублевъ денегъ привезъ.

— Оно не бѣда заниматься честнымъ промысломъ, какимъ бы то ни было, — сказалъ баринъ, снова обращаясь къ старику, — но мнѣ кажется, что можно бы другое занятіе найти; да и работа эта такая, что ѣздитъ молодой малый вездѣ, всякій народъ видитъ, избаловаться можетъ, — прибавилъ онъ, повторяя слова Карпа.

— Чѣмъ же нашему брату, мужику, заниматься, какъ не извозомъ? — возразилъ старикъ съ своею кроткой улыбкой. — Съѣздишь хорошо — и самъ сытъ и лошади сыты; а что насчетъ баловства, такъ они у меня, слава ти Господи, не первый годъ ѣздятъ, да и самъ я ѣзжалъ, и дурного ни отъ кого не видалъ, окромѣ добраго.

— Мало ли чѣмъ другимъ вы бы могли заняться дома: и землей, и лугами...

— Какъ можно, ваше сіятельство! — подхватилъ Илюшка съ одушевленіемъ: — ужъ мы съ этимъ родились, всѣ эти порядки намъ извѣстные, способное для насъ дѣло, самое любезное дѣло, ваше сіятельство, какъ нашему брату съ рядой ѣздить!

— А что, ваше сіятельство, просимъ чести, въ избу не пожалуете ли? На новосельи еще не изволили быть, — сказалъ старикъ, низко кланяясь и мигая сыну. Илюшка рысью побѣжалъ въ избу, а вслѣдъ за нимъ вмѣстѣ со старикомъ, вошелъ и Нехлюдовъ.

XVII

Войдя въ избу, старикъ еще разъ поклонился, смахнулъ полой зипуна съ лавки передняго угла и, улыбаясь, спросилъ:

— Чѣмъ васъ просить, ваше сіятельство?

Изба была бѣлая (съ трубой), просторная, съ полатями и нарами. Свѣжія осиновыя бревна, между которыми виднѣлся недавно завядшій мохъ, еще не почернѣли; новыя лавки и полати не огладились, и полъ еще не убился. Одна молодая, худощавая, съ продолговатымъ, задумчивымъ лицомъ крестьянская женщина, жена Ильи, сидѣла на нарахъ и качала ногой зыбку, на длинномъ шестѣ привѣшанную къ потолку. Въ зыбкѣ, чуть замѣтно дыша и закрывъ глазенки, раскинувшись дремалъ грудной ребенокъ; другая, плотная, краснощекая баба, хозяйка Карпа, засучивъ выше локтя сильныя, загорѣлыя выше кисти руки, передъ печью крошила лукъ въ деревянной чашкѣ. Рябая беременная баба, закрываясь рукавомъ, стояла около печи. Въ избѣ, кромѣ солнечнаго жара, было жарко отъ печи и сильно пахло только что испеченнымъ хлѣбомъ. Съ полатей съ любопытствомъ поглядывали внизъ, на барина, бѣлокурыя головки двухъ парнишекъ и дѣвочки, забравшихся туда въ ожиданіи обѣда.

Нехлюдову было радостно видѣть это довольство и вмѣстѣ съ тѣмъ было почему-то совѣстно передъ бабами и дѣтьми, которыя всѣ смотрѣли на него. Онъ, краснѣя, сѣлъ на лавку.

— Дай мнѣ горячаго хлѣба кусочекъ, я его люблю, — сказалъ онъ и покраснѣлъ еще больше.

Карпова хозяйка отрѣзала большой кусокъ хлѣба и на тарелкѣ подала его барину. Нехлюдовъ молчалъ, не зная, что сказать; бабы тоже молчали; старикъ кротко улыбался.

«Однако чего же я стыжусь? точно я виноватъ въ чемъ-нибудь, — подумалъ Нехлюдовъ. — Отчего же мнѣ не сдѣлать предложенія о фермѣ? Какая глупость?» Однако онъ все молчалъ.

— Что-жъ, батюшка, Митрій Миколаевичъ, какъ насчетъ ребятъ-то прикажете? — сказалъ старикъ.

— Да я бы тебѣ совѣтовалъ вовсе не отпускать ихъ, а найти здѣсь имъ работу, — вдругъ собравшись съ духомъ, выговорилъ Нехлюдовъ. — Я, знаешь, что тебѣ придумалъ: купи ты со мной пополамъ рощу въ казенномъ лѣсу да еще землю...

— Какъ же, ваше сіятельство, на какія же деньги покупать будемъ? — перебилъ онъ барина.

— Да вѣдь небольшую рощу, рублей въ двѣсти, — замѣтилъ Нехлюдовъ.

Старикъ сердито усмѣхнулся.

— Хорошо, кабы были, отчего не купить, — сказалъ онъ.

— Развѣ у тебя ужъ этихъ денегъ нѣтъ? — съ упрекомъ сказалъ баринъ.

— Охъ, батюшка, ваше сіятельство! — отвѣчалъ съ грустью въ голосѣ старикъ, оглядываясь къ двери, — только бы семью прокормить, а ужъ намъ не рощи покупать.

— Да вѣдь есть у тебя деньги, что-жъ имъ такъ лежать? — настаивалъ Нехлюдовъ.

Старикъ вдругъ пришелъ въ сильное волненіе; глаза его засверкали, плечи стало подергивать.

— Може злые люди про меня сказали, — заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — такъ, вѣрите Богу, — говорилъ онъ, одушевляясь все болѣе и болѣе и обращая глаза къ иконѣ, — что вотъ лопни мои глаза, провались я на семъ мѣстѣ, коли у меня что есть, окромѣ пятнадцати цѣлковыхъ, что Илюшка привезъ, и то подушныя платить надо — вы сами изволите знать, избу поставили...

— Ну, хорошо, хорошо! — сказалъ баринъ, вставая съ лавки. — Прощайте, хозяева.

XVIII

«Боже мой! Боже мой! — думалъ Нехлюдовъ, большими шагами направляясь къ дому по тѣнистымъ аллеямъ заросшаго сада и разсѣянно обрывая листья и вѣтви, попадавшіеся ему на дорогѣ, — неужели вздоръ были всѣ мои мечты о цѣли и обязанностяхъ моей жизни? Отчего мнѣ тяжело, грустно, какъ будто я недоволенъ собой, тогда какъ я воображалъ, что, разъ найдя эту дорогу, я постоянно буду испытывать ту полноту нравственно удовлетвореннаго чувства, которую испыталъ въ то время, когда мнѣ въ первый разъ пришли эти мысли?» И онъ съ необыкновенной живостью и ясностью перенесся воображеніемъ за годъ тому назадъ, къ этой счастливой минутѣ.

Рано-рано утромъ онъ всталъ прежде всѣхъ въ домѣ и, мучительно волнуемый какими-то затаенными, невыраженными порывами юности, безъ цѣли вышелъ въ садъ, оттуда въ лѣсъ и среди майской, сильной, сочной, но спокойной природы долго бродилъ одинъ, безъ всякихъ мыслей, страдая избыткомъ какого-то чувства и не находя выраженія ему. То со всею прелестью неизвѣстнаго юное воображеніе его представляло ему сладострастный образъ женщины, и ему казалось, что вотъ оно, невыраженное желаніе. Но какое-то другое, высшее чувство говорило: *не то*, и заставляло его искать чего-то другого. То неопытный, пылкій умъ его, возносясь все выше и выше, въ сферу отвлеченія, открывалъ, какъ казалось ему, законы бытія, и онъ съ гордымъ наслажденіемъ останавливался на этихъ мысляхъ. Но снова высшее чувство говорило: *не то*, и снова заставляло его искать и волноваться. Безъ мыслей и желаній, какъ это всегда бываетъ послѣ усиленной дѣятельности, онъ легъ на спину подъ деревомъ и сталъ смотрѣть на прозрачныя утреннія облака, пробѣгавшія надъ нимъ по глубокому, безконечному небу. Вдругъ, безъ всякой причины, на глаза его навернулись слезы, и, Богъ знаетъ какимъ путемъ, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую онъ ухватился съ наслажденіемъ, — мысль, что любовь и добро есть истина и счастіе, и одна истина и одно возможное счастіе въ мірѣ. Высшее чувство не говорило: *не то;* онъ приподнялся и сталъ повѣрять эту мысль. «Оно, оно, такъ!» говорилъ онъ себѣ съ восторгомъ, мѣняя всѣ прежнія убѣжденія, всѣ явленія жизни на вновь открытую, ему казалось, совершенно новую истину. «Какая глупость все то, что я зналъ, чему вѣрилъ и что любилъ», говорилъ онъ самъ себѣ. «Любовь, самоотверженіе — вотъ одно истинное, независимое отъ случая счастіе!» твердилъ онъ, улыбаясь и размахивая руками. Со всѣхъ сторонъ прикладывая эту мысль къ жизни и находя ей подтвержденіе и въ жизни, и въ томъ внутреннемъ голосѣ, говорившемъ ему, что это — *то*, онъ испытывалъ новое для него чувство радостнаго волненія и восторга. «Итакъ, я долженъ дѣлать добро, чтобъ быть счастливымъ», думалъ онъ, и вся будущность его уже не отвлеченно, а въ образахъ, въ формѣ помѣщичьей жизни живо рисовалась передъ нимъ.

Онъ видѣлъ передъ собой огромное поприще для цѣлой жизни, которую онъ посвятилъ на добро и въ которой, слѣдовательно, будетъ счастливъ. Ему не надо искать сферы дѣятельности: она готова; у него есть прямая обязанность, — у него есть крестьяне... И какой отрадный и благодарный трудъ представляется ему: «дѣйствовать на этотъ простой, воспріимчивый, неиспорченный классъ народа, избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать имъ образованіе, которымъ, по счастію, я пользуюсь, исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность! И за все это я, который буду дѣлать это для собственнаго счастія, я буду наслаждаться благодарностью ихъ, буду видѣть, какъ съ каждымъ днемъ я дальше и дальше иду къ предположенной цѣли. Чудная будущность! Какъ могъ я прежде не видать этого?»

«И кромѣ этого, — въ то же время думалъ онъ, — кто мнѣ мѣшаетъ самому быть счастливымъ въ любви къ женщинѣ, въ счастіи семейной жизни?» И юное воображеніе рисовало ему еще болѣе обворожительную будущность. «Я и жена, которую я люблю такъ, какъ никто никогда никого не любилъ на свѣтѣ, мы всегда живемъ среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, съ дѣтьми, можетъ-быть, со старухой теткой; у насъ есть наша взаимная любовь, любовь къ дѣтямъ, и мы оба знаемъ, что наше назначеніе — добро. Мы помогаемъ другъ другу идти къ этой цѣли. Я дѣлаю общія распоряженія, даю общія, справедливыя пособія, завожу ферму, сберегательныя кассы, мастерскія, а она, съ своею хорошенькой головкой, въ простомъ бѣломъ платьѣ, поднимая его надъ стройною ножкой, идетъ по грязи въ крестьянскую школу, въ лазаретъ, къ несчастному мужику, по справедливости заслуживающему помощи, и вездѣ утѣшаетъ, помогаетъ... Дѣти, старики, бабы обожаютъ ее и смотрятъ на нее, какъ на какого-то ангела, на Провидѣніе. Потомъ она возвращается и скрываетъ отъ меня, что ходила къ несчастному мужику и дала ему денегъ, но я все знаю и крѣпко обнимаю ее и крѣпко и нѣжно цѣлую ея прелестные глаза, стыдливо краснѣющія щеки и улыбающіяся румяныя губы» . . . .

. . . .

XIX

«Гдѣ эти мечты? — думалъ теперь юноша, послѣ своихъ посѣщеній, подходя къ дому. — Вотъ ужъ больше года, что я ищу счастія на этой дорогѣ, и что-жъ я нашелъ? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собою, но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собой! Я недоволенъ, потому что я здѣсь не знаю счастія, а желаю, страстно желаю счастія. Я не испыталъ наслажденій и уже отрѣзалъ отъ себя все, что даетъ ихъ. Зачѣмъ? за что? Кому отъ этого стало легче? Правду писала тетка, что легче самому найти счастіе, чѣмъ дать его другимъ. Развѣ богаче стали мои мужики? образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле. Если-бъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, если-бъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, безпомощность. Я даромъ трачу лучшіе годы жизни», подумалъ онъ, и ему почему-то вспомнилось, что сосѣди, какъ онъ слышалъ отъ няни, называли его недорослемъ; что денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось; что выдуманная имъ новая молотильная машина, къ общему смѣху мужиковъ, только свистѣла, а ничего не молотила, когда ее въ первый разъ при многочисленной публикѣ пустили въ ходъ въ молотильномъ сараѣ; что со дня на день надо было ожидать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предпріятіями. И вдругъ такъ же живо, какъ прежде представлялась ему деревенская прогулка по лѣсу и мечта о помѣщичьей жизни, такъ же живо представилась ему его московская студенческая комнатка, въ которой онъ поздно ночью сидитъ, при одной свѣчкѣ, съ своимъ товарищемъ и обожаемымъ шестнадцатилѣтнимъ другомъ. Они часовъ пять сряду читали и повторяли какія-то скучныя записки гражданскаго права и, окончивъ ихъ, послали за ужиномъ, сложились на бутылку шампанскаго и разговорились о будущности, которая ожидаетъ ихъ. Какъ совсѣмъ иначе представлялась будущность молодому студенту! Тогда будущность была полна наслажденій, разнообразной дѣятельности, блеска успѣховъ и несомнѣнно вела ихъ обоихъ къ лучшему, какъ тогда казалось, благу въ мірѣ — къ славѣ.

«Онъ уже идетъ и быстро идетъ по этой дорогѣ, — подумалъ Нехлюдовъ про своего друга, — а я...»

Но въ это время онъ уже подходилъ къ крыльцу дома, около котораго стояло человѣкъ десять мужиковъ и дворовыхъ, съ различными просьбами дожидавшихся барина, и отъ мечтаній онъ долженъ былъ обратиться къ дѣйствительности.

Тутъ была и оборванная, растрепанная и окровавленная крестьянская женщина, которая съ плачемъ жаловалась на свекра, будто бы хотѣвшаго убить ее; тутъ были два брата, ужъ второй годъ дѣлившіе между собой свое крестьянское хозяйство и съ отчаянною злобой смотрѣвшіе другъ на друга; тутъ былъ и небритый сѣдой дворовый, съ дрожащими отъ пьянства руками, котораго сынъ его, садовникъ, привелъ къ барину, жалуясь на его безпутное поведеніе; тутъ былъ мужикъ, выгнавшій свою бабу изъ дома за то, что она цѣлую весну не работала; тутъ была и эта больная баба, его жена, которая, всхлипывая и ничего не говоря, сидѣла на травѣ у крыльца и выказывала свою воспаленную, небрежно обвязанную какимъ-то грязнымъ тряпьемъ, распухшую ногу...

Нехлюдовъ выслушалъ всѣ просьбы и жалобы и, посовѣтовавъ однимъ, разобравъ другихъ и обѣщавъ третьимъ, испытывая какое-то смѣшанное чувство усталости, стыда, безсилія и раскаянія, прошелъ въ свою комнату.

XX

Въ небольшой комнатѣ, которую занималъ Нехлюдовъ, стоялъ старый кожаный диванъ, обитый мѣдными гвоздиками, нѣсколько такихъ же креселъ, раскинутый старинный бостонный столъ съ инкрустаціями, углубленіями и мѣдной оправой, на которомъ лежали бумаги, и старинный, желтенькій открытый англійскій рояль съ истертыми, погнувшимися узенькими клавишами. Между окнами висѣло большое зеркало въ старой позолоченной рѣзной рамѣ. На полу, окола стола, лежали кипы бумагъ, книгъ и счетовъ. Вообще вся комната имѣла безхарактерный и безпорядочный видъ; и этотъ живой безпорядокъ составлялъ рѣзкую противоположность съ чопорнымъ, старинно барскимъ убранствомъ другихъ комнатъ большого дома. Войдя въ комнату, Нехлюдовъ сердито бросилъ шляпу на столъ и сѣлъ на стулъ, стоявшій передъ рояломъ, положивъ ногу на ногу и опустивъ голову.

— Что завтракать будете, ваше сіятельство? — сказала вошедшая въ это время высокая, худая, сморщенная старуха въ чепцѣ, большомъ платкѣ и ситцевомъ платьѣ.

Нехлюдовъ оглянулся на нее и помолчалъ немного, какъ будто опоминаясь.

— Нѣтъ, не хочется, няня, — сказалъ онъ и снова задумался.

Няня сердито покачала на него головой и вздохнула:

— Эхъ, батюшка, Дмитрій Николаевичъ, что скучаете? И не такое горе бываетъ, — все пройдетъ, ей-Богу...

— Да я и не скучаю. Съ чего ты взяла, матушка Маланья Ѳиногеновна? — отвѣчалъ Нехлюдовъ, стараясь улыбнуться.

— Да какъ не скучать, развѣ я не вижу? — съ жаромъ начала говорить няня: — день-денской одинъ одинешенекъ. И все-то вы къ сердцу принимаете, до всего сами доходите; ужъ и кушать почти ничего не стали. Развѣ это резонъ? Хоть бы въ городъ поѣхали или къ сосѣдямъ, а то виданное ли дѣло? Ваши года молодые, такъ обо всемъ сокрушаться! Ты меня извини, батюшка, я сяду, — продолжала няня, садясь около двери. — Вѣдь такую повадку дали, что ужъ никто не боится. Развѣ такъ господа дѣлаютъ? Ничего тутъ хорошаго нѣтъ; только себя губишь, да и народъ-то балуется. Вѣдь нашъ народъ какой: онъ этого не чувствуетъ, право. Хоть бы къ тетенькѣ поѣхалъ: она правду писала... — усовѣщевала его няня.

Нехлюдову все становилось грустнѣе и грустнѣе. Правая рука его, опиравшаяся на колѣнѣ, вяло дотронулась до клавишей. Вышелъ какой-то аккордъ, другой, третій... Нехлюдовъ подвинулся ближе, вынулъ изъ кармана другую руку и сталъ играть. Аккорды, которые онъ бралъ, были иногда не подготовлены, даже не совсѣмъ правильны, часто были обыкновенны до пошлости и не показывали въ немъ никакого музыкальнаго таланта, но ему доставляло это занятіе какое-то неопредѣленное, грустное наслажденіе. При всякомъ измѣненіи гармоніи онъ съ замираніемъ сердца ожидалъ, что изъ него выйдетъ, и, когда выходило что-то, онъ смутно дополнялъ воображеніемъ то, чего недоставало. Ему казалось, что онъ слышитъ сотни мелодій: и хоръ, и оркестръ, сообразный съ его гармоніей. Главное же наслажденіе доставляла ему усиленная дѣятельность воображенія, безсвязно и отрывисто, но съ поразительною ясностью представлявшаго ему въ это время самые разнообразные, перемѣшанные и нелѣпые образы и картины изъ прошедшаго и будущаго. То представляется ему пухлая фигура Давыдки-Бѣлаго, испуганно мигающаго бѣлыми рѣсницами при видѣ чернаго, жилистаго кулака своей матери, его круглая спина и огромныя руки, покрытыя бѣлыми волосами, однимъ терпѣніемъ и преданностью судьбѣ отвѣчающія на истязанія и лишенія. То онъ видитъ бойкую, осмѣлѣвшую на дворнѣ кормилицу, и почему-то воображаетъ, какъ она ходитъ по деревнямъ и проповѣдуетъ мужикамъ, что отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно, и онъ безсознательно повторяетъ самъ себѣ: «да, отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно». То вдругъ ему представляется русая головка его будущей жены, почему-то въ слезахъ и въ глубокомъ горѣ склоняющаяся къ нему на плечо. То онъ видитъ добрые голубые глаза Чуриса, съ нѣжностью глядящіе на единственнаго пузатаго сынишку. Да, онъ въ немъ кромѣ сына, видитъ помощника и спасителя. «Вотъ это любовь!» шепчетъ онъ. Потомъ вспоминаетъ онъ о матери Юхванки, вспоминаетъ о выраженіи терпѣнія и всепрощенія, которыя, несмотря на торчащій зубъ и уродливыя черты, онъ замѣтилъ на старческомъ лицѣ ея. «Должно-быть, въ семьдесятъ лѣтъ ея жизни я первый замѣтилъ это», думаетъ онъ и шепчетъ: «странно!» продолжая безсознательно перебирать клавиши и вслушиваться въ звуки. Потомъ онъ живо вспоминаетъ свое бѣгство съ пчельника и выраженіе лицъ Игната и Карпа, которымъ видимо хочется смѣяться, но которые какъ будто не смотрятъ на него. Онъ краснѣетъ и невольно оглядывается на няню, которая продолжаетъ сидѣть около двери и молча, пристально глядѣть на него, изрѣдка покачивая сѣдою головой. Вотъ вдругъ ему представляется тройка потныхъ лошадей и красивая, сильная фигура Илюшки съ свѣтлыми кудрями, весело блестящими узкими голубыми глазами, свѣжимъ румянцемъ и свѣтлымъ пухомъ, только что начинающимъ покрывать его губу и подбородокъ. Онъ вспоминаетъ, какъ боялся Илюшка, что его не пустятъ въ извозъ, и какъ горячо заступался за это любезное для него дѣло; и онъ видитъ сѣрое раннее туманное утро, подсклизлую шоссейную дорогу и длинный рядъ высоко нагруженныхъ и покрытыхъ рогожами троечныхъ возовъ съ большими черными буквами. Толстоногіе, сытые кони, погромыхивая бубенчиками, выгибая спину и натягивая постромки, дружно тянутъ въ гору, напряженно цѣпляя длинными шипами за склизкую дорогу. Навстрѣчу обоза, подъ гору, шибко бѣжитъ почта, звеня колокольчиками, которые отзываются далеко по крупному лѣсу, тянущемуся съ обѣихъ сторонъ дороги.

— А-а-ай! — громко, ребяческимъ голосомъ кричитъ передовой ямщикъ съ бляхой на поярковой шляпѣ, подымая кнутъ надъ головой.

У передняго колеса перваго воза тяжело шагаетъ въ огромныхъ сапогахъ Карпъ съ своею рыжею бородою и угрюмымъ взглядомъ. На второмъ возу высовывается красивая голова Илюшки, который подъ рогожей передка славно пригрѣлся на зорькѣ. Три тройки, нагруженныя чемоданами, съ грохотомъ колесъ, звономъ колокольчиковъ и крикомъ пронеслись мимо; Илюшка снова прячетъ свою красивую голову подъ рогожу и засыпаетъ. Вотъ и ясный теплый вечеръ. Передъ усталыми, столпившимися у постоялаго двора тройками скрипятъ тесовыя ворота, и одинъ за другимъ, подпрыгивая по доскѣ, лежащей въ воротахъ, скрываются высокіе рогожные возы подъ просторными навѣсами. Илюшка весело здоровается съ бѣлолицею, широкогрудою хозяйкой, которая спрашиваетъ: «издалече ли?» и «много ли ужинать будутъ?», съ удовольствіемъ поглядывая на красиваго парня своими блестящими, сладкими глазами. Вотъ онъ, убравъ коней, идетъ въ жаркую, набитую народомъ избу, крестится, садится за полную деревянную чашку, ведя веселую рѣчь съ хозяйкой и товарищами. А вотъ и ночлегъ его подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ, виднѣющимся изъ-подъ навѣса, на пахучемъ сѣнѣ, около лошадей, которыя, переминаясь и похрапывая, перебираютъ кормъ въ деревянныхъ ясляхъ. Онъ подошелъ къ сѣну, повернулся на востокъ и, разъ тридцать сряду перекрестивъ свою широкую, сильную грудь и встряхнувъ свѣтлыми кудрями, прочелъ «Отче» и разъ двадцать «Господи помилуй», и, увернувшись съ головой въ армякъ, засыпаетъ здоровымъ, беззаботнымъ сномъ сильнаго, свѣжаго человѣка. И вотъ видитъ онъ во снѣ города: Кіевъ съ угодниками и толпами богомольцевъ, Роменъ съ купцами и товарами, видитъ Одестъ и далекое синее море съ бѣлыми парусами, и городъ Царьградъ съ золотыми домами и бѣлогрудыми, чернобровыми турчанками, куда онъ летитъ, поднявшись на какихъ-то невидимыхъ крыльяхъ. Онъ свободно и легко летитъ все дальше и дальше, и видитъ внизу золотые города, облитые яркимъ сіяньемъ, и синее небо съ частыми звѣздами, и синее море съ бѣлыми парусами — и ему сладко и весело летѣть все дальше и дальше...

«Славно!» шепчетъ себѣ Нехлюдовъ, и мысль: зачѣмъ онъ не Илюшка, тоже приходитъ ему.

МЕТЕЛЬ

Разсказъ

(1856 г.)

I

Въ седьмомъ часу вечера я, напившись чаю, выѣхалъ со станціи, которой названія уже не помню, но помню гдѣ-то въ землѣ войска Донского, около Новочеркасска. Было уже темно, когда я, закутавшись въ шубу и полость, рядомъ съ Алешкой усѣлся въ сани. За станціоннымъ домомъ казалось тепло и тихо. Хотя снѣгу не было сверху, надъ головой не виднѣлось ни одной звѣздочки, и небо казалось чрезвычайно низкимъ и чернымъ сравнительно съ чистою снѣжною равниной, разстилавшеюся впереди насъ.

Едва миновавъ темныя фигуры мельницъ, изъ которыхъ одна неуклюже махала своими большими крыльями, и выѣхавъ за станицу, я замѣтилъ, что дорога стала тяжеле и засыпаннѣе, вѣтеръ сильнѣе сталъ дуть мнѣ въ лѣвую сторону, заносить въ бокъ хвосты и гривы лошадей и упрямо поднимать и относить снѣгъ, разрываемый полозьями и копытами. Колокольчикъ сталъ замирать, струйка холоднаго воздуха пробѣжала черезъ какое-то отверстіе въ рукавѣ за спину, и мнѣ пришелъ въ голову совѣтъ смотрителя не ѣздить лучше, чтобы не проплутать всю ночь и не замерзнуть дорогой.

— Не заблудиться бы намъ, — сказалъ я ямщику. Но, не получивъ отвѣта, яснѣе предложилъ вопросъ: — Что, доѣдемъ до станціи, ямщикъ? не заблудимся?

— А Богъ знаетъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ, не поворачивая головы, — вишь, какая поземная расходится: ничего дороги не видать. Господи-батюшка!

— Да ты скажи лучше, надѣешься ты довезти до станціи или нѣтъ? — продолжалъ я спрашивать. —Доѣдемъ ли?

— Должны доѣхать, — сказалъ ямщикъ и еще продолжалъ говорить что-то, чего уже я не могъ разслышать за вѣтромъ.

Ворочаться мнѣ не хотѣлось; но и проплутать всю ночь въ морозъ и метель въ совершенно голой степи, какова эта часть земли войска Донского, казалось очень невесело. Притомъ же, несмотря на то, что въ темнотѣ я не могъ разсмотрѣть его хорошенько, ямщикъ мой почему-то мнѣ не нравился и не внушалъ къ себѣ довѣрія. Онъ сидѣлъ совершенно посрединѣ съ ногами, а не сбоку, роста былъ слишкомъ большого, голосъ у него былъ лѣнивый, шапка какая-то не ямская — большая, раскачивающаяся въ разныя стороны, да и понукалъ онъ лошадей не такъ, какъ слѣдуетъ, а держа вожжи въ обѣихъ рукахъ, точно какъ лакей, который сѣлъ на козлы за кучера, и главное не довѣрялъ я ему почему-то за то, что у него уши были подвязаны платкомъ. Однимъ словомъ, не нравилась и какъ будто не обѣщала ничего хорошаго эта серьезная, сгорбленная спина, торчавшая передо мною.

— А по-моему лучше бы воротиться, — сказалъ мнѣ Алешка, — плутать-то чтò веселаго!

— Господи-батюшка! вишь, несетъ какая кура! ничего дороги не видать, всѣ глаза залѣпило... Господи-батюшка! — ворчалъ ямщикъ.

Не проѣхали мы четверти часа, какъ ямщикъ, остановивъ лошадей, передалъ вожжи Алешкѣ, неловко выпросталъ ноги изъ сидѣнья и, хрустя большими сапогами по снѣгу, пошелъ искать дорогу.

— Что? куда ты? сбились, что ли? — спрашивалъ я; но ямщикъ не отвѣчалъ мнѣ, а отвернувъ лицо въ сторону отъ вѣтра, который сѣкъ ему глаза, отошелъ отъ саней.

— Ну что? есть? — повторилъ я, когда онъ вернулся.

— Нѣту ничего, — сказалъ онъ мнѣ вдругъ нетерпѣливо и съ досадой, какъ будто я былъ виноватъ въ томъ, что онъ сбился съ дороги, и, медлительно опять просунувъ свои большія ноги въ передокъ, сталъ разбирать вожжи замерзлыми рукавицами.

— Что-жъ будемъ дѣлать? — спросилъ я, когда мы снова тронулись.

— Что-жъ дѣлать! поѣдемъ, куда Богъ дастъ.

И мы поѣхали тою же мелкою рысью, уже очевидно цѣликомъ, гдѣ по сыпучему въ четверть снѣгу, гдѣ по хрупкому, голому насту.

Несмотря на то, что было холодно, снѣгъ на воротникѣ таялъ весьма скоро; заметь низовая все усиливалась, и сверху начиналъ падать рѣдкій сухой снѣгъ.

Ясно было, что мы ѣдемъ Богъ знаетъ куда, потому что, проѣхавъ еще съ четверть часа, мы не видали ни одного верстового столба.

— Что, какъ ты думаешь, — спросилъ я опять ямщика, — доѣдемъ мы до станціи?

— До которой? Назадъ пріѣдемъ, коли дать волю лошадямъ: онѣ привезутъ; а на ту врядъ... только себя погубить можно.

— Ну, такъ пускай назадъ,— сказалъ я, — и въ самомъ дѣлѣ...

— Стало, ворочаться? — повторилъ ямщикъ.

— Да, да, ворочайся.

Ямщикъ пустилъ вожжи. Лошади побѣжали шибче, и хотя я не замѣтилъ, чтобы мы поворачивали, вѣтеръ перемѣнился, и скоро сквозь снѣгъ завиднѣлись мельницы. Ямщикъ пріободрился и сталъ разговаривать.

— Анадысь такъ-то въ заметь обратные съ той станціи поѣхали, — сказалъ онъ, — да въ стогахъ и ночевали, къ утру только пріѣхали. Спасибо, еще къ стогамъ прибились, а то бы всѣ чисто позамерзли — холодъ былъ. И то одинъ ноги поморозилъ, — такъ три недѣли отъ нихъ умиралъ.

— А теперь вѣдь нехолодно и потише стало, — сказалъ я, — можно бы ѣхать?

— Оно тепло-то тепло, да мететъ. Теперь взадъ, такъ оно полегче кажетъ: а мететъ дюже. Ѣхать бы можно, кабы кульеръ али что, а то по своей волѣ; вѣдь шутка ли — сѣдока заморозишь. Какъ потомъ за вашу милость отвѣчать?

II

Въ это время сзади насъ послышались колокольчики нѣсколькихъ троекъ, которыя шибко догоняли насъ.

— Колоколъ кульерскій, — сказалъ мой ямщикъ, — одинъ такой на всей станціи есть.

Дѣйствительно, колокольчикъ передовой тройки, звукъ котораго уже ясно доносился по вѣтру, былъ чрезвычайно хорошъ: чистый, звучный, басистый и дребезжащій немного. Какъ я потомъ узналъ, это было охотницкое заведеніе: три колокольчика — одинъ большой въ серединѣ, съ малиновымъ звономъ, какъ называется, и два маленькіе, подобранные въ терцію. Звукъ этой терціи и дребезжащей квинты, отзывавшейся въ воздухѣ, былъ необыкновенно поразителенъ и странно хорошъ въ этой пустынной, глухой степи.

— Пошта бѣжитъ, — сказалъ мой ямщикъ, когда передняя изъ трехъ троекъ поравнялась съ нами. — А что дорога? проѣхать можно? — крикнулъ онъ заднему изъ ямщиковъ; но тотъ только крикнулъ на лошадей и не отвѣчалъ ему.

Звукъ колокольчиковъ быстро замеръ по вѣтру, какъ только почта миновала насъ.

Должно-быть, моему ямщику стыдно стало.

— А то поѣдемте, баринъ! — сказалъ онъ мнѣ, —люди проѣхали — теперь же ихъ слѣдокъ свѣжій.

Я согласился, и мы снова повернули противъ вѣтра и потащились впередъ по глубокому снѣгу. Я смотрѣлъ сбоку на дорогу, чтобы не сбиться со слѣда, проложеннаго санями. Версты двѣ слѣдъ былъ виденъ ясно, потомъ замѣтна стала только маленькая неровность подъ полозьями, а скоро уже я рѣшительно не могъ узнать, слѣдъ ли это, или просто наметенный слой снѣга. Глаза притупѣли смотрѣть на однообразное убѣганіе снѣга подъ полозьями, и я сталъ глядѣть прямо. Третій верстовой столбъ мы еще видѣли, но четвертаго никакъ не могли найти; какъ и прежде, ѣздили и противъ вѣтра и по вѣтру, и вправо и влѣво и наконецъ дошли до того, что ямщикъ говорилъ, будто мы сбились вправо, я говорилъ, что влѣво, а Алешка доказывалъ, что мы вовсе ѣдемъ назадъ. Снова мы нѣсколько разъ останавливались, ямщикъ выпрастывалъ свои большія ноги и лазилъ искать дорогу; но все тщетно. Я тоже пошелъ было разъ посмотрѣть, не дорога ли то, что мнѣ мерещилось; но едва я съ трудомъ сдѣлалъ шаговъ шесть противъ вѣтра и убѣдился, что вездѣ были одинаковые, однообразные бѣлые слои снѣга, что дорога мнѣ виднѣлась только въ воображеніи, — какъ уже я не видалъ саней. Я закричалъ: «ямщикъ! Алешка!» но голосъ мой — я чувствовалъ, какъ вѣтеръ подхватывалъ прямо изо рта и уносилъ въ одно мгновеніе куда-то прочь отъ меня. Я пошелъ туда, гдѣ были сани, — саней не было; пошелъ направо — тоже нѣтъ. Мнѣ совѣстно вспомнить, какимъ громкимъ, пронзительнымъ, даже немного отчаяннымъ голосомъ я закричалъ еще разъ: «ямщикъ!» тогда какъ онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ меня. Его черная фигура съ кнутикомъ и съ огромною, свихнувшеюся на бокъ шапкой вдругъ выросла передо мной. Онъ провелъ меня къ санямъ.

— Еще, спасибо, тепло, — сказалъ онъ, — а морозомъ хватитъ — бѣда!.. Господи-батюшка!

— Пускай лошадей, пусть везутъ назадъ, — сказалъ я, усѣвшись въ сани. — Привезутъ? а, ямщикъ?

— Должны привезть.

Онъ бросилъ вожжи, ударилъ раза три кнутикомъ по сѣделкѣ коренную, и мы опять поѣхали куда-то. Мы ѣхали съ полчаса. Вдругъ впереди насъ послышались опять знакомый мнѣ охотницкій колокольчикъ и еще два; но теперь они подвигались намъ навстрѣчу. Это были тѣ же три тройки, уже сложившія почту и съ обратными лошадьми, привязанными сзади, возвращавшіяся на станцію. Курьерская тройка крупныхъ лошадей съ охотницкимъ колокольчикомъ шибко бѣжала впереди. Въ ней сидѣлъ одинъ ямщикъ на облучкѣ и бойко покрикивалъ. Сзади въ серединѣ пустыхъ саней сидѣло по двое ямщиковъ, слышался ихъ громкій и веселый говоръ. Одинъ изъ нихъ курилъ трубку, и искра, вспыхнувъ на вѣтру, освѣтила часть его лица.

Глядя на нихъ, мнѣ стало стыдно, что я боялся ѣхать, и ямщикъ мой, должно-быть, испытывалъ то же чувство, потому что мы въ одинъ голосъ сказали: «поѣдемъ за ними».

III

Не пропустивъ еще послѣдней тройки, мой ямщикъ сталъ неловко поворачивать и наѣхалъ оглоблями на привязанныхъ лошадей. Одна тройка изъ нихъ шарахнулась, оторвала поводъ и поскакала въ сторону.

— Вишь, чортъ косоглазый: не видитъ, куда воротитъ — на людей. Чортъ! — принялся ругаться хриплымъ, дребезжащимъ голосомъ одинъ невысокій ямщикъ, старичокъ, сколько я могъ заключить по голосу и сложенію, сидѣвшій въ задней тройкѣ; онъ живо выскочилъ изъ саней и побѣжалъ за лошадьми, продолжая грубо ругаться и жестоко бранить моего ямщика.

Но лошади не давались. Ямщикъ побѣжалъ за ними, и въ одну минуту и лошади и ямщикъ скрылись въ бѣлой мглѣ метели.

— Василій! давай сюда буланаго: такъ не пойма-ешь, — послышался еще его голосъ.

Одинъ изъ ямщиковъ, весьма высокій мужчина, вылѣзъ изъ саней, молча отвязалъ свою тройку, взлѣзъ по шлеѣ на одну изъ лошадей и, хрустя по снѣгу, спутаннымъ галопцемъ скрылся по тому же направленію.

Мы же съ двумя другими тройками вслѣдъ за курьерскою, которая, звеня колокольчикомъ, полною рысью бѣжала впереди, безъ дороги пустились дальше.

— Какъ же! поймаетъ! — сказалъ мой ямщикъ на того, который побѣжалъ ловить лошадей. — Ужъ коли къ лошадямъ не пошла, значитъ, оголтѣлая лошадь, туда заведетъ, что и... не выйдетъ...

Съ тѣхъ поръ, какъ ямщикъ мой ѣхалъ сзади, онъ сдѣлался какъ будто веселѣе и разговорчивѣе, чѣмъ я, такъ какъ мнѣ еще спать не хотѣлось, разумѣется, не преминулъ воспользоваться. Я сталъ его разспрашивать, откуда и какъ и что̀ онъ, и скоро узналъ, что онъ землякъ мнѣ, тульскій, господскій, изъ села Кирпичнаго; что у нихъ земель мало стало и совсѣмъ хлѣбъ рожать пересталъ съ самой холеры; что ихъ въ семьѣ два брата, третій въ солдаты пошелъ; что хлѣба до

Рождества недостаетъ и живутъ заработками; что меньшой братъ хозяинъ въ дому, потому что женатый, а самъ онъ вдовецъ; что изъ ихъ села каждый годъ сюда артели ямщиковъ ходятъ; что онъ хоть не ѣзжалъ ямщикомъ, а пошелъ на почту, чтобы поддержка брату была; что живетъ здѣсь, слава Богу, по 120 рублей ассигн. въ годъ, изъ которыхъ сто въ семью посылаетъ, и что жить бы хорошо, «да кульеры оченно звѣри, да и народъ здѣсь все ругатель».

— Ну, чего ругался ямщикъ-то этотъ? Господи-батюшка! развѣ я нарочно ему лошадей оборвалъ? развѣ я кому злодѣй? и чего поскакалъ за ними! Сами бы пришли, а то только лошадей заморитъ да и самъ пропадетъ, — повторилъ богобоязненный мужичокъ.

— А это что чернѣется? — спросилъ я, замѣчая нѣсколько черныхъ предметовъ впереди насъ.

— А обозъ. То-то любезная ѣзда! — продолжалъ онъ, когда мы поравнялись съ огромными, покрытыми рогожами возами, шедшими другъ за другомъ на колесахъ. — Гляди, ни одного человѣка не видать — всѣ спятъ. Сама умная лошадь знаетъ: не собьешь ее съ дороги никакъ... Мы тоже ѣзжали съ рядою, — прибавилъ онъ, — такъ знаемъ.

Дѣйствительно, странно было смотрѣть на эти огромные возы, засыпанные отъ рогожнаго верха до колесъ снѣгомъ, двигавшіеся совершенно одни. Только въ переднемъ углу поднялась немного на два пальца покрытая снѣгомъ рогожа, и на минуту высунулась оттуда шапка, когда наши колокольчики прозвенѣли около обоза. Большая пѣгая лошадь, вытянувъ шею и напрягши спину, мѣрно ступала по совершенно занесенной дорогѣ, однообразно качала подъ побѣлѣвшею дугой своею косматою головой и насторожила одно занесенное снѣгомъ ухо, когда мы поравнялись съ ней.

Проѣхавъ еще съ полчаса, ямщикъ снова обратился ко мнѣ:

— А что, какъ вы думаете, баринъ, мы хорошо ѣдемъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ я.

— Прежде вѣтеръ во̀ какъ былъ, а теперь мы вовсе подъ погодой ѣдемъ. Нѣтъ, мы не туда ѣдемъ, мы тоже плутаемъ, — заключилъ онъ совершенно спокойно.

Видно было, что, несмотря на то, что онъ былъ очень трусоватъ — на міру и смерть красна — онъ совершенно сталъ спокоенъ съ тѣхъ поръ какъ насъ было много и не онъ долженъ былъ быть руководителемъ и отвѣтчикомъ. Онъ прехладнокровно дѣлалъ наблюденія надъ ошибками передового ямщика, какъ будто ему до этого ни малѣйшаго дѣла не было. Дѣйствительно, я замѣчалъ, что иногда передовая тройка становилась мнѣ въ профиль слѣва, иногда справа; мнѣ даже казалось, что мы кружимся на очень маломъ пространствѣ. Впрочемъ, это могъ быть обманъ чувствъ, какъ и то, что мнѣ казалось иногда, что передовая тройка въѣзжаетъ на гору или ѣдетъ по косогору или подъ гору, тогда какъ степь была вездѣ ровная.

Проѣхавъ еще нѣсколько времени, я увидѣлъ, какъ мнѣ показалось, далеко, на самомъ горизонтѣ, черную, длинную двигавшуюся полосу; но черезъ минуту мнѣ уже ясно стало, что это былъ тотъ же самый обозъ, который мы обогнали. Точно такъ же снѣгъ засыпалъ скрипучія колеса, изъ которыхъ нѣкоторыя не вертѣлись даже; точно такъ же люди всѣ спали подъ рогожами, и такъ же передовая пѣгая лошадь, раздувая ноздри, обнюхивала дорогу и настороживала уши.

— Вишь, кружили, кружили, опять къ тому же обозу выѣхали! — сказалъ мой ямщикъ недовольнымъ тономъ. — Кульерскія лошади добрыя: то-то онъ такъ и гонитъ дурòмъ; а наши такъ и вовсе станутъ, коли такъ всю ночь проѣздимъ.

Онъ прокашлялся.

— Вернемся-ка, баринъ, отъ грѣха.

— Зачѣмъ? куда-нибудь да пріѣдемъ.

— Куда пріѣхать? ужъ будемъ въ степи ночевать. Какъ мететъ... Господи-батюшка!

Хотя меня удивляло то, что передовой ямщикъ, очевидно уже потерявъ и дорогу и направленіе, не отыскивалъ дороги, а, весело покрикивая, продолжалъ ѣхать полною рысью, я уже не хотѣлъ отставать отъ нихъ.

— Пошелъ за ними, — сказалъ я.

Ямщикъ поѣхалъ, но еще неохотнѣе погонялъ, чѣмъ прежде, и уже больше не заговаривалъ со мной.

IV

Метель становилась сильнѣе и сильнѣе, и сверху снѣгъ шелъ сухой и мелкій; казалось, начинало подмораживать: носъ и щеки сильнѣе зябли, чаще пробѣгала подъ шубу струйка холоднаго воздуха, и надо было запахиваться. Изрѣдка сани постукивали по голому, обледянѣлому черепку, съ котораго снѣгъ сметало. Такъ какъ я, не ночуя, ѣхалъ уже шестую сотню верстъ, несмотря на то, что меня очень интересовалъ исходъ нашего плутанья, я невольно закрывалъ глаза и задремывалъ. Разъ, когда я открылъ глаза, меня поразилъ, какъ мнѣ показалось въ первую минуту, яркій свѣтъ, освѣщавшій бѣлую равнину; горизонтъ значительно расширился, черное, низкое небо вдругъ исчезло, со всѣхъ сторонъ видны были бѣлыя косыя линіи падающаго снѣга, фигуры передовыхъ троекъ виднѣлись яснѣе, и, когда я посмотрѣлъ вверхъ, мнѣ показалось въ первую минуту, что тучи разошлись и что только падающій снѣгъ застилаетъ небо. Въ то время, какъ я вздремнулъ, взошла луна и бросала сквозь неплотныя тучи и падающій снѣгъ свой холодный и яркій свѣтъ. Одно, что я видѣлъ ясно, это были мои сани, лошади, ямщикъ и три тройки, ѣхавшія впереди: первая — курьерская, въ которой все такъ же на облучкѣ сидѣлъ одинъ ямщикъ и гналъ крупною рысью; вторая, въ которой, бросивъ вожжи и сдѣлавъ себѣ изъ армяка *затишку*, сидѣли двое и, не переставая, курили трубочку, что видно было по искрамъ, блестѣвшимъ оттуда, и третья, въ которой никого не видно было и предположительно ямщикъ спалъ въ серединѣ. Передовой ямщикъ однако, когда я проснулся, изрѣдка сталъ останавливать лошадей и искать дороги. Тогда, только что мы останавливались, слышнѣе становилось завываніе вѣтра и виднѣе поразительно огромное количество снѣга, носящагося въ воздухѣ. Мнѣ видно было, какъ при лунномъ, застилаемомъ метелью свѣтѣ невысокая фигура ямщика съ кнутовищемъ въ рукѣ, которымъ онъ ощупывалъ снѣгъ впереди себя, двигалась взадъ и впередъ въ свѣтлой мглѣ, снова подходила къ санямъ, вскакивала бочкомъ на передокъ, и слышались снова среди однообразнаго свистѣнія вѣтра ловкое, звучное покрякиванье и звучаніе колокольчиковъ. Когда передовой ямщикъ вылѣзалъ, чтобы искать признаковъ дороги или стоговъ, изъ вторыхъ саней всякій разъ слышался бойкій, самоувѣренный голосъ одного изъ ямщиковъ, который кричалъ передовому:

— Слышь, Игнашка! влѣво совсѣмъ забрали: правѣй забирай подъ погоду-то. — Или: что кружишь дуромъ? по снѣгу ступай, какъ снѣгъ лежитъ — какъ разъ выѣдешь. — Или: вправо-то, вправо-то, пройди, братецъ ты мой! вишь, чернѣетъ что-то, столбъ никакъ. — Или: что путаешь-то? что путаешь? Отпряжь-ка пѣгаго да пусти передомъ, такъ онъ какъ разъ тебя выведетъ на дорогу. — Дѣло-то лучше будетъ.

Самъ же тотъ, который совѣтовалъ, не только не отпрягалъ пристяжной или не ходилъ по снѣгу искать дороги, но носа не высовывалъ изъ-за своего армяка, и когда Игнашка-передовой на одинъ изъ совѣтовъ его крикнулъ, чтобы онъ самъ ѣхалъ передомъ, когда знаетъ куда ѣхать, то совѣтчикъ отвѣчалъ, что когда бы онъ на кульерскихъ ѣздилъ, то и поѣхалъ бы и вывелъ бы какъ разъ на дорогу. — А наши лошади въ заметь передомъ не пойдутъ! — крикнулъ онъ: — не такія лошади.

— Такъ не мути! — отвѣчалъ Игнашка, весело посвистывая на лошадей.

Другой ямщикъ, сидѣвшій въ однѣхъ саняхъ съ совѣтчикомъ, ничего не говорилъ Игнашкѣ и вообще не вмѣшивался въ это дѣло, хотя не спалъ еще, о чемъ я заключалъ по неугасаемой его трубочкѣ и по тому, что, когда мы останавливались, я слышалъ его мѣрный, непрерываемый говоръ. Онъ разсказывалъ сказку. Разъ только, когда Игнашка въ шестой или седьмой разъ остановился, ему видимо досадно стало, что прерывается его удовольствіе ѣзды, и онъ закричалъ ему:

— Ну, что сталъ опять? Вишь, найти дорогу хочетъ! Сказано: метель! Теперь землемѣръ самый — и тотъ дороги не найдетъ; ѣхалъ бы, поколѣ лошади везутъ. Авось, до смерти не замерзнемъ... пошелъ, знай!

— Какъ же! Небось, пошталіонъ въ прошломъ году до смерти замерзъ! — отозвался мой ямщикъ.

Ямщикъ третьей тройки не просыпался все время. Только разъ, во время остановки, совѣтчикъ крикнулъ:

— Филиппъ! а, Филиппъ! — и, не получивъ отвѣта, замѣтилъ: — Ужъ не замерзъ ли? Ты бы, Игнашка, посмотрѣлъ.

Игнашка, который поспѣвалъ на все, подошелъ къ санямъ и началъ толкать спящаго.

— Вишь, съ косушки какъ его разобрало! Замерзъ, такъ скажи! — говорилъ онъ, раскачивая его.

Спящій промычалъ что-то и ругнулся.

— Живъ, братцы! — сказалъ Игнашка и снова побѣжалъ впередъ, и мы снова ѣхали, и даже такъ скоро, что маленькая гнѣденькая пристяжная въ моей тройкѣ, безпрестанно постегиваемая въ хвостъ, не разъ попрыгивала неловкимъ галопцемъ.

V

Уже, я думаю, около полуночи къ намъ подъѣхали старичокъ и Василій, догонявшіе оторвавшихся лошадей. Они поймали лошадей и нашли и догнали насъ; но какимъ образомъ сдѣлали они это въ темную, слѣпую метель, средь голой степи, мнѣ навсегда останется непонятнымъ. Старичокъ, размахивая локтями и ногами, рысью ѣхалъ на коренной (другія двѣ лошади были привязаны къ хомуту: въ метель нельзя бросать лошадей). Поравнявшись со мной, онъ снова принялся ругать моего ямщика:

— Вишь, чортъ косоглазый! право...

— Э, дядя Митричъ, — крикнулъ сказочникъ изъ вторыхъ саней, — живъ? полѣзай къ намъ.

Но старикъ не отвѣчалъ ему, а продолжалъ браниться. Когда ему показалось достаточнымъ, онъ подъѣхалъ ко вторымъ санямъ.

— Всѣхъ поймалъ? — сказали ему оттуда.

— А то нѣтъ!

И небольшая фигура его на-рыси грудью взвалилась на спину лошади, потомъ соскочила на снѣгъ, не останавливаясь, пробѣжала за санями и ввалилась въ нихъ, съ выпущенными кверху чрезъ грядку ногами. Высокій Василій, такъ же, какъ и прежде, молча сѣлъ въ переднія сани съ Игнашкой и съ нимъ вмѣстѣ сталъ искать дорогу.

— Вишь, ругатель... Господи-батюшка! — пробормоталъ мой ямщикъ.

Долго послѣ этого мы ѣхали, не останавливаясь, по бѣлой пустынѣ, въ холодномъ, прозрачномъ и колеблющемся свѣтѣ метели. Откроешь глаза — та же неуклюжая шапка и спина, занесенная снѣгомъ, торчатъ передо мной, та же невысокая дуга, подъ которой между натянутыми ременными поводками узды поматывается, все въ одномъ разстояніи, голова коренной съ черною гривой, мѣрно подбиваемою въ одну сторону вѣтромъ; виднѣется изъ-за спины та же гнѣденькая пристяжная направо съ коротко подвязаннымъ хвостомъ и валькомъ, изрѣдка постукивающимъ о лубокъ саней. Посмотришь внизъ — тотъ же сыпучій снѣгъ разрываютъ полозья, и вѣтеръ упорно поднимаетъ и уноситъ все въ одну сторону. Впереди, на одномъ же разстояніи, убѣгаютъ передовыя тройки; справа, слѣва все бѣлѣетъ и мерещится. Напрасно глазъ ищетъ новаго предмета: ни столба, ни стога, ни забора — ничего не видно. Вездѣ все бѣло, бѣло и подвижно: то горизонтъ кажется необъятно-далекимъ, то сжатымъ на два шага во всѣ стороны, то вдругъ бѣлая, высокая стѣна выростаетъ справа и бѣжитъ вдоль саней, то вдругъ исчезаетъ и выростаетъ спереди, чтобы убѣгать дальше и дальше и опять исчезнуть. Посмотришь ли наверхъ — покажется свѣтло въ первую минуту, кажется, сквозь туманъ видишь звѣздочки; но звѣздочки убѣгаютъ отъ взора выше и выше, и только видишь снѣгъ, который мимо глазъ падаетъ на лицо и воротникъ шубы; небо вездѣ одинаково свѣтло, одинаково бѣло, безцвѣтно, однообразно и постоянно подвижно. Вѣтеръ какъ будто измѣняется: то дуетъ навстрѣчу и лѣпитъ глаза снѣгомъ, то сбоку досадно закидываетъ воротникъ шубы на голову и насмѣшливо треплетъ меня имъ по лицу, то сзади гудитъ въ какую-нибудь скважину. Слышно слабое, неумолкаемое хрустѣніе копытъ и полозьевъ по снѣгу и замирающее, когда мы ѣдемъ по глубокому снѣгу, звяканье колокольчиковъ. Только изрѣдка, когда мы ѣдемъ противъ вѣтра и по голому намерзлому черепку, ясно долетаютъ до слуха энергическое посвистываніе Игната и заливистый звонъ колокольчика съ отзывающеюся дребезжащею квинтой, и звуки эти вдругъ отрадно нарушаютъ унылый характеръ пустыни и потомъ снова звучатъ однообразно, съ несносною вѣрностью наигрывая все тотъ же самый мотивъ, который невольно я воображаю себѣ. Одна нога начала у меня зябнуть, и когда я поворачивался, чтобы лучше закрыться, снѣгъ, насыпавшійся на воротникъ и шапку, проскакивалъ за шею и заставлялъ меня вздрагивать, но мнѣ было вообще еще тепло въ обогрѣтой шубѣ, и дремота клонила меня.

VI

Воспоминанія и представленія съ усиленною быстротой смѣнялись въ воображеніи.

«Совѣтчикъ, что все кричитъ изъ вторыхъ саней, какой это мужикъ долженъ быть? Вѣрно рыжій, плотный, съ короткими ногами, — думаю я, — въ родѣ Ѳедора Филиппыча, нашего стараго буфетчика». И вотъ я вижу лѣстницу нашего большого дома и пять человѣкъ дворовыхъ, которые на полотенцахъ, тяжело ступая, тащатъ фортепіано изъ флигеля; вижу Ѳедора Филиппыча съ завороченными рукавами нанковаго сюртука, который несетъ одну педаль, забѣгаетъ впередъ, отворяетъ задвижки, подергиваетъ тамъ за ручникъ, поталкиваетъ тутъ, пролѣзаетъ между ногъ, всѣмъ мѣшаетъ и озабоченнымъ голосомъ кричитъ, не переставая:

— На себя, передовые-то, передовые. Вотъ такъ, хвостомъ-то въ гору, въ гору, въ гору, заноси въ дверь. Вотъ такъ.

— Ужъ вы позвольте, Ѳедоръ Филиппычъ! мы одни, — робко замѣчаетъ садовникъ, прижатый къ периламъ, весь красный отъ напряженія, изъ послѣднихъ силъ поддерживая одинъ уголъ рояля.

Но Ѳедоръ Филиппычъ не унимается.

«И что это? — разсуждалъ я, — думаетъ онъ, что онъ полезенъ, необходимъ для общаго дѣла, или просто радъ, что Богъ далъ ему это самоувѣренное, убѣдительное краснорѣчіе, и съ наслажденіемъ расточаетъ его? Должно-быть, такъ». И я вижу почему-то прудъ, усталыхъ дворовыхъ, которые по колѣно въ водѣ тянутъ неводъ, и опять Ѳедоръ Филиппычъ съ лейкой, крича на всѣхъ, бѣгаетъ по берегу и только изрѣдка подходитъ къ водѣ, чтобы, придержавъ рукой золотистыхъ карасей, спустить мутную воду и набрать свѣжей. Но вотъ полдень въ іюлѣ мѣсяцѣ. Я по только что скошенной травѣ сада подъ жгучими прямыми лучами солнца иду куда-то; я еще очень молодъ, мнѣ чего-то недостаетъ и чего-то хочется. Я иду къ пруду, на свое любимое мѣсто, между шиповниковою клумбой и березовою аллеей, и ложусь спать. Помню чувство, съ которымъ я, лежа, гляжу сквозь красные колючіе стволы шиповника, на черную, засохшую крупинками землю и на просвѣчивающее ярко-голубое зеркало пруда. Это было чувство какого-то наивнаго самодовольствія и грусти. Все вокругъ меня было такъ прекрасно, и такъ сильно дѣйствовала на меня эта красота, что мнѣ казалось, я самъ хорошъ, и одно, что мнѣ досадно было, это то, что никто не удивляется мнѣ. Жарко. Я пытаюсь заснуть, чтобъ утѣшиться; но мухи, несносныя мухи, не даютъ мнѣ и здѣсь покоя, начинаютъ собираться около меня и упорно, туго какъ-то, какъ косточки, перепрыгиваютъ со лба на руки. Пчела жужжитъ недалеко отъ меня на самомъ припекѣ; желтокрылыя бабочки, какъ раскислыя, перелетываютъ съ травки на травку. Я гляжу вверхъ: глазамъ больно — солнце слишкомъ блеститъ черезъ свѣтлую листву кудрявой березы, высоко, но тихонько раскачивающейся надо мной своими вѣтвями, — и кажется еще жарче. Я закрываю лицо платкомъ: становится душно, и мухи какъ будто липнутъ къ рукамъ, на которыхъ выступаетъ испарина. Въ шиповникѣ завозились воробьи въ самой чащѣ. Одинъ изъ нихъ спрыгнулъ на землю въ аршинѣ отъ меня, притворился раза два, что энергически клюнулъ землю, и, хрустя вѣтками и весело чиликнувъ, вылетѣлъ изъ клумбы; другой тоже соскочилъ на землю, подернулъ хвостикъ, оглянулся и такъ же, какъ стрѣла, чиликая, вылетѣлъ за первымъ. На прудѣ слышны удары валька по мокрому бѣлью, и удары эти раздаются и разносятся какъ-то низомъ, вдоль по пруду. Слышны смѣхъ и говоръ и плесканье купающихся. Порывъ вѣтра зашумѣлъ верхушками березъ еще далеко отъ меня, вотъ ближе, слышу, онъ зашевелилъ траву, вотъ и листья шиповниковой клумбы заколебались, забились на своихъ вѣткахъ, а вотъ, поднимая уголъ платка и щекотя потное лицо, до меня добѣжала свѣжая струя. Въ отверстіе поднятаго платка влетѣла муха и испуганно забилась около влажнаго рта. Какая-то сухая вѣтка жметъ мнѣ подъ спиной. Нѣтъ, не улежать: пойти выкупаться. Но вотъ около самой клумбы слышу торопливые шаги и испуганный женскій голосъ:

— Ахъ батюшки, да что-жъ это! и мужчинъ никого нѣту.

— Что это, что? — спрашиваю я, выбѣгая на солнце, у дворовой женщины, которая, охая, бѣжитъ мимо меня. Она только оглядывается, взмахиваетъ руками и бѣжитъ дальше. Но вотъ и семидесятилѣтняя старуха Матрена, придерживая рукой платокъ, сбивающійся съ головы, подпрыгивая и волоча одну ногу въ шерстяномъ чулкѣ, бѣжитъ къ пруду. Двѣ дѣвочки бѣгутъ, держась другъ за друга, и десятилѣтній мальчикъ въ отцовскомъ сюртукѣ, держась за посконную юбку одной изъ нихъ, поспѣшаетъ сзади.

— Что случилось? — спрашиваю я у нихъ.

— Мужикъ утонулъ.

— Гдѣ?

— Въ прудѣ.

— Какой? нашъ?

— Нѣтъ, прохожій.

Кучеръ Иванъ, ерзая большими сапогами по скошенной травѣ, и толстый приказчикъ Яковъ, съ трудомъ переводя духъ, бѣгутъ къ пруду, и я бѣгу за ними.

Помню чувство, которое мнѣ говорило: «Вотъ бросься и вытащи мужика, спаси его, и всѣ будутъ удивляться тебѣ», чего мнѣ именно и хочется.

— Гдѣ же, гдѣ? — спрашиваю я у толпы дворовыхъ, собравшейся на берегу.

— Вонъ тамъ, въ самой пучинѣ, къ тому берегу, у бани почти, — говоритъ прачка, убирая мокрое бѣлье на коромысло. — Я гляжу, что онъ ныряетъ; а онъ покажется такъ-то, да и уйдетъ опять, покажется еще, да какъ крикнетъ: «тону, батюшки!» и опять ушелъ на низъ, — только пузырики пошли. Тутъ я увидала, мужикъ тонетъ. Какъ взвою: батюшки, мужикъ тонетъ!

И прачка, взваливъ на плечо коромысло, виляя бокомъ, пошла по тропинкѣ прочь отъ пруда.

— Вишь, грѣхъ какой! — говоритъ Яковъ Ивановъ, приказчикъ, отчаяннымъ голосомъ. — Что теперь хлопотъ съ земскимъ судомъ будетъ — не оберешься.

Какой-то одинъ мужикъ съ косой пробрался сквозь толпу бабъ, дѣтей и стариковъ, столпившихся у того берега, и, повѣсивъ косу на сукъ ракиты, медленно разувается.

— Гдѣ же, гдѣ онъ утонулъ? — все спрашиваю я, желая броситься туда и сдѣлать что-нибудь необыкновенное.

Но мнѣ указываютъ на гладкую поверхность пруда, которую изрѣдка рябитъ проносящійся вѣтеръ. Мнѣ непонятно, какъ же онъ утонулъ; а вода все такъ же гладко, красиво, равнодушно стоитъ надъ нимъ, блестя золотомъ на полуденномъ солнцѣ, и мнѣ кажется, что я ничего не могу сдѣлать, никого не удивлю, тѣмъ болѣе, что весьма плохо плаваю; а мужикъ уже черезъ голову стаскиваетъ съ себя рубашку и сейчасъ бросится. Всѣ смотрятъ на него съ надеждой и замираніемъ; но, войдя въ воду по плечи, мужикъ медленно возвращается и надѣваетъ рубашку: онъ не умѣетъ плавать.

Народъ все сбѣгается, толпа становится больше и больше, бабы держатся другъ за друга, но никто не подаетъ помощи. Тѣ, которые только что приходятъ, подаютъ совѣты, ахаютъ и на лицахъ выражаютъ испугъ и отчаяніе; изъ тѣхъ же, которые собрались прежде, нѣкоторые садятся, уставъ стоять, на траву, нѣкоторые возвращаются. Старуха Матрена спрашиваетъ у дочери, затворила ли она заслонку печи; мальчишка въ отцовскомъ сюртукѣ старательно бросаетъ камешки въ воду.

Но вотъ отъ дому, съ лаемъ и въ недоумѣніи оглядываясь назадъ, бѣжитъ подъ гору Трезорка, собака Ѳедора Филиппыча; но вотъ и самая фигура его, бѣгущаго съ горы и кричащаго что-то, показывается изъ-за шиповниковой клумбы.

— Что стоите? — кричитъ онъ, на бѣгу снимая сюртукъ. — Человѣкъ утонулъ, а они стоятъ! Давай веревку!

Всѣ съ надеждой и страхомъ смотрятъ на Ѳедора Филиппыча, пока онъ, придерживаясь рукой за плечо услужливаго двороваго, снимаетъ носкомъ лѣвой ноги каблукъ правой.

— Вонъ тамъ, гдѣ народъ стоитъ, тамъ вотъ, поправѣе ракиты, Ѳедоръ Филиппычъ, вонъ тамъ-то, — говоритъ ему кто-то.

— Знаю, — отвѣчаетъ онъ и, нахмуривъ брови, должно-быть, въ отвѣтъ на признаки стыдливости, выражающейся въ толпѣ женщинъ, снимаетъ рубашку, крестикъ, передавая его мальчишкѣ-садовнику, который подобострастно стоитъ передъ нимъ и, энергически ступая по скошенной травѣ, подходитъ къ пруду.

Трезорка, въ недоумѣніи насчетъ причинъ этой быстроты движеній своего господина, остановившись около толпы и чмокая съѣвъ нѣсколько травинокъ около берега, вопросительно смотритъ на него и, вдругъ весело взвизгнувъ, вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ бросается въ воду. Первую минуту ничего не видно, кромѣ пѣны и брызгъ, которыя летятъ даже до насъ; но вотъ Өедоръ Филиппычъ, граціозно размахивая руками и равномѣрно поднимая и опуская спину, саженями бойко плыветъ къ тому берегу; Трезорка же, захлебнувшись, торопливо возвращается назадъ, отряхивается около толпы и на спинѣ вытирается по берегу. Въ одно и то же время, какъ Өедоръ Филиппычъ подплываетъ къ тому берегу, два кучера прибѣгаютъ къ ракитѣ съ свернутымъ на палкѣ неводомъ. Өедоръ Филиппычъ для чего-то поднимаетъ кверху руки, ныряетъ разъ, другой, третій, всякій разъ пуская изъ рта струйку воды, красиво встряхивая волосами и не отвѣчая на вопросы, которые со всѣхъ сторонъ сыплются на него. Наконецъ онъ выходитъ на берегъ и, сколько мнѣ видно, распоряжается только расправленіемъ невода. Неводъ вытаскиваютъ, но въ кормѣ ничего нѣтъ, кромѣ тины и нѣсколькихъ мелкихъ карасиковъ, бьющихся между нею. Въ то время какъ неводъ еще разъ затаскиваютъ, я перехожу на ту сторону.

Слышны только голосъ Өедора Филиппыча, отдающаго приказанія, поплескиваніе по водѣ мокрой веревки и вздохи ужаса. Мокрая веревка, привязанная къ правому крылу, больше и больше покрытая травой, дальше и дальше выходитъ изъ воды.

Теперь вмѣстѣ тяни, дружнѣй, разомъ! — кричитъ голосъ Ѳедора Филиппыча. Показываются камола, облитые водой.

— Есть что-то, тяжело идетъ, братцы! — говоритъ чей-то голосъ.

Но вотъ и крылья, въ которыхъ бьются два-три карасика, моча и прижимая траву, вытягиваются на берегъ. И вотъ сквозь тонкій колеблющійся слой возмутившейся воды въ натянутой сѣти показывается что-то бѣлое. Негромкій, но поразительно слышный средь мертвой тишины вздохъ ужаса проносится въ толпѣ.

— Тащи, дружнѣй, на сухое тащи! — слышится рѣшительный голосъ Ѳедора Филиппыча, и утопленника по скошеннымъ стеблямъ лопуха и репейника волокомъ подтаскиваютъ къ ракитѣ.

И вотъ я вижу мою добрую старую тетушку въ шелковомъ платьѣ, вижу ея лиловый зонтикъ съ бахромой, который почему-то такъ несообразенъ съ этою ужасною по своей простотѣ картиной смерти, и лицо, готовое сію минуту расплакаться. Помню выразившееся на этомъ лицѣ разочарованіе, что нельзя тутъ ни къ чему употребить арнику, и помню больное, скорбное чувство, которое я испыталъ, когда она мнѣ съ наивнымъ эгоизмомъ любви сказала: «пойдемъ, мой другъ. Ахъ, какъ это ужасно! А вотъ ты все одинъ купаешься и плаваешь».

Помню, какъ ярко и жарко пекло солнце сухую, разсыпчатую подъ ногами землю, какъ играло оно на зеркалѣ пруда, какъ бились у береговъ крупныя карпіи, въ серединѣ зыбили гладь пруда стайки рыбокъ, какъ высоко въ небѣ вился ястребъ, стоя надъ утятами, которыс, бурля и плескаясь, черезъ тростникъ выплывали на середину, какъ грозовыя бѣлыя, кудрявыя тучи сбирались на горизонтѣ, какъ грязь, вытащенная неводомъ у берега, понемногу расходилась и какъ, проходя по плотинѣ, я снова услыхалъ удары валька, разносящіеся по пруду.

Но валекъ этотъ звучитъ, какъ будто два валька звучатъ вмѣстѣ въ терцію, и звукъ этотъ мучитъ, томитъ меня, тѣмъ болѣе, что я знаю — этотъ валекъ есть колоколъ, и Ѳедоръ Филиппычъ не заставитъ замолчать его. И валекъ этотъ, какъ инструментъ пытки, сжимаетъ мою ногу, которая зябнетъ, — я засыпаю.

Меня разбудило, какъ мнѣ показалось, то, что мы очень быстро скачемъ и два голоса говорятъ подлѣ самого меня:

— Слышь, Игнатъ, а Игнатъ! — говоритъ голосъ моего ямщика, — возьми сѣдока — тебѣ все одно ѣхать, а мнѣ что даромъ гонять! Возьми!

Голосъ Игната подлѣ меня самого отвѣчаетъ:
— А что мнѣ радости-то за сѣдока отвѣчать?.. Поставишь полштофа?

— Ну, полштофа!.. косушку ужъ такъ и быть.

— Вишь, косушку! — кричитъ другой голосъ: — лошадей помучать за косушку!

Я открываю глаза. Все тотъ же несносный колеблющійся снѣгъ мерещится въ глазахъ, тѣ же ямщики и лошади, но подлѣ себя я вижу какія-то сани. Мой ямщикъ догналъ Игната, и мы довольно долго ѣдемъ рядомъ. Несмотря на то, что голосъ изъ другихъ саней совѣтуетъ не брать меньше полуштофа, Игнатъ вдругъ останавливаетъ тройку.

— Перекладывай; ужъ такъ и быть, твое счастье. Косушку поставь, какъ завтра пріѣдемъ. Клади много, что ли?

Мой ямщикъ съ несвойственною ему живостью выскакиваетъ на снѣгъ, кланяется мнѣ и проситъ, чтобъ я пересѣлъ къ Игнату. Я совершенно согласенъ; но видно, что богобоязненный мужичокъ такъ доволенъ, что ему хочется излить на кого-нибудь свою благодарность и радость: онъ кланяется, благодаритъ меня, Алешку, Игнашку.

— Ну, вотъ и слава Богу! а то что это, Господи-батюшка! половина ночи ѣздимъ, сами не знаемъ куда. Онъ-то васъ довезетъ, батюшка-баринъ, а мои ужъ лошади вовсе стали.

И онъ выкладываетъ вещи съ усиленною дѣятельностью.

Пока перекладывались, я по вѣтру, который такъ и подносилъ меня, подошелъ ко вторымъ санямъ. Сани, особенно съ той стороны, съ которой отъ вѣтра завѣшенъ былъ на головахъ двухъ ямщиковъ армякъ, были на четверть занесены снѣгомъ; за армякомъ же было тихо и уютно. Старичокъ лежалъ такъ же съ выпущенными ногами, а сказочникъ продолжалъ свою сказку: «Въ то самое время, какъ генералъ отъ королевскаго, значитъ, имени приходитъ, значитъ, къ Маріи въ темницу, въ то самое время Марія говоритъ ему: «генералъ! я въ тебѣ не нуждаюсь и не могу тебя любить, и значитъ, ты мнѣ не полюбовникъ; а полюбовникъ мой есть тотъ самый принцъ».

— Въ то самое время... — продолжалъ было онъ, но, увидавъ меня, замолкъ на минуту и сталъ раздувать трубочку.

— Что, баринъ, сказочку пришли послушать? — сказалъ другой, котораго я называлъ совѣтчикомъ.

— Да у васъ славно, весело! — сказалъ я.

— Что-жъ, отъ скуки, — по крайности не думается.

— А что, не знаете вы, гдѣ мы теперь?

Вопросъ этотъ, какъ мнѣ показалось, не понравился ямщикамъ.

— А кто е разберетъ, гдѣ? може и къ калмыкамъ заѣхали вовсе, — отвѣчалъ совѣтчикъ.

— Что же мы будемъ дѣлать? — спросилъ я.

— А что дѣлать? Вотъ ѣдемъ, можь и выѣдемъ, — сказалъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Ну, а какъ не выѣдемъ, да лошади станутъ въ снѣгу, что тогда?

— А что! Ничего.

— Да замерзнуть можно.

— Извѣстно, можно, потому и стоговъ теперича не видать: значитъ, мы вовсе къ калмыкамъ заѣхали. Первое дѣло надо по снѣгу смотрѣть.

— А ты никакъ боишься замерзнуть, баринъ? — сказалъ старичокъ дрожащимъ голосомъ.

Несмотря на то, что онъ какъ будто подтрунивалъ надо мной, видно было, что онъ продрогъ до послѣдней косточки.

— Да, холодно очень становится, — сказалъ я.

— Эхъ, ты, баринъ! А ты бы какъ я: нѣтъ-нѣтъ, да и пробѣгись — оно тебя и согрѣетъ.

— Первое дѣло, какъ пробѣжишь за саньми, — сказалъ совѣтчикъ.

VII

— Пожалуйте: готово! — кричалъ мнѣ Алешка изъ переднихъ саней.

Метель была такъ сильна, что насилу-насилу, перегнувшись совсѣмъ впередъ и ухватясь обѣими руками за полы шинели, я могъ по колеблющемуся снѣгу, который выносило вѣтромъ изъ-подъ ногъ, пройти тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли меня отъ саней. Прежній ямщикъ мой уже стоялъ на колѣнкахъ въ серединѣ пустыхъ саней, но, увидавъ меня, снялъ свою большую шапку, при чемъ вѣтеръ неистово подхватилъ его волосы кверху, и попросилъ на водку. Онъ вѣрно и не ожидалъ, чтобъ я далъ ему, потому что отказъ мой нисколько не огорчилъ его. Онъ поблагодарилъ меня и на этомъ, надвинулъ шапку и сказалъ мнѣ: «ну, дай Богъ вамъ, баринъ...» и, задергавъ вожжами и зачмокавъ, тронулся отъ насъ. Вслѣдъ затѣмъ и Игнашка размахнулся всей спиной и крикнулъ на лошадей. Опять звуки хрустѣнья копытъ, покрикиванья и колокольчика замѣнили звукъ завыванья вѣтра, который былъ особенно слышенъ, когда стояли на мѣстѣ.

Съ четверть часа послѣ перекладки я не спалъ и развлекался разсматриваніемъ фигуры новаго ямщика и лошадей. Игнашка сидѣлъ молодцомъ, безпрестанно подпрыгивалъ, замахивался рукою съ висящимъ кнутомъ на лошадей, покрикивалъ, постукивалъ ногой объ ногу и, перегибаясь впередъ, поправлялъ шлею коренной, которая все сбивалась на правую сторону. Онъ былъ не великъ ростомъ, но хорошо сложенъ, какъ казалось. Сверхъ полушубка на немъ былъ надѣтъ неподпоясанный армякъ, котораго воротникъ былъ почти откинутъ; шея была совсѣмъ голая, сапоги были не валеные, а кожаные, и шапка маленькая, которую онъ снималъ и поправлялъ безпрестанно. Уши закрыты были только волосами. Во всѣхъ его движеніяхъ замѣтна была не только энергія, но еще болѣе, какъ мнѣ казалось, желаніе возбудить въ себѣ энергію. Однако чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ чаще и чаще онъ, поправляясь, подпрыгивалъ на облучкѣ, похлопывалъ ногой объ ногу и заговаривалъ со мной и Алешкой: мнѣ казалось, онъ боялся упасть духомъ. И было отъ чего: хотя лошади были добрыя, дорога съ каждымъ шагомъ становилась тяжелѣе и тяжелѣе, и замѣтно было, какъ лошади бѣжали неохотнѣе: уже надобно было постегивать, и коренная, добрая, большая, косматая лошадь, спотыкалась раза два, хотя тотчасъ же, испугавшись, дергала впередъ и подкидывала косматую голову чуть не подъ самый колокольчикъ. Правая пристяжная, которую я невольно наблюдалъ, вмѣстѣ съ длинною ременною кисточкой шлеи, бившейся и подпрыгивающей съ полевой стороны, замѣтно спускала постромки, требовала кнутика, но, по привычкѣ доброй, даже горячей лошади, какъ будто досадовала на свою слабость, сердито опускала и поднимала голову, попрашивая повода. Дѣйствительно, страшно было видѣть, что метель и морозъ все усиливаются, лошади слабѣютъ, дорога становится хуже и мы рѣшительно не знаемъ, гдѣ мы и куда ѣхать, не только на станцію, но и къ какому-нибудь пріюту, — и смѣшно, и странно слышать, что колокольчикъ звенитъ такъ непринужденно и весело и Игнатка покрикиваетъ такъ бойко и красиво, какъ будто въ крещенскій морозный солнечный полдень мы катаемся въ праздникъ по деревенской улицѣ,— и главное странно было думать, что мы все ѣдемъ и шибко ѣдемъ куда-то прочь отъ того мѣста, на которомъ находились. Игнатка запѣлъ какую-то пѣсню, хотя весьма гаденькою фистулой, но такъ громко и съ такими остановками, во время которыхъ онъ посвистывалъ, что странно было робѣть, слушая его.

— Гей-гей! что горло-то дерешь, Игнатъ!—послышался голосъ совѣтчика:—постой на часъ!

— Чаво?

— Посто-о-о-ой!

Игнатъ остановился. Опять все замолкло, и загудѣлъ и запищалъ вѣтеръ, и снѣгъ сталъ, крутясь, гуще валить въ сани. Совѣтчикъ подошелъ къ намъ.

— Ну, что?

— Да что! куда ѣхать-то?

— А кто е знаетъ!

— Что, ноги замерзли, что-ль, что хлопаешь-то?

— Вовсе зашлись.

— А ты бы вотъ сходилъ: во-онъ маячитъ— никакъ калмыцкое кочевье. Оно бы и ноги-то посогрѣлъ.

— Ладно. Подержи лошадей... на.

И Игнатъ побѣжалъ по указанному направленію.

— Все надо смотрѣть да походить: оно и найдешь; а то такъ, что дуро́мъ-то ѣхать!—говорилъ мнѣ совѣтчикъ.—Вишь, какъ лошадей упарилъ!

Все время, пока Игнатъ ходилъ,—а это продолжалось такъ долго, что я даже боялся, какъ бы онъ не заблудился, — совѣтчикъ говорилъ мнѣ самоувѣреннымъ, спокойнымъ тономъ, какъ надо поступать во время метели, какъ лучше всего отпрячь лошадь и пустить, что она, какъ Богъ святъ, выведетъ, или, какъ иногда можно и по звѣздамъ смотрѣть и какъ, ежели бы онъ передомъ ѣхалъ, ужъ мы бы давно были на станціи.

— Ну, что, есть? — спросилъ онъ у Игната, который возвращался, съ трудомъ шагая, почти по колѣни въ снѣгу.

— Есть-то есть, кочевье видать, — отвѣчалъ, задыхаясь, Игнатъ, — да незнамо какое. Это мы, братъ, должно, вовсе на Пролговскую дачу заѣхали. Надо лѣвѣй брать.

— И что мелетъ! это вовсе наши кочевья, которыя позадь станицы, — возразилъ совѣтчикъ.

— Да говорю, что нѣтъ!

— Ужъ я глянулъ, такъ знаю, оно и будетъ; а не оно, такъ Тамышевско. Все надо правѣй забирать: какъ разъ и выйдемъ на большой мостъ — осьмую версту.

— Да говорятъ, что нѣтъ! Вѣдь я видалъ! — съ досадой отвѣчалъ Игнатъ.

— Э, братъ! а еще ямщикъ!

— То-то ямщикъ! Ты сходи самъ.

— Что мнѣ ходить! Я такъ знаю.

Игнатъ разсердился, видно: онъ, не отвѣчая, вскочилъ на облучокъ и погналъ дальше.

— Вишь, какъ зашлись ноги: ажно не согрѣешь, — сказалъ онъ Алешкѣ, продолжая похлопывать чаще и чаще и огребать и высыпать снѣгъ, который ему забился за голенищи.

Мнѣ ужасно хотѣлось спать.

VIII

«Неужели это я уже замерзаю, — думалъ я сквозь сонъ, — замерзаніе всегда начинается сномъ, говорятъ. Ужъ лучше утонуть, чѣмъ замерзнуть, пускай меня вытащатъ въ неводѣ; а впрочемъ, все равно — утонуть ли, замерзнуть, только бы подъ спину не толкала эта палка какая-то и забытъся бы».

Я забываюся на секунду.

«Чѣмъ же, однако, все это кончится? — вдругъ мысленно говорю я, на минуту открывая глаза и вглядываясь въ бѣлое пространство, — чѣмъ же это кончится? Ежели мы не найдемъ стоговъ и лошади станутъ, что, кажется, скоро случится, — мы всѣ замерзнемъ». Признаюсь, хотя я и боялся немного, желаніе, чтобы съ нами случилось что-нибудь необыкновенное, нѣсколько трагическое, было во мнѣ сильнѣе маленькой боязни. Мнѣ казалось, что было бы недурно, если бы къ утру въ какую-нибудь далекую неизвѣстную деревню лошади ужъ сами привезли насъ полузамерзлыхъ, чтобы нѣкоторые даже замерзли совершенно. И въ этомъ смыслѣ мечты съ необыкновенною ясностью и быстротой носились передо мною. Лошади становятся, снѣгу наносится больше и больше, и вотъ отъ лошадей видны только дуга и уши; но вдругъ Игнашка является наверху со своею тройкой и ѣдетъ мимо насъ. Мы умоляемъ его, кричимъ, чтобы онъ взялъ насъ, но вѣтромъ относитъ голосъ, — голосу нѣтъ. Игнашка посмѣивается, кричитъ по лошадямъ, посвистываетъ и скрывается отъ насъ въ какомъ-то глубокомъ, занесенномъ снѣгомъ оврагѣ. Старичокъ вскакиваетъ верхомъ, размахиваетъ локтями и хочетъ ускакать, но не можетъ сдвинуться съ мѣста; мой старый ямщикъ, съ большою шапкой, бросается на него, стаскиваетъ на землю и топчетъ въ снѣгу. «Ты колдунъ! — кричитъ онъ, — ты ругатель! Будемъ плутать вмѣстѣ». Но старичокъ пробиваетъ головой сугробъ; онъ не столько старичокъ, сколько заяцъ, и скачетъ прочь отъ насъ. Всѣ собаки скачутъ за нимъ. Совѣтчикъ, который есть Ѳедоръ Филиппычъ, говоритъ, чтобы всѣ сѣли кружкомъ, что ничего, ежели насъ занесетъ снѣгомъ: намъ будетъ тепло. Дѣйствительно намъ тепло и уютно, только хочется пить. Я достаю погребецъ, потчую всѣхъ ромомъ съ сахаромъ и самъ пью съ большимъ удовольствіемъ. Сказочникъ говоритъ какую-то сказку про радугу, — и надъ нами уже потолокъ изъ снѣга и радуга. «Теперь сдѣлаемте себѣ каждый комнату въ снѣгу и давайте спать!» говорю я. Снѣгъ мягкій и теплый, какъ мѣхъ. Я дѣлаю себѣ комнату и хочу войти въ нее; но Ѳедоръ Филиппычъ, который видѣлъ въ погребцѣ мои деньги, говоритъ: «Стой! давай деньги. Все одно умирать!» и хватаетъ меня за ногу. Я отдаю деньги, прошу только, чтобы меня отпустили; но они не вѣрятъ, что это всѣ мои деньги, и хотятъ меня убить. Я схватываю руку старичка и съ невыразимымъ наслажденіемъ начинаю цѣловать ее: рука старичка нѣжная и сладкая. Онъ сначала вырываетъ ее, но потомъ отдаетъ мнѣ и даже самъ другою рукой ласкаетъ меня. Однако Ѳедоръ Филиппычъ приближается и грозитъ мнѣ. Я бѣгу въ свою комнату; но это не комната, а длинный, бѣлый корридоръ, и кто-то держитъ меня за ноги. Я вырываюсь. Въ рукахъ того, кто меня держитъ, остаются моя одежда и часть кожи; но мнѣ только холодно и стыдно, — стыдно тѣмъ болѣе, что тетушка съ зонтикомъ и гомеопатическою аптечкой подъ руку съ утопленникомъ идутъ мнѣ навстрѣчу. Они смѣются и не понимаютъ знаковъ, которые я имъ дѣлаю. Я бросаюсь на сани, ноги волокутся по снѣгу, но старичокъ гонится за мной, размахивая локтями. Старичокъ уже близко, но я слышу, впереди звонятъ два колокола, и знаю, что я спасенъ, когда прибѣгу къ нимъ. Колокола звучатъ слышнѣй и слышнѣй; но старичокъ догналъ меня и животомъ упалъ на мое лицо, такъ что колокола едва слышны. Я снова схватываю его руку и начинаю цѣловать ее, но старичокъ — не старичокъ, а утопленникъ... и кричитъ: «Игнашка! стой, вонъ Ахметкины стоги, кажись! Подь-ка посмотри!» Это ужъ слишкомъ страшно. Нѣтъ, проснусь лучше...

Я открываю глаза. Вѣтеръ закинулъ мнѣ на лицо полу Алешкиной шинели, колѣно у меня раскрыто, мы ѣдемъ по голому насту, и терція колокольчиковъ слышнехонько звучитъ въ воздухѣ со своею дребезжащею квинтой.

Я смотрю, гдѣ стога; но вмѣсто стоговъ, уже съ открытыми глазами, вижу какой-то домъ съ балкономъ и зубчатую стѣну крѣпости. Меня мало интересуетъ разсмотрѣть хорошенько этотъ домъ и крѣпость: мнѣ главное хочется опять видѣть бѣлый корридоръ, по которому я бѣжалъ, слышать звонъ церковнаго колокола и цѣловать руку старичка. Я снова закрываю глаза и засыпаю.

IX

Я спалъ крѣпко; но терція колокольчиковъ все время была слышна и виднѣлась мнѣ во снѣ, то въ видѣ собаки, которая лаетъ и бросается на меня, то органа, въ которомъ я составляю одну дудку, то въ видѣ французскихъ стиховъ, которые я сочиняю. То мнѣ казалось, что эта терція есть какой-то инструментъ пытки, которымъ, не переставая, сжимаютъ мою правую пятку. Это было такъ сильно, что я проснулся и открылъ глаза, потирая ногу. Она начинала замораживаться. Ночь была та же свѣтлая, мутная, бѣлая. То же движеніе поталкивало меня и сани; тотъ же Игнашка сидѣлъ бокомъ и похлопывая ногами; та же пристяжная, вытянувъ шею и невысоко поднимая ноги, рысью бѣжала по глубокому снѣгу, кисточка подпрыгивала на шлеѣ и хлесталась о брюхо лошади. Голова коренной съ развѣвающеюся гривой, натягивая и отпуская поводья, привязанные къ дугѣ, мѣрно покачивалась. Но все это, больше чѣмъ прежде, покрыто, занесено было снѣгомъ. Снѣгъ крутился спереди, сбоку засыпалъ полозья, ноги лошадей по колѣни и сверху валилъ на воротники и шапки. Вѣтеръ былъ то справа, то слѣва, игралъ воротникомъ, полой Игнашкина армяка, гривой пристяжной и завывалъ надъ дугой и въ оглобляхъ.

Становилось ужасно холодно, и едва я высовывался изъ воротника, какъ морозный сухой снѣгъ, крутясь, набивался въ рѣсницы, носъ, ротъ и заскакивалъ за шею; посмотришь кругомъ — все бѣло, свѣтло и снѣжно, нигдѣ ничего, кромѣ мутнаго свѣта и снѣга. Мнѣ стало серьезно страшно.

Алешка спалъ въ ногахъ и въ самой глубинѣ саней: вся спина его была покрыта густымъ слоемъ снѣга. Игнашка не унывалъ; онъ безпрестанно подергивалъ вожжами, покрикивалъ и хлопалъ ногами. Колокольчикъ звенѣлъ такъ же чудно. Лошади похрапывали, но бѣжали, спотыкаясь чаще и чаще и нѣсколько тише. Игнашка опять подпрыгнулъ, взмахнулъ рукавицей и запѣлъ пѣсню своимъ тоненькимъ напряженнымъ голосомъ. Не допѣвъ пѣсни, онъ остановилъ тройку, перекинулъ вожжи на передокъ и слѣзъ. Вѣтеръ завывалъ неистово; снѣгъ, какъ изъ совка, такъ и посыпалъ полы шубы. Я оглянулся: третьей тройки ужъ за нами не было (она гдѣ-то отстала). Около вторыхъ саней, въ снѣжномъ туманѣ, видно было, какъ старичокъ попрыгивалъ съ ноги на ногу. Игнатка шага три отошелъ отъ саней, сѣлъ на снѣгъ, распоясался и сталъ снимать сапоги.

— Что это ты дѣлаешь? — спросилъ я.

— Перебуться надо, а то вовсе ноги заморозилъ, — отвѣчалъ онъ и продолжалъ свое дѣло.

Мнѣ холодно было высунуть шею изъ-за воротника, чтобы посмотрѣть, какъ онъ это дѣлалъ. Я сидѣлъ прямо, глядя на пристяжную, которая, отставивъ ногу, болѣзненно-устало помахивала подвязаннымъ и занесеннымъ снѣгомъ хвостомъ. Толчокъ, который далъ Игнатъ санямъ, вскочивъ на облучокъ, разбудилъ меня.

— Что, гдѣ мы теперь? — спросилъ я, — доѣдемъ ли хоть къ свѣту?

— Будьте покойны: доставимъ, — отвѣчалъ онъ. — Теперь важно ноги согрѣлись, какъ перебулся.

И онъ тронулъ, колоколъ зазвенѣлъ, сани снова стали раскачиваться, и вѣтеръ свистѣлъ подъ полозьями. И мы снова пустились плыть по безпредѣльному морю снѣга.

X

Я заснулъ крѣпко. Когда же Алешка, толкнувъ меня ногой, разбудилъ и я открылъ глаза, было уже утро. Казалось еще холоднѣе, чѣмъ ночью. Сверху снѣга не было, но сильный, сухой вѣтеръ продолжалъ заносить снѣжную пыль на полѣ и особенно подъ копытами лошадей и полозьями. Небо справа на востокѣ было тяжелое, темно-синеватаго цвѣта; но яркія, красно-оранжевыя косыя полосы яснѣе и яснѣе обозначались на немъ. Надъ головами изъза бѣгущихъ бѣлыхъ, едва окрашивающихся тучъ виднѣлась блѣдная синева; налѣво облака были свѣтлы, легки и подвижны. Вездѣ кругомъ, что могъ окинуть глазъ, лежалъ на полѣ бѣлый, острыми слоями разсыпанный, глубокій снѣгъ. Кое-гдѣ виднѣлся сѣрѣющій бугорокъ, черезъ который упорно летѣла мелкая, сухая снѣжная пыль. Ни одного — ни саннаго, ни человѣческаго, ни звѣринаго — слѣда не было видно. Очертанія и цвѣта спины ямщика и лошадей виднѣлись ясно и даже рѣзко на бѣломъ фонѣ... Околышъ Игнашкиной темно-синей шапки, его воротникъ, волосы и даже сапоги были бѣлы. Сани были занесены совершенно. У сивой коренной вся правая часть головы и челки были набиты снѣгомъ; у моей пристяжной ноги обсыпаны были до колѣнъ, и весь сдѣлавшійся кудрявымъ потный крупъ облѣпленъ съ правой стороны. Кисточка подпрыгивала такъ-же въ тактъ какого бы ни захотѣлъ воображать мотива, и сама пристяжная бѣжала такъ же; только по впалому, часто поднимающемуся и опускающемуся животу и отвисшимъ ушамъ видно было, какъ она измучена. Одинъ только новый предметъ останавливалъ вниманіе: это былъ верстовой столбъ, съ котораго сыпалъ снѣгъ на землю и около котораго вѣтеръ намелъ цѣлую гору справа и все еще рвался и перебрасывалъ сыпкій снѣгъ съ одной стороны на другую. Меня ужасно удивило, что мы ѣхали цѣлую ночь на однѣхъ лошадяхъ, двѣнадцать часовъ, не зная куда и не останавливаясь, и все-таки какъ-то пріѣхали. Нашъ колокольчикъ звенѣлъ, какъ будто еще веселѣе. Игнатъ запахивался и покрикивалъ; сзади фыркали лошади, и звенѣли колокольчики троекъ старичка и совѣтчика; но тотъ, который спалъ, рѣшительно въ степи отбился отъ насъ. Проѣхавъ полверсты, попался свѣжій, едва занесенный слѣдокъ саней и тройки, и изрѣдка розоватыя пятна крови лошади, которая засѣкалась вѣрно, виднѣлись на немъ.

— Это Филиппъ! Вишь, раньше насъ угодилъ! — сказалъ Игнашка.

Но вотъ домишко съ вывѣской виднѣется одинъ около дороги посреди снѣга, который чуть не до крышъ и оконъ занесъ его. Около кабака стоитъ тройка сѣрыхъ лошадей, курчавыхъ отъ пота, съ отставленными ногами и понурыми головами. Около двери расчищено, и стоитъ лопата; но съ крыши все мететъ еще, и крутитъ снѣгъ гудящій вѣтеръ.

Изъ двери на звонъ нашихъ колоколовъ выходитъ большой, красный, рыжій ямщикъ со стаканомъ вина въ рукахъ и кричитъ что-то. Игнашка обертывается ко мнѣ и проситъ позволенія остановиться. Тутъ я въ первый разъ вижу его рожу.

XI

Лицо у него было не черноватое, сухое и прямоносое, какъ я ожидалъ, судя по его волосамъ и сложенію. Это была круглая, веселая, совершенно курносая рожа съ большимъ ртомъ и свѣтлыми, ярко-голубыми круглыми глазами. Щеки и шея его были красны, какъ натертыя суконкой; брови, длинныя рѣсницы и пушокъ, ровно покрывающій низъ его лица, были залѣплены снѣгомъ и совершенно бѣлы. До станціи оставалось всего полверсты, и мы остановились.

— Только поскорѣе, — сказалъ я.

— Въ одну минуту, — отвѣчалъ Игнашка, соскакивая съ облучка и подходя къ Филиппу.

— Давай братъ, — сказалъ онъ, снимая съ правой руки и бросая на снѣгъ рукавицу съ кнутомъ, и, опрокинувъ голову, залпомъ выпилъ поданный ему стаканчикъ водки.

Цѣловальникъ, должно-быть, отставной казакъ, съ полуштофомъ въ рукѣ вышелъ изъ двери.

— Кому подносить? — сказалъ онъ.

Высокій Василій, худощавый, русый мужикъ съ козлиною бородою, и совѣтчикъ, толстый, бѣлобрысый, съ бѣлою густою бородой, обкладывающею его красное лицо, подошли и тоже выпили по стаканчику. Старичокъ подошелъ было тоже къ группѣ пьющихъ, но ему не подносили, и онъ отошелъ къ своимъ, привязаннымъ сзади, лошадямъ, и сталъ поглаживать одну изъ нихъ по спинѣ и заду.

Старичокъ былъ точно такой, какимъ я воображалъ его: маленькій, худенькій, со сморщеннымъ, посинѣлымъ лицомъ, жиденькою бородкой, острымъ носикомъ и съѣденными желтыми зубами. Шапка на немъ была ямская, совершенно новая, но полушубчишка, истертый, испачканный дегтемъ и прорванный на плечѣ и полахъ, не закрывалъ колѣнъ и посконнаго нижняго платья, всунутаго въ огромные валеные сапоги. Самъ онъ весь сгорбился, сморщился и, дрожа лицомъ и колѣнями, копошился около саней, видимо стараясь согрѣться.

— Что-жъ, Митричъ, поставь косушку-то: согрѣлся бы важно, — сказалъ ему совѣтчикъ.

Митрича подернуло. Онъ поправилъ шлею у своей лошади, поправилъ дугу и подошелъ ко мнѣ.

— Что-жъ, баринъ, — сказалъ онъ, снимая шапку со своихъ сѣдыхъ волосъ и низко кланяясь, — всю ночь съ вами плутали, дорогу искали: хоть бы на косушечку пожаловали. Право, батюшка, ваше сіятельство! А то обогрѣться не на что, — прибавилъ онъ съ подобострастною улыбочкой.

Я далъ ему четвертакъ. Цѣловальникъ вынесъ косушку и поднесъ старику. Онъ снялъ рукавицу съ кнутомъ и поднесъ маленькую, черную, корявую и немного посинѣвшую руку къ стакану; но большой палецъ его, какъ чужой, не повиновался ему: онъ не могъ удержать стакана и, разливъ вино, уронилъ его на снѣгъ.

Всѣ ямщики расхохотались.

— Вишь, замерзъ Митричъ-то какъ, ажъ вина не сдержитъ.

Но Митричъ очень огорчился тѣмъ, что пролилъ вино.

Ему, однако, налили другой стаканъ и вылили въ ротъ. Онъ тотчасъ же развеселился, сбѣгалъ въ кабакъ, запалилъ трубку, сталъ осклабливать свои желтые съѣденные зубы и ко всякому слову ругаться. Допивъ послѣднюю косуху, ямщики разошлись къ тройкамъ, и мы поѣхали.

Снѣгъ все становился бѣлѣе и ярче, такъ что ломило глаза, глядя на него. Оранжевыя, красноватыя полосы выше и выше, ярче и ярче расходились вверхъ по небу; даже красный кругъ солнца завиднѣлся на горизонтѣ сквозь сизыя тучи: лазурь стала блестящѣе и темнѣе. По дорогѣ около станицы слѣдъ былъ ясный, отчетливый, желтоватый, кое-гдѣ были ухабы; въ морозномъ, сжатомъ воздухѣ чувствительна была какая-то пріятная легкость и прохлада.

Моя тройка бѣжала очень шибко. Голова коренной и шея съ развѣвающеюся по дугѣ гривой раскачивались быстро почти на одномъ мѣстѣ, подъ охотницкимъ колокольчикомъ, язычокъ котораго уже не бился, а скоблилъ по стѣнкамъ. Добрыя пристяжныя, дружно натянувъ замерзлыя кривыя постромки, энергически подпрыгивали, кисточка билась подъ самое брюхо и шлею. Иногда пристяжная сбивалась въ сугробъ съ пробитой дороги и запорашивала глаза снѣгомъ, бойко выбиваясь изъ него. Игнашка покрикивалъ веселымъ теноромъ; сухой морозъ повизгивалъ подъ полозьями; сзади звонко-празднично звенѣли два колокольчика и слышны были пьяныя покрикиванья ямщиковъ. Я оглянулся назадъ: сѣрыя, курчавыя пристяжныя, вытянувъ шеи, равномѣрно сдерживая дыханье, съ перекосившимися удилами, попрыгивали по снѣгу. Филиппъ, помахивая кнутомъ, поправлялъ шапку; старичокъ, задравъ ноги, такъ же какъ и прежде, лежалъ въ серединѣ саней.

Черезъ двѣ минуты сани заскрипѣли по доскамъ сметеннаго подъѣзда станціоннаго дома, и Игнашка повернулъ ко мнѣ свое засыпанное снѣгомъ, дышащее морозомъ, веселое лицо.

— Доставили таки, баринъ! — сказалъ онъ.

ЗАПИСКИ МАРКЕРА

Повѣсть

(1856 г.)

Такъ, часу въ третьемъ было дѣло. Играли господа: гость большой (такъ его наши прозвали), князь былъ (что̀ съ нимъ все ѣздитъ), усатый баринъ тоже былъ, гусаръ маленькій, Оливеръ, что̀ въ актерахъ былъ, *панъ* были. Народу было порядочно.

Гость большой съ княземъ играли. Только вотъ я себѣ съ машинкой кругъ билліарда похаживаю, считаю: десять и сорокъ восемь, двѣнадцать и сорокъ восемь. Извѣстно, наше дѣло маркелское: у тебя еще во рту куска не было и не спалъ-то ты двѣ ночи, а все, знай, покрикивай да шары вынимай. Считаю себѣ, смотрю: новый баринъ какой-то въ двери вошелъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и сѣлъ на диванчикъ. Хорошо.

«Кто, молъ, это такой будетъ, изъ какихъ то-есть?» думаю про себя.

Одѣтъ чисто, ужъ такъ чисто, что какъ съ иголочки все платье на немъ: брюки триковыя клѣтчатыя, сюртучокъ модный, коротенькій, жилетъ плюшевый и цѣпь золотая, а на ней всякія штучки висятъ.

Одѣтъ чисто, а ужъ изъ себя еще того чище: тонкій, высокій, волоса завиты напередъ, по-модному, и съ лица бѣлый, румяный, ну, сказать, молодецъ.

Оно, извѣстно, наше дѣло такое, что народу всякаго видимъ: и самаго что ни есть важнаго, и дряни-то много бываетъ; такъ все хотя и маркелъ, а къ людямъ приноровишься, то-есть въ томъ разѣ, что въ политикѣ-то кое-что смыслишь.

Посмотрѣлъ я на барина, вижу, сидитъ тихо, ни съ кѣмъ не знакомъ, и платье-то на немъ новехонько; думаю себѣ: али изъ иностранцевъ, англичанъ будетъ, али изъ графовъ какихъ пріѣзжихъ. И даромъ что молодой, видъ имѣетъ въ себѣ. Подлѣ него Оливеръ сидѣлъ, такъ посторонился даже.

Кончили партію; большой проигралъ. Кричитъ на меня:

— Ты, говоритъ, все врешь: не такъ считаешь, по сторонамъ смотришь.

Бранится, кій шваркнулъ и ушелъ. Вотъ поди ты! По вечерамъ съ княземъ по пятидесяти цѣлковыхъ партію играютъ, а тутъ бутылку *макону* проигралъ и самъ не въ себѣ. Ужъ такой характеръ! Другой разъ до двухъ часовъ играютъ съ княземъ; денегъ въ лузу не кладутъ, и ужъ, знаю, денегъ нѣтъ ни у того, ни у другого, а все форсятъ:

— Идетъ, говоритъ, отъ двадцати пяти уголъ?

— Идетъ!

Зѣвни только, али шара не такъ поставь — вѣдь не каменный человѣкъ! — такъ еще норовитъ въ морду заѣхать.

— Не на щепки, говоритъ, играютъ, а на деньги.

Ужъ этотъ пуще всѣхъ меня донимаетъ.

Ну, хорошо. Только князь и говоритъ новому барину-то, какъ большой ушелъ.

— Не угодно ли, говоритъ, со мной сыграть?

— Съ удовольствіемъ, говоритъ.

Сидѣлъ онъ такъ, такимъ фофаномъ смотритъ, что ну! куражный то-есть изъ себя; ну, а какъ всталъ, подошелъ къ билліарду и не то заробѣлъ — заробѣлъ, не заробѣлъ, — а видно, что ужъ не въ своемъ духѣ. Въ платьѣ, что ли, въ новомъ неловко, али боится, что смотрятъ всѣ на него, только ужъ форцу того нѣтъ. Ходитъ бокомъ какъ-то, карманомъ за лузы цѣпляетъ, станетъ кій мѣлить, мѣлъ уронитъ. Гдѣ бы и сдѣлалъ шара, такъ все оглядывается да краснѣетъ. Не то, что князь: тотъ ужъ привыкъ — намѣлитъ, намѣлитъ себѣ руку, рукава засучитъ, да какъ пойдетъ садить, такъ лузы трещатъ, даромъ что маленькій.

Сыграли двѣ или три партіи, ужъ не помню; князь кій положилъ, говоритъ:

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?

— Нехлюдовъ! говоритъ.

— Вашъ, говоритъ, батюшка корпусомъ командовалъ?

— Да, говоритъ.

Тутъ по французски что-то часто заговорили: ужъ я не понялъ. Должно, все родство вспоминали.

— А ревуаръ, говоритъ князь: — очень радъ съ вами познакомиться.

Вымылъ руки и ушелъ кушать; а тотъ стоитъ съ кіемъ у билліарда, шарики поталкиваетъ.

Наше дѣло извѣстно: съ новымъ человѣкомъ что грубѣй быть, то лучше: я взялъ шары, да и собираю. Онъ покраснѣлъ, говоритъ:

— Можно еще сыграть?

— Извѣстно, говорю, на то билліардъ стоитъ, чтобъ играть.

А самъ на него не смотрю, кіи уставляю.

— Хочешь со мной играть?

— Извѣстно, говорю, сударь.

Шары поставилъ.

— На пролазъ угодно?

— Что такое значитъ, говоритъ, на пролазъ?

— Да такъ, я говорю, вы мнѣ полтинничекъ, а я подъ билліардъ пролѣзу.

Извѣстно, ничего не видамши, чудно ему показалось, смѣется.

— Давай, говоритъ.

— Хорошо. Я говорю: мнѣ впередъ сколько пожалуете?

— Развѣ, говоритъ, ты хуже меня играешь?

— Какъ можно, я говорю, у насъ противъ васъ и игроковъ мало.

Стали играть. Ужъ онъ и точно думаетъ, что мастеръ: стучитъ такъ, что бѣда; а *панъ* сидитъ, да все приговариваетъ:

— Вотъ такъ шаръ! Вотъ такъ ударъ!

А какой!... ударишка точно былъ, да разсчету ничего не знаетъ. Ну, какъ водится, проигралъ я первую партію: полѣзъ, кряхчу. Тутъ Оливеръ, панъ съ мѣстовъ пососкочили, кіями стучатъ.

— Славно! Еще, говорятъ, еще!

А ужъ чего «еще»! Особенно панъ-то за полтинникъ радъ бы не то подъ билліардъ, подъ Синій мостъ пролѣзть. А то туда же кричитъ:

— Славно! говоритъ, пыль не всю еще вытеръ.

Петрушка маркелъ, я чай, всѣмъ извѣстенъ. Тюрикъ былъ да Петрушка маркелъ.

Только игры, извѣстно, не открылъ: проигралъ другую.

— Мнѣ, говорю, съ вами, сударь, такъ и такъ не сыграть.

Смѣется. Потомъ, какъ выигралъ я три партіи — у нихъ сорокъ девять было, у меня никого, — я положилъ кій на билліардъ, говорю:

— Угодно, баринъ, на всю?

— Какъ на всю? говоритъ.

— Либо три рубля за вами, либо ничего, говорю.

— Какъ, говоритъ, развѣ я съ тобой на деньги играю! Дуракъ!

Покраснѣлъ даже.

Хорошо. Проигралъ онъ партію.

— Довольно, говоритъ.

Досталъ бумажникъ, новенькій такой, въ аглицкомъ магазинѣ купленъ, открылъ, ужъ я вижу, пофорсить хотѣлъ. Полнехонекъ денегъ, да все сторублевыя.

— Нѣтъ, говоритъ, тутъ мелочи нѣтъ.

Досталъ изъ кошелька три рубля.

— Тебѣ, говоритъ, два, да за партіи, а остальные возьми на водку.

Благодарю, молъ, покорно. Вижу — баринъ славный! Для такого можно полазить. Одно жаль, на деньги не хочетъ играть; а то, думаю, ужъ я бы изловчился: глядишь, рублей двадцать, а то и сорокъ потянулъ бы.

Какъ панъ увидѣлъ деньги у молодого барина-то, — не угодно ли, говоритъ, со мной партійку? Вы такъ отлично играете. — Такой лисой подъѣхалъ.

— Нѣтъ, говоритъ, извините; мнѣ некогда. — И ушелъ.

И чортъ его знаетъ, кто онъ такой былъ, панъ этотъ. Прозвалъ кто-то *паномъ*, такъ и пошло. День-денской, бывало, сидитъ въ билліардной, все смотритъ. Ужъ его и били-то и ругали и въ игру ни въ какую не принимали, все сидитъ себѣ, принесетъ трубку и куритъ. Да ужъ и игралъ чисто... бестія!

Хорошо. Пришелъ Нехлюдовъ въ другой разъ, въ третій: сталъ часто ходить. И утромъ, и вечеромъ, бывало, ходитъ. Въ три шара, алагеръ, пирамидку: все узналъ. Смѣлѣй сталъ, познакомился со всѣми и играть сталъ порядочно. Извѣстно, человѣкъ молодой, большой фамиліи, съ деньгами, такъ и уважалъ каждый. Только съ однимъ съ гостемъ съ большимъ разъ какъ-то повздорилъ.

И изъ-за пустяковъ дѣло вышло.

Играли алагеръ: князь, гость большой, Нехлюдовъ, Оливеръ и еще кто-то. Нехлюдовъ стоитъ около печки, говоритъ съ кѣмъ-то, а большому играть. Только шаръ его и придись какъ разъ противъ самой печки: тѣсненько тамъ, да и любитъ онъ размахнуться.

Вотъ онъ, не видалъ, что ли, Нехлюдова, или нарочито, какъ размахнется въ шара да Нехлюдова въ грудь турникомъ ка-акъ стукнетъ! Охнулъ даже сердечный. Такъ что-жъ? Нѣтъ того, чтобы извиниться — грубый такой! Пошелъ себѣ дальше, на него и не посмотрѣлъ, да еще бормочетъ:

— Чего, говоритъ, тутъ суются? Отъ этого шара не сдѣлалъ. Развѣ нѣтъ мѣста?

Тотъ подошелъ къ нему, поблѣднѣлъ весь! а говоритъ какъ ни въ чемъ не бывало, учтиво такъ:

— Вы бы прежде, сударь, должны извиниться; вы меня толкнули, говоритъ.

— Не до извиненій мнѣ теперь; я бы, говоритъ, долженъ выиграть, а теперь, говоритъ, вотъ моего шара сдѣлаютъ.

Тотъ ему опять говоритъ:

— Вы должны, говоритъ, извиниться.

— Убирайтесь вы, говоритъ. Вотъ присталъ!

А самъ все на своего шара смотритъ.

Нехлюдовъ подошелъ къ нему еще ближе, да за руку его.

— Вы невѣжа, говоритъ, милостивый государь!

Даромъ что тоненькій, молоденькій, какъ дѣвушка красная, а какой задорный: глазенки горятъ, вотъ такъ съѣсть его хочетъ. Большой-то гость — мужчина здоровый, высокій, куда Нехлюдову!

— Что-о? говоритъ, я невѣжа!

Да какъ закричитъ, да какъ замахнется на него. Тутъ подскочили, кто былъ, за руки ихъ поймали обоихъ, растащили.

Тары да бары, Нехлюдовъ говоритъ:

— Пусть онъ мнѣ удовлетвореніе дастъ: онъ меня оскорбилъ, дескать, т.-е. дуэль хотѣлъ съ нимъ имѣть. Извѣстно, господа: ужъ у нихъ такое заведеніе... Нельзя!... Ну, одно слово, господа!

— Никакого, говоритъ, удовлетворенія знать не хочу, онъ мальчишка, больше ничего. Я его за уши выдеру.

— Ежели вы, говоритъ, не хотите драться, такъ вы неблагородный человѣкъ.

А самъ чуть не плачетъ.

— А ты, говоритъ, мальчишка, — я отъ тебя ничѣмъ не обижусь!

Ну, развели ихъ, какъ водится, по разнымъ комнатамъ. Нехлюдовъ съ княземъ дружны были. — Поди, говоритъ, ради Бога, уговори его, чтобы онъ, то-есть, на дуэль согласіе сдѣлалъ. Онъ, говоритъ, пьянъ былъ, можетъ-быть, опомнится, нельзя, говоритъ, этому дѣлу такъ кончиться.

Пошелъ князь. Большой говоритъ:

— Я, говоритъ, и на дуэли, и на войнѣ дрался. Не стану, говоритъ, съ мальчишкой драться. Не хочу, да и шабашъ.

Что-жъ! поговорили, поговорили, да и замолчали; только гость большой пересталъ къ намъ ѣздить.

Насчетъ этого, то-есть конфузу, какой пѣтушокъ былъ, амбиціонный былъ... то-есть Нехлюдовъ-то... а ужъ что касается чего другого прочаго, такъ вовсе не смыслилъ. Помню разъ:

— Кто у тебя здѣсь есть? говоритъ князь Нехлюдову-то.

— Никого, говоритъ.

— Какъ же, говоритъ, никого?

— Зачѣмъ? говоритъ.

— Какъ зачѣмъ?

— Я, говоритъ, до сихъ поръ такъ жилъ, такъ отчего же нельзя?

— Какъ: такъ жилъ? Не можетъ быть!

И заливается-хохочетъ, и усатый баринъ тоже хохочетъ. Совсѣмъ на-смѣхъ подняли.

— Такъ никогда? говорятъ.

— Никогда.

Помираютъ со смѣху. Я, извѣстно, сейчасъ понялъ, что они такъ надъ нимъ смѣются. Смотрю: что, молъ, будетъ изъ него?

— Поѣдемъ, говоритъ князь, сейчасъ.

— Нѣтъ, ни за что! говоритъ.

— Ну, полно; это смѣшно, говоритъ. Выпей для куражу, да и поѣдемъ.

Принесъ я имъ бутылку шампанскаго. Выпили, повезли молодчика.

Поѣхали.

Пріѣхали часу въ первомъ. Сѣли ужинать, и собралось ихъ много, что ни есть самые лучшіе господа: Атановъ, князь Разинъ, графъ Шустахъ, Мирцовъ. И всѣ Нехлюдова поздравляютъ, смѣются. Меня позвали, вижу — веселы порядочно.

— Поздравляй, говорятъ, барина.

— Съ чѣмъ? говорю.

Какъ бишь онъ сказалъ? *съ посвященіемъ ли, съ просвѣщеніемъ ли*, не помню ужъ хорошенько.

— Честь имѣю, говорю, поздравить.

А онъ красный сидитъ, улыбается только. То-то смѣху-то было!

Хорошо. Приходятъ потомъ въ билліардную, веселы всѣ, а Нехлюдовъ на себя не похожъ: глаза посоловѣли, губами водитъ, икаетъ все и ужъ слова не можетъ сказать хорошенько. Извѣстно, ничего не видамши, его и сшибло.

Подошелъ онъ къ билліарду, облокотился, да и говоритъ:

— Вамъ, говоритъ, смѣшно, а мнѣ грустно.. Зачѣмъ, говоритъ, я это сдѣлалъ; и тебѣ, говоритъ, князь, и себѣ въ жизнь свою этого не прощу.

Да какъ зальется, заплачетъ. Извѣстно, выпилъ, самъ не знаетъ, что говоритъ. Подошелъ къ нему князь, улыбается самъ.

— Полно, говоритъ, пустяки!... Поѣдемъ домой, Анатолій.

— Никуда, говоритъ, не поѣду. Зачѣмь я это сдѣлалъ? А самъ-то заливается. Нейдетъ отъ билліарда, да и шабашъ. Что значитъ человѣкъ молодой, непривычный... Такъ тутъ билліардъ и загадилъ. Ужъ на другой день за сукно 80 руб. заплатилъ.

Такимъ-то родомъ ѣзжалъ онъ къ намъ часто. Пріѣзжаютъ разъ съ княземъ и съ усатымъ господиномъ, который все съ княземъ ходилъ. Изъ чиновныхъ или изъ отставныхъ какихъ былъ, Богъ его знаетъ, только Ѳедоткой его все господа звали. Скуластый, дурной такой, а ходилъ чисто и въ каретѣ ѣзжалъ. За что его господа такъ любили, Богъ ихъ вѣдаетъ. *Ѳедотка*, *Ѳедотка*, а глядишь — его и кормятъ, и поятъ, и деньги за него платятъ. Да ужъ и шельма же былъ! проиграетъ — не платитъ; а выиграетъ, такъ небойсь! Ужъ его и ругали-то, и билъ въ глазахъ моихъ гость большой, и на дуэль вызывалъ... а все съ княземъ подъ ручку ходитъ.

— Ты, говоритъ, пропадешь безъ меня. Я Ѳедотъ, говоритъ, да не тотъ.

Шутникъ такой! Ну, ладно. Пріѣхали. Говоритъ:

— Давай алагеръ втроемъ составимъ.

— Давай, говоритъ.

Стали играть по три рубля ставку. Нехлюдовъ съ княземъ тары да бары.

— Ты, говоритъ, посмотри, какая у нея ножка. Нѣтъ, говоритъ, что ножка? у нея коса, говоритъ, хороша.

Извѣстно, на игру не смотрятъ: только все промежъ себя разговариваютъ. А *Ѳедотка* свое дѣло помнитъ, знай съ накатцемъ сыграетъ, а тѣ промахъ али вовсе на себя. И зашибъ по шести рублей съ брата. Съ княземъ-то у нихъ Богъ знаетъ какіе счеты были, никогда другъ другу денегъ не платили, а Нехлюдовъ досталъ двѣ зелененькихъ, подаетъ ему.

— Нѣтъ, говоритъ, я не хочу съ тебя денегъ брать. Давай простую сыграемъ: китудубль, то-есть либо вдвое, либо ничья.

Поставилъ я шаровъ. *Ѳедотка* впередъ взялъ, и стали играть. Нехлюдовъ-то бьетъ, чтобы пофорсить; другой разъ на партіи стоитъ, нѣтъ, говоритъ, не хочу: легко, молъ, слишкомъ; а Ѳедотка свое дѣло не забываетъ, знай себѣ подбираетъ. Извѣстно, игру скрылъ, да какъ будто невзначай и выиграй партію.

— Давай, говоритъ, еще на всѣ.

— Давай.

Опять выигралъ.

— Съ пустяковъ, говоритъ, началось; я не хочу у тебя много выигрывать. Идетъ на всѣ?

— Идетъ.

Оно какъ бы ни было, пятидесяти-то рублей жалко; ужъ Нехлюдовъ проситъ: «давай на всю». Пошла да пошла, дальше да больше, двѣсти восемьдесятъ рублей на него и набилъ. *Ѳедотка* сноровку знаетъ: простую проиграетъ, а уголъ выиграетъ. А князь сидитъ, видитъ, что дѣло въ серьезъ пошло.

— *Асе*, говоритъ, *асе*.

Какой!... все кушъ прибавляютъ.

Наконецъ тому дѣло вышло, за Нехлюдовымъ пятьсотъ съ чѣмъ-то рублей. *Ѳедотка* кій положилъ, говоритъ:

— Не довольно ли? я усталъ, говоритъ.

А самъ до зари готовъ играть, только бы денежки были; политика, извѣстно. Тому еще пуще хочется: давай да давай.

— Нѣтъ, говоритъ, ей-Богу, усталъ. Пойдемъ, говоритъ, наверхъ; тамъ реваншъ возьмешь.

А наверху у насъ въ карты играли господа. Сначала преферансикъ, а тамъ глядишь *любишь не любишь* пойдетъ.

Вотъ съ того самаго числа такъ его *Ѳедотка* окрутилъ, что началъ онъ къ намъ каждый день ѣздить. Сыграетъ партію-другую, да и наверхъ, да и наверхъ.

Ужъ что тамъ у нихъ бывало, Богъ ихъ знаетъ, только что совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, и съ *Ѳедоткой* все пошло заодно. Прежде, бывало, модный, чистенькій, завитой, а нынче только съ утра еще въ настоящемъ видѣ; а какъ наверху побывалъ, придетъ взъерошенный, сюртукъ въ пуху, въ мѣлу, руки грязныя.

Разъ этакимъ манеромъ приходитъ оттуда съ княземъ, блѣдный, губы трясутся и споритъ что-то.

— Я, молъ, не позволю *ему*, говоритъ, мнѣ (какъ бишь онъ сказалъ?)... что я не *велика-*

тенъ, что ли, и что *онъ* моихъ картъ не будетъ бить. Я, говоритъ, *ему* десять тысячъ заплатилъ, такъ *онъ* могъ бы при другихъ-то быть осторожнѣе.

— Ну, полно, говоритъ князь, стоитъ ли на *Ѳедотку* сердиться.

— Нѣтъ, говоритъ, я этого такъ не оставлю.

— Перестань, говоритъ, какъ можно до того унижаться, чтобы съ *Ѳедоткой* имѣть исторію.

— Да вѣдь тутъ были посторонніе.

— Что-жъ, говоритъ, посторонніе? Ну, хочешь, я его сейчасъ заставлю у тебя прощенія просить?

— Нѣтъ, говоритъ.

И забормотали что-то по-французски, ужъ я не понялъ. Что-жъ? тотъ же вечеръ съ *Ѳедоткой* вмѣстѣ ужинали, и опять дружба пошла.

Хорошо. Придетъ другой разъ одинъ.

— Что, говоритъ, хорошо я играю?

Наше дѣло извѣстно: потрафлять каждому надо; скажешь: хорошо, а какой хорошо, — стучитъ дуромъ, а разсчету ничего нѣтъ. И съ того самаго время, какъ съ *Ѳедоткой* связался, все на деньги играть сталъ. Прежде не любилъ ни на что, — ни на кушанье, ни на шампанское. Бывало, князь скажетъ:

— Давай на бутылку шампанскаго.

— Нѣтъ, говоритъ, я лучше такъ велю принести. Гей! дай бутылку.

А нынче все на интересъ сталъ играть. Ходитъ, бывало, день-деньской у насъ: или съ кѣмъ въ билліардъ играетъ, или наверхъ пойдетъ. Я себѣ и думаю: что же другимъ, а не мнѣ все будетъ доставаться?

— Что, говорю, сударь, со мной давно не играли?

Вотъ и стали играть.

Какъ набилъ я на него полтинниковъ десять:
— На квитъ, говорю, хотите, сударь?

Молчитъ. Не то что прежде *дурака* сказалъ. Вотъ и стали играть: на квитъ да на квитъ; я на него рублей восемьдесятъ и набилъ. Такъ что-жъ? Каждый день со мной играть сталъ. Того и ждетъ, бывало, чтобы не было никого, а то, извѣстно, при другихъ стыдно ему съ *маркеломъ* играть. Разъ какъ-то погорячился онъ, а рублей ужъ за нимъ съ шестьдесятъ было.

— Хочешь, говоритъ, на всѣ?

— Идетъ, говорю.

Выигралъ я.

— Сто двадцать на сто двадцать?

— Идетъ, говорю.

Опять выигралъ.

— Двѣсти сорокъ на двѣсти сорокъ?

— Не много ли будетъ? говорю.

Молчитъ. Стали играть: опять моя партія.

— Четыреста восемьдесятъ на четыреста восемьдесятъ? — Я говорю:

— Что-жъ, сударь, мнѣ васъ обижать. Сто-то рубликовъ пожалуйте; а то пусть такъ будетъ. Такъ онъ какъ крикнетъ! А вѣдь какой тихій былъ.

— Я, говоритъ, тебя исколочу. Играй или не играй.

Ну, вижу, дѣлать нечего.

— Триста восемьдесятъ, говорю, извольте.

Извѣстно, хотѣлъ проиграть.

Далъ я сорокъ впередъ. У него пятьдесятъ два было, у меня тридцать шесть. Сталъ онъ желтаго рѣзать, да и положи на себя восемнадцать очковъ, а мой на перекатѣ стоялъ.

Ударилъ я такъ, чтобы выскочилъ шаръ. Не тутъ-то было, онъ дуплетомъ и упади. Опять моя партія.

— Послушай, говоритъ, *Петръ* (Петрушкой не назвалъ), я тебѣ сейчасъ не могу отдать всѣхъ, а черезъ два мѣсяца хоть три тысячи могу заплатить.

А самъ весь кра-асный сталъ, дрожитъ ажно голосъ у него.

— Хорошо, говорю, сударь.

Да и поставилъ кій. Онъ походилъ, походилъ, потъ такъ съ него и льетъ.

— Петръ, говоритъ, давай на всѣ.

А самъ чуть не плачетъ.

Я говорю:

— Что, сударь, играть!

— Ну, давай, пожалуйста.

И самъ кій мнѣ подаетъ. Я взялъ кій, да шары на бильярдъ такъ шваркнулъ, что на полъ полетѣли: извѣстно, нельзя не пофорсить; говорю:

— *Давай, сударь.*

А ужъ онъ такъ заторопилъ, что самъ шаръ поднялъ. Думаю себѣ: «не получить мнѣ семисотъ рублей; все равно проиграю». Сталъ нарочно играть. Такъ что же?

— Зачѣмъ, говоритъ, нарочно дурно играешь?

А у самого руки дрожатъ, а какъ шаръ къ лузѣ бѣжитъ, такъ пальцы растаращитъ, ротъ скривитъ, да все къ лузѣ головой-то и руками тянетъ. Ужъ я говорю:

— Этимъ не поможешь, сударь.

Хорошо. Какъ выигралъ онъ эту партію, я говорю:

— Сто восемьдесятъ рубликовъ за вами будетъ, да полтораста партій; а я, молъ, ужинать пойду.

Поставилъ кій и ушелъ.

Сѣлъ я себѣ за столикъ противъ двери, а самъ смотрю: что, молъ, изъ него будетъ? Такъ что-жъ? Походитъ, походитъ — чай думаетъ: никто на него не глядитъ — да за волосы себя какъ дернетъ, — и опять ходитъ, бормочетъ все что-то, да опять какъ дернетъ.

Послѣ того дней съ восемь не видать его было. Пришелъ въ столовую разъ, угрюмый такой, и въ бильярдную не зашелъ.

Увидалъ его князь:

— Пойдемъ, говоритъ, сыграемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, я больше играть не буду.

— Да полно, пойдемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, не пойду. Тебѣ, говоритъ, добра не сдѣлаетъ, что я пойду, а мнѣ дурно отъ этого будетъ.

Такъ и не ходилъ дней съ десять еще. А потомъ на праздникахъ какъ-то заѣхалъ, во фракѣ, — видно въ гостяхъ былъ, и цѣлый день пробылъ: все игралъ, на другой день пріѣхалъ, на третій... Пошло по-старому. Хотѣлъ я было съ нимъ еще поиграть.

— Такъ нѣтъ, говоритъ, съ тобой играть не стану, а сто восемьдесятъ рублей, что̀ я тебѣ долженъ, приди ко мнѣ черезъ мѣсяцъ, получишь.

Хорошо. Пришелъ къ нему черезъ мѣсяцъ.

— Ей-Богу, говоритъ, нѣтъ, а въ четвергъ приди.

Пришелъ я въ четвергъ, — славную такую квартерку занималъ.

— Что, говорю, дома?

— Почиваетъ, говорятъ.

— Хорошо, подожду.

Камердинъ у него изъ своихъ былъ; старичокъ такой сѣденькій, простой, ничего политики не зналъ. Вотъ и поразговорились мы съ нимъ.

«Что, говоритъ, мы тутъ живемъ съ бариномъ? Совсѣмъ замотались и никакой намъ ни чести, ни пользы нѣтъ отъ Петербургу отъ этого. Изъ деревни ѣхали, думали: будемъ какъ при покойникѣ баринѣ, царство небесное, по князьямъ, по графамъ, да по генераламъ ѣздить; думали: возьмемъ себѣ какую изъ графинь кралю, съ приданымъ, да и заживемъ по-дворянски, а выходитъ на повѣрку, что мы только по трахтирамъ бѣгаемъ — совсѣмъ плохо! Княгиня-то Ртищева вѣдь намъ тетка родная, а князь Боротынцевъ тятенька хрестный. Что-жъ? только на Рождество былъ разъ, да и носу не кажетъ. Ужъ ихніе люди и то смѣются мнѣ: что, молъ, вашъ баринъ-то видно не въ папеньку пошелъ. Я разъ и говорю ему:

«— Что, сударь, къ тетенькѣ не изволите ѣздить? Онѣ скучаютъ, что васъ давно не видали.

«— Скучно, говоритъ, тамъ, Демьянычъ.

«Поди ты! только и веселья нашелъ, что въ трахтирѣ. Хоть бы служилъ бы, что ли, а то нѣтъ: занялся картами да прочимъ, а ужъ эвти дѣла никогда къ добру не поведутъ . . . Э-эхъ, пропадаемъ мы, такъ, ни за грошъ пропадаемъ!... У насъ отъ барыни-покойницы, царство небесное, богатѣйшее имѣніе осталось: тысяча душъ слишкомъ, тысячъ на триста лѣсу было. Все заложилъ теперь, лѣсъ продалъ, мужичковъ разорилъ, и все нѣтъ ничего. Безъ господина, извѣстно, управляющій самъ больше господина: деретъ съ мужика послѣднюю шкуру, да и шабашъ. Ему что? набить бы только карманъ, а тамъ хоть съ голоду всѣ помирай. Намедни пришли два мужичка, жалобы принесли отъ всей вотчины.

«— Разорилъ, говорятъ, въ конецъ мужиковъ.

«Что-жъ? прочиталъ жалобы, далъ по десяти рублей мужичкамъ. — Я, говоритъ, самъ скоро буду. Получу деньги, говоритъ, расплачусь, тогда уѣду.

«А гдѣ расплатиться, когда мы все долги дѣлаемъ? Вѣдь много ли, мало ли, тутъ зиму прожили, тысячъ восемьдесятъ спустили; а теперь въ домѣ рубля серебромъ нѣту! А все отъ добродѣтели своей. Ужъ такой простой баринъ, что и сказать нельзя. Отъ этого самаго и пропадаетъ, такъ вотъ ни за что пропадаетъ».

И самъ чуть не плачетъ, старикъ-то. Такой старикъ смѣшной.

Проснулся часу въ одиннадцатомъ, позвалъ меня.

— Не прислали мнѣ, говоритъ, денегъ, только я не виноватъ. Затвори, говоритъ, дверь.

Я затворилъ.

— Вотъ, говоритъ, возьми часы или булавку брильянтовую и заложи ихъ. Тебѣ, говоритъ, за нихъ больше ста восьмидесяти рублей дадутъ, а когда я получу деньги, то выкуплю, говоритъ.

— Что-жъ, я говорю, сударь, коли денегъ у васъ нѣтъ, нечего дѣлать: пожалуйте хоть часы. Я для васъ могу уважить.

А самъ вижу, что часы рублей триста стоятъ.

Хорошо. Заложилъ я часы за сто рублей, а записку ему принесъ.

— Восемьдесятъ, говорю, рублей за вами будутъ; а часы сами извольте выкупить.

Такъ по сіе время восемьдесятъ рублей моихъ денегъ за нимъ осталось.

Такимъ-то родомъ сталъ онъ къ намъ опять каждый день ходить. Ужъ не знаю, какіе у нихъ промежъ себя разсчеты были, только все вмѣстѣ съ княземъ ѣзжали. Или съ Ѳедоткой наверхъ пойдутъ играть. И тоже какіе-то у нихъ втроемъ мудреные счеты были: тотъ тому даетъ, тотъ тому даетъ; а кто кому долженъ, не разберешь никакъ.

И бывалъ онъ такимъ манеромъ у насъ два года, почитай, что каждый день; только видъ ужъ свой потерялъ: бойкій сталъ и другой разъ до того доходилъ, что у меня по цѣлковому занималъ извозчику отдать; а по сту рублей съ княземъ партію играли.

Скучный, худой, желтый сталъ. Пріѣдетъ, бывало, абсинту сейчасъ рюмочку велитъ подать, *канапе* закуситъ да портвейномъ запьетъ; ну, и повеселѣй какъ будто.

Пріѣзжаетъ разъ передъ обѣдомъ, на масленицѣ дѣло было, и сталъ съ какимъ-то гусаромъ играть.

— Хотите, говоритъ, заинтересовать партію?

— Извольте, говоритъ. На что?

— Бутылку Клодвужо, хотите?

— Идетъ.

Хорошо. Гусаръ выигралъ, и пошли кушать. Сѣли за столъ; только Нехлюдовъ и говоритъ:

— Simon! бутылку Клодвужо; да смотри, согрѣть хорошенько.

Simon ушелъ, приноситъ кушанье, бутылки нѣтъ.

— Что-жъ, говоритъ, вино?

Simon побѣжалъ, приноситъ жаркое.

— Подавай же вино, говоритъ.

Simon молчитъ.

— Что ты, съ ума сошелъ! мы ужъ кончаемъ обѣдать, а вина нѣтъ. Кто-жъ его пьетъ за десертомъ?

Побѣжалъ Simon.

— Хозяинъ, говоритъ, васъ проситъ.

Покраснѣлъ весь, выскочилъ изъ-за стола.

— Что, говоритъ, ему надо?

А хозяинъ стоитъ у двери.

— Я, говоритъ, не могу вамъ больше вѣрить, коли вы мнѣ по счету не заплатите.

— Да я, говоритъ, вамъ сказалъ, что я въ первыхъ числахъ отдамъ.

— Какъ вамъ угодно, говоритъ, будетъ, а я въ долгъ не могу безпрестанно давать и ничего не получать. У меня и такъ, говоритъ, десятки тысячъ въ долгахъ пропадаютъ.

— Ну, полно, *моншеръ*, говоритъ; ужъ мнѣ-то можно повѣрить. Пришлите бутылку, а я постараюсь вамъ поскорѣе отдать.

И убѣжалъ самъ.

— Что это, васъ зачѣмъ вызывали? гусаръ говоритъ.

— Такъ, говоритъ, просилъ меня объ одной вещи.

— А славно бы, говоритъ гусаръ, теперь винца тепленькаго стаканъ выпить.

— Simon, что же!?

Побѣжалъ мой Simon. Опять нѣтъ ни вина, ничего. Плохо. Вышелъ изъ-за стола, прибѣжалъ ко мнѣ.

— Ради Бога, говоритъ, Петруша, дай мнѣ шесть цѣлковыхъ.

А на самомъ лица нѣтъ.

— Нѣту, говорю, сударь, ей-Богу, да ужъ и такъ за вами моихъ много.

— Я тебѣ, говоритъ, сорокъ цѣлковыхъ за шесть черезъ недѣлю отдамъ.

— Коли бы были, говорю, я бы не смѣлъ отказать, а то ей-ей нѣту.

Такъ что же? выскочилъ, зубы стиснулъ, кулаки сжалъ, какъ шальной по корридору бѣгаетъ, да по лбу себя какъ треснетъ.

— Ахъ! говоритъ, Господи! Что это?

Даже не зашелъ въ столовую, вскочилъ въ карету и ускакалъ.

То-то смѣху было. Гусаръ говоритъ:

— Гдѣ, молъ, баринъ, что со мной обѣдалъ?

— Уѣхалъ, говорятъ.

— Какъ уѣхалъ? Что-жъ онъ сказать велѣлъ?

— Ничего, говорятъ, не велѣли сказывать: сѣли, да и уѣхали.

— Хорошъ, говоритъ, гусь!

Ну, думаю себѣ, теперь долго ѣздить не будетъ, послѣ, то-есть, сраму такого. Такъ нѣтъ. На другой день къ вечеру прiѣзжаетъ. Пришелъ въ бильярдную и ящикъ какой-то съ собой принесъ. Снялъ пальто.

— Давай играть, говоритъ.

Глядитъ исподлобья, сердитый такой.

Сыграли партiйку.

— Довольно, говоритъ, поди принеси мнѣ перо и бумаги, — письмо нужно написать.

Я, ничего не думамши, не гадамши, принесъ бумаги, положилъ на столъ въ маленькую комнату.

— Готово, говорю, сударь.

Хорошо. Сѣлъ за столъ. Ужъ онъ писалъ, писалъ, бормоталъ все что-то, вскочилъ потомъ, нахмуренный такой:

— Поди, говоритъ, посмотри, прiѣхала ли моя карета!

Дѣло въ пятницу на масляной было, такъ никого изъ гостей не было: всѣ по баламъ.

Я пошелъ было узнать объ каретѣ, только за дверь вышелъ.

— Петрушка! Петрушка! кричитъ, точно испужался чего.

Я вернулся. Смотрю: онъ бѣлый, вотъ какъ полотно, стоитъ, на меня смотритъ.

— Звать, говорю, изволили, сударь?

Молчитъ.

— Что, говорю, вамъ угодно?

Молчитъ.

— Ахъ, да! давай еще играть, говоритъ.

Хорошо. Выигралъ онъ партiю.

— Что, говоритъ, хорошо я научился играть?

— Да, я говорю.

— То-то. Поди, говоритъ, теперь узнай, что карета?

А самъ по комнатѣ ходитъ.

Я себѣ, ничего не думая, вышелъ на крыльцо: вижу, кареты никакой нѣтъ, иду назадъ.

Только иду назадъ, слышу, кіемъ ровно стукнулъ кто-то.

Вхожу въ бильярдную: пахнетъ что-то чудно.

Глядь: а онъ на полу лежитъ ве-есь въ крови, и пистоль подлѣ брошена. Такъ я до того испужался, что слова сказать не могъ.

А онъ дрыгнетъ, дрыгнетъ ногой, да и потянется. Захрапѣлъ потомъ, да и растянулся вотъ этакимъ родомъ.

И отчего такой грѣхъ съ нимъ случился, что душу свою загубилъ, то-есть Богъ его знаетъ; только что бумагу эту оставилъ, да и то я никакъ не соображу.

Ужъ чего не дѣлаютъ господа!.. Сказано, господа... Одно слово... господа!

«Богъ далъ мнѣ все, чего можетъ желать человѣкъ: богатство, имя, умъ, благородныя стремленія. Я хотѣлъ наслаждаться и затопталъ въ грязь все, что было во мнѣ хорошаго.

«Я не обезчещенъ, не несчастенъ, не сдѣлалъ никакого преступленія; но я сдѣлалъ хуже: я убилъ свои чувства, свой умъ, свою молодость.

«Я опутанъ грязною сѣтью, изъ которой не могу выпутаться и къ которой не могу привыкнуть. Я безпрестанно падаю, падаю, чувствую свое паденіе и не могу остановиться. Мнѣ легче было бы быть обезчещеннымъ, несчастнымъ или преступнымъ. Тогда было бы какое-то утѣшительное угрюмое величіе въ моемъ отчаяніи. Если бы я былъ обезчещенъ, я бы могъ подняться выше понятій чести нашего общества и презирать его.

«Если бы я былъ несчастливъ, я бы могъ роптать. Если бы я сдѣлалъ преступленіе, я бы могъ раскаяніемъ или наказаніемъ искупить его; но я просто низокъ, гадокъ, знаю это — и не могу подняться.

«... И что погубило меня? Была ли во мнѣ какая-нибудь сильная страсть, которая бы извинила меня? Нѣтъ.

«Семерка, тузъ, шампанское, желтый въ середину, мѣлъ, сѣренькія, радужныя бумажки, папиросы, продажныя женщины — вотъ мои воспоминанія!

«Одна ужасная минута забвенія, низости которой я никогда не забуду, заставила меня опомниться. Я ужаснулся, когда увидѣлъ, какая неизмѣримая пропасть отдѣляла меня отъ того, чѣмъ я хотѣлъ и могъ быть. Въ моемъ воображеніи возникли надежды, мечты и думы моей юности.

«Гдѣ тѣ свѣтлыя мысли о жизни, о вѣчности, о Богѣ, которыя съ такою ясностью и силой наполняли мою душу? Гдѣ безпредметная сила любви, отрадною теплотой согрѣвавшая мое сердце? Гдѣ надежда на развитіе, сочувствіе ко всему прекрасному, любовь къ роднымъ, къ ближнимъ, къ труду, къ славѣ? Гдѣ понятіе объ обязанности?

«Меня оскорбили — я вызвалъ на дуэль и думалъ, что вполнѣ удовлетворилъ требованіямъ благородства. Мнѣ нужны были деньги для удовлетворенія своихъ пороковъ и тщеславія — я разорилъ тысячи семействъ, ввѣренныхъ мнѣ Богомъ, и сдѣлалъ это безъ стыда, — я, который такъ хорошо понималъ эти священныя обязанности. Безчестный человѣкъ сказалъ мнѣ, что у меня нѣтъ совѣсти, что я хочу красть, — и я остался его другомъ, потому, что онъ безчестный человѣкъ и сказалъ мнѣ, что онъ не хотѣлъ меня обидѣть. Мнѣ сказали, что смѣшно жить скромникомъ, — и я отдалъ безъ сожалѣнія цвѣтъ своей души — невинность — продажной женщинѣ. Да, никакой убитой части моей души мнѣ такъ не жалко, какъ любви, къ которой я такъ былъ способенъ. Боже мой! Любилъ ли хоть одинъ человѣкъ такъ, какъ я любилъ, когда еще не зналъ женщинъ.

«... А какъ бы я могъ быть хорошъ и счастливъ, если бы шелъ по той дорогѣ, которую, вступая въ жизнь, открылъ мой свѣжій умъ и дѣтское, истинное чувство! Не разъ пробовалъ я выйти изъ грязной колеи, по которой шла моя жизнь, на эту свѣтлую дорогу. Я говорилъ себѣ: употреблю все, что есть у меня воли, и не могъ. Когда я оставался одинъ, мнѣ становилось неловко и страшно съ самимъ собой. Когда я былъ съ другими, я уже вовсе не слыхалъ внутренняго голоса и падалъ все ниже и ниже.

«Наконецъ я дошелъ до страшнаго убѣжденія, что не могу подняться, пересталъ думать объ этомъ и хотѣлъ забыться; но безнадежное раскаяніе еще сильнѣе тревожило меня. Тогда мнѣ въ первый разъ пришла страшная для другихъ и отрадная для меня мысль о самоубійствѣ. Но и въ этомъ отношеніи я былъ низокъ и подлъ. Только вчерашняя глупая исторія съ гусаромъ дала мнѣ довольно рѣшимости, чтобы исполнить свое намѣреніе. Во мнѣ не осталось ничего благороднаго — одно тщеславіе, и изъ тщеславія я дѣлаю единственный хорошій поступокъ въ моей жизни.

«Я думалъ прежде, что близость смерти возвыситъ мою душу. Я ошибался. Черезъ четверть часа меня не будетъ, а взглядъ мой нисколько не измѣнился. Я такъ же вижу, такъ же слышу, такъ же думаю; та же странная непослѣдовательность, шаткость и легкость въ мысляхъ, столь противоположныя тому единству и ясности, которыя, Богъ знаетъ зачѣмъ, дано воображать человѣку. Мысли о томъ, что будетъ за гробомъ и какіе толки будутъ завтра о моей смерти у тетушки Ртищевой, съ одинаковой силой представляются моему уму.

— — —

«Непостижимое созданіе человѣкъ!»

ДВА ГУСАРА

Повѣсть

(1856 г.)

> ... Жомини да Жомини,
> А объ водкѣ ни полслова.
> *Д. Давыдовъ*

Въ 1800-хъ годахъ, въ тѣ времена, когда не было еще ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, ни газоваго, ни стеариноваго свѣта, ни пружинныхъ низкихъ дивановъ, ни мебели безъ лаку, ни разочарованныхъ юношей со стеклышками, ни либеральныхъ философовъ-женщинъ, ни милыхъ дамъ-камелій, которыхъ такъ много развелось въ наше время, — въ тѣ наивныя времена, когда изъ Москвы, выѣзжая въ Петербургъ въ повозкѣ или въ каретѣ, брали съ собой цѣлую кухню домашняго приготовленія, ѣхали восемь сутокъ по мягкой, пыльной или грязной дорогѣ и вѣрили въ пожарскія котлеты, въ валдайскіе колокольчики и бублики, — когда въ длинные осенніе вечера нагорали сальныя свѣчи, освѣщая семейные кружки изъ двадцати и тридцати человѣкъ, на балахъ въ канделябры вставлялись восковыя и спермацетовыя свѣчи, когда мебель ставили симметрично, когда наши отцы были еще молоды не однимъ отсутствіемъ морщинъ и сѣдыхъ волосъ, а стрѣлялись за женщинъ, изъ другого угла комнаты бросались поднимать нечаянно и не нечаянно уроненные платочки, наши матери носили коротенькія таліи и огромные рукава и рѣшали семейныя дѣла выниманіемъ билетиковъ, когда прелестныя дамы-камеліи прятались отъ дневного свѣта, — въ наивныя времена масонскихъ ложъ, мартинистовъ, тугендбунда, во времена Милорадовичей, Давыдовыхъ, Пушкиныхъ — въ губернскомъ городѣ К. былъ съѣздъ помѣщиковъ и кончались дворянскіе выборы.

I

— Ну, все равно, хоть въ залу, — говорилъ молодой офицеръ въ шубѣ и гусарской фуражкѣ, только что изъ дорожныхъ саней входя въ лучшую гостинницу города К.

— Съѣздъ такой, батюшка ваше сіятельство, огромный, — говорилъ корридорный, успѣвшій уже отъ денщика узнать, что фамилія гусара была графъ Турбинъ, и поэтому величавшій его: «ваше сіятельство». — Афремовская помѣщица съ дочерьми обѣщались къ вечеру выѣхать: такъ вотъ и извольте занять, какъ опростается, одиннадцатый нумеръ, — говорилъ онъ, мягко ступая впереди графа по корридору и безпрестанно оглядываясь.

Въ общей залѣ передъ маленькимъ столомъ, подлѣ почернѣвшаго, во весь ростъ, портрета императора Александра, сидѣли за шампанскимъ нѣсколько человѣкъ — *здѣшнихъ* дворянъ, должно-быть — и въ сторонкѣ какіе-то купцы, проѣзжающіе, въ синихъ шубахъ.

Войдя въ комнату и зазвавъ туда *Блюхера*, огромную сѣрую меделянскую собаку, пріѣхавшую съ нимъ, графъ сбросилъ заиндевѣвшую еще на воротникѣ шинель, спросилъ водки и, оставшись въ атласномъ синемъ архалукѣ, подсѣлъ къ столу и вступилъ въ разговоръ съ господами, сидѣвшими тутъ, которые, сейчасъ же расположенные въ пользу пріѣзжаго его прекрасною и открытою наружностью, предложили ему бокалъ шампанскаго. Графъ выпилъ сначала стаканчикъ водки, а потомъ тоже спросилъ бутылку, чтобъ угостить новыхъ знакомыхъ. Вошелъ ямщикъ просить на водку.

— Сашка, — крикнулъ графъ, — дай ему!

Ямщикъ вышелъ съ Сашкой и снова вернулся, держа въ рукѣ деньги.

— Что-жъ, батюшка, васясо, какъ, кажется, старался твоей милости! полтинникъ обѣщалъ, а они четвертакъ пожаловали.

— Сашка! дай ему цѣлковый!

Сашка, потупясь, посмотрѣлъ на ноги ямщика.

— Будетъ съ него, — сказалъ онъ басомъ, — да у меня и денегъ нѣтъ больше.

Графъ досталъ изъ бумажника единственныя двѣ синенькія, которыя были въ немъ, и далъ одну ямщику, который поцѣловалъ его въ ручку и вышелъ.

— Вотъ пригналъ! — сказалъ графъ: — послѣдніе пять рублей.

— По-гусарски, графъ, — улыбаясь, сказалъ одинъ изъ дворянъ, по усамъ, голосу и какой-то энергической развязности въ ногахъ, очевидно, отставной кавалеристъ. — Вы здѣсь долго намѣрены пробыть, графъ?

— Денегъ достать нужно; а то бы я не остался. Да и нумеровъ нѣтъ, чортъ ихъ дери, въ этомъ кабакѣ проклятомъ.

— Позвольте, графъ, — возразилъ кавалеристъ, — да не угодно ли ко мнѣ? Я вотъ здѣсь, въ седьмомъ нумерѣ. Коль не побрезгаете покамѣстъ переночевать. А вы пробудьте у насъ денька три. Нынче же балъ у предводителя. Какъ бы онъ радъ былъ!

— Право, графъ, погостите, — подхватилъ другой изъ собесѣдниковъ, красивый молодой человѣкъ: — куда вамъ торопиться! А вѣдь это въ три года разъ бываетъ — выборы. Посмотрѣли бы хоть на нашихъ барышенъ, графъ!

— Сашка! давай бѣлье: поѣду въ баню, — сказалъ графъ, вставая. — А оттуда, посмотримъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ къ предводителю дернуть.

Потомъ онъ позвалъ полового поговорить о чемъ-то съ нимъ, на что половой, усмѣхнувшись, отвѣтилъ, «что все дѣло рукъ человѣческихъ», и вышелъ.

— Такъ я, батюшка, къ вамъ въ нумеръ велю перенести чемоданъ! — крикнулъ графъ изъ-за двери.

— Сдѣлайте одолженіе, осчастливьте, — отвѣчалъ кавалеристъ, подбѣгая къ двери. — Седьмой нумеръ, не забудьте.

Когда шаги его уже перестали быть слышны, кавалеристъ вернулся на свое мѣсто и, подсѣвъ ближе къ чиновнику и взглянувъ ему прямо улыбающимися глазами въ лицо, сказалъ:

— А вѣдь это тотъ самый.

— Ну?

— Ужъ я тебѣ говорю, что тотъ самый дуэлистъ-гусаръ, — ну, Турбинъ, извѣстный. Онъ меня узналъ, пари держу, что узналъ. Какъ же, мы въ Лебедяни съ нимъ кутили вмѣстѣ три недѣли безъ просыпу, когда я за ремонтомъ былъ. Тамъ одна штука была — мы вмѣстѣ сотворили. А молодчина, а?

— Молодецъ. И какой онъ пріятный въ обращеніи! ничего такого не замѣтно, — отвѣчалъ красивый молодой человѣкъ. — Какъ мы скоро сошлись . . . Что, ему лѣтъ двадцать пять, не больше?

— Нѣтъ, онъ такъ кажется; только ему больше. Да вѣдь надо знать, кто это? Мигунову кто увезъ? — онъ. Саблина онъ убилъ, Матнева онъ изъ окошка за ноги спустилъ, князя Нестерова онъ обыгралъ на триста тысячъ. Вѣдь это какая отчаянная башка, надо знать. Картежникъ, дуэлистъ, соблазнитель; но гусаръ-душа, ужъ истинно душа. Вѣдь только на насъ слава, а коли бы понималъ кто-нибудь, что̀ такое значитъ гусаръ истинный. Ахъ, времечко было!

И кавалеристъ разсказалъ своему собесѣднику такой лебедянскій кутежъ съ графомъ, котораго не только никогда не было, но и не могло быть. Не могло быть, во-первыхъ, потому, что графа онъ никогда прежде не видывалъ и вышелъ въ отставку двумя годами раньше, чѣмъ графъ поступилъ на службу, а во-вторыхъ, потому, что кавалеристъ никогда даже не служилъ въ кавалеріи, а четыре года служилъ самымъ скромнымъ юнкеромъ въ Бѣлевскомъ полку и, какъ только былъ произведенъ въ прапорщики, вышелъ въ отставку. Но десять лѣтъ тому назадъ, получивъ наслѣдство, онъ ѣздилъ дѣйствительно въ Лебедянь, прокутилъ тамъ съ ремонтерами семьсотъ рублей и сшилъ себѣ уже было уланскій мундиръ съ оранжевыми отворотами, съ тѣмъ, чтобы поступить въ уланы. Желаніе поступить въ кавалерію и три недѣли, проведенныя съ ремонтерами въ Лебедяни, остались самымъ свѣтлымъ, счастливымъ періодомъ въ его жизни, такъ что желаніе это сначала онъ перенесъ въ дѣйствительность, потомъ въ воспоминаніе и самъ уже сталъ твердо вѣрить въ свое кавалерійское прошедшее, что не мѣшало ему быть по мягкосердечію и честности истинно достойнѣйшимъ человѣкомъ.

— Да, кто не служилъ въ кавалеріи, тотъ никогда не пойметъ нашего брата. — Онъ сѣлъ верхомъ на стулъ и, выставивъ нижнюю челюсть, заговорилъ басомъ: — Ѣдешь, бывало, передъ эскадрономъ, подъ тобой чортъ, а не лошадь, въ лансадахъ вся; сидишь, бывало, этакъ чортомъ. Подъѣдетъ эскадронный командиръ на смотру. «Поручикъ, говоритъ, пожалуйста — безъ васъ ничего не будетъ — проведите эскадронъ церемоніаломъ». Хорошо, молъ, а ужъ тутъ есть: оглянешься, крикнешь, бывало, на усачей своихъ. Ахъ, чортъ возьми, времечко было!

Вернулся графъ, весь красный и съ мокрыми волосами изъ бани и вошелъ прямо въ седьмой нумеръ, въ которомъ уже сидѣлъ кавалеристъ въ халатѣ, съ трубкой, съ наслажденіемъ и нѣкоторымъ страхомъ размышлявшій о томъ счастіи, которое ему выпало на долю — жить въ одной комнатѣ съ извѣстнымъ Турбинымъ. «Ну, что, — приходило ему въ голову, — какъ вдругъ возьметъ да раздѣнетъ меня голаго, вывезетъ за заставу да посадитъ въ снѣгъ, или... дегтемъ вымажетъ, или просто... нѣтъ, по-товарищески не сдѣлаетъ...» утѣшалъ онъ себя.

— Блюхера накормить, Сашка! — крикнулъ графъ.

Явился Сашка, съ дороги выпившій стаканъ водки и захмелѣвшій порядочно.

— Ты ужъ не утерпѣлъ: напился, каналья!... Накормить Блюхера!

— И такъ не издохнетъ: вишь, какой гладкій! — отвѣчалъ Сашка, поглаживая собаку.

— Ну, не разговаривать! Пошелъ, накорми.

— Вамъ только бы собака сыта была, а человѣкъ выпилъ рюмку, такъ и попрекаете.

— Эй, прибью! — крикнулъ графъ такимъ голосомъ, что стекла задрожали въ окнахъ и кавалеристу даже стало немного страшно.

— Вы бы спросили, ѣлъ ли еще нынче Сашка-то что-нибудь. Что-жъ, бейте, коли вамъ собака дороже человѣка, — проговорилъ Сашка. Но тутъ же получилъ такой страшный ударъ кулакомъ въ лицо, что упалъ, стукнулся головой о перегородку и, схватясь рукой за носъ, выскочилъ въ дверь и повалился на ларь въ корридорѣ.

— Онъ мнѣ зубы разбилъ, — ворчалъ Сашка, вытирая одною рукой окровавленный носъ, а другою почесывая спину облизывавшагося Блюхера, — онъ мнѣ зубы разбилъ, Блюшка, а все онъ мой графъ, и я за него могу пойти въ огонь — вотъ что! Потому, онъ мой графъ, понимаешь, Блюшка? А ѣсть хочешь?

Полежавъ немного, онъ всталъ, накормилъ собаку и почти трезвый пошелъ прислуживать и предлагать чаю своему графу.

— Вы меня просто обидите, — говорилъ робко кавалеристъ, стоя передъ графомъ, который, задравъ ноги на перегородку, лежалъ на его постели: — я вѣдь тоже старый военный и товарищъ, могу сказать. Чѣмъ вамъ у кого-нибудь занимать, я вамъ съ радостью готовъ служить рублей двѣсти. У меня теперь нѣтъ ихъ, а только сто; но я нынче же достану. Вы меня просто обидите, графъ!

— Спасибо, батюшка, — сказалъ графъ, сразу угадавъ тотъ родъ отношеній, который долженъ былъ установиться между ними, трепля по плечу кавалериста, — спасибо. Ну, такъ и на балъ поѣдемъ, коли такъ. А теперь что будемъ дѣлать? Разсказывай, что у васъ въ городѣ есть: хорошенькія кто? кутитъ кто? въ карты кто играетъ?

Кавалеристъ объяснилъ, что хорошенькихъ пропасть на балѣ будетъ, что кутитъ больше всѣхъ исправникъ Колковъ, вновь выбранный, только что удали нѣтъ въ немъ настоящей гусарской, а такъ только малый добрый; что Илюшкинъ хоръ цыганъ здѣсь съ начала выборовъ поетъ, Стешка запѣваетъ, и что нынче къ нимъ *всѣ* отъ предводителя собираются.

— И игра есть порядочная, — разсказывалъ онъ: — Лухновъ, пріѣзжій, играетъ съ деньгами, и Ильинъ, что въ 8-мъ нумерѣ стоитъ, уланскій корнетъ, тоже много проигрываетъ. У него уже началось. Каждый вечеръ играютъ, и такой малый чудесный, я вамъ скажу, графъ, Ильинъ этотъ: вотъ ужъ не скупой — послѣднюю рубашку отдастъ.

— Такъ пойдемъ къ нему. Посмотримъ, что за народъ такой, — сказалъ графъ.

— Пойдемте, пойдемте! Они ужасно рады будутъ.

II

Уланскій корнетъ Ильинъ недавно проснулся. Наканунѣ онъ сѣлъ за игру въ восемь часовъ вечера и проигралъ пятнадцать часовъ сряду, до одиннадцати утра. Онъ проигралъ что-то много, но сколько именно, онъ не зналъ, потому что у него было тысячи три своихъ денегъ и пятнадцать тысячъ казенныхъ, которыя онъ давно смѣшалъ вмѣстѣ со своими и боялся считать, чтобы не убѣдиться въ томъ, что онъ предчувствовалъ, — что уже и казенныхъ недоставало столько-то. Онъ заснулъ почти въ полдень и спалъ тѣмъ тяжелымъ сномъ безъ сновидѣній, которымъ спится только очень молодому человѣку и послѣ очень большого проигрыша. Проснувшись въ шесть часовъ вечера, въ то самое время, какъ графъ Турбинъ пріѣхалъ въ гостинницу, и увидавъ вокругъ себя на полу карты, мѣлъ и испачканные столы посреди комнаты, онъ съ ужасомъ вспомнилъ вчерашнюю игру и послѣднюю карту валета, которую ему убили на пятьсотъ рублей, но, не вѣря еще хорошенько дѣйствительности, досталъ изъ-подъ подушки деньги и сталъ считать. Онъ узналъ нѣкоторыя ассигнаціи, которыя углами и транспортами нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, вспомнилъ весь ходъ игры. Своихъ трехъ тысячъ уже не было и изъ казенныхъ недоставало уже двухъ съ половиною тысячъ.

Уланъ игралъ четыре ночи сряду.

Онъ ѣхалъ изъ Москвы, гдѣ получилъ казенныя деньги. Въ К. его задержалъ смотритель подъ предлогомъ неимѣнія лошадей, но въ сущности по уговору, который онъ сдѣлалъ давно съ содержателемъ гостинницы — задерживать на день всѣхъ проѣзжающихъ. Уланъ, молоденькій, веселый мальчикъ, только что получившій въ Москвѣ отъ родителей три тысячи на обзаведеніе въ полку, былъ радъ пробыть во время выборовъ нѣсколько дней въ городѣ К. и надѣялся тутъ на славу повеселиться. Одинъ помѣщикъ семейный былъ ему знакомъ, и онъ сбирался поѣхать къ нему, поволочиться за его дочерьми, когда кавалеристъ явился знакомиться къ улану и въ тотъ же вечеръ, безъ всякой дурной мысли, свелъ его со своими знакомыми, Лухновымъ и другими игроками, въ общей залѣ. Съ того же вечера уланъ сѣлъ за игру и не только не ѣздилъ къ знакомому помѣщику, но не спрашивалъ больше про лошадей и не выходилъ четыре дня изъ комнаты.

Одѣвшись и напившись чаю, онъ подошелъ къ окну. Ему захотѣлось пройтись, чтобы прогнать неотвязчивыя игорныя воспоминанія. Онъ надѣлъ шинель и вышелъ на улицу. Солнце уже спряталось за бѣлые дома съ красными крышами; наступали уже сумерки. Было тепло. На грязныя улицы тихо падалъ хлопьями влажный снѣгъ. Ему вдругъ стало невыносимо грустно отъ мысли, что онъ проспалъ весь этотъ день, который ужъ кончался.

«Ужъ этого дня, который прошелъ, никогда не воротишь», подумалъ онъ.

«Погубилъ я свою молодость», сказалъ онъ вдругъ самъ себѣ, не потому, чтобъ онъ дѣйствительно думалъ, что онъ погубилъ свою молодость — онъ даже вовсе и не думалъ объ этомъ, — но такъ ему пришла въ голову эта фраза.

«Что теперь я буду дѣлать?» разсуждалъ онъ. «Занять у кого-нибудь и уѣхать». Какая-то барыня прошла по тротуару. «Вотъ такъ глупая барыня», подумалъ онъ отчего-то. «Занять-то не у кого. Погубилъ я свою молодость». Онъ подошелъ къ рядамъ. Купецъ въ лисьей шубѣ стоялъ у дверей лавки и зазывалъ къ себѣ. «Коли бы восьмерку я не снялъ, я бы отыгрался». Нищая старуха хныкала, слѣдуя за нимъ. «Занять-то не у кого». Какой-то господинъ въ медвѣжьей шубѣ проѣхалъ; будочникъ стоитъ. «Что бы сдѣлать такое необыкновенное? Выстрѣлить въ нихъ? Нѣтъ, скучно! Погубилъ я свою молодость. Ахъ, хомуты славные съ наборомъ висятъ. Вотъ бы на тройку сѣсть. Эхъ вы, голубчики! Пойду домой. Лухновъ скоро придетъ, играть станемъ». Онъ вернулся домой, еще разъ счелъ деньги. Нѣтъ, онъ не ошибся въ первый разъ: опять изъ казенныхъ недоставало 2.500 рублей. «Поставлю первую 25, вторую уголъ... на семь кушей, на 15, на 30, на 60... — 3.000. Куплю хомуты и уѣду. Не дастъ, злодѣй! Погубилъ я свою молодость». Вотъ что происходило въ головѣ улана въ то время, какъ Лухновъ дѣйствительно вошелъ къ нему.

— Что, давно встали, Михайло Васильичъ? — спросилъ Лухновъ, медлительно снимая съ сухого носа золотые очки и старательно вытирая ихъ краснымъ шелковымъ платкомъ.

— Нѣтъ, сейчасъ только. Отлично спалъ.

— Какой-то гусаръ пріѣхалъ, остановился у Завальшевскаго... не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхалъ... А что же, еще никого нѣтъ?

— Зашли, кажется, къ Пряхину. Сейчасъ придутъ.

Дѣйствительно, скоро вошли въ нумеръ: гарнизонный офицеръ, всегда сопутствовавшій Лухнову; купецъ какой-то изъ грековъ съ огромнымъ горбатымъ носомъ коричневаго цвѣта и впалыми черными глазами; толстый, пухлый помѣщикъ, винокуренный заводчикъ, игравшій по цѣлымъ ночамъ всегда семпелями по полтиннику. Всѣмъ хотѣлось начать игру поскорѣе; но главные игроки ничего не говорили объ этомъ предметѣ, особенно Лухновъ чрезвычайно спокойно разсказывалъ о мошенничествѣ въ Москвѣ.

— Надо вообразить, — говорилъ онъ: — Москва — первопрестольный градъ, столица — и по ночамъ ходятъ съ крюками, въ чертей наряжены, глупую чернь пугаютъ, грабятъ пріѣзжихъ — и конецъ. Что полиція смотритъ? Вотъ что мудрено.

Уланъ слушалъ внимательно разсказъ о мошенникахъ, но въ концѣ его всталъ и велѣлъ потихоньку подать карты. Толстый помѣщикъ первый высказался.

— Что-жъ, господа, золотое-то времечко терять! За дѣло, такъ за дѣло.

— Да вы по полтинничкамъ натаскали вчера, такъ вамъ и нравится, — сказалъ грекъ.

— Точно, пора бы, — сказалъ гарнизонный офицеръ.

Ильинъ посмотрѣлъ на Лухнова. Лухновъ продолжалъ спокойно, глядя ему въ глаза, исторію о мошенникахъ, наряженныхъ въ чертей съ когтями.

— Будете метать? — спросилъ уланъ.

— Не рано ли?

— Бѣловъ! — крикнулъ уланъ, покраснѣвъ отчего-то, — принеси мнѣ обѣдать... я еще не ѣлъ ничего, господа... шампанскаго принеси и карты подай.

Въ это время въ нумеръ вошли графъ и Завальшевскій. Оказалось, что Турбинъ и Ильинъ были одной дивизіи. Они тотчасъ же сошлись, чокнувшись, выпили шампанскаго и черезъ пять минутъ уже были на ты. Казалось, Ильинъ очень понравился графу. Графъ все улыбался, глядя на него, и подтрунивалъ надъ его молодостью.

— Экой молодчина уланъ! — говорилъ онъ. — Усищи-то, усищи-то!

У Ильина и пушокъ на губѣ былъ совершенно бѣлый.

— Что, вы играть собираетесь, кажется? — сказалъ графъ. — Ну, желаю тебѣ выиграть, Ильинъ! Ты, я думаю, мастеръ! — прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Да вотъ, собираются, — отвѣчалъ Лухновъ, раздирая дюжину картъ. — А вы, графъ, не изволите?

— Нѣтъ, нынче не буду. А то-бъ я васъ всѣхъ вздулъ. Я какъ пойду гнуть, такъ у меня всякій банкъ затрещитъ! Не на что. Проигрался подъ Волочкомъ на станціи. Попался мнѣ тамъ пѣхоташка какой-то съ перстнями, должно-быть, шулеръ, и облапошилъ дочиста.

— Развѣ ты долго сидѣлъ тамъ на станціи? — спросилъ Ильинъ.

— Двадцать два часа просидѣлъ. Памятна эта станція, проклятая! ну, да и смотритель не забудетъ.

— А что?

— Пріѣзжаю, знаешь: выскочилъ смотритель, мошенницкая рожа, плутовская, — лошадей нѣтъ, говоритъ; а у меня, надо тебѣ сказать, законъ: какъ лошадей нѣтъ, я не снимаю шубы и отправляюсь къ смотрителю въ комнату, знаешь, не въ казенную, а къ смотрителю, и приказываю отворить настежь всѣ двери и форточки: угарно будто бы. Ну, и тутъ то же. А морозы, помнишь, какіе были въ прошломъ мѣсяцѣ — градусовъ двадцать было. Смотритель разговаривать было сталъ, я его въ зубы. Тутъ старуха какая-то, дѣвчонки, бабы пискъ подняли, похватали горшки и бѣжать было на деревню... Я къ двери; говорю: давай лошадей, такъ уѣду, а то не выпущу, всѣхъ заморожу!

— Вотъ такъ отличная манера! — сказалъ пухлый помѣщикъ, заливаясь хохотомъ: — это какъ таракановъ вымораживаютъ!

— Только не укараулилъ я какъ-то, вышелъ — и удралъ отъ меня смотритель со всѣми бабами. Одна старуха осталась у меня подъ залогъ, на печкѣ; она все чихала и Богу молилась. Потомъ ужъ мы переговоры вели: смотритель приходилъ и издалека все уговаривалъ, чтобъ отпустить старуху, а я его Блюхеромъ притравливалъ, — отлично беретъ смотрителей Блюхеръ. Такъ и не далъ мерзавецъ лошадей до другого утра. Да тутъ подъѣхалъ этотъ пѣхоташка. Я ушелъ въ другую комнату, и стали играть. Вы видѣли Блюхера?... Блюхеръ!... фю!

Вбѣжалъ Блюхеръ. Игроки снисходительно занялись имъ, хотя видно было, что имъ хотѣлось заниматься совершенно другимъ дѣломъ.

— Однако, что же вы, господа, не играете? Пожалуйста, чтобъ я вамъ не мѣшалъ. Вѣдь я болтунъ, — сказалъ Турбинъ, — *любишь не любишь* — дѣло хорошее.

III

Лухновъ придвинулъ къ себѣ двѣ свѣчи, досталъ огромный, наполненный деньгами, коричневый бумажникъ, медлительно, какъ бы совершая какое-то таинство, открылъ его на столѣ, вынулъ оттуда двѣ сторублевыя бумажки и положилъ ихъ подъ карты.

— Такъ же, какъ вчера — банку двѣсти, — сказалъ онъ, поправляя очки и распечатывая колоду.

— Хорошо, — сказалъ, не глядя на него, Ильинъ между разговоромъ, который онъ велъ съ Турбинымъ.

Игра завязалась. Лухновъ металъ отчетливо, какъ машина, изрѣдка останавливаясь и неторопливо записывая или строго взглядывая сверхъ очковъ и слабымъ голосомъ говоря: «пришлите». Толстый помѣщикъ говорилъ громче всѣхъ, дѣлая самъ съ собой вслухъ различныя соображенія, и мусолилъ пухлые пальцы, загибая карты. Гарнизонный офицеръ молча красиво подписывалъ подъ картой и подъ столомъ загибалъ маленькіе уголки. Грекъ сидѣлъ сбоку банкомета и внимательно слѣдилъ своими впалыми черными глазами за игрой, выжидая чего-то. Завальшевскій, стоя у стола, вдругъ весь приходилъ въ движеніе, доставалъ изъ кармана штановъ красненькую или синенькую, клалъ сверхъ нея карту, прихлопывалъ по ней ладонью, приговаривалъ: «вывези, семерочка!», закусывалъ усы, переминался съ ноги на ногу, краснѣлъ и приходилъ весь въ движеніе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока не выходила карта. Ильинъ ѣлъ телятину съ огурцами, поставленную подлѣ него на волосяномъ диванѣ, и, быстро обтирая руки о сюртукъ, ставилъ одну карту за другой. Турбинъ, сидѣвшій сначала на диванѣ, тотчасъ же замѣтилъ, въ чемъ дѣло. Лухновъ не глядѣлъ вовсе на улана и ничего не говорилъ ему; только изрѣдка очки его на мгновеніе направлялись на руки улана, но большая часть его картъ проигрывала.

— Вотъ бы мнѣ эту карточку убить, — приговаривалъ Лухновъ про карту толстаго помѣщика, игравшаго по полтинѣ.

— Вы бейте у Ильина, а мнѣ-то что, — замѣчалъ помѣщикъ.

И дѣйствительно, Ильина карты бились чаще другихъ. Онъ нервически раздиралъ подъ столомъ проигравшую карту и дрожащими руками выбиралъ другую. Турбинъ всталъ съ дивана и попросилъ грека пустить его сѣсть подлѣ банкомета. Грекъ пересѣлъ на другое мѣсто, а графъ, сѣвъ на его стулъ, не спуская глазъ, пристально началъ смотрѣть на руки Лухнова.

— Ильинъ! — сказалъ онъ вдругъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, который совершенно невольно для него заглушалъ всѣ другіе, — зачѣмъ рутерокъ держишься? Ты не умѣешь играть.

— Ужъ какъ не играй, все равно.

— Такъ ты навѣрно проиграешь. Дай, я за тебя попонтирую.

— Нѣтъ, извини, пожалуйста: ужъ я всегда самъ. Играй за себя, ежели хочешь.

— За себя, я сказалъ, что не буду играть; а за тебя хочу. Мнѣ досадно, что ты проигрываешься.

— Ужъ, видно, судьба!

Графъ замолчалъ и, облокотясь, опять такъ же пристально сталъ смотрѣть на руки банкомета.

— Скверно! — вдругъ проговорилъ онъ громко и протяжно.

Лухновъ оглянулся на него.

— Скверно, скверно! — проговорилъ онъ еще громче, глядя прямо въ глаза Лухнову.

Игра продолжалась.

— Не-хо-ро-шо! — опять сказалъ Турбинъ, только что Лухновъ убилъ большую карту Ильина.

— Что это вамъ не нравится, графъ? — учтиво и равнодушно спросилъ банкометъ.

— А то, что вы Ильину семпеля даете, а углы бьете. Вотъ что скверно.

Лухновъ сдѣлалъ плечами и бровями легкое движеніе, выражавшее совѣтъ во всемъ предаваться судьбѣ, и продолжалъ играть.

— Блюхеръ! фю! — крикнулъ графъ, вставая, — узи его! — прибавилъ онъ быстро.

Блюхеръ, стукнувшись спиной о диванъ и чуть не сбивъ съ ногъ гарнизоннаго офицера, выскочилъ оттуда, подбѣжалъ къ своему хозяину и зарычалъ, оглядываясь на всѣхъ и махая хвостомъ, какъ будто спрашивая: «кто тутъ грубитъ? а?»

Лухновъ положилъ карты и со стуломъ отодвинулся въ сторону.

— Этакъ нельзя играть, — сказалъ онъ: — я ужасно собакъ не люблю. Что-жъ за игра, когда цѣлую псарню приведутъ!

— Особенно эти собаки: онѣ піявки называются, кажется, — поддакнулъ гарнизонный офицеръ.

— Что-жъ, будемъ играть, Михайло Васильичъ, или нѣтъ? — сказалъ Лухновъ хозяину.

— Не мѣшай намъ, пожалуйста, графъ! — обратился Ильинъ къ Турбину.

— Поди сюда на минутку, — сказалъ Турбинъ, взявъ Ильина за руку, и вышелъ съ нимъ за перегородку.

Оттуда были совершенно ясно слышны слова графа, говорившаго своимъ обыкновеннымъ голосомъ. А голосъ у него былъ такой, что его всегда слышно было за три комнаты.

— Что ты ошалѣлъ, что ли? Развѣ не видишь, что этотъ господинъ въ очкахъ — шулеръ первой руки?

— Э, полно! что ты говоришь!

— Не полно, а брось, я тебѣ говорю. Мнѣ бы все равно. Въ другой разъ я бы самъ тебя обыгралъ; да такъ, мнѣ что-то жалко, что ты продуешься. Еще нѣтъ ли у тебя казенныхъ денегъ...

— Нѣтъ; да и съ чего ты выдумалъ?

— Я, братъ, самъ по этой дорожкѣ бѣгалъ, такъ всѣ шулерскіе пріемы знаю: я тебѣ говорю, что въ очкахъ — это шулеръ. Брось, пожалуйста. Я тебя прошу, какъ товарища.

— Ну, вотъ я только одну талію, и кончу.

— Знаю, какъ одну; ну, да посмотримъ.

Вернулись. Въ одну талію Ильинъ поставилъ столько картъ и столько ихъ ему убили, что онъ проигралъ много.

Турбинъ положилъ руки на середину стола.

— Ну, баста! Поѣдемъ.

— Нѣтъ, ужъ я не могу; оставь меня, пожалуйста, — сказалъ съ досадой Ильинъ, тасуя гнутыя карты и не глядя на Турбина.

— Ну, чортъ съ тобой! проигрывай навѣрняка, коли тебѣ нравится, а мнѣ пора. Завальшевскій, поѣдемъ къ предводителю.

И они вышли. Всѣ молчали, и Лухновъ не металъ до тѣхъ поръ, пока стукъ ихъ шаговъ и когтей Блюхера не замеръ по корридору.

— Эка башка! — сказалъ помѣщикъ, смѣясь.

— Ну, теперь не будетъ мѣшать, — прибавилъ торопливо и еще шопотомъ гарнизонный офицеръ.

И игра продолжалась.

IV

Музыканты, дворовые люди предводителя, стоя въ буфетѣ, очищенномъ на случай бала, уже заворотивъ рукава сюртуковъ, по данному знаку заиграли старинный польскій «Александръ, Елисавета», и при яркомъ и мягкомъ освѣщеніи восковыхъ свѣчъ по большой паркетной залѣ начинали плавно проходить: екатерининскій генералъ-губернаторъ, со звѣздой, подъ руку съ худощавой предводительшей, предводитель подъ руку съ губернаторшей и т. п. губернскія власти въ различныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ, когда Завальшевскій въ синемъ фракѣ съ огромнымъ воротникомъ и буфами на плечахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, распространяя вокругъ себя запахъ жасминныхъ духовъ, которыми были обильно спрыснуты его усы, лацкана и платокъ, вмѣстѣ съ красавцемъ-гусаромъ въ голубыхъ обтянутыхъ рейтузахъ и шитомъ золотомъ красномъ ментикѣ, на которомъ висѣли владимірскій крестъ и медаль двѣнадцатаго года, вошли въ залу. Графъ былъ не высокъ ростомъ, но отлично, красиво сложенъ. Ясно-голубые и чрезвычайно блестящіе глаза и довольно большіе, вьющіеся густыми кольцами, темно-русые волосы придавали его красотѣ замѣчательный характеръ. Пріѣздъ графа на балъ былъ ожидаемъ: красивый молодой человѣкъ, видѣвшій его въ гостинницѣ, уже повѣстилъ о томъ предводителя. Впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было различно, но вообще не совсѣмъ пріятно. «Еще насмѣхъ подыметъ этотъ мальчишка», было мнѣніе старухъ и мужчинъ. «Что, если онъ меня похититъ?» было болѣе или менѣе мнѣніе молодыхъ женщинъ и барышенъ.

Какъ только польскій кончился и пары взаимно раскланялись, снова отдѣляясь женщины къ женщинамъ, мужчины къ мужчинамъ, Завальшевскій, счастливый и гордый, подвелъ графа къ хозяйкѣ. Предводительша, испытывая нѣкоторый внутренній трепетъ, чтобы гусаръ этотъ не сдѣлалъ съ ней при всѣхъ какого-нибудь скандала, гордо и презрительно отворотясь, сказала: «очень рада-съ, надѣюсь, будете танцовать», и недовѣрчиво взглянула на него съ выраженіемъ, говорившимъ: «ужъ ежели ты женщину обидишь, то ты совершенный подлецъ послѣ этого». Графъ, однако, скоро побѣдилъ это предубѣжденіе своею любезностью, внимательностью и прекрасною, веселою наружностью, такъ что черезъ пять минутъ выраженіе лица предводительши уже говорило всѣмъ окружающимъ: «я знаю, какъ вести этихъ господъ: онъ сейчасъ понялъ, съ кѣмъ говоритъ. Вотъ и будетъ со мной весь вечеръ любезничать». Однако тутъ же подошелъ къ графу губернаторъ, знавшій его отца, и весьма благосклонно отвелъ его въ сторону и поговорилъ съ нимъ, что еще больше успокоило губернскую публику и возвысило въ ея мнѣніи графа. Потомъ Завальшевскій подвелъ его знакомить къ своей сестрѣ — молодой, полненькой вдовушкѣ, съ самаго пріѣзда графа впившейся въ него своими большими черными глазами. Графъ позвалъ вдовушку танцовать вальсъ, который заиграли въ это время музыканты, и уже окончательно своимъ искусствомъ танцовать побѣдилъ общее предубѣжденіе.

— А мастеръ танцовать! — сказала толстая помѣщица, слѣдя за ногами въ синихъ рейтузахъ, мелькавшихъ по залѣ, и мысленно считая: разъ, два, три; разъ, два, три... — мастеръ!

— Такъ и строчитъ, такъ и строчитъ, — сказала другая пріѣзжая, считавшаяся дурного тона въ губернскомъ обществѣ, — какъ онъ шпорами не задѣнетъ! Удивительно, очень ловокъ!

Графъ затмилъ своимъ искусствомъ танцовать трехъ лучшихъ танцоровъ въ губерніи: и высокаго бѣлобрысаго адъютанта губернаторскаго, отличавшагося своею быстротой въ танцахъ и тѣмъ, что онъ держалъ даму очень близко, и кавалериста, отличавшагося граціознымъ раскачиваніемъ во время вальса и частымъ, но легкимъ притоптываніемъ каблучка, и еще другого штатскаго, про котораго всѣ говорили, что онъ хотя и не далекъ по уму, но танцоръ превосходный и душа всѣхъ баловъ. Дѣйствительно, этотъ штатскій съ начала бала и до конца приглашалъ всѣхъ дамъ по порядку, какъ онѣ сидѣли, не переставалъ танцовать ни на минуту и только изрѣдка останавливался, чтобы обтереть сдѣлавшимся совершенно мокрымъ батистовымъ платочкомъ изнуренное, но веселое лицо. Графъ затмилъ всѣхъ ихъ и танцовалъ съ тремя главными дамами: съ большою — богатою, красивою и глупою, съ среднею — худощавою, не слишкомъ красивою, но прекрасно одѣвающеюся, и съ маленькою — некрасивою, но очень умною дамой. Онъ танцовалъ и съ другими, со всѣми хорошенькими, а хорошенькихъ было много. Но вдовушка, сестра Завальшевскаго, больше всѣхъ понравилась графу: съ нею онъ танцовалъ и кадриль, и экосесъ, и мазурку. Онъ началъ съ того, когда они усѣлись въ кадрили, что наговорилъ ей много комплиментовъ, сравнивая ее съ Венерой и съ Діаной, и съ розаномъ, и еще съ какимъ-то цвѣткомъ. На всѣ эти любезности вдовушка только сгибала бѣлую шейку, опускала глазки, глядя на свое бѣлое кисейное платьице, или изъ одной руки въ другую перекладывала опахало. Когда же она говорила: «полноте, графъ, вы шутите» и т. п., голосъ ея, немного горловой, звучалъ такимъ наивнымъ простодушіемъ и смѣшною глупостью, что, глядя на нее, дѣйствительно приходило въ голову, что это не женщина, а цвѣтокъ, и не розанъ, а какой-то дикій, бѣло-розовый пышный цвѣтокъ безъ запаха, выросшій одинъ изъ дѣвственнаго снѣжнаго сугроба въ какой-нибудь очень далекой землѣ.

Такое странное впечатлѣніе производило на графа это соединеніе наивности и отсутствія всего условнаго со свѣжею красотой, что нѣсколько разъ въ промежутки разговора, когда онъ молча смотрѣлъ ей въ глаза или на прекрасныя линіи рукъ и шеи, ему приходило въ голову съ такою силой желаніе вдругъ схватить ее на руки и расцѣловать, что онъ серьезно долженъ былъ удерживаться. Вдовушка съ удовольствіемъ замѣчала впечатлѣніе, которое она производила, но что-то ее начинало тревожить и пугать въ обращеніи графа, несмотря на то, что молодой гусаръ былъ вмѣстѣ съ заискивающею любезностью почтителенъ, по теперешнимъ понятіямъ, до приторности. Онъ бѣгалъ ей за оршадомъ, поднималъ платокъ, вырвалъ стулъ изъ рукъ какого-то золотушнаго молодого помѣщика, который хотѣлъ тоже прислужить ей, чтобы подать его скорѣе, и т. д.

Замѣтивъ, что свѣтская тогдашняго времени любезность мало дѣйствовала на его даму, онъ попробовалъ смѣшить ее, разсказывая ей забавные анекдоты: увѣрялъ, что онъ, если она прикажетъ, готовъ сейчасъ стать на голову, закричать пѣтухомъ, выскочить въ окно или броситься въ прорубь. Это совершенно удалось: вдовушка развеселилась и какъ-то переливами смѣялась, показывая чудные бѣлые зубки, и была совершенно довольна своимъ кавалеромъ. Графу же она съ каждою минутой все болѣе и болѣе нравилась, такъ что подъ конецъ кадрили онъ былъ искренно влюбленъ въ нее.

Когда послѣ кадрили къ вдовушкѣ подошелъ ея давнишній восемнадцатилѣтній обожатель, неслужащій сынъ самаго богатаго помѣщика, золотушный молодой человѣкъ, тотъ самый, у котораго вырвалъ стулъ Турбинъ, она приняла его чрезвычайно холодно, и въ ней не было замѣтно и десятой доли того смущенія, которое она испытывала съ графомъ.

— Хороши вы, — сказала она ему, глядя въ это время на спину Турбина и безсознательно соображая, сколько аршинъ золотого шнурка пошло на всю куртку, — хороши вы: обѣщали за мной заѣхать кататься и конфетъ мнѣ привезти.

— Да я вѣдь пріѣзжалъ, Анна Ѳедоровна, а васъ уже не было, и конфеты самыя лучшія оставилъ, — сказалъ молодой человѣкъ, несмотря на высокій ростъ, очень тоненькимъ голоскомъ.

— Вы найдете всегда отговорки! Не нужно мнѣ вашихъ конфетъ. Пожалуйста, не думайте...

— Я ужъ вижу, Анна Ѳедоровна, какъ вы ко мнѣ перемѣнились, и знаю отчего. Только это не хорошо, — прибавилъ онъ, но видимо не докончивъ своей рѣчи отъ какого-то внутренняго сильнаго волненія, заставившаго весьма быстро и странно дрожать его губы.

Анна Ѳедоровна не слушала его и продолжала слѣдить глазами за Турбинымъ.

Предводитель, хозяинъ дома, величаво-толстый, беззубый старикъ, подошелъ къ графу и, взявъ его подъ руку, пригласилъ въ кабинетъ покурить и выпить, ежели угодно. Какъ только Турбинъ вышелъ, Анна Ѳедоровна почувствовала, что въ залѣ совершенно нечего дѣлать, и, взявъ подъ руку старую, сухую барышню, свою пріятельницу, вышла съ ней въ уборную.

— Ну, что? милъ? — спросила барышня.

— Только ужасно какъ пристаетъ, — отвѣчала Анна Ѳедоровна, подходя къ зеркалу и глядясь въ него.

Лицо ея просіяло, глаза засмѣялись, она покраснѣла даже и вдругъ, подражая балетнымъ танцовщицамъ, которыхъ видѣла на этихъ выборахъ, перевернулась на одной ножкѣ, потомъ засмѣялась своимъ горловымъ, но милымъ смѣхомъ и припрыгнула даже, поджавъ колѣни.

— Каковъ! онъ у меня сувениръ просилъ, — сказала она пріятельницѣ, — только ничего ему не бу-у-у-детъ, — пропѣла она послѣднее слово и подняла одинъ палецъ въ лайковой до локтя высокой перчаткѣ.

Въ кабинетѣ, куда привелъ предводитель Турбина, стояли разныхъ сортовъ водки, наливки, закуски и шампанское. Въ табачномъ дыму сидѣли и ходили дворяне, разговаривая о выборахъ.

— Когда все благородное дворянство нашего уѣзда почтило его выборомъ, — говорилъ вновь выбранный исправникъ, уже значительно выпившій, — то онъ не долженъ былъ манкировать передъ всѣмъ обществомъ, никогда не долженъ былъ...

Приходъ графа прервалъ разговоръ. Всѣ стали съ нимъ знакомиться, и особенно исправникъ обѣими руками долго жалъ его руку и нѣсколько разъ просилъ, чтобъ онъ не отказался ѣхать съ ними въ компаніи послѣ бала въ новый трактиръ, гдѣ онъ угощаетъ дворянъ и гдѣ цыгане будутъ пѣть. Графъ обѣщалъ непремѣнно быть и выпилъ съ нимъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго.

— Что-жъ вы не танцуете, господа? — спросилъ онъ передъ тѣмъ, какъ выходить изъ комнаты.

— Мы не танцоры, — отвѣчалъ исправникъ, смѣясь: — мы больше насчетъ вина, графъ... А впрочемъ, вѣдь это при мнѣ повыросло, всѣ эти барышни, графъ! Я этакъ иногда тоже въ экосесѣ пройдусь, графъ... могу, графъ...

— А пойдемъ теперь пройдемся, — сказалъ Турбинъ: — разгуляемся передъ цыганами.

— Что-жъ, пойдемте, господа! потѣшимъ хозяина.

И человѣка три дворянъ, съ самаго начала бала пившіе въ кабинетѣ, съ красными лицами, надѣли кто черныя, кто шелковыя вязаныя перчатки и вмѣстѣ съ графомъ уже собрались идти въ залу, когда ихъ задержалъ золотушный молодой человѣкъ, весь блѣдный и едва удерживая слезы, подошедшій къ Турбину.

— Вы думаете, что вы графъ, такъ можете толкаться какъ на базарѣ, — говорилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе, — оттого, что это неучтиво.

Снова противъ его воли запрыгавшія губы остановили потокъ его рѣчи.

— Что? — крикнулъ Турбинъ, вдругъ нахмурившись. — Что... Мальчишка! — крикнулъ онъ, схвативъ его за руку и сжавъ такъ, что у молодого человѣка кровь въ голову бросилась не столько отъ досады, сколько отъ страха: — что, вы стрѣляться хотите? Такъ я къ вашимъ услугамъ.

Едва Турбинъ выпустилъ руки, которыя онъ сжалъ такъ крѣпко, какъ уже двое дворянъ подхватили подъ руки молодого человѣка и потащили къ задней двери.

— Что, вы съ ума сошли? Вы напились вѣрно. Вотъ папенькѣ сказать. Что съ вами? — говорили они ему.

— Нѣтъ, не напился, а онъ толкается и не извиняется. Онъ свинья! вотъ что! — пищалъ молодой человѣкъ, уже совершенно расплакавшись.

Однако его не послушали и увезли домой.

— Полноте, графъ! — увѣщевали, со своей стороны, Турбина исправникъ и Завальшевскій: — вѣдь ребенокъ, его сѣкутъ еще, ему вѣдь шестнадцать лѣтъ. И что съ нимъ сдѣлалось, нельзя понять. Какая его муха укусила? И отецъ его почтенный такой человѣкъ, кандидатъ нашъ.

— Ну, чортъ съ нимъ, коли не хочетъ...

И графъ вернулся въ залу и такъ же, какъ и прежде, весело танцовалъ экосесъ съ хорошенькою вдовушкой и отъ всей души хохоталъ, глядя на па, которыя выдѣлывали господа, вышедшіе съ нимъ изъ кабинета, и залился звонкимъ хохотомъ на всю залу, когда исправникъ поскользнулся и во весь ростъ шлепнулся посрединѣ танцующихъ.

V

Анна Ѳедоровна, въ то время какъ графъ ходилъ въ кабинетъ, подошла къ брату и, почему-то сообразивъ, что нужно притвориться весьма мало интересующеюся графомъ, стала разспрашивать: «Что это за гусаръ такой, что со мной танцовалъ? скажите, братецъ». Кавалеристъ объяснилъ, сколько могъ, сестрицѣ, какой былъ великій человѣкъ этотъ гусаръ, и при этомъ разсказалъ, что графъ здѣсь остался потому только, что у него деньги дорогой украли и что онъ самъ далъ ему сто рублей взаймы, но этого мало, такъ не можетъ ли сестрица ссудить ему еще рублей двѣсти; но Завальшевскій просилъ про это никому и особенно графу отнюдь ничего не говорить. Анна Ѳедоровна обѣщала прислать нынче же и держать дѣло въ секретѣ, но почему-то во время экосеса ей ужасно захотѣлось предложить самой графу, сколько онъ хочетъ денегъ. Она долго сбиралась, краснѣла и наконецъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, такимъ образомъ приступила къ дѣлу:

— Мнѣ братецъ говорилъ, что у васъ, графъ, на дорогѣ несчастіе было и денегъ теперь нѣтъ. А если нужны вамъ, не хотите ли у меня взять? Я бы ужасно рада была.

Но, выговоривъ это, Анна Ѳедоровна вдругъ чего-то испугалась и покраснѣла. Вся веселость мгновенно исчезла съ лица графа.

— Вашъ братецъ дуракъ! — сказалъ онъ рѣзко. — Вы знаете, что когда мужчина оскорбляетъ мужчину, тогда стрѣляются; а когда женщина оскорбляетъ мужчину, тогда что дѣлаютъ, знаете ли вы?

У бѣдной Анны Ѳедоровны покраснѣли шея и уши отъ смущенія. Она потупилась и не отвѣчала.

— Женщину цѣлуютъ при всѣхъ, — тихо сказалъ графъ, нагнувшись ей на ухо. — Мнѣ позвольте хоть вашу ручку поцѣловать, — потихоньку прибавилъ онъ послѣ долгаго молчанія, сжалившись надъ смущеніемъ своей дамы.

— Ахъ, только не сейчасъ, — проговорила Анна Ѳедоровна, тяжело вздыхая.

— Такъ когда же? Я завтра рано ѣду... А ужъ вы мнѣ это должны.

— Ну, такъ, стало-быть, нельзя, — сказала Анна Ѳедоровна, улыбаясь.

— Вы только позвольте мнѣ найти случай видѣть васъ нынче, чтобы поцѣловать вашу руку. Я ужъ найду его.

— Да какъ же вы найдете?

— Это не ваше дѣло. Чтобы видѣть васъ, для меня все возможно... Такъ хорошо?

— Хорошо.

Экосесъ кончился; протанцовали еще мазурку, въ которой графъ дѣлалъ чудеса, ловя платки, становясь на одно колѣно и прихлопывая шпорами какъ-то особенно, по-варшавски, такъ что всѣ старики вышли изъ-за бостона смотрѣть въ залу, и кавалеристъ, лучшій танцоръ, созналъ себя превзойденнымъ. Поужинали, протанцовали еще гросъ-фатеръ и стали разъѣзжаться. Графъ во все время не спускалъ глазъ со вдовушки. Онъ не притворялся, говоря, что для нея готовъ былъ броситься въ прорубь. Прихоть ли, любовь ли, упорство ли, но въ этотъ вечеръ всѣ его душевныя силы были сосредоточены на одномъ желаніи — видѣть и любить ее. Только что онъ замѣтилъ, что Анна Ѳедоровна стала прощаться съ хозяйкой, онъ выбѣжалъ въ лакейскую, а оттуда безъ шубы на дворъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли экипажи.

— Анны Ѳедоровны Зайцовой экипажъ! — закричалъ онъ. Высокая четвероместная карета съ фонарями сдвинулась съ мѣста и поѣхала къ крыльцу. — Стой! — закричалъ онъ кучеру, по колѣно въ снѣгу подбѣгая къ каретѣ.

— Чего надо? — отозвался кучеръ.

— Въ карету надо сѣсть, — отвѣчалъ графъ, на ходу отворяя дверцы и стараясь влѣзть. — Стой же, чортъ! Дурень!

— Васька, стой! — крикнулъ кучеръ на форейтора и остановилъ лошадей. — Что-жъ въ чужую карету лѣзете? Это барыни Анны Ѳедоровны карета, а не вашей милости карета.

— Ну, молчи-жъ, болванъ! На тебѣ цѣлковый, да слѣзь, закрой дверцы, — говорилъ графъ. Но такъ какъ кучеръ не шевелился, то онъ самъ подобралъ ступеньки и, открывъ окно, кое-какъ захлопнулъ дверь. Въ каретѣ, какъ и во всѣхъ старыхъ каретахъ, въ особенности обитыхъ желтымъ басономъ, пахло какою-то гнилью и горѣлою щетиной. Ноги графа были по колѣно въ таломъ снѣгу и сильно зябли въ тонкихъ сапогахъ и рейтузахъ, да и все тѣло прохватывалъ зимній холодъ. Кучеръ ворчалъ на козлахъ и, кажется, сбирался слѣзть. Но графъ ничего не слыхалъ и не чувствовалъ. Лицо его горѣло, сердце его сильно стучало. Онъ напряженно схватился за желтый ремень, высунулся въ боковое окно, и вся жизнь его сосредоточилась въ одномъ ожиданіи. Ожиданіе это продолжалось недолго. На крыльцѣ закричали: «Зайцовой карету!» кучеръ зашевелилъ вожжами, кузовъ заколыхался на высокихъ рессорахъ, освѣщенныя окна дома побѣжали одно за другимъ мимо окна кареты.

— Смотри, ежели ты, шельма, скажешь лакею, что я здѣсь, — сказалъ графъ, высовываясь въ переднее окошко къ кучеру, — я тебя вздую, а не скажешь — еще десять рублей.

Едва онъ успѣлъ опустить окно, какъ кузовъ ужъ снова сильнѣе закачался и карета остановилась. Онъ прижался къ углу, пересталъ дышать, даже зажмурился: такъ ему страшно было, что почему-нибудь не сбудется его страстное ожиданіе. Дверцы отворились, одна за другой съ шумомъ попадали ступеньки, зашумѣло женское платье, въ затхлую карету ворвался запахъ жасминныхъ духовъ, быстрыя ножки взбѣжали по ступенькамъ, и Анна Ѳедоровна, задѣвъ полой распахнувшагося салопа по ногѣ графа, молча, но тяжело дыша, опустилась на сидѣнье подлѣ него.

Видѣла ли она его или нѣтъ, этого никто бы не могъ рѣшить, даже сама Анна Ѳедоровна; но когда онъ взялъ ее за руку и сказалъ: «ну, ужъ теперь поцѣлую-таки вашу ручку», она очень мало изъявила испуга, ничего не отвѣчала, но отдала ему руку, которую онъ покрылъ поцѣлуями гораздо выше перчатки. Карета тронулась.

— Скажи-жъ что-нибудь. Ты не сердишься? — говорилъ онъ ей.

Она молча прижалась въ свой уголъ, но вдругъ отчего-то заплакала и сама упала головой къ его груди.

VI

Вновь выбранный исправникъ со своею компаніей, кавалеристъ и другіе дворяне уже давно слушали цыганъ и пили въ новомъ трактирѣ, когда графъ въ медвѣжьей, крытой синимъ сукномъ шубѣ, принадлежавшей покойному мужу Анны Ѳедоровны, присоединился къ ихъ компаніи.

— Батюшка ваше сіятельство! ждали не дождались! — говорилъ косой черный цыганъ, показывая свои блестящіе зубы, встрѣтивъ его еще въ сѣняхъ и бросаясь снимать шубу. — Съ Лебедяни не видали. Стеша зачахла совсѣмъ по васъ..

Стеша, стройная молоденькая цыганочка съ кирпично-краснымъ румянцемъ на коричневомъ лицѣ, съ блестящими, глубокими черными глазами, осѣненными длинными рѣсницами, выбѣжала тоже навстрѣчу.

— А! графчикъ! голубчикъ! золотой! вотъ радость-то! — заговорила она сквозь зубы съ веселою улыбкой.

Самъ Илюшка выбѣжалъ навстрѣчу, притворяясь, что очень радуется. Старухи, бабы, дѣвки повскакали съ мѣстъ и окружили гостя. Кто считался кумовствомъ, кто крестовымъ братствомъ. Молодыхъ цыганокъ Турбинъ всѣхъ расцѣловалъ въ губы, старухи и мужчины цѣловали его въ плечико или въ ручку. Дворяне тоже очень были обрадованы пріѣздомъ гостя, тѣмъ болѣе, что гульба, дойдя до своего апогея, теперь уже остывала; каждый начиналъ испытывать пресыщеніе; вино, потерявъ возбудительное дѣйствіе на нервы, только тяготило желудокъ. Каждый уже выпустилъ весь свой зарядъ ухарства и приглядѣлся одинъ къ другому; всѣ пѣсни были пропѣты и перемѣшались въ головѣ каждаго, оставляя какое-то шумное, распущенное впечатлѣніе. Что бы кто ни сдѣлалъ страннаго и лихого, всѣмъ начинало приходить въ голову, что ничего тутъ нѣтъ любезнаго и смѣшного.

Исправникъ, лежа въ безобразномъ видѣ на полу у ногъ какой-то старухи, заболталъ ногами и закричалъ:

— Шампанскаго!... графъ пріѣхалъ!... шампанскаго!... пріѣхалъ!... ну, шампанскаго!... ванну сдѣлаю изъ шампанскаго и буду купаться... Господа дворяне! люблю благородное дворянское общество... Стешка! пой «Дорожку».

Кавалеристъ былъ тоже навеселѣ, но въ другомъ видѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ въ уголкѣ, очень близко, рядомъ съ высокою красивою цыганкой Любашей и, чувствуя, какъ хмель туманилъ его глаза, хлопалъ ими, помахивалъ головой и, повторяя одни и тѣ же слова, шопотомъ, уговаривалъ цыганку бѣжать съ нимъ куда-то. Любаша, улыбаясь, слушала его такъ, какъ будто то, что онъ ей говорилъ, было очень весело и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько печально, бросала изрѣдка взгляды на своего мужа, косого Сашку, стоявшаго за стуломъ противъ нея, и въ отвѣтъ на признаніе въ любви кавалериста, нагибалась ему на ухо и просила купить ей потихоньку, чтобы другіе не видали, душковъ и ленту.

— Урра! — закричалъ кавалеристъ, когда вошелъ графъ.

Красивый молодой человѣкъ съ озабоченнымъ видомъ старательно, твердыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и напѣвалъ мотивы изъ «Возстанія въ сералѣ».

Старый отецъ семейства, увлеченный къ цыганкамъ неотвязными просьбами господъ дворянъ, которые говорили, что безъ него все разстроится и лучше не ѣхать, лежалъ на диванѣ, куда онъ повалился тотчасъ, какъ пріѣхалъ, и никто на него не обращалъ вниманія. Какой-то чиновникъ, бывшій тутъ-же, снявъ фракъ, съ ногами сидѣлъ на столѣ, ерошилъ свои волосы и тѣмъ самъ доказывалъ, что онъ очень кутитъ. Какъ только вошелъ графъ, онъ разстегнулъ воротъ рубашки и подсѣлъ еще выше на столъ. Вообще съ пріѣздомъ графа кутежъ оживился.

Цыганки, разбредшіяся было по комнатѣ, опять сѣли кружкомъ. Графъ посадилъ Стешу, запѣвалу, себѣ на колѣни и велѣлъ еще подать шампанскаго.

Илюшка съ гитарой сталъ передъ запѣвалой, и началась *пляска*, т.-е. цыганскія пѣсни: «Хожу ль я по улицѣ», «Эй вы, гусары...», «Слышишь, разумѣешь...» и т. д., въ извѣстномъ порядкѣ. Стешка славно пѣла. Ея гибкій, звучный, изъ самой груди выливавшійся контральто, ея улыбки во время пѣнія, смѣющіеся, страстные глазки и ножка, шевелившаяся невольно въ тактъ пѣсни, ея отчаянное вскрикиваніе при началѣ хора, — все это задѣвало за какую-то звонкую, но рѣдко задѣваемую струну. Видно было, что она вся жила только въ той пѣснѣ, которую пѣла. Илюшка, улыбкой, спиной, ногами, всѣмъ существомъ изображая сочувствіе пѣснѣ, аккомпанировалъ ей на гитарѣ и, впившись въ нее глазами, какъ будто въ первый разъ слушая пѣсню, внимательно, озабоченно, въ тактъ пѣсни наклонялъ и поднималъ голову. Потомъ онъ вдругъ выпрямлялся при послѣдней пѣвучей нотѣ и, какъ будто чувствуя себя выше всѣхъ въ мірѣ, гордо, рѣшительно вскидывалъ ногой гитару, перевертывалъ ее, притопывалъ, встряхивалъ волосами и, нахмурившись, оглядывался на хоръ. Все его тѣло отъ шеи до пятокъ начинало плясать каждою жилкой... И двадцать энергическихъ, сильныхъ голосовъ, каждый изъ всѣхъ силъ стараясь страннѣе и необыкновеннѣе вторить одинъ другому, переливались въ воздухѣ. Старухи подпрыгивали на стульяхъ, помахивая платочками и оскаливая зубы, вскрикивали въ ладъ и въ тактъ одна громче другой. Басы, склонивъ головы на бокъ и напруживъ шеи, гудѣли, стоя за стульями.

Когда Стеша выводила тонкія ноты, Илюшка подносилъ къ ней ближе гитару, какъ будто желая помочь ей, а красивый молодой человѣкъ въ восторгѣ вскрикивалъ, что теперь бемоли пошли.

Когда заиграли плясовую и, дрожа плечами и грудью, прошлась Дуняша и, развернувшись передъ графомъ, поплыла дальше, Турбинъ вскочилъ съ мѣста, скинулъ мундиръ и, оставшись въ одной красной рубахѣ, лихо прошелся съ нею въ самый разъ и тактъ, выдѣлывая ногами такія штуки, что цыгане, одобрительно улыбаясь, переглядывались другъ съ другомъ.

Исправникъ сѣлъ по-турецки, хлопнулъ себя кулакомъ по груди и закричалъ: «виватъ!» а потомъ, ухвативъ графа за ногу, сталъ разсказывать, что у него было двѣ тысячи рублей, а теперь всего пятьсотъ осталось, и что онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ, ежели только графъ позволитъ. Старый отецъ семейства проснулся и хотѣлъ уѣхать; но его не пустили. Красивый молодой человѣкъ упрашивалъ цыганку протанцовать съ нимъ вальсъ. Кавалеристъ, желая похвастаться своею дружбой съ графомъ, всталъ изъ своего угла и обнялъ Турбина.

— Ахъ ты, мой голубчикъ! — сказалъ онъ, — зачѣмъ ты только отъ насъ уѣхалъ! А? — Графъ молчалъ, видимо думая о другомъ. — Куда ѣздилъ? Ахъ ты, плутъ, графъ, ужъ я знаю, куда ѣздилъ.

Турбину отчего-то не понравилось это панибратство. Онъ, не улыбаясь, молча посмотрѣлъ въ лицо кавалеристу и вдругъ пустилъ въ упоръ на него такое страшное и грубое ругательство, что кавалеристъ огорчился и долго не зналъ, какъ ему принять такую обиду: въ шутку или не въ шутку. Наконецъ онъ рѣшилъ, что въ шутку, улыбнулся и пошелъ опять къ своей цыганкѣ, увѣряя ее, что онъ на ней непремѣнно женится послѣ Святой. Запѣли другую пѣсню, третью, еще разъ поплясали, провеличали, и всѣмъ продолжало казаться весело. Шампанское не кончалось. Графъ пилъ много. Глаза его какъ бы покрылись влагой, но онъ не шатался, плясалъ еще лучше, говорилъ твердо и даже самъ славно подпѣвалъ въ хорѣ и вторилъ Стешѣ, когда она пѣла «Дружбы нѣжное волненье». Въ серединѣ пляски купецъ, содержатель трактира, пришелъ просить гостей ѣхать по домамъ, потому что уже былъ третій часъ утра.

Графъ схватилъ купца за шиворотъ и велѣлъ ему плясать въ присядку. Купецъ отказывался. Графъ схватилъ бутылку шампанскаго и, повернувъ купца ногами кверху, велѣлъ его держать такъ и, къ общему хохоту, медленно вылилъ на него всю бутылку.

Уже разсвѣтало. Всѣ были блѣдны и изнурены, исключая графа.

— Однако мнѣ пора въ Москву, — сказалъ онъ вдругъ, вставая. — Пойдемъ всѣ ко мнѣ, ребята. Проводите меня... и чаю напьемся.

Всѣ согласились, исключая заснувшаго помѣщика, который тутъ и остался, набились биткомъ въ трое саней, стоявшихъ у подъѣзда, и поѣхали въ гостинницу.

VII

— Закладывать! — крикнулъ графъ, входя въ общую залу гостинницы со всѣми гостями и цыганами. — Сашка! не цыганъ Сашка, а мой, скажи смотрителю, что прибью, коли лошади плохи будутъ. Да чаю давай намъ! Завальшевскій, распоряжайся чаемъ, а я пойду къ Ильину, посмотрю, что онъ, — прибавилъ Турбинъ, и выйдя въ корридоръ, направился въ нумеръ улана.

Ильинъ только что кончилъ игру и, проигравъ всѣ деньги до копейки, внизъ лицомъ лежалъ на диванѣ изъ разорванной волосяной матеріи, одинъ за другимъ выдергивая волосы, кладя ихъ въ ротъ, перекусывая и выплевывая. Двѣ сальныя свѣчи, изъ которыхъ одна уже догорѣла до бумажки, стоя на ломберномъ, заваленномъ картами столѣ, слабо боролись со свѣтомъ утра, проникавшимъ въ окна. Мыслей въ головѣ улана никакихъ не было: какой-то густой туманъ игорной страсти застилалъ всѣ его душевныя способности; даже раскаянія не было. Онъ попробовалъ разъ подумать о томъ, что ему теперь дѣлать, какъ выѣхать безъ копейки денегъ, какъ заплатить пятнадцать тысячъ проигранныхъ казенныхъ денегъ, что скажетъ полковой командиръ, что скажетъ его мать, что скажутъ товарищи, — и на него нашелъ такой страхъ и такое отвращеніе къ самому себѣ, что онъ, желая забыться чѣмъ-нибудь, всталъ, сталъ ходить по комнатѣ, стараясь только ступать на щели половицъ, и снова началъ припоминать себѣ всѣ мельчайшія обстоятельства происходившей игры: онъ живо воображалъ, что уже отыгрывается и снимаетъ девятку, кладетъ короля пикъ на двѣ тысячи рублей, направо ложится дама, налѣво тузъ, направо король бубенъ, — и все пропало; а ежели бы направо шестерка, а налѣво король бубенъ, тогда совсѣмъ бы отыгрался, поставилъ бы еще все на пе и выигралъ бы тысячъ пятнадцать чистыхъ, купилъ бы себѣ тогда иноходца у полкового командира, еще пару лошадей, фаэтонъ купилъ бы. Ну, что же еще потомъ? да, ну и славная, славная бы штука была.

Онъ опять легъ на диванъ и сталъ грызть волосы.

«Зачѣмъ это поютъ пѣсни въ седьмомъ нумерѣ? — подумалъ онъ, — это, вѣрно, у Турбина веселятся. Пойти нешто туда да выпить хорошенько».

Въ это время вошелъ графъ.

— Ну что, продулся, братъ, а? — крикнулъ онъ.

«Притворюсь, что сплю, — подумалъ Ильинъ, — а то надо съ нимъ говорить, а мнѣ ужъ спать хочется».

Однако Турбинъ подошелъ къ нему и погладилъ его по головѣ.

— Ну что, дружокъ любезный, продулся? проигрался? говори.

Ильинъ не отвѣчалъ.

Графъ дернулъ его за руку.

— Проигралъ. Ну что тебѣ? — пробормоталъ Ильинъ соннымъ, равнодушно-недовольнымъ голосомъ, не перемѣняя положенія.

— Всѣ?

— Ну, да. Что-жъ за бѣда? Все. Тебѣ что?

— Послушай, говори правду, какъ товарищу, — сказалъ графъ, подъ вліяніемъ выпитаго вина расположенный къ нѣжности, продолжая гладить его по волосамъ. — Право, я тебя полюбилъ. Говори правду: ежели проигралъ казенныя, я тебя выручу; а то поздно будетъ... Казенныя деньги были?

Ильинъ вскочилъ съ дивана.

— Ужъ ежели ты хочешь, чтобы я говорилъ, такъ не говори со мной, оттого что... и, пожалуйста, не говори со мной... пулю въ лобъ — вотъ что мнѣ осталось одно! — проговорилъ онъ съ истиннымъ отчаяніемъ, упавъ головой на руки и заливаясь слезами, несмотря на то, что за минуту передъ этимъ преспокойно думалъ объ иноходцахъ.

— Эхъ ты, красная дѣвушка! Ну, съ кѣмъ этого не бывало! Не бѣда: еще авось поправимъ. Подожди-ка меня тутъ.

Графъ вышелъ изъ комнаты.

— Гдѣ стоитъ Лухновъ, помѣщикъ? — спросилъ онъ у корридорнаго.

Корридорный вызвался проводить графа. Графъ, несмотря на замѣчаніе лакея, что баринъ сейчасъ только пожаловали и раздѣваться изволятъ, вошелъ въ комнату. Лухновъ въ халатѣ сидѣлъ передъ столомъ, считая нѣсколько кипъ ассигнацій, лежавшихъ передъ нимъ. На столѣ стояла бутылка рейнвейна, который онъ очень любилъ. Съ выигрыша онъ позволилъ себѣ это удовольствіе. Лухновъ холодно, строго, чрезъ очки, какъ бы не узнавая, поглядѣлъ на графа.

— Вы, кажется, меня не узнаете? — сказалъ графъ, рѣшительными шагами подходя къ столу.

Лухновъ узналъ графа и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ хочется поиграть съ вами, — сказалъ Турбинъ, садясь на диванъ.

— Теперь?

— Да.

— Въ другой разъ съ моимъ удовольствіемъ, графъ! а теперь я усталъ и соснуть сбираюсь. Не угодно ли винца? доброе винцо.

— А я теперь хочу поиграть немножко.

— Не располагаю больше играть. Можетъ, кто изъ господъ станетъ, а я не буду, графъ! Вы ужъ, пожалуйста, меня извините.

— Такъ не будете?

Лухновъ сдѣлалъ плечами жестъ, выражающій сожалѣніе о невозможности исполнить желаніе графа.

— Ни за что не будете?

Опять тотъ же жестъ.

— А я васъ очень прошу... Что же, будете играть?...

Молчаніе.

— Будете играть? — второй разъ спросилъ графъ: — смотрите!

То же молчаніе и быстрый взглядъ сверхъ очковъ на начинавшее хмуриться лицо графа.

— Будете играть? — громкимъ голосомъ крикнулъ графъ, стукнувъ рукой по столу такъ, что бутылка рейнвейна упала и разлилась. — Вѣдь вы нечисто выиграли? Будете играть? третій разъ спрашиваю.

— Я сказалъ, что нѣтъ. Это, право, странно, графъ! и вовсе неприлично придти съ ножомъ къ горлу къ человѣку, — замѣтилъ Лухновъ, не поднимая глазъ.

Послѣдовало непродолжительное молчаніе, во время котораго лицо графа блѣднѣло больше и больше. Вдругъ страшный ударъ въ голову ошеломилъ Лухнова. Онъ упалъ на диванъ, стараясь захватить деньги, и закричалъ такимъ пронзительно-отчаяннымъ голосомъ, котораго нельзя было ожидать отъ его всегда спокойной и всегда представительной фигуры. Турбинъ собралъ лежащія на столѣ остальныя деньги, оттолкнулъ слугу, который вбѣжалъ было на помощь барину, и скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

— Ежели вы хотите удовлетворенія, то я къ вашимъ услугамъ, въ своемъ нумерѣ еще пробуду полчаса, — прибавилъ графъ, вернувшись къ двери Лухнова.

— Мошенникъ! грабитель!... — послышалось оттуда. — Подъ уголовный подведу!

Ильинъ все такъ же, не обративъ никакого вниманія на обѣщанія графа выручить его, лежалъ у себя въ нумерѣ на диванѣ, и слезы отчаянія давили его. Сознаніе дѣйствительности, которое сквозь странную путаницу чувствъ, мыслей и воспоминай, наполнявшихъ его душу, вызвала ласка, участіе графа, не покидало его. Богатая надеждами молодость, честь, общественное уваженіе, мечты любви и дружбы — все было навѣки потеряно. Источникъ слезъ начиналъ высыхать, слишкомъ спокойное чувство безнадежности овладѣвало имъ больше и больше, и мысль о самоубійствѣ, уже не возбуждая отвращенія и ужаса, чаще и чаще останавливала его вниманіе. Въ это время послышались твердые шаги графа.

На лицѣ Турбина еще были видны слѣды гнѣва, руки его нѣсколько дрожали, но въ глазахъ сіяли добрая веселость и самодовольство.

— На! отыгрался! — сказалъ онъ, бросая на столъ нѣсколько кипъ ассигнацій. — Сочти, всѣ ли? Да приходи скорѣе въ общую залу, я сейчасъ ѣду, — прибавилъ онъ, какъ будто не замѣчая страшнаго волненія радости и благодарности, выразившагося на лицѣ улана, и, насвистывая какую-то цыганскую пѣсню, вышелъ изъ комнаты.

VIII

Сашка, перетянувшись кушакомъ, доложилъ, что лошади готовы, но требовалъ, чтобы сходить прежде взять графскую шинель, которая будто бы триста рублей съ воротникомъ стоитъ, и отдать поганую синюю шубу тому мерзавцу, который ее перемѣнилъ на шинель у предводителя; но Турбинъ сказалъ, что искать шинель не нужно, и пошелъ въ свой нумеръ переодѣваться.

Кавалеристъ безпрестанно икалъ, сидя молча подлѣ своей цыганки. Исправникъ потребовалъ водки, приглашалъ всѣхъ господъ ѣхать сейчасъ къ нему завтракать, обѣщая, что его жена сама непремѣнно пойдетъ плясать съ цыганками. Красивый молодой человѣкъ глубокомысленно растолковывалъ Илюшкѣ, что на фортепіано души больше, а на гитарѣ бемолей нельзя брать. Чиновникъ грустно пилъ чай въ уголку и, казалось, при дневномъ свѣтѣ стыдился своего разврата. Цыгане спорили между собой по-цыгански и настаивали на томъ, чтобы повеличать еще господъ, чему

Стеша противилась, говоря, что *барорай* (по-цыгански: графъ или князь, или точнѣе, большой баринъ) прогнѣвается. Вообще уже догорала во всѣхъ послѣдняя искра разгула.

— Ну, на прощанье еще пѣсню и маршъ по домамъ, — сказалъ графъ, свѣжій, веселый, красивый болѣе чѣмъ когда-нибудь, входя въ залу въ дорожномъ платьѣ.

Цыгане снова расположились кружкомъ и только было собрались запѣть, какъ вошелъ Ильинъ съ пачкой ассигнацій въ рукѣ и отозвалъ въ сторону графа.

— У меня всего было пятнадцать тысячъ казенныхъ, а ты мнѣ далъ шестнадцать тысячъ триста, — сказалъ онъ: — это твои, стало-быть.

— Хорошее дѣло! давай!

Ильинъ отдалъ деньги, робко глядя на графа, открылъ было ротъ, желая сказать что-то, но только покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили на глаза, потомъ схватилъ руку графа и началъ жать ее.

— Убирайся! Илюшка!.. слушай меня... на вотъ тебѣ деньги; только провожать меня съ пѣснями до заставы. — И онъ бросилъ ему на гитару тысячу триста рублей, которые принесъ Ильинъ. Но кавалеристу графъ такъ и забылъ отдать сто рублей, которые занялъ у него вчера.

Уже было десять часовъ утра. Солнышко поднялось выше крышъ, народъ сновалъ по улицамъ, купцы давно отворили лавки, дворяне и чиновники ѣздили по улицамъ, барыни ходили по гостиному двору, когда ватага цыганъ, исправникъ, кавалеристъ, красивый молодой человѣкъ, Ильинъ и графъ въ синей медвѣжьей шубѣ вышли на крыльцо гостиницы. Былъ солнечный день и оттепель. Три ямскія тройки съ коротко подвязанными хвостами, шлепая ногами по жидкой грязи, подъѣхали къ крыльцу, и вся веселая компанія начала разсаживаться. Графъ, Ильинъ, Стеша, Илюшка и Сашка-денщикъ сѣли въ первыя сани, Блюхеръ выходилъ изъ себя и, махая хвостомъ, лаялъ на коренную. Въ другія сани усѣлись другіе господа, тоже съ цыганками и цыганами. Отъ самой гостинницы сани выровнялись, и цыгане затянули хоровую пѣсню.

Тройки съ пѣснями и колокольчиками, сбивая на самые тротуары всѣхъ встрѣчавшихся проѣзжающихъ, проѣхали весь городъ до заставы.

Не мало дивились купцы и прохожіе незнакомые и особенно знакомые, видя благородныхъ дворянъ, ѣдущихъ среди бѣлаго дня по улицамъ съ пѣснями, цыганками и пьяными цыганами.

Когда выѣхали за заставу, тройки остановились и всѣ стали прощаться съ графомъ.

Ильинъ, выпившій довольно много на прощаніи и все время правившій самъ лошадьми, вдругъ сдѣлался печаленъ, сталъ уговаривать графа остаться еще на денекъ, но когда убѣдился, что это было невозможно, совершенно неожиданно со слезами бросился цѣловать своего новаго друга и обѣщалъ, что, когда пріѣдетъ, будетъ просить о переводѣ въ гусары въ тотъ самый полкъ, въ которомъ служитъ Турбинъ. Графъ былъ особенно веселъ, кавалериста, который утромъ уже окончательно говорилъ ему ты, толкнулъ въ сугробъ, исправника травилъ Блюхеромъ, Стешку подхватилъ на руки и хотѣлъ увезти съ собой въ Москву и наконецъ, вскочивъ въ сани, усадилъ рядомъ съ собой Блюхера, который все хотѣлъ стоять на серединѣ. Сашка, попросивъ еще разъ кавалериста отобрать-таки у *нихъ* графскую шинель и прислать ее, тоже вскочилъ на козлы. Графъ крикнулъ: «пошелъ!» снявъ фуражку, замахалъ ею надъ головой и по-ямски засвисталъ на лошадей. Тройки разъѣхались.

Далеко впереди виднѣлась однообразная снѣжная равнина, по которой извивалась желтовато-грязная полоса дороги. Яркое солнце, играя, блестѣло на таломъ, прозрачною корой обледенѣвшемъ снѣгу и пріятно пригрѣвало лицо и спину. Отъ потныхъ лошадей валилъ паръ. Колокольчикъ побрякивалъ. Какой-то мужикъ съ возомъ на раскатывающихся санишкахъ, подергивая веревочными вожжами, торопливо сторонился, бѣгомъ шлепая промокнувшими лаптишками по оттаявшей дорогѣ; толстая, красная крестьянская баба съ ребенкомъ за овчинною пазухой сидѣла на другомъ возу, погоняя концами вожжей бѣлую шелохвостую клячонку. Графу вдругъ вспомнилась Анна Ѳедоровна.

— Назадъ! — крикнулъ онъ.

Ямщикъ не понялъ вдругъ.

— Поворачивай назадъ! пошелъ въ городъ! живо!

Тройка опять проѣхала заставу и бойко подкатила къ дощатому крыльцу дома госпожи Зайцовой. Графъ быстро вбѣжалъ на лѣстницу, прошелъ переднюю, гостиную и, заставъ вдовушку еще спящею, взялъ ее на руки, приподнялъ съ постели, поцѣловалъ въ заспанные глазки и живо выбѣжалъ назадъ. Анна Ѳедоровна спросонокъ только облизывалась и спрашивала: «что случилось?» Графъ вскочилъ въ сани, крикнулъ на ямщика и, уже не останавливаясь и даже не вспоминая ни о Лухновѣ, ни о вдовушкѣ, ни о Стешкѣ, а только думая о томъ, что̀ его ожидало въ Москвѣ, выѣхалъ навсегда изъ города К.

IX

Прошло лѣтъ двадцать. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много людей умерло, много родилось, много выросло и состарѣлось, еще болѣе родилось и умерло мыслей; много прекраснаго и много дурного стараго погибло, много прекраснаго молодого выросло и еще больше недоросшаго, уродливаго молодого появилось на свѣтъ Божій.

Графъ Ѳедоръ Турбинъ уже давно былъ убитъ на дуэли съ какимъ-то иностранцемъ, котораго онъ высѣкъ арапникомъ на улицѣ; сынъ, двѣ капли воды похожій на него, былъ уже двадцатитрехлѣтній прелестный юноша и служилъ въ кавалергардахъ. Молодой графъ Турбинъ морально вовсе не былъ похожъ на отца. Даже и тѣни въ немъ не было тѣхъ буйныхъ, страстныхъ и, говоря правду, развратныхъ наклонностей прошлаго вѣка. Вмѣстѣ съ умомъ, образованіемъ и наслѣдственною даровитостью натуры любовь къ приличію и удобствамъ жизни, практическій взглядъ на людей и обстоятельства, благоразуміе и предусмотрительность были его отличительными качествами. По службѣ молодой графъ шелъ славно: двадцати трехъ лѣтъ уже былъ поручикомъ... При открытіи военныхъ дѣйствій онъ рѣшилъ, что выгоднѣе для производства перейти въ дѣйствующую армію, и перешелъ въ гусарскій полкъ ротмистромъ, гдѣ и получилъ скоро эскадронъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1848 г. С. гусарскій полкъ проходилъ походомъ К. губернію, и тотъ самый эскадронъ, которымъ командовалъ молодой графъ Турбинъ, долженъ былъ ночевать въ Морозовкѣ, деревнѣ Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна была жива, но уже такъ немолода, что сама не считала себя больше молодою, что̀ много значитъ для женщины. Она очень растолстѣла, что, говорятъ, молодитъ женщину: но и на этой бѣлой толщинѣ были замѣтны крупныя мягкія морщины. Она ужъ не ѣздила никогда въ городъ, съ трудомъ даже влѣзала въ экипажъ, но такъ же была добродушна и все такъ же глупенька, можно теперь сказать правду, когда она уже не подкупаетъ своею красотой. Съ ней вмѣстѣ жили ея дочь Лиза, двадцатитрехлѣтняя русская деревенская красавица, и братецъ, намъ знакомый кавалеристъ, промотавшій по добродушію все свое имѣньице и старикомъ пріютившійся у Анны Ѳедоровны. Волоса на головѣ его были сѣдые совершенно; верхняя губа упала, но надъ нею усы тщательно были вычернены. Морщины покрывали не только его лобъ и щеки, но даже носъ и шею, спина согнулась, а все-таки въ слабыхъ кривыхъ ногахъ видны были пріемы стараго кавалериста.

Въ небольшой гостиной стараго домика съ открытыми балконною дверью и окнами на старинный звѣздообразный липовый садъ сидѣло все семейство и домашніе Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна, съ сѣдою головой, въ лиловой кацавейкѣ, на диванѣ передъ круглымъ столомъ краснаго дерева раскладывала карты. Старый братецъ, расположившись у окна, въ чистенькихъ бѣлыхъ панталончикахъ и синемъ сюртучкѣ вязалъ на рогулькѣ снурочекъ изъ бѣлой бумаги — занятіе, которому его научила племянница и которое онъ очень полюбилъ, такъ какъ дѣлать онъ уже ничего не могъ, и для чтенія газеты, любимаго его занятія, глаза были уже слабы. Пимочка, воспитанница Анны Ѳедоровны, подлѣ него твердила урокъ подъ руководствомъ Лизы, вязавшей вмѣстѣ съ тѣмъ на деревянныхъ спицахъ чулки изъ козьяго пуха для дяди. Послѣдніе лучи заходящаго солнца, какъ и всегда въ эту пору, бросали сквозь липовую аллею раздробленные косые лучи на крайнее окно и этажерку, стоявшую около него. Въ саду и въ комнатѣ было такъ тихо, что слышалось, какъ за окномъ быстро прошумитъ крыльями ласточка, или въ комнатѣ тихо вздохнетъ Анна Ѳедоровна, или покряхтитъ старичокъ, перекладывая ногу на ногу.

— Какъ это кладется? Лизанька, покажи-ка. Я все забываю, — сказала Анна Ѳедоровна, остановясь въ раскладываніи пасьянса.

Лиза, не переставая работать, подошла къ матери и, взглянувъ на карты:

— Ахъ, вы перепутали, голубушка мамаша! — сказала она, перекладывая карты. — Вотъ такъ надо было. Все-таки сбудется, что вы загадали, — прибавила она, незамѣтно снимая одну карту.

— Ну, ужъ ты всегда меня обманываешь! Говоришь, что вышло.

— Нѣтъ, право, значитъ, удастся. Вышло.

— Ну, хорошо, хорошо, баловница! Да не пора ли чаю?

— Я ужъ велѣла разогрѣвать самоваръ. Сейчасъ пойду. Вамъ сюда принести?.. Ну, кончай, Пимочка, скорѣе урокъ и пойдемъ бѣгать.

И Лиза вышла изъ двери.

— Лизочка! Лизанька! — заговорилъ дядя, пристально вглядываясь въ свою рогульку, — опять, кажется, спустилъ петлю. Подними, голубчикъ!

— Сейчасъ, сейчасъ! только сахаръ отдамъ наколоть.

И дѣйствительно, она черезъ три минуты вбѣжала въ комнату, подошла къ дядѣ и взяла его за ухо.

— Вотъ вамъ, чтобы не спускали петлей, — сказала она, смѣясь: — урокъ и не довязали.

— Ну, полно, полно; поправь же, какой-то узелочекъ былъ, видно.

Лиза взяла рогульку и вынула булавку у себя изъ косыночки, которую при этомъ распахнуло немного вѣтромъ изъ окна, и какъ-то булавочкой добыла петлю, протянула раза два и передала рогульку дядѣ.

— Ну, поцѣлуйте же меня за это, — сказала она, подставивъ ему румяную щечку и закалывая косынку. — Вамъ съ ромомъ нынче чаю. Нынче вѣдь пятница.

И она опять ушла въ чайную.

— Дяденька, идите смотрѣть: гусары идутъ къ намъ! — послышался оттуда звучный голосокъ.

Анна Ѳедоровна вмѣстѣ съ братцемъ вошли въ чайную комнату, изъ которой окна были на деревню, посмотрѣть гусаръ. Изъ окна́ очень мало было видно, замѣтно было только сквозь пыль, что какая-то толпа двигается.

— А жаль, сестрица! — замѣтилъ дядя Аннѣ Ѳедоровнѣ, — жаль, что такъ тѣсно и флигель не отстроенъ еще: попросить бы къ намъ офицеровъ. Гусарскіе офицеры — вѣдь это все такая молодежь, славная, веселая; посмотрѣлъ бы хоть на нихъ.

— Что-жъ, я бы душой рада; да вѣдь вы сами знаете, братецъ, что негдѣ: моя спальня, Лизина горница, гостиная, да вотъ эта ваша комната — вотъ и все. Гдѣ же ихъ тутъ помѣстить, сами посудите. Имъ старостину избу очистилъ Михайло Матвѣевъ; говоритъ, чисто тоже.

— А мы бы тебѣ, Лизочка, изъ нихъ жениха пріискали, славнаго гусара! — сказалъ дядя.

— Нѣтъ, я не хочу гусара; я хочу улана: вѣдь вы въ уланахъ служили, дядя?.. А я этихъ знать не хочу. Они всѣ отчаянные, говорятъ.

И Лиза покраснѣла немного, но снова засмѣялась своимъ звучнымъ смѣхомъ.

— Вотъ и Устюшка бѣжитъ: надо спросить ее, что видѣла, — сказала она.

Анна Ѳедоровна велѣла позвать Устюшку.

— Нѣтъ того, чтобы посидѣть за работой; какая надобность бѣгать на солдатъ смотрѣть, — сказала Анна Ѳедоровна. — Ну, что, гдѣ помѣстились офицеры?

— У Еремкиныхъ, сударыня. Два ихъ, красавцы такіе, одинъ графъ, сказываютъ.

— А фамилія какъ?

— Казаровъ ли, Турбиновъ ли — не запомнила, виновата-съ.

— Вотъ дура, ничего и разсказать не умѣетъ. Хоть бы узнала, какъ фамилія.

— Что-жъ, я сбѣгаю.

— Да ужъ я знаю, что ты на это мастерица, — нѣтъ, пускай Данило сходитъ; скажите ему, братецъ, чтобы онъ сходилъ да спросилъ, не нужно ли чего-нибудь офицерамъ-то; все учтивость надо сдѣлать, что барыня *молъ* спросить велѣла.

Старики снова усѣлись въ чайную, а Лиза пошла въ дѣвичью положить въ ящикъ наколотый сахаръ. Устюша разсказывала тамъ про гусаровъ.

— Барышня, голубушка, вотъ красавчикъ этотъ графъ-то, — говорила она, — просто херувимчикъ чернобровый. Вотъ бы вамъ такого женишка, такъ ужъ точно бы парочка была.

Другія горничныя одобрительно улыбнулись; старая няня, сидѣвшая у окна съ чулкомъ, вздохнула и прочитала даже, втягивая въ себя духъ, какую-то молитву.

— Такъ вотъ какъ тебѣ понравились гусары, — сказала Лиза: — да вѣдь ты мастерица разсказывать. Принеси, пожалуйста, морсу, Устюша, — кисленькимъ гусаровъ поить.

И Лиза, смѣясь, съ сахарницей вышла изъ комнаты.

«А хотѣлось бы посмотрѣть, что это за гусаръ такой, — думала она, — брюнетъ или блондинъ? И онъ вѣдь радъ бы былъ, я думаю, познакомиться съ нами. А пройдетъ, такъ и не узнаетъ, что я тутъ была и о немъ думала. И сколько ужъ этакихъ прошло мимо меня. Никто меня не видитъ, кромѣ дяденьки да Устюши. Какъ бы я ни зачесалась, какіе бы рукава ни надѣла — никто и не полюбуется, — подумала она, вздохнувъ, глядя на свою бѣлую, полную руку. — Онъ долженъ быть высокъ ростомъ, большіе глаза, вѣрно маленькіе черные усики. Нѣтъ, вотъ ужъ двадцать два года минуло, а никто въ меня не влюбился, кромѣ Иванъ Ипатыча рябого; а четыре года тому назадъ я еще лучше была: и такъ, никому не на радость, прошла моя дѣвичья молодость. Ахъ, я несчастная, несчастная деревенская барышня!»

Голосъ матери, звавшій ее разливать чай, вызвалъ деревенскую барышню изъ этой минутной задумчивости. Она встряхнула головкой и вошла въ чайную.

Лучшія вещи всегда выходятъ нечаянно; а чѣмъ больше стараешься, тѣмъ выходитъ хуже. Въ деревняхъ рѣдко стараются давать воспитаніе и потому нечаянно большею частью даютъ прекрасное. Такъ и случилось въ особенности съ Лизой. Анна Ѳедоровна по ограниченности ума и беззаботности нрава не давала никакого воспитанія Лизѣ: не учила ея ни музыкѣ, ни столь полезному французскому языку, а нечаянно родила отъ покойнаго мужа здоровенькое, хорошенькое дитя — дочку, отдала ее кормилицѣ и нянькѣ, кормила ее, одѣвала въ ситцевыя платьица и козловые башмачки, посылала гулять и сбирать грибы и ягоды, учила ее грамотѣ и ариѳметикѣ посредствомъ нанятаго семинариста и нечаянно черезъ шестнадцать лѣтъ увидѣла въ Лизѣ подругу и всегда веселую, добродушную душу и дѣятельную хозяйку въ домѣ. У Анны Ѳедоровны, по добродушію ея, всегда бывали воспитанницы или изъ крѣпостныхъ или изъ подкидышей. Лиза съ десяти лѣтъ уже стала заниматься ими: учить, одѣвать, водить въ церковь и останавливать, когда онѣ уже слишкомъ шалили. Потомъ явился дряхлый, добродушный дядя, за которымъ надо было ходить, какъ за ребенкомъ. Потомъ дворовые и мужики, обращавшіеся къ молодой барышнѣ съ просьбами и недугами, которые она лѣчила бузиной, мятой и камфарнымъ спиртомъ. Потомъ домашнее хозяйство, перешедшее нечаянно все въ ея руки. Потомъ неудовлетворенная потребность любви, находившая выраженіе въ одной природѣ и религіи. И изъ Лизы нечаянно вышла дѣятельная, добродушно-веселая, самостоятельная, чистая и глубоко-религіозная женщина. Правда, были маленькія тщеславныя страданія при видѣ сосѣдокъ въ модныхъ шляпкахъ, привезенныхъ изъ К*, стоящихъ рядомъ съ ней въ церкви; были досады до слезъ на старую, ворчливую мать за ея капризы; были и любовныя мечты въ самыхъ нелѣпыхъ и иногда грубыхъ формахъ, но полезная и сдѣлавшаяся необходимостью дѣятельность разгоняла ихъ, и въ двадцать два года ни одного пятна, ни одного угрызенія не запало въ свѣтлую, спокойную душу полной физической и моральной красоты развивавшейся дѣвушки. Лиза была средняго роста, скорѣе полная, чѣмъ худая; глаза у ней были каріе, небольшіе, съ легкимъ темнымъ оттѣнкомъ на нижнемъ вѣкѣ; длинная и русая коса. Походка у ней была широкая съ развальцемъ — уточкой, какъ говорится. Выраженіе лица ея, когда она была занята дѣломъ и ничто особенно не волновало ея, такъ и говорило всѣмъ, кто вглядывался въ него: хорошо и весело жить тому на свѣтѣ, у кого есть кого любить и совѣсть чиста. Даже въ минуты досады, смущенія, тревоги или печали сквозь слезу, нахмуренную лѣвую бровку, сжатыя губы такъ и свѣтилось, какъ на зло ея желанію, на ямкахъ щекъ, на краяхъ губъ и въ блестящихъ глазкахъ, привыкшихъ улыбаться и радоваться жизнью, — такъ и свѣтилось не испорченное умомъ, доброе, прямое сердце.

X

Было еще жарко въ воздухѣ, хотя солнце уже спускалось, когда эскадронъ вступалъ въ Морозовку. Впереди по пыльной улицѣ деревни рысцой, оглядываясь и съ мычаньемъ изрѣдка останавливаясь, бѣжала отбившаяся отъ стада пестрая корова, никакъ не догадываясь, что надо было просто свернуть въ сторону. Крестьянскіе старики, бабы, дѣти и дворовые жадно смотрѣли на гусаръ, толпясь по обѣимъ сторонамъ улицы. Въ густомъ облакѣ пыли на вороныхъ, замундштученныхъ, изрѣдка пофыркивающихъ коняхъ, топая, двигались гусары. Съ правой стороны эскадрона, распущенно сидя на красивыхъ вороныхъ лошадяхъ, ѣхали два офицера. Одинъ былъ командиръ, графъ Турбинъ, другой — очень молодой человѣкъ, недавно произведенный изъ юнкеровъ, Полозовъ.

Изъ лучшей избы вышелъ гусаръ въ бѣломъ кителѣ и, снявъ фуражку, подошелъ къ офицерамъ.

— Гдѣ квартира для насъ отведена? — спросилъ его графъ.

— Для вашего сіятельства? — отвѣчалъ квартиргеръ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, — здѣсь, у старосты, избу очистилъ. Требовалъ на барскомъ дворѣ, такъ говорятъ: нѣту-ти. Помѣщица такая злющая.

— Ну, хорошо, — сказалъ графъ, слѣзая и расправляя ноги у старостиной избы. — А что, коляска моя пріѣхала?

— Изволила прибыть, ваше сіятельство! — отвѣчалъ квартиргеръ, указывая фуражкой на кожаный кузовъ коляски, виднѣвшійся въ воротахъ, и бросаясь впередъ въ сѣни избы, набитой крестьянскимъ семействомъ, собравшимся посмотрѣть на офицера. Одну старушку онъ даже столкнулъ съ ногъ, бойко отворяя дверь въ очищенную избу и сторонясь передъ графомъ.

Изба была довольно большая и просторная, но не совсѣмъ чистая. Нѣмецъ-камердинеръ, одѣтый какъ баринъ, стоялъ въ избѣ и, уставивъ желѣзную кровать и постлавъ ее, разбиралъ бѣлье изъ чемодана.

— Фу! мерзость какая квартира! — сказалъ графъ съ досадой. — Дяденко! развѣ нельзя было лучше отвести у помѣщика гдѣ-нибудь?

— Коли ваше сіятельство прикажете, я пойду на барскій дворъ, — отвѣчалъ Дяденко: — да домишко-то некорыстный, не лучше избы показываетъ.

— Теперь ужъ не надо. Ступай.

И графъ легъ на постель, закинувъ за голову руки.

— Іоганнъ! — крикнулъ онъ на камердинера, — опять бугоръ посрединѣ сдѣлалъ! Какъ ты не умѣешь постелить хорошенько.

Іоганнъ хотѣлъ поправить.

— Нѣтъ, ужъ не надо теперь... А халатъ гдѣ? — продолжалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Слуга подалъ халатъ.

Графъ, прежде чѣмъ надѣвать его, посмотрѣлъ полу.

— Такъ и есть: не вывелъ пятна. То-есть можно ли хуже тебя служить! — прибавилъ онъ, вырывая у него изъ рукъ халатъ и надѣвая его. — Ты, скажи, это нарочно дѣлаешь?... Чай готовъ?...

— Я не могъ успѣвать, — отвѣчалъ Іоганнъ.

— Дуракъ!

Послѣ этого графъ взялъ приготовленный французскій романъ и довольно долго молча читалъ его; а Іоганнъ вышелъ въ сѣни раздувать самоваръ. Видно было, что графъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, — должно-быть, подъ вліяніемъ усталости, пыльнаго лица, узкаго платья и голоднаго желудка.

— Іоганнъ! — крикнулъ онъ снова, — подай счетъ десяти рублей. Что ты купилъ въ городѣ?

Графъ посмотрѣлъ поданный счетъ и сдѣлалъ недовольныя замѣчанія насчетъ дороговизны покупокъ.

— Къ чаю рому подай.

— Рому не покупалъ, — сказалъ Іоганнъ.

— Отлично! сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы былъ ромъ!

— Денегъ недоставало.

— Отчего же Полозовъ не купилъ? Ты бы у его человѣка взялъ.

— Корнетъ Полозовъ? не знаю. Они купили чаю и сахару.

— Скотина!... Ступай!... Только ты одинъ умѣешь выводить меня изъ терпѣнія... знаешь, что я всегда пью чай въ походѣ съ ромомъ.

— Вотъ два письма изъ штаба къ вамъ, — сказалъ камердинеръ.

Графъ лежа распечаталъ письма и началъ читать. Вошелъ съ веселымъ лицомъ корнетъ, отводившій эскадронъ.

— Ну, что, Турбинъ? Тутъ, кажется, хорошо. А усталъ-таки я, признаюсь. Жарко было.

— Очень хорошо! Поганая, вонючая изба и рому нѣтъ по твоей милости: твой болванъ не купилъ, и этотъ тоже. Ты бы хоть сказалъ.

И онъ продолжалъ читать. Дочитавъ до конца письмо, онъ смялъ его и бросилъ на полъ.

— Отчего же ты не купилъ рому? — спрашивалъ въ это время въ сѣняхъ корнетъ шопотомъ у своего денщика: — вѣдь у тебя деньги были?

— Да что-жъ мы одни все покупать будемъ! И такъ все я расходъ держу; а ихній нѣмецъ только трубку куритъ, да и все.

Второе письмо было, видно, не непріятно, потому что графъ улыбаясь читалъ его.

— Отъ кого это? — спросилъ Полозовъ, возвратясь въ комнату и устраивая себѣ ночлегъ на доскахъ подлѣ печки.

— Отъ Мины, — весело отвѣчалъ графъ, подавая ему письмо. — Хочешь прочесть? Что это за прелесть женщина!... ну, право, лучше нашихъ барышенъ... Посмотри, сколько тутъ чувства и ума, въ этомъ письмѣ!... Одно нехорошо — денегъ проситъ.

— Да, это нехорошо, — замѣтилъ корнетъ.

— Я ей, правда, обѣщалъ; да тутъ походъ, да и... впрочемъ, ежели прокомандую еще мѣсяца три эскадрономъ, я ей пошлю. Не жалко, право: что за прелесть!... а? — говорилъ онъ улыбаясь, слѣдя глазами за выраженіемъ лица Полозова, который читалъ письмо.

— Безграмотно ужасно, но мило, и кажется, что она точно тебя любитъ, — отвѣчалъ корнетъ.

— Гмъ! Еще бы! Только эти женщины и любятъ истинно, когда ужъ любятъ.

— А то письмо отъ кого? — спросилъ корнетъ, передавая то, которое онъ читалъ.

— Такъ... это тамъ есть господинъ одинъ, дрянной очень, которому я долженъ по картамъ, и онъ уже третій разъ напоминаетъ... не могу я отдать теперь... глупое письмо! — отвѣчалъ графъ, видимо огорченный этимъ воспоминаніемъ.

Довольно долго послѣ этого разговора оба офицера молчали. Корнетъ, видимо находившійся подъ вліяніемъ графа, молча пилъ чай, изрѣдка поглядывая на красивую, отуманившуюся наружность Турбина, пристально глядѣвшаго въ окно, и не рѣшался начать разговора.

— А что, вѣдь можетъ отлично выйти, — вдругъ обернувшись къ Полозову и весело тряхнувъ головой, сказалъ графъ: — ежели у насъ по линіи будетъ въ нынѣшнемъ году производство, да еще въ дѣло попадемъ, я могу своихъ ротмистровъ гвардіи перегнать.

Разговоръ и за вторымъ стаканомъ чаю продолжался на эту тему, когда вошелъ старый Данило и передалъ приказаніе Анны Ѳедоровны.

— Да еще приказали спросить, не сынокъ ли изволите быть графа Ѳедора Ивановича Турбина? — добавилъ отъ себя Данило, узнавшій фамилію офицера и помнившій еще пріѣздъ покойнаго графа въ городъ К. — Наша барыня, Анна Ѳедоровна, очень съ нимъ знакомы были.

— Это мой отецъ былъ; да доложи барынѣ, что очень благодаренъ, ничего не нужно, только, молъ, приказали просить, ежели бы можно, комнатку почище гдѣ-нибудь, въ домѣ или гдѣ-нибудь.

— Ну, зачѣмъ вы это? — сказалъ Полозовъ, когда Данило вышелъ, — развѣ не все равно? одна ночь здѣсь, развѣ не все равно; а они будутъ стѣсняться.

— Вотъ еще! кажется, довольно мы пошлялись по курнымъ избамъ!... Сейчасъ видно, что ты непрактическій человѣкъ... отчего же не воспользоваться, когда можно хоть на одну ночь помѣститься какъ людямъ? А они, напротивъ, ужасно довольны будутъ.

— Одно только противно: ежели эта барыня точно знала отца, — продолжалъ графъ, открывая улыбкой свои бѣлые, блестящіе зубы: — какъ-то всегда совѣстно за *папашу* покойнаго: всегда какая-нибудь исторія скандальная или долгъ какой-нибудь. Отъ этого я терпѣть не могу встрѣчать этихъ отцовскихъ знакомыхъ. Впрочемъ, тогда вѣкъ такой былъ, — добавилъ онъ уже серьезно.

— А я тебѣ не разсказывалъ, — сказалъ Полозовъ: — я какъ-то встрѣтилъ уланской бригады командира Ильина. Онъ тебя очень хотѣлъ видѣть и безъ памяти любитъ твоего отца.

— Онъ, кажется, ужасная дрянь, этотъ Ильинъ. А главное, что всѣ эти господа, которые увѣряютъ, что знали моего отца, чтобы поддѣлаться ко мнѣ, и какъ будто очень милыя вещи разсказываютъ про отца такія штуки, что слушать совѣстно. Оно правда, — я не увлекаюсь и безпристрастно смотрю на вещи, — онъ былъ слишкомъ пылкій человѣкъ, иногда и не совсѣмъ хорошія штуки дѣлалъ. Впрочемъ, все дѣло времени. Въ нашъ вѣкъ онъ, можетъ-быть, вышелъ бы и очень дѣльный человѣкъ, потому что способности-то у него были огромныя, надо отдать справедливость.

Черезъ четверть часа вернулся слуга и передалъ просьбу помѣщицы пожаловать ночевать въ домѣ.

XI

Узнавъ, что гусарскій офицеръ былъ сынъ графа Ѳедора Турбина, Анна Ѳедоровна захлопоталась.

— А, батюшки мои! голубчикъ онъ мой!... Данило! скорѣй бѣги, скажи: барыня къ себѣ проситъ, — заговорила она, вскакивая и скорыми шагами направляясь въ дѣвичью. — Лизанька! Устюшка! приготовить надо твою комнату, Лиза. Ты перейди къ дядѣ; а вы, братецъ... братецъ! вы въ гостиной ужъ ночуйте. Одну ночь ничего.

— Ничего, сестрица! я на полу лягу.

— Красавчикъ, я чай, коли на отца похожъ. Хоть погляжу на него, на голубчика... Вотъ ты посмотри, Лиза! А отецъ красавецъ былъ... Куда несешь столъ? оставь тутъ, — суетилась Анна Ѳедоровна, — да двѣ кровати принеси — одну у приказчика возьми — да на этажеркѣ подсвѣчникъ хрустальный возьми, что̀ мнѣ братецъ въ именины подарилъ, и калетовскую свѣчу поставь.

Наконецъ все было готово. Лиза, несмотря на вмѣшательство матери, устроила по-своему свою комнатку для двухъ офицеровъ. Она достала чистое, надушенное резедой постельное бѣлье и приготовила постели; велѣла поставить графинъ воды и свѣчи подлѣ на столикѣ; накурила бумажкой въ дѣвичьей и сама перебралась съ своею постелькой въ комнату дяди. Анна Ѳедоровна успокоилась немного, усѣлась опять на свое мѣсто, взяла было даже въ руки карты, но, не раскладывая ихъ, оперлась на пухлый локоть и задумалась. «Времечко-то, времечко какъ летитъ! — шопотомъ про себя твердила она. — Давно ли, кажется? какъ теперь гляжу на него. Ахъ, шалунъ былъ! — И у нея слезы выступили на глаза. — Теперь Лизанька... но все она не то, что я была въ ея годы-то... хороша дѣвочка, но нѣтъ, не то»...

— Лизанька, ты бы платьице муслинъ-де-леневое надѣла къ вечеру.

— Да развѣ вы ихъ будете звать, мамаша? Лучше не надо, — отвѣчала Лиза, испытывая непреодолимое волненіе при мысли видѣть офицеровъ, — лучше не надо, мамаша!

Дѣйствительно, она не столько желала ихъ видѣть, сколько боялась какого-то волнующаго счастія, которое, какъ ей казалось, ожидало ее.

— Можетъ-быть, сами захотятъ познакомиться, Лизочка! — сказала Анна Ѳедоровна, гладя ее по волосамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думая: «нѣтъ, не тѣ волоса, какіе у меня были въ ея годы... Нѣтъ, Лизочка, какъ бы я желала тебѣ...» И она точно чего-то очень желала для своей дочери, но женитьбы съ графомъ она не могла предполагать, тѣхъ отношеній, которыя были съ отцомъ его, она не могла желать, — но чего-то такого она очень-очень желала для своей дочери. Ей хотѣлось, можетъ-быть, пожить еще разъ въ душѣ дочери тою же жизнью, которою она жила съ покойникомъ.

Старичокъ - кавалеристъ тоже былъ нѣсколько взволнованъ пріѣздомъ графа. Онъ вышелъ въ свою комнату и заперся въ ней. Черезъ четверть часа онъ явился оттуда въ венгеркѣ и голубыхъ панталонахъ и съ смущенно-довольнымъ выраженіемъ лица, съ которымъ дѣвушка въ первый разъ надѣваетъ бальное платье, пошелъ въ назначенную для гостей комнату.

— Посмотрю на нынѣшнихъ гусаровъ, сестрица! Покойникъ графъ, точно, истинный гусаръ былъ. Посмотрю, посмотрю.

Офицеры пришли уже съ задняго крыльца въ назначенную для нихъ комнату.

— Ну, вотъ видишь ли, — сказалъ графъ, какъ былъ въ пыльныхъ сапогахъ ложась на приготовленную постель: — развѣ тутъ не лучше, чѣмъ въ избѣ съ тараканами!

— Лучше-то лучше, да какъ-то обязываться хозяевамъ...

— Вотъ вздоръ! Надо во всемъ быть практическимъ человѣкомъ. Они ужасно довольны, навѣрно... Человѣкъ! — крикнулъ онъ, — спроси чего-нибудь завѣсить это окошко, а то ночью дуть будетъ.

Въ это время вошелъ старичокъ знакомиться съ офицерами. Онъ, хотя и краснѣя нѣсколько, разумѣется, не преминулъ разсказать о томъ, что былъ товарищемъ покойнаго графа, что пользовался его расположеніемъ, и даже сказалъ, что онъ не разъ былъ облагодѣтельствованъ покойникомъ. Разумѣлъ ли онъ подъ благодѣяніями покойнаго то, что тотъ такъ и не отдалъ ему занятыхъ ста рублей, или то, что бросилъ его въ сугробъ, или что ругалъ его, — старичокъ не объяснилъ нисколько. Графъ былъ весьма учтивъ со старичкомъ-кавалеристомъ и благодарилъ за помѣщеніе.

— Ужъ извините, что не роскошно, графъ (онъ чуть было не сказалъ: ваше сіятельство, — такъ ужъ отвыкъ отъ обращенія съ важными людьми), домикъ сестрицы маленькій. А вотъ это сейчасъ завѣсимъ чѣмъ-нибудь, и будетъ хорошо, — прибавилъ старичокъ и подъ предлогомъ занавѣски, но главное, чтобъ разсказать поскорѣе про офицеровъ, шаркая, вышелъ изъ комнаты.

Хорошенькая Устюша съ барыниной шалью пришла завѣсить окно. Кромѣ того, барыня приказала ей спросить, не угодно ли господамъ чаю.

Хорошее помѣщеніе, повидимому, благопріятно подѣйствовало на расположеніе духа графа: онъ, весело улыбаясь, пошутилъ съ Устюшей, такъ что Устюша назвала его даже шалуномъ, разспросилъ ее, хороша ли ихъ барышня, и на вопросъ ея, не угодно-ли чаю, отвѣчалъ, что чаю, пожалуй, пусть принесутъ, а главное, что свой ужинъ еще не готовъ, такъ нельзя ли теперь водки, закусить чего-нибудь и хересу, ежели есть.

Дядюшка былъ въ восторгѣ отъ учтивости молодого графа и превозносилъ до небесъ молодое поколѣніе офицеровъ, говоря, что нынѣшніе люди не въ примѣръ авантажнѣе прежнихъ.

Анна Ѳедоровна не соглашалась — лучше графа Ѳедора Ивановича никто не былъ — и наконецъ уже серьезно разсердилась, сухо замѣчала только, что «для васъ, братецъ, кто послѣдній васъ обласкалъ, тотъ и лучше. Извѣстно, теперь, конечно, люди умнѣе стали, а что все-таки графъ Ѳедоръ

Ивановичъ такъ танцовалъ экосесъ и такъ любезенъ былъ, что тогда всѣ, можно сказать, безъ ума отъ него были; только онъ ни съ кѣмъ, кромѣ меня, не занимался. Стало-быть, и въ старину были хорошіе люди».

Въ это время пришло извѣстіе о требованіи водки, закуски и хереса.

— Ну вотъ, какъ же вы, братецъ! Вы всегда не то сдѣлаете. Надо было заказать ужинать, — заговорила Анна Ѳедоровна. — Лиза, распорядись, дружокъ!

Лиза побѣжала въ кладовую за грибками и свѣжимъ сливочнымъ масломъ, повару заказали битки.

— Только хересу какъ? У васъ осталось, братецъ?

— Нѣту, сестрица! у меня и не было.

— Какъ же нѣту! а вы что-то пьете такое съ чаемъ.

— Это ромъ, Анна Ѳедоровна.

— Развѣ не все равно? Вы дайте этого, все равно — ромъ. Да уже не попросить ли ихъ лучше сюда, братецъ? Вы все знаете. Они, кажется, не обидятся?

Кавалеристъ объявилъ, что онъ ручается за то, что графъ по добротѣ своей не откажется и что онъ приведетъ ихъ непремѣнно. Анна Ѳедоровна пошла надѣть для чего-то платье гро-гро и новый чепецъ, а Лиза такъ была занята, что и не успѣла снять розоваго холстинковаго платья съ широкими рукавами, которое было на ней. Притомъ она была ужасно взволнована: ей казалось, что ждетъ ее что-то поразительное, точно низкая, черная туча нависла надъ ея душой. Этотъ графъ-гусаръ, красавецъ, казался ей какимъ-то совершенно новымъ, для нея непонятнымъ, но прекраснымъ существомъ. Его нравъ, его привычки, его рѣчи, — все должно было быть такое необыкновенное, какого она никогда не встрѣчала. Все, что онъ думаетъ и говоритъ, должно быть умно и правда; все, что онъ дѣлаетъ, должно быть честно; вся его наружность должна быть прекрасна. Она не сомнѣвалась въ этомъ. Ежели бы онъ не только потребовалъ закуски и хересу, но ванну изъ шалфея съ духами, она бы не удивилась, не обвиняла бы его и была бы твердо увѣрена, что это такъ нужно и должно.

Графъ тотчасъ же согласился, когда кавалеристъ выразилъ ему желаніе сестрицы, причесалъ волосы, надѣлъ шинель и взялъ сигарочницу.

— Пойдемъ же, — сказалъ онъ Полозову.

— Право, лучше не ходить, — отвѣчалъ корнетъ: — ils feront des frais pour nous recevoir.

— Вздоръ! это ихъ осчастливитъ. Да я ужъ и навелъ справки: тамъ дочка хорошенькая есть... Пойдемъ, — сказалъ графъ по-французски.

— Je vous en prie, messieurs! — сказалъ кавалеристъ только для того, чтобы дать почувствовать, что и онъ знаетъ по-французски и понялъ то, что сказали офицеры.

XII

Лиза покраснѣла и, потупясь, будто бы занялась доливаніемъ чайника, боясь взглянуть на офицеровъ, когда они вошли въ комнату. Анна Ѳедоровна, напротивъ, торопливо вскочила, поклонилась, и, не отрывая глазъ отъ лица графа, начала говорить ему, то находя необыкновенное сходство съ отцомъ, то рекомендуя свою дочь, то предлагала чаю, варенья или пастилы деревенской. На корнета, по его скромному виду, никто не обращалъ вниманія, чему онъ былъ очень радъ, потому что, сколько возможно было прилично, всматривался и до подробностей разбиралъ красоту Лизы, которая, какъ видно, неожиданно поразила его. Дядя, слушая разговоръ сестры съ графомъ, съ готовою рѣчью на устахъ выжидалъ случая поразсказать свои кавалерійскія воспоминанія. Графъ за чаемъ, закуривъ свою крѣпкую сигару, отъ которой съ трудомъ сдерживала кашель Лиза, былъ очень разговорчивъ, любезенъ, сначала, въ промежутки непрерывныхъ рѣчей Анны Ѳедоровны, вставляя свои разсказы, а подъ конецъ одинъ овладѣвъ разговоромъ. Одно немного странно поражало его слушателей: въ разсказахъ своихъ онъ часто говорилъ слова, которыя, не считаясь предосудительными въ его обществѣ, здѣсь были нѣсколько смѣлы, при чемъ Анна Ѳедоровна пугалась немного, а Лиза до ушей краснѣла; но графъ не замѣчалъ этого и былъ все такъ же спокойно простъ и любезенъ. Лиза молча наливала стаканы, не подавая въ руки гостямъ, ставила ихъ поближе къ нимъ и, еще не оправясь отъ волненія, жадно вслушивалась въ рѣчи графа. Его незамысловатые разсказы, запинки въ разговорѣ понемногу успокоивали ее. Она не слышала отъ него предполагаемыхъ ею очень умныхъ вещей, не видѣла той изящности во всемъ, которую она смутно ожидала найти въ немъ. Даже при третьемъ стаканѣ чаю, послѣ того, какъ робкіе глаза ея встрѣтились разъ съ его глазами и онъ не опустилъ ихъ, а какъ-то слишкомъ спокойно продолжалъ, чуть-чуть улыбаясь, глядѣть на нее, она почувствовала себя даже нѣсколько враждебно расположенною къ нему и скоро нашла, что не только ничего не было въ немъ особеннаго, но онъ нисколько не отличался отъ всѣхъ тѣхъ, кого она видѣла; что не стоило бояться его, — только ногти чистые, длинные, а даже и красоты особенной нѣтъ въ немъ. Лиза вдругъ, не безъ нѣкоторой внутренней тоски разставшись со своею мечтой, успокоилась, и только взглядъ молчаливаго корнета, который она чувствовала устремленнымъ на себя, безпокоилъ ее. «Можетъ-быть, это не онъ, а онъ!» думала она.

XIII

Послѣ чаю старушка пригласила гостей въ другую комнату и снова усѣлась на свое мѣсто.

— Да вы отдохнуть не хотите ли, графъ? — спрашивала она. — Такъ чѣмъ бы васъ занять, дорогихъ гостей? — продолжала она послѣ отрицательнаго отвѣта: — вы играете въ карты, графъ? Вотъ бы вы, братецъ, заняли, партію бы составили во что-нибудь.

— Да вѣдь вы сами играете въ преферансъ, — отвѣчалъ кавалеристъ: — такъ ужъ вмѣстѣ давайте. Будете, графъ? и вы будете?

Офицеры изъявили согласіе дѣлать все то, что угодно будетъ любезнымъ хозяевамъ.

Лиза принесла изъ своей комнаты свои старыя карты, въ которыя она гадала о томъ, скоро ли пройдетъ флюсъ у Анны Ѳедоровны, вернется ли нынче дядя изъ города, когда онъ уѣзжалъ, пріѣдетъ ли сегодня сосѣдка и т. д. Карты эти, хотя служили уже мѣсяца два, были почище тѣхъ, въ которыя гадала Анна Ѳедоровна.

— Только вы не станете по маленькой играть, можетъ-быть? — спросилъ дядя. — Мы играемъ съ Анной Ѳедоровной по полъ-копейки... И то она насъ всѣхъ обыгрываетъ.

— Ахъ, по чемъ прикажете, я очень радъ, — отвѣчалъ графъ.

— Ну, такъ по копейкѣ ассигнаціями! ужъ для дорогихъ гостей идетъ: пускай они меня обыграютъ, старуху, — сказала Анна Ѳедоровна, широко усаживаясь въ своемъ креслѣ и расправляя свою мантилью.

«А можетъ и выиграю у нихъ цѣлковый», подумала Анна Ѳедоровна, получившая подъ старость маленькую страсть къ картамъ.

— Хотите, я васъ выучу съ табелькой играть, — сказалъ графъ, — и съ мизерами? Это очень весело.

Всѣмъ очень понравилась новая петербургская манера. Дядя увѣрялъ даже, что онъ ее зналъ, и это то же, что въ бостонъ было, но забылъ только немного. Анна же Ѳедоровна ничего не поняла и такъ долго не понимала, что нашлась вынужденною, улыбаясь и одобрительно кивая головой, утверждать, что теперь она пойметъ и все и для нея ясно. Не мало было смѣху въ серединѣ игры, когда Анна Ѳедоровна съ тузомъ и королемъ бланкъ говорила мизеръ и оставалась съ шестью. Она даже начинала теряться, робко улыбаться и торопливо увѣрять, что не совсѣмъ еще привыкла по-новому. Однако на нее записывали, и много, тѣмъ болѣе, что графъ, по привычкѣ играть большую коммерческую игру, игралъ сдержанно, подводилъ очень хорошо и никакъ не понималъ толчковъ подъ столомъ ногой корнета и грубыхъ его ошибокъ въ вистованьи.

Лиза принесла еще пастилы, трехъ сортовъ варенья и сохранившіяся особеннаго моченья опортовыя яблоки и остановилась за спиной матери, вглядываясь въ игру и изрѣдка поглядывая на офицеровъ и въ особенности на бѣлыя съ тонкими, розовыми отдѣланными ногтями руки графа, которыя такъ опытно, увѣренно и красиво бросали карты и брали взятки.

Опять Анна Ѳедоровна, съ нѣкоторымъ азартомъ перебивая у другихъ, докупившись до семи, обремизилась безъ трехъ и, по требованію братца уродливо изобразивъ какую-то цифру, совершенно растерялась и заторопилась.

— Ничего, мамаша: еще отыграетесь! — улыбаясь, сказала Лиза, желая вывести мать изъ смѣшного положенія. — Вы дяденьку обремизьте разъ, тогда онъ попадется.

— Хоть бы ты мнѣ помогла, Лизочка! — сказала Анна Ѳедоровна, испуганно глядя на дочь. — Я не знаю, какъ это...

— Да и я не знаю по этому играть, — отвѣчала Лиза, мысленно считая ремизы матери. — А вы этакъ много проиграете, мамаша! И Пимочкѣ на платье не останется, — прибавила она шутя.

— Да, этакъ легко можно рублей десять серебромъ проиграть, — сказалъ корнетъ, глядя на Лизу и желая вступить съ ней въ разговоръ.

— Развѣ мы не ассигнаціями играемъ? — оглядываясь на всѣхъ, спросила Анна Ѳедоровна.

— Я не знаю какъ, только я не умѣю считать ассигнаціями, — сказалъ графъ. — Какъ это? то-есть что это ассигнаціи?

— Да теперь ужъ никто ассигнаціями не считаетъ, — подхватилъ дядюшка, который игралъ кремешкомъ и былъ въ выигрышѣ.

Старушка велѣла подать шипучки, выпила сама два бокала, раскраснѣлась и, казалось, на все махнула рукой. Даже одна прядь сѣдыхъ волосъ выбилась у нея изъ-подъ чепца, и она не поправляла ее. Ей, вѣрно, казалось, что она проиграла милліоны и что она совсѣмъ пропала. Корнетъ все чаще и чаще толкалъ ногой графа. Графъ списывалъ ремизы старушки. Наконецъ партія кончилась. Какъ ни старалась Анна Өедоровна, кривя душою, прибавлять свои записи и притворяться, что она ошибается въ счетѣ и не можетъ счесть, какъ ни приходила въ ужасъ отъ величины своего проигрыша, въ концѣ разсчета оказалось, что она проиграла девятьсотъ двадцать призовъ. «Это ассигнаціями выходитъ девять рублей?» нѣсколько разъ спрашивала Анна Өедоровна, и до тѣхъ поръ не поняла всей громадности своего проигрыша, пока братецъ, къ ужасу ея, не объяснилъ, что она проиграла тридцать два рубля съ полтиной ассигнаціями и что ихъ нужно заплатить непремѣнно. Графъ даже не считалъ своего выигрыша, а тотчасъ по окончаніи игры всталъ и подошелъ къ окну, у котораго Лиза устанавливала закуску и выкладывала на тарелку грибки изъ банки къ ужину, и совершенно спокойно и просто сдѣлалъ то, что весь вечеръ такъ желалъ и не могъ сдѣлать корнетъ: вступилъ съ ней въ разговоръ о погодѣ.

Корнетъ же въ это время находился въ весьма непріятномъ положеніи. Анна Ѳедоровна съ уходомъ графа и особенно Лизы, поддерживавшей ее въ веселомъ расположеніи духа, откровенно разсердилась.

— Однако какъ досадно, что мы васъ такъ обыграли, — сказалъ Полозовъ, чтобы сказать что-нибудь. — Это просто безсовѣстно.

— Да еще бы выдумали какіе-то табели да мизеры! Я въ нихъ не умѣю: какъ же ассигнаціями-то сколько же выходитъ всего? — спрашивала она.

— Тридцать два рубля, тридцать два съ полтинкой, — твердилъ кавалеристъ, находясь подъ вліяніемъ выигрыша въ игривомъ расположеніи духа: — давайте-ка денежки, сестрица!.. давайте-ка.

— И дамъ вамъ всѣ; только ужъ больше не поймаете, нѣтъ! это я и въ жизнь не отыграюсь.

И Анна Ѳедоровна ушла къ себѣ, быстро раскачиваясь, вернулась назадъ и принесла девять рублей ассигнаціями. Только по настоятельному требованію старичка она заплатила всѣ.

На Полозова нашелъ нѣкоторый страхъ, чтобъ Анна Ѳедоровна не выбранила его, ежели онъ заговоритъ съ ней. Онъ молча, потихоньку отошелъ отъ нея и присоединился къ графу и Лизѣ, которые разговаривали у открытаго окна.

Въ комнатѣ на накрытомъ для ужина столѣ стояли двѣ сальныя свѣчи. Свѣтъ ихъ изрѣдка колыхался отъ свѣжаго, теплаго дуновенія майской ночи. Въ окнѣ, открытомъ въ садъ, было тоже свѣтло, но совершенно иначе, чѣмъ въ комнатѣ. Почти полный мѣсяцъ, уже теряя золотистый оттѣнокъ, всплывалъ надъ верхушками высокихъ липъ и больше и больше освѣщалъ бѣлыя, тонкія тучки, изрѣдка застилавшія его. На прудѣ, котораго поверхность, въ одномъ мѣстѣ посеребренная мѣсяцемъ, виднѣлась сквозь аллеи, заливались лягушки. Въ сиреневомъ душистомъ кустѣ подъ самымъ окномъ, изрѣдка медленно качавшемъ влажными цвѣтами, чуть-чуть перепрыгивали и встряхивались какія-то птички.

— Какая чудная погода! — сказалъ графъ, подходя къ Лизѣ и садясь на низкое окно. — Вы, я думаю, много гуляете?

— Да, — отвѣчала Лиза, не чувствуя почему-то уже ни малѣйшаго смущенія въ бесѣдѣ съ графомъ, — я по утрамъ, часовъ въ семь, по хозяйству хожу, такъ и гуляю немножко съ Пимочкой — маменькиной воспитанницей.

— Пріятно въ деревнѣ жить! — сказалъ графъ, вставивъ въ глазъ стеклышко, глядя то на садъ, то на Лизу. — А по ночамъ при лунномъ свѣтѣ вы не ходите гулять?

— Нѣтъ. А вотъ въ третьемъ годѣ мы съ дяденькой каждую ночь гуляли, когда луна была. На него странная какая-то болѣзнь — безсонница — находила. Какъ полная луна, такъ онъ заснуть не могъ. Комнатка же его вотъ эта прямо въ садъ, и окошко низенькое: луна прямо къ нему ударяла.

— Странно, — замѣтилъ графъ. — Да вѣдь это ваша комнатка, кажется?

— Нѣтъ, я только нынче тутъ ночую. Мою комнату вы занимаете.

— Неужели?.... Ахъ, Боже мой! Вѣкъ себѣ не прощу этого безпокойства, — сказалъ графъ, въ знакъ искренности чувства выбрасывая стеклышко изъ глаза: — ежели бы я зналъ, что я васъ тревожу...

— Что за безпокойство! Напротивъ, я очень рада: дяденькина комнатка такая чудесная, веселенькая, окошечко низенькое, я буду тамъ себѣ сидѣть, пока не засну, или въ садъ перелѣзу, погуляю еще на ночь.

«Экая славная дѣвочка! — подумалъ графъ, снова вставивъ стеклышко, глядя на нее, и, какъ будто усаживаясь на окнѣ, стараясь ногой тронуть ея ножку. — И какъ она хитро дала мнѣ почувствовать, что я могу увидѣть ее въ саду у окна, коли захочу». Лиза даже потеряла въ его глазахъ большую часть прелести: такъ легка ему показалась побѣда надъ нею.

— А какое должно быть наслажденіе, — сказалъ онъ задумчиво, вглядываясь въ темныя аллеи, — провести такую ночь въ саду съ существомъ, которое любишь.

Лиза смутилась нѣсколько этими словами и повторенным, какъ будто нечаяннымъ, прикосновеніемъ ноги. Она, прежде чѣмъ подумала, сказала что-то для того только, чтобы смущеніе ея не было замѣтно. Она сказала: «да, славно въ лунныя ночи гулять». Ей становилось что-то непріятно. Она увязала банку, изъ которой выкладывала грибки, и собиралась уйти отъ окна, когда къ нимъ подошелъ корнетъ, и ей захотѣлось узнать, что это за человѣкъ такой.

— Какая прелестная ночь! — сказалъ онъ.

«Однако только про погоду и разговариваютъ», подумала Лиза.

— Какой видъ чудесный! — продолжалъ корнетъ. — Только вамъ, я думаю, уже надоѣло! — прибавилъ онъ по странной, свойственной ему склонности говорить вещи, немного непріятныя людямъ, которые ему очень нравились.

— Отчего-жъ вы такъ думаете? Кушанье одно и то же, платье — надоѣстъ, а садъ хорошій не надоѣстъ, когда любишь гулять, особенно когда мѣсяцъ еще выше поднимется. Изъ дяденькиной комнаты весь прудъ виденъ. Вотъ я нынче буду смотрѣть.

— А соловьевъ у васъ нѣтъ, кажется? — спросилъ графъ, весьма недовольный тѣмъ, что пришелъ Полозовъ и помѣшалъ ему узнать положительнѣе условія свиданія.

— Нѣтъ, у насъ всегда были, только въ прошломъ году охотники одного поймали и нынче на прошлой недѣлѣ славно запѣлъ было, да становой пріѣхалъ съ колокольчикомъ и спугнулъ. Мы, бывало, въ третьемъ годѣ сядемъ съ дяденькой въ крытой аллеѣ и часа два слушаемъ.

— Что эта болтушка вамъ разсказываетъ? — сказалъ дядя, подходя къ разговаривающимъ. — Закусить не угодно ли?

Послѣ ужина, во время котораго графъ похваливаніемъ кушаній и аппетитомъ успѣлъ какъ-то разсѣять нѣсколько дурное расположеніе духа хозяйки, офицеры распрощались и пошли въ свою комнату. Графъ пожалъ руку дядѣ, къ удивленію Анны Ѳедоровны, и ея руку, не цѣлуя, пожалъ только, пожалъ даже и руку Лизы, при чемъ взглянулъ ей прямо въ глаза и слегка улыбнулся своею пріятною улыбкой. Этотъ взглядъ снова смутилъ дѣвушку.

«А очень хорошъ, — подумала она, — только ужъ слишкомъ занимается собой».

XIV

— Ну, какъ тебѣ не стыдно? — сказалъ Полозовъ, когда офицеры вернулись въ свою комнату: — я старался нарочно проиграть, толкалъ тебя подъ столомъ. Ну, какъ тебѣ не совѣстно? Вѣдь старушка совсѣмъ огорчилась.

Графъ ужасно расхохотался.

— Уморительная госпожа! какъ она обидѣлась!

И онъ опять принялся хохотать такъ весело, что даже Іоганнъ, стоявшій передъ нимъ, потупился и слегка улыбнулся въ сторону.

— Вотъ-те и сынъ друга семейства!.. ха-ха-ха! — продолжалъ смѣяться графъ.

— Нѣтъ, право, это нехорошо. Мнѣ ее жалко даже стало, — сказалъ корнетъ.

— Вотъ вздоръ! Какъ ты еще молодъ! Что-жъ ты хотѣлъ, чтобъ я проигралъ? Зачѣмъ же я бы проигралъ? И я проигрывалъ, когда не умѣлъ. Десять рублей, братецъ, пригодятся. Надо смотрѣть практически на жизнь, а то всегда въ дуракахъ будешь.

Полозовъ замолчалъ; притомъ ему хотѣлось одному думать о Лизѣ, которая казалась ему необыкновенно чистымъ, прекраснымъ созданіемъ. Онъ раздѣлся и легъ въ мягкую и чистую постель, приготовленную для него.

«Что за вздоръ эти почести и слава военная! — думалъ онъ, глядя на завѣшанное шалью окно, сквозь которое прокрадывались блѣдные лучи мѣсяца. — Вотъ счастье — жить въ тихомъ уголкѣ съ милою, умною, простою женой, вотъ это прочное, истинное счастье!»

Но почему-то онъ не сообщилъ этихъ мечтаній своему другу и даже не упомянулъ о деревенской дѣвушкѣ, несмотря на то, что былъ увѣренъ, что и графъ о ней думалъ.

— Что-жъ ты не раздѣваешься? — спросилъ онъ графа, который ходилъ по комнатѣ.

— Не хочется еще спать что-то. Туши свѣчу, коли хочешь, я такъ лягу.

И онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ.

— Не хочется еще спать что-то, — повторилъ Полозовъ, чувствуя себя послѣ нынѣшняго вечера больше чѣмъ когда-нибудь недовольнымъ вліяніемъ графа и расположеннымъ взбунтоваться противъ него. «Я воображаю, — разсуждалъ онъ, мысленно обращаясь къ Турбину, — какія въ твоей причесанной головѣ теперь мысли ходятъ! Я видѣлъ, какъ тебѣ она понравилась. Но ты не въ состояніи понять это простое, честное существо: тебѣ Мину надобно, полковничьи эполеты. Право, спрошу его, какъ она ему понравилась».

И Полозовъ было обернулся къ нему, но раздумалъ: онъ чувствовалъ, что не только не въ состояніи будетъ спорить съ нимъ, если взглядъ графа на Лизу тотъ, который онъ предполагалъ, но что даже не въ силахъ будетъ не согласиться съ нимъ — такъ ужъ онъ привыкъ подчиняться вліянію, которое становилось для него съ каждымъ днемъ тяжелѣе и несправедливѣе.

— Куда ты? — спросилъ онъ, когда графъ надѣлъ фуражку и подошелъ къ двери.

— Пойду на конюшню: посмотрю, все ли въ порядкѣ.

«Странно!» подумалъ корнетъ, но потушилъ свѣчу и, стараясь разогнать нелѣпо-ревнивыя и враждебныя къ прежнему своему другу мысли, лѣзшія ему въ голову, перевернулся на другой бокъ.

Анна Ѳедоровна этимъ временемъ, перекрестивъ и расцѣловавъ, по обыкновенію, нѣжно брата, дочь и воспитанницу, тоже удалилась въ свою комнату. Давно уже въ одинъ день не испытывала старушка столь сильныхъ впечатлѣній, такъ что и молиться она не могла спокойно: все грустно-живое воспоминаніе о покойномъ графѣ и о молодомъ франтикѣ, который такъ безбожно обыгралъ ее, не выходило у нея изъ головы. Однакоже, по обыкновенію, раздѣвшись, выпивъ полстакана квасу, приготовленнаго у постели на столикѣ, она легла въ постель. Любимая ея кошка тихо вползла въ комнату. Анна Ѳедоровна подозвала ее и стала гладить, вслушиваясь въ ея мурлыканье, и все не засыпала.

«Это кошка мѣшаетъ», подумала она — и прогнала ее. Кошка мягко упала на полъ, медленно поворачивая пушистымъ хвостомъ, вскочила на лежанку, но тутъ дѣвка, спавшая на полу въ комнатѣ, принесла стлать свой войлокъ, тушить свѣчку и зажигать лампадку. Наконецъ и дѣвка захрапѣла; но сонъ все еще не приходилъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ и не успокаивалъ ея разстроеннаго воображенія. Лицо гусара такъ и представлялось ей, когда она закрывала глаза, и, казалось, являлось въ различныхъ странныхъ видахъ въ комнатѣ, когда она съ открытыми глазами при слабомъ свѣтѣ лампадки смотрѣла на комодъ, на столикъ, на висѣвшее бѣлое платье. То ей казалось жарко въ перинѣ, то несносно били часы на столикѣ и невыносимо носомъ храпѣла дѣвка. Она разбудила ее и велѣла перестать храпѣть.

Опять мысли о дочери, о старомъ и молодомъ графѣ, преферансѣ странно перемѣшивались въ ея головѣ. То она видѣла себя въ вальсѣ со старымъ графомъ, видѣла свои полныя, бѣлыя плечи, чувствовала на нихъ чьи-то поцѣлуи и потомъ видѣла свою дочь въ объятіяхъ молодого графа. Опять храпѣть начала Устюшка...

«Нѣтъ, что-то не то теперь, люди не тѣ. Тотъ въ огонь за меня готовъ былъ. Да и было за что. А этотъ, небось, спитъ себѣ дуракъ дуракомъ, радъ, что выигралъ, нѣтъ того, чтобы поволочиться. Какъ тотъ, бывало, говоритъ на колѣняхъ: «что ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ: убилъ бы себя сейчасъ, и что хочешь?» и убилъ бы, коли-бъ я сказала».

Вдругъ чьи-то босые шаги раздались по корридору, и Лиза въ одномъ накинутомъ платкѣ, вся блѣдная и дрожащая, вбѣжала въ комнату и почти упала къ матери на постель...

Простясь съ матерью, Лиза одна пошла въ бывшую дядину комнату. Надѣвъ бѣлую кофточку и спрятавъ въ платокъ свою густую длинную косу, она потушила свѣчу, подняла окно и съ ногами сѣла на стулъ, устремивъ задумчивые глаза на прудъ, теперь уже весь блестѣвшій серебрянымъ сіяніемъ.

Всѣ ея привычныя занятія и интересы вдругъ явились передъ ней совершенно въ новомъ свѣтѣ: старая капризная мать, несудящая любовь къ которой сдѣлалась частью ея души, дряхлый, но любезный дядя, дворовые, мужики, обожающіе барышню, дойныя коровы и телки, — вся эта, все та же, столько разъ умиравшая и обновлявшаяся природа, среди которой съ любовью къ другимъ и отъ другихъ она выросла, все, что давало ей такой легкій, пріятный душевный отдыхъ, — все это вдругъ показалось не *то*, все это показалось *скучно, не нужно*. Какъ будто кто-нибудь сказалъ ей: «дурочка, дурочка! двадцать лѣтъ дѣлала вздоръ, служила кому-то, зачѣмъ-то и не знала, что̀ такое жизнь и счастье!» Она это думала теперь, вглядываясь въ глубину свѣтлаго, неподвижнаго сада, сильнѣе, гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде ей случалось это думать. И что навело ее на эти мысли? нисколько не внезапная любовь къ графу, какъ бы это можно было предположить. Напротивъ, онъ ей не нравился. Корнетъ могъ бы скорѣе занимать ее, но онъ дуренъ, бѣдный, молчаливъ какъ-то. Она невольно забывала его и со злобой и съ досадой вызывала въ воображеніи образъ графа. «Нѣтъ, не то», говорила она сама себѣ. Идеалъ ея былъ такъ прелестенъ! Это былъ идеалъ, который среди этой ночи, этой природы, не нарушая ея красоты, могъ бы быть любимымъ, — идеалъ, ни разу не обрѣзанный для того, чтобы слить его съ какою-нибудь грубою дѣйствительностью.

Сначала уединеніе и отсутствіе людей, которые бы могли обратить ея вниманіе, сдѣлали то, что вся сила любви, которую въ душу каждаго изъ насъ одинаково вложило Провидѣніе, была еще цѣла и невозмутима въ ея сердцѣ; теперь же ужъ слишкомъ долго она жила грустнымъ счастіемъ чувствовать въ себѣ присутствіе этого чего-то и, изрѣдка открывая таинственный сердечный сосудъ, наслаждаться созерцаніемъ его богатствъ, чтобы необдуманно излить на кого-нибудь все то, что тамъ было. Дай Богъ, чтобъ она до гроба наслаждалась этимъ скупымъ счастіемъ. Кто знаетъ, не лучше ли и не сильнѣе ли оно? и не одно ли оно истинно и возможно?

«Господи Боже мой! — думала она, — неужели я даромъ потеряла счастіе и молодость, и уже не будетъ... никогда не будетъ? неужели это правда?» И она вглядывалась въ высокое свѣтлое около мѣсяца небо, покрытое бѣлыми волнистыми тучами, которыя, застилая звѣздочки, подвигались къ мѣсяцу. «Если захватитъ мѣсяцъ это верхнее бѣлое облачко, значитъ, правда», подумала она. Туманная дымчатая полоса пробѣжала по нижней половинѣ свѣтлаго круга, и понемногу свѣтъ сталъ слабѣть на травѣ, на верхушкахъ липъ, на прудѣ: черныя тѣни деревъ стали менѣе замѣтны. И, какъ будто вторя мрачной тѣни, осѣнившей природу, легкій вѣтерокъ пронесся по листьямъ и донесъ до окна росистый запахъ листьевъ, влажной земли и цвѣтущей сирени.

«Нѣтъ, это неправда, — утѣшала она себя, — а вотъ если соловей запоетъ нынче ночью, то значитъ вздоръ все, что я думаю, и не надо отчаиваться», подумала она. И долго еще сидѣла молча, дожидаясь кого-то, несмотря на то, что снова все освѣтилось и ожило, и снова нѣсколько разъ набѣгали на мѣсяцъ тучки и все померкало. Она уже засыпала такъ, сидя у окна, когда соловей разбудилъ ее частою трелью, раздававшеюся звонко низомъ по пруду. Деревенская барышня открыла глаза. Опять съ новымъ наслажденіемъ вся душа ея обновилась этимъ таинственнымъ соединеніемъ съ природой, которая такъ спокойно и свѣтло раскинулась передъ ней. Она облокотилась на обѣ руки. Какое-то томительное сладкое чувство грусти сдавило ей грудь, и слезы чистой широкой любви, жаждущей удовлетворенія, хорошія, утѣшительныя слезы налились въ глаза ея. Она сложила руки на подоконникъ и на нихъ положила голову. Любимая ея молитва какъ-то сама пришла ей въ душу, и она такъ и задремала съ мокрыми глазами.

Прикосновеніе чьей-то руки разбудило ее. Она проснулась. Но прикосновеніе это было легко и пріятно. Рука сжимала крѣпче ея руку. Вдругъ она вспомнила дѣйствительность, вскрикнула, вскочила и, сама себя увѣряя, что не узнала графа, который стоялъ подъ окномъ, весь облитый луннымъ свѣтомъ, выбѣжала изъ комнаты...

XV

Дѣйствительно, это былъ графъ. Услышавъ крикъ дѣвушки и кряхтѣнье сторожа за заборомъ, отозвавшагося на этотъ крикъ, онъ опрометью, съ чувствомъ пойманнаго вора, бросился бѣжать по мокрой, росистой травѣ въ глубину сада. «Ахъ, я дуракъ! — твердилъ онъ безсознательно. — Я ее испугалъ. Надо было тише, словами разбудить. Ахъ, я скотина неловкая»! Онъ остановился и прислушался: сторожъ черезъ калитку прошелъ въ садъ, волоча палку по песчаной дорожкѣ. Надо было спрятаться. Онъ спустился къ пруду. Лягушки торопливо, заставляя его вздрагивать, побултыкали изъ-подъ ногъ его въ воду. Здѣсь, несмотря на промоченныя ноги, онъ сѣлъ на корточки и сталъ припоминать все, что онъ дѣлалъ: какъ онъ перелѣзъ черезъ заборъ, искалъ ея окна и, наконецъ, увидѣлъ бѣлую тѣнь; какъ нѣсколько разъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, онъ подходилъ и отходилъ отъ окна; какъ то ему казалось несомнѣнно, что она съ досадой на его медлительность ожидаетъ его, то казалось, что это невозможно, чтобъ она такъ легко рѣшилась на свиданіе; какъ, наконецъ, предполагая, что она только отъ конфузливости уѣздной барышни притворяется, что спитъ, онъ рѣшительно подошелъ и увидалъ ясно ея положеніе, но тутъ вдругъ почему-то убѣжалъ опрометью назадъ и, только сильно устыдивъ трусостью самого себя, подошелъ къ ней смѣло и тронулъ ее за руку. Сторожъ снова крякнулъ и, скрипнувъ калиткой, вышелъ изъ сада. Окно барышниной комнаты захлопнулось и заставилось ставешкомъ изнутри. Графу это было ужасно досадно видѣть. Онъ бы дорого далъ, чтобы только можно было начать опять все сначала: ужъ теперь бы онъ не поступилъ такъ глупо... «А чудесная барышня! свѣженькая какая! просто прелесть! и такъ прозѣвалъ... Глупая скотина я!» Притомъ спать уже ему не хотѣлось, и онъ рѣшительными шагами раздосадованнаго человѣка пошелъ на удачу впередъ по дорожкѣ крытой липовой аллеи.

И тутъ и для него эта ночь приносила свои миротворные дары какой-то успокоительной грусти и потребности любви. Глинистая, кое-гдѣ съ пробивающеюся травкой или сухою вѣткой, дорожка освѣщалась кружками сквозь густую листву липъ прямыми блѣдными лучами мѣсяца. Какой-нибудь загнутый сукъ, какъ обросшій бѣлымъ мхомъ, освѣщался сбоку. Листья, серебрясь, шептались изрѣдка. Въ домѣ потухли огни, замолкли всѣ звуки; только соловей наполнялъ собой, казалось, все необъятное, молчаливое и свѣтлое пространство. «Боже, какая ночь! какая чудная ночь! — думалъ графъ, вдыхая въ себя пахучую свѣжесть сада. — Чего-то жалко. Какъ будто недоволенъ и собой, и другими, и всею жизнью недоволенъ. А славная, милая дѣвочка. Можетъ-быть, она точно огорчилась...» Тутъ мечты его перемѣшались, онъ воображалъ себя въ этомъ саду вмѣстѣ съ уѣздной барышней въ различныхъ, самыхъ странныхъ положеніяхъ; потомъ роль барышни заняла его любезная Мина. «Экой я дуракъ! надо было просто ее схватить за талію и поцѣловать». И съ этимъ раскаяніемъ графъ вернулся въ комнату.

Корнетъ не спалъ еще. Онъ тотчасъ повернулся на постели лицомъ къ графу.

— Ты не спишь? — спросилъ графъ.

— Нѣтъ.

— Разсказать тебѣ, что было?

— Ну?

— Нѣтъ, лучше не разсказывать... или разскажу. Подожми ноги.

И графъ, махнувъ уже мысленно рукой на прозѣванную имъ интрижку, съ оживленною улыбкой подсѣлъ на постель товарища.

— Можешь себѣ представить, что вѣдь барышня эта мнѣ назначила rendez-vous.

— Что ты говоришь? — вскрикнулъ Полозовъ, вскакивая съ постели.

— Ну, слушай.

— Да какъ же? когда же? Не можетъ быть!

— А вотъ, пока вы считали преферансъ, она мнѣ сказала, что будетъ ночью сидѣть у окна и что въ окно можно влѣзть. Вотъ что значитъ практическій человѣкъ! Покуда вы тамъ со старухой считали, я и это дѣльце обдѣлалъ. Да вѣдь ты слышалъ, она при тебѣ даже сказала, что она будетъ сидѣть нынче у окна, на прудъ смотрѣть.

— Да это она такъ сказала.

— Вотъ то-то я не знаю, нечаянно или нѣтъ она это сказала. Можетъ-быть, и точно она еще не хотѣла сразу, только было похоже на то. Вышла-то страшная штука. Я дуракомъ совсѣмъ поступилъ! — прибавилъ онъ, презрительно улыбаясь на себя.

— Да что же? Гдѣ ты былъ?

Графъ, исключая своихъ нерѣшительныхъ неоднократныхъ подступовъ, разсказалъ все, какъ было.

— Я самъ испортилъ: надо было смѣлѣе. Закричала и убѣжала отъ окошка.

— Такъ она закричала и убѣжала, — сказалъ корнетъ съ неловкою улыбкой, отвѣчая на улыбку графа, имѣвшую на него такое долгое и сильное вліяніе.

— Да. Ну, теперь спать пора.

Корнетъ повернулся опять спиной къ двери и молча полежалъ минутъ десять. Богъ знаетъ, что дѣлалось у него въ душѣ; но когда онъ повернулся снова, лицо его выражало страданіе и рѣшительность.

— Графъ Турбинъ! — сказалъ онъ прерывистымъ голосомъ.

— Что ты, бредишь или нѣтъ? — спокойно отозвался графъ. — Что, корнетъ Полозовъ?

— Графъ Турбинъ! вы — подлецъ! — крикнулъ Полозовъ и вскочилъ съ постели.

XVI

На другой день эскадронъ выступилъ. Офицеры не видали хозяевъ и не простились съ ними. Между собой они тоже не говорили. По приходѣ на первую дневку предположено было драться. Но ротмистръ Шульцъ, добрый товарищъ, отличнѣйшій ѣздокъ, любимый всѣми въ полку и выбранный графомъ въ секунданты, такъ успѣлъ уладить это дѣло, что не только не дрались, но никто въ полку не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ, и даже Турбинъ и Полозовъ хотя не въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, но остались на «ты» и встрѣчались за обѣдами и за партіями.

АЛЬБЕРТЪ

Разсказъ

(1857 г.)

I

Пять человѣкъ богатыхъ и молодыхъ людей пріѣхали въ третьемъ часу ночи веселиться на петербургскій баликъ.

Шампанскаго было выпито много, большая часть господъ были очень молоды, дѣвицы были красивы, фортепіано и скрипка неутомимо играли одну польку за другой, танцы и шумъ не переставали; но было какъ-то скучно, неловко, каждому казалось почему-то (какъ это часто случается), что все это не то и не нужно.

Нѣсколько разъ они усиливались поднять веселье, но притворное веселье было еще хуже скуки.

Одинъ изъ пяти молодыхъ людей, болѣе другихъ недовольный и собой, и другими, и всѣмъ вечеромъ, съ чувствомъ отвращенія всталъ, отыскалъ шляпу и вышелъ съ намѣреніемъ потихоньку уѣхать.

Въ передней никого не было, но въ сосѣдней комнатѣ за дверью онъ услыхалъ два голоса, спорившіе между собой. Молодой человѣкъ пріостановился и сталъ слушать.

— Нельзя, тамъ гости, — говорилъ женскій голосъ.

— Пустите, пожалуйста, я ничего! — умолялъ слабый мужской голосъ.

— Да ужъ не пущу безъ позволенія мадамы! — говорила женщина: — куда вы? ахъ какой!...

Дверь распахнулась, и на порогѣ показалась странная мужская фигура. Увидавъ гостя, служанка перестала удерживать, а странная фигура, робко поклонившись, шатаясь на согнутыхъ ногахъ, вошла въ комнату. Это былъ средняго роста мужчина, съ узкою согнутою спиной и длинными всклокоченными волосами. На немъ были короткое пальто и прорванныя узкія панталоны надъ шершавыми нечищенными сапогами. Скрутившійся веревкой галстукъ повязывалъ длинную бѣлую шею. Грязная рубаха высовывалась изъ рукавовъ надъ худыми руками. Но, несмотря на чрезвычайную худобу тѣла, лицо его было нѣжно, бѣло, и даже свѣжій румянецъ игралъ на щекахъ надъ черною рѣдкою бородой и бакенбардами. Нечесанные волосы, закинутые кверху, открывали невысокій и чрезвычайно чистый лобъ. Темные усталые глаза смотрѣли впередъ мягко, искательно и вмѣстѣ важно. Выраженіе ихъ плѣнительно сливалось съ выраженіемъ свѣжихъ, изогнутыхъ въ углахъ губъ, виднѣвшихся изъ-за рѣдкихъ усовъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ пріостановился, повернулся къ молодому человѣку и улыбнулся. Онъ улыбнулся какъ будто съ трудомъ; но когда улыбка озарила его лицо, молодой человѣкъ, самъ не зная чему, улыбнулся тоже.

— Кто это такой? — спросилъ онъ шопотомъ у служанки, когда странная фигура прошла въ комнату, изъ которой слышались танцы.

— Помѣшанный музыкантъ изъ театра, — отвѣчала служанка: — онъ иногда приходитъ къ хозяйкѣ.

— Куда ты ушелъ, Делесовъ? — кричали въ это время изъ залы.

Молодой человѣкъ, котораго звали Делесовымъ, вернулся въ залу.

Музыкантъ стоялъ у двери и, глядя на танцующихъ, улыбкой, взглядомъ и притоптываніемъ ногъ выказывалъ удовольствіе, доставляемое ему этимъ зрѣлищемъ.

— Что же, идите и вы танцовать, — сказалъ ему одинъ изъ гостей.

Музыкантъ поклонился и вопросительно взглянулъ на хозяйку.

— Идите, идите... что-жъ, когда васъ господа приглашаютъ, — вмѣшалась хозяйка.

Худые, слабые члены музыканта вдругъ пришли въ усиленное движеніе, и онъ, подмигивая, улыбаясь и подергиваясь, тяжело, неловко пошелъ прыгать по залѣ. Въ серединѣ кадрили веселый офицеръ, танцовавшій очень красиво и одушевленно, нечаянно толкнулъ спиной музыканта. Слабыя, усталыя ноги не удержали равновѣсія, и музыкантъ, сдѣлавъ нѣсколько подкашивающихъ шаговъ въ сторону, со всего роста упалъ на полъ. Несмотря на рѣзкій, сухой звукъ, произведенный паденіемъ, почти всѣ засмѣялись въ первую минуту.

Но музыкантъ не вставалъ. Гости замолчали, даже фортепіано перестало играть, и Делесовъ съ хозяйкой первые подбѣжали къ упавшему. Онъ лежалъ на локтѣ и тускло смотрѣлъ въ землю. Когда его подняли и посадили на стулъ, онъ откинулъ быстрымъ движеніемъ костлявой руки волосы со лба и сталъ улыбаться, ничего не отвѣчая на вопросы.

— Господинъ Альбертъ! господинъ Альбертъ! — говорила хозяйка, — что, ушиблись? гдѣ? Вотъ я говорила, что не надо было танцовать. Онъ такой слабый! — продолжала она, обращаясь къ гостямъ, — насилу ходитъ, гдѣ ему.

— Кто онъ такой? — спрашивали хозяйку.

— Бѣдный человѣкъ, артистъ. Очень хорошій малый, только жалкій, какъ видите.

Она говорила это, не стѣсняясь присутствіемъ музыканта. Музыкантъ очнулся и, какъ будто испугавшись чего-то, съежился и оттолкнулъ окружавшихъ его.

— Это все ничего, — вдругъ сказалъ онъ, съ видимымъ усиліемъ привставая со стула.

И, чтобы доказать, что ему нисколько не больно, вышелъ на середину комнаты и хотѣлъ припрыгнуть, но пошатнулся и опять бы упалъ, ежели бы его не поддержали.

Всѣмъ сдѣлалось неловко; глядя на него, всѣ молчали.

Взглядъ музыканта снова потухъ, и онъ, видимо, забывъ о всѣхъ, потиралъ рукой колѣно. Вдругъ онъ поднялъ голову, выставилъ впередъ дрожащую ногу, тѣмъ же, какъ и прежде, пошлымъ жестомъ откинулъ волосы, и, подойдя къ скрипачу, взялъ у него скрипку.

— Все ничего! — повторилъ онъ еще разъ, взмахнувъ скрипкой. — Господа, будемъ музицировать.

— Что за странное лицо! — говорили между собой гости.

— Можетъ-быть, большой талантъ погибаетъ въ этомъ несчастномъ существѣ! — сказалъ одинъ изъ гостей.

— Да, жалкій, жалкій! — говорилъ другой.

— Какое лицо прекрасное!.. Въ немъ есть что-то необыкновенное, — говорилъ Делесовъ: — вотъ посмотримъ...

II

Альбертъ въ это время, не обращая ни на кого вниманія, прижавъ скрипку къ плечу, медленно ходилъ вдоль фортепіано и настраивалъ ее. Губы его сложились въ безстрастное выраженіе, глазъ не было видно; но узкая костлявая спина, длинная бѣлая шея, кривыя ноги и косматая черная голова представляли чудно̀е, но почему-то вовсе не смѣшное зрѣлище. Настроивъ скрипку, онъ бойко взялъ аккордъ и, вскинувъ голову, обратился къ піанисту, приготовившемуся аккомпанировать:

— Mélancolie G-dur! — сказалъ онъ, съ повелительнымъ жестомъ обращаясь къ піанисту.

И вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы прося прощенія за повелительный жестъ, кротко улыбнулся и съ этой улыбкой оглянулъ публику. Вскинувъ волосы рукой, которою онъ держалъ смычокъ, Альбертъ остановился передъ угломъ фортепіано и плавнымъ движеніемъ смычка провелъ по струнамъ. Въ комнатѣ пронесся чистый, стройный звукъ, и сдѣлалось совершенное молчаніе.

Звуки темы свободно, изящно полились вслѣдъ за первымъ, какимъ-то неожиданно яснымъ и успокоительнымъ свѣтомъ вдругъ озаряя внутренній міръ каждаго слушателя. Ни одинъ ложный или неумѣренный звукъ не нарушалъ покорности внимающихъ, всѣ звуки были ясны, изящны и значительны. Всѣ молча, съ трепетомъ надежды слѣдили за развитіемъ ихъ. Изъ состоянія скуки, шумнаго разсѣянія и душевнаго сна, въ которомъ находились эти люди, они вдругъ незамѣтно перенесены были въ совершенно другой, забытый ими міръ. То въ душѣ ихъ возникало чувство тихаго созерцанія прошедшаго, то страстнаго воспоминанія чего-то счастливаго, то безграничной потребности власти и блеска, то чувство покорности, неудовлетворенной любви и грусти. То грустно-нѣжные, то порывисто-отчаянные звуки, свободно перемѣшиваясь между собой, лились и лились другъ за другомъ такъ изящно, такъ сильно и такъ безсознательно, что не звуки слышны были, а самъ собой лился въ душу каждаго какой-то прекрасный потокъ давно знакомой, но въ первый разъ высказанной поэзіи. Альбертъ съ каждою нотой выросталъ выше и выше. Онъ далеко не былъ уродливъ или страненъ. Прижавъ подбородкомъ скрипку и съ выраженіемъ страстнаго вниманія прислушиваясь къ своимъ звукамъ, онъ судорожно передвигалъ ногами. То онъ выпрямлялся во весь ростъ, то старательно сгибалъ спину. Лѣвая напряженно-согнутая рука, казалось, замерла въ своемъ положеніи и только судорожно перебирала костлявыми пальцами; правая двигалась плавно, изящно, незамѣтно. Лицо сіяло непрерывною, восторженною радостью, глаза горѣли свѣтлымъ сухимъ блескомъ, ноздри раздувались, красныя губы раскрывались отъ наслажденія.

Иногда голова ближе наклонялась къ скрипкѣ, глаза закрывались, и полузакрытое волосами лицо освѣщалось улыбкою кроткаго блаженства. Иногда онъ быстро выпрямлялся, выставлялъ ногу, и чистый лобъ и блестящій взглядъ, которымъ онъ окидывалъ комнату, сіяли гордостью, величіемъ, сознаніемъ власти. Одинъ разъ піанистъ ошибся и взялъ невѣрный аккордъ. Физическое страданіе выразилось во всей фигурѣ и лицѣ музыканта. Онъ остановился на секунду и съ выраженіемъ дѣтской злобы, топая ногой, закричалъ: «moll, c moll». Піанистъ поправился, Альбертъ закрылъ глаза, улыбнулся и, снова забывъ себя, другихъ и весь міръ, съ блаженствомъ отдался своему дѣлу.

Всѣ находившіеся въ комнатѣ во время игры Альберта хранили покорное молчаніе и, казалось, жили и дышали только его звуками.

Веселый офицеръ неподвижно сидѣлъ на стулѣ у окна, устремивъ на полъ безжизненный взглядъ, и тяжело и рѣдко переводилъ дыханіе. Дѣвицы въ совершенномъ молчаніи сидѣли по стѣнамъ и только изрѣдка съ одобреніемъ, доходящимъ до недоумѣнія, переглядывались между собой. Толстое, улыбающееся лицо хозяйки расплывалось отъ наслажденія. Піанистъ впивался глазами въ лицо Альберта и со страхомъ ошибиться, выражавшимся во всей его вытягивавшейся фигурѣ, старался слѣдить за нимъ. Одинъ изъ гостей, выпившій больше другихъ, ничкомъ лежалъ на диванѣ и старался не двигаться, чтобы не выдать своего волненія. Делесовъ испытывалъ непривычное чувство. Какой-то холодный кругъ, то суживаясь, то расширяясь, сжималъ его голову. Корни волосъ становились чувствительны, морозъ пробѣгалъ вверхъ по спинѣ, что-то, все выше и выше подступая къ горлу, какъ тоненькими иголками кололо въ носу и нёбѣ, и слезы незамѣтно мочили ему щеки. Онъ встряхивался, старался незамѣтно втягивать ихъ назадъ и отирать, но новыя выступали опять и текли по его лицу. По какому-то странному сцѣпленію впечатлѣній первые звуки скрипки Альберта перенесли Делесова къ его первой молодости. Онъ, немолодой, усталый отъ жизни, изнуренный человѣкъ, вдругъ почувствовалъ себя семнадцатилѣтнимъ, самодовольно-красивымъ, блаженно-глупымъ и безсознательно-счастливымъ существомъ. Ему вспомнилась первая любовь къ кузинѣ въ розовомъ платьицѣ, вспомнилось первое признаніе въ липовой аллеѣ, вспомнился жаръ и непонятная прелесть случайнаго поцѣлуя, вспомнилось волшебство и неразгаданная таинственность тогда окружавшей природы. Въ его возвратившемся назадъ воображеніи блистала *она* въ туманѣ неопредѣленныхъ надеждъ, непонятныхъ желаній и несомнѣнной вѣры въ возможность невозможнаго счастія. Всѣ неоцѣненныя минуты того времени одна за другой возставали передъ нимъ, но не какъ незначащія мгновенія бѣгущаго настоящаго, а какъ остановившіеся, разрастающіеся, укоряющіе образы прошедшаго. Онъ съ наслажденіемъ созерцалъ ихъ и плакалъ, — плакалъ не оттого, что прошло то время, которое онъ могъ употребить лучше (ежели бы ему дали назадъ это время, онъ не брался употребить его лучше), но онъ плакалъ оттого только, что прошло это время и никогда не воротится. Воспоминанія возникали сами собой, а скрипка Альберта говорила одно и одно. Она говорила: «прошло для тебя, навсегда прошло время силы, любви и счастія, прошло и никогда не воротится. Плачь о немъ, выплачь всѣ слезы, умри въ слезахъ объ этомъ времени, — это одно лучшее счастіе, которое осталось у тебя».

Къ концу послѣдней варіаціи лицо Альберта сдѣлалось красно, глаза горѣли, не потухая, крупныя капли пота струились по щекамъ. На лбу надулись жилы, все тѣло больше и больше приходило въ движеніе, поблѣднѣвшія губы уже не закрывались, и вся фигура выражала восторженную жадность наслажденія.

Отчаянно размахнувшись всѣмъ тѣломъ и встряхнувъ волосами, онъ опустилъ скрипку и съ улыбкой гордаго величія и счастія оглянулъ присутствующихъ. Потомъ спина его согнулась, голова опустилась, губы сложились, глаза потухли, и онъ, какъ бы стыдясь себя, робко оглядываясь и путаясь ногами, прошелъ въ другую комнату.

III

Что-то странное произошло со всѣми присутствующими и что-то странное чувствовалось въ мертвомъ молчаніи, послѣдовавшемъ за игрой Альберта. Какъ будто каждый хотѣлъ и не умѣлъ высказать того, чтó все это значило. Что такое значитъ — свѣтлая и жаркая комната, блестящія женщины, заря въ окнахъ, взволнованная кровь и чистое впечатлѣніе пролетѣвшихъ звуковъ? Но никто и не попытался сказать того, что̀ это значитъ; напротивъ, почти всѣ, чувствуя себя не въ силахъ перейти вполнѣ на сторону того, что открыло имъ новое впечатлѣніе, возмутились противъ него:

— А вѣдь онъ точно хорошо играетъ, — сказалъ офицеръ.

— Удивительно! — отвѣчалъ, украдкой рукавомъ отирая щеки, Делесовъ.

— Однако, пора ѣхать, господа, — сказалъ, оправившись нѣсколько, тотъ, который лежалъ на диванѣ. — Надо будетъ дать ему что-нибудь, господа. Давайте складчину.

Альбертъ сидѣлъ въ это время одинъ въ другой комнатѣ на диванѣ. Облокотившись локтями на костлявыя колѣни, онъ потными, грязными руками гладилъ себѣ лицо, взбивалъ волосы и самъ съ собой счастливо улыбался.

Складчину сдѣлали богатую, и Делесовъ взялся передать ее.

Кромѣ того, Делесову, на котораго музыка произвела такое сильное и непривычное впечатлѣніе, пришла мысль сдѣлать добро этому человѣку. Ему пришло въ голову взять его къ себѣ, одѣть, пристроить къ какому-нибудь мѣсту — вообще вырвать изъ этого грязнаго положенія.

— Что, вы устали? — спросилъ Делесовъ, подходя къ нему.

Альбертъ улыбался.

— У васъ дѣйствительный талантъ; вамъ надо бы серьезно заниматься музыкой, играть въ публикѣ.

— Я бы выпилъ чего-нибудь, — сказалъ Альбертъ, какъ будто проснувшись.

Делесовъ принесъ вина, и музыкантъ съ жадностью выпилъ два стакана.

— Какое славное вино! — сказалъ онъ.

— Меланхолія — какая прелестная вещь, — сказалъ Делесовъ.

— О! да, да, — отвѣчалъ, улыбаясь, Альбертъ, — но извините меня, я не знаю, съ кѣмъ имѣю честь говорить; можетъ-быть, вы графъ или князь: не можете ли вы мнѣ ссудить немного денегъ? — Онъ помолчалъ немного. — Я ничего не имѣю... я бѣдный человѣкъ. Я не могу отдать вамъ.

Делесовъ покраснѣлъ: ему неловко стало, и онъ торопливо передалъ музыканту собранныя деньги.

— Очень благодарю васъ, — сказалъ Альбертъ, схвативъ деньги, — теперь давайте музицировать; я, сколько хотите, буду играть вамъ. Только выпить чего-нибудь, выпить, — прибавилъ онъ, вставая.

Делесовъ принесъ ему еще вина и попросилъ сѣсть подлѣ себя.

— Извините меня, если я буду откровененъ съ вами, — сказалъ Делесовъ: — вашъ талантъ такъ заинтересовалъ меня. Мнѣ кажется, что вы въ нехорошемъ положеніи?

Альбертъ поглядывалъ то на Делесова, то на хозяйку, которая вошла въ комнату.

— Позвольте мнѣ вамъ предложить свои услуги, — продолжалъ Делесовъ. — Ежели вы въ чемъ-нибудь нуждаетесь, то я бы очень радъ былъ, ежели бы вы на время поселились у меня. Я живу одинъ и, можетъ-быть, я былъ бы вамъ полезенъ.

Альбертъ улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

— Что же вы не благодарите, — сказала хозяйка. — Разумѣется, для васъ это благодѣяніе. Только я бы вамъ не совѣтовала, — продолжала она, обращаясь къ Делесову и отрицательно качая головой.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ Альбертъ, мокрыми руками пожимая руку Делесова, — только теперь давайте музицировать, пожалуйста.

Но остальные гости уже собрались ѣхать и, какъ ихъ ни уговаривалъ Альбертъ, вышли въ переднюю.

Альбертъ простился съ хозяйкой и, надѣвъ истертую шляпу съ широкими полями и лѣтнюю старую альмавиву, составлявшія всю его зимнюю одежду, вмѣстѣ съ Делесовымъ вышелъ на крыльцо.

Когда Делесовъ сѣлъ со своимъ новымъ знакомцемъ въ карету и почувствовалъ тотъ непріятный запахъ пьяницы и нечистоты, которымъ былъ пропитанъ музыкантъ, онъ сталъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ и обвинять себя въ ребяческой мягкости сердца и неразсудительности. Притомъ все, что говорилъ Альбертъ, было такъ глупо и пошло, и онъ такъ вдругъ грязно опьянѣлъ на воздухѣ, что Делесову сдѣлалось гадко. «Что я съ нимъ буду дѣлать?» подумалъ онъ.

Проѣхавъ съ четверть часа, Альбертъ замолкъ, шляпа съ него свалилась въ ноги, онъ самъ повалился въ уголъ кареты и захрапѣлъ. Колеса равномѣрно скрипѣли по морозному снѣгу; слабый свѣтъ зари едва проникалъ сквозь замерзшія окна.

Делесовъ оглянулся на своего сосѣда. Длинное тѣло, прикрытое плащемъ, безжизненно лежало подлѣ него. Делесову казалось, что длинная голова съ большимъ темнымъ носомъ качалась на этомъ туловищѣ; но, вглядѣвшись ближе, онъ увидѣлъ, что то, что онъ принималъ за носъ и лицо, были волосы, а что настоящее лицо было ниже. Онъ нагнулся и разобралъ черты лица Альберта. Тогда красота лба и спокойно сложеннаго рта снова поразили его.

Подъ вліяніемъ усталости нервовъ, раздражающаго безсоннаго часа утра и слышанной музыки Делесовъ, глядя на это лицо, снова перенесся въ тотъ блаженный міръ, въ который онъ заглянулъ нынче ночью; снова ему вспомнилось счастливое и *великодушное* время молодости, и онъ пересталъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ. Онъ въ эту минуту искренно, горячо любилъ Альберта и твердо рѣшился сдѣлать добро ему.

IV

На другой день утромъ, когда его разбудили, чтобы идти на службу, Делесовъ съ непріятнымъ удивленіемъ увидалъ вокругъ себя свои старыя ширмы, своего стараго человѣка и часы на столикѣ. «Такъ что же бы я хотѣлъ видѣть, какъ не то, что всегда окружаетъ меня?» спросилъ онъ самъ себя. Тутъ ему вспомнились черные глаза и счастливая улыбка музыканта; мотивъ «меланхоліи» и вся странная вчерашняя ночь пронеслись въ его воображеніи.

Ему некогда было, однако, размышлять о томъ, хорошо или дурно онъ поступилъ, взявъ къ себѣ музыканта. Одѣваясь, онъ мысленно распредѣлилъ свой день, взялъ бумаги, отдалъ необходимыя приказанія дома и торопясь надѣлъ шинель и калоши. Проходя мимо столовой, онъ заглянулъ въ дверь.

Альбертъ уткнулъ лицо въ подушку и, раскидавшись въ грязной, изорванной рубахѣ, мертвымъ сномъ спалъ на сафьянномъ диванѣ, куда его безчувственнаго положили вчера вечеромъ. Что-то не хорошо, невольно казалось Делесову.

— Сходи, пожалуйста, отъ меня къ Борюзовскому, попроси скрипку дня на два для нихъ, — сказалъ онъ своему человѣку, — да когда они проснутся, напой ихъ кофеемъ и дай надѣть изъ моего бѣлья и стараго платья что-нибудь. Вообще удовлетвори его хорошенько. Пожалуйста.

Возвратившись домой поздно вечеромъ, Делесовъ, къ удивленію своему, не нашелъ Альберта.

— Гдѣ же онъ? — спросилъ онъ у человѣка.

— Тотчасъ послѣ обѣда ушли, — отвѣчалъ слуга, — взяли скрипку и ушли, обѣщались придти черезъ часъ, да вотъ до сей поры нѣту.

— Та! та! досадно, — проговорилъ Делесовъ. — Какъ же ты его пустилъ, Захаръ?

Захаръ былъ петербургскій лакей, уже восемь лѣтъ служившій у Делесова. Делесовъ, *какъ одинокій холостякъ*, невольно повѣрялъ ему свои намѣренія и любилъ знать его мнѣніе насчетъ каждаго изъ своихъ предпріятій.

— Какъ же я смѣлъ его не пустить? — отвѣчалъ Захаръ, играя печаткой своихъ часовъ. — Ежели бы вы мнѣ сказали, Дмитрій Ивановичъ, чтобъ его удерживать, я бы дома могъ занять. Но вы только насчетъ платья сказали.

— Та! досадно! Ну, а что онъ тутъ дѣлалъ безъ меня?

Захаръ усмѣхнулся.

— Ужъ точно, можно назвать артистомъ, Дмитрій Ивановичъ. Какъ проснулись, такъ попросили мадеры, потомъ съ кухаркой и съ сосѣдскимъ человѣкомъ все занимались. Смѣшные такіе... Однако характера очень хорошаго. Я имъ чаю далъ, обѣдать принесъ, ничего не хотѣли одни ѣсть, все меня приглашали. А ужъ на скрипкѣ какъ играютъ, такъ это точно, что такихъ артистовъ у Излера мало. Такого человѣка можно держать. Какъ онъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» намъ сыгралъ, такъ точно, какъ человѣкъ плачетъ. Слишкомъ хорошо! Даже со всѣхъ этажей пришли люди къ намъ въ сѣни слушать.

— Ну, а одѣлъ ты его? — перебилъ баринъ.

— Какъ же-съ; я ему вашу ночную рубашку далъ и свое пальто ему надѣлъ. Этакому человѣку можно помогать, точно, милый человѣкъ. — Захаръ улыбнулся. — Все спрашивали меня, какого вы чина, имѣете ли знакомства значительныя и сколько у васъ душъ крестьянъ.

— Ну, хорошо, только надо будетъ его найти теперь и впередъ ему ничего не давать пить, а то ему еще хуже сдѣлаешь.

— Это правда, — перебилъ Захаръ, — онъ, видно, слабъ здоровьемъ, у насъ такой же у барина былъ приказчикъ...

Делесовъ, уже давно знавшій исторію пившаго запоемъ приказчика, не далъ ее докончить Захару и, велѣвъ приготовить себѣ все для ночи, послалъ его отыскать и привести Альберта. Онъ легъ въ постель, потушилъ свѣчу, но долго не могъ заснуть: все думалъ объ Альбертѣ. «Хоть это все страннымъ можетъ показаться многимъ изъ моихъ знакомыхъ, — думалъ Делесовъ, — но вѣдь такъ рѣдко дѣлаешь что-нибудь не для себя, что надо благодарить Бога, когда представляется такой случай, и я не упущу его. Все сдѣлаю, рѣшительно все сдѣлаю, что могу, чтобы помочь ему. Можетъ-быть, онъ и вовсе не сумасшедшій, а только спился. Стоить это мнѣ будетъ совсѣмъ не дорого: гдѣ одинъ, тамъ и двое сыты будутъ. Пускай поживетъ сначала у меня, а потомъ устроимъ ему мѣсто или концертъ, стащимъ его съ мели, а тамъ видно будетъ».

Пріятное чувство самодовольства овладѣло имъ послѣ такого разсужденія.

«Право, я не совсѣмъ дурной человѣкъ, даже совсѣмъ не дурной человѣкъ, — подумалъ онъ. — Даже очень хорошій человѣкъ, какъ сравню себя съ другими...»

Онъ уже засыпалъ, когда звуки отворяемыхъ дверей и шаговъ въ передней развлекли его.

«Ну, обращусь съ нимъ построже, — подумалъ онъ: — это лучше; и я долженъ это сдѣлать».

Онъ позвонилъ.

— Что, привелъ? — спросилъ онъ у вошедшаго Захара.

— Жалкій человѣкъ, Дмитрій Ивановичъ, — сказалъ Захаръ, значительно покачавъ головой и закрывъ глаза.

— Что, пьянъ?

— Очень слабъ.

— А скрипка съ нимъ?

— Принесъ, хозяйка отдала.

— Ну, пожалуйста, не пускай его теперь ко мнѣ, уложи спать и завтра отнюдь не выпускай изъ дому.

Но еще Захаръ не успѣлъ выйти, какъ въ комнату вошелъ Альбертъ.

V

— Вы уже спать хотите? — сказалъ Альбертъ, улыбаясь. — А я былъ тамъ, у Анны Ивановны. Очень пріятно провелъ вечеръ: музицировали, смѣялись, пріятное общество было. Позвольте мнѣ выпить стаканъ чего-нибудь, — прибавилъ онъ, взявшись за графинъ съ водой, стоявшій на столикѣ, — только не воды.

Альбертъ былъ такой же, какъ и вчера: та же красивая улыбка глазъ и губъ, тотъ же свѣтлый, вдохновенный лобъ и слабые члены. Пальто Захара пришлось ему какъ разъ впору и чистый, длинный, не крахмаленный воротникъ ночной рубашки живописно откидывался вокругъ его тонкой, бѣлой шеи, придавая ему что-то особенно дѣтское и невинное. Онъ присѣлъ на постель Делесова и молча, радостно и благодарно улыбаясь, посмотрѣлъ на него. Делесовъ посмотрѣлъ въ глаза Альберта и вдругъ снова почувствовалъ себя во власти его улыбки. Ему перестало хотѣться спать, онъ забылъ о своей обязанности быть строгимъ, ему захотѣлось, напротивъ, веселиться, слушать музыку и хоть до утра дружески болтать съ Альбертомъ. Делесовъ велѣлъ Захару принести бутылку вина, папиросъ и скрипку.

— Вотъ это отлично, — сказалъ Альбертъ: — еще рано, будемъ музицировать; я вамъ буду играть, сколько хотите.

Захаръ съ видимымъ удовольствіемъ принесъ бутылку лафиту, два стакана, слабыхъ папиросъ, которыя курилъ Альбертъ, и скрипку. Но, вмѣсто того, чтобы ложиться спать, какъ ему приказалъ баринъ, самъ, закуривъ сигару, сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Поговоримте лучше, — сказалъ Делесовъ музыканту, взявшемуся было за скрипку.

Альбертъ покорно сѣлъ на постель и снова радостно улыбнулся.

— Ахъ, да, — сказалъ онъ, вдругъ стукнувъ себя рукой по лбу и принявъ озабоченно-любопытное выраженіе. (Выраженіе лица его всегда предшествовало тому, что онъ хотѣлъ говорить). — Позвольте спросить... — онъ пріостановился немного: — этотъ господинъ, который былъ съ вами тамъ вчера вечеромъ... вы его называли N, онъ не сынъ знаменитаго N?

— Родной сынъ, — отвѣчалъ Делесовъ, никакъ не понимая, почему это могло быть интересно Альберту.

— То-то, — самодовольно улыбаясь, сказалъ онъ: — я сейчасъ замѣтилъ въ его манерахъ что-то особенно аристократическое. Я люблю аристократовъ: что-то прекрасное и изящное видно въ аристократѣ. А этотъ офицеръ, который такъ прекрасно танцуетъ, — спросилъ онъ, — онъ мнѣ тоже очень понравился, такой веселый и благородный. Онъ адъютантъ NN, кажется?

— Который? — спросилъ Делесовъ.

— Тотъ, который столкнулся со мной, когда мы танцовали. Онъ славный долженъ быть человѣкъ.

— Нѣтъ, онъ пустой малый, — отвѣчалъ Делесовъ.

— Ахъ, нѣтъ! — горячо заступился Альбертъ: — въ немъ что-то есть очень-очень пріятное. И онъ славный музыкантъ, — прибавилъ Альбертъ: — онъ игралъ тамъ изъ оперы что-то. Давно мнѣ никто такъ не нравился.

— Да, онъ хорошо играетъ, но я не люблю его игры, — сказалъ Делесовъ, желая навести своего собесѣдника на разговоръ о музыкѣ: — онъ классической музыки не понимаетъ; а вѣдь Доницетти и Беллини — вѣдь это не музыка. Вы вѣрно этого же мнѣнія?

— О, нѣтъ, нѣтъ, извините меня, — заговорилъ Альбертъ съ мягкимъ заступническимъ выраженіемъ: — старая музыка — музыка, и новая музыка — музыка. И въ новой есть красоты необыкновенныя: а Сомнамбула?! а финалъ Лючіи?! а Chopin?! а Робертъ?! Я часто думаю... — онъ пріостановился, видимо собирая мысли, — что ежели бы Бетховенъ былъ живъ, вѣдь онъ бы плакалъ отъ радости, слушая Сомнамбулу. Вездѣ есть прекрасное. Я слышалъ въ первый разъ Сомнамбулу, когда здѣсь были Віардо и Рубини, — это было вотъ что, — сказалъ онъ, блистая глазами и дѣлая жестъ обѣими руками, какъ будто вырывая что-то изъ своей груди. — Еще бы немного, то это невозможно бы было вынести.

— Ну, а теперь какъ вы находите оперу? — спросилъ Делесовъ.

— Бозіо хороша, очень хороша, — отвѣчалъ онъ, — изящна необыкновенно, но тутъ не трогаетъ, — сказалъ онъ, указывая на ввалившуюся грудь. — Для пѣвицы нужна страсть, а у нея нѣтъ. Она радуетъ, но не мучаетъ.

— Ну, а Лаблашъ?

— Я его слышалъ еще въ Парижѣ въ Севильскомъ цирюльникѣ; тогда онъ былъ единственъ, а теперь онъ старъ; онъ не можетъ быть артистомъ, — онъ старъ.

— Что-жъ, что старъ, все-таки хорошъ въ morceaux d'ensemble, — сказалъ Делесовъ, всегда говорившій это о Лаблашѣ.

— Какъ что же, что старъ? — возразилъ Альбертъ строго. — Онъ не долженъ быть старъ. Художникъ не долженъ быть старъ. Много нужно для искусства, но главное — огонь! — сказалъ онъ, блистая глазами и поднимая обѣ руки кверху.

И дѣйствительно, страшный внутренній огонь горѣлъ во всей его фигурѣ.

— Ахъ, Боже мой! — сказалъ онъ вдругъ, — вы не знаете Петрова — художника?

— Нѣтъ, не знаю, — улыбаясь, отвѣчалъ Делесовъ.

— Какъ бы я желалъ, чтобы вы съ нимъ познакомились! Вы бы нашли удовольствіе говорить съ нимъ. Какъ онъ тоже понимаетъ искусство! Мы съ нимъ встрѣчались прежде часто у Анны Ивановны, но она теперь за что-то разсердилась на него. А я очень желалъ бы, чтобы вы съ нимъ познакомились. Онъ большой, большой талантъ.

— Что-жъ, онъ картины пишетъ? — спросилъ Делесовъ.

— Не знаю; нѣтъ, кажется, но онъ былъ художникъ академіи. Какія у него мысли! Когда онъ иногда говоритъ, то это удивительно. О, Петровъ — большой талантъ, только онъ ведетъ жизнь очень веселую... Вотъ жалко, — улыбаясь, прибавилъ Альбертъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ всталъ съ постели, взялъ скрипку и началъ строить.

— Что, вы давно не были въ оперѣ? — спросилъ его Делесовъ.

Альбертъ оглянулся и вздохнулъ.

— Ахъ, я ужъ не могу, — сказалъ онъ, схватившись за голову. Онъ снова подсѣлъ къ Делесову. — Я вамъ скажу, — проговорилъ онъ почти шопотомъ, — я не могу туда ходить, я не могу тамъ играть, у меня ничего нѣтъ, ничего! платья нѣтъ, квартиры нѣтъ, скрипки нѣтъ. Скверная жизнь! скверная жизнь! — повторилъ онъ нѣсколько разъ. — Да и зачѣмъ мнѣ туда ходить? зачѣмъ это? не надо, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Ахъ, *Донъ Жуанъ!*

И онъ ударилъ себя по головѣ.

— Такъ поѣдемъ когда-нибудь вмѣстѣ, — сказалъ Делесовъ.

Альбертъ, не отвѣчая, вскочилъ, схватилъ скрипку и началъ играть финалъ перваго акта *Донъ Жуана*, своими словами разсказывая содержаніе оперы.

У Делесова зашевелились волосы на головѣ, когда Альбертъ игралъ голосъ умирающаго командора.

— Нѣтъ, не могу играть нынче, — сказалъ онъ, кладя скрипку: — я много пилъ.

Но вслѣдъ за тѣмъ онъ подошелъ къ столу, налилъ себѣ полный стаканъ вина, залпомъ выпилъ и сѣлъ опять на кровать къ Делесову.

Делесовъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Альберта; Альбертъ изрѣдка улыбался, и Делесовъ улыбался тоже. Они оба молчали; но между ними взглядомъ и улыбкой ближе и ближе установились любовныя отношенія. Делесовъ чувствовалъ, что онъ все больше и больше любитъ этого человѣка, и испытывалъ непонятную радость.

— Вы были влюблены? — вдругъ спросилъ онъ.

Альбертъ задумался на нѣсколько секундъ, потомъ лицо его озарилось грустной улыбкой. Онъ нагнулся къ Делесову и внимательно посмотрѣлъ ему въ самые глаза.

— Зачѣмъ вы это спросили у меня? — проговорилъ онъ шопотомъ. — Но я вамъ все разскажу, вы мнѣ понравились, — продолжалъ онъ, посмотрѣвъ немного и оглянувшись. — Я не буду васъ обманывать, я вамъ разскажу все, какъ было, сначала. — Онъ остановился, и глаза его странно, дико остановились. — Вы знаете, что я слабъ разсудкомъ, — сказалъ онъ вдругъ. — Да, да, — продолжалъ онъ, — Анна Ивановна вамъ вѣрно разсказывала. Она всѣмъ говоритъ, что я сумасшедшій! Это неправда, она изъ шутки говоритъ это, она добрая женщина, а я точно не совершенно здоровъ сталъ съ нѣкотораго времени. — Альбертъ опять замолчалъ и остановившимися, широко открытыми глазами посмотрѣлъ въ темную дверь. — Вы спрашивали, былъ ли я влюбленъ? Да, я былъ влюбленъ, — прошепталъ онъ, поднимая брови. — Это случилось давно, еще въ то время, когда я былъ при мѣстѣ въ театрѣ. Я ходилъ играть вторую скрипку въ оперѣ, а она ѣздила въ литерный бенуаръ съ лѣвой стороны.

Альбертъ всталъ и перегнулся на ухо Делесову.

— Нѣтъ, зачѣмъ называть ее, — сказалъ онъ. — Вы вѣрно знаете ее, всѣ знаютъ ее. Я молчалъ и только смотрѣлъ на нее; я зналъ, что я бѣдный артистъ, а она аристократическая дама.

Я очень зналъ это. Я только смотрѣлъ на нее и ничего не думалъ.

Альбертъ задумался, припоминая.

— Какъ это случилось, я не помню; но меня позвали одинъ разъ аккомпанировать ей на скрипкѣ... Ну, что̀ я, бѣдный артистъ! — сказалъ онъ, покачивая головой и улыбаясь. — Но нѣтъ, я не умѣю разсказывать, не умѣю... — прибавилъ онъ, схватившись за голову. — Какъ я былъ счастливъ.

— Что же, вы часто бывали у нея? — спросилъ Делесовъ.

— Одинъ разъ, одинъ разъ только... но я самъ виноватъ былъ, я съ ума сошелъ. Я бѣдный артистъ, а она аристократическая дама. Я не долженъ былъ ничего говорить ей. Но я сошелъ съ ума, я сдѣлалъ глупости. Съ тѣхъ поръ для меня все кончилось. Петровъ правду сказалъ мнѣ: лучше бы было видѣть ее только въ театрѣ...

— Что же вы сдѣлали? — спросилъ Делесовъ.

— Ахъ, постойте, постойте, я не могу разсказывать этого.

И закрывъ лицо руками, онъ помолчалъ нѣсколько времени.

— Я пришелъ въ оркестръ поздно. Мы пили съ Петровымъ этотъ вечеръ, и я былъ разстроенъ. Она сидѣла въ своей ложѣ и говорила съ генераломъ. Я не знаю, кто былъ этотъ генералъ. Она сидѣла у самаго края, положила руку на рампу; на ней было бѣлое платье и перлы на шеѣ. Она говорила съ нимъ и смотрѣла на меня. Два раза она посмотрѣла на меня. Прическа у нея была вотъ этакъ; я не игралъ, а стоялъ подлѣ баса и смотрѣлъ. Тутъ въ первый разъ со мной сдѣлалось странно. Она улыбнулась генералу и посмотрѣла на меня. Я чувствовалъ, что она говоритъ обо мнѣ! и вдругъ я увидѣлъ, что я не въ оркестрѣ, а въ ложѣ стою съ ней и держу ее за руку, за это мѣсто. Что это такое? — спросилъ Альбертъ, помолчавъ.

— Это живость воображенія, — сказалъ Делесовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... да я не умѣю разсказывать, — сморщившись, отвѣчалъ Альбертъ. — Я уже и тогда былъ бѣденъ, квартиры у меня не было, и, когда ходилъ въ театръ, иногда оставался ночевать тамъ.

— Какъ! въ театрѣ? въ темной пустой залѣ?

— Ахъ! я не боюсь этихъ глупостей. Ахъ, постойте. Какъ только всѣ уходили, я шелъ къ тому бенуару, гдѣ она сидѣла, и спалъ. Это была одна моя радость. Какія ночи я проводилъ тамъ! Только одинъ разъ опять началось со мной. Мнѣ ночью стало представляться много, но я не могу разсказать вамъ много. — Альбертъ, опустивъ зрачки, смотрѣлъ на Делесова. — Что это такое? — спросилъ онъ.

— Странно! — сказалъ Делесовъ.

— Нѣтъ, постойте, постойте! — Онъ на ухо шопотомъ продолжалъ. — Я цѣловалъ ея руку, плакалъ тутъ подлѣ нея, я много говорилъ съ ней. Я слышалъ запахъ ея духовъ, слышалъ ея голосъ. Она много сказала мнѣ въ одну ночь. Потомъ я взялъ скрипку и потихоньку сталъ играть. И я отлично игралъ. Но мнѣ стало страшно. Я не боюсь этихъ глупостей и не вѣрю; но мнѣ стало страшно за свою голову, — сказалъ онъ, любезно улыбаясь и дотрогиваясь рукою до лба, — за свой бѣдный умъ мнѣ стало страшно, мнѣ казалось, что что-то сдѣлалось у меня въ головѣ. Можетъ-быть, это и ничего? Какъ вы думаете?

Оба помолчали нѣсколько минутъ.

Und wenn die Wolken sie verhüllen,
Die Sonne bleibt doch ewig klar,

пропѣлъ Альбертъ, тихо улыбаясь. — Не правда ли? — прибавилъ онъ.

Ich auch habe gelebt und genossen.

— Ахъ! старикъ Петровъ какъ бы все это растолковалъ вамъ.

Делесовъ молча, съ ужасомъ смотрѣлъ на взволнованное и поблѣднѣвшее лицо своего собесѣдника.

— Вы знаете *Юристенъ-вальцеръ*, — вдругъ вскричалъ Альбертъ и, не дождавшись отвѣта, вскочилъ, схватилъ скрипку и началъ играть веселый вальсъ. Совершенно забывшись и, видимо, полагая, что цѣлый оркестръ играетъ за нимъ, Альбертъ улыбался, раскачивался, передвигалъ ногами и игралъ превосходно.

— Э, будетъ веселиться! — сказалъ онъ, кончивъ и размахнувъ скрипкой.

— Я пойду, — сказалъ онъ, молча посидѣвъ немного, — а вы не пойдете?

— Куда? — съ удивленіемъ спросилъ Делесовъ.

— Пойдемъ опять къ Аннѣ Ивановнѣ; тамъ весело: шумъ, народъ, музыка.

Делесовъ въ первую минуту чуть было не согласился. Однако, опомнившись, онъ сталъ уговаривать Альберта не ходить нынче.

— Я бы на минуту.

— Право, не ходите.

Альбертъ вздохнулъ и положилъ скрипку.

— Такъ остаться?

Онъ посмотрѣлъ еще на столъ (вина не было) и, пожелавъ покойной ночи, вышелъ.

Делесовъ позвонилъ. — Смотри, не выпускай никуда господина Альберта безъ моего спроса, — сказалъ онъ Захару.

VI

На другой день былъ праздникъ. Делесовъ, проснувшись, сидѣлъ у себя въ гостиной за кофеемъ и читалъ книгу. Альбертъ въ сосѣдней комнатѣ еще не шевелился.

Захаръ осторожно отворилъ дверь и посмотрѣлъ въ столовую.

— Вѣрите-ль, Дмитрій Ивановичъ, такъ на голомъ диванѣ и спитъ! Ничего не хотѣлъ подостлать, ей-Богу. Какъ дитя малое. Право, артистъ.

Въ двѣнадцатомъ часу за дверью послышалось кряхтѣніе и кашель.

Захаръ снова пришелъ въ столовую; и баринъ слышалъ ласковый голосъ Захара и слабый, просящій голосъ Альберта.

— Ну, что? — спросилъ баринъ у Захара, когда онъ вышелъ.

— Скучаетъ, Дмитрій Ивановичъ; умываться не хочетъ, пасмурный такой. Все проситъ выпить.

— Нѣтъ, ужъ если взялся, надо выдержать характеръ, — сказалъ себѣ Делесовъ.

И, не приказавъ давать вина, снова принялся за свою книгу, невольно, однако, прислушиваясь къ тому, что происходило въ столовой. Тамъ ничего не двигалось, только изрѣдка слышался грудной тяжелый кашель и плеванье. Прошло два часа. Делесовъ, одѣвшись, передъ тѣмъ какъ выйти со двора, рѣшился заглянуть къ своему сожителю. Альбертъ неподвижно сидѣлъ у окна, опустивъ голову на руки. Онъ оглянулся. Лицо его было желто, сморщено и не только грустно, но глубоко несчастно. Онъ попробовалъ улыбнуться въ видѣ привѣтствія, но лицо его приняло еще болѣе горестное выраженіе. Казалось, онъ готовъ былъ... заплакать... Онъ съ трудомъ всталъ и поклонился.

— Если бы можно рюмочку простой водки, — сказалъ онъ съ просящимъ выраженіемъ: — я такъ слабъ, пожалуйста!

— Кофей васъ лучше подкрѣпитъ. Я бы вамъ совѣтовалъ.

Лицо Альберта вдругъ потеряло дѣтское выраженіе; онъ холодно, тускло посмотрѣлъ въ окно и слабо опустился на стулъ.

— Или позавтракать не хотите ли?

— Нѣтъ, благодарю, не имѣю аппетита.

— Если вамъ захочется играть на скрипкѣ, то вы мнѣ не будете мѣшать, — сказалъ Делесовъ, кладя скрипку на столъ.

Альбертъ съ презрительною улыбкой посмотрѣлъ на скрипку.

— Нѣтъ, я слишкомъ слабъ, я не могу играть, — сказалъ онъ и отодвинулъ отъ себя инструментъ.

Послѣ этого что ни говорилъ Делесовъ, предлагая ему и пройтись, и вечеромъ ѣхать въ театръ, онъ только покорно кланялся и упорно молчалъ. Делесовъ уѣхалъ со двора, сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, обѣдалъ въ гостяхъ и передъ театромъ заѣхалъ домой переодѣться и узнать, что дѣлаетъ музыкантъ. Альбертъ сидѣлъ въ темной передней и, облокотивъ голову на руки, смотрѣлъ въ топившуюся печь. Онъ былъ одѣтъ опрятно, вымытъ и причесанъ; но глаза его были тусклы, мертвы, и во всей фигурѣ выражались слабость и изнуреніе, еще бо́льшія, чѣмъ утромъ.

— Что, вы обѣдали, господинъ Альбертъ? — спросилъ Делесовъ.

Альбертъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой и, взглянувъ въ лицо Делесова, испуганно опустилъ глаза. Делесову сдѣлалось неловко.

— Я говорилъ нынче о васъ директору, — сказалъ онъ, тоже опуская глаза. — Онъ очень радъ принять васъ, если вы позволите себя послушать.

— Благодарю, я не могу играть, — проговорилъ себѣ подъ носъ Альбертъ и прошелъ въ свою комнату, особенно тихо затворивъ за собою дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ замочная ручка такъ же тихо повернулась, и онъ вышелъ изъ своей комнаты со скрипкой. Злобно и бѣгло взглянувъ на Делесова, онъ положилъ скрипку на стулъ и снова скрылся.

Делесовъ пожалъ плечами и улыбнулся.

«Что же мнѣ еще дѣлать? Въ чемъ я виноватъ?» подумалъ онъ.

— Ну, что музыкантъ? — былъ первый вопросъ его, когда поздно воротился домой.

— Плохъ! — коротко и звучно отвѣчалъ Захаръ. — Все вздыхаетъ, кашляетъ и ничего не говоритъ, только разъ пять принимался просить водки. Ужъ я ему далъ одну. А то какъ бы намъ его не загубить такъ, Дмитрій Ивановичъ. Такъ-то приказчикъ...

— А на скрипкѣ не играетъ?

— Не дотрогивается даже. Я тоже къ нему ее приносилъ раза два, — такъ возьметъ ее потихоньку и вынесетъ, — отвѣчалъ Захаръ съ улыбкой. — Такъ пить не прикажете давать?

— Нѣтъ, еще подождемъ день, посмотримъ, что будетъ. А теперь онъ что?

— Заперся въ гостиной.

Делесовъ прошелъ въ кабинетъ, отобралъ нѣсколько французскихъ книгъ и нѣмецкое евангеліе. — Положи эти книги завтра ему въ комнату да смотри, не выпускай, — сказалъ онъ Захару.

На другое утро Захаръ донесъ барину, что музыкантъ не спалъ цѣлую ночь: все ходилъ по комнатамъ и приходилъ въ буфетъ, пытаясь отворить шкафъ и дверь, но что все, по его старанію, было заперто. Захаръ разсказывалъ, что, притворившись спящимъ, онъ слышалъ, какъ Альбертъ въ темнотѣ самъ съ собой бормоталъ что-то и размахивалъ руками.

Альбертъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и молчаливѣе. Делесова онъ, казалось, боялся, и въ лицѣ его выражался болѣзненный испугъ, когда глаза ихъ встрѣчались. Онъ не бралъ въ руки ни книгъ, ни скрипки и не отвѣчалъ на вопросы, которые ему дѣлали.

На третій день пребыванія у него музыканта Делесовъ пріѣхалъ домой поздно вечеромъ, усталый и разстроенный. Онъ цѣлый день ѣздилъ, хлопоталъ по дѣлу, казавшемуся очень простымъ и легкимъ, и, какъ это часто бываетъ, рѣшительно ни шагу не сдѣлалъ впередъ, несмотря на усиленное стараніе. Кромѣ того, заѣхавъ въ клубъ, онъ проигралъ въ вистъ. Онъ былъ не въ духѣ.

— Ну, Богъ съ нимъ совсѣмъ! — отвѣчалъ онъ Захару, который объяснилъ ему печальное положеніе Альберта. — Завтра добьюсь отъ него рѣшительно: хочетъ ли онъ или нѣтъ оставаться у меня и слѣдовать моимъ совѣтамъ? — Нѣтъ — такъ и не надо. Кажется, что я сдѣлалъ все, что могъ.

«Вотъ дѣлай добро людямъ! — думалъ онъ самъ съ собой. — Я для него стѣсняюсь, держу у себя въ домѣ это грязное существо, такъ что утромъ принять не могу незнакомаго человѣка, хлопочу, бѣгаю, а онъ на меня смотритъ, какъ на какого-то злодѣя, который изъ своего удовольствія заперъ его въ клѣтку. А главное — самъ для себя и шагу не хочетъ сдѣлать. Такъ они и всѣ (это «всѣ» относилось вообще къ людямъ и особенно къ тѣмъ, до которыхъ у него нынче было дѣло). И что съ нимъ дѣлается теперь? О чемъ онъ думаетъ и груститъ? Груститъ о развратѣ, изъ котораго я его вырвалъ? Объ униженіи, въ которомъ онъ былъ? О нищетѣ, отъ которой я его спасъ? Видно, ужъ онъ такъ упалъ, что тяжело ему смотрѣть на честную жизнь...»

«Нѣтъ, это былъ дѣтскій поступокъ, — рѣшилъ самъ съ собой Делесовъ. — Куда мнѣ браться другихъ исправлять, когда только дай Богъ съ самимъ собою сладить». Онъ хотѣлъ было сейчасъ же отпустить его, но, подумавъ немного, отложилъ до завтра.

Ночью Делесова разбудилъ стукъ упавшаго стола въ передней и звукъ голосовъ и топота.

Онъ зажегъ свѣчу и съ удивленіемъ сталъ прислушиваться...

— Погодите, я Дмитрію Ивановичу скажу, — говорилъ Захаръ; голосъ Альберта бормоталъ что-то горячо и несвязно. Делесовъ вскочилъ и со свѣчою выбѣжалъ въ переднюю. Захаръ въ ночномъ костюмѣ стоялъ противъ двери, Альбертъ въ шляпѣ и альмавивѣ отталкивалъ его отъ двери и слезливымъ голосомъ кричалъ на него:

— Вы не можете не пустить меня. У меня паспортъ, я ничего не унесъ у васъ. Можете обыскать меня. Я къ полицеймейстеру пойду.

— Позвольте, Дмитрій Ивановичъ! — обратился Захаръ къ барину, продолжая спиной защищать дверь. — Они ночью встали, нашли ключъ въ моемъ пальто и выпили цѣлый графинъ сладкой водки. Это развѣ хорошо? А теперь уйти хотятъ. Вы не приказали, потому я и не могу пустить ихъ.

Альбертъ, увидавъ Делесова, еще горячѣе сталъ приступать къ Захару.

— Не можетъ меня никто держать! не имѣетъ права! — кричалъ онъ, все больше и больше возвышая голосъ.

— Отойди, Захаръ! — сказалъ Делесовъ. — Я васъ держать не хочу и не могу, но я совѣтовалъ бы вамъ остаться до завтра, — обратился онъ къ Альберту.

— Никто меня держать не можетъ. Я къ полицеймейстеру пойду, — все сильнѣе и сильнѣе кричалъ Альбертъ, обращаясь только къ Захару и не глядя на Делесова. — Караулъ! — вдругъ завопилъ онъ неистовымъ голосомъ.

— Да что же вы кричите такъ-то? Вѣдь васъ не держатъ, — сказалъ Захаръ, отворяя дверь.

Альбертъ пересталъ кричать. «Не удалось? Хотѣли уморить меня. Нѣтъ!» бормоталъ онъ про себя, надѣвая калоши. Не простившись и продолжая говорить что-то непонятное, онъ вышелъ въ дверь. Захаръ посвѣтилъ ему до воротъ и вернулся.

— И слава Богу, Дмитрій Ивановичъ! А то долго ли до грѣха, — сказалъ онъ барину, — и теперь серебро повѣрить надо.

Делесовъ только покачалъ головой и ничего не отвѣчалъ. Ему живо вспомнились теперь два первые вечера, которые онъ провелъ съ музыкантомъ, вспомнились послѣдніе печальные дни, которые по его винѣ провелъ здѣсь Альбертъ, и главное онъ вспомнилъ то сладкое смѣшанное чувство удивленія, любви и состраданія, которое возбудилъ въ немъ съ перваго взгляда этотъ странный человѣкъ, и ему стало жалко его. «И что-то съ нимъ будетъ теперь? — подумалъ онъ.—Безъ денегъ, безъ теплаго платья, одинъ посреди ночи...» Онъ хотѣлъ было уже послать за нимъ Захара, но было поздно.

— А холодно на дворѣ? — спросилъ Делесовъ.

— Морозъ здоровый, Дмитрій Ивановичъ, — отвѣчалъ Захаръ. — Я забылъ вамъ доложить: до весны еще дровъ купить придется.

— А какъ же ты говорилъ, что останутся?

VII

На дворѣ дѣйствительно было холодно, но Альбертъ не чувствовалъ холода: такъ онъ былъ разгоряченъ выпитымъ виномъ и споромъ.

Выйдя на улицу, онъ оглянулся и радостно потеръ руки. На улицѣ было пусто, но длинный рядъ фонарей еще свѣтилъ красными огнями; на небѣ было ясно и звѣздно. — Что! — сказалъ онъ, обращаясь къ свѣтившемуся окну въ квартирѣ Делесова, и, засунувъ руки подъ пальто въ карманы панталонъ и перегнувшись впередъ, Альбертъ тяжелыми и невѣрными шагами пошелъ на-право по улицѣ. Онъ чувствовалъ въ ногахъ и желудкѣ чрезвычайную тяжесть, въ головѣ его что-то шумѣло, какая-то невидимая сила бросала его изъ стороны въ сторону, но онъ все шелъ впередъ по направленію къ квартирѣ Анны Ивановны. Въ головѣ его бродили странныя, несвязныя мысли: то онъ вспоминалъ послѣдній споръ съ Захаромъ, то почему-то море и первый свой пріѣздъ на пароходѣ въ Россію, то счастливую ночь, проведенную съ другомъ въ лавочкѣ, мимо которой онъ проходилъ, то вдругъ знакомый мотивъ начиналъ пѣть въ его воображеніи, и онъ вспоминалъ предметъ своей страсти и страшную ночь въ театрѣ. Но, несмотря на несвязность, всѣ эти воспоминанія съ такою яркостью представлялись его воображенію, что, закрывъ глаза, онъ не зналъ, что было больше дѣйствительность: то, что онъ дѣлалъ, или то, что онъ думалъ. Онъ не помнилъ и не чувствовалъ, какъ переставлялись его ноги, какъ, шатаясь, онъ толкался о стѣну, какъ онъ смотрѣлъ вокругъ себя и какъ переходилъ съ улицы на улицу. Онъ помнилъ и чувствовалъ только то, что, причудливо смѣняясь и перепутываясь, представлялось ему.

Проходя по Малой Морской, Альбертъ споткнулся и упалъ.

Очнувшись на мгновеніе, онъ увидалъ передъ собой какое-то громадное, великолѣпное зданіе и пошелъ дальше. На небѣ не было видно ни звѣздъ, ни зари, ни мѣсяца, фонарей тоже не было, но всѣ предметы обозначались ясно. Въ окнахъ зданія, возвышавшагося въ концѣ улицы, свѣтились огни, но огни эти колебались, какъ отраженіе. Зданіе все ближе и ближе, яснѣе и яснѣе выростало передъ Альбертомъ. Но огни исчезли, какъ только Альбертъ вошелъ въ широкія двери. Внутри было темно. Одинокіе шаги звучно раздавались подъ сводами, и какія-то тѣни, скользя, убѣгали при его приближеніи. «Зачѣмъ я пошелъ сюда?» подумалъ Альбертъ; но какая-то непреодолимая сила тянула его впередъ къ углубленію огромной залы... Тамъ стояло какое-то возвышеніе, и вокругъ его молча стояли какіе-то маленькіе люди. «Кто это будетъ говорить?» спросилъ Альбертъ. Никто не отвѣтилъ, только одинъ указалъ ему на возвышеніе. На возвышеніи уже стоялъ высокій, худой человѣкъ со щетинистыми волосами и въ пестромъ халатѣ. Альбертъ тотчасъ узналъ своего друга Петрова. «Какъ странно, что онъ здѣсь!» подумалъ Альбертъ. «Нѣтъ, братья! — говорилъ Петровъ, указывая на кого-то, — вы не поняли человѣка, жившаго между вами, вы не поняли его! Онъ не продажный артистъ, не механическій исполнитель, не сумасшедшій, не потерянный человѣкъ. Онъ — геній, великій музыкальный геній, погибшій среди васъ незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ». Альбертъ тотчасъ же понялъ, о комъ говорилъ его другъ; но, не желая стѣснять его, изъ скромности опустилъ голову.

«— Онъ, какъ соломинка, сгорѣлъ весь отъ того священнаго огня, которому мы всѣ служимъ, — продолжалъ голосъ, — но онъ исполнилъ все то, что было вложено въ него Богомъ; за то онъ и долженъ назваться великимъ человѣкомъ. Вы могли презирать его, мучить, унижать, — продолжалъ голосъ громче и громче, — а онъ былъ, есть и будетъ неизмѣримо выше всѣхъ васъ. Онъ счастливъ, онъ добръ. Онъ всѣхъ одинаково любитъ или презираетъ, что̀ все равно; а служитъ только тому, что̀ вложено въ него свыше. Онъ любитъ одно — красоту, единственное, несомнѣнное благо въ мірѣ. Да, вотъ кто онъ такой! Ницъ падайте всѣ передъ нимъ! На колѣни!» закричалъ онъ громко.

Но другой голосъ тихо заговорилъ изъ противоположнаго угла залы. «Я не хочу падать передъ нимъ на колѣни, — говорилъ голосъ, въ которомъ Альбертъ тотчасъ узналъ голосъ Делесова. — Чѣмъ же онъ великъ? И зачѣмъ намъ кланяться передъ нимъ? Развѣ онъ велъ себя честно и справедливо? Развѣ онъ принесъ пользу обществу? Развѣ мы не знаемъ, какъ онъ бралъ взаймы деньги и не отдавалъ ихъ, какъ онъ унесъ скрипку у своего товарища-артиста и заложилъ ее?... («Боже мой! какъ онъ это все знаетъ!» подумалъ Альбертъ, еще ниже опуская голову). Развѣ мы не знаемъ, какъ онъ льстилъ самымъ ничтожнымъ людямъ, льстилъ изъ-за денегъ? — продолжалъ Делесовъ. — Не знаемъ, какъ его выгнали изъ театра? Какъ Анна Ивановна хотѣла въ полицію послать его?» («Боже мой! это все правда, но заступись за меня, — проговорилъ Альбертъ: — Ты одинъ знаешь, почему я это дѣлалъ»).

«— Перестаньте, стыдитесь, — заговорилъ опять голосъ Петрова. — Какое право имѣете вы обвинять его? Развѣ вы жили его жизнью? Испытывали его восторги? («Правда, правда!» шепталъ

Альбертъ). Искусство есть высочайшее проявленіе могущества въ человѣкѣ. Оно дается рѣдкимъ, избраннымъ и поднимаетъ избранника на такую высоту, на которой голова кружится и трудно удержаться здравымъ. Въ искусствѣ, какъ во всякой борьбѣ, есть герои, отдавшіеся всѣ своему служенію и гибнущіе, не достигнувъ цѣли».

Петровъ замолчалъ, а Альбертъ поднялъ голову и громко закричалъ: «Правда! правда!» Но голосъ его замеръ безъ звука.

«— Не до васъ это дѣло, — строго обратился къ нему художникъ Петровъ. — Да, унижайте, презирайте его, — продолжалъ онъ, — а изъ всѣхъ насъ онъ лучшій и счастливѣйшій!»

Альбертъ, съ блаженствомъ въ душѣ слушавшій эти слова, не выдержалъ, подошелъ къ другу и хотѣлъ поцѣловать его.

«— Убирайся, я тебя не знаю, — отвѣчалъ Петровъ, — проходи своею дорогой, а то не дойдешь.»

— Вишь, тебя разобрало! не дойдешь, — прокричалъ будочникъ на перекресткѣ.

Альбертъ пріостановился, собралъ всѣ силы и, стараясь не шататься, повернулъ въ переулокъ.

До Анны Ивановны оставалось нѣсколько шаговъ. Изъ сѣней ея дома падалъ свѣтъ на снѣгъ двора, и у калитки стояли сани и кареты.

Хватаясь охолодѣвшими руками за перила, онъ взбѣжалъ на лѣстницу и позвонилъ.

Заспанное лицо служанки высунулось въ отверстіе двери и сердито взглянуло на Альберта. «Нельзя! — прокричала она: — не велѣно пускать», и захлопнула отверстіе. На лѣстницу доходили звуки музыки и женскихъ голосовъ. Альбертъ сѣлъ на полъ, прислонился головой къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Въ то же мгновенiе толпы несвязныхъ, но родственныхъ видѣнiй съ новою силой обступили его, приняли въ свои волны и понесли куда-то туда, въ свободную и прекрасную область мечтанiя. «Да, онъ лучшiй и счастливѣйшiй!» невольно повторялось въ его воображенiи. Изъ двери слышались звуки польки. Эти звуки говорили тоже, что онъ лучшiй и счастливѣйшiй. Въ ближайшей церкви слышался благовѣстъ и благовѣстъ этотъ говорилъ: да, онъ лучшiй и счастливѣйшiй. «Но пойду опять въ залу, — подумалъ Альбертъ. — Петровъ еще много долженъ сказать мнѣ». Въ залѣ уже никого не было, и вмѣсто художника Петрова на возвышенiи стоялъ самъ Альбертъ и самъ игралъ на скрипкѣ все то, что прежде говорилъ голосъ. Но скрипка была страннаго устройства: она вся была сдѣлана изъ стекла. И ее надо было обнимать обѣими руками и медленно прижимать къ груди, для того чтобъ она издавала звуки. Звуки были такiе нѣжные и прелестные, какихъ никогда не слыхалъ Альбертъ. Чѣмъ крѣпче прижималъ онъ къ груди скрипку, тѣмъ отраднѣе и слаще ему становилось. Чѣмъ громче становились звуки, тѣмъ шибче разбѣгались тѣни и больше освѣщались стѣны залы прозрачнымъ свѣтомъ. Но надо было очень осторожно играть на скрипкѣ, чтобы не раздавить ея. Альбертъ игралъ на стеклянномъ инструментѣ очень осторожно и хорошо. Онъ игралъ такiя вещи, которыхъ, онъ чувствовалъ, что никто никогда больше не услышитъ. Онъ начиналъ уже уставать, когда другой, дальнiй глухой звукъ развлекъ его. Это былъ звукъ колокола; но звукъ этотъ произносилъ слово: «да», говорилъ колоколъ, далеко и высоко гудя гдѣ-то, «онъ вамъ жалокъ кажется, вы его презираете, а онъ лучшій и счастливѣйшій! Никто никогда больше не будетъ играть на этомъ инструментѣ».

Эти знакомыя слова показались внезапно такъ умны, такъ новы и справедливы Альберту, что онъ пересталъ играть и, стараясь не двигаться, поднялъ руки и глаза къ небу. Онъ чувствовалъ себя прекраснымъ и счастливымъ. Несмотря на то, что въ залѣ никого не было, Альбертъ выпрямилъ грудь и, гордо поднявъ голову, стоялъ на возвышеніи такъ, чтобы всѣ могли его видѣть. Вдругъ чья-то рука слегка дотронулась до его плеча; онъ обернулся и въ полусвѣтѣ увидалъ женщину. Она печально смотрѣла на него и отрицательно покачала головой. Онъ тотчасъ же понялъ, что то, что онъ дѣлалъ, было дурно, и ему стало стыдно за себя. «Куда же?» спросилъ онъ ее. Она еще разъ долго, пристально посмотрѣла на него и печально наклонила голову. Она была та, совершенно та, которую онъ любилъ, и одежда ея была та же; на полной, бѣлой шеѣ была нитка жемчуга, и прелестныя руки были обнажены выше локтя. Она взяла его за руки и повела вонъ изъ залы. «Выходъ съ той стороны», сказалъ Альбертъ, но она, не отвѣчая, улыбнулась и вывела его изъ залы. На порогѣ залы Альбертъ увидалъ луну и воду. Но вода не была внизу, какъ обыкновенно бываетъ, а луна не была наверху — бѣлый кругъ въ одномъ мѣстѣ, какъ обыкновенно бываетъ. Луна и вода были вмѣстѣ и вездѣ — и наверху, и внизу, и сбоку, и вокругъ ихъ обоихъ. Альбертъ вмѣстѣ съ нею бросился въ луну и воду и понялъ, что теперь можно ему обнять ту, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ; онъ обнялъ ее и почувствовалъ невыносимое счастіе. «Ужъ не во снѣ ли это?» спросилъ онъ себя. Но нѣтъ! это была дѣйствительность, это было больше, чѣмъ дѣйствительность: это было дѣйствительность и воспоминаніе. Онъ чувствовалъ, что то невыразимое счастіе, которымъ онъ наслаждался въ настоящую минуту, прошло и никогда не воротится. «О чемъ же я плачу?» спросилъ онъ у нея. Она молча, печально посмотрѣла на него. Альбертъ понялъ, что̀ она хотѣла сказать этимъ. «Да какъ же, когда я живъ», проговорилъ онъ. Она, не отвѣчая, неподвижно смотрѣла впередъ. «Это ужасно! Какъ растолковать ей, что я живъ», съ ужасомъ подумалъ онъ. «Боже мой! да я живъ, поймите меня», шепталъ онъ.

«— Онъ лучшій и счастливѣйшій», говорилъ голосъ. Но что-то все сильнѣе и сильнѣе давило Альберта. Было ли то луна и вода, ея объятія или слезы, онъ не зналъ, но чувствовалъ, что не выскажетъ всего, что̀ надо, и что скоро все кончится.

Двое гостей, выходившіе отъ Анны Ивановны, наткнулись на растянувшагося на порогѣ Альберта. Одинъ изъ нихъ вернулся и вызвалъ хозяйку.

— Вѣдь это безбожно, — сказалъ онъ, — вы могли этакъ заморозить человѣка.

— Ахъ, ужъ этотъ мнѣ Альбертъ — вотъ гдѣ сидитъ! — отвѣчала хозяйка. — Аннушка! положите его гдѣ-нибудь въ комнатѣ, — обратилась она къ служанкѣ.

— Да я живъ, зачѣмъ же хоронить меня? — бормоталъ Альбертъ въ то время, какъ его безчувственнаго вносили въ комнаты.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
КНЯЗЯ Д. НЕХЛЮДОВА

ЛЮЦЕРНЪ

(1857 г.)

8 іюля

Вчера вечеромъ я пріѣхалъ въ Люцернъ и остановился въ лучшей здѣшней гостинницѣ Швейцергофѣ.

«Люцернъ, старинный кантональный городъ, лежащій на берегу озера четырехъ кантоновъ, — говоритъ Murray, — одно изъ самыхъ романтическихъ мѣстоположеній Швейцаріи; въ немъ скрещиваются три главныя дороги; и только на часъ ѣзды на пароходѣ находится гора Риги, съ которой открывается одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ видовъ въ мірѣ».

Справедливо или нѣтъ, другіе *гиды* говорятъ то же, и потому путешественниковъ всѣхъ націй и въ особенности англичанъ въ Люцернѣ — бездна.

Великолѣпный пятиэтажный домъ Швейцергофа построенъ недавно на набережной, надъ самымъ озеромъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ старину былъ деревянный, крытый, извилистый мостъ, съ часовнями на углахъ и образами на стропилахъ.

Теперь, благодаря огромному наѣзду англичанъ, ихъ потребностямъ, ихъ вкусу и ихъ деньгамъ, старый мостъ сломали и на его мѣстѣ сдѣлали цокольную, прямую, какъ палка, набережную; на набережной построили прямые четвероугольные пятиэтажные дома; а передъ домами въ два ряда посадили липки, поставили подпорки, а между липками, какъ водится, зеленыя лавочки. Это — гулянье; и тутъ и взадъ и впередъ ходятъ англичанки въ швейцарскихъ соломенныхъ шляпахъ и англичане въ прочныхъ и удобныхъ одеждахъ и радуются своему произведенію. Можетъ-быть, что эти набережныя и дома, и липки, и англичане очень хороши гдѣ-нибудь, но только не здѣсь, среди этой странно-величавой и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо гармонической и мягкой природы.

Когда я вошелъ наверхъ въ свою комнату и отворилъ окно на озеро, красота этой воды, этихъ горъ и этого неба въ первое мгновеніе буквально ослѣпила и потрясла меня. Я почувствовалъ внутреннее безпокойство и потребность выразить какъ-нибудь избытокъ чего-то, вдругъ переполнившаго мою душу. Мнѣ захотѣлось въ эту минуту обнять кого-нибудь, крѣпко обнять, защекотать, ущипнуть его, вообще сдѣлать съ нимъ и съ собой что-нибудь необыкновенное.

Былъ седьмой часъ вечера. Цѣлый день шелъ дождь и теперь разгуливалось. Голубое, какъ горящая сѣра, озеро съ точками лодокъ и ихъ пропадающими слѣдами неподвижно, гладко, какъ будто выпукло разстилалось передъ окнами между разнообразными зелеными берегами, уходило впередъ, сжимаясь между двумя громадными уступами, и, темнѣя, упиралось и исчезало въ нагроможденныхъ другъ на другѣ горахъ, облакахъ и льдинахъ. На первомъ планѣ — мокрые свѣтло-зеленые разбѣгающіеся берега съ тростникомъ, лугами, садами и дачами; далѣе — темно-зеленые поросшіе уступы съ развалинами замковъ; на днѣ — скомканная бѣло-лиловая горная даль съ причудливыми скалистыми и бѣло-матовыми снѣговыми вершинами; и все залитое нѣжною, прозрачною лазурью воздуха и освѣщенное прорвавшимися съ разорваннаго неба жаркими лучами заката. Ни на озерѣ, ни на горахъ, ни на небѣ ни одной цѣльной линіи, ни одного цѣльнаго цвѣта, ни одного одинаковаго момента: вездѣ движеніе, несимметричность, причудливость, безконечная смѣсь и разнообразіе тѣней и линій, и во всемъ спокойствіе, мягкость, единство и необходимость прекраснаго. И тутъ, среди неопредѣленной, запутанной, свободной красоты, передъ самымъ моимъ окномъ, глупо, фокусно торчала бѣлая палка набережной, липки съ подпорками и зеленыя лавочки, бѣдныя, пошлыя людскія произведенія, не утонувшія такъ, какъ дальнія дачи и развалины, въ общей гармоніи красоты, а, напротивъ, грубо противорѣчащія ей. Безпрестанно, невольно мой взглядъ сталкивался съ этою ужасно прямою линіей набережной и мысленно хотѣлъ оттолкнуть, уничтожить ее, какъ черное пятно, которое сидитъ на носу подъ глазомъ; но набережная съ гуляющими англичанами оставалась на мѣстѣ, и я невольно старался найти точку зрѣнія, съ которой бы мнѣ ея было не видно. Я выучился смотрѣть такъ и до обѣда одинъ самъ съ собою наслаждался тѣмъ неполнымъ, но тѣмъ слаще томительнымъ чувствомъ, которое испытываешь при одинокомъ созерцаніи красоты природы.

Въ половинѣ восьмого меня позвали обѣдать. Въ большой, великолѣпно убранной комнатѣ въ нижнемъ этажѣ были накрыты два длинные стола, по крайней мѣрѣ, человѣкъ на сто. Минуты три продолжалось молчаливое движеніе сбора гостей: шуршанье женскихъ платьевъ, легкіе шаги, тихіе переговоры съ учтивѣйшими и изящнѣйшими кельнерами; и всѣ приборы были заняты мужчинами и дамами, весьма красиво, даже богато и вообще необыкновенно чистоплотно одѣтыми. Какъ вообще въ Швейцаріи, большая часть гостей — англичане, и потому главныя черты общаго стола — строгое, закономъ признанное приличіе, несообщительность, основанныя не на гордости, но на отсутствіи потребности сближенія, и одинокое довольство въ удобномъ и пріятномъ удовлетвореніи своихъ потребностей. Со всѣхъ сторонъ блестятъ бѣлѣйшія кружева, бѣлѣйшіе воротнички, бѣлѣйшіе настоящіе и вставные зубы, бѣлѣйшія лица и руки. Но лица, изъ которыхъ многія очень красивы, выражаютъ только сознаніе собственнаго благосостоянія и совершенное отсутствіе вниманія ко всему окружающему, что не прямо относится къ собственной особѣ, и бѣлѣйшія руки съ перстнями и въ митеняхъ движутся только для поправленія воротничковъ, разрѣзыванія говядины и наливанія вина въ стаканы: никакое душевное волненіе не отражается въ ихъ движеніяхъ. Семейства изрѣдка тихимъ голосомъ перекидываются словами о пріятномъ вкусѣ такого-то кушанья или вина и красивомъ видѣ съ горы Риги. Одинокіе путешественники и путешественницы одиноко, молча, сидятъ рядомъ, даже не глядя другъ на друга. Если изрѣдка изъ этихъ ста человѣкъ два разговариваютъ между собой, то навѣрно о погодѣ и восхожденіи на гору Риги. Ножи и вилки чуть слышно двигаются по тарелкамъ, кушаньевъ берется понемногу, горошекъ и овощи ѣдятся непремѣнно вилкой; кельнеры, невольно подчиняясь общей молчаливости, шопотомъ спрашиваютъ о томъ, какого вина прикажете. На такихъ обѣдахъ мнѣ всегда становится тяжело, непріятно и подъ конецъ грустно. Мнѣ все кажется, что я виноватъ въ чемъ-нибудь, что я наказанъ, какъ въ дѣтствѣ, когда за шалость меня сажали на стулъ и иронически говорили: «отдохни, мой любезный!» въ то время какъ въ жилкахъ бьется молодая кровь и въ другой комнатѣ слышны веселые крики братьевъ. Я прежде старался взбунтоваться противъ этого чувства задавленности, которое испытывалъ на такихъ обѣдахъ, но тщетно: всѣ эти мертвыя лица имѣютъ на меня неотразимое вліяніе, и я становлюсь такимъ же мертвымъ. Я ничего не хочу, не думаю, даже не наблюдаю. Сначала я пробовалъ заговаривать съ сосѣдями; но, кромѣ фразъ, которыя, очевидно, повторялись въ стотысячный разъ на томъ же мѣстѣ и въ стотысячный разъ тѣмъ же лицомъ, я не получалъ другихъ отвѣтовъ. И вѣдь всѣ эти люди — не глупые же и не безчувственные, а навѣрное у многихъ изъ этихъ замершихъ людей происходитъ такая же внутренняя жизнь, какъ и во мнѣ, у многихъ гораздо сложнѣе и интереснѣе. Такъ зачѣмъ же они лишаютъ себя одного изъ лучшихъ удовольствій жизни — наслажденія другъ съ другомъ, наслажденія человѣкомъ?

То ли дѣло бывало въ нашемъ парижскомъ пансіонѣ, гдѣ мы, двадцать человѣкъ самыхъ разнообразныхъ націй, профессій и характеровъ, подъ вліяніемъ французской общительности сходились къ общему столу, какъ на забаву. Тамъ сейчасъ съ одного конца стола на другой разговоръ, пересыпанный шуточками и каламбурами, хотя часто и на ломанномъ языкѣ, становился общимъ. Тамъ всякій, не заботясь о томъ, какъ выйдетъ, болталъ, что приходило въ голову; тамъ у насъ были свой философъ, свой спорщикъ, свой bel esprit, свой пластронъ, все было общее. Тамъ тотчасъ послѣ обѣда мы отодвигали столъ и въ тактъ ли, не въ тактъ ли принимались по пыльному ковру танцовать la polka до самаго вечера. Тамъ мы были хоть и кокетливые, не очень умные и почтенные люди, но мы были люди. И испанская графиня съ романическими приключеніями, и итальянскій аббатъ, декламировавшій Божественную Комедію послѣ обѣда, и американскій докторъ, имѣвшій входъ въ Тюльери, и юный драматургъ съ длинными волосами, и піанистка, сочинившая, по собственнымъ словамъ, лучшую польку въ мірѣ, и несчастная красавица-вдова съ тремя перстнями на каждомъ пальцѣ, — мы всѣ по-человѣчески, хотя поверхностно, но пріязненно относились другъ къ другу и унесли другъ отъ друга кто легкія, а кто искреннія, сердечныя воспоминанія. За англійскими же table d'hôt'ами я часто думаю, глядя на всѣ эти кружева, ленты, перстни, помаженные волосы и шелковыя платья, сколько бы живыхъ женщинъ были счастливы и сдѣлали бы другихъ счастливыми этими нарядами. Странно подумать, сколько тутъ друзей и любовниковъ, самыхъ счастливыхъ друзей и любовниковъ, сидятъ рядомъ, можетъ-быть, не зная этого. И, Богъ знаетъ отчего, никогда не узнаютъ этого и никогда не дадутъ другъ другу того счастія, которое такъ легко могутъ дать и котораго имъ такъ хочется.

Мнѣ сдѣлалось грустно, какъ всегда послѣ такихъ обѣдовъ, и, не доѣвъ десерта, въ самомъ невеселомъ расположеніи духа я пошелъ шляться по городу. Узенькія, грязныя улицы безъ освѣщенія, запираемыя лавки, встрѣчи съ пьяными работниками и женщинами, идущими за водой, или въ шляпкахъ, по стѣнамъ, оглядываясь, шмыгающими по переулкамъ, не только не разогнали, но еще усилили мое грустное расположеніе духа. Въ улицахъ уже было совсѣмъ темно, когда я, не оглядываясь кругомъ себя, безъ всякой мысли въ головѣ пошелъ къ дому, надѣясь сномъ избавиться отъ мрачнаго настроенія духа. Мнѣ становилось ужасно душевно холодно, одиноко и тяжко, какъ это случается иногда безъ видимой причины при переѣздахъ на новое мѣсто.

Я, глядя только себѣ подъ ноги, шелъ по набережной къ Швейцергофу, какъ вдругъ меня поразили звуки странной, но чрезвычайно пріятной и милой музыки. Эти звуки мгновенно живительно подѣйствовали на меня. Какъ будто яркій, веселый свѣтъ проникъ въ мою душу. Мнѣ стало хорошо, весело. Заснувшее вниманіе мое снова устремилось на всѣ окружающіе предметы. И красота ночи и озера, къ которымъ я прежде былъ равнодушенъ, вдругъ, какъ новость, отрадно поразили меня. Я невольно въ одно мгновеніе успѣлъ замѣтить и пасмурное, сѣрыми кусками на темной синевѣ, небо, освѣщенное поднимающимся мѣсяцемъ, и темно-зеленое гладкое озеро съ отражающимися въ немъ огоньками, и вдали мглистыя горы, и крики лягушекъ изъ Фрешенбурга, и росистый свѣжій свистъ перепеловъ съ того берега. Прямо же передо мной, съ того мѣста, съ котораго слышались звуки и на которое преимущественно было устремлено мое вниманіе, я увидалъ въ полумракѣ на срединѣ улицы полукругомъ стѣснившуюся толпу народа, а передъ толпой въ нѣкоторомъ разстояніи — крошечнаго человѣчка въ черной одеждѣ. Сзади толпы и человѣчка на темномъ, сѣромъ и синемъ разорванномъ небѣ стройно отдѣлялось нѣсколько черныхъ раинъ сада и величаво возвышались по обѣимъ сторонамъ стариннаго собора два строгіе шпица башенъ.

Я подходилъ ближе, звуки становились яснѣе. Я разбиралъ ясно дальніе, сладко колеблющіеся въ вечернемъ воздухѣ полные аккорды гитары и нѣсколько голосовъ, которые, перебивая другъ друга, не пѣли тему, а кое-гдѣ, выпѣвая самыя выступающія мѣста, давали ее чувствовать. Тема была что-то въ родѣ милой и граціозной мазурки. Голоса казались то близки, то далеки, то слышался теноръ, то басъ, то горловая фистула съ воркующими тирольскими переливами. Это была не пѣсня, а легкій мастерской эскизъ пѣсни. Я не могъ понять, что это такое; но это было прекрасно. Эти сладострастные, слабые аккорды гитары, эта милая, легкая мелодія и эта одинокая фигурка чернаго человѣчка среди фантастической обстановки темнаго озера, просвѣчивающей луны и молчаливо возвышающихся двухъ громадныхъ шпицевъ башенъ и черныхъ раинъ сада, все было странно, но невыразимо прекрасно, или показалось мнѣ такимъ.

Всѣ спутанныя, невольныя впечатлѣнія жизни вдругъ получили для меня значеніе и прелесть. Въ душѣ моей какъ будто распустился свѣжій, благоухающій цвѣтокъ. Вмѣсто усталости, разсѣянія, равнодушія ко всему на свѣтѣ, которыя я испытывалъ за минуту передъ этимъ, я вдругъ почувствовалъ потребность любви, полноты надежды и безпричинную радость жизни. Чего хотѣть, чего желать? сказалось мнѣ невольно, вотъ она, со всѣхъ сторонъ обступаетъ тебя красота и поэзія. Вдыхай ее въ себя широкими, полными глотками, насколько у тебя есть силы, наслаждайся, — чего тебѣ еще надо. Все твое, все благо...

Я подошелъ ближе. Маленькій человѣчекъ былъ, какъ оказалось, странствующій тиролецъ. Онъ стоялъ передъ окнами гостинницы, выставивъ ножку, закинувъ кверху голову, и, бренча на гитарѣ, пѣлъ на разные голоса свою граціозную пѣсню. Я тотчасъ же почувствовалъ нѣжность къ этому человѣку и благодарность за тотъ переворотъ, который онъ произвелъ во мнѣ. Пѣвецъ, сколько я могъ разсмотрѣть, былъ одѣтъ въ старенькій черный сюртукъ, волосы у него были черные, короткіе и на головѣ была самая мѣщанская, простая, старенькая фуражка. Въ одеждѣ его ничего не было артистическаго, но лихая, дѣтски веселая поза и движенія, съ его крошечнымъ ростомъ, составляли трогательное и вмѣстѣ забавное зрѣлище. Въ подъѣздѣ, окнахъ и балконахъ великолѣпно освѣщенной гостинницы стояли блестящія нарядами, широкоюбочныя барыни, господа съ бѣлѣйшими воротничками, швейцаръ и лакей въ золотошитыхъ ливреяхъ; на улицѣ въ полукругѣ толпы и дальше по бульвару между липками собрались и остановились изящно одѣтые кельнеры, повара въ бѣлѣйшихъ колпакахъ и курткахъ, обнявшіяся дѣвицы и гуляющіе. Всѣ, казалось, испытывали то же самое чувство, которое испытывалъ и я. Всѣ молча стояли вокругъ пѣвца и внимательно слушали. Все было тихо, только въ промежуткахъ пѣсни гдѣ-то вдалекѣ равномѣрно по водѣ долеталъ звукъ молота и изъ Фрешенбурга разсыпчатою трелью неслись голоса лягушекъ, перебиваемые влажнымъ, однозвучнымъ свистомъ перепеловъ.

Маленькій человѣчекъ въ темнотѣ среди улицы заливался, какъ соловей, куплетъ за куплетомъ и пѣсня за пѣсней. Несмотря на то, что я подошелъ вплоть къ нему, его пѣніе продолжало доставлять мнѣ большое удовольствіе. Небольшой голосъ его былъ чрезвычайно пріятенъ, нѣжность же, вкусъ и чувство мѣры, съ которыми онъ владѣлъ этимъ голосомъ, были необыкновенны и показывали въ немъ огромное природное дарованіе. Припѣвъ каждаго куплета онъ всякій разъ пѣлъ различно, и видно было, что всѣ эти граціозныя измѣненія свободно, мгновенно приходили ему.

Въ толпѣ, и на верху въ Швейцергофѣ, и внизу на бульварѣ, слышался часто одобрительный шопотъ и царствовало почтительное молчаніе. На балконахъ и въ окнахъ все болѣе и болѣе прибавлялось нарядныхъ, живописно въ свѣтѣ огней дома облокотившихся мужчинъ и женщинъ. Гуляющіе останавливались, и въ тѣни на набережной повсюду кучками около липокъ стояли мужчины и женщины. Около меня, куря сигары, стояли, нѣсколько отдѣлившись отъ всей толпы, аристократическіе лакей и поваръ. Поваръ сильно чувствовалъ прелесть музыки и при каждой высокой фистульной нотѣ восторженно недоумѣвающе подмигивалъ всею головой лакею и толкалъ его локтемъ съ выраженіемъ, говорившимъ: «каково поетъ, а?» Лакей, по распустившейся улыбкѣ котораго я замѣчалъ все имъ испытываемое удовольствіе, на толчки повара отвѣчалъ пожиманіемъ плечъ, показывавшимъ, что его удивить довольно трудно, и что онъ слыхалъ многое получше этого.

Въ промежуткѣ пѣсни, когда пѣвецъ прокашливался, я спросилъ у лакея, кто онъ такой и часто ли сюда приходитъ.

— Да въ лѣто раза два приходитъ, — отвѣчалъ лакей, — онъ изъ Арговіи. Такъ, нищенствуетъ.

— А что, много ихъ такихъ ходитъ? — спросилъ я.

— Да, да, — отвѣчалъ лакей, не понявъ сразу того, о чемъ я спрашивалъ, но, разобравъ уже потомъ мой вопросъ, прибавилъ: — о, нѣтъ! Здѣсь я только одного его видаю. Больше нѣту.

Въ это время маленькій человѣчекъ кончилъ первую пѣсню, бойко перевернулъ гитару и сказалъ что-то про себя на своемъ нѣмецкомъ patois, чего я не могъ понять, но что произвело хохотъ въ окружающей толпѣ.

— Что это онъ говоритъ? — спросилъ я.

— Говоритъ, что горло пересохло, выпилъ бы вина, — перевелъ мнѣ лакей, стоявшій подлѣ меня.

— А что, онъ вѣрно любитъ пить?

— Да это всѣ люди такіе, — отвѣчалъ лакей, улыбнувшись и махнувъ на него рукой.

Пѣвецъ снялъ фуражку и, размахнувъ гитарой, приблизился къ дому. Закинувъ голову, онъ обратился къ господамъ, стоявшимъ у оконъ и на балконахъ: «Messieurs et mesdames, — сказалъ онъ полуитальянскимъ, полунѣмецкимъ акцентомъ и съ тѣми интонаціями, съ которыми фокусники обращаются къ публикѣ, — si vous croyez que je gagne quelque chose, vous vous trompez; je ne suis qu'un pauvre tiaple». Онъ остановился, помолчалъ немного; но такъ какъ никто ему ничего не далъ, онъ снова вскинулъ гитару и сказалъ: «A présent, messieurs et mesdames, je vous chanterai l'air du Righi». Наверху публика молчала, но продолжала стоять въ ожиданіи слѣдующей пѣсни, внизу въ толпѣ засмѣялись, должно-быть, тому, что онъ такъ странно выражался, и тому, что ему ничего не дали. Я далъ ему нѣсколько сантимовъ, онъ ловко перекинулъ ихъ изъ руки въ руку, засунулъ въ карманъ жилета и, надѣвъ фуражку, снова началъ пѣть граціозную, милую тирольскую пѣсенку, которую онъ называлъ l'air du Righi. Эта пѣсня, которую онъ оставлялъ для заключенія, была еще лучше всѣхъ прежнихъ, и со всѣхъ сторонъ въ увеличившейся толпѣ слышались звуки одобренія. Онъ кончилъ. Снова онъ размахнулъ гитарой, снялъ фуражку, выставилъ ее впередъ себя, на два шага приблизился къ окнамъ и снова сказалъ свою непонятную фразу: «Messieurs et mesdames, si vous croyez que je gagne quelque chose», которую онъ, видно, считалъ очень ловкою и остроумною, но въ голосѣ и движеніяхъ его я замѣтилъ теперь нѣкоторую нерѣшительность и дѣтскую робость, которыя были особенно поразительны съ его маленькимъ ростомъ. Элегантная публика все такъ же живописно въ свѣтѣ огней стояла на балконахъ и въ окнахъ, блестя богатыми одеждами; нѣкоторые умѣренно-приличнымъ голосомъ разговаривали между собой, очевидно, про пѣвца, который съ вытянутою рукой стоялъ передъ ними; другіе внимательно, съ любопытствомъ смотрѣли внизъ на эту маленькую черную фигурку; на одномъ балконѣ послышался звучный и веселый смѣхъ молодой дѣвушки. Въ толпѣ внизу громче и громче слышался говоръ и посмѣиваніе. Пѣвецъ въ третій разъ повторилъ свою фразу, но еще слабѣйшимъ голосомъ, и даже не докончилъ ея, и снова вытянулъ руку съ фуражкой, но тотчасъ же и опустилъ ее. И во второй разъ изъ этихъ сотни блестяще одѣтыхъ людей, столпившихся слушать его, ни одинъ не бросилъ ему копейки. Толпа безжалостно захохотала. Маленькій пѣвецъ, какъ мнѣ показалось, сдѣлался еще меньше, взялъ въ другую руку гитару, поднялъ надъ головой фуражку и сказалъ: «Messieurs et mesdames, je vous remercie et je vous souhaite une bonne nuit», и надѣлъ фуражку. Толпа загоготала отъ радостнаго смѣха. Съ балконовъ стали понемногу скрываться красивые мужчины и дамы, спокойно разговаривая между собой. На бульварѣ снова возобновилось гулянье. Молчаливая во время пѣнія улица снова оживилась, нѣсколько человѣкъ только, не подходя къ нему, смотрѣли издалека на пѣвца и смѣялись. Я слышалъ, какъ маленькій человѣкъ что-то проговорилъ себѣ подъ носъ, повернулся и, какъ будто сдѣлавшись еще меньше, скорыми шагами пошелъ къ городу. Веселые гуляки, смотрѣвшіе на него, все такъ же въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали за нимъ и смѣялись...

Я совсѣмъ растерялся, не понималъ, что это все значитъ и, стоя на одномъ мѣстѣ, безсмысленно смотрѣлъ въ темноту на удалявшагося крошечнаго человѣка, который, растягивая большіе шаги, быстро шелъ къ городу, и на смѣющихся гулякъ, которые слѣдовали за нимъ. Мнѣ сдѣлалось больно, горько и главное стыдно за маленькаго человѣка, за толпу, за себя, какъ будто бы я просилъ денегъ, мнѣ ничего не дали и надо мною смѣялись. Я тоже, не оглядываясь, съ защемленнымъ сердцемъ, скорыми шагами пошелъ къ себѣ домой на крыльцо Швейцергофа. Я не отдавалъ еще себѣ отчета въ томъ, что испытывалъ; только что-то тяжелое, неразрѣшившееся наполняло мнѣ душу и давило меня.

На великолѣпномъ, освѣщенномъ подъѣздѣ мнѣ встрѣтился учтиво сторонившійся швейцаръ и англійское семейство. Плотный, красивый и высокій мужчина съ черными англійскими бакенбардами, въ черной шляпѣ и съ пледомъ на рукѣ, въ которой онъ держалъ богатую трость, лѣниво, самоувѣренно шелъ подъ руку съ дамой въ дикомъ шелковомъ платьѣ, въ чепцѣ съ блестящими лентами и прелестнѣйшихъ кружевахъ. Рядомъ съ ними шла хорошенькая, свѣженькая барышня въ граціозной швейцарской шляпѣ съ перомъ à la mousquetaire, изъ-подъ которой вокругъ ея бѣленькаго личика падали мягкія, длинныя, свѣтлорусыя букли. Впереди подпрыгивала десятилѣтняя румяная дѣвочка, съ полными, бѣлыми колѣнками, виднѣвшимися изъ-подъ тончайшихъ кружевъ.

— Прелестная ночь, — сказала дама сладкимъ, счастливымъ голосомъ, въ то время, какъ я проходилъ.

— Ohe! — промычалъ лѣниво англичанинъ, которому, видимо, было такъ хорошо жить на свѣтѣ, что и говорить не хотѣлось. И всѣмъ имъ, казалось, такъ было спокойно, удобно, чисто и легко жить на свѣтѣ, такое въ ихъ движеніяхъ и лицахъ выражалось равнодушіе ко всякой чужой жизни и такая увѣренность въ томъ, что швейцаръ имъ посторонится и поклонится, и что, воротясь, они найдутъ чистую, покойную постель и комнаты, и что все это должно быть, и что на все это они имѣютъ право, — что я вдругъ невольно противопоставилъ имъ странствующаго пѣвца, который, усталый, можетъ-быть, голодный, со стыдомъ убѣгалъ теперь отъ смѣющейся толпы, — понялъ, что̀ такимъ тяжелымъ камнемъ давило мнѣ сердце, и почувствовалъ невыразимую злобу на этихъ людей. Я два раза прошелъ туда и назадъ мимо англичанина, съ невыразимымъ наслажденіемъ оба раза, не сторонясь ему, толкнувъ его локтемъ, и, спустившись съ подъѣзда, побѣжалъ въ темнотѣ по направленію къ городу, куда скрылся маленькій человѣкъ.

Догнавъ трехъ человѣкъ, шедшихъ вмѣстѣ, я спросилъ у нихъ, гдѣ пѣвецъ; они, смѣясь, указали мнѣ его впереди. Онъ шелъ одинъ, скорыми шагами, никто не приближался къ нему, онъ все что-то, какъ мнѣ показалось, сердито бормоталъ себѣ подъ носъ. Я поравнялся съ нимъ и предложилъ ему пойти куда-нибудь вмѣстѣ выпить бутылку вина. Онъ шелъ все такъ же скоро и недовольно оглянулся на меня; но, разобравъ, въ чемъ дѣло, остановился.

— Что-жъ, я не откажусь, ежели вы такъ добры, — сказалъ онъ. — Вотъ тутъ есть маленькое кафэ, тутъ зайти можно — простенькое, — прибавилъ онъ, указывая на распивочную лавочку, которая была еще отворена.

Его слово: простенькое, невольно навело меня на мысль не идти въ простенькое кафэ, а идти въ Швейцергофъ, туда, гдѣ были тѣ, которые его слушали. Несмотря на то, что онъ съ робкимъ волненіемъ нѣсколько разъ отказывался отъ Швейцергофа, говоря, что тамъ слишкомъ нарядно, я настоялъ на своемъ, и онъ, притворяясь уже, что нисколько не смущенъ, весело размахивая гитарой, пошелъ со мной назадъ по набережной. Нѣсколько праздныхъ гулякъ, какъ только я подошелъ къ пѣвцу, пододвинулись, прислушались къ тому, что я говорилъ, и теперь, разсуждая между собой, пошли за нами до самаго подъѣзда, ожидая вѣрно отъ тирольца еще какого-нибудь представленія.

Я спросилъ бутылку вина у кельнера, который встрѣтился мнѣ въ сѣняхъ. Кельнеръ, улыбаясь, посмотрѣлъ на насъ и, ничего не отвѣтивъ, пробѣжалъ мимо. Старшій кельнеръ, къ которому я обратился съ тою же просьбой, серьезно выслушалъ меня и, оглядѣвъ съ ногъ до головы робкую, маленькую фигуру пѣвца, строго сказалъ швейцару, чтобы насъ провели въ залу налѣво. Зала налѣво была распивочная комната для простого народа. Въ углу этой комнаты горбатая служанка мыла посуду, и вся мебель состояла изъ деревянныхъ голыхъ столовъ и лавокъ. Кельнеръ, который пришелъ служить намъ, поглядывая на насъ съ кроткою насмѣшливою улыбкой и засунувъ руки въ карманы, переговаривался о чемъ-то съ горбатою судомойкой. Онъ, видимо, старался дать намъ замѣтить, что, чувствуя себя по общественному положенію и достоинствамъ неизмѣримо выше пѣвца, ему не только не обидно, но истинно забавно служить намъ.

— Простого вина прикажете? — сказалъ онъ съ знающимъ видомъ, подмигивая мнѣ на моего собесѣдника и изъ руки въ руку перекидывая салфетку.

— Шампанскаго и самаго лучшаго, — сказалъ я, стараясь принять самый гордый и величественный видъ. Но ни шампанское, ни мой будто бы гордый и величественный видъ не подѣйствовали на лакея: онъ усмѣхнулся, постоялъ немножко, глядя на насъ, не торопясь посмотрѣлъ на золотые часы и тихими шагами, какъ бы прогуливаясь, вышелъ изъ комнаты. Скоро онъ возвратился съ виномъ и еще двумя лакеями. Два изъ нихъ сѣли около судомойки и съ веселою внимательностью и кроткою улыбкой на лицахъ любовались на насъ, какъ любуются родители на милыхъ дѣтей, когда они мило играютъ. Одна только горбатая судомойка, казалось, не насмѣшливо, а съ участіемъ смотрѣла на насъ. Хотя мнѣ было и очень тяжело и неловко подъ огнемъ этихъ лакейскихъ глазъ бесѣдовать съ пѣвцомъ и угощать его, я старался дѣлать свое дѣло сколь возможно независимо. При огнѣ я его разсмотрѣлъ лучше. Это былъ крошечный, пропорціонально сложенный, жилистый человѣкъ, почти карликъ, со щетинистыми черными волосами, всегда плачущими, большими черными глазами, лишенными рѣсницъ, и чрезвычайно пріятнымъ, умильно сложеннымъ ротикомъ. У него были маленькіе бакенбарды, волосы были не длинны, одежда была самая простая и бѣдная. Онъ былъ нечистъ, оборванъ, загорѣлъ и вообще имѣлъ видъ трудового человѣка. Онъ скорѣе былъ похожъ на бѣднаго торговца, чѣмъ на артиста. Только въ постоянно влажныхъ, блестящихъ глазахъ и собранномъ ротикѣ было что-то оригинальное и трогательное. На видъ ему можно было дать отъ двадцати пяти до сорока лѣтъ; дѣйствительно же ему было тридцать восемь.

Вотъ что онъ съ добродушною готовностью и очевидною искренностью разсказалъ про свою жизнь. Онъ изъ Арговіи. Въ дѣтствѣ еще онъ потерялъ отца и мать; другихъ родныхъ у него нѣтъ. Состоянія онъ никогда не имѣлъ никакого. Онъ обучался столярному мастерству, но двадцать два года тому назадъ у него сдѣлался костоѣдъ въ рукѣ, лишившій его возможности работать. Онъ съ дѣтства имѣлъ охоту къ пѣнію и сталъ пѣть. Иностранцы давали ему изрѣдка деньги. Онъ сдѣлалъ изъ этого профессію, купилъ гитару, и вотъ восемнадцатый годъ странствуетъ по Швейцаріи и Италіи, распѣвая передъ гостинницами. Весь его багажъ — гитара и кошелекъ, въ которомъ у него теперь было только полтора франка, которые онъ долженъ проспать и проѣсть нынче же вечеромъ. Онъ каждый годъ, уже восемнадцать разъ, проходитъ всѣ лучшія, наиболѣе посѣщаемыя мѣста въ Швейцаріи: Цюрихъ, Люцернъ, Интерлакенъ, Шамуни и т. д.; черезъ St.-Bernard проходитъ въ Италію и возвращается черезъ St.-Gotard или черезъ Савойю. Теперь ему тяжело становится ходить, потому что отъ простуды онъ чувствуетъ, что боль въ ногахъ, которую онъ называетъ глидерзухтъ, съ каждымъ годомъ усиливается, и что глаза и голосъ его становятся слабѣе. Несмотря на это, онъ теперь отправляется въ Интерлакенъ, Aix-les-Bains и черезъ малый St.-Bernard въ Италію, которую онъ особенно любитъ; вообще, какъ кажется, онъ очень доволенъ своею жизнью. Когда я спросилъ у него, зачѣмъ онъ возвращается домой, есть ли у него тамъ родные или домъ и земля, ротикъ его, какъ будто на сборкахъ, собрался въ веселую улыбочку, и онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Oui, le sucre est bon, il est doux pour les enfants! — и подмигнулъ на лакеевъ.

Я ничего не понялъ, но въ лакейской группѣ засмѣялись.

— Ничего нѣтъ, а то развѣ я бы сталъ ходить такъ, — объяснилъ онъ мнѣ, — а прихожу домой потому, что все-таки какъ-то тянетъ къ себѣ на родину.

И онъ еще разъ съ хитро-самодовольною улыбкой повторилъ фразу: «Oui, le sucre est bon», и добродушно разсмѣялся. Лакеи очень были довольны и хохотали, одна горбатая судомойка большими, добрыми глазами серьезно смотрѣла на маленькаго человѣчка и подняла ему шапку, которую онъ во время разговора уронилъ съ лавки. Я замѣчалъ, что странствующіе пѣвцы, акробаты, даже фокусники любятъ называть себя артистами, и потому нѣсколько разъ намекалъ своему собесѣднику на то, что онъ артистъ, но онъ вовсе не признавалъ за собой этого качества, а весьма просто, какъ на средство къ жизни, смотрѣлъ на свое дѣло. Когда я спросилъ у него, не самъ ли онъ сочиняетъ пѣсни, которыя поетъ, онъ удивился такому странному вопросу и отвѣчалъ, что куда ему, это все старинныя тирольскія пѣсни.

— А какъ же, пѣсня Риги, я думаю, не старинная? — сказалъ я.

— Да, это лѣтъ пятнадцать тому назадъ сочинена. Былъ одинъ нѣмецъ въ Базелѣ, умнѣйшій былъ человѣкъ, это онъ сочинилъ ее. Отличная пѣсня! Это, видите, онъ для путешественниковъ сочинилъ.

И онъ началъ мнѣ, переводя по-французски, разсказывать слова пѣсни Риги, которая ему очень нравилась:

Коли хочешь идти на Риги,
До Вегиса не нужно башмаковъ
(Потому что на пароходѣ ѣдутъ),
А отъ Вегиса возьми большую палку,
Да еще подъ руку возьми дѣвицу,
Да зайди выпить стаканчикъ вина,
Только пей не слишкомъ много,
Потому что тотъ, кто хочетъ пить,
Долженъ заслужить прежде...

— О, отличная пѣсня! — заключилъ онъ.

Лакеи находили, вѣроятно, эту пѣсню весьма хорошей, потому что приблизились къ намъ.

— Ну, а музыку кто же сочинялъ? — спросилъ я.

— Да никто, это такъ, знаете, чтобы пѣть для иностранцевъ, надо что-нибудь новенькое.

Когда намъ принесли льду, и я налилъ моему собесѣднику стаканъ шампанскаго, ему, видимо, стало неловко, и онъ, оглядываясь на лакеевъ, поворачивался на своей лавкѣ. Мы чокнулись за здоровье артистовъ; онъ отпилъ полстакана и нашелъ нужнымъ задуматься и глубокомысленно повести бровями.

— Давно я не пилъ такого вина, je ne vous dis que ça. Въ Италіи вино d'Asti хорошо, но это еще лучше. Ахъ, Италія! славно тамъ быть! — прибавилъ онъ.

— Да, тамъ умѣютъ цѣнить музыку и артистовъ, — сказалъ я, желая навести его на вечернюю неудачу передъ Швейцергофомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — тамъ насчетъ музыки я никому не могу удовольствія доставить. Итальянцы — сами музыканты, какихъ нѣтъ на свѣтѣ; но я только насчетъ тирольскихъ пѣсенъ. Это имъ все-таки новость.

— Что-жъ, тамъ щедрѣе господа? — продолжалъ я, желая его заставить раздѣлить мою злобу на обитателей Швейцергофа. — Тамъ не случится такъ, какъ здѣсь, чтобы изъ огромнаго отеля, гдѣ богачи живутъ, сто человѣкъ бы слушали артиста и ничего бы ему не дали?

Мой вопросъ подѣйствовалъ совсѣмъ не такъ, какъ я ожидалъ. Онъ и не думалъ негодовать на нихъ; напротивъ, въ моемъ замѣчаніи онъ видѣлъ упрекъ своему таланту, который не вызвалъ награды, и старался оправдаться передо мной.

— Не всякій разъ много получишь, — отвѣчалъ онъ. — Иногда и голосъ пропадетъ, устанешь, вѣдь я нынче девять часовъ прошелъ и пѣлъ цѣлый день почти. Оно трудно. А важные господа аристократы, имъ иногда и не хочется слушать тирольскія пѣсни.

— Все-таки, какъ же ничего не дать? — повторилъ я.

Онъ не понялъ моего замѣчанія.

— Не то, — сказалъ онъ: — а здѣсь главное on est très serré pour la police, вотъ что. Здѣсь по этимъ республиканскимъ законамъ вамъ не позволяютъ пѣть, а въ Италіи вы можете ходить сколько хотите, никто вамъ слова не скажетъ. Здѣсь ежели захотятъ вамъ позволить, то позволятъ, а не захотятъ, то васъ въ тюрьму посадить могутъ.

— Какъ, неужели?

— Да. Ежели вамъ разъ замѣтятъ, а вы будете еще пѣть, васъ могутъ въ тюрьму посадить. Я ужъ просидѣлъ три мѣсяца, — сказалъ онъ, улыбаясь, какъ будто это было одно изъ самыхъ пріятныхъ его воспоминаній.

— Ахъ, это ужасно! — сказалъ я. — За что же?

— Это такъ у нихъ по новымъ законамъ республики, — продолжалъ онъ, одушевляясь. — Они этого не хотятъ разсудить, что надо, чтобъ и бѣднякъ жилъ какъ-нибудь. Ежели бы я былъ не калѣка, я бы работалъ. А что я пою, такъ развѣ я кому-нибудь вредъ этимъ дѣлаю? Что-жъ это такое? богатымъ жить можно, какъ хотятъ, а un pauvre tiaple, какъ я, ужъ и жить не можетъ? Что-жъ это за законы республики? Коли такъ, то мы не хотимъ республики, не такъ ли, милостивый государь? Мы не хотимъ республики, а мы хотимъ... мы хотимъ просто... мы хотимъ... — онъ замялся немного: — мы хотимъ натуральные законы.

Я подлилъ еще ему въ стаканъ.

— Вы не пьете, — сказалъ я ему.

Онъ взялъ въ руку стаканъ и поклонился мнѣ.

— Я знаю, что̀ вы хотите, — сказалъ онъ, прищуривая глазъ и грозя мнѣ пальцемъ: — вы хотите подпоить меня, посмотрѣть, что̀ изъ меня будетъ; но нѣтъ, это вамъ не удастся.

— Зачѣмъ же мнѣ васъ напоить? — сказалъ я: — я только желалъ бы вамъ сдѣлать удовольствіе.

Ему, вѣрно, жалко стало, что онъ обидѣлъ меня, дурно объяснивъ мое намѣреніе, онъ смутился, привсталъ и пожалъ меня за локоть.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ онъ, съ умоляющимъ выраженіемъ глядя на меня своими влажными глазами, — я такъ только шучу.

И вслѣдъ за этимъ онъ произнесъ какую-то ужасно запутанную, хитрую фразу, долженствовавшую означать, что я все-таки добрый малый.

— Je ne vous dis que ça! — заключилъ онъ.

Такимъ образомъ мы продолжали пить и бесѣдовать съ пѣвцомъ, а лакеи продолжали, не стѣсняясь, любоваться нами и, кажется, подтрунивать. Несмотря на интересъ моего разговора, я не могъ не замѣчать ихъ и, признаюсь, сердился все больше и больше. Одинъ изъ нихъ привсталъ, подошелъ къ маленькому человѣчку и, глядя ему въ маковку, сталъ улыбаться. У меня ужъ былъ готовый запасъ злобы на обитателей Швейцергофа, который я не успѣлъ еще сорвать ни на комъ, и теперь, признаюсь, эта лакейская публика такъ и по̀дмывала меня. Швейцаръ, не снимая фуражки, вошелъ въ комнату и, облокотившись на столъ, сѣлъ подлѣ меня. Это послѣднее обстоятельство, задѣвъ мое самолюбіе или тщеславіе, окончательно взорвало меня и дало исходъ той давившей злобѣ, которая весь вечеръ собиралась во мнѣ. Зачѣмъ у подъѣзда, когда я одинъ, онъ мнѣ униженно кланяется, а теперь, потому что я сижу со странствующимъ пѣвцомъ, онъ грубо разсаживается рядомъ со мной? Я совсѣмъ озлился тою кипящею злобой негодованія, которую я люблю въ себѣ, возбуждаю даже, когда на меня находитъ, потому что она успокоительно дѣйствуетъ на меня и даетъ мнѣ хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергію и силу всѣхъ физическихъ и моральныхъ способностей.

Я вскочилъ съ мѣста.

— Чему вы смѣетесь? — закричалъ я на лакея, чувствуя, какъ лицо мое блѣднѣетъ и губы невольно подергиваются.

— Я не смѣюсь, я такъ, — отвѣчалъ лакей, отступая отъ меня.

— Нѣтъ, вы смѣетесь надъ этимъ господиномъ. И какое право вы имѣете тутъ быть и сидѣть здѣсь, когда тутъ гости? Не смѣть сидѣть! — закричалъ я.

Швейцаръ, ворча что-то, всталъ и отодвинулся къ двери.

— Какое вы имѣете право смѣяться надъ этимъ господиномъ и сидѣть съ нимъ рядомъ, когда онъ гость, а вы лакей? Отчего вы не смѣялись надо мной нынче за обѣдомъ и не садились со мной рядомъ? Оттого, что онъ бѣдно одѣтъ и поетъ на улицѣ? отъ этого? а на мнѣ хорошее платье. Онъ бѣденъ, но въ тысячу разъ лучше васъ, въ этомъ я увѣренъ, потому что онъ никого не оскорбилъ, а вы оскорбляете его.

— Да я ничего, что̀ вы, — робко отвѣчалъ мой врагъ-лакей. — Развѣ я мѣшаю ему сидѣть?

Лакей не понималъ меня, и моя нѣмецкая рѣчь пропадала даромъ. Грубый швейцаръ вступился было за лакея, но я напалъ на него такъ стремительно, что швейцаръ притворился, что тоже не понимаетъ меня, и махнулъ рукой. Горбатая судомойка, замѣтивъ ли мое разгоряченное состояніе и боясь скандала или раздѣляя мое мнѣніе, приняла мою сторону и, стараясь стать между мной и швейцаромъ, уговаривала его молчать, говоря, что я правъ, а меня просила успокойться. «Der Herr hat Recht; Sie haben Recht», твердила она. Пѣвецъ представлялъ самое жалкое, испуганное лицо и, видимо, не понимая, изъ чего я горячусь и чего я хочу, просилъ меня уйти поскорѣе отсюда. Но во мнѣ все больше и больше разгоралась злобная словоохотливость. Я все припомнилъ: и толпу, которая смѣялась надъ нимъ, и слушателей, ничего не давшихъ ему, и ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ успокоиться. Я думаю, что если бы кельнеры и швейцаръ не были такъ уклончивы, я бы съ наслажденіемъ подрался съ ними или палкой по головѣ прибилъ бы беззащитную англійскую барышню. Если бы въ эту минуту я былъ въ Севастополѣ, я бы съ наслажденіемъ бросился колоть и рубить въ англійскую траншею.

— И отчего вы провели меня съ этимъ господиномъ въ эту, а не въ ту залу? а? — допрашивалъ я швейцара, ухвативъ его за руку, съ тѣмъ чтобъ онъ не ушелъ отъ меня. — Какое вы имѣли право по виду рѣшать, что этотъ господинъ долженъ быть въ этой, а не въ той залѣ? Развѣ, кто платитъ, не всѣ равны въ гостинницахъ? Не только въ республикѣ, но во всемъ мірѣ? Паршивая ваша республика!... Вотъ оно равенство. Англичанъ вы бы не смѣли провести въ эту комнату, тѣхъ самыхъ англичанъ, которые даромъ слушали этого господина, то-есть украли у него каждый по нѣскольку сантимовъ, которые должны были дать ему. Какъ вы смѣли указать эту залу?

— Та зала заперта, — отвѣчалъ швейцаръ.

— Нѣтъ, — закричалъ я, — неправда, не заперта зала.

— Такъ вы лучше знаете.

— Знаю, знаю, что вы лжете.

Швейцаръ повернулся плечомъ прочь отъ меня.

— Э, что̀ говорить! — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не «что̀ говорить», — закричалъ я, — а ведите меня сію минуту въ залу.

Несмотря на увѣщанія горбуньи и просьбы пѣвца идти лучше по домамъ, я потребовалъ оберъ-кельнера и пошелъ въ залу вмѣстѣ съ моимъ собесѣдникомъ. Оберъ-кельнеръ, услыхавъ мой озлобленный голосъ и увидавъ мое взволнованное лицо, не сталъ спорить и съ презрительною учтивостью сказалъ, что я могу идти, куда мнѣ угодно. Я не могъ доказать швейцару его лжи, потому что онъ скрылся еще прежде, чѣмъ я вошелъ въ залу.

Зала была дѣйствительно отперта, освѣщена, и за однимъ изъ столовъ сидѣли, ужиная, англичанинъ съ дамой. Несмотря на то, что намъ указывали особый столъ, я съ грязнымъ пѣвцомъ подсѣлъ къ самому англичанину и велѣлъ сюда подать намъ неконченную бутылку.

Англичане сначала удивленно, потомъ озлобленно посмотрѣли на маленькаго человѣчка, который ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ подлѣ меня; они что-то сказали между собой, она оттолкнула тарелку, зашумѣла шелковымъ платьемъ, и оба скрылись. За стеклянными дверьми я видѣлъ, какъ англичанинъ что-то озлобленно говорилъ кельнеру, безпрестанно указывая рукой по нашему направленію. Кельнеръ высунулся въ дверь и взглянулъ въ нее. Я съ радостью ожидалъ, что придутъ выводить насъ и можно будетъ, наконецъ, вылить на нихъ все свое негодованіе. Но, къ счастію, хотя это тогда мнѣ было непріятно, насъ оставили въ покоѣ.

Пѣвецъ, прежде отказывавшійся отъ вина, теперь торопливо допилъ все, что оставалось въ бутылкѣ, съ тѣмъ чтобы только поскорѣе выбраться отсюда. Однако онъ съ чувствомъ, какъ мнѣ показалось, отблагодарилъ меня за угощенье. Плачущіе глаза его сдѣлались еще болѣе плачущими и блестящими, и онъ сказалъ мнѣ самую странную, запутанную фразу благодарности. Но все-таки эта фраза, въ которой онъ говорилъ, что ежели бы всѣ такъ уважали артистовъ, какъ я, то ему было бы хорошо, и что онъ желаетъ мнѣ всякаго счастія, была мнѣ очень пріятна. Мы вмѣстѣ съ нимъ вышли въ сѣни. Тутъ стояли лакеи и мой врагъ швейцаръ, кажется, жаловавшійся имъ на меня. Всѣ они, кажется, смотрѣли на меня, какъ на умалишеннаго. Я далъ маленькому человѣчку поравняться со всею этою публикой и тутъ со всею почтительностью, которую только въ состояніи выразить въ своей особѣ, я снялъ шляпу и пожалъ ему руку съ закостенѣлымъ отсохшимъ пальцемъ. Лакеи сдѣлали видъ, какъ будто не обращаютъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Только одинъ изъ нихъ засмѣялся сардоническимъ смѣхомъ.

Когда пѣвецъ, раскланиваясь, скрылся въ темнотѣ, я пошелъ къ себѣ наверхъ, желая заспать всѣ эти впечатлѣнія и глупую дѣтскую злобу, которая такъ неожиданно нашла на меня. Но, чувствуя себя слишкомъ взволнованнымъ для сна, я опять пошелъ на улицу, съ тѣмъ чтобы ходить до тѣхъ поръ, пока успокоюсь и, признаюсь, кромѣ того, въ смутной надеждѣ, что найдется случай сцѣпиться со швейцаромъ, лакеемъ или англичаниномъ и доказать имъ всю ихъ жестокость и главное несправедливость. Но, кромѣ швейцара, который, увидавъ меня, повернулся ко мнѣ спиной, я никого не встрѣтилъ и одинъ-одинешенекъ сталъ взадъ и впередъ ходить по набережной.

«Вотъ она, странная судьба поэзіи, — разсуждалъ я, успокоившись немного. Всѣ любятъ, ищутъ ее, одну ее желаютъ и ищутъ въ жизни, и никто не признаетъ ея силы, никто не цѣнитъ этого лучшаго блага міра, не цѣнитъ и не благодаритъ тѣхъ, которые даютъ его людямъ. Спросите у кого хотите, у всѣхъ этихъ обитателей Швейцергофа, что̀ лучшее благо въ мірѣ? и всѣ или девяносто девять на сто, принявъ сардоническое выраженіе, скажутъ вамъ, что лучшее благо міра — деньги. «Можетъ-быть, мысль эта вамъ не нравится и не сходится съ вашими возвышенными идеями, — скажетъ онъ, — но что же дѣлать, ежели жизнь человѣческая такъ устроена, что однѣ деньги составляютъ счастіе человѣка. Я не могъ не позволить моему уму видѣть свѣтъ, какъ онъ есть, — прибавитъ онъ, — то-есть видѣть правду». Жалкій твой умъ, жалкое то счастіе, котораго ты желаешь, и несчастное ты созданіе, само не знающее, чего тебѣ надобно... Зачѣмъ вы всѣ покинули свое отечество, родныхъ, занятія и денежныя дѣла и столпились въ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ Люцернѣ? Зачѣмъ вы всѣ нынче вечеромъ высыпали на балконы и въ почтительномъ молчаніи слушали пѣсню маленькаго нищаго? И ежели бы онъ захотѣлъ пѣть еще, еще бы молчали и слушали. Что, за деньги, хоть за милліоны, васъ можно бы было всѣхъ выгнать изъ отечества и собрать въ маленькомъ уголкѣ Люцернѣ? За деньги васъ можно бы было всѣхъ собрать на балконахъ и въ продолженіе получаса заставить стоять молчаливо и неподвижно? Нѣтъ! А заставляетъ васъ дѣйствовать одно, и вѣчно будетъ двигать сильнѣе всѣхъ другихъ двигателей жизни, потребность поэзіи, которую не сознаете, но чувствуете и вѣкъ будете чувствовать, пока въ васъ останется что-нибудь человѣческое. Слово «поэзія» вамъ смѣшно, вы употребляете его въ видѣ насмѣшливаго упрека, вы допускаете любовь къ поэтическому нешто въ дѣтяхъ и глупыхъ барышняхъ, и то вы надъ ними смѣетесь; для васъ же нужно положительное. Да дѣти-то здраво смотрятъ на жизнь; они любятъ и знаютъ то, что долженъ любить человѣкъ, и то, что даетъ счастіе, а васъ жизнь до того запутала и развратила, что вы смѣетесь надъ тѣмъ, что одно любите, и ищете одного того, что ненавидите и что дѣлаетъ ваше несчастіе. Вы такъ запутались, что не понимаете того обязательства, которое вы имѣете передъ бѣднымъ тирольцемъ, доставившимъ вамъ чистое наслажденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаете себя обязанными даромъ, безъ пользы и удовольствія унижаться передъ лордомъ и зачѣмъ-то жертвовать ему своимъ спокойствіемъ и удобствомъ. Что за вздоръ, что за неразрѣшимая безсмыслица! Но не это сильнѣе всего поразило меня нынче вечеромъ. Это невѣдѣніе того, что даетъ счастіе, эту безсознательность поэтическихъ наслажденій я почти понимаю или привыкъ къ ней, встрѣчавши ее часто въ жизни: грубая безсознательная жестокость толпы тоже была для меня не новость; что бы ни говорили защитники народнаго смысла, толпа есть соединеніе хотя бы и хорошихъ людей, но соприкасающихся только животными, гнусными сторонами и выражающая только слабость и жестокость человѣческой природы. Но какъ вы, дѣти свободнаго, человѣчнаго народа, вы, христіане, вы, просто люди, на чистое наслажденіе, которое вамъ доставилъ несчастный, просящій человѣкъ, отвѣтили холодностью и насмѣшкой? Но нѣтъ, въ вашемъ отечествѣ есть пріюты для нищихъ. — Нищихъ нѣтъ, ихъ не должно быть, и не должно быть чувства состраданія, на которомъ основано нищенство. — Но онъ трудился, онъ радовалъ васъ, онъ умолялъ васъ дать ему что-нибудь отъ вашего излишка за свой трудъ, которымъ вы воспользовались. А вы съ холодною улыбкой наблюдали его, какъ рѣдкость, изъ своихъ высокихъ блестящихъ палатъ, и изъ сотни васъ, счастливыхъ, богатыхъ, не нашлось ни одного, ни одной, которая бы бросила ему что-нибудь! Пристыженный, онъ пошелъ прочь отъ васъ, и безсмысленная толпа, смѣясь, преслѣдовала и оскорбляла не васъ, а его за то, что вы холодны, жестоки и безчестны;

за то, что вы украли у него наслажденіе, которое онъ вамъ доставилъ, за это *его* оскорбляли.

«Седьмого іюля 1857 г. въ Люцернѣ передъ отелемъ Швейцергофомъ, въ которомъ останавливаются самые богатые люди, странствующій нищій-пѣвецъ въ продолженіе получаса пѣлъ пѣсни и игралъ на гитарѣ. Около ста человѣкъ слушали его. Пѣвецъ три раза просилъ всѣхъ дать ему что-нибудь. Ни одинъ человѣкъ не далъ ему ничего, и многіе смѣялись надъ нимъ».

Это не выдумка, а фактъ положительный, который могутъ изслѣдовать тѣ, которые хотятъ, у постоянныхъ жителей Швейцергофа, справившись по газетамъ, кто были иностранцы, занимавшіе Швейцергофъ 7 іюля.

Вотъ событіе, которое историки нашего времени должны записать огненными, неизгладимыми буквами. Это событіе значительнѣе, серьезнѣе и имѣетъ глубочайшій смыслъ, чѣмъ факты, записываемые въ газетахъ и исторіяхъ. Что англичане убили еще тысячу китайцевъ за то, что китайцы ничего не покупаютъ на деньги, а ихъ край поглощаетъ звонкую монету; что французы убили еще тысячу кабиловъ за то, что хлѣбъ хорошо родится въ Африкѣ и что постоянная война полезна для формированія войскъ; что турецкій посланникъ въ Неаполѣ не можетъ быть жидъ, и что императоръ Наполеонъ гуляетъ пѣшкомъ во Plombières и печатно увѣряетъ народъ, что онъ царствуетъ только по волѣ всего народа, — это все слова, скрывающія или показывающія давно извѣстное; но событіе, происшедшее въ Люцернѣ 7 іюля, мнѣ кажется совершенно ново, странно и относится не къ вѣчнымъ дурнымъ сторонамъ человѣческой природы, но къ извѣстной эпохѣ развитія общества. Это фактъ не для исторіи дѣяній людскихъ, но для исторіи прогресса и цивилизаціи.

Отчего этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный ни въ какой деревнѣ нѣмецкой, французской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются путешествующіе самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй? Отчего эти развитые гуманные люди, способные въ общемъ на всякое честное, гуманное дѣло, не имѣютъ человѣческаго сердечнаго чувства на личное доброе дѣло? Отчего эти люди, въ своихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ горячо заботящіеся о состояніи безбрачныхъ китайцевъ въ Индіи, о распространеніи христіанства и образованія въ Африкѣ, о составленіи обществъ исправленія всего человѣчества, не находятъ въ душѣ своей простого первобытнаго чувства человѣка къ человѣку? Неужели нѣтъ этого чувства, и мѣсто его заняли тщеславіе, честолюбіе и корысть, руководящія этихъ людей въ ихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ? Неужели распространеніе разумной, себялюбивой ассоціаціи людей, которую называютъ цивилизаціей, уничтожаетъ и противорѣчитъ потребности инстинктивной и любовной ассоціаціи? И неужели это — то равенство, за которое пролито было столько невинной крови и столько совершено преступленій? Неужели народы, какъ дѣти, могутъ быть счастливы однимъ звукомъ слова равенство?

Равенство передъ закономъ? Да развѣ вся жизнь людей происходитъ въ сферѣ закона? Только одна тысячная доля ея подлежитъ закону, остальная часть происходитъ внѣ его, въ сферѣ нравовъ и воззрѣній общества. А въ обществѣ лакей одѣтъ лучше пѣвца и безнаказанно оскорбляетъ его. Я лучше одѣтъ лакея и безнаказанно оскорбляю лакея. Швейцаръ считаетъ меня выше, а пѣвца ниже себя; когда я соединился съ пѣвцомъ, онъ счелъ себя равнымъ съ нами и сталъ грубъ. Я сталъ нагль съ швейцаромъ — и швейцаръ призналъ себя ниже меня. Лакей сталъ нагль съ пѣвцомъ — и пѣвецъ призналъ себя ниже его. И неужели это — свободное, то что люди называютъ положительно-свободное, государство, то, въ которомъ есть хоть одинъ гражданинъ, котораго сажаютъ въ тюрьму за то, что онъ, никому не вредя, никому не мѣшая, дѣлаетъ одно, что можетъ, для того чтобы не умереть съ голода?

Несчастное, жалкое созданіе человѣкъ со своею потребностью положительныхъ рѣшеній, брошенный въ этотъ вѣчно движущійся, безконечный океанъ добра и зла, фактовъ, соображеній и противорѣчій! Вѣками бьются и трудятся люди, чтобы отодвинуть къ одной сторонѣ благо, къ другой — неблаго. Проходятъ вѣка и гдѣ бы, что бы ни прикинулъ безпристрастный умъ на вѣсы добраго и злого, вѣсы не колеблются и на каждой сторонѣ столько же блага, сколько и неблага. Ежели бы только человѣкъ выучился не судить и не мыслить рѣзко и положительно и не давать отвѣты на вопросы, данные ему только для того, чтобы они вѣчно оставались вопросами! Ежели бы только онъ понялъ, что всякая мысль и ложна и справедлива! Ложна односторонностью, по невозможности человѣка обнять всей истины, и справедлива по выраженію одной стороны человѣческихъ стремленій.

Сдѣлали себѣ подраздѣленія въ этомъ вѣчно-движущемся, безконечномъ, безконечно-перемѣшанномъ хаосѣ добра и зла, провели воображаемыя черты по этому морю и ждутъ, что море такъ и раздѣлится. Точно нѣтъ милліоновъ другихъ подраздѣленій совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, въ другой плоскости. Правда, вырабатываются эти новыя подраздѣленія вѣками, но и вѣковъ прошли и пройдутъ милліоны. Цивилизація — благо, варварство — зло; свобода — благо, неволя — зло. Вотъ это-то воображаемое знаніе уничтожаетъ инстинктивныя, блаженнѣйшія первобытныя потребности добра въ человѣческой натурѣ. И кто опредѣлитъ мнѣ, что̀ свобода, что̀ деспотизмъ, что̀ цивилизація, что̀ варварство? И гдѣ границы одного и другого? У кого въ душѣ такъ непоколебимо это мѣрило добра и зла, чтобы онъ могъ мѣрить имъ бѣгущіе, запутанные факты? У кого такъ великъ умъ, чтобы хотя въ неподвижномъ прошедшемъ обнять всѣ факты и взвѣсить ихъ? И кто видѣлъ такое состояніе, въ которомъ бы не было добра и зла вмѣстѣ? И почему я знаю, что вижу больше одного, чѣмъ другого, не оттого, что стою не на настоящемъ мѣстѣ! И кто въ состояніи такъ совершенно оторваться умомъ хоть на мгновеніе отъ жизни, чтобы независимо сверху взглянуть на нее? Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель, Всемірный Духъ, проникающій насъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго, какъ единицу, влагающій въ каждаго стремленіе къ тому, что должно; тотъ самый Духъ, который въ деревѣ велитъ ему расти къ солнцу, въ цвѣткѣ велитъ ему бросить сѣмя къ осени и въ насъ велитъ намъ безсознательно жаться другъ къ другу.

И этотъ-то одинъ непогрѣшимый, блаженный голосъ заглушаетъ шумное, торопливое развитіе цивилизаціи. Кто больше человѣкъ и кто больше варваръ: тотъ ли лордъ, который, увидавъ затасканное платье пѣвца, со злобой убѣжалъ изъ-за стола, за его труды не далъ ему милліонной доли своего состоянія и теперь, сытый, сидя въ свѣтлой покойной комнатѣ, спокойно судитъ о дѣлахъ Китая, находя справедливыми совершаемыя тамъ убійства, или маленькій пѣвецъ, который, рискуя тюрьмой, съ франкомъ въ карманѣ двадцать лѣтъ, никому не дѣлая вреда, ходитъ по горамъ и доламъ, утѣшая людей своимъ пѣніемъ, котораго оскорбили, чуть не вытолкали нынче, и который, усталый, голодный, пристыженный, пошелъ спать куда-нибудь на гніющей соломѣ?

Въ это время изъ города въ мертвой тишинѣ ночи я далеко-далеко услыхалъ гитару маленькаго человѣчка и его голосъ.

Нѣтъ, сказалось мнѣ невольно, ты не имѣешь права жалѣть о немъ и негодовать на благосостояніе лорда. Кто свѣсилъ внутреннее счастіе, которое лежитъ въ душѣ каждаго изъ этихъ людей? Вонъ онъ сидитъ теперь, гдѣ-нибудь на грязномъ порогѣ, смотритъ въ блестящее лунное небо и радостно поетъ среди тихой, благоуханной ночи; въ душѣ его нѣтъ ни упрека, ни злобы, ни раскаянія. А кто знаетъ, что дѣлается теперь въ душѣ всѣхъ этихъ людей, за этими богатыми, высокими стѣнами? Кто знаетъ, есть ли въ нихъ всѣхъ столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласія съ міромъ, сколько ея живетъ въ душѣ этого маленькаго человѣка? Безконечна благость и премудрость Того, Кто позволилъ и велѣлъ существовать всѣмъ этимъ противорѣчіямъ. Только тебѣ, ничтожному червяку, дерзко, беззаконно пытающемуся проникнуть Его законы, Его намѣренія, только тебѣ кажутся противорѣчія. Онъ кротко смотритъ съ своей свѣтлой, неизмѣримой высоты и радуется на безконечную гармонію, въ которой вы всѣ противорѣчиво, безконечно движетесь. Въ своей гордости ты думалъ вырваться изъ законовъ общаго. Нѣтъ, и ты съ своимъ маленькимъ пошленькимъ негодованьицемъ на лакеевъ, и ты тоже отвѣтилъ на гармоническую потребность вѣчнаго и безконечнаго...

ТРИ СМЕРТИ

Разсказъ

(1859 г.)

I

Была осень. По большой дорогѣ скорою рысью ѣхали два экипажа. Въ передней каретѣ сидѣли двѣ женщины. Одна была госпожа, худая и блѣдная. Другая — горничная, глянцевито-румяная и полная. Короткіе, сухіе волосы выбивались у нея изъ-подъ полинявшей шляпки, красная рука въ прорванной перчаткѣ порывисто поправляла ихъ. Высокая грудь, покрытая ковровымъ платкомъ, дышала здоровьемъ; быстрые черные глаза то слѣдили черезъ окно за убѣгающими полями, то робко взглядывали на госпожу, то безпокойно окидывали углы кареты. Передъ носомъ горничной качалась привѣшенная къ сѣткѣ барынина шляпка, на колѣняхъ ея лежалъ щенокъ, ноги ея поднимались отъ шкатулокъ, стоявшихъ на полу, и чуть слышно подбарабанивали по нимъ подъ звукъ тряски рессоръ и побрякиванья стеколъ.

Сложивъ руки на колѣняхъ и закрывъ глаза, госпожа слабо покачивалась на подушкахъ, заложенныхъ ей за спину, и, слегка наморщившись, внутренно покашливала. На головѣ ея былъ бѣлый ночной чепчикъ и голубая косыночка, завязанная на нѣжной, блѣдной шеѣ. Прямой рядъ, уходя подъ чепчикъ, раздѣлялъ русые, чрезвычайно плоскіе напомаженные волосы, и было что-то сухое, мертвенное въ бѣлизнѣ кожи этого просторнаго ряда. Вялая, нѣсколько желтоватая кожа неплотно обтягивала тонкія и красивыя очертанія лица и краснѣлась на щекахъ и скулахъ. Губы были сухи и неспокойны, рѣдкія рѣсницы не курчавились, и дорожный суконный капотъ дѣлалъ прямыя складки на впалой груди. Несмотря на то, что глаза были закрыты, лицо госпожи выражало усталость, раздраженіе и привычное страданіе.

Лакей, облокотившись на свое кресло, дремалъ на козлахъ, почтовый ямщикъ, покрикивая, бойко гналъ крупную потную четверку, изрѣдка оглядываясь на другого ямщика, покрикивавшаго сзади въ коляскѣ. Параллельные широкіе слѣды шинъ ровно и шибко стлались по известковой грязи дороги. Небо было сѣро и холодно, сырая мгла сыпалась на поля и дорогу. Въ каретѣ было душно и пахло одеколономъ и пылью. Больная потянула назадъ голову и медленно открыла глаза. Большіе глаза были блестящи и прекраснаго темнаго цвѣта.

— Опять, — сказала она, нервически отталкивая красивою худощавою рукой конецъ салопа горничной, чуть-чуть прикасавшійся къ ея ногѣ, и ротъ ея болѣзненно изогнулся. Матреша подобрала обѣими руками салопъ, приподнялась на сильныхъ ногахъ и сѣла дальше. Свѣжее лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ. Прекрасные темные глаза больной жадно слѣдили за движеніями горничной. Госпожа уперлась обѣими руками о сидѣнье и также хотѣла приподняться, чтобы подсѣсть выше; но силы отказали ей. Ротъ ея изогнулся, и все лицо ея исказилось выраженіемъ безсильной, злой ироніи. «Хоть бы ты помогла мнѣ!... Ахъ! не нужно! Я сама могу, только не клади за меня свои какіе-то мѣшки, сдѣлай милость!.. Да ужъ не трогай лучше, коли ты не умѣешь!» Госпожа закрыла глаза и, снова быстро поднявъ вѣки, взглянула на горничную. Матреша, глядя на нее, кусала нижнюю красную губу. Тяжелый вздохъ поднялся изъ груди больной, но вздохъ, не кончившись, превратился въ кашель. Она отвернулась, сморщилась и обѣими руками схватилась за грудь. Когда кашель прошелъ, она снова закрыла глаза и продолжала сидѣть неподвижно. Карета и коляска въѣхали въ деревню. Матреша высунула толстую руку изъ-подъ платка и перекрестилась.

— Что это? — спросила госпожа.

— Станція, сударыня.

— Что-жъ ты крестишься, я спрашиваю?

— Церковь, сударыня.

Больная повернулась къ окну и стала медленно креститься, глядя во всѣ большіе глаза на большую деревенскую церковь, которую объѣзжала карета больной.

Карета и коляска вмѣстѣ остановились у станціи. Изъ коляски вышли мужъ больной женщины и докторъ и подошли къ каретѣ.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ докторъ, щупая пульсъ.

— Ну, какъ ты, мой другъ, не устала? — спросилъ мужъ по-французски, — не хочешь ли выйти?

Матреша, подобравъ узелки, жалась въ уголъ, чтобы не мѣшать разговаривать.

— Ничего, то же самое, — отвѣчала больная. — Я не выйду. — Мужъ, постоявъ немного, вошелъ въ станціонный домъ. Матреша, выскочивъ изъ кареты, на цыпочкахъ побѣжала по грязи въ ворота.

— Коли мнѣ плохо, это не резонъ, чтобы вамъ не завтракать, — слегка улыбаясь, сказала больная доктору, который стоялъ у окна.

«Никому имъ до меня дѣла нѣтъ, — прибавила она про себя, какъ только докторъ, тихимъ шагомъ отойдя отъ нея, рысью взбѣжалъ на ступени станціи. — Имъ хорошо, такъ и все равно. О! Боже мой!»

— Ну что, Эдуардъ Ивановичъ, — сказалъ мужъ, встрѣчая доктора и съ веселою улыбкой потирая руки, — я велѣлъ погребецъ принести, вы какъ думаете насчетъ этого?

— Можно, — отвѣчалъ докторъ.

— Ну, что она? — со вздохомъ спросилъ мужъ, понижая голосъ и поднимая брови.

— Я говорилъ: она не можетъ доѣхать не только до Италіи, до Москвы дай Богъ. Особенно по этой погодѣ.

— Такъ что-жъ дѣлать! Ахъ, Боже мой! Боже мой! — Мужъ закрылъ глаза рукой. — Подай сюда, — прибавилъ онъ человѣку, вносившему погребецъ.

— Оставаться надо было, — пожавъ плечами, отвѣчалъ докторъ.

— Да скажите, что же я могъ сдѣлать? — возразилъ мужъ, — вѣдь я употребилъ все, чтобы удержать ее; я говорилъ и о средствахъ, и о дѣтяхъ, которыхъ мы должны оставить, и о моихъ дѣлахъ, — она ничего слышать не хочетъ. Она дѣлаетъ планы о жизни за границей, какъ бы здоровая. А сказать ей о ея положеніи, вѣдь это значило бы убить ее.

— Да она уже убита, вамъ надо знать это, Василій Дмитричъ. Человѣкъ не можетъ жить, когда у него нѣтъ легкихъ, и легкія опять вырасти не могутъ. Грустно, тяжело, но что-жъ дѣлать? Наше и ваше дѣло только въ томъ, чтобы конецъ ея былъ сколь возможно спокоенъ. Тутъ духовникъ нуженъ.

— Ахъ, Боже мой! да вы поймите мое положеніе, напоминая ей о послѣдней волѣ. Пусть будетъ, что будетъ, а я не скажу ей этого. Вѣдь вы знаете, какъ она добра...

— Все-таки попробуйте уговорить ее остаться до зимняго пути, — сказалъ докторъ, значительно покачивая головой, — а то дорогой можетъ быть худо...

— Аксюша, а Аксюша! — визжала смотрительская дочь, накинувъ на голову кацавейку и топчась на грязномъ заднемъ крыльцѣ, — пойдемъ Ширкинскую барыню посмотримъ; говорятъ, отъ грудной болѣзни за границу везутъ. Я никогда еще не видала, какія въ чахоткѣ бываютъ.

Аксюша выскочила на порогъ, и обѣ, схватившись за руки, побѣжали за ворота. Уменьшивъ шагъ, онѣ прошли мимо кареты и заглянули въ опущенное окно. Больная повернула къ нимъ голову, но, замѣтивъ ихъ любопытство, нахмурилась и отвернулась.

— Мм-а-тушки! — сказала смотрительская дочь, быстро оборачивая голову. — Какая была красавица чудная, нынче что̀ стало? Страшно даже. Видѣла, видѣла, Аксюша?

— Да, какая худая! — поддакивала Аксюша. — Пойдемъ еще посмотримъ, будто къ колодцу. Вишь отвернулась, а я еще видѣла. Какъ жалко, Маша.

— Да и грязь же какая! — отвѣчала Маша, и обѣ побѣжали назадъ въ ворота.

«Видно я страшна стала, — думала больная. — Только бы поскорѣй, поскорѣй за границу, тамъ я скоро поправлюсь».

— Что, какъ ты, мой другъ? — сказалъ мужъ, подходя къ каретѣ и прожевывая кусокъ.

«Все одинъ и тотъ же вопросъ, — подумала больная, — а самъ ѣстъ!»

— Ничего, — пропустила она сквозь зубы.

— Знаешь ли, мой другъ, я боюсь, тебѣ хуже будетъ отъ дороги въ эту погоду, и Эдуардъ Ивановичъ то же говоритъ. Не вернуться ли намъ?

Она сердито молчала.

— Погода поправится, можетъ-быть! путь установится, и тебѣ бы лучше стало, мы бы и поѣхали всѣ вмѣстѣ.

— Извини меня. Ежели бы я давно тебя не слушала, я бы была теперь въ Берлинѣ и была бы совсѣмъ здорова.

— Что-жъ дѣлать, мой ангелъ, невозможно было, ты знаешь. А теперь, ежели бы ты осталась на мѣсяцъ, ты бы славно поправилась, я бы кончилъ дѣла и дѣтей бы мы взяли...

— Дѣти здоровы, а я нѣтъ.

— Да вѣдь пойми, мой другъ, что съ этою погодой, ежели тебѣ сдѣлается хуже дорогой... тогда, по крайней мѣрѣ, дома.

— Что-жъ что дома?.. Умереть дома? — вспыльчиво отвѣчала больная. Но слово *умереть* видимо испугало ее, она умоляюще и вопросительно посмотрѣла на мужа. Онъ опустилъ глаза и молчалъ. Ротъ больной вдругъ дѣтски изогнулся, и слезы полились изъ ея глазъ. Мужъ закрылъ лицо платкомъ и молча отошелъ отъ кареты.

— Нѣтъ, я поѣду, — сказала больная, поднявъ глаза къ небу, сложила руки и стала шептать несвязныя слова. — Боже мой! за что же? — говорила она, и слезы лились сильнѣе. Она долго и горячо молилась, но въ груди такъ же было больно и тѣсно, въ небѣ, въ поляхъ и по дорогѣ было такъ же сѣро и пасмурно, и та же осенняя мгла, ни чаще, ни рѣже, а все такъ же сыпалась на грязь дороги, на крыши, на карету и на тулупы ямщиковъ, которые, переговариваясь сильными, веселыми голосами, мазали и закладывали карету...

. . . .

II

Карета была заложена, но ямщикъ мѣшкалъ. Онъ зашелъ въ ямскую избу. Въ избѣ было жарко, душно, темно и тяжело, пахло жильемъ, печенымъ хлѣбомъ, капустой и овчиной. Нѣсколько человѣкъ ямщиковъ было въ горницѣ, кухарка возилась у печи, на печи въ овчинахъ лежалъ больной.

— Дядя Хведоръ! а дядя Хведоръ! — сказалъ молодой парень, ямщикъ, въ тулупѣ и съ кнутомъ за поясомъ, входя въ комнату и обращаясь къ больному.

— Ты чаво, шабала, Ѳедьку спрашиваешь? — отозвался одинъ изъ ямщиковъ: — вишь, тебя въ карету ждутъ.

— Хочу сапогъ попросить: свои избилъ, — отвѣчалъ парень, вскидывая волосами и оправляя рукавицы за поясомъ. — Аль спитъ? А, дядя Хведоръ? — повторилъ онъ, подходя къ печи.

— Чаво? — послышался слабый голосъ, и рыжее худое лицо нагнулось съ печи. Широкая, исхудалая и поблѣднѣвшая рука, покрытая волосами, натягивала армякъ на острое плечо въ грязной рубахѣ. — Дай испить, братъ, ты чаво?

Парень подалъ ковшикъ съ водой.

— Да что, Ѳедя, — сказалъ онъ, переминаясь, — тебѣ, чай, сапогъ новыхъ не надо теперь; отдай мнѣ, ходить, чай, не будешь.

Больной, припавъ усталою головой къ глянцевитому ковшу и макая рѣдкіе, отвисшіе усы въ темной водѣ, слабо и жадно пилъ. Спутанная борода его была нечиста, впалые, тусклые глаза съ трудомъ поднялись на лицо парня. Отставъ отъ воды, онъ хотѣлъ поднять руку, чтобы отереть мокрыя губы, но не могъ и отерся о рукавъ армяка. Молча и тяжело дыша носомъ, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза парню, сбираясь съ силами.

— Може ты кому пообѣщалъ уже? — сказалъ парень, — такъ, даромъ. Главное дѣло — мокреть на дворѣ, а мнѣ съ работой ѣхать; я и подумалъ себѣ: дай у Ѳедьки сапогъ попрошу, ему, чай, не надо. Може тебѣ самому надобны, ты скажи...

Въ груди больного что-то стало переливаться и бурчать: онъ перегнулся и сталъ давиться горловымъ, неразрѣшавшимся кашлемъ.

— Ужъ гдѣ надобны, — неожиданно, сердито, на всю избу затрещала кухарка, — второй мѣсяцъ съ печи не слѣзаетъ. Вишь надрывается, даже у самой внутренность болитъ, какъ слышишь только. Гдѣ ему сапоги надобны? Въ новыхъ сапогахъ хоронить не станутъ. А ужъ давно пора, прости Господи согрѣшеніе! Вишь, надрывается. Либо перевесть его, что-ль, въ избу въ другую или куда! Такія больницы, слышь, въ городу есть; а то развѣ дѣло, занялъ весь уголъ, да и шабашъ. Нѣтъ тебѣ простору никакого. А тоже чистоту спрашиваютъ.

— Эй, Серега! иди, садись: господа ждутъ! — крикнулъ въ дверь почтовый староста.

Серега хотѣлъ уйти, не дождавшись отвѣта, но больной глазами во время кашля давалъ ему знать, что хочетъ отвѣтить.

— Ты сапоги возьми, Серега, — сказалъ онъ, подавивъ кашель и отдохнувъ немного. — Только, слышь, камень купи, какъ помру, — хрипя прибавилъ онъ.

— Спасибо, дядя, такъ я возьму, а камень ей-ей куплю.

— Вотъ ребята, слышали, — могъ выговорить еще больной и снова перегнулся внизъ и сталъ давиться.

— Ладно, слышали, — сказалъ одинъ изъ ямщиковъ. — Иди, Серега, садись, а то вонъ опять староста бѣжитъ. Барыня вишь Ширкинская больная.

Серега живо скинулъ свои прорванные, несоразмѣрно большіе сапоги и швырнулъ подъ лавку. Новые сапоги дяди Ѳедора пришлись какъ разъ по ногамъ, и Серега, поглядывая на нихъ, вышелъ къ каретѣ.

— Экъ сапоги важные! дай помажу, — сказалъ ямщикъ съ помазкою въ рукѣ въ то время, какъ Серега, влѣзая на козлы, подбиралъ вожжи. — Даромъ отдалъ?

— Аль завидно, — отвѣчалъ Серега, приподнимаясь и подвертывая около ногъ полы армяка. — Пущай! Эхъ вы, любезныя! — крикнулъ онъ на лошадей, взмахнулъ кнутикомъ, и карета и коляска со своими сѣдоками, чемоданами и важами, скрываясь въ сѣромъ осеннемъ туманѣ, шибко покатились по мокрой дорогѣ.

Больной ямщикъ остался въ душной избѣ на печи и, не выкашлявшись, черезъ силу перевернулся на другой бокъ и затихъ.

Въ избѣ до вечера приходили, уходили, обѣдали, — больного было не слышно. Передъ ночью кухарка влѣзла на печь и черезъ его ноги достала тулупъ.

— Ты на меня не серчай, Настасья, — проговорилъ больной, — скоро опростаю уголъ-то твой.

— Ладно, ладно, что-жъ, ничаво, — пробормотала Настасья. — Да что у тебя болитъ-то, дядя? Ты скажи.

— Все нутро изныло. Богъ его знаетъ что!

— Небось, и глотка болитъ, какъ кашляешь?

— Вездѣ больно. Смерть моя пришла — вотъ что. Охъ, охъ, охъ! — простоналъ больной.

— Ты ноги-то укрой вотъ такъ, — сказала Настасья, по дорогѣ натягивая на него армякъ и слѣзая съ печи.

Ночью въ избѣ слабо свѣтилъ ночникъ. Настасья и человѣкъ десять ямщиковъ съ громкимъ храпомъ спали на полу и по лавкамъ. Одинъ больной слабо кряхтѣлъ, кашлялъ и ворочался на печи. Къ утру онъ затихъ совершенно.

— Чуднò что-то я нынче во снѣ видѣла, — говорила кухарка, въ полусвѣтѣ потягиваясь на другое утро. — Вижу я, будто дядя Хведоръ съ печи слѣзъ и пошелъ дрова рубить. Дай, говоритъ, Настя, я тебѣ подсоблю; а я ему говорю: куда ужъ тебѣ дрова рубить, а онъ какъ схватитъ топоръ да почнетъ рубить, такъ шибко, шибко, только щепки летятъ. Что-жъ, я говорю, ты вѣдь боленъ былъ? Нѣтъ, говоритъ, я здоровъ, да какъ замахнется, на меня страхъ и нашелъ. Какъ я закричу, и проснулась. Уже не померъ ли? Дядя Хведоръ! а дядя!

Ѳедоръ не откликался.

— И то не померъ ли? Пойти посмотрѣть, — сказалъ одинъ изъ проснувшихся ямщиковъ.

Свисшая съ печи худая рука, покрытая рыжеватыми волосами, была холодна и блѣдна.

— Пойти смотрителю сказать, кажись, померъ, — сказалъ ямщикъ.

Родныхъ у Ѳедора не было — онъ былъ дальній. На другой день его похоронили на новомъ кладбищѣ за рощей, и Настасья нѣсколько дней разсказывала всѣмъ про сонъ, который она видѣла, и про то, что она первая хватилась дяди Ѳедора.

III

Пришла весна. По мокрымъ улицамъ города между навозными льдинками журчали торопливые ручьи; цвѣта̀ одеждъ и звуки говора движущагося народа были ярки. Въ садикахъ за заборами пухнули почки деревьевъ, и вѣтви ихъ чуть слышно покачивались отъ свѣжаго вѣтра. Вездѣ лились и капали прозрачныя капли... Воробьи нескладно подпискивали и подпархивали на своихъ маленькихъ крыльяхъ. На солнечной сторонѣ на заборахъ, домахъ и деревьяхъ все двигалось и блестѣло. Радостно, молодо было и на небѣ, и на землѣ, и въ сердцѣ человѣка.

На одной изъ главныхъ улицъ передъ большимъ барскимъ домомъ была постлана свѣжая солома; въ домѣ была та самая умирающая больная, которая спѣшила за границу.

У затворенныхъ дверей комнаты стояли мужъ больной и пожилая женщина. На диванѣ сидѣлъ священникъ, опустивъ глаза и держа что-то завернутымъ въ епитрахили. Въ углу въ вольтеровскомъ креслѣ лежала старушка — мать больной — и горько плакала. Подлѣ нея горничная держала на рукѣ чистый носовой платокъ, дожидаясь, чтобы старушка спросила его; другая чѣмъ-то терла виски старушки и дула ей подъ чепчикъ въ сѣдую голову.

— Ну, Христосъ съ вами, мой другъ, — говорилъ мужъ пожилой женщинѣ, стоявшей съ нимъ у двери, — она такое имѣетъ довѣріе къ вамъ, вы такъ умѣете говорить съ ней, уговорите ее хорошенько, голубушка, идите же. — Онъ хотѣлъ уже отворить ей дверь, но кузина удержала его, приложила нѣсколько разъ платокъ къ глазамъ и встряхнула головой.

— Вотъ теперь, кажется, я не заплакана, — сказала она и, сама отворивъ дверь, прошла въ нее.

Мужъ былъ въ сильномъ волненіи и казался совершенно растерянъ. Онъ направился было къ старушкѣ, но, не дойдя нѣсколько шаговъ, повернулся, прошелъ по комнатѣ и подошелъ къ священнику. Священникъ посмотрѣлъ на него, поднялъ брови къ небу и вздохнулъ. Густая съ просѣдью бородка тоже поднялась кверху и опустилась.

— Боже мой! Боже мой! — сказалъ мужъ.

— Что дѣлать? — вздыхая, сказалъ священникъ, и снова брови и бородка его поднялись кверху и опустились.

— И матушка тутъ! — почти съ отчаяніемъ сказалъ мужъ. — Она не вынесетъ этого. Вѣдь такъ любить, такъ любить ее, какъ она... я не знаю. Хоть бы вы, батюшка, попытались успокоить ее и уговорить уйти отсюда.

Священникъ всталъ и подошелъ къ старушкѣ.

— Точно-съ, ма́теринское сердце никто оцѣнить не можетъ, — сказалъ онъ, — однако Богъ милосердъ.

Лицо старушки вдругъ все стало подергиваться, и съ ней сдѣлалась истерическая икота.

— Богъ милосердъ, — продолжалъ священникъ, когда она успокоилась немного. — Я вамъ доложу, въ моемъ приходѣ былъ одинъ больной, много хуже Маріи Дмитріевны, и что же, простой мѣщанинъ травами вылѣчилъ въ короткое время. И даже мѣщанинъ этотъ самый теперь въ Москвѣ.

Я говорилъ Василію Дмитріевичу — можно бы испытать. По крайности утѣшеніе для больной бы было. Для Бога все возможно.

— Нѣтъ, уже ей не жить, — проговорила старушка, — чѣмъ бы меня, а ее Богъ беретъ. — И истерическая икота усилилась такъ, что чувства оставили ее.

Мужъ больной закрылъ лицо руками и выбѣжалъ изъ комнаты.

Въ корридорѣ первое лицо, встрѣтившее его, былъ шестилѣтній мальчикъ, во весь духъ догонявшій младшую дѣвочку.

— Что-жъ, дѣтей-то не прикажете къ мамашѣ сводить? — спросила няня.

— Нѣтъ, она не хочетъ ихъ видѣть. Это разстроитъ ее.

Мальчикъ остановился на минуту, пристально всматриваясь въ лицо отца, и вдругъ подбрыкнулъ ногой и съ веселымъ крикомъ побѣжалъ дальше.

— Это она будто бы вороная, папаша! — прокричалъ мальчикъ, указывая на сестру.

Между тѣмъ въ другой комнатѣ кузина сидѣла подлѣ больной и искусно веденнымъ разговоромъ старалась приготовить ее къ мысли о смерти. Докторъ у другого окна мѣшалъ питье.

Больная въ бѣломъ капотѣ, вся обложенная подушками, сидѣла на постели и молча смотрѣла на кузину.

— Ахъ, мой другъ, — сказала она, неожиданно перебивая ее, — не приготавливайте меня. Не считайте меня за дитя. Я христіанка. Я все знаю. Я знаю, что мнѣ жить недолго, я знаю, что ежели бы мужъ мой раньше послушалъ меня, я бы была въ Италіи и, можетъ быть, даже навѣрно, была бы здорова. Это всѣ ему говорили. Но что-жъ дѣлать, видно Богу было такъ угодно. На всѣхъ насъ много грѣховъ, я знаю это, но надѣюсь на милость Бога, всѣмъ простится, должно-быть, всѣмъ простится. Я стараюсь понять себя. И на мнѣ было много грѣховъ, мой другъ. Но зато сколько я выстрадала. Я старалась сносить съ терпѣніемъ свои страданія...

— Такъ позвать батюшку, мой другъ? Вамъ будетъ еще легче, причастившись, — сказала кузина.

Больная нагнула голову въ знакъ согласія.

— Боже! прости меня грѣшную, — прошептала она.

Кузина вышла и мигнула батюшкѣ.

— Это ангелъ! — сказала она мужу со слезами на глазахъ. Мужъ заплакалъ, священникъ прошелъ въ дверь, старушка все еще была безъ памяти, и въ первой комнатѣ стало совершенно тихо. Черезъ пять минутъ священникъ вышелъ изъ двери и, снявъ епитрахиль, оправилъ волосы.

— Слава Богу, онѣ спокойнѣе теперь, — сказалъ онъ, — желаютъ васъ видѣть.

Кузина и мужъ вошли. Больная тихо плакала, глядя на образъ.

— Поздравляю тебя, мой другъ, — сказалъ мужъ.

— Благодарствуй! Какъ мнѣ теперь хорошо стало, какую непонятную сладость я испытываю, — говорила больная, и легкая улыбка играла на ея тонкихъ губахъ. — Какъ Богъ милостивъ! Не правда ли? Онъ милостивъ и всемогущъ! — И она снова съ жадною мольбой смотрѣла полными слезъ глазами на образъ.

Потомъ вдругъ какъ будто что-то вспомнилось ей. Она знаками подозвала къ себѣ мужа.

— Ты никогда не хочешь сдѣлать, что я прошу, — сказала она слабымъ и недовольнымъ голосомъ.

Мужъ, вытянувъ шею, покорно слушалъ ее.

— Что, мой другъ?

— Сколько разъ я говорила, что эти доктора ничего не знаютъ; есть простыя лѣкарки, онѣ вылѣчиваютъ... Вотъ батюшка говорилъ... мѣщанинъ... Пошли.

— За кѣмъ, мой другъ?

— Боже мой, ничего не хочетъ понимать. — И больная сморщилась и закрыла глаза.

Докторъ, подойдя къ ней, взялъ ее за руку. Пульсъ замѣтно бился слабѣе и слабѣе. Онъ мигнулъ мужу. Больная замѣтила этотъ жестъ и испуганно оглянулась. Кузина отвернулась и заплакала.

— Не плачь, не мучь себя и меня, — говорила больная, — это отнимаетъ у меня послѣднее спокойствіе.

— Ты ангелъ! — сказала кузина, цѣлуя ея руку.

— Нѣтъ, сюда поцѣлуй, только мертвыхъ цѣлуютъ въ руку. Боже мой! Боже мой!

Въ тотъ же вечеръ больная уже была тѣло, и тѣло въ гробу стояло въ залѣ большого дома. Въ большой комнатѣ съ затворенными дверями сидѣлъ одинъ дьячокъ и въ носъ мѣрнымъ голосомъ читалъ пѣсни Давида. Яркій восковой свѣтъ съ высокихъ серебряныхъ подсвѣчниковъ падалъ на блѣдный лобъ усопшей, на тяжелыя восковыя руки и окаменѣлыя складки покрова, страшно поднимающагося на колѣняхъ и пальцахъ ногъ. Дьячокъ, не понимая своихъ словъ, мѣрно читалъ, и въ тихой комнатѣ странно звучали и замирали слова. Изрѣдка изъ дальней комнаты долетали звуки дѣтскихъ голосовъ и ихъ топота.

«Сокроешь лицо Твое — смущаются, — гласилъ псалтирь, — возьмешь отъ нихъ духъ — умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой — созидаются и обновляютъ лицо земли. Да будетъ Господу слава во вѣки».

Лицо усопшей было строго и величаво. Ни въ чистомъ холодномъ лбѣ, ни въ твердо сложенныхъ устахъ ничто не двигалось. Она вся была вниманіе. Но понимала ли она хоть теперь великія слова эти?

IV.

Черезъ мѣсяцъ надъ могилой усопшей воздвиглась каменная часовня. Надъ могилой ямщика все еще не было камня, и только свѣтло-зеленая трава пробивалась надъ бугоркомъ, служившимъ единственнымъ признакомъ прошедшаго существованія человѣка.

— А грѣхъ тебѣ будетъ, Серега, — говорила разъ кухарка на станціи, — коли ты Хведору камня не купишь. То говорилъ: зима, зима, а нынче что-жъ слова не держишь? Вѣдь при мнѣ было. Онъ ужъ приходилъ къ тебѣ разъ просить; не купишь, еще разъ придетъ, душить станетъ.

— Да что, я развѣ отрекаюсь, — отвѣчалъ Серега, — я камень куплю, какъ сказалъ, куплю, въ полтора цѣлковыхъ куплю. Я не забылъ, да вѣдь привезть надо. Какъ случай въ городъ будетъ, такъ и куплю.

— Ты бы хошь крестъ поставилъ, вотъ что, — отозвался старый ямщикъ, — а то впрямь дурно. Сапоги-то носишь.

— Гдѣ его возьмешь крестъ-то? изъ полѣна не вытешешь?

— Что говоришь-то? Изъ полѣна не вытешешь, возьми топоръ да въ рощу пораньше сходи, вотъ и вытешешь. Ясенку ли, что ли, срубишь. Вотъ и голубецъ будетъ. А то пойди еще объѣздчика пой водкой. За всякою дрянью поить не наготовишься. Вонъ я намедни вагу сломалъ, новую вырубилъ важную, никто слова не сказалъ.

Раннимъ утромъ, чуть зорька, Серега взялъ топоръ и пошелъ въ рощу.

На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, не освѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ деревьевъ или шелеста по землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ и равномѣрно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала, сочные листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше, сочныя бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ.

Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло, но снова погнулось дерево, послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачныя побѣлѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и, какъ потерянныя, щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались на вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ поникшимъ деревомъ.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТІЕ

Романъ

(1859 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Мы носили трауръ по матери, которая умерла осенью, и жили всю зиму въ деревнѣ однѣ съ Катей и Соней.

Катя была старый другъ дома, гувернантка, выняньчившая всѣхъ насъ и которую я помнила и любила съ тѣхъ поръ, какъ себя помнила. Соня была моя меньшая сестра. Мы проводили мрачную и грустную зиму въ нашемъ старомъ покровскомъ домѣ. Погода была холодная, вѣтреная, такъ что сугробы намело выше оконъ; окна почти всегда были замерзлы и тусклы, и почти цѣлую зиму мы никуда не ходили и не ѣздили. Рѣдко кто пріѣзжалъ къ намъ, да кто и пріѣзжалъ, не прибавлялъ веселья и радости въ нашемъ домѣ. У всѣхъ были печальныя лица, всѣ говорили тихо, какъ будто боясь разбудить кого-то, не смѣялись, вздыхали и часто плакали, глядя на меня и въ особенности на маленькую Соню въ черномъ платьицѣ. Въ домѣ еще какъ будто чувствовалась смерть; печаль и ужасъ смерти стояли въ воздухѣ. Комната мамаши была заперта, и мнѣ становилось жутко, и что-то тянуло меня заглянуть въ эту холодную и пустую комнату, когда я проходила спать мимо нея.

Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ; и въ самый годъ своей смерти мамаша хотѣла переѣхать въ городъ, чтобы вывозить меня. Потеря матери была для меня сильнымъ горемъ, но должна признаться, что изъ-за этого горя чувствовалось и то, что я молода, хороша, какъ всѣ мнѣ говорили, а вотъ вторую зиму даромъ, въ уединеніи, убиваю въ деревнѣ. Передъ концомъ зимы это чувство тоски, одиночества и просто скуки увеличилось до такой степени, что я не выходила изъ комнаты, не открывала фортепіано и не брала книги въ руки. Когда Катя уговаривала меня заняться тѣмъ или другимъ, я отвѣчала: не хочется, не могу, а въ душѣ мнѣ говорилось: зачѣмъ? Зачѣмъ что-нибудь дѣлать, когда такъ даромъ пропадаетъ мое лучшее время? Зачѣмъ? А на *зачѣмъ* не было другого отвѣта, какъ слезы.

Мнѣ говорили, что я похудѣла и подурнѣла въ это время, но это даже не занимало меня. Зачѣмъ? для кого? Мнѣ казалось, что вся моя жизнь такъ и должна пройти въ этой одинокой глуши и безпомощной тоскѣ, изъ которой я сама, одна, не имѣла силы и даже желанія выйти. Катя подъ конецъ зимы стала бояться за меня и рѣшилась во что бы то ни стало везти меня за границу. Но для этого нужны были деньги, а мы почти не знали, что̀ у насъ осталось послѣ матери, и съ каждымъ днемъ ждали опекуна, который долженъ былъ пріѣхать и разобрать наши дѣла.

Въ мартѣ пріѣхалъ опекунъ.

— Ну, слава Богу! — сказала мнѣ разъ Катя, когда я какъ тѣнь, безъ дѣла, безъ мысли, безъ желаній, ходила изъ угла въ уголъ. — Сергѣй Михайлычъ пріѣхалъ, присылалъ спросить о насъ и хотѣлъ быть къ обѣду. Ты встряхнись, моя Машечка, — прибавила она, — а то что онъ о тебѣ подумаетъ? Онъ такъ васъ любилъ всѣхъ.

Сергѣй Михайловичъ былъ близкій сосѣдъ нашъ и другъ покойнаго отца, хотя и гораздо моложе его. Кромѣ того, что его пріѣздъ измѣнялъ наши планы и давалъ возможность уѣхать изъ деревни, я съ дѣтства привыкла любить и уважать его, и Катя, совѣтуя мнѣ встряхнуться, угадала, что изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ бы больнѣе всего было передъ Сергѣемъ Михайловичемъ показаться въ невыгодномъ свѣтѣ. Кромѣ того, что я, какъ и всѣ въ домѣ, начиная отъ Кати и Сони, его крестницы, до послѣдняго кучера, любили его по привычкѣ, онъ для меня имѣлъ особое значеніе по одному слову, сказанному при мнѣ мамашей. Она сказала, что такого мужа желала бы для меня. Тогда мнѣ это показалось удивительно и даже непріятно; герой мой былъ совсѣмъ другой. Герой мой былъ тонкій, сухощавый, блѣдный и печальный. Сергѣй же Михайловичъ былъ человѣкъ уже немолодой, высокій, плотный и, какъ мнѣ казалось, всегда веселый; но, несмотря на то, эти слова мамаши запали мнѣ въ воображеніе, и еще шесть лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ и онъ говорилъ мнѣ *ты*, игралъ со мной и прозвалъ меня *дѣвочка-фіалка*, я не безъ страха иногда спрашивала себя, что я буду дѣлать, ежели онъ вдругъ захочетъ жениться на мнѣ?

Передъ обѣдомъ, къ которому Катя прибавила пирожное, кремъ и соусъ изъ шпината, Сергѣй Михайловичъ пріѣхалъ. Я видѣла въ окно, какъ онъ подъѣзжалъ къ дому въ маленькихъ санкахъ, но, какъ только онъ заѣхалъ за уголъ, я поспѣшила въ гостиную и хотѣла притвориться, что совсѣмъ не ожидала его. Но, заслышавъ въ передней стукъ ногъ, его громкій голосъ и шаги Кати, я не утерпѣла и сама пошла ему навстрѣчу. Онъ, держа Катю за руку, громко говорилъ и улыбался. Увидѣвъ меня, онъ остановился и нѣсколько времени смотрѣлъ на меня, не кланяясь. Мнѣ стало неловко и я почувствовала, что покраснѣла.

— Ахъ! неужели это вы? — сказалъ онъ со своей рѣшительною и простою манерой, разводя руками и подходя ко мнѣ. — Можно ли такъ перемѣниться! какъ вы выросли! Вотъ-те и фіалка! вы цѣлый розанъ стали.

Онъ взялъ своею большою рукой меня за руку, пожалъ такъ крѣпко, честно, только что не больно. Я думала, что онъ поцѣлуетъ мою руку, и нагнулась было къ нему, но онъ еще разъ пожалъ мнѣ руку и прямо въ глаза посмотрѣлъ своимъ твердымъ и веселымъ взглядомъ.

Я шесть лѣтъ не видала его. Онъ много перемѣнился: постарѣлъ, почернѣлъ и обросъ бакенбардами, что очень не шло къ нему; но тѣ же были простые пріемы, открытое, честное съ крупными чертами лицо, умные блестящіе глаза и ласковая, какъ будто дѣтская, улыбка.

Черезъ пять минутъ онъ пересталъ быть гостемъ, а сдѣлался своимъ человѣкомъ для всѣхъ насъ, даже для людей, которые, видно было по ихъ услужливости, особенно радовались его пріѣзду.

Онъ велъ себя совсѣмъ не такъ, какъ сосѣди, пріѣзжавшіе послѣ кончины матушки и считавшіе нужнымъ молчать и плакать, сидя у насъ; онъ, напротивъ, былъ разговорчивъ, веселъ и ни слова не говорилъ о матушкѣ, такъ что сначала это равнодушіе мнѣ показалось странно и даже неприлично со стороны такого близкаго человѣка. Но потомъ я поняла, что это было не равнодушіе, а искренность, и была благодарна за нее. Вечеромъ Катя сѣла разливать чай на старое мѣсто въ гостиной, какъ это было при мамашѣ; мы съ Соней сѣли около нея; старый Григорій принесъ ему, еще бывшую папашину, отыскавшуюся трубку, и онъ, какъ и въ старину, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Сколько страшныхъ перемѣнъ въ этомъ домѣ, какъ подумаешь! — сказалъ онъ, останавливаясь.

— Да, — сказала Катя со вздохомъ и, прикрывъ самоваръ крышечкой, посмотрѣла на него, уже готовая расплакаться.

— Вы, я думаю, помните вашего отца? — обратился онъ ко мнѣ.

— Мало, — отвѣчала я.

— А какъ бы вамъ теперь хорошо было съ нимъ! — проговорилъ онъ, тихо и задумчиво глядя на мою голову выше моихъ глазъ. — Я очень любилъ вашего отца! — прибавилъ онъ еще тише, и мнѣ показалось, что глаза его стали блестящѣе.

— А тутъ ее Богъ взялъ! — проговорила Катя и тотчасъ же положила салфетку на чайникъ, достала платокъ и заплакала.

— Да, страшныя перемѣны въ этомъ домѣ, — повторилъ онъ, отвернувшись. — Соня, покажи игрушки, — прибавилъ онъ черезъ нѣсколько времени и вышелъ въ залу. Полными слезъ глазами я посмотрѣла на Катю, когда онъ вышелъ.

— Это такой славный другъ! — сказала она.

И дѣйствительно, какъ-то тепло и хорошо стало мнѣ отъ сочувствія этого чужого и хорошаго человѣка.

Изъ гостиной слышался пискъ Сони и его возня съ нею. Я выслала ему чай: и слышно было, какъ онъ сѣлъ за фортепіано и Сониными ручонками сталъ бить по клавишамъ.

— Марья Александровна! — послышался его голосъ, — подите сюда, сыграйте что-нибудь.

Мнѣ пріятно было, что онъ такъ просто и дружески-повелительно обращается ко мнѣ; я встала и подошла къ нему.

— Вотъ это сыграйте, — сказалъ онъ, раскрывая тетрадь Бетховена на адажіо сонаты quasi una fantasia. — Посмотримъ, какъ-то вы играете, — прибавилъ онъ и отошелъ со стаканомъ въ уголъ залы.

Почему-то я почувствовала, что съ нимъ мнѣ невозможно отказываться и дѣлать предисловія, что я дурно играю; я покорно сѣла за клавикорды и начала играть, какъ умѣла, хотя и боялась суда, зная, что онъ понимаетъ и любитъ музыку. Адажіо было въ тонѣ того чувства воспоминанія, которое было вызвано разговоромъ за чаемъ, и я сыграла, кажется, порядочно. Но *скерцо* онъ мнѣ не далъ играть. «Нѣтъ, это вы нехорошо играете, — сказалъ онъ, подходя ко мнѣ, — это оставьте, а первое недурно. Вы, кажется, понимаете музыку». Эта умѣренная похвала такъ обрадовала меня, что я даже покраснѣла. Мнѣ такъ ново и пріятно было, что онъ, другъ и равный моего отца, говорилъ со мной одинъ на одинъ серьезно, а уже не какъ съ ребенкомъ, какъ прежде. Катя пошла наверхъ укладывать Соню, и мы вдвоемъ остались въ залѣ.

Онъ разсказывалъ мнѣ про моего отца, про то, какъ онъ сошелся съ нимъ, какъ они весело жили когда-то, когда я еще сидѣла за книгами и игрушками; и отецъ мой въ его разсказахъ въ первый разъ представлялся мнѣ простымъ и милымъ человѣкомъ, какимъ я не знала его до сихъ поръ. Онъ разспрашивалъ меня тоже про то, что я люблю, что читаю, что намѣрена дѣлать, и давалъ совѣты. Онъ былъ теперь для меня не шутникъ и весельчакъ, дразнившій меня и дѣлавшій игрушки, а человѣкъ серьезный, простой и любящій, къ которому я чувствовала невольное уваженіе и симпатію. Мнѣ было легко, пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала невольную напряженность, говоря съ нимъ. Я боялась за каждое свое слово; мнѣ такъ хотѣлось самой заслужить его любовь, которая ужъ была пріобрѣтена мною только за то, что я была дочь моего отца.

Уложивъ Соню, Катя присоединилась къ намъ и нажаловалась ему на мою апатію, про которую я ничего не сказала.

— Самаго-то главнаго она и не разсказала мнѣ, — сказалъ онъ, улыбаясь и укоризненно качая на меня головой.

— Что-жъ разсказывать! — сказала я: — это очень скучно, да и пройдетъ. (Мнѣ дѣйствительно казалось теперь, что не только пройдетъ моя тоска, но что она уже прошла и что ея никогда не было).

— Это не хорошо не умѣть переносить одиночества, — сказалъ онъ: — неужели вы барышня?

— Разумѣется, барышня, — отвѣчала я, смѣясь.

— Нѣтъ, дурная барышня, которая только жива, пока на нее любуются, а какъ только одна осталась, такъ и опустилась, и ничто ей не мило: все только для показу, а для себя ничего.

— Хорошаго вы мнѣнія обо мнѣ, — сказала я, чтобы сказать что-нибудь.

— Нѣтъ! — проговорилъ онъ, помолчавъ немного, — не даромъ вы похожи на вашего отца. Въ васъ *есть*... — и его добрый, внимательный взглядъ снова польстилъ мнѣ и радостно смутилъ меня.

Только теперь я замѣтила изъ-за его на первое впечатлѣніе веселаго лица этотъ, ему одному принадлежащій, взглядъ, сначала ясный, а потомъ все болѣе и болѣе внимательный и нѣсколько грустный.

— Вамъ не должно и нельзя скучать, — сказалъ онъ: — у васъ есть музыка, которую вы понимаете, книги, ученіе, у васъ цѣлая жизнь впереди, къ которой теперь только и можно готовиться, чтобы потомъ не жалѣть. Черезъ годъ ужъ поздно будетъ.

Онъ говорилъ со мной, какъ отецъ или дядя, и я чувствовала, что онъ безпрестанно удерживается, чтобы быть наравнѣ со мной. Мнѣ было и обидно, что онъ считаетъ меня ниже себя, и пріятно, что для одной меня онъ считаетъ нужнымъ стараться быть другимъ.

Остальной вечеръ онъ о дѣлахъ говорилъ съ Катей.

— Ну, прощайте, любезные друзья, — сказалъ онъ, вставая и подходя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Когда же мы увидимся опять? — спросила Катя.

— Весной, — отвѣчалъ онъ, продолжая держать меня за руку, — теперь поѣду въ Даниловку (наша другая деревня), узнаю тамъ, устрою, что могу, заѣду въ Москву ужъ по своимъ дѣламъ, а лѣтомъ будемъ видѣться.

— Ну что-жъ это вы такъ надолго?.. — сказала я ужасно грустно; и дѣйствительно, я надѣялась уже видѣть его каждый день, и мнѣ такъ вдругъ жалко стало и страшно, что опять вернется моя тоска. Должно быть, это выразилось въ моемъ взглядѣ и тонѣ.

— Да побольше занимайтесь, не хандрите, — сказалъ онъ, какъ мнѣ показалось, слишкомъ холодно-простымъ тономъ. — А весной я васъ проэкзаменую, — прибавилъ онъ, выпуская мою руку и не глядя на меня.

Въ передней, гдѣ мы стояли, провожая его, онъ заторопился, надѣвая шубу, и опять обошелъ меня взглядомъ. «Напрасно онъ старается! — подумала я. — Неужели онъ думаетъ, что мнѣ ужъ такъ пріятно, чтобы онъ смотрѣлъ на меня? Онъ хорошій человѣкъ; очень хорошій... но и только».

Однако въ этотъ вечеръ мы съ Катей долго не засыпали и все говорили не о немъ, а о томъ, какъ проведемъ нынѣшнее лѣто, гдѣ и какъ будемъ жить зиму. Страшный вопросъ: зачѣмъ? — уже не представлялся мнѣ. Мнѣ казалось очень просто и ясно, что жить надо для того, чтобы быть счастливою, и въ будущемъ представлялось много счастія. Какъ будто вдругъ нашъ старый, мрачный покровскій домъ наполнился жизнью и свѣтомъ.

II

Между тѣмъ пришла весна. Прежняя тоска моя прошла и замѣнилась весеннею мечтательною тоской непонятныхъ надеждъ и желаній. Хотя я жила не такъ, какъ въ началѣ зимы, а занималась и Соней, и музыкой, и чтеніемъ, я часто уходила въ садъ и долго-долго бродила одна по аллеямъ или сидѣла на скамейкѣ, Богъ знаетъ о чемъ думая, чего желая и надѣясь. Иногда и цѣлыя ночи, особенно мѣсячныя, я просиживала до утра у окна своей комнаты; иногда въ одной кофточкѣ, потихоньку отъ Кати, выходила въ садъ и по росѣ бѣгала до пруда, и одинъ разъ вышла даже въ поле, одна ночью обошла весь садъ кругомъ.

Теперь мнѣ трудно вспомнить и понять тѣ мечты, которыя тогда наполняли мое воображеніе. Даже когда я вспомню, мнѣ не вѣрится, чтобы точно это были мои мечты: такъ онѣ были странны и далеки отъ жизни.

Въ концѣ мая Сергѣй Михайлычъ, какъ и обѣщалъ, вернулся изъ своей поѣздки.

Въ первый разъ онъ пріѣхалъ вечеромъ, когда мы совсѣмъ не ожидали его. Мы сидѣли на террасѣ и собирались пить чай. Садъ уже былъ весь въ зелени, и въ заросшихъ клумбахъ уже поселились соловьи на всѣ Петровки. Кудрявые кусты сирени кое-гдѣ какъ будто посыпаны были сверху чѣмъ-то бѣлымъ и лиловымъ. Это цвѣты готовились распускаться. Листва березовой аллеи была вся прозрачна на заходящемъ солнцѣ. На террасѣ была свѣжая тѣнь. Сильная вечерняя роса должна была лечь на траву. На дворѣ за садомъ слышались послѣдніе звуки дня, шумъ пригнаннаго стада; дурачокъ Никонъ ѣздилъ съ бочкой передъ террасой по дорожкѣ, и холодная струя воды изъ лейки кругами чернила вскопанную землю около стволовъ георгинъ и подпорокъ. У насъ, на террасѣ, на бѣлой скатерти блестѣлъ и кипѣлъ свѣтло-вычищенный самоваръ, стояли сливки, крендельки, печенья. Катя пухлыми руками домовито перемывала чашки. Я, не дожидаясь чая и проголодавшись послѣ купанья, ѣла хлѣбъ съ густыми свѣжими сливками. На мнѣ была холстинковая блуза съ открытыми рукавами, и голова была повязана платкомъ по мокрымъ волосамъ. Катя первая еще черезъ окно увидала его.

— А! Сергѣй Михайлычъ! — проговорила она, — а мы только что про васъ говорили.

Я встала и хотѣла уйти, чтобы переодѣться, но онъ засталъ меня въ то время, какъ я была уже въ дверяхъ.

— Ну, что за церемоніи въ деревнѣ, — сказалъ онъ, глядя на мою голову въ платкѣ и улыбаясь, — вѣдь вамъ не совѣстно Григорія, а я, право, для васъ Григорій. — Но именно теперь мнѣ показалось, что онъ смотритъ на меня совсѣмъ не такъ, какъ могъ смотрѣть Григорій, и мнѣ стало неловко.

— Я сейчасъ приду, — сказала я, уходя отъ него.

— Чѣмъ же это дурно! — прокричалъ онъ мнѣ вслѣдъ, — точно молодайка крестьянская.

«Какъ онъ странно посмотрѣлъ на меня, — думала я, торопливо переодѣваясь наверху. — Ну, слава Богу, что онъ пріѣхалъ: веселѣе будетъ!» Посмотрѣвшись въ зеркало, я весело сбѣжала внизъ по лѣстницѣ и, не скрывая того, что торопилась, запыхавшись, вошла на террасу. Онъ сидѣлъ за столомъ и разсказывалъ Катѣ про наши дѣла. Взглянувъ на меня, онъ улыбнулся и продолжалъ говорить. Дѣла наши, по его словамъ, были въ отличномъ положеніи. Теперь намъ надо было только лѣто пробыть въ деревнѣ, а потомъ ѣхать или въ Петербургъ для воспитанія Сони или за границу.

— Да вотъ ежели бы вы съ нами за границу поѣхали, — сказала Катя, — а то мы однѣ какъ въ лѣсу тамъ будемъ.

— Ахъ, какъ бы я съ вами вокругъ свѣта поѣхалъ! — сказалъ онъ полушутя, полусерьезно.

— Такъ что-жъ, — сказала я, — поѣдемте вокругъ свѣта.

Онъ улыбнулся и покачалъ головой.

— А матушка? А дѣла? — сказалъ онъ. — Ну, да не въ томъ дѣло. Разскажите-ка, какъ вы провели это время? Неужели опять хандрили?

Когда я ему разсказала, что безъ него занималась и не скучала, и Катя подтвердила мои слова, онъ похвалилъ меня и словами и взглядомъ обласкалъ меня, какъ ребенка, какъ будто имѣлъ на то право. Мнѣ казалось необходимо подробно и особенно искренно сообщать ему все, что я дѣлала хорошаго, и признаваться, какъ на исповѣди, во всемъ, чѣмъ онъ могъ быть недоволенъ. Вечеръ былъ такъ хорошъ, что чай унесли, а мы остались на террасѣ, и разговоръ былъ такъ занимателенъ для меня, что я не замѣтила, какъ понемногу затихли вокругъ насъ людскіе звуки. Отовсюду сильнѣе запахло цвѣтами, обильная роса облила траву, соловей защелкалъ недалеко въ кустѣ сирени и затихъ, услыхавъ наши голоса; звѣздное небо какъ будто опустилось надъ нами.

Я замѣтила, что ужъ смеркалось, только потому, что летучая мышь вдругъ беззвучно влетѣла подъ парусину террасы и затрепыхалась около моего бѣлаго платка. Я прижалась къ стѣнѣ и хотѣла уже вскрикнуть, но мышь такъ же беззвучно и быстро вынырнула изъ-подъ навѣса и скрылась въ полутьмѣ сада.

— Какъ я люблю ваше Покровское, — сказалъ онъ, прерывая разговоръ. — Такъ бы всю жизнь и сидѣлъ тутъ на террасѣ.

— Ну что-жъ, и сидите, — сказала Катя.

— Да, сидите, — проговорилъ онъ, — жизнь не сидитъ.

— Что вы не женитесь? — сказала Катя. — Вы бы отличный мужъ были.

— Оттого, что я люблю сидѣть? — И онъ засмѣялся. — Нѣтъ, Катерина Карловна, намъ съ вами уже не жениться. На меня ужъ давно всѣ перестали смотрѣть, какъ на человѣка, котораго женить можно. А я самъ и подавно, и съ тѣхъ поръ мнѣ такъ хорошо стало, право.

Мнѣ казалось, что онъ какъ-то неестественно увлекательно говоритъ это.

— Вотъ хорошо! тридцать шесть лѣтъ, ужъ и отжилъ, — сказала Катя.

— Да еще какъ отжилъ, — продолжалъ онъ, — только сидѣть и хочется. А чтобы жениться, надо другое. Вотъ спросите-ка у нея, — прибавилъ онъ, головой указывая на меня. — Вотъ этихъ женить надо. А мы съ вами будемъ на нихъ радоваться.

Въ тонѣ его была затаенная грусть и напряженность, не укрывшаяся отъ меня. Онъ помолчалъ немного; ни я, ни Катя ничего не сказали.

— Ну, представьте себѣ, — продолжалъ онъ, повернувшись на стулѣ, — ежели бы я вдругъ женился какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ на семнадцатилѣтней дѣвочкѣ, хоть на Маш... Марьѣ Александровнѣ. Это прекрасный примѣръ, я очень радъ, что это такъ выходитъ... и это самый лучшій примѣръ.

Я засмѣялась и никакъ не понимала, чему онъ такъ радъ и что такое такъ выходитъ.

— Ну, скажите по правдѣ, — руку на сердце, — сказалъ онъ, шутливо обращаясь ко мнѣ, — развѣ не было бы для васъ несчастіе соединить свою жизнь съ человѣкомъ старымъ, отжившимъ, который только сидѣть хочетъ, тогда какъ у васъ тамъ Богъ знаетъ что бродитъ, чего хочется.

Мнѣ неловко стало, я молчала, не зная, что отвѣтить.

— Вѣдь я не дѣлаю вамъ предложенія, — сказалъ онъ, смѣясь, — но по правдѣ скажите, вѣдь не о такомъ мужѣ вы мечтаете, когда по вечерамъ однѣ гуляете по аллеѣ? И вѣдь это было бы несчастіе?

— Не несчастіе... — начала я.

— Ну, а нехорошо, — докончилъ онъ.

— Да, но вѣдь я могу ошиба...

Но опять онъ перебилъ меня.

— Ну вотъ видите, и она совершенно права, и я благодаренъ ей за искренность и очень радъ, что у насъ былъ этотъ разговоръ! Да мало этого, для меня бы это было величайшее несчастіе, — прибавилъ онъ.

— Какой вы чудакъ, ничего не перемѣнились, — сказала Катя и вышла съ террасы, чтобы велѣть накрывать ужинъ.

Мы оба затихли послѣ ухода Кати, и вокругъ насъ все было тихо. Только соловей уже не по-вчерашнему, отрывисто и нерѣшительно, а по-ночному, неторопливо, спокойно, заливался на весь садъ, и другой снизу отъ оврага въ первый разъ нынѣшній вечеръ издалека откликнулся ему. Ближайшій замолкъ, какъ будто прислушивался на минуту, и еще рѣзче и напряженнѣе залился пересыпчатою звонкою трелью. И царственно-спокойно раздавались эти голоса въ ихнемъ, чуждомъ для насъ ночномъ мірѣ. Садовникъ прошелъ спать въ оранжерею, шаги его въ толстыхъ сапогахъ, все удаляясь, прозвучали по дорожкѣ. Кто-то пронзительно свистнулъ два раза подъ горой, и все опять затихло. Чуть слышно заколебался листъ, полохнулось полотно террасы, и, колеблясь въ воздухѣ, донеслось что-то пахучее на террасу и разлилось по ней. Мнѣ неловко было молчать послѣ того, что было сказано, но что сказать я не знала. Я посмотрѣла на него. Блестящіе глаза въ полутьмѣ оглянулись на меня.

— Отлично жить на свѣтѣ! — проговорилъ онъ.

Я вздохнула отчего-то.

— Что?

— Отлично жить на свѣтѣ! — повторила я.

И опять мы замолчали, и мнѣ опять стало неловко. Мнѣ все приходило въ голову, что я огорчила его, согласившись съ нимъ, что онъ старъ, и хотѣла утѣшить его, но не знала, какъ сдѣлать это.

— Однако прощайте, — сказалъ онъ, вставая, — матушка ждетъ меня къ ужину. Я почти не видалъ ея нынче.

— А я хотѣла сыграть вамъ новую сонату, — сказала я.

— Въ другой разъ, — сказалъ онъ холодно, какъ мнѣ показалось.

— Прощайте.

Мнѣ еще больше показалось теперь, что я огорчила его, и стало жалко. Мы съ Катей проводили его до крыльца и постояли на дворѣ, глядя по дорогѣ, по которой онъ скрылся. Когда затихъ уже топотъ его лошади, я пошла кругомъ на террасу и опять стала смотрѣть въ садъ и въ росистомъ туманѣ, въ которомъ стояли ночные звуки, долго еще видѣла и слышала все то, что хотѣла видѣть и слышать.

Онъ пріѣхалъ въ другой, въ третій разъ, и неловкость, происшедшая отъ страннаго разговора, бывшаго между нами, совершенно исчезла и больше не возобновлялась. Въ продолженіе всего лѣта онъ раза два-три въ недѣлю пріѣзжалъ къ намъ; и я привыкла къ нему такъ, что, когда онъ долго не пріѣзжалъ, мнѣ казалось неловко жить одной, и я сердилась на него и находила, что онъ дурно поступаетъ, оставляя меня. Онъ обращался со мной, какъ съ молодымъ любимымъ товарищемъ, разспрашивалъ меня, вызывалъ на самую задушевную откровенность, давалъ совѣты, поощрялъ, иногда бранилъ и останавливалъ. Но, несмотря на все его старанье постоянно быть наравнѣ со мной, я чувствовала, что за тѣмъ, что я понимала въ немъ, оставался еще цѣлый чужой міръ, въ который онъ не считалъ нужнымъ впускать меня, и это-то сильнѣе всего поддерживало во мнѣ уваженіе и притягивало къ нему. Я знала отъ Кати и отъ сосѣдей, что, кромѣ заботъ о старой матери, съ которою онъ жилъ, кромѣ своего хозяйства и нашего опекунства, у него были какія-то дворянскія дѣла, за которыя ему дѣлали большія непріятности; но какъ онъ смотрѣлъ на все это, какіе были его убѣжденія, планы, надежды, я никогда ничего не могла узнать отъ него. Какъ только я наводила разговоръ на его дѣла, онъ морщился своимъ особеннымъ манеромъ, какъ будто говоря: «полноте, пожалуйста, что вамъ до этого», и переводилъ разговоръ на другое. Сначала это оскорбляло меня, но потомъ я такъ привыкла къ тому, что мы всегда говорили только о вещахъ, касающихся меня, что уже находила это естественнымъ.

Что̀ также сначала не нравилось мнѣ, а потомъ, напротивъ, сдѣлалось пріятно, было его совершенное равнодушіе и какъ бы презрѣніе къ моей наружности. Онъ никогда ни взглядомъ, ни словомъ не намекалъ мнѣ на то, что я хороша, а, напротивъ, морщился и смѣялся, когда при немъ называли меня хорошенькой. Онъ даже любилъ находить во мнѣ наружные недостатки и дразнилъ меня ими. Модныя платья и прически, въ которыя Катя любила наряжать меня по торжественнымъ днямъ, вызывали только его насмѣшки, огорчавшія добрую Катю и сначала сбивавшія меня съ толку. Катя, рѣшившая въ своемъ умѣ, что я ему нравлюсь, никакъ не могла понять, какъ не любить, чтобы нравящаяся женщина выказывалась въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Я же скоро поняла, что̀ ему было надо. Ему хотѣлось вѣрить, что во мнѣ нѣтъ кокетства. И когда я поняла это, во мнѣ дѣйствительно не осталось и тѣни кокетства нарядовъ, причесокъ, движеній; но зато явилось бѣлыми нитками шитое кокетство простоты, въ то время какъ я еще не могла быть проста. Я знала, что онъ любитъ меня; но какъ ребенка или какъ женщину, я еще не спрашивала себя; я дорожила этою любовью и, чувствуя, что онъ считаетъ меня самою лучшею дѣвушкой въ мірѣ, я не могла не желать, чтобъ этотъ обманъ оставался въ немъ. И я невольно обманывала его. Но, обманывая его, и сама становилась лучше. Я чувствовала, какъ лучше и достойнѣе мнѣ было выказывать передъ нимъ лучшія стороны своей души, чѣмъ тѣла. Мои волосы, руки, лицо, привычки, какіе бы они ни были, хорошіе или дурные, мнѣ казалось, онъ сразу оцѣнилъ и зналъ такъ, что я ничего, кромѣ желанія обмана, не могла прибавить къ своей наружности. Души же моей онъ не зналъ, потому что любилъ ее, потому что въ то самое время она росла и развивалась, и тутъ-то я могла обманывать и обманывала его. И какъ легко мнѣ стало съ нимъ, когда я ясно поняла это! Эти безпричинныя смущенія, стѣсненность движеній совершенно исчезли во мнѣ. Я чувствовала, что спереди ли, съ боку ли, сидя или стоя, онъ видитъ меня, съ волосами кверху или книзу, — онъ зналъ всю меня и, мнѣ казалось, былъ доволенъ мною, какою я была. Я думаю, что ежели бы онъ, противъ своихъ привычекъ, какъ другіе, вдругъ сказалъ мнѣ, что у меня прекрасное лицо, я бы даже нисколько не была рада. Но зато какъ отрадно и свѣтло на душѣ становилось мнѣ, когда онъ послѣ какого-нибудь моего слова, пристально поглядѣвъ на меня, говорилъ тронутымъ голосомъ, которому старался дать шутливый тонъ:

— Да, да, въ васъ *есть*. Вы славная дѣвушка, это я долженъ сказать вамъ.

И вѣдь за что я получала тогда такія награды, наполнявшія мое сердце гордостью и весельемъ? За то, что я говорила, что сочувствую любви стараго Григорія къ своей внучкѣ, или за то, что до слезъ трогалась прочитаннымъ стихотвореніемъ или романомъ, или за то, что предпочитала Моцарта Шульгофу. И удивительно, мнѣ подумалось, какимъ необыкновеннымъ чутьемъ угадывала я тогда все то, что хорошо и что надо бы любить, хотя я тогда еще рѣшительно не знала, что хорошо и что надо любить. Большая часть моихъ прежнихъ привычекъ и вкусовъ не нравилась ему, и стоило движеніемъ брови, взглядомъ показать, что ему не нравится то, что я хочу сказать, сдѣлать свою особенную, жалкую, чуть-чуть презрительную мину, какъ мнѣ уже казалось, что я не люблю того, что любила прежде. Бывало, онъ только хочетъ посовѣтовать мнѣ что-нибудь, а ужъ мнѣ кажется, что я знаю, что̀ онъ скажетъ. Онъ спроситъ меня, глядя мнѣ въ глаза, и взглядъ его вытягиваетъ изъ меня ту мысль, какую ему хочется. Всѣ мои тогдашнія мысли, всѣ тогдашнія чувства были не мои, а его мысли и чувства, которыя вдругъ сдѣлались моими, перешли въ мою жизнь и освѣтили ее. Совершенно незамѣтно для себя я на все стала смотрѣть другими глазами: и на Катю, и на нашихъ людей, и на Соню, и на себя, и на свои занятія. Книги, которыя прежде я читывала только для того, чтобъ убавить скуку, сдѣлались вдругъ для меня однимъ изъ лучшихъ удовольствій въ жизни, и все только оттого, что мы поговорили съ нимъ о книгахъ, читали съ нимъ вмѣстѣ и онъ привозилъ мнѣ ихъ. Прежде занятія съ Соней, уроки ей были для меня тяжелою обязанностью, которую я усиливалась исполнять только по сознанію долга; онъ посидѣлъ за урокомъ — и слѣдить за успѣхами Сони сдѣлалось для меня радостью. Выучить цѣлую музыкальную пьесу прежде казалось мнѣ невозможнымъ, а теперь, зная, что онъ будетъ слушать и похвалитъ, можетъ-быть, я по сорока разъ сряду проигрывала одинъ пассажъ, такъ что бѣдная Катя затыкала уши ватой, а мнѣ все не было скучно. Тѣ же старыя сонаты какъ-то совсѣмъ иначе фразировались теперь и выходили совсѣмъ иначе и гораздо лучше. Даже Катя, которую я знала и любила какъ себя, и та измѣнилась въ моихъ глазахъ. Теперь только я поняла, что она вовсе не была обязана быть матерью, другомъ, рабой, какою она была для насъ. Я поняла все самоотверженіе и преданность этого любящаго созданія, поняла все, чѣмъ я обязана ей, и еще больше ста́ла любить ее. Онъ же научилъ меня смотрѣть на нашихъ людей — крестьянъ, дворовыхъ, дѣвушекъ — совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Смѣшно сказать, а до семнадцати лѣтъ я прожила между этими людьми болѣе чужая для нихъ, чѣмъ для людей, которыхъ никогда не видала; ни разу не подумала, что эти люди такъ же любятъ, желаютъ и сожалѣютъ, какъ и я. Нашъ садъ, наши рощи, наши поля, которые я такъ давно знала, вдругъ сдѣлались новыми и прекрасными для меня. Не даромъ онъ говорилъ, что въ жизни есть только одно несомнѣнное счастіе — жить для другого. Мнѣ тогда это странно казалось, я не понимала этого; но это убѣжденіе, помимо мысли, уже приходило мнѣ въ сердце. Онъ открылъ мнѣ цѣлую жизнь радостей въ настоящемъ, не измѣнивъ ничего въ моей жизни, ничего не прибавивъ, кромѣ себя, къ каждому впечатлѣнію. Все то, что съ дѣтства безмолвно было вокругъ меня, вдругъ ожило. Стоило ему только придти, чтобы все то же заговорило и наперерывъ запросилось въ душу, наполняя ее счастіемъ.

Часто въ это лѣто я приходила наверхъ, въ свою комнату, ложилась на постель и, вмѣсто прежней весенней тоски, желаній и надеждъ въ будущемъ, тревога счастія въ настоящемъ обхватывала меня. Я не могла засыпать, вставала, садилась на постель къ Катѣ и говорила ей, что я совершенно счастлива, чего, какъ теперь я вспоминаю, совсѣмъ не нужно было говорить ей: она сама могла видѣть это. Но она говорила мнѣ, что и ей ничего не нужно и что она тоже очень счастлива, и цѣловала меня. Я вѣрила ей, мнѣ казалось такъ необходимо и справедливо, чтобы всѣ были счастливы. Но Катя могла тоже думать о снѣ и даже, притворяясь сердитою, прогоняла меня, бывало, со своей постели и засыпала; а я долго перебирала все то, чѣмъ я такъ счастлива. Иногда я вставала и молилась въ другой разъ, своими словами молилась, чтобы благодарить Бога за все то счастіе, которое Онъ далъ мнѣ.

И въ комнатѣ было тихо; только сонно и ровно дышала Катя, часы тикали подлѣ нея, и я поворачивалась и шептала слова или крестилась и цѣловала крестъ на шеѣ. Двери были закрыты, ставешки были въ окнахъ, какая-нибудь муха или комаръ, колеблясь, жужжали на одномъ мѣстѣ. И мнѣ хотѣлось никогда не выходить изъ этой комнатки, не хотѣлось, чтобы приходило утро, не хотѣлось, чтобы разлетѣлась эта моя душевная атмосфера, окружавшая меня. Мнѣ казалось, что мои мечты, мысли и молитвы — живыя существа, тутъ во mракѣ живущія со мной, летающія около моей постели, стоящія надо мной. И каждая мысль была его мысль и каждое чувство — его чувство. Я тогда еще не знала, что это любовь, я думала, что это такъ всегда можетъ быть, что такъ, даромъ дается это чувство.

III.

Одинъ день во время уборки хлѣба мы съ Катей и Соней послѣ обѣда пошли въ садъ на нашу любимую скамейку въ тѣни липъ надъ оврагомъ, за которымъ открывался видъ лѣса и поля. Сергѣй Михайлычъ уже дня три не былъ у насъ, и въ этотъ день мы ожидали его, тѣмъ болѣе, что нашъ приказчикъ сказалъ, что онъ обѣщалъ пріѣхать на поле. Часу во второмъ мы видѣли, какъ онъ верхомъ пріѣхалъ на ржаное поле. Катя велѣла принесть персиковъ и вишенъ, которые онъ очень любилъ, съ улыбкой взглянувъ на меня, прилегла на скамейку и задремала. Я оторвала кривую, плоскую вѣтку липы съ сочными листьями и сочною корой, обмочившею мнѣ руку, и, обмахивая Катю, продолжала читать, безпрестанно отрываясь и глядя на полевую дорогу, по которой онъ долженъ былъ пріѣхать. Соня у корня старой липы строила бесѣдку для куколъ. День былъ жаркій, безвѣтренный, парило, тучи срастались и чернѣли, и съ утра еще собиралась гроза. Я была взволнована, какъ всегда передъ грозой. Но послѣ полудня тучи стали разбираться по краямъ, солнце выплыло на чистое небо и только на одномъ краю погромыхивало, и по тяжелой тучѣ, стоявшей надъ горизонтомъ и сливавшейся съ пылью на поляхъ, изрѣдка до земли прорѣзались блѣдные зигзаги молніи. Ясно было, что на нынѣшній день разойдется — у насъ, по крайней мѣрѣ. По виднѣвшейся мѣстами дорогѣ за садомъ, не прерываясь, то медленно тянулись высокіе скрипящіе воза съ снопами, то быстро навстрѣчу имъ постукивали пустыя телѣги, дрожали ноги и развѣвались рубахи. Густая пыль не уносилась и не опускалась, а стояла за плетнемъ между прозрачною листвой деревьевъ сада. Подальше, на гумнѣ, слышались тѣ же голоса, тотъ же скрипъ колесъ и тѣ же желтые снопы, медленно подвигавшіеся мимо забора, тамъ летали по воздуху, и на моихъ глазахъ росли овальные дома, выдѣлялись ихъ острыя крыши, и фигуры мужиковъ копошились на нихъ. Впереди на пыльномъ полѣ тоже двигались телѣги, и тоже виднѣлись желтые снопы, и также звуки телѣгъ, голосовъ и пѣсенъ доносились издали. Съ одного края все открытѣе и открытѣе становилось жнивье, съ полосами полынью поросшей межи. Поправѣе, внизу, по некрасиво спутанному, скошенному полю виднѣлись яркія одежды вязавшихъ бабъ, нагибающихся, размахивающихъ руками, и спутанное поле очищалось, и красивые снопы часто разставлялись по немъ. Какъ будто вдругъ на моихъ глазахъ изъ лѣта сдѣлалась осень. Пыль и зной стояли вездѣ, исключая нашего любимаго мѣстечка въ саду. Со всѣхъ сторонъ въ этой пыли и знoѣ на горячемъ солнцѣ говорилъ, шумѣлъ и двигался трудовой народъ.

А Катя такъ сладко похрапывала подъ бѣлымъ батистовымъ платочкомъ на нашей прохладной скамейкѣ, вишни такъ сочно-глянцевито чернѣли на тарелкѣ, платья наши были такъ свѣжи и чисты, вода въ кружкѣ такъ радужно-свѣтло играла на солнцѣ, и мнѣ такъ было хорошо. «Что же дѣлать? — думала я, — чѣмъ же я виновата, что я счастлива? Но какъ подѣлиться счастіемъ? какъ и кому отдать всю себя и все свое счастіе?...»

Солнце уже зашло за макушки березовой аллеи, пыль укладывалась въ полѣ, даль виднѣлась явственнѣе и свѣтлѣе въ боковомъ освѣщеніи, тучи совсѣмъ разошлись, на гумнѣ изъ-за деревьевъ видны были три новыя крыши скирдовъ, и мужики сошли съ нихъ; телѣги съ громкими криками проскакали, видно, въ послѣдній разъ; бабы съ граблями на плечахъ и свяслами на кушакахъ съ громкою пѣснью прошли домой, а Сергѣй Михайлычъ все не пріѣзжалъ, несмотря на то, что я давно видѣла, какъ онъ съѣхалъ подъ гору. Вдругъ по аллеѣ съ той стороны, съ которой я вовсе не ожидала его, показалась его фигура (онъ обошелъ оврагомъ). Съ веселымъ, сіяющимъ лицомъ и снявъ шляпу, онъ скорыми шагами шелъ ко мнѣ. Увидавъ, что Катя спитъ, онъ закусилъ губу, закрылъ глаза и пошелъ на цыпочкахъ; я сейчасъ замѣтила, что онъ находился въ томъ особенномъ настроеніи безпричинной веселости, которое я ужасно любила въ немъ и которое мы называли дикимъ восторгомъ. Онъ былъ точно школьникъ, вырвавшійся отъ ученія; все существо его, отъ лица и до ногъ, дышало довольствомъ, счастіемъ и дѣтскою рѣзвостью.

— Ну, здравствуйте, молодая фіалка, какъ вы? хорошо? — сказалъ онъ шопотомъ, подходя ко мнѣ и пожимая мнѣ руку. — А я отлично, — отвѣчалъ онъ на мой вопросъ, — мнѣ нынче тринадцать лѣтъ, хочется въ лошадки играть и по деревьямъ лазить.

— Въ дикомъ восторгѣ? — сказала я, глядя на его смѣющіеся глаза и чувствуя, что этотъ *дикій восторгъ* сообщался мнѣ.

— Да, — отвѣчалъ онъ, подмигивая однимъ глазомъ и удерживая улыбку. — Только за что же Катерину Карловну по носу бить?

Я и не замѣтила, глядя на него и продолжая махать вѣткой, какъ я сбила платокъ съ Кати и гладила ее по лицу листьями. Я засмѣялась.

— А она скажетъ, что не спала, — проговорила я шопотомъ будто бы для того, чтобы не разбудить Катю; но совсѣмъ не затѣмъ: мнѣ просто пріятно было шопотомъ говорить съ нимъ.

Онъ зашевелилъ губами, передразнивая меня, будто я говорила ужъ такъ тихо, что ничего нельзя было слышать. Увидѣвъ тарелку съ вишнями, онъ какъ будто украдкой схватилъ ее, пошелъ къ Сонѣ подъ липу и сѣлъ на ея куклы. Соня разсердилась сначала, но онъ скоро помирился съ ней, устроивъ игру, въ которой онъ съ ней на перегонки долженъ былъ съѣдать вишни.

— Хотите, я велю еще принести, — сказала я, — или пойдемте сами.

Онъ взялъ тарелку, посадилъ на нее куколъ, и мы втроемъ пошли къ сараю. Соня, смѣясь, бѣжала за нами, дергая его за пальто, чтобы онъ отдалъ куколъ. Онъ отдалъ ихъ и серьезно обратился ко мнѣ.

— Ну, какъ же вы не фіалка, — сказалъ онъ мнѣ все еще тихо, хотя некого уже было бояться разбудить: — какъ только подошелъ къ вамъ послѣ всей этой пыли, жару, трудовъ, такъ и запахло фіалкой. И не душистою фіалкой, а знаете, этою первою, темненькою, которая пахнетъ снѣжкомъ талымъ и травою весенней.

— Ну, а что, хорошо все идетъ по хозяйству? — спросила я его, чтобы скрыть радостное смущеніе, которое произвели во мнѣ его слова.

— Отлично! этотъ народъ вездѣ отличный. Чѣмъ больше его знаешь, тѣмъ больше любишь.

— Да, — сказала я, — нынче передъ вами я смотрѣла изъ сада на работы и такъ мнѣ вдругъ совѣстно стало, что они трудятся, а мнѣ такъ хорошо, что...

— Не кокетничайте этимъ, мой другъ, — перебилъ онъ меня, вдругъ серьезно, но ласково взглянувъ мнѣ въ глаза: — это дѣло свято. Избави васъ Богъ щеголять этимъ.

— Да я *вамъ* только говорю это.

— Ну-да, я знаю. Ну, какъ же вишни?

Сарай былъ запертъ и садовниковъ никого не было (онъ ихъ всѣхъ усылалъ на работы). Соня побѣжала за ключомъ, но онъ, не дожидаясь ея, взлѣзъ на уголъ, поднялъ сѣтку и спрыгнулъ на другую сторону.

— Хотите? — послышался мнѣ оттуда его голосъ, — давайте тарелку.

— Нѣтъ, я сама тоже хочу рвать, я пойду за ключомъ, — сказала я, — Соня не найдетъ.

Но въ это же время мнѣ захотѣлось посмотрѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ, какъ смотритъ, какъ движется, полагая, что его никто не видитъ. Да просто мнѣ въ это время ни на минуту не хотѣлось терять его изъ виду. Я на цыпочкахъ по крапивѣ обѣжала сарай съ другой стороны, гдѣ было ниже, и, вставъ на пустую кадку, такъ что стѣна мнѣ приходилась ниже груди, перегнулась въ сарай. Я окинула глазами внутренность сарая съ его старыми изогнутыми деревьями и съ зубчатыми широкими листьями, изъ-за которыхъ тяжело и прямо висѣли черныя сочныя ягоды и, подсунувъ голову подъ сѣтку, изъ-подъ коряваго сука старой вишни увидала Сергѣя Михайлыча. Онъ, вѣрно, думалъ, что я ушла, что его никто не видитъ. Снявъ шляпу и закрывъ глаза, онъ сидѣлъ на развилинѣ старой вишни и старательно скатывалъ въ шарикъ кусокъ вишневаго клею. Вдругъ онъ пожалъ плечами, открылъ глаза и, проговоривъ что-то, улыбнулся. Такъ не похоже на него было это слово и эта улыбка, что мнѣ совѣстно стало за то, что я подсматриваю его. Мнѣ показалось, что слово это было: Маша! «Не можетъ быть», думала я. «Милая Маша!» повторилъ онъ уже тише и еще нѣжнѣе. Но я уже явственно слышала эти два слова. Сердце забилось у меня такъ сильно, и такая волнующая, какъ будто запрещенная радость вдругъ обхватила меня, что я ухватилась руками за стѣну, чтобы не упасть и не выдать себя. Онъ услыхалъ мое движенiе, испуганно оглянулся и, вдругъ опустивъ глаза, покраснѣлъ, побагровѣлъ, какъ ребенокъ. Онъ хотѣлъ сказать мнѣ что-то, но не могъ, и еще и еще такъ и вспыхивало его лицо. Однако онъ улыбнулся, глядя на меня. Я улыбнулась тоже. Все лицо его просiяло радостью. Это былъ уже не старый дядя, ласкающiй и поучающiй меня, это былъ равный мнѣ человѣкъ, который любилъ и боялся меня и котораго я боялась и любила. Мы ничего не говорили и только глядѣли другъ на друга. Но вдругъ онъ нахмурился, улыбка и блескъ въ глазахъ его исчезли, и онъ холодно, опять отечески обратился ко мнѣ, какъ будто мы дѣлали что-нибудь дурное и какъ будто онъ опомнился и мнѣ совѣтовалъ опомниться.

— Однако слѣзайте, ушибетесь, — сказалъ онъ. — Да поправьте волосы, посмотрите, на что вы похожи.

«Зачѣмъ онъ притворяется? Зачѣмъ хочетъ мнѣ дѣлать больно?» съ досадой подумала я. И въ ту же минуту мнѣ пришло непреодолимое желанiе еще разъ смутить его и испытать на немъ мою силу.

— Нѣтъ, я хочу сама рвать, — сказала я и, схватившись руками за ближайшiй сукъ, ногами вскочила на стѣну. Онъ не успѣлъ поддержать меня, какъ я ужъ соскочила въ сарай на землю.

— Какія вы глупости дѣлаете! — проговорилъ онъ, снова краснѣя и подъ видомъ досады стараясь скрыть свое смущеніе: — вѣдь вы могли ушибиться. И какъ вы выйдете отсюда?

Онъ былъ смущенъ еще больше, чѣмъ прежде, но теперь это смущеніе уже не обрадовало, а испугало меня. Оно сообщилось мнѣ, я покраснѣла и, избѣгая его и не зная, что говорить, стала рвать ягоды, которыхъ класть мнѣ было некуда. Я упрекала себя, я раскаивалась, я боялась, и мнѣ казалось, что я навѣки погубила себя въ его глазахъ этимъ поступкомъ. Мы оба молчали и обоимъ было тяжело. Соня, прибѣжавшая съ ключомъ, вывела насъ изъ этого тяжелаго положенія. Долго послѣ этого мы ничего не говорили другъ съ другомъ и оба обращались къ Сонѣ. Когда мы вернулись къ Катѣ, которая увѣряла насъ, что не спала, а все слышала, я успокоилась, и онъ снова старался попасть въ свой покровительственный отеческій тонъ, но тонъ уже этотъ не удавался ему и не обманывалъ меня. Мнѣ живо вспомнился теперь разговоръ, бывшій нѣсколько дней тому назадъ между нами.

Катя говорила о томъ, какъ легче мужчинѣ любить и выражать любовь, чѣмъ женщинѣ.

— Мужчина можетъ сказать, что онъ любитъ, а женщина нѣтъ, — говорила она.

— А мнѣ кажется, что и мужчина не долженъ и не можетъ говорить, что онъ любитъ, — сказалъ онъ.

— Отчего? — спросила я.

— Оттого, что всегда это будетъ ложь. Что такое за открытіе, что человѣкъ любитъ? Какъ будто, какъ только онъ это скажетъ, что-то защелкнется, хлопъ — любитъ. Какъ будто, какъ только онъ произнесъ это слово, что-то должно произойти необыкновенное, знаменія какія-нибудь, изъ всѣхъ пушекъ сразу выпалятъ. Мнѣ кажется, — продолжалъ онъ, — что люди, которые торжественно произносятъ эти слова: «я васъ люблю», или себя обманываютъ, или, еще хуже, обманываютъ другихъ.

— Такъ какъ же узнаетъ женщина, что ее любятъ, когда ей не скажутъ этого? — спросила Катя.

— Этого я не знаю, — отвѣчалъ онъ: — у каждаго человѣка есть свои слова. А есть чувство, такъ оно выразится. Когда я читаю романы, мнѣ всегда представляется, какое должно быть озадаченное лицо у поручика Стрѣльскаго или у Альфреда, когда онъ скажетъ: «я люблю тебя, Элеонора!» и думаетъ, что вдругъ произойдетъ необыкновенное; и ничего не происходитъ ни у нея, ни у него, тѣ же самые глаза и носъ, и все то же самое.

Я тогда уже въ этой шуткѣ чувствовала что-то серьезное, относящееся ко мнѣ, но Катя не позволяла легко обращаться съ героями романовъ.

— Вѣчно парадоксы, — сказала она. — Ну, скажите по правдѣ, развѣ вы сами никогда не говорили женщинѣ, что любите ее?

— Никогда не говорилъ и на колѣно на одно не становился, — отвѣчалъ онъ, смѣясь, — и не буду.

«Да ему не нужно говорить мнѣ, что онъ меня любитъ, — думала я теперь, живо вспоминая этотъ разговоръ. — Онъ любитъ меня, я знаю. И все стараніе его казаться равнодушнымъ не разувѣритъ меня».

Весь этотъ вечеръ онъ мало говорилъ со мной, но въ каждомъ словѣ его къ Катѣ, къ Сонѣ, въ каждомъ движенiи и взглядѣ его я видѣла любовь и не сомнѣвалась въ ней. Мнѣ только досадно и жалко за него было, зачѣмъ онъ находитъ нужнымъ еще таиться и притворяться холоднымъ, когда все уже такъ ясно и когда такъ легко и просто можно бы было быть такъ невозможно счастливымъ. Но меня, какъ преступленiе, мучило то, что я спрыгнула къ нему въ сарай. Мнѣ все казалось, что онъ перестанетъ уважать меня за это и сердитъ на меня.

Послѣ чаю я пошла къ фортепiано, и онъ пошелъ за мной.

— Сыграйте что-нибудь, давно я васъ не слыхалъ, — сказалъ онъ, догоняя меня въ гостиной.

— Я и хотѣла... Сергѣй Михайлычъ! — сказала я, вдругъ глядя ему прямо въ глаза. — Вы не сердитесь на меня?

— За что? — спросилъ онъ.

— Что я васъ не послушала послѣ обѣда, — сказала я, краснѣя.

Онъ понялъ меня, покачалъ головой и усмѣхнулся. Взглядъ его говорилъ, что слѣдовало бы побранить, но что онъ не чувствуетъ въ себѣ силы на это.

— Ничего не было, мы опять друзья, — сказала я, садясь за фортепiано.

— Еще бы! — сказалъ онъ.

Въ большой, высокой залѣ было только двѣ свѣчи на фортепiано, остальное пространство было полутемно. Въ отворенныя окна глядѣла свѣтлая лѣтняя ночь. Все было тихо, только Катины шаги съ перемежечкой поскрипывали въ темной гостиной, и его лошадь, привязанная подъ окномъ, фыркала и била копытомъ по лопуху. Онъ сидѣлъ сзади меня, такъ что мнѣ его не видно было; но вездѣ — въ полутьмѣ этой комнаты, въ звукахъ, во мнѣ самой — я чувствовала его присутствіе. Каждый взглядъ, каждое движеніе его, которыхъ я не видала, отзывались въ моемъ сердцѣ. Я играла сонату-фантазію Моцарта, которую онъ привезъ мнѣ и которую я при немъ и для него выучила. Я вовсе не думала о томъ, что играю, но, кажется, играла хорошо, и мнѣ казалось, что ему нравится. Я чувствовала то наслажденіе, которое онъ испытывалъ, и, не глядя на него, чувствовала взглядъ, который сзади былъ устремленъ на меня. Совершенно невольно, продолжая безсознательно шевелить пальцами, я оглянулась на него. Голова его отдѣлялась на свѣтлѣвшемъ фонѣ ночи. Онъ самъ сидѣлъ, облокотившись головою на руки, и пристально смотрѣлъ на меня блестящими глазами. Я улыбнулась, увидѣвъ этотъ взглядъ, и перестала играть. Онъ улыбнулся тоже и укоризненно покачалъ головой на ноты, чтобы я продолжала. Когда я кончила, мѣсяцъ посвѣтлѣлъ, поднялся высоко, и въ комнату уже, кромѣ слабаго свѣта свѣчъ, входилъ изъ оконъ другой серебристый свѣтъ, падавшій на полъ. Катя сказала, что ни на что не похоже, какъ я остановилась на лучшемъ мѣстѣ, и что я дурно играла; но онъ сказалъ, что, напротивъ, я никогда такъ хорошо не играла, какъ нынче, и сталъ ходить по комнатамъ — черезъ залу въ темную гостиную и опять въ залу, всякій разъ оглядываясь на меня и улыбаясь. И я улыбалась, мнѣ даже смѣяться хотѣлось безъ всякой причины;

такъ я была рада чему-то, нынче, только сейчасъ случившемуся. Какъ только онъ скрывался въ двери, я обнимала Катю, съ которою мы стояли у фортепіано, и начинала цѣловать ее въ любимое мое мѣстечко, въ пухлую шею подъ подбородокъ; какъ только онъ возвращался, я дѣлала какъ будто серьезное лицо и насилу удерживалась отъ смѣха.

— Что съ нею сдѣлалось нынче? — говорила ему Катя.

Но онъ не отвѣчалъ и только посмѣивался на меня: онъ зналъ, что̀ со мной сдѣлалось.

— Посмотрите что за ночь! — сказалъ онъ изъ гостиной, останавливаясь передъ открытою въ садъ балконною дверью.

Мы подошли къ нему; и точно, это была такая ночь, какой ужъ я никогда не видала послѣ. Полный мѣсяцъ стоялъ надъ домомъ за нами, такъ что его не видно было, и половина тѣни крыши, столбовъ и полотна террасы наискось en raccourci лежала на песчаной дорожкѣ и газонномъ кругѣ. Остальное все было свѣтло и облито серебромъ росы и мѣсячнаго свѣта. Широкая цвѣточная дорожка, по которой съ одного края косо ложились тѣни георгинъ и подпорокъ, вся свѣтлая и холодная, блестя неровнымъ щебнемъ, уходила въ туманѣ и въ даль. Изъ-за деревьевъ виднѣлась свѣтлая крыша оранжереи, и изъ-подъ оврага поднимался растущій туманъ. Уже нѣсколько оголенные кусты сирени всѣ до сучьевъ были свѣтлы. Всѣ увлажненные росою цвѣты можно было отличать одинъ отъ другого. Въ аллеяхъ тѣнь и свѣтъ сливались такъ, что аллеи казались не деревьями и дорожками, а прозрачными, колыхающимися и дрожащими домами. Направо въ тѣни дома все было черно, безразлично и страшно. Но зато еще свѣтлѣе выходила изъ этого мрака причудливо-раскидистая макушка тополя, которая почему-то странно остановилась тутъ недалеко отъ дома, наверху, въ яркомъ свѣтѣ, а не улетѣла куда-то, туда далеко, въ уходящее синеватое небо.

— Пойдемте ходить, — сказала я.

Катя согласилась, но сказала, чтобъ я надѣла калоши.

— Не надо, Катя, — сказала я, — вотъ Сергѣй Михайлычъ дастъ мнѣ руку.

Какъ будто это могло помѣшать мнѣ промочить ноги. Но тогда это всѣмъ намъ троимъ было понятно и ничуть не странно. Онъ никогда не подавалъ мнѣ руки, но теперь я сама взяла ее, и онъ не нашелъ этого страннымъ. Мы втроемъ сошли съ террасы. Весь этотъ міръ, это небо, этотъ садъ, этотъ воздухъ были не тѣ, которые я знала.

Когда я смотрѣла впередъ по аллеѣ, по которой мы шли, мнѣ все казалось, что туда дальше нельзя было идти, что тамъ кончился міръ возможнаго, что все это навсегда должно быть заковано въ своей красотѣ. Но мы подвигались, и волшебная стѣна красоты раздвигалась, впускала насъ, и тамъ тоже, казалось, былъ нашъ знакомый садъ, деревья, дорожки, сухіе листья. - И мы точно ходили по дорожкамъ, наступали на круги свѣта и тѣни, и точно сухой листъ шуршалъ подъ ногой, и свѣжая вѣтка задѣвала меня по лицу. И это точно былъ онъ, который, ровно и тихо ступая подлѣ меня, бережно несъ мою руку, и это точно была Катя, которая, поскрипывая, шла рядомъ съ нами. И, должно-быть, это былъ мѣсяцъ на небѣ, который свѣтилъ на насъ сквозь неподвижныя вѣтви...

Но съ каждымъ шагомъ сзади насъ и спереди снова замыкалась волшебная стѣна, и я переставала вѣрить въ то, что можно еще идти дальше, переставала вѣрить во все, что было.

— Ахъ! лягушка! — проговорила Катя.

«Кто и зачѣмъ это говоритъ?» подумала я. Но потомъ я вспомнила, что это Катя, что она боится лягушекъ, и я посмотрѣла подъ ноги. Маленькая лягушка прыгнула и замерла передо мной, и отъ нея маленькая тѣнь виднѣлась на свѣтлой глинѣ дорожки.

— А вы не боитесь? — сказалъ онъ.

Я оглянулась на него. Одной липы въ аллеѣ недоставало въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы проходили, — мнѣ ясно было видно его лицо. Оно было такъ прекрасно и счастливо...

Онъ сказалъ: «вы не боитесь?» а я слышала, что онъ говорилъ: люблю тебя, милая дѣвушка! «Люблю, люблю!» твердилъ его взглядъ, его рука; и свѣтъ, и тѣнь, и воздухъ, и все твердило то же самое.

Мы обошли весь садъ. Катя ходила рядомъ съ нами своими маленькими шажками и тяжело дышала отъ усталости. Она сказала, что время вернуться, и мнѣ жалко, жалко стало ее, бѣдняжку. «Зачѣмъ она не чувствуетъ того же, что мы? — думала я. — Зачѣмъ не всѣ молоды, не всѣ счастливы, какъ эта ночь и какъ мы съ нимъ?»

Мы вернулись домой, но онъ еще долго не уѣзжалъ, несмотря на то, что прокричали пѣтухи, что всѣ въ домѣ спали и лошадь его все чаще и чаще била копытомъ по лопуху и фыркала подъ окномъ. Катя не напоминала намъ, что поздно, и мы, разговаривая о самыхъ пустыхъ вещахъ, просидѣли, сами не зная того, до третьяго часа утра. Ужъ кричали третьи пѣтухи, и заря начала заниматься, когда онъ уѣхалъ. Онъ простился, какъ обыкновенно, ничего не сказалъ особеннаго; но я знала, что съ нынѣшняго дня онъ мой и я уже не потеряю его. Какъ только я призналась себѣ, что люблю его, я все разсказала и Катѣ. Она была рада и тронута тѣмъ, что я ей разсказала, но бѣдняжка могла заснуть въ эту ночь, а я долго еще ходила по террасѣ, сходила въ садъ и, припоминая каждое слово, каждое движеніе, прошла по тѣмъ аллеямъ, по которымъ мы прошли съ нимъ. Я не спала всю эту ночь и въ первый разъ въ жизни видѣла восходъ солнца и раннее утро. И ни такой ночи, ни такого утра я уже никогда не видала послѣ. «Только зачѣмъ онъ не скажетъ мнѣ просто, что любитъ меня? — думала я. — Зачѣмъ онъ выдумываетъ какія-то трудности, называетъ себя старикомъ, когда все такъ просто и прекрасно? Зачѣмъ онъ теряетъ золотое время, которое, можетъ-быть, уже никогда не возвратится? Пускай онъ скажетъ: люблю, словами скажетъ: люблю; пускай рукой возьметъ мою руку, пригнетъ къ ней голову и скажетъ: люблю. Пускай покраснѣетъ и опуститъ глаза передо мной, и я тогда все скажу ему. И не скажу, а обниму, прижмусь къ нему и заплачу. Но что ежели я ошибаюсь и ежели онъ не любитъ меня?» вдругъ пришло мнѣ въ голову.

Я испугалась своего чувства, — Богъ знаетъ, куда оно могло повести меня; и его и мое смущеніе въ сараѣ, когда я спрыгнула къ нему, вспомнилось мнѣ, и мнѣ стало тяжело, тяжело на сердцѣ. Слезы полились изъ глазъ, я стала молиться. И мнѣ пришла странная, успокоившая меня мысль и надежда: я рѣшила говѣть съ нынѣшняго дня, причаститься въ день моего рожденія и въ этотъ самый день сдѣлаться его невѣстой.

Зачѣмъ, почему, какъ это могло случиться, я ничего не знала, но я съ той минуты вѣрила и знала, что это такъ будетъ. Уже совсѣмъ разсвѣло, и народъ сталъ подниматься, когда я вернулась въ свою комнату.

IV

Былъ Успенскій постъ, и потому никого въ домѣ не удивило мое намѣреніе говѣть въ это время.

Во всю эту недѣлю онъ ни разу не пріѣзжалъ къ намъ, и я не только не удивлялась, не тревожилась и не сердилась на него, но, напротивъ, была рада, что онъ не ѣздитъ, и ждала его только ко дню моего рожденія. Въ продолженіе этой недѣли я всякій день вставала рано и, покуда мнѣ закладывали лошадь, одна, гуляя по саду, перебирала въ умѣ грѣхи прошлаго дня и обдумывала то, что мнѣ нужно было дѣлать нынче, чтобы быть довольной своимъ днемъ и не согрѣшить ни разу. Тогда мнѣ казалось такъ легко быть совершенно безгрѣшной. Казалось, стоило только немножко постараться. Подъѣзжали лошади, я съ Катей или съ дѣвушкой садилась въ линейку, и мы ѣхали за три версты въ церковь. Входя въ церковь, я всякій разъ вспоминала, что молятся за всѣхъ, «со страхомъ Божіимъ входящихъ», и старалась именно съ этимъ чувствомъ всходить на двѣ поросшія травой ступени паперти. Въ церкви бывало въ это время не больше человѣкъ десяти говѣвшихъ крестьянокъ и дворовыхъ; я съ старательнымъ смиреніемъ старалась отвѣчать на ихъ поклоны и сама, что мнѣ казалось подвигомъ, ходила къ свѣчному ящику брать свѣчи у стараго старосты-солдата и ставила ихъ. Сквозь царскія двери виднѣлся покровъ алтаря, вышитый мамашей, надъ иконостасомъ стояли два ангела со звѣздами, казавшіеся мнѣ такими большими, когда я была маленькая, и голубокъ съ желтымъ сіяньемъ, тогда занимавшій меня. Изъ-за клироса виднѣлась измятая купель, въ которой столько разъ я крестила дѣтей нашихъ дворовыхъ и въ которой и меня крестили. Старый священникъ выходилъ въ ризѣ, сдѣланной изъ покрова гроба моего отца, и служилъ тѣмъ самымъ голосомъ, которымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ помню себя, служилась церковная служба въ нашемъ домѣ, и крестины Сони, и панихиды отца, и похороны матери. И тотъ же дребезжащій голосъ дьячка раздавался на клиросѣ, и та же старушка, которую я помню всегда въ церкви, при каждой службѣ, согнувшись, стояла у стѣны, плачущими глазами смотрѣла на икону въ клиросѣ и прижимала сложенные персты къ полинялому платку и беззубымъ ртомъ шептала что-то. И все это уже не любопытно, не по однимъ воспоминаніямъ близко мнѣ было, — все это было теперь велико и свято въ моихъ глазахъ и казалось мнѣ полнымъ глубокаго значенія. Я вслушивалась въ каждое слово читаемой молитвы, чувствомъ старалась отвѣчать на него и ежели не понимала, то мысленно просила Бога просвѣтить меня или придумывала на мѣсто неразслышанной свою молитву. Когда читались молитвы раскаянія, я вспоминала свое прошедшее, и это дѣтское невинное прошедшее казалось мнѣ такъ черно въ сравненіи съ свѣтлымъ состояніемъ моей души, что я плакала и ужасалась надъ собой; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что все это простится и что ежели бы и еще больше грѣховъ было на мнѣ, то еще и еще слаще бы было для меня раскаяніе. Когда священникъ въ концѣ службы говорилъ: «благословеніе Господне на васъ», мнѣ казалось, что я испытывала мгновенно сообщающееся мнѣ физическое чувство благосостоянія. Какъ будто какіе-то свѣтъ и теплота вдругъ входили мнѣ въ сердце. Служба кончалась, батюшка выходилъ ко мнѣ и спрашивалъ, не нужно ли и когда пріѣхать къ намъ служить всенощную, но я трогательно благодарила его за то, что онъ хотѣлъ, какъ я думала, для меня сдѣлать, и говорила, что я сама приду или пріѣду.

— Сами потрудиться хотите? — говаривалъ онъ.

И я не знала, что отвѣчать, чтобы не согрѣшить противъ гордости.

Отъ обѣдни я всегда отпускала лошадей, ежели была безъ Кати, возвращалась одна пѣшкомъ, низко, со смиреніемъ кланяясь всѣмъ встрѣчавшимся мнѣ и стараясь найти случай помочь, посовѣтовать, пожертвовать собой для кого-нибудь, пособить поднять возъ, покачать ребенка, дать дорогу и загрязниться. Одинъ разъ вечеромъ я слышала, что приказчикъ, докладывая Катѣ, сказалъ, что Семенъ мужикъ приходилъ просить тесину на гробъ дочери и денегъ рубль на поминки и что онъ далъ ему. «Развѣ они такъ бѣдны?» спросила я. «Очень бѣдны, сударыня, безъ соли сидятъ», отвѣчалъ приказчикъ. Что-то защемило мнѣ въ сердцѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я какъ будто обрадовалась, услыхавъ это. Обманувъ Катю, что я пойду гулять, я побѣжала наверхъ, достала всѣ свои деньги (ихъ было очень мало, но все, что у меня было) и, перекрестившись, пошла одна черезъ террасу и садъ на деревню къ избѣ Семена. Она была съ краю деревни, и я, никѣмъ невидимая, подошла къ окну, положила на окно деньги и стукнула въ него. Кто-то вышелъ изъ избы, скрипнулъ дверью и окликнулъ меня; я, дрожа и холодѣя отъ страха, какъ преступница, прибѣжала домой. Катя спросила меня, гдѣ я была, что со мной, но я не поняла даже того, что она мнѣ говорила, и не отвѣтила ей. Все такъ ничтожно и мелко вдругъ показалось мнѣ. Я заперлась въ своей комнатѣ и долго ходила одна взадъ и впередъ, не въ состоянiи ничего дѣлать, думать, не въ состоянiи .дать себѣ отчета въ своемъ чувствѣ. Я думала и о радости всего семейства, о словахъ, которыми они назовутъ того, кто положилъ деньги, мнѣ жалко становилось, что я не сама отдала ихъ. Я думала и о томъ, что̀ бы сказалъ Сергѣй Михайловичъ, узнавъ этотъ поступокъ, и радовалась тому, что никто никогда не узнаетъ его. И такая радость была во мнѣ, и такъ дурны казались всѣ и я сама, и такъ кротко я смотрѣла на себя и на всѣхъ, что мысль о смерти, какъ мечта о счастiи, приходила мнѣ. Я улыбалась, и молилась, и плакала, и всѣхъ на свѣтѣ и себя такъ страстно, горячо любила въ эту минуту. Между службами я читала Евангеліе, и все понятнѣе и понятнѣе мнѣ становилась эта книга, и трогательнѣе и проще исторія этой божественной жизни, и ужаснѣе и непроницаемѣе тѣ глубины чувства и мысли, которыя я находила въ его ученіи. Но зато какъ ясно и просто мнѣ казалось все, когда я, вставая отъ этой книги, опять вглядывалась и вдумывалась въ жизнь, окружавшую меня. Казалось такъ трудно жить нехорошо и такъ просто всѣхъ любить и быть любимою. Всѣ такъ добры и кротки были со мной, даже Соня, которой я продолжала давать уроки, была совсѣмъ другая, старалась понимать, угождать и не огорчать меня. Какою я была, такими и всѣ были со мной. Перебирая тогда своихъ враговъ, у которыхъ мнѣ надо было просить прощенія передъ исповѣдью, я вспомнила только одну барышню, сосѣдку, надъ которой я посмѣялась годъ тому назадъ при гостяхъ и которая перестала къ намъ ѣздить. Я написала къ ней письмо, признавая свою вину и прося ея прощенія. Она отвѣчала мнѣ письмомъ, въ которомъ сама просила прощенія и прощала меня. Я плакала отъ радости, читая эти простыя строки, въ которыхъ тогда мнѣ видѣлось также глубокое и трогательное чувство. Няня расплакалась, когда я просила ея прощенія. «За что они всѣ такъ добры ко мнѣ? чѣмъ я заслужила такую любовь?» спрашивала я себя. И я невольно вспоминала Сергѣя Михайлыча и подолгу думала о немъ. Я не могла дѣлать иначе и даже не считала это грѣхомъ. Но я думала теперь о немъ совсѣмъ не такъ, какъ въ ту ночь, когда въ первый разъ узнала, что люблю его, я думала о немъ какъ о себѣ, невольно присоединяя его къ каждой мысли о своемъ будущемъ. Подавляющее вліяніе, которое я испытывала въ его присутствіи, совершенно исчезло въ моемъ воображеніи. Я чувствовала себя теперь равною ему и съ высоты духовнаго настроенія, въ которомъ находилась, совершенно понимала его. Мнѣ теперь ясно было въ немъ то, что прежде мнѣ казалось страннымъ. Только теперь я понимала, почему онъ говорилъ, что счастіе только въ томъ, чтобы жить для другого, и я теперь совершенно была согласна съ нимъ. Мнѣ казалось, что мы вдвоемъ будемъ такъ безконечно и спокойно счастливы. И мнѣ представлялись не поѣздки за границу, не свѣтъ, не блескъ, а совсѣмъ другая, тихая, семейная жизнь въ деревнѣ, съ вѣчнымъ самопожертвованіемъ, съ вѣчною любовью другъ къ другу и съ вѣчнымъ сознаніемъ во всемъ кроткаго и помогающаго Провидѣнія.

Я причащалась, какъ и предполагала, въ день моего рожденія. Въ груди у меня было такое полное счастіе, когда я возвращалась въ этотъ день изъ церкви, что я боялась жизни, боялась всякаго впечатлѣнія, всего того, что могло нарушить это счастіе. Но только мы вышли изъ линейки на крыльцо, какъ по мосту загремѣлъ знакомый кабріолетъ, и я увидѣла Сергѣя Михайлыча. Онъ поздравилъ меня, и мы вмѣстѣ вошли въ гостиную. Никогда, съ тѣхъ поръ какъ я его знала, я не была такъ спокойна и самостоятельна съ нимъ, какъ въ это утро. Я чувствовала, что во мнѣ былъ цѣлый новый міръ, котораго онъ не понималъ и который былъ выше его. Я не чувствовала съ нимъ ни малѣйшаго смущенія. Онъ понималъ, должно-быть, отъ чего это происходило, и былъ особенно нѣжно кротокъ и набожно уважителенъ со мной. Я подошла было къ фортепіано, но онъ заперъ его и спряталъ ключъ въ карманъ.

— Не портите своего настроенія, — сказалъ онъ, — у васъ теперь въ душѣ такая музыка, которая лучше всякой на свѣтѣ.

Я благодарна была ему за это, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было немного непріятно, что онъ такъ слишкомъ легко и ясно понималъ все, что тайно для всѣхъ должно было быть въ моей душѣ. За обѣдомъ онъ сказалъ, что пріѣхалъ поздравить меня и вмѣстѣ проститься, потому что завтра ѣдетъ въ Москву. Говоря это, онъ смотрѣлъ на Катю; но потомъ мелькомъ взглянулъ на меня, и я видѣла, какъ онъ боялся, что замѣтитъ волненіе на моемъ лицѣ. Но я не удивилась, не тревожилась, даже не спросила — надолго ли. Я знала, что онъ это скажетъ, и знала, что онъ не уѣдетъ. Какъ я это знала, я теперь никакъ не могу объяснить себѣ; но въ этотъ памятный день мнѣ казалось, что я все знала, что̀ было и что̀ будетъ. Я была какъ въ счастливомъ снѣ, когда все, что̀ ни случится, кажется, что уже было, и все это я давно знаю, и все это еще будетъ, и я знаю, что это будетъ.

Онъ хотѣлъ ѣхать сейчасъ послѣ обѣда, но Катя, уставшая отъ обѣдни, ушла полежать, и онъ долженъ былъ подождать, пока она проснется, чтобы проститься съ ней. Въ залѣ было солнце, мы вышли на террасу. Только что мы сѣли, какъ я совершенно спокойно начала говорить, что̀ должно было рѣшить участь моей любви. И начала говорить ни раньше, ни позже, а въ ту самую минуту, какъ мы сѣли и ничего еще не было сказано, не было еще никакого тона и характера разговора, который бы могъ помѣшать тому, что я хотѣла сказать. Я сама не понимаю, откуда брались у меня такое спокойствіе, рѣшимость и точность въ выраженіяхъ. Какъ будто не я, а что-то такое независимо отъ моей воли говорило во мнѣ. Онъ сидѣлъ противъ меня, облокотившись на перила, и, притянувъ къ себѣ вѣтку сирени, обрывалъ съ нея листья. Когда я начала говорить, онъ отпустилъ вѣтку и головой оперся на руку. Это могло быть положеніе человѣка совершенно спокойнаго или очень взволнованнаго.

— Зачѣмъ вы ѣдете? — спросила я, значительно, съ разстановкой и прямо глядя на него.

Онъ не вдругъ отвѣтилъ.

— Дѣла! — проговорилъ онъ, опуская глаза.

Я поняла, какъ трудно ему было лгать передо мной и на вопросъ, сдѣланный такъ искренно.

— Послушайте, — сказала я, — вы знаете, какой день нынче для меня. По многому этотъ день очень важенъ. Ежели я васъ спрашиваю, то не много думалъ о васъ и о себѣ и рѣшилъ, что для того, чтобы показать участіе (вы знаете, что я привыкла къ вамъ и люблю васъ), я спрашиваю потому, что мнѣ нужно знать. Зачѣмъ вы ѣдете?

— Очень трудно мнѣ вамъ сказать правду, зачѣмъ я ѣду, — сказалъ онъ. — Въ эту недѣлю я мнѣ надо ѣхать. Вы понимаете зачѣмъ, и ежели любите меня, не будете спрашивать. — Онъ потеръ лобъ рукой и закрылъ ею глаза. — Это мнѣ тяжело... А вамъ понятно.

Сердце начало сильно биться у меня.

— Я не могу понять, — сказала я, — *не могу*, а *вы* скажите мнѣ, ради Бога, ради нынѣшняго дня скажите мнѣ, я все могу спокойно слышать, — сказала я.

Онъ перемѣнилъ положеніе, взглянулъ на меня и снова притянулъ вѣтку.

— Впрочемъ, — сказалъ онъ, помолчавъ немного и голосомъ, который напрасно хотѣлъ казаться твердымъ, — хоть и глупо и невозможно разсказывать словами, хоть мнѣ и тяжело, я постараюсь объяснить вамъ, — добавилъ онъ, морщась какъ будто отъ физической боли.

— Ну, — сказала я.

— Представьте себѣ, что былъ одинъ господинъ А., положимъ, — сказалъ онъ, — старый и отжившій, и одна госпожа Б., молодая, счастливая, не видавшая еще ни людей, ни жизни. По разнымъ семейнымъ отношеніямъ онъ полюбилъ ее какъ дочь и не боялся полюбить иначе.

Онъ замолчалъ, но я не прерывала его.

— Но онъ забылъ, что Б. такъ молода, что жизнь для нея еще игрушка, — продолжалъ онъ вдругъ скоро и рѣшительно и не глядя на меня, — и что ее легко полюбить иначе, и что ей это весело будетъ. И онъ ошибся и вдругъ почувствовалъ, что другое чувство, тяжелое какъ раскаяніе, пробирается въ его душу, и испугался. Испугался, что разстроятся ихъ прежнія дружескія отношенія, и рѣшился уѣхать, прежде чѣмъ разстроятся эти отношенія. — Говоря это, онъ опять, какъ будто небрежно, сталъ потирать глаза рукой и закрылъ ихъ.

— Отчего-жъ онъ боялся полюбить иначе? — чуть слышно сказала я, сдерживая свое волненіе, и голосъ мой былъ ровенъ; но ему онъ, вѣрно, показался шутливымъ. Онъ отвѣчалъ какъ будто оскорбленнымъ тономъ.

— Вы молоды, — сказалъ онъ, — я не молодъ. Вамъ играть хочется, а мнѣ другого нужно. Играйте, только не со мной, а то я повѣрю, и мнѣ нехорошо будетъ, и вамъ станетъ совѣстно. Это А. сказалъ, — прибавилъ онъ, — ну, да это все вздоръ, но вы понимаете, зачѣмъ я ѣду. И не будемте больше говорить объ этомъ. Пожалуйста!

— Нѣтъ! нѣтъ! будемъ говорить! — сказала я, и слезы задрожали у меня въ голосѣ. — Онъ любилъ ее или нѣтъ?

Онъ не отвѣчалъ.

— А ежели не любилъ, такъ зачѣмъ онъ игралъ съ ней, какъ съ ребенкомъ? — проговорила я.

— Да, да. А. виноватъ былъ, — отвѣчалъ онъ, торопливо перебивая меня, — но все было кончено, и они разстались... друзьями.

— Но это ужасно! и развѣ нѣтъ другого конца, — едва проговорила я и испугалась того, что сказала.

— Да, есть, — сказалъ онъ, открывая взволнованное лицо и глядя прямо на меня. — Есть два различные конца. Только ради Бога не перебивайте и спокойно поймите меня. Одни говорятъ, — началъ онъ, вставая и улыбаясь болѣзненною, тяжелою улыбкой, — одни говорятъ, что А. сошелъ съ ума, безумно полюбилъ Б. и сказалъ ей это... А она только засмѣялась. Для нея это были шутки, а для него дѣло цѣлой жизни.

Я вздрогнула и хотѣла перебить его, сказать, чтобъ онъ не смѣлъ говорить за меня, но онъ, удерживая меня, положилъ свою руку на мою.

— Постойте, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — другіе говорятъ, будто она сжалилась надъ нимъ, вообразила себѣ, бѣдняжка, не видавшая людей, что она точно можетъ любить его, и согласилась быть его женой. И онъ, сумасшедшій, повѣрилъ, повѣрилъ, что вся жизнь его начнется снова, но она сама увидала, что обманула его и что онъ обманулъ ее... Не будемте больше говорить про это, — заключилъ онъ, видимо не въ силахъ говорить далѣе, и молча сталъ ходить противъ меня.

Онъ сказалъ: «не будемъ говорить», а я видѣла, что онъ всѣми силами души ждалъ моего слова. Я хотѣла говорить, но не могла: что-то жало мнѣ въ груди. Я взглянула на него: онъ былъ блѣденъ и нижняя губа его дрожала. Мнѣ стало жалко его. Я сдѣлала усиліе и вдругъ, разорвавъ силу молчанія, сковывавшую меня, заговорила голосомъ тихимъ, внутреннимъ, который, я боялась, оборвется каждую секунду.

— А третій конецъ... — сказала я и остановилась, но онъ молчалъ, — а третій конецъ, что онъ не любилъ, а сдѣлалъ ей больно, больно, и думалъ, что правъ, уѣхалъ и еще гордился чѣмъ-то. Вамъ, а не мнѣ, вамъ шутки, я съ перваго дня полюбила, полюбила васъ, — повторила я, и на этомъ словѣ «полюбила» голосъ мой невольно изъ тихаго, внутренняго перешелъ въ дикій вскрикъ, испугавшій меня самоё.

Онъ блѣдный стоялъ противъ меня, губа его тряслась сильнѣе и сильнѣе, и двѣ слезы выступили на щеки.

— Это дурно! — почти прокричала я, чувствуя, что задыхаюсь отъ злыхъ невыплаканныхъ слезъ.

— За что? — проговорила я и встала, чтобъ уйти отъ него.

Но онъ не пустилъ меня. Голова его лежала на моихъ колѣняхъ, губы его цѣловали еще мои дрожавшія руки, и его слезы мочили ихъ.

— Боже мой, ежели бы я зналъ, — проговорилъ онъ.

— За что? за что? — все еще твердила я, а въ душѣ у меня было счастіе, навѣки ушедшее, не возвратившееся счастіе.

Черезъ пять минутъ Соня бѣжала наверхъ къ Катѣ и на весь домъ кричала, что Маша хочетъ жениться на Сергѣѣ Михайловичѣ.

V.

Не было причинъ откладывать нашу свадьбу, и ни я, ни онъ не желали этого. Правда, Катя хотѣла было ѣхать въ Москву и покупать и заказывать приданое, и его мать требовала было, чтобъ онъ прежде, чѣмъ жениться, обзавелся новой каретой, мебелью и оклеилъ бы домъ новыми обоями, но мы вдвоемъ настояли на томъ, чтобы сдѣлать все это послѣ, ежели ужъ это такъ необходимо, а вѣнчаться двѣ недѣли послѣ дня моего рожденія, тихо, безъ приданаго, безъ гостей, безъ шаферовъ, ужиновъ, шампанскаго и всѣхъ этихъ условныхъ принадлежностей женитьбы. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ его мать была недовольна тѣмъ, что свадьба должна была сдѣлаться безъ музыки, безъ горъ сундуковъ и безъ передѣлки заново всего дома, не такъ, какъ ея свадьба, стоившая тридцать тысячъ, и какъ она серьезно и тайно отъ него, перебирая въ кладовой сундуки, совѣщалась съ экономкой Марьюшкой о какихъ-то необходимѣйшихъ для нашего счастія коврахъ, гардинахъ и подносахъ. Съ моей стороны Катя дѣлала то же съ няней Кузьминишной. И объ этомъ съ ней нельзя было говорить шутя. Она твердо была убѣждена, что мы, говоря между собой о нашемъ будущемъ, только нѣжничаемъ, дѣлаемъ пустяки, какъ и свойственно людямъ въ такомъ положеніи, но что существенное-то наше будущее счастіе будетъ зависѣть только отъ правильной кройки и шитья сорочекъ и подрубки скатертей и салфетокъ. Между Покровскимъ и Никольскимъ каждый день по нѣскольку разъ сообщались тайныя извѣстія о томъ, что́ гдѣ заготавливалось; и хотя наружно между Катей и его матерью казались самыя нѣжныя отношенія, между ними чувствовалась уже нѣсколько враждебная, но тончайшая дипломатія. Татьяна Семеновна, его мать, съ которою я теперь познакомилась ближе, была чопорная, строгая хозяйка дома и стараго вѣка барыня. Онъ любилъ ее не только, какъ сынъ по долгу, но какъ человѣкъ по чувству, считая ее самою лучшею, самою умною, доброю и любящею женщиной въ мірѣ. Татьяна Семеновна всегда была добра къ намъ, и ко мнѣ особенно, и рада была, что сынъ ея женится; но когда я, какъ невѣста, была у нея, мнѣ показалось, что она хотѣла дать почувствовать мнѣ, что, какъ партія для ея сына, я могла бы быть и лучше и что не мѣшало бы мнѣ всегда помнить это. И я совершенно понимала ее и была согласна съ ней.

Эти двѣ послѣднія недѣли мы видѣлись каждый день. Онъ пріѣзжалъ къ обѣду и просиживалъ до полночи. Но, несмотря на то, что онъ говорилъ, — и я знала, что говорилъ правду, — что безъ меня онъ не живетъ, онъ никогда не проводилъ цѣлаго дня со мной и старался продолжать заниматься своими дѣлами. Внѣшнія отношенія наши до самой свадьбы оставались тѣ же, какъ и прежде: мы продолжали говорить другъ другу *вы*, онъ не цѣловалъ даже моей руки и не только не искалъ, но даже избѣгалъ случаевъ оставаться наединѣ со мною. Какъ будто онъ боялся отдаться слишкомъ большой, вредной нѣжности, которая была въ немъ. Не знаю, онъ или я измѣнилась, но теперь я чувствовала себя совершенно равной ему, не находила въ немъ больше, прежде не нравившагося мнѣ, притворства простоты и часто съ наслажденіемъ видѣла передъ собой, вмѣсто внушающаго уваженіе и страхъ мужчины, кроткаго и потеряннаго отъ счастія ребенка. «Такъ только-то и было въ немъ! — часто думала я, — онъ точно такой же человѣкъ, какъ и я, не больше». Теперь мнѣ казалось, что онъ весь передо мной и что я вполнѣ узнала его. И все, что я узнавала, было такъ просто и такъ согласно со мной. Даже его планы о томъ, какъ мы будемъ жить вмѣстѣ, были тѣ же мои планы, только ясные и лучше обозначавшіеся въ его словахъ.

Погода эти дни была дурная, и большую часть времени мы проводили въ комнатахъ. Самыя лучшія задушевныя бесѣды происходили въ углу между фортепіано и окошкомъ. На черномъ окнѣ близко отражался огонь свѣчъ, по глянцевитому стеклу изрѣдка ударяли и текли капли. По крышѣ стучало, въ лужѣ шлепала вода подъ желобомъ, изъ окна тянуло сыростью. И какъ-то еще свѣтлѣе, теплѣе и радостнѣе казалось въ нашемъ углу.

— А знаете, я давно хотѣлъ вамъ сказать одну вещь, — сказалъ онъ разъ, когда мы поздно одни засидѣлись въ этомъ углу. — Я, покуда вы играли, все думалъ объ этомъ.

— Ничего не говорите, я все знаю, — сказала я.

— Да, правда, не будемъ говорить.

— Нѣтъ, скажите, что? — спросила я.

— А вотъ что! Помните, когда я вамъ разсказывалъ исторію про А. и Б.?

— Еще бы не помнить эту глупую исторію. Хорошо, что такъ кончилась...

— Да, еще бы немного, и все мое счастіе погибло бы отъ меня самого. Вы спасли меня. Но главное, что я все лгалъ тогда и мнѣ совѣстно, я хочу досказать теперь.

— Ахъ, пожалуйста, не надо.

— Не бойтесь, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Мнѣ только оправдаться надо. Когда я началъ говорить, я хотѣлъ разсуждать.

— Зачѣмъ разсуждать! — сказала я, — никогда не надо.

— Да, я разсуждалъ плохо. Послѣ всѣхъ моихъ разочарованій, ошибокъ въ жизни, когда я нынче пріѣхалъ въ деревню, я такъ себѣ сказалъ рѣшительно, что любовь для меня кончена, что остаются для меня только обязанности доживанія, что я долго не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что такое мое чувство къ вамъ и къ чему оно можетъ повести меня. Я надѣялся и не надѣялся: то мнѣ казалось, что вы кокетничаете, то вѣрилось, и я самъ не зналъ, что я буду дѣлать. Но послѣ этого вечера, помните, когда мы ночью ходили по саду, я испугался: мое теперешнее счастіе показалось мнѣ слишкомъ велико и невозможно. Ну что бы было, ежели я бы позволялъ себѣ надѣяться напрасно? Но, разумѣется, я думалъ только о себѣ, потому что я гадкій эгоистъ.

Онъ помолчалъ, глядя на меня.

— Однако вѣдь и не совсѣмъ вздоръ я говорилъ тогда. Вѣдь можно и должно было мнѣ бояться. Я такъ много беру отъ васъ и такъ мало могу дать. Вы еще дитя, вы бутонъ, который еще будетъ распускаться, вы въ первый разъ любите, а я...

— Да, скажите мнѣ по правдѣ... — сказала я, но вдругъ мнѣ страшно стало за его отвѣтъ. — Нѣтъ, не надо, — прибавила я.

— Любилъ ли я прежде? да? — сказалъ онъ, тотчасъ угадавъ мою мысль. — Это я могу сказать вамъ. Нѣтъ, не любилъ. Никогда ничего похожаго на это чувство... — Но вдругъ какъ будто какое-то тяжелое воспоминаніе мелькнуло въ его воображеніи. — Нѣтъ, и тутъ мнѣ нужно ваше сердце, чтобы имѣть право любить васъ, — сказалъ онъ грустно. — Такъ развѣ не нужно было задуматься, прежде чѣмъ сказать, что я люблю васъ? Что я вамъ даю? Любовь — правда.

— Развѣ это мало? — сказала я, глядя ему въ глаза.

— Мало, мой другъ, для васъ мало, — продолжалъ онъ. — У васъ красота и молодость! Я часто теперь не сплю по ночамъ отъ счастія и все думаю о томъ, какъ мы будемъ жить вмѣстѣ. Я прожилъ много и мнѣ кажется, что нашелъ то, что нужно для счастія. Тихая, уединенная жизнь въ нашей деревенской глуши съ возможностью дѣлать добро людямъ, которымъ такъ легко дѣлать добро, къ которому они не привыкли; потомъ трудъ, — трудъ, который, кажется, что приноситъ пользу, потомъ отдыхъ, природа, книга, музыка, любовь къ близкому человѣку — вотъ мое счастіе, выше котораго я не мечталъ. А тутъ, сверхъ всего этого, такой другъ, какъ вы, семья, можетъ-быть, и все, что только можетъ желать человѣкъ.

— Да, — сказала я.

— Для меня, который прожилъ молодость, да, но не для васъ, — продолжалъ онъ. — Вы еще не жили, вы еще въ другомъ, можетъ-быть, захотите искать счастія и, можетъ-быть, въ другомъ найдете его. Вамъ кажется теперь, что это счастіе, оттого что вы меня любите.

— Нѣтъ, я всегда только желала и любила эту тихую семейную жизнь, — сказала я. — И вы только говорите то самое, что я думала.

Онъ улыбнулся.

— Это только вамъ кажется, мой другъ. А вамъ мало этого. У васъ красота и молодость, — повторилъ онъ задумчиво.

Но я разсердилась за то, что онъ не вѣрилъ мнѣ и какъ будто попрекалъ моею красотой и молодостью.

— Такъ за что же вы любите меня? — сказала я сердито: — за молодость или за меня самое?

— Не знаю, но люблю, — отвѣчалъ онъ, глядя на меня своимъ внимательнымъ, притягивающимъ взглядомъ.

Я ничего не отвѣчала и невольно смотрѣла ему въ глаза. Вдругъ что-то странное случилось со мной: сначала я перестала видѣть окружающее, потомъ лицо его исчезло передо мной, только одни его глаза блестѣли, казалось, противъ самыхъ моихъ глазъ; потомъ мнѣ казалось, что глаза эти во мнѣ, все помутилось, я ничего не видала и должна была зажмуриться, чтобы оторваться отъ чувства наслажденія и страха, которые производилъ во мнѣ этотъ взглядъ...

Наканунѣ дня, назначеннаго для свадьбы, передъ вечеромъ погода разгулялась. И послѣ дождей, начавшихся лѣтомъ, прояснился первый холодный и блестящій осенній вечеръ. Все было мокро, холодно, свѣтло, и въ саду въ первый разъ замѣчался осенній просторъ, пестрота и оголенность. На небѣ было ясно, холодно и блѣдно. Я пошла спать, счастливая отъ мысли, что завтра, въ день нашей свадьбы, будетъ хорошая погода. Въ этотъ день я проснулась съ солнцемъ, и мысль, что уже нынче... какъ будто испугала и удивила меня. Я вышла въ садъ. Солнце только что взошло и блестѣло раздробленно сквозь облетѣвшія желтѣющія липы аллеи. Дорожка была устлана шуршавшими листьями. Сморщенныя яркія кисти рябины краснѣлись на вѣткахъ съ убитыми морозомъ, рѣдкими, покоробившимися листьями, георгины сморщились и почернѣли. Морозъ въ первый разъ серебромъ лежалъ на блѣдной зелени травы и на поломанныхъ лопухахъ около дома. На ясномъ, холодномъ небѣ не было и не могло быть ни одного облака.

«Неужели нынче? — спрашивала я себя, не вѣря своему счастію. — Неужели завтра уже я проснусь не здѣсь, а въ чужомъ никольскомъ домѣ съ колоннами? Неужели больше не буду ожидать и встрѣчать его и по вечерамъ и ночамъ говорить о немъ съ Катей? не буду съ нимъ сидѣть у фортепіано въ покровской залѣ? не буду провожать и бояться за него въ темныя ночи?» Но я вспомнила, что вчера онъ сказалъ, что пріѣзжаетъ въ послѣдній разъ, и Катя заставляла меня примѣривать подвѣнечное платье и сказала: къ завтрему; и я вѣрила на мгновеніе и снова сомнѣвалась. «Неужели съ нынѣшняго же дня буду жить тамъ съ свекровью, безъ Надежи, безъ старика Григорія, безъ Кати? Не буду цѣловать на ночь няню и слышать, какъ она по старой привычкѣ, перекрестивъ меня, скажетъ: покойной ночи, барышня? не буду учить Соню и играть съ нею и черезъ стѣну стучать къ ней утромъ и слышать ея звонкій хохотъ? Неужели нынче я сдѣлаюсь чужою для себя самой, и новая жизнь осуществленія моихъ надеждъ и желаній открывается передо мной? Неужели навсегда эта новая жизнь?» Я съ нетерпѣніемъ ждала его, мнѣ тяжело было одной съ этими мыслями. Онъ пріѣхалъ рано, и только съ нимъ я вполнѣ повѣрила тому, что нынче буду его женою, и мысль эта перестала быть для меня страшной.

Передъ обѣдомъ мы ходили въ нашу церковь служить панихиду по отцѣ.

«Ежели бы онъ былъ живъ теперь!» думала я, когда мы возвращались домой, и я молча опиралась на руку человѣка, бывшаго лучшимъ другомъ того, о комъ я думала. Во время молитвы, припадая головой къ холодному камню пола часовни, я такъ живо воображала моего отца, такъ вѣрила въ то, что его душа понимаетъ меня и благословляетъ мой выборъ, что и теперь мнѣ казалось, что душа его летаетъ надъ нами и что я чувствую на себѣ его благословеніе. И воспоминанія, и надежды, и счастіе, и печаль сливались во мнѣ въ одно торжественное и пріятное чувство, къ которому шли этотъ неподвижный свѣжій воздухъ, тишина, оголенность полей и блѣдное небо, съ котораго на все падали блестящіе, но безсильные лучи, пытавшіеся жечь мнѣ щеку. Мнѣ казалось, что тотъ, съ кѣмъ я шла, понималъ и раздѣлялъ мое чувство. Онъ шелъ тихо и молча, и въ его лицѣ, на которое я взглядывала изрѣдка, выражалась та же важная не то печаль, не то радость, которыя были и въ природѣ и въ моемъ сердцѣ.

Вдругъ онъ обернулся ко мнѣ; я видѣла, что онъ хотѣлъ сказать что-то. «Что, ежели онъ заговоритъ не про то, про что я думаю?» пришло мнѣ въ голову. Но онъ заговорилъ про отца, даже не называя его.

— А одинъ разъ онъ шутя сказалъ мнѣ: «женись на моей Машѣ!» — сказалъ онъ.

— Какъ бы онъ былъ счастливъ теперь, — сказала я, крѣпче прижимая къ себѣ руку, которая несла мою.

— Да, вы еще были дитя, — продолжалъ онъ, глядя въ мои глаза, — я цѣловалъ тогда эти глаза и любилъ ихъ только за то, что они на него похожи, и не думалъ, что они будутъ за себя такъ дороги мнѣ. Я звалъ васъ Машею тогда.

— Говорите мнѣ «ты», — сказала я.

— Я только что хотѣлъ сказать тебѣ «ты», — проговорилъ онъ, — только теперь мнѣ кажется, что ты совсѣмъ моя, — и спокойный и счастливый, притягивающій взглядъ остановился на мнѣ.

И мы все шли тихо по полевой непроторенной дорожкѣ черезъ стоптанное, сбитое жнивье; и только шаги и голоса наши были намъ слышны. Съ одной стороны черезъ оврагъ до далекой оголенной рощи тянулось буроватое жнивье, по которому въ сторонѣ отъ насъ мужикъ съ сохой беззвучно прокладывалъ все шире и шире черную полосу. Разсыпанный подъ горой табунъ казался близко. Съ другой стороны и впереди до сада и нашего дома, виднѣвшагося изъ-за него, чернѣло и кое-гдѣ полосами уже зеленѣло озимое оттаявшее поле. На всемъ блестѣло нежаркое солнце, на всемъ лежали длинныя, волокнистыя паутины. Онѣ летали въ воздухѣ вокругъ насъ и ложились на осыхающее отъ мороза жнивье, попадали намъ въ глаза, на волосы, на платья. Когда мы говорили, голоса наши звучали и останавливались надъ нами въ неподвижномъ воздухѣ, какъ будто мы одни только и были посреди всего міра и одни подъ этимъ голубымъ сводомъ, на которомъ, вспыхивая и дрожа, играло нежаркое солнце.

Мнѣ тоже хотѣлось назвать его *ты*, но совѣстно было.

— Зачѣмъ ты идешь такъ скоро? — сказала я скороговоркой и почти шопотомъ и невольно покраснѣла.

Онъ пошелъ тише и еще ласкательнѣе, еще веселѣе и счастливѣе смотрѣлъ на меня.

Когда мы вернулись домой, уже тамъ была его мать и гости, безъ которыхъ мы не могли обойтись, и я до самаго того времени, какъ мы изъ церкви сѣли въ карету, чтобы ѣхать въ Никольское, не была наединѣ съ нимъ.

Церковь была почти пуста, я видѣла однимъ глазомъ только его мать, прямо стоявшую на коврикѣ у клироса, Катю въ чепцѣ съ лиловыми лентами и слезами на щекахъ и двухъ-трехъ дворовыхъ, любопытно глядѣвшихъ на меня. На него я не смотрѣла, но чувствовала тутъ подлѣ себя его присутствіе. Я вслушивалась въ слова молитвъ, повторяла ихъ, но въ душѣ ничего не отзывалось. Я не могла молиться и тупо смотрѣла на иконы, на свѣчи, на вышитый крестъ ризы на спинѣ священника, на иконостасъ, на окно церкви и ничего не понимала. Я только чувствовала, что что-то необычайное совершается надо мной. Когда священникъ съ крестомъ обернулся къ намъ, поздравилъ и сказалъ, что онъ крестилъ меня и вотъ Богъ привелъ и вѣнчать, Катя и его мать поцѣловали насъ, и послышался голосъ Григорія, зовущаго карету, я удивилась и испугалась, что все кончено уже, а ничего необыкновеннаго, соотвѣтствующаго совершившемуся надо мной таинству, не сдѣлалось въ моей душѣ. Мы поцѣловались съ нимъ, и этотъ поцѣлуй былъ такой странный, чуждый нашему чувству. «И только-то», подумала я. Мы вышли на паперть, звукъ колесъ густо раздался подъ сводомъ церкви, свѣжимъ воздухомъ пахнуло въ лицо, онъ надѣлъ шляпу и за руку подсадилъ меня въ карету. Изъ окна кареты я увидѣла морозный съ кругомъ мѣсяцъ. Онъ сѣлъ рядомъ со мной и затворилъ за собою дверцу.

Что-то кольнуло меня въ сердце. Какъ будто оскорбительна мнѣ показалась увѣренность, съ которой онъ это сдѣлалъ. Катинъ голосъ прокричалъ, чтобы я закрыла голову, колеса застучали по камню, потомъ по мягкой дорогѣ, и мы поѣхали. Я, прижавшись къ углу, смотрѣла въ окно на далекія свѣтлыя поля и на дорогу, убѣгающую въ холодномъ блескѣ мѣсяца. И, не глядя на него, чувствовала его тутъ рядомъ со мной. «Что-жъ, и только-то дала мнѣ эта минута, отъ которой я ждала такъ много?» подумала я, и мнѣ все какъ будто унизительно и оскорбительно казалось сидѣть одной такъ близко съ нимъ. Я обернулась къ нему съ намѣреніемъ сказать ему что-нибудь. Но слова не говорились, какъ будто уже не было во мнѣ прежняго чувства нѣжности, а чувства оскорбленія и страха замѣнили его.

— Я до этой минуты все не вѣрилъ, что это можетъ быть, — тихо отвѣтилъ онъ на мой взглядъ.

— Да, но мнѣ страшно почему-то! — сказала я.

— Меня страшно, мой другъ? — сказалъ онъ, взявъ мою руку и опуская къ ней голову.

Моя рука безжизненно лежала въ его рукѣ, и въ сердцѣ становилось больно отъ холода.

— Да, — прошептала я.

Но тутъ же сердце вдругъ забилось сильнѣе, рука задрожала и сжала его руку, мнѣ стало жарко, глаза въ полутьмѣ искали его взгляда, и я вдругъ почувствовала, что не боюсь его, что страхъ этотъ — любовь новая и еще нѣжнѣйшая и сильнѣйшая любовь, чѣмъ прежде. Я почувствовала, что я вся его и что я счастлива его властью надо мной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Дни, недѣли, два мѣсяца уединенной деревенской жизни прошли незамѣтно, какъ казалось тогда; а между тѣмъ на цѣлую жизнь достало бы чувствъ, волненій и счастія этихъ двухъ мѣсяцевъ. Мои и его мечты о томъ, какъ устроится наша деревенская жизнь, сбылись совершенно не такъ, какъ мы ожидали. Но жизнь наша была не хуже нашихъ мечтаній. Не было этого строгаго труда, исполненія долга, самопожертвованія и жизни для другого, что̀ я воображала себѣ, когда была невѣстой; было, напротивъ, одно себялюбивое чувство любви другъ къ другу, желаніе быть любимымъ, безпричинное, постоянное веселье и забвеніе всего на свѣтѣ. Правда, онъ иногда уходилъ заниматься чѣмъ-то въ своемъ кабинетѣ, иногда по дѣламъ ѣздилъ въ городъ и ходилъ по хозяйству; но я видѣла, какого труда ему стоило отрываться отъ меня. И самъ онъ потомъ признавался, какъ все на свѣтѣ, гдѣ меня не было, казалось ему такимъ вздоромъ, что онъ не могъ понять, какъ можно заниматься имъ. Для меня было то же самое. Я читала, занималась и музыкой, и мамашей, и школой; но все это только потому, что каждое изъ этихъ занятій было связано съ нимъ и заслуживало его одобренія; но только мысль о немъ не примѣшивалась къ какому-нибудь дѣлу, руки опускались у меня, и мнѣ такъ забавно казалось подумать, что есть на свѣтѣ что-нибудь, кромѣ его. Можетъ-быть, это было нехорошее себялюбивое чувство; но чувство это давало мнѣ счастіе и высоко поднимало меня надъ всѣмъ міромъ. Только онъ одинъ существовалъ для меня на свѣтѣ, а его я считала самымъ прекраснымъ, непогрѣшимымъ человѣкомъ въ мірѣ; поэтому я и не могла жить ни для чего другого, какъ для него, какъ для того, чтобы быть въ его глазахъ тѣмъ, чѣмъ онъ считалъ меня. А онъ считалъ меня первою и прекраснѣйшею женщиною въ мірѣ, одаренною всѣми возможными добродѣтелями; и я старалась быть этою женщиной въ глазахъ перваго и лучшаго человѣка во всемъ мірѣ.

Одинъ разъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату въ то время, какъ я молилась Богу. Я оглянулась на него и продолжала молиться. Онъ сѣлъ у стола, чтобы не мѣшать мнѣ, и раскрылъ книгу. Но мнѣ показалось, что онъ смотритъ на меня, и я оглянулась. Онъ улыбнулся, я разсмѣялась и не могла молиться.

— А ты молился уже? — спросила я.

— Да. Да ты продолжай, я уйду.

— Да ты молишься, надѣюсь?

Онъ, не отвѣчая, хотѣлъ уйти, но я остановила его.

— Душа моя, пожалуйста, для меня, прочти со мной молитвы. — Онъ сталъ рядомъ со мной и, неловко опустивъ руки, съ серьезнымъ лицомъ, запинаясь, сталъ читать. Изрѣдка онъ оборачивался ко мнѣ, искалъ одобренія и помощи на моемъ лицѣ.

Когда онъ кончилъ, я засмѣялась и обняла его.

— Все ты, все ты! Точно мнѣ опять десять лѣтъ становится, — сказалъ онъ, краснѣя и цѣлуя мои руки.

Нашъ домъ былъ одинъ изъ старыхъ деревенскихъ домовъ, въ которыхъ, уважая и любя одно другое, прожило нѣсколько родственныхъ поколѣній. Отъ всего пахло хорошими, честными семейными воспоминаніями, которыя вдругъ, какъ только я вошла въ этотъ домъ, сдѣлались какъ будто и моими воспоминаніями. Убранство и порядокъ дома велись Татьяной Семеновной по-старинному. Нельзя сказать, чтобы все было изящно и красиво; но отъ прислуги до мебели и кушаньевъ всего было много, все было опрятно, прочно, аккуратно и внушало уваженіе. Въ гостиной симметрично стояла мебель, висѣли портреты и на полу разстилались домашніе ковры и полосушки. Въ диванной находились старый рояль, шифоньерки двухъ различныхъ фасоновъ, диваны и столики съ латунью и инкрустаціями. Въ моемъ кабинетѣ, убранномъ стараніемъ Татьяны Семеновны, стояла самая лучшая мебель различныхъ вѣковъ и фасоновъ, и, между прочимъ, старое трюмо, на которое я сначала никакъ не могла смотрѣть безъ застѣнчивости, но которое, впослѣдствіи, какъ старый другъ, сдѣлалось мнѣ дорого. Татьяны Семеновны не слышно было, но все въ домѣ шло какъ заведенные часы. Хотя людей было много лишнихъ, но всѣ эти люди, носившіе мягкіе безъ каблуковъ сапоги (Татьяна Семеновна считала скрипъ подошвъ и топотъ каблуковъ самою непріятною вещью на свѣтѣ), — всѣ эти люди казались горды своимъ званіемъ, трепетали передъ старою барыней, на насъ съ мужемъ смотрѣли съ покровительственною лаской и, казалось, съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлали свое дѣло. Каждую субботу регулярно въ домѣ мылись полы и выбивались ковры, каждое первое число служились молебны съ водосвятіемъ, каждое тезоименитство Татьяны Семеновны, ея сына (и мое — въ первый разъ въ эту осень) задавались пиры на весь околотокъ. И все это неизмѣнно дѣлалось еще съ тѣхъ поръ, какъ помнила себя Татьяна Семеновна. Мужъ не вмѣшивался въ домоводство и только занимался полевымъ хозяйствомъ и крестьянами, и занимался много. Онъ вставалъ и зимой даже очень рано, такъ что, проснувшись, я уже не заставала его. Онъ возвращался обыкновенно къ чаю, который мы пили одни, и почти всегда въ эту пору послѣ хлопотъ и непріятностей по хозяйству находился въ томъ особенно веселомъ расположеніи духа, которое мы называли *дикимъ восторгомъ*. Часто я требовала, чтобъ онъ разсказывалъ мнѣ, что дѣлалъ утромъ, и онъ разсказывалъ мнѣ такіе вздоры, что мы помирали со смѣху; иногда я требовала серьезнаго разсказа, и онъ, удерживая улыбку, разсказывалъ. Я глядѣла на его глаза, на его движущіяся губы и ничего не понимала, только радовалась, что вижу его и слышу его голосъ.

«Ну что̀ же я сказалъ? повтори», спрашивалъ онъ. Но я ничего не могла повторить. Такъ смѣшно было, что *онъ мнѣ* разсказываетъ не про себя и про меня, а про что-то другое. Точно не все равно, что бы тамъ ни дѣлалось. Только гораздо послѣ я стала немного понимать и интересоваться его заботами. Татьяна Семеновна не выходила до обѣда, пила чай одна и только черезъ пословъ здоровалась съ нами. Въ нашемъ особомъ, сумасбродно счастливомъ мíркѣ такъ странно звучалъ голосъ изъ ея другого, степеннаго, порядочнаго уголка, что часто я не выдерживала и только хохотала въ отвѣтъ горничной, которая, сложивъ руку на руку, мѣрно докладывала, что «Татьяна Семеновна приказали узнать, какъ почивали послѣ вчерашняго гулянья, а про себя приказали доложить, что у нихъ всю ночь бочокъ болѣлъ, и глупая собака на деревнѣ лаяла, мѣшала почивать. А еще приказали спросить, какъ понравилось нынѣшнее печенье, и просили замѣтить, что не Тарасъ нынче пекъ, а для пробы въ первый разъ Николаша, и очень, дескать, недурно, крендельки особенно, а сухари пережарилъ». До обѣда мы были мало вмѣстѣ. Я играла, читала одна, онъ писалъ, уходилъ еще; но къ обѣду, въ четыре часа мы сходились въ гостиной, мамаша выплывала изъ своей комнаты, и являлись бѣдныя дворянки, странницы, которыхъ всегда человѣка два-три жило въ домѣ. Регулярно каждый день мужъ по старой привычкѣ подавалъ къ обѣду руку матери, но она требовала, чтобъ онъ подавалъ мнѣ другую, и регулярно каждый день мы тѣснились и путались въ дверяхъ. За обѣдомъ предсѣдательствовала матушка же, и разговоръ велся прилично-разсудительный и нѣсколько торжественный. Наши простыя слова съ мужемъ пріятно разрушали торжественность этихъ обѣденныхъ засѣданій. Между сыномъ и матерью иногда завязывались споры и насмѣшки другъ надъ другомъ; я особенно любила эти споры и насмѣшки, потому что въ нихъ-то сильнѣе всего выражалась нѣжная и твердая любовь, которая связывала ихъ. Послѣ обѣда maman садилась въ гостиную на большое кресло и растирала табакъ или разрѣзывала листы новополученныхъ книгъ, а мы читали вслухъ или уходили въ диванную къ клавикордамъ. Мы много вмѣстѣ читали это время, но музыка была нашимъ любимѣйшимъ и лучшимъ наслажденіемъ, всякій разъ вызывая новыя струны въ нашихъ сердцахъ и какъ будто снова открывая намъ другъ друга. Когда я играла его любимыя вещи, онъ садился на дальній диванъ, гдѣ мнѣ почти не было видно его, и изъ стыдливости чувства старался скрывать впечатлѣніе, которое производила на него музыка; но часто, когда онъ не ожидалъ этого, я вставала отъ фортепіано, подходила къ нему, и старалась застать на его лицѣ слѣды волненія, неестественный блескъ, и влажность въ глазахъ, которые онъ напрасно старался скрыть отъ меня. Мамашѣ часто хотѣлось посмотрѣть на насъ въ диванной, но, вѣрно, она боялась стѣснить насъ, и иногда, будто не глядя на насъ, она проходила черезъ диванную съ мнимо-серьезнымъ и равнодушнымъ лицомъ; но я знала, что ей не зачѣмъ было ходить къ себѣ и такъ скоро возвращаться. Вечерній чай разливала я въ большой гостиной, и опять всѣ домашніе собирались къ столу. Это торжественное засѣданіе при зерцалѣ самовара и раздача стакановъ и чашекъ долгое время смущали меня. Мнѣ все казалось, что я недостойна еще этой чести, слишкомъ молода и легкомысленна, чтобы повертывать кранъ такого большого самовара, чтобы ставить стаканъ на подносъ Никитѣ и приговаривать: «Петру Ивановичу, Марьѣ Миничнѣ», спрашивать: «сладко ли?» и оставлять куски сахара нянѣ и заслуженнымъ людямъ. «Славно, славно, — часто приговаривалъ мужъ, — точно большая», и это еще больше смущало меня.

Послѣ чая maman раскладывала пасьянсъ или слушала гаданье Марьи Миничны, потомъ цѣловала и крестила насъ обоихъ, и мы уходили къ себѣ. Большею частью, однако, мы просиживали вдвоемъ за полночь, и это было самое лучшее, пріятное время. Онъ разсказывалъ мнѣ про свое прошедшее, мы дѣлали планы, философствовали иногда и старались говорить все потихоньку, чтобы насъ не услыхали наверху и не донесли бы Татьянѣ Семеновнѣ, которая требовала, чтобы мы ложились рано. Иногда мы, проголодавшись, потихоньку шли въ буфетъ, доставали холодный ужинъ черезъ протекцію Никиты и съѣдали его при одной свѣчѣ въ моемъ кабинетѣ. Мы жили съ нимъ точно чужіе въ этомъ большомъ старомъ домѣ, въ которомъ надъ всѣмъ стоялъ строгій духъ старины и Татьяны Семеновны. Не только она, но люди, старыя дѣвушки, мебель, картины внушали мнѣ уваженіе, нѣкоторый страхъ и сознаніе того, что мы съ нимъ здѣсь немножко не на своемъ мѣстѣ и что намъ надо жить здѣсь очень осторожно и внимательно. Какъ я вспоминаю теперь, то вижу, что многое — и этотъ связывающій, неизмѣнный порядокъ и эта бездна праздныхъ и любопытныхъ людей въ нашемъ домѣ — было неудобно и тяжело; но тогда самая эта стѣсненность еще болѣе оживляла нашу любовь. Не только я, но и онъ не показывалъ вида, что ему что-нибудь не нравится. Напротивъ, онъ даже какъ будто прятался самъ отъ того, что было дурно. Маменькинъ лакей, Дмитрій Сидоровъ, большой охотникъ до трубки, регулярно каждый день послѣ обѣда, когда мы бывали въ диванной, ходилъ въ мужнинъ кабинетъ брать его табакъ изъ ящика; и надо было видѣть, съ какимъ веселымъ страхомъ Сергѣй Михайлычъ на цыпочкахъ подходилъ ко мнѣ и, грозя пальцемъ и подмигивая, показывалъ на Дмитрія Сидорова, который никакъ не предполагалъ, что его видятъ. И когда Дмитрій Сидоровъ уходилъ, не замѣтивъ насъ, отъ радости, что все кончилось благополучно, какъ и при всякомъ другомъ случаѣ, мужъ говорилъ, что я прелесть, и цѣловалъ меня. Иногда это спокойствіе, всепрощеніе и какъ будто равнодушіе ко всему не нравилось мнѣ, я не замѣчала того, что во мнѣ было то же самое, и считала это слабостью. «Точно ребенокъ, который не смѣетъ показать свою волю», думала я.

— Ахъ, мой другъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ, когда я разъ сказала ему, что меня удивляетъ его слабость, — развѣ можно быть чѣмъ-нибудь недовольнымъ, когда такъ счастливъ, какъ я? Легче самому уступать, чѣмъ гнуть другихъ; въ этомъ я давно убѣдился, и нѣтъ того положенія, въ которомъ бы нельзя было быть счастливымъ. А намъ такъ хорошо! Я не могу сердиться; для меня теперь нѣтъ дурного, есть только жалкое и забавное. А главное — le mieux est l'ennemi du bien. Повѣришь ли, когда я слышу колокольчикъ, письмо получаю, просто, когда проснусь, мнѣ страшно становится. Страшно, что жить надо, что измѣнится что-нибудь; а лучше теперешняго быть не можетъ.

Я вѣрила, но не понимала его; мнѣ было хорошо, но казалось, что все это такъ, а не иначе должно быть и всегда со всѣми бываетъ, а что есть тамъ, гдѣ-то, еще другое, хотя не большее, но другое счастіе.

Такъ прошло два мѣсяца, пришла зима со своими холодами и метелями, и я, несмотря на то, что онъ былъ со мной, начинала чувствовать себя одинокой, начинала чувствовать, что жизнь повторяется, а нѣтъ ни во мнѣ, ни въ немъ ничего новаго, а что, напротивъ, мы какъ будто возвращаемся къ старому. Онъ началъ заниматься дѣлами безъ меня больше, чѣмъ прежде, и опять мнѣ стало казаться, что есть у него въ душѣ какой-то особый міръ, въ который онъ не хочетъ впускать меня. Его всегдашнее спокойствіе раздражало меня. Я любила его не меньше, чѣмъ прежде, и не меньше, чѣмъ прежде, была счастлива его любовью; но любовь моя остановилась и не росла больше, а, кромѣ любви, какое-то новое безпокойное чувство начинало закрадываться въ мою душу. Мнѣ мало было любить послѣ того, какъ я испытала счастіе полюбить его. Мнѣ хотѣлось движенія, а не спокойнаго теченія жизни. Мнѣ хотѣлось волненій, опасностей и самопожертвованія для чувства. Во мнѣ былъ избытокъ силы, не находившій мѣста въ нашей тихой жизни. На меня находили порывы тоски, которую я, какъ что-то дурное, старалась скрывать отъ него, и порывы неистовой нѣжности и веселости, пугавшіе его. Онъ еще прежде меня замѣтилъ мое состояніе и предложилъ ѣхать въ городъ; но я просила его не ѣздить и не измѣнять нашего образа жизни, не нарушать нашего счастія. И точно, я была счастлива; но меня мучило то, что счастіе это не стоило мнѣ никакого труда, никакой жертвы, когда силы труда и жертвы томили меня. Я любила его и видѣла, что я все для него; но мнѣ хотѣлось, чтобы видѣли всѣ нашу любовь, чтобы мѣшали мнѣ любить и я все-таки любила бы его. Мой умъ и даже чувства были заняты, но было другое чувство молодости, потребности движенія, не находившее удовлетворенія въ нашей тихой жизни. Зачѣмъ онъ мнѣ сказалъ, что мы можемъ ѣхать въ городъ, когда только я захочу этого? Не скажи онъ мнѣ этого, можетъ-быть, я поняла бы, что томившее меня чувство есть вредный вздоръ, вина моя, что та жертва, которую я искала, была тутъ передо мной въ подавленіи этого чувства. Мысль, что я могу спастись отъ тоски, только переѣхавъ въ городъ, невольно приходила мнѣ въ голову, и вмѣстѣ съ тѣмъ оторвать его отъ всего, что онъ любилъ, для себя мнѣ было совѣстно и жалко. А время уходило, снѣгъ заносилъ все больше и больше стѣны дома, и мы все были одни и одни, и все тѣ же были мы другъ предъ другомъ; а тамъ гдѣ-то въ блескѣ, въ шумѣ волновались, страдали и радовались толпы людей, не думая о насъ и о нашемъ уходившемъ существованіи. Хуже всего для меня было то, что я чувствовала, какъ съ каждымъ днемъ привычки жизни заковывали нашу жизнь въ одну опредѣленную форму, какъ чувство наше становилось не свободно, а подчинялось ровному, безстрастному теченію времени. Утромъ мы бывали веселы, въ обѣдъ — почтительны, вечеромъ — нѣжны. «Добро!.. — говорила я себѣ, — это хорошо — дѣлать добро и жить честно, какъ онъ говоритъ; но это мы успѣемъ еще, а есть что-то, на что у меня только теперь есть силы». Мнѣ не того нужно было, мнѣ нужна была борьба; мнѣ нужно было, чтобы чувство руководило нами въ жизни, а не жизнь руководила чувствомъ. Мнѣ хотѣлось подойти съ нимъ вмѣстѣ къ пропасти и сказать: «вотъ шагъ, я брошусь туда, вотъ движенiе, и я погибла», и чтобъ онъ, блѣднѣя на краю пропасти, взялъ меня въ свои сильныя руки, подержалъ бы надъ ней, такъ что у меня бы въ сердцѣ захолонуло, и унесъ бы куда хочетъ.

Это состоянiе подѣйствовало даже на мое здоровье, и нервы начинали у меня разстраиваться. Одно утро мнѣ было хуже обыкновеннаго; онъ вернулся изъ конторы не въ духѣ, что рѣдко бывало съ нимъ. Я тотчасъ замѣтила это и спросила, что съ нимъ. Но онъ не хотѣлъ сказать, говоря, что не сто̀итъ того. Какъ я послѣ узнала, исправникъ призывалъ нашихъ мужиковъ и по нерасположенiю къ мужу требовалъ отъ нихъ незаконнаго и угрожалъ имъ. Мужъ не могъ еще переварить всего этого такъ, чтобы все было только смѣшно и жалко, былъ раздраженъ и оттого не хотѣлъ говорить со мной. Но мнѣ показалось, что онъ не хотѣлъ говорить со мной оттого, что считалъ меня ребенкомъ, который не можетъ понять того, что его занимаетъ. Я отвернулась отъ него, замолчала и велѣла попросить къ чаю Марью Миничну, которая гостила у насъ. Послѣ чаю, который я кончила особенно скоро, я увела Марью Миничну въ диванную и стала громко говорить съ ней о какомъ-то вздорѣ, который для меня былъ вовсе незанимателенъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, изрѣдка взглядывая на насъ.

Эти взгляды почему-то теперь такъ дѣйствовали на меня, что мнѣ все больше и больше хотѣлось говорить и даже смѣяться; мнѣ казалось смѣшно все, что я сама говорила, и все, что говорила Марья Минична. Ничего не сказавъ мнѣ, онъ ушелъ совсѣмъ въ свой кабинетъ и затворилъ за собой дверь. Какъ только его не слышно стало, вся моя веселость вдругъ исчезла, такъ что Марья Минична удивилась и стала спрашивать, что со мной. Я, не отвѣчая ей, сѣла на диванъ, и мнѣ захотѣлось плакать. «И что онъ это придумываетъ? — думала я. — Какой-нибудь вздоръ, который ему кажется валенъ, а попробуй сказать мнѣ, я покажу ему, что все пустяки. Нѣтъ, ему нужно думать, что я не пойму, нужно унижать меня своимъ величавымъ спокойствіемъ и всегда быть правымъ со мной. Зато и я права, когда мнѣ скучно, пусто, когда я хочу жить, двигаться, — думала я, — а не стоять на одномъ мѣстѣ и чувствовать, какъ время идетъ черезъ меня. Я хочу идти впередъ и съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ хочу новаго, а онъ хочетъ остановиться и меня остановить съ собой. А какъ бы ему легко было! Для этого не нужно ему везти меня въ городъ, для этого нужно только быть такимъ, какъ я, не ломать себя, не удерживаться, а жить просто. Это самое онъ совѣтуетъ мнѣ, а самъ онъ не простъ. Вотъ что!»

Я чувствовала, что слезы подступаютъ мнѣ къ сердцу и что я раздражена на него. Я испугалась этого раздраженія и пошла къ нему. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и писалъ. Услышавъ мои шаги, онъ оглянулся на мгновеніе равнодушно, спокойно и продолжалъ писать. Этотъ взглядъ мнѣ не понравился; вмѣсто того, чтобы подойти къ нему, я стала къ столу, у котораго онъ писалъ, и, раскрывъ книгу, стала смотрѣть въ нее. Онъ еще разъ оторвался и поглядѣлъ на меня.

— Маша, ты не въ духѣ? — сказалъ онъ.

Я отвѣтила холоднымъ взглядомъ, который говорилъ: «нечего спрашивать! что за любезности?» Онъ покачалъ головой и робко, нѣжно улыбнулся, но въ первый разъ еще моя улыбка не отвѣтила на его улыбку.

— Что у тебя было нынче? — спросила я, — отчего ты не сказалъ мнѣ?

— Пустяки! маленькая непріятность, — отвѣчалъ онъ. — Однако теперь я могу разсказать тебѣ. Два мужика отправились въ городъ...

Но я не дала ему досказать.

— Отчего ты не разсказалъ мнѣ тогда еще, когда за чаемъ я спрашивала?

— Я бы тебѣ сказалъ глупость, я былъ сердитъ тогда.

— Тогда-то мнѣ и нужно было.

— Зачѣмъ?

— Отчего ты думаешь, что я никогда ни въ чемъ не могу помочь тебѣ?

— Какъ думаю! — сказалъ онъ, бросая перо. — Я думаю, что безъ тебя я жить не могу. Во всемъ, во всемъ не только ты мнѣ помогаешь, но ты все дѣлаешь. Вотъ хватилась! — засмѣялся онъ. — Тобой я живу только. Мнѣ кажется все хорошо только оттого, что ты тутъ, что тебя надо...

— Да, это я знаю; я милый ребенокъ, котораго надо успокаивать, — сказала я такимъ тономъ, что онъ удивленно, какъ будто въ первый разъ это увидѣлъ, посмотрѣлъ на меня. — Я не хочу спокойствія, довольно его въ тебѣ, очень довольно, — прибавила я.

— Ну, вотъ видишь ли, въ чемъ дѣло, — началъ онъ торопливо, перебивая меня, видимо боясь дать мнѣ все выговорить, — какъ бы ты разсудила его.

— Теперь не хочу, — отвѣчала я. Хотя мнѣ и хотѣлось слушать его, но мнѣ такъ пріятно было разрушить его спокойствіе. — Я не хочу играть въ жизнь, я хочу жить, — сказала я, — такъ же, какъ и ты.

На лицѣ его, на которомъ все такъ быстро и живо отражалось, выразились боль и усиленное вниманіе.

— Я хочу жить съ тобой ровно, съ тобой...

Но я не могла договорить: такая грусть, глубокая грусть выразилась на его лицѣ. Онъ помолчалъ немного.

— Да чѣмъ же не ровно ты живешь со мной? — сказалъ онъ, — тѣмъ, что я, а не ты, вожусь съ исправникомъ и пьяными мужиками...

— Да не въ одномъ этомъ, — сказала я.

— Ради Бога пойми меня, мой другъ, — продолжалъ онъ, — я знаю, что отъ тревогъ намъ бываетъ всегда больно, я жилъ и узналъ это. Я тебя люблю и, слѣдовательно, не могу не желать избавить тебя отъ тревогъ. Въ этомъ моя жизнь, въ любви къ тебѣ — стало-быть, и мнѣ не мѣшай жить.

— Ты всегда правъ! — сказала я, не глядя на него.

Мнѣ было досадно, что опять у него въ душѣ все ясно и покойно, когда во мнѣ была досада и чувство, похожее на раскаяніе.

— Маша, что̀ съ тобой? — сказалъ онъ. — Рѣчь не о томъ, я ли правъ или ты права, а совсѣмъ о другомъ: что̀ у тебя противъ меня? Не вдругъ говори, подумай и скажи мнѣ все, что ты думаешь. Ты недовольна мной и ты, вѣрно, права, но дай мнѣ понять, въ чемъ я виноватъ.

Но какъ я могла сказать ему мою душу? То, что онъ такъ сразу понялъ меня, что опять я была ребенокъ передъ нимъ, что ничего я не могла сдѣлать, чего бы онъ не понималъ и не предвидѣлъ, еще больше взволновало меня.

— Ничего я не имѣю противъ тебя, — сказала я. — Просто мнѣ скучно и хочется, чтобы не было скучно. Но ты говоришь, что такъ надо, и опять ты правъ!

Я сказала это и взглянула на него. Я достигла своей цѣли: спокойствіе его исчезло, испугъ и боль были на его лицѣ.

— Маша, — заговорилъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, — это не шутки, то, что мы дѣлаемъ теперь. Теперь рѣшается наша судьба. Я прошу тебя ничего не отвѣчать мнѣ и выслушать. За что ты хочешь мучить меня?

Но я перебила его.

— Я знаю, ты будешь правъ. Не говори лучше, ты правъ, — сказала я холодно, какъ будто не я, а какой-то злой духъ говорилъ во мнѣ.

— Если бы ты знала, что ты дѣлаешь! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Я заплакала, и мнѣ стало легче. Онъ сидѣлъ подлѣ меня и молчалъ. Мнѣ было и жалко его, и совѣстно за себя, и досадно за то, что я сдѣлала. Я не глядѣла на него. Мнѣ казалось, что онъ долженъ или строго, или недоумѣвающе смотрѣть на меня въ эту минуту. Я оглянулась: кроткій, нѣжный взглядъ, какъ бы просящій прощенія, былъ устремленъ на меня. Я взяла его за руку и сказала:

— Прости меня! Я сама не знаю, что я говорила.

— Да, но я знаю, что̀ ты говорила, и ты правду говорила.

— Что? — спросила я.

— Что намъ надо въ Петербургъ ѣхать, — сказалъ онъ. — Намъ тутъ теперь дѣлать нечего.

— Какъ хочешь, — сказала я.

Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ.

— Ты прости меня, — сказалъ онъ. — Я виноватъ передъ тобой.

Въ этотъ вечеръ я долго играла ему, а онъ ходилъ по комнатѣ и шепталъ что-то. Онъ имѣлъ привычку шептать, и я часто спрашивала у него, что онъ шепчетъ, и онъ всегда, подумавъ, отвѣчалъ мнѣ именно то, что онъ шепталъ; большею частью стихи и иногда ужасный вздоръ, но такой вздоръ, по которому я знала настроеніе его души.

— Что ты нынче шепчешь? — спросила я.

Онъ остановился, подумалъ и, улыбнувшись, отвѣчалъ два стиха Лермонтова:

...А онъ, безумный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

«Нѣтъ, онъ больше, чѣмъ человѣкъ; онъ все знаетъ! — подумала я. — Какъ не любить его!»

Я встала, взяла его за руку и вмѣстѣ съ нимъ начала ходить, стараясь попадать нога въ ногу.

— Да? — спросилъ онъ, улыбаясь, глядя на меня.

— Да, — сказала я шопотомъ; и какое-то веселое расположеніе духа охватило насъ обоихъ, глаза наши смѣялись, и мы шаги дѣлали все больше и больше, и все больше и больше становились на цыпочки. И тѣмъ же шагомъ къ великому негодованію Григорія и удивленію мамаши, которая раскладывала пасьянсъ въ гостиной, отправились черезъ всѣ комнаты въ столовую, а тамъ остановились, посмотрѣли другъ на друга и расхохотались.

Черезъ двѣ недѣли, передъ праздникомъ, мы были въ Петербургѣ.

II

Наша поѣздка въ Петербургъ, недѣля въ Москвѣ, его, мои родные, устройство на новой квартирѣ, дорога, новые города, лица, — все это прошло какъ сонъ. Все это было такъ разнообразно, ново, весело, все это такъ тепло и ярко освѣщено было его присутствіемъ, его любовью, что тихое деревенское житье показалось мнѣ чѣмъ-то давнишнимъ и ничтожнымъ. Къ великому удивленію моему, вмѣсто свѣтской гордости и холодности, которую я ожидала найти въ людяхъ, всѣ встрѣчали меня такъ неподдѣльно ласково и радостно (не только родные, но и незнакомые), что, казалось, они всѣ только обо мнѣ и думали, только меня ожидали, чтобъ имъ самимъ было хорошо. Тоже неожиданно для меня, и въ кругу свѣтскомъ и казавшемся мнѣ самымъ лучшимъ, у мужа открылось много знакомыхъ, о которыхъ онъ никогда не говорилъ мнѣ; и часто мнѣ странно и непріятно было слышать отъ него строгія сужденія о нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, казавшихся мнѣ такими добрыми. Я не могла понять, зачѣмъ онъ такъ сухо обращался съ ними и старался избѣгать многихъ знакомствъ, казавшихся мнѣ лестными. Мнѣ казалось, чѣмъ больше знаешь добрыхъ людей, тѣмъ лучше, а всѣ были добрые.

— Вотъ видишь ли, какъ мы устроимся, — говорилъ онъ передъ отъѣздомъ изъ деревни: — мы здѣсь маленькіе крезы, а тамъ мы будемъ очень небогаты, а потому намъ надо жить въ городѣ только до Святой и не ѣздить въ свѣтъ, иначе запутаемся; да и для тебя не хотѣлъ бы...

— Зачѣмъ свѣтъ? — отвѣчала я, — только посмотримъ театры, родныхъ, послушаемъ оперу и хорошую музыку и еще раньше Святой вернемся въ деревню.

Но какъ только мы пріѣхали въ Петербургъ, планы эти были забыты. Я очутилась вдругъ въ такомъ новомъ, счастливомъ мірѣ, такъ много радостей охватило меня, такіе новые интересы явились передо мной, что я сразу, хотя и безсознательно, отреклась отъ всего своего прошедшаго и всѣхъ плановъ этого прошедшаго. «То было все-таки шутки, еще не начиналось; а вотъ она, настоящая жизнь! Да еще что будетъ?» думала я. Безпокойство и начало тоски, тревожившія меня въ деревнѣ, вдругъ, какъ волшебствомъ, совершенно исчезли. Любовь къ мужу сдѣлалась спокойнѣе, и мнѣ никогда не приходила здѣсь мысль о томъ, не меньше ли онъ любитъ меня? Да я и не могла сомнѣваться въ его любви: всякая моя мысль была тотчасъ понята, чувство раздѣлено, желаніе исполнено имъ. Спокойствіе его исчезло здѣсь или не раздражало меня болѣе. Притомъ я чувствовала, что онъ, кромѣ своей прежней любви ко мнѣ, здѣсь еще и любуется мной. Часто послѣ визита, новаго знакомства или вечера у насъ, гдѣ я, внутренно дрожа отъ страха ошибиться, исполняла должность хозяйки дома, онъ говаривалъ: «Ай-да дѣвочка! славно! не робѣй. Право, хорошо!» И я была очень рада. Скоро послѣ нашего пріѣзда онъ писалъ письмо къ матери, и когда позвалъ меня приписать отъ себя, то не хотѣлъ дать прочесть, что написано было, вслѣдствіе чего я, разумѣется, потребовала и прочла. «Вы не узнаете Маши, — писалъ онъ, — и я самъ не узнаю ея. Откуда берется эта милая, граціозная самоувѣренность, *афабельность*, даже свѣтскій умъ и любезность. И все это просто, мило, добродушно. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, да я и самъ не налюбуюсь на нее, и ежели бы можно было, полюбилъ бы еще больше».

«А! такъ вотъ я какая!» подумала я. И такъ мнѣ весело и хорошо стало, показалось даже, что я еще больше люблю его. Мой успѣхъ у всѣхъ нашихъ знакомыхъ былъ совершенно неожиданный для меня. Со всѣхъ сторонъ мнѣ говорили, что я тамъ особенно понравилась дядюшкѣ, тутъ тетушка безъ ума отъ меня, тотъ говоритъ мнѣ, что мнѣ нѣтъ подобныхъ женщинъ въ Петербургѣ, та увѣряетъ меня, что мнѣ стоитъ захотѣть, чтобы быть самою *изысканною* женщиной общества. Особенно кузина мужа, княгиня Д., немолодая свѣтская женщина, внезапно влюбившаяся въ меня, болѣе всѣхъ говорила мнѣ лестныя вещи, кружившія мнѣ голову. Когда въ первый разъ кузина пригласила меня ѣхать на балъ и просила объ этомъ мужа, онъ обратился ко мнѣ и, чуть замѣтно хитро улыбаясь, спросилъ: хочу ли я ѣхать? Я кивнула головой въ знакъ согласія и почувствовала, что покраснѣла.

— Точно преступница признается, чего ей хочется, — сказалъ онъ, добродушно смѣясь.

— Да вѣдь ты говорилъ, что намъ нельзя ѣздить въ свѣтъ, да и ты не любишь, — отвѣчала я, улыбаясь и умоляющимъ взглядомъ глядя на него.

— Ежели очень хочется, то поѣдемъ, — сказалъ онъ.

— Право, лучше не надо.

— Хочется? очень? — снова спросилъ онъ.

Я не отвѣчала.

— Свѣтъ еще небольшое горе, — продолжалъ онъ, — а свѣтскія неосуществленныя желанія — это и дурно и некрасиво. Непремѣнно надо ѣхать, и поѣдемъ, — рѣшительно заключилъ онъ.

— Правду тебѣ сказать, — сказала я, — мнѣ ничего въ мірѣ такъ не хотѣлось, какъ этого бала.

Мы поѣхали, и удовольствіе, испытанное мною, превзошло всѣ мои ожиданія. На балѣ еще больше, чѣмъ прежде, мнѣ казалось, что я центръ, около котораго все движется, что для меня только освѣщена эта большая зала, играетъ музыка и собралась эта толпа людей, восхищающихся мной. Всѣ, начиная отъ парикмахера и горничной и до танцоровъ и стариковъ, проходившихъ черезъ залу, казалось, говорили мнѣ и давали чувствовать, что они любятъ меня. Общее сужденіе, составившееся обо мнѣ на этомъ балѣ и переданное мнѣ кузиной, состояло въ томъ, что я совсѣмъ не похожа на другихъ женщинъ, что во мнѣ есть что-то особенное, деревенское, простое и прелестное. Этотъ успѣхъ такъ польстилъ мнѣ, что я откровенно сказала мужу, какъ бы я желала въ нынѣшнемъ году съѣздить еще на два, на три бала, «съ тѣмъ чтобы хорошенько насытиться ими», прибавила я, покрививъ душой.

Мужъ охотно согласился и первое время ѣздилъ со мной съ видимымъ удовольствіемъ, радуясь моимъ успѣхамъ и, казалось, совершенно забывъ или отрекшись отъ того, что говорилъ прежде.

Впослѣдствіи онъ, видимо, сталъ скучать и тяготиться жизнью, какую мы вели. Но мнѣ было не до того; ежели я и замѣчала иногда его внимательно-серьезный взглядъ, вопросительно устремленный на меня, я не понимала его значенія. Я такъ была отуманена этою, внезапно возбужденною, какъ мнѣ казалось, любовью ко мнѣ во всѣхъ постороннихъ, этимъ воздухомъ изящества, удовольствій и новизны, которымъ я дышала здѣсь въ первый разъ, такъ вдругъ исчезло здѣсь его, подавлявшее меня, моральное вліяніе, такъ пріятно мнѣ было въ этомъ мірѣ не только сравняться съ нимъ, но стать выше его, и зато любить его еще больше и самостоятельнѣе, чѣмъ прежде, что я не могла понять, что̀ непріятнаго онъ могъ видѣть для меня въ свѣтской жизни. Я испытывала новое для себя чувство гордости и самодовольства, когда, входя на балъ, всѣ глаза обращались на меня, а онъ, какъ будто совѣстясь признаваться передъ толпой въ обладаніи мною, спѣшилъ оставить меня и терялся въ черной толпѣ фраковъ. «Постой! — часто думала я, отыскивая глазами въ концѣ залы его незамѣченную, иногда скучающую фигуру, — постой! — думала я, — пріѣдемъ домой, и ты поймешь и увидишь, для кого я старалась быть хороша и блестяща и что̀ я люблю изъ всего того, что окружаетъ меня нынѣшній вечеръ». Мнѣ самой искренно казалось, что успѣхи мои радовали меня только для того, чтобы быть въ состояніи жертвовать ему ими. Одно, чѣмъ могла быть вредна для меня свѣтская жизнь, думала я, была возможность увлеченія однимъ изъ людей, встрѣчаемыхъ мною въ свѣтѣ, ревность моего мужа; но онъ такъ вѣрилъ въ меня, казался такъ спокоенъ и равнодушенъ, и всѣ эти молодые люди казались мнѣ такъ ничтожны въ сравненіи съ нимъ, что единственная по моимъ понятіямъ опасность свѣта не казалась страшна мнѣ. Но, несмотря на то, вниманіе многихъ людей въ свѣтѣ доставляло мнѣ удовольствіе, льстило самолюбію, заставляло думать, что есть нѣкоторая заслуга въ моей любви къ мужу, и дѣлало мое обращеніе съ нимъ самоувѣреннѣе и какъ будто небрежнѣе.

— А я видѣла, какъ ты что-то очень оживленно разговаривалъ съ Н. Н., — однажды, возвращаясь съ бала, сказала я, грозя ему пальцемъ и называя одну изъ извѣстныхъ дамъ Петербурга, съ которой онъ дѣйствительно говорилъ въ этотъ вечеръ. Я сказала это, чтобы расшевелить его, — онъ былъ особенно молчаливъ и скученъ.

— Ахъ, зачѣмъ такъ говорить? И говоришь ты, Маша! — пропустилъ онъ сквозь зубы и морщась какъ будто отъ физической боли. — Какъ это не идетъ тебѣ и мнѣ! Оставь это другимъ; эти ложныя отношенія могутъ испортить наши настоящія, а я еще надѣюсь, что настоящія вернутся.

Мнѣ стало стыдно, и я замолчала.

— Вернутся, Маша? Какъ тебѣ кажется? — спросилъ онъ.

— Они никогда не портились и не испортятся, — сказала я, и тогда мнѣ точно такъ казалось.

— Дай-то Богъ, — проговорилъ онъ, — а то пора бы намъ въ деревню.

Но это только одинъ разъ сказалъ онъ мнѣ, остальное же время мнѣ казалось, что ему было такъ же хорошо, какъ и мнѣ, а мнѣ было такъ радостно и весело. «Если же ему и скучно иногда, — утѣшала я себя, — то и я поскучала для него въ деревнѣ; если же измѣнились нѣсколько наши отношенія, то все это снова вернется, какъ только мы лѣтомъ останемся одни съ Татьяной Семеновной въ нашемъ никольскомъ домѣ».

Такъ незамѣтно для меня прошла зима, и мы, противъ нашихъ плановъ, даже Святую провели въ Петербургѣ. На Ѳоминой, когда мы уже собирались ѣхать, все было уложено, и мужъ, дѣлавшій уже покупки подарковъ, вещей, цвѣтовъ для деревенской жизни, былъ въ особенно нѣжномъ и веселомъ расположеніи духа, кузина неожиданно пріѣхала къ намъ и стала просить остаться до субботы, съ тѣмъ чтобъ ѣхать на раутъ къ графинѣ Р. Она говорила, что графиня Р. очень звала меня, что бывшій тогда въ Петербургѣ принцъ М. еще съ прошлаго бала желалъ познакомиться со мной, только для этого и ѣхалъ на раутъ, и говорилъ, что я самая хорошенькая женщина въ Россіи. Весь городъ долженъ былъ быть тамъ, и, однимъ словомъ, ни на что бы не было похоже, ежели я бы не поѣхала.

Мужъ былъ на другомъ концѣ гостиной, разговаривая съ кѣмъ-то.

— Такъ что-жъ, ѣдемте, Мари? — сказала кузина.

— Мы послѣзавтра хотѣли ѣхать въ деревню, — нерѣшительно отвѣчала я, взглянувъ на мужа. Глаза наши встрѣтились, онъ торопливо отвернулся.

— Я уговорю его остаться, — сказала кузина, — и мы ѣдемъ въ субботу кружить головы. Да?

— Это бы разстроило наши планы, а мы уложились, — отвѣчала я, начиная сдаваться.

— Да ей бы лучше нынче вечеромъ съѣздить на поклонъ принцу, — съ другого конца комнаты сказалъ мужъ раздраженно сдержаннымъ тономъ, котораго я еще не слыхала отъ него.

— Ахъ, онъ ревнуетъ! вотъ въ первый разъ вижу, — засмѣялась кузина. — Да вѣдь не для принца, Сергѣй Михайловичъ, а для всѣхъ насъ я уговариваю ее. Какъ графиня Р. просила ее пріѣхать!

— Это отъ нея зависитъ, — холодно проговорилъ мужъ и вышелъ.

Я видѣла, что онъ былъ взволнованъ больше, чѣмъ обыкновенно: это меня мучило, и я ничего не обѣщала кузинѣ. Только что она уѣхала, я пошла къ мужу. Онъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ и не видалъ и не слыхалъ, какъ я на цыпочкахъ вошла въ комнату.

«Ему уже представляется милый никольскій домъ, — думала я, глядя на него, — и утренній кофе въ свѣтлой гостиной, и его поля, мужики, и вечера въ диванной, и ночные таинственные ужины... Нѣтъ! — рѣшила я сама съ собой, — всѣ балы на свѣтѣ и лесть всѣхъ принцевъ на свѣтѣ отдамъ я за его радостное смущеніе, за его тихую ласку». Я хотѣла сказать ему, что не поѣду на раутъ и не хочу, когда онъ вдругъ оглянулся и, увидавъ меня, нахмурился и измѣнилъ кротко-задумчивое выраженіе своего лица. Опять проницательность, мудрость и покровительственное спокойствіе выразилось въ его взглядѣ. Онъ не хотѣлъ, чтобъ я видѣла его простымъ человѣкомъ; ему нужно было полубогомъ на пьедесталѣ всегда стоять предо мной.

— Что ты, мой другъ? — спросилъ онъ, небрежно и спокойно оборачиваясь ко мнѣ.

Я не отвѣчала. Мнѣ было досадно, что онъ прячется отъ меня, не хочетъ оставаться тѣмъ, какимъ я любила его.

— Ты хочешь ѣхать въ субботу на раутъ? — спросилъ онъ.

— Хотѣла, — отвѣчала я, — но тебѣ это не нравится. Да и все уложено, — прибавила я.

Никогда онъ такъ холодно не смотрѣлъ на меня, никогда такъ холодно не говорилъ со мной.

— Я не уѣду до вторника и велю разложить вещи, — проговорилъ онъ, — поэтому можешь ѣхать, коли тебѣ хочется. Сдѣлай милость, поѣзжай. Я не уѣду.

Какъ и всегда, когда онъ бывалъ взволнованъ, онъ нервно сталъ ходить по комнатѣ и не глядѣлъ на меня.

— Я рѣшительно тебя не понимаю, — сказала я, стоя на мѣстѣ и глазами слѣдя за нимъ, — ты говоришь, что ты всегда такъ спокоенъ (онъ никогда не говорилъ этого). Отчего ты такъ странно говоришь со мной? Я для тебя готова пожертвовать этимъ удовольствіемъ, а ты какъ-то иронически, какъ ты никогда не говорилъ со мной, требуешь, чтобъ я ѣхала.

— Ну что же! Ты *жертвуешь* (онъ особенно ударилъ на это слово), и я жертвую, чего же лучше. Борьба великодушія. Какого же еще семейнаго счастія?

Въ первый разъ еще я слышала отъ него такія ожесточенно-насмѣшливыя слова. И насмѣшка его не пристыдила, а оскорбила меня, и ожесточеніе не испугало меня, а сообщилось мнѣ. Онъ ли, всегда боявшійся фразы въ нашихъ отношеніяхъ, всегда искренній и простой, говорилъ это? И за что? За то, что точно я хотѣла пожертвовать ему удовольствіемъ, въ которомъ не могла видѣть ничего дурного, и за то, что за минуту передъ этимъ я такъ понимала и любила его. Роли наши перемѣнились: онъ избѣгалъ прямыхъ и простыхъ словъ, а я искала ихъ.

— Ты очень перемѣнился, — сказала я, вздохнувъ. — Чѣмъ я провинилась передъ тобой? Не раутъ, а что-то другое, старое есть у тебя на сердцѣ противъ меня. Зачѣмъ неискренность? Не самъ ли ты такъ боялся ея прежде? Говори прямо: чтò ты имѣешь противъ меня? — «Что-то онъ скажетъ», думала я, съ самодовольствомъ вспоминая, что нечѣмъ ему было упрекнуть меня за всю эту зиму.

Я вышла на середину комнаты, такъ что онъ долженъ былъ близко пройти мимо меня, и смотрѣла на него. «Онъ подойдетъ, обниметъ меня, и все будетъ кончено», пришло мнѣ въ голову, и даже жалко стало, что не придется доказать ему, какъ онъ неправъ. Но онъ остановился на концѣ комнаты и поглядѣлъ на меня.

— Ты все не понимаешь? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я скажу тебѣ. Мнѣ мерзко, въ первый разъ мерзко то, что я чувствую и что не могу не чувствовать. — Онъ остановился, видимо испугавшись грубаго звука своего голоса.

— Да что-жъ? — со слезами негодованія въ глазахъ спросила я.

— Мерзко, что принцъ нашелъ тебя хорошенькой и что ты изъ-за этого бѣжишь ему навстрѣчу, забывая и мужа, и себя, и достоинство женщины, и не хочешь понять того, что̀ долженъ за тебя чувствовать твой мужъ, ежели въ тебѣ самой нѣтъ чувства достоинства; напротивъ, ты приходишь говорить мужу, что ты *жертвуешь*, то-есть «показаться его высочеству для меня большое счастіе, но я *жертвую* имъ».

Чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ больше разгорался отъ звуковъ собственнаго голоса, и голосъ этотъ звучалъ ядовито, жестоко и грубо. Я никогда не видала и не ожидала видѣть его такимъ; кровь прилила мнѣ къ сердцу, я боялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувство незаслуженнаго стыда и оскорбленнаго самолюбія волновало меня, и мнѣ хотѣлось отомстить ему.

— Я давно ожидала этого, — сказала я, — говори, говори.

— Не знаю, чего ты ожидала, — продолжалъ онъ, — я могъ ожидать всего худшаго, видя тебя каждый день въ этой грязи праздности, роскоши этого глупаго общества, и дождался... Дождался того, что мнѣ нынче стыдно и больно стало, какъ никогда; больно за себя, когда твой другъ своими грязными руками залѣзъ мнѣ въ сердце и сталъ говорить о ревности, моей ревности, къ кому же? къ человѣку, котораго ни я, ни ты не знаемъ. А ты, какъ нарочно, хочешь не понимать меня и хочешь жертвовать мнѣ, чѣмъ же?.. Стыдно за тебя, за твое униженіе стыдно!... Жертва! — повторилъ онъ.

«А! такъ вотъ она власть мужа, — подумала я: — оскорблять и унижать женщину, которая ни въ чемъ не виновата. Вотъ въ чемъ права мужа, но я не подчинюсь имъ».

— Нѣтъ, я ничѣмъ не жертвую тебѣ, — проговорила я, чувствуя, какъ неестественно расширяются мои ноздри и кровь оставляетъ лицо. — Я поѣду въ субботу на раутъ, и непремѣнно поѣду.

— И дай Богъ тебѣ много удовольствія, только между нами все кончено! — прокричалъ онъ въ порывѣ уже несдержаннаго бѣшенства. — Но больше ужъ ты не будешь мучить меня. Я былъ дуракъ, что... — снова началъ онъ, но губы у него затряслись, и онъ съ видимымъ усиліемъ удержался, чтобы не договорить того, что началъ.

Я боялась и ненавидѣла его въ эту минуту. Я хотѣла сказать ему многое и отомстить за всѣ оскорбленія; но ежели бы я открыла ротъ, я бы заплакала и уронила бы себя передъ нимъ. Я молча вышла изъ комнаты. Но только что я перестала слышать его шаги, какъ вдругъ ужаснулась передъ тѣмъ, что мы сдѣлали. Мнѣ стало страшно, что точно навѣки разорвется эта связь, составлявшая все мое счастіе, и я хотѣла вернуться. «Но достаточно ли онъ успокоился, чтобы понять меня, когда я молча протяну ему руку и посмотрю на него? — подумала я. — Пойметъ ли онъ мое великодушіе? Что ежели онъ назоветъ притворствомъ мое горе? или съ сознаніемъ правоты и съ гордымъ спокойствіемъ приметъ мое раскаяніе и проститъ меня? И за что, за что онъ, котораго я такъ любила, такъ жестоко оскорбилъ меня?»

Я пошла не къ нему, а въ свою комнату, гдѣ долго сидѣла одна и плакала, съ ужасомъ вспоминая каждое слово бывшаго между нами разговора, замѣняя эти слова другими, прибавляя другія, добрыя слова и снова съ ужасомъ и чувствомъ оскорбленія вспоминая то, что было. Когда я вечеромъ вышла къ чаю и при С., который былъ у насъ, встрѣтилась съ мужемъ, я почувствовала, что съ нынѣшняго дня цѣлая бездна открылась между нами. С. спросилъ меня, когда мы ѣдемъ. Я не успѣла отвѣтить.

— Во вторникъ, — отвѣчалъ мужъ: — мы еще ѣдемъ на раутъ къ графинѣ Р. Вѣдь ты ѣдешь? — обратился онъ ко мнѣ.

Я испугалась звука этого простого голоса и робко оглянулась на мужа. Глаза его смотрѣли прямо на меня, взглядъ ихъ былъ золъ и насмѣшливъ, голосъ былъ ровенъ и холоденъ.

— Да, — отвѣчала я.

Вечеромъ, когда мы остались одни, онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку.

— Забудь, пожалуйста, что я наговорилъ тебѣ, — сказалъ онъ.

Я взяла его руку, дрожащая улыбка была у меня на лицѣ, и слезы готовы были потечь изъ глазъ, но онъ отнялъ руку и, какъ будто боясь чувствительной сцены, сѣлъ на кресло довольно далеко отъ меня. «Неужели онъ все считаетъ себя правымъ?» подумала я, и готовое объясненіе и просьба не ѣхать на раутъ остановились на языкѣ.

— Надо написать матушкѣ, что мы отложили отъѣздъ, — сказалъ онъ, — а то она будетъ безпокоиться.

— А когда ты думаешь ѣхать? — спросила я.

— Во вторникъ послѣ раута, — отвѣчалъ онъ.

— Надѣюсь, что это не для меня, — сказала я, глядя ему въ глаза, но глаза только смотрѣли, а ничего не говорили мнѣ, какъ будто чѣмъ-то заволочены они были отъ меня. Лицо его вдругъ мнѣ показалось старо и непріятно.

Мы поѣхали на раутъ, и между нами, казалось, установились опять хорошія, дружелюбныя отношенія; но отношенія эти были совсѣмъ другія, чѣмъ прежде.

На раутѣ я сидѣла между дамами, когда принцъ подошелъ ко мнѣ, такъ что я должна была встать, чтобы говорить съ нимъ. Вставая, я невольно отыскала глазами мужа и видѣла, что онъ съ другого конца залы смотрѣлъ на меня и отвернулся. Мнѣ вдругъ такъ стало стыдно и больно, что я болѣзненно смутилась и покраснѣла лицомъ и шеей подъ взглядомъ принца. Но я должна была стоять и слушать, что онъ говорилъ мнѣ, сверху оглядывая меня. Разговоръ нашъ продолжался недолго, ему негдѣ было сѣсть подлѣ меня, и онъ, вѣрно, почувствовалъ, что мнѣ очень неловко съ нимъ. Разговоръ былъ о прошломъ балѣ, о томъ, гдѣ я живу лѣто, и т. д. Отходя отъ меня, онъ изъявилъ желаніе познакомиться съ моимъ мужемъ, и я видѣла, какъ они сошлись и говорили на другомъ концѣ залы. Принцъ, вѣрно, что-нибудь сказалъ обо мнѣ, потому что въ серединѣ разговора онъ, улыбаясь, оглянулся въ нашу сторону.

Мужъ вдругъ вспыхнулъ, низко поклонился и первый отошелъ отъ принца. Я тоже покраснѣла: мнѣ стыдно стало за то понятіе, которое долженъ былъ получить принцъ обо мнѣ и особенно о мужѣ. Мнѣ показалось, что всѣ замѣтили мою неловкую застѣнчивость въ то время, какъ я говорила съ принцемъ, замѣтили его странный поступокъ; Богъ знаетъ, какъ они могли объяснить это, ужъ и не знаютъ ли они нашего разговора съ мужемъ? Кузина довезла меня домой и дорогой мы разговорились съ ней о мужѣ. Я не утерпѣла и разсказала ей обо всемъ, что было между нами по случаю этого несчастнаго раута. Она успокаивала меня, говоря, что это ничего не значащая, очень обыкновенная размолвка, которая не оставитъ никакихъ слѣдовъ; объяснила мнѣ, съ своей точки зрѣнія, характеръ мужа, нашла, что онъ очень несообщителенъ и гордъ сталъ; я согласилась съ ней, и мнѣ показалось, что я спокойнѣе и лучше сама теперь стала понимать его.

Но потомъ, когда мы остались вдвоемъ съ мужемъ, этотъ судъ о немъ, какъ преступленіе, лежалъ у меня на совѣсти, и я почувствовала, что еще больше сдѣлалась пропасть, теперь отдѣлявшая насъ другъ отъ друга.

III

Съ этого дня совершенно измѣнилась наша жизнь и наши отношенія. Намъ уже не такъ хорошо было наединѣ, какъ прежде. Были вопросы, которые мы обходили, и при третьемъ лицѣ намъ легче говорилось, чѣмъ съ глазу на глазъ. Какъ только рѣчь заходила о жизни въ деревнѣ или о балѣ, у насъ какъ будто мальчики бѣгали въ глазахъ и неловко было смотрѣть другъ на друга. Какъ будто мы оба чувствовали, въ какомъ мѣстѣ была пропасть, отдѣлявшая насъ, и боялись подходить къ ней. Я была убѣждена, что онъ гордъ и вспыльчивъ и надо быть осторожнѣе, чтобы не задѣвать его слабости. Онъ былъ увѣренъ, что я не могу жить безъ свѣта, что деревня не по мнѣ и что надо покоряться этому несчастному вкусу. И мы оба избѣгали прямыхъ разговоровъ объ этихъ предметахъ, и оба ложно судили другъ друга. Мы уже давно перестали быть другъ для друга совершеннѣйшими людьми въ мірѣ, а дѣлали сравненіе съ другими и втайнѣ судили одинъ другого. Я сдѣлалась нездорова передъ отъѣздомъ, и вмѣсто деревни мы переѣхали на дачу, откуда мужъ одинъ поѣхалъ къ матери. Когда онъ уѣзжалъ, я уже достаточно оправилась, чтобы ѣхать съ нимъ, но онъ уговаривалъ меня остаться, какъ будто боясь за мое здоровье. Я чувствовала, что онъ боялся не за мое здоровье, а за то, что намъ не хорошо будетъ въ деревнѣ; я не очень настаивала и осталась. Безъ него мнѣ было пусто, одиноко, но когда онъ пріѣхалъ, я увидала, что онъ уже не прибавлялъ къ моей жизни того, что прибавлялъ прежде. Прежнія наши отношенія, когда, бывало, всякая непереданная ему мысль, впечатлѣніе, какъ преступленіе, тяготили меня, когда всякій его поступокъ, слово казались мнѣ образцомъ совершенства, когда намъ отъ радости смѣяться чему-то хотѣлось, глядя другъ на друга, — эти отношенія такъ незамѣтно перешли въ другія, что мы и не хватились, какъ ихъ не стало. У каждаго изъ насъ явились свои отдѣльные интересы, заботы, которые мы уже не пытались сдѣлать общими. Насъ даже перестало смущать то, что у каждаго есть свой отдѣльный, чуждый для другого міръ. Мы привыкли къ этой мысли, и черезъ годъ мальчики даже перестали бѣгать въ глазахъ, когда мы смотрѣли другъ на друга. Исчезли совершенно его припадки веселья со мной, ребячество, исчезло его всепрощеніе и равнодушіе ко всему, прежде возмущавшія меня, не стало больше этого глубокаго взгляда, который прежде смущалъ и радовалъ меня, не стало молитвъ, восторговъ вмѣстѣ, мы даже не часто видѣлись, онъ былъ постоянно въ разъѣздахъ и не боялся, не жалѣлъ оставлять меня одну; я была постоянно въ свѣтѣ, гдѣ мнѣ не нужно было его.

Сценъ и размолвокъ больше не бывало между нами, я старалась угодить ему, онъ исполнялъ всѣ мои желанія, и мы будто любили другъ друга.

Когда мы оставались одни, что случалось рѣдко, я не испытывала съ нимъ ни радости, ни волненія, ни замѣшательства, какъ будто я сама съ собой оставалась. Я знала очень хорошо, что это былъ мужъ мой, не какой-нибудь новый, неизвѣстный человѣкъ, а хорошій человѣкъ, — мужъ мой, котораго я знала, какъ самое себя. Я была увѣрена, что знала все, что онъ сдѣлаетъ, что скажетъ, какъ посмотритъ, и ежели онъ дѣлалъ или смотрѣлъ не такъ, какъ я ожидала, то мнѣ уже казалось, что это онъ ошибся. Я ничего не ждала отъ него. Однимъ словомъ, это былъ мой мужъ и больше ничего. Мнѣ казалось, что это такъ и должно быть, что не бываетъ другихъ и между нами даже не было никогда другихъ отношеній. Когда онъ уѣзжалъ, особенно первое время, мнѣ становилось одиноко, страшно, я безъ него чувствовала сильнѣе значеніе для меня его опоры; когда онъ пріѣзжалъ, я бросалась ему на шею отъ радости, хотя черезъ два часа забывала совершенно эту радость и нечего мнѣ было говорить съ нимъ. Только въ минуты тихой, умѣренной нѣжности, которыя бывали между нами, мнѣ казалось, что что-то не то, что-то больно мнѣ въ сердцѣ, и въ его глазахъ, мнѣ казалось, я читала то же. Мнѣ чувствовалась эта граница нѣжности, за которую теперь онъ какъ будто не хотѣлъ, а я не могла переходить. Иногда мнѣ это грустно было, но некогда было задумываться надъ чѣмъ бы то ни было, и я старалась забыть эту грусть неясно чувствуемой перемѣны въ развлеченіяхъ, которыя постоянно готовы были мнѣ. Свѣтская жизнь, сначала отуманившая меня блескомъ и лестью самолюбія, скоро завладѣла вполнѣ моими наклонностями, вошла въ привычки, наложила на меня свои оковы и заняла въ душѣ все то мѣсто, которое было готово для чувства. Я никогда уже не оставалась одна сама съ собой и боялась вдумываться въ свое положеніе. Все время мое отъ поздняго утра и до поздней ночи было занято и принадлежало не мнѣ, даже если бы я не выѣзжала. Мнѣ это было уже не весело и не скучно, а казалось, что такъ, а не иначе, всегда должно было быть.

Такъ прошло три года, во время которыхъ отношенія наши оставались тѣ же, какъ будто остановились, застыли и не могли сдѣлаться ни хуже, ни лучше. Въ эти три года въ нашей семейной жизни случились два важныя событія, но оба не измѣнили моей жизни. Это было рожденіе моего перваго ребенка и смерть Татьяны Семеновны. Первое время материнское чувство съ такою силою охватило меня и такой неожиданный восторгъ произвело во мнѣ, что я думала, новая жизнь начнется для меня; но черезъ два мѣсяца, когда я снова стала выѣзжать, чувство это, уменьшаясь и уменьшаясь, перешло въ привычку и холодное исполненіе долга. Мужъ, напротивъ, со времени рожденія нашего перваго сына сталъ прежнимъ, кроткимъ, спокойнымъ домосѣдомъ и прежнюю свою нѣжность и веселье перенесь на ребенка. Часто, когда я въ бальномъ платьѣ входила въ свою нѣжность и веселье перенесъ на ребенка. и заставала мужа въ дѣтской, я замѣчала какъ бы укоризненный и строго внимательный взглядъ его, устремленный на меня, и мнѣ становилось совѣстно. Я вдругъ ужасалась своего равнодушія къ ребенку и спрашивала себя: неужели я хуже другихъ женщинъ? «Но что-жъ дѣлать? — думала я, — я люблю сына, но не могу же сидѣть съ нимъ цѣлые дни, мнѣ скучно; а притворяться я ни за что не стану». Смерть его матери была для него большимъ горемъ; ему тяжело было, какъ онъ говорилъ, послѣ нея жить въ Никольскомъ, а хотя мнѣ и жалко было ее и я сочувствовала горю мужа, мнѣ было теперь пріятнѣе и спокойнѣе въ деревнѣ. Всѣ эти три года мы провели большею частью въ городѣ, въ деревню я ѣздила только разъ на два мѣсяца и на третій годъ мы поѣхали за границу.

Мы проживали лѣтомъ на водахъ.

Мнѣ было тогда двадцать одинъ годъ; состояніе наше, я думала, было въ цвѣтущемъ положеніи; отъ семейной жизни я не требовала ничего сверхъ того, что она мнѣ давала; всѣ, кого я знала, мнѣ казалось, любили меня; здоровье мое было хорошо, туалеты мои были лучшіе на водахъ, я знала, что я была хороша, погода была прекрасна, какая-то атмосфера красоты и изящества окружала меня, и мнѣ было очень весело. Я не такъ была весела, какъ бывала въ Никольскомъ, когда я чувствовала, что я счастлива сама въ себѣ, что я счастлива потому, что заслужила это счастіе, что счастіе мое велико, но должно быть еще больше, что все хочется еще и еще счастія. Тогда было другое; но и въ это лѣто мнѣ было хорошо. Мнѣ ничего не хотѣлось, я ни на что не надѣялась, ничего не боялась, и жизнь моя, казалось мнѣ, была полна, и на совѣсти, казалось, было покойно. Изъ числа всей молодежи этого сезона не было ни одного человѣка, котораго бы я чѣмъ-нибудь отличала отъ другихъ или даже отъ стараго князя К., нашего посланника, который ухаживалъ за мной. Одинъ былъ молодой, другой старый, одинъ бѣлокурый англичанинъ, другой французъ съ бородкой, всѣ они мнѣ были равны, но всѣ они были мнѣ необходимы. Это были всѣ одинаково безразличныя лица, составлявшія радостную атмосферу жизни, окружавшую меня. Одинъ только изъ нихъ, итальянскій маркизъ Д., больше другихъ обратилъ мое вниманіе своею смѣлостью въ выраженіи восхищенія передо мной. Онъ не пропускалъ никакого случая быть со мной, танцовать, ѣздить верхомъ, быть въ казино и т. д. и говорить мнѣ, что я хороша. Нѣсколько разъ я изъ оконъ видѣла его около нашего дома, и часто непріятный пристальный взглядъ его блестящихъ глазъ заставлялъ меня краснѣть и оглядываться. Онъ былъ молодъ, хорошъ собой, элегантенъ и, главное, улыбкой и выраженіемъ лба похожъ на моего мужа, хотя и гораздо лучше его. Онъ поражалъ меня этимъ сходствомъ, хотя въ общемъ, въ губахъ, во взглядѣ, въ длинномъ подбородкѣ вмѣсто прелести выраженія доброты и идеальнаго спокойствія моего мужа у него было что-то грубое, животное. Я полагала тогда, что онъ страстно любитъ меня, и съ гордымъ соболѣзнованіемъ иногда думала о немъ. Я иногда хотѣла успокоить его, перевести его въ тонъ полудружеской тихой довѣренности, но онъ рѣзко отклонялъ отъ себя эти попытки и продолжалъ непріятно смущать меня своею невыражавшеюся, но всякую минуту готовою выразиться страстью. Хотя и не признаваясь себѣ, я боялась этого человѣка и противъ воли часто думала о немъ. Мой мужъ былъ знакомъ съ нимъ и еще больше, чѣмъ съ другими нашими знакомыми, для которыхъ онъ былъ только мужъ своей жены, держалъ себя холодно и высокомѣрно. Къ концу сезона я заболѣла и двѣ недѣли не выходила изъ дома. Когда я въ первый разъ послѣ болѣзни вышла вечеромъ на музыку, я узнала, что безъ меня пріѣхала давно ожидаемая и извѣстная своею красотой леди С. Около меня составился кругъ, меня встрѣтили радостно, но еще лучше кругъ составленъ былъ около пріѣзжей львицы. Всѣ вокругъ меня говорили только про нее и ея красоту. Мнѣ показали ее, и дѣйствительно, она была прелестна, но меня непріятно поразило самодовольство ея лица, и я сказала это. Мнѣ этотъ день показалось скучно все, что прежде было такъ весело. На другой день леди С. устроила поѣздку въ за́мокъ, отъ которой я отказалась. Почти никто не остался со мной, и все окончательно перемѣнилось въ моихъ глазахъ. Все и всѣ мнѣ показались глупы и скучны, мнѣ хотѣлось плакать, скорѣе кончить курсъ и ѣхать въ Россію. Въ душѣ у меня было какое-то нехорошее чувство, но я еще себѣ не признавалась въ немъ. Я сказалась слабой и перестала показываться въ большомъ обществѣ, только утромъ выходила изрѣдка одна пить воды или съ Л. М., русскою знакомой, ѣздила въ окрестности. Мужа не было въ это время: онъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Гейдельбергъ, ожидая конца моего курса, чтобы ѣхать въ Россію, и изрѣдка пріѣзжалъ ко мнѣ.

Однажды леди С. увлекла все общество на охоту, а мы съ Л. М. послѣ обѣда поѣхали въ за́мокъ. Покуда мы шагомъ въѣзжали въ коляскѣ по извилистому шоссе между вѣковыми каштанами, сквозь которые дальше открывались эти хорошенькія элегантныя баденскія окрестности, освѣщенныя заходящими лучами солнца, мы разговорились серьезно, какъ мы не говорили никогда. Л. М., которую уже я давно знала, въ первый разъ представилась мнѣ теперь хорошею, умною женщиной, съ которой можно говорить все и съ которой пріятно быть другомъ. Мы говорили про семью, дѣтей, про пустоту здѣшней жизни, намъ захотѣлось въ Россію, въ деревню, и какъ-то грустно и хорошо стало. Подъ вліяніемъ этого же серьезнаго чувства мы вошли въ за́мокъ. Въ стѣнахъ было тѣнисто, свѣжо, вверху по развалинамъ играло солнце, слышны были чьи-то шаги и голоса. Изъ двери, какъ въ рамѣ, виднѣлась эта прелестная, но холодная для насъ, русскихъ, баденская картина. Мы сѣли отдохнуть и молча смотрѣли на заходящее солнце. Голоса послышались явственнѣе, и мнѣ показалось, что называли мою фамилію. Я стала прислушиваться и невольно разслышала каждое слово. Голоса были знакомые: это былъ маркизъ Д. и французъ, его пріятель, котораго я тоже знала. Они говорили про меня и про леди С. Французъ сравнивалъ меня и ее и разбиралъ красоту той и другой. Онъ не говорилъ ничего оскорбительнаго, но у меня кровь прилила къ сердцу, когда я разслышала его слова. Онъ подробно объяснилъ, что было хорошаго во мнѣ и что хорошаго въ леди С. У меня ужъ былъ ребенокъ, а леди С. было девятнадцать лѣтъ; у меня коса была лучше, но зато у леди станъ былъ граціознѣе; леди большая дама, тогда какъ ваша, сказалъ онъ, такъ себѣ, одна изъ этихъ маленькихъ русскихъ княгинь, которыя такъ часто начинаютъ появляться здѣсь. Онъ заключилъ тѣмъ, что я прекрасно дѣлаю, не пытаясь бороться съ леди С., и что я окончательно похоронена въ Баденѣ.

— Мнѣ ее жаль.

— Ежели только она не захочетъ утѣшиться съ вами, — прибавилъ онъ съ веселымъ и жесткимъ смѣхомъ.

— Ежели она уѣдетъ, я поѣду за ней! — грубо проговорилъ голосъ съ итальянскимъ акцентомъ.

— Счастливый смертный! онъ еще можетъ любить! — засмѣялся французъ.

— Любить! — сказалъ голосъ и помолчалъ. — Я не могу не любить, — безъ этого нѣтъ жизни. Дѣлать романъ изъ жизни — одно, что есть хорошаго. И мой романъ никогда не останавливается въ серединѣ, и этотъ я доведу до конца.

— Bonne chance, mon ami, — проговорилъ французъ.

Дальше уже мы не слыхали, потому что они зашли за уголъ, и мы съ другой стороны услыхали ихъ шаги. Они сходили съ лѣстницы и черезъ нѣсколько минутъ вышли изъ боковой двери и весьма удивились, увидавъ насъ. Я покраснѣла, когда маркизъ Д. подошелъ ко мнѣ, и мнѣ страшно стало, когда, выходя изъ за́мка, онъ подалъ мнѣ руку. Я не могла отказаться, и мы сзади Л. М., которая шла съ его другомъ, пошли къ коляскѣ. Я была оскорблена тѣмъ, что сказалъ про меня французъ, хотя втайнѣ сознавала, что онъ только назвалъ то, что я сама чувствовала; но слова маркиза удивили и возмутили меня своею грубостью. Меня мучила мысль, что я слышала его слова, и, несмотря на то, онъ не боится меня. Мнѣ гадко было чувствовать его такъ близко отъ себя и, не глядя на него, не отвѣчая ему и стараясь держать руку такъ, чтобы не слыхать его, я торопливо шла за Л. М. и французомъ. Маркизъ говорилъ что-то о прекрасномъ видѣ, о неожиданномъ счастіи встрѣтить меня и еще что-то, но я не слушала его. Я думала въ это время о мужѣ, о сынѣ, о Россіи; чего-то мнѣ совѣстно было, чего-то жалко, чего-то хотѣлось, и я торопилась скорѣе домой, въ свою одинокую комнату въ Hôtel de Bade, чтобы на просторѣ обдумать все то, что только сейчасъ поднялось у меня въ душѣ. Но Л. М. шла тихо, до коляски было еще далеко, мой кавалеръ, мнѣ показалось, упорно уменьшалъ шагъ, какъ будто пытаясь останавливать меня. «Не можетъ быть!» подумала я и рѣшительно пошла скорѣе. Но положительно онъ удерживалъ меня и даже прижималъ мою руку. Л. М. завернула за уголъ дороги, и мы были совершенно одни. Мнѣ стало страшно.

— Извините, — сказала я холодно и хотѣла высвободить руку, но кружево рукава зацѣпилось за его пуговицу. Онъ, пригнувшись ко мнѣ грудью, сталъ отстегивать его, и его пальцы безъ перчатки тронули мою руку. Какое-то новое мнѣ чувство не то ужаса, не то удовольствія морозомъ пробѣжало по моей спинѣ. Я взглянула на него съ тѣмъ, чтобы холоднымъ взглядомъ выразить все презрѣніе, которое я къ нему чувствую; но взглядъ мой выразилъ не то: онъ выразилъ испугъ и волненіе. Его горящіе, влажные глаза подлѣ самаго моего лица странно смотрѣли на меня, на мою шею, на мою грудь; его обѣ руки перебирали мою руку выше кисти; его открытыя губы говорили что-то, говорили, что онъ меня любитъ, что я все для него, и губы эти приближались ко мнѣ, и руки крѣпче сжимали мои и жгли меня. Огонь пробѣгалъ по моимъ жиламъ, въ глазахъ темнѣло, я дрожала, и слова, которыми я хотѣла остановить его, пересыхали въ моемъ горлѣ. Вдругъ я почувствовала поцѣлуй на своей щекѣ и, вся дрожа и холодѣя, остановилась и смотрѣла на него. Не въ силахъ ни говорить, ни двигаться, я, ужасаясь, ожидала и желала чего-то. Все это продолжалось одно мгновеніе. Но это мгновеніе было ужасно! Я такъ видѣла его всего въ это мгновеніе. Такъ понятно мнѣ было его лицо: этотъ виднѣвшійся изъ-подъ соломенной шляпы крутой, низкій лобъ, похожій на лобъ моего мужа, этотъ красивый прямой носъ съ раздутыми ноздрями, эти длинные остро припомаженные усы и бородка, эти гладко выбритыя щеки и загорѣлая шея. Я ненавидѣла, я боялась его: такой чужой онъ былъ мнѣ; но въ эту минуту такъ сильно отзывались во мнѣ волненіе и страсть этого ненавистнаго чужого человѣка, такъ непреодолимо хотѣлось мнѣ отдаться поцѣлуямъ этого грубаго и красиваго рта, объятіямъ этихъ бѣлыхъ рукъ съ тонкими жилами и съ перстнями на пальцахъ, такъ тянуло меня броситься, очертя голову, въ открывшуюся вдругъ, притягивающую бездну запрещенныхъ наслажденій!..

«Я такъ несчастна, — думала я, — пускай же еще больше и больше несчастій собирается на мою голову».

Онъ обнялъ меня одною рукой и наклонился къ моему лицу. «Пускай, пускай еще и еще накопляется стыдъ и грѣхъ на мою голову».

— Je vous aime, — прошепталъ онъ голосомъ, который былъ такъ похожъ на голосъ моего мужа. Мой мужъ и ребенокъ вспомнились мнѣ, какъ давно бывшія дорогія существа, съ которыми у меня все кончено. Но вдругъ въ это время изъ-за поворота послышался голосъ Л. М., которая звала меня. Я опомнилась, вырвала свою руку и, не глядя на него, почти побѣжала за Л. М. Мы сѣли въ коляску, и я тутъ только взглянула на него. Онъ снялъ шляпу и спросилъ что-то, улыбаясь. Онъ не понималъ того невыразимаго отвращенія, которое я испытывала къ нему въ эту минуту.

Жизнь моя показалась мнѣ такъ несчастна, будущее такъ безнадежно, прошедшее такъ черно! Л. М. говорила со мной, но я не понимала ея словъ. Мнѣ казалось, что она говоритъ со мной только изъ жалости, чтобы скрыть презрѣніе, которое я возбуждаю въ ней. Во всякомъ словѣ, во всякомъ взглядѣ мнѣ чудилось это презрѣніе и оскорбительная жалость. Поцѣлуй стыдомъ жегъ мнѣ щеку, и мысль о мужѣ и ребенкѣ была мнѣ невыносима. Оставшись одна въ своей комнатѣ, я надѣялась обдумать свое положеніе, но мнѣ страшно было одной. Я не допила чаю, который мнѣ подали, и, сама не зная зачѣмъ, съ горячечною поспѣшностью стала тотчасъ же собираться съ вечернимъ поѣздомъ въ Гейдельбергъ къ мужу.

Когда мы сѣли съ дѣвушкой въ пустой вагонъ, машина тронулась и свѣжій воздухъ пахнулъ на меня въ окно, я стала опоминаться и яснѣе представлять себѣ свое прошедшее и будущее. Вся моя замужняя жизнь со дня переѣзда нашего въ Петербургъ вдругъ представилась мнѣ въ новомъ свѣтѣ и укоромъ легла мнѣ на совѣсть. Я въ первый разъ живо вспомнила наше первое время въ деревнѣ, наши планы, въ первый разъ мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: какія же были его радости во все это время? И я почувствовала себя виноватою передъ нимъ. «Но зачѣмъ онъ не остановилъ меня, зачѣмъ лицемѣрилъ передо мной, зачѣмъ избѣгалъ объясненій, зачѣмъ оскорбилъ? — спрашивала я себя. — Зачѣмъ не употребилъ свою власть любви надо мной? Или онъ не любилъ меня?» Но какъ бы онъ ни былъ виноватъ, поцѣлуй чужого человѣка вотъ тутъ стоялъ на моей щекѣ, и я чувствовала его. Чѣмъ ближе и ближе я подъѣзжала къ Гейдельбергу, тѣмъ яснѣе воображала мужа и тѣмъ страшнѣе мнѣ становилось предстоящее свиданіе. «Я все, все скажу ему, все выплачу слезами раскаянія, — думала я, — и онъ проститъ меня». Но я сама не знала, что такое «все» я скажу ему, и сама не вѣрила, что онъ проститъ меня.

Но только что я вошла въ комнату къ мужу и увидала его спокойное, хотя и удивленное лицо, я почувствовала, что мнѣ нечего было говорить ему, не въ чемъ признаваться и не въ чемъ просить его прощенія. Невысказанное горе и раскаяніе должны были оставаться во мнѣ.

— Какъ это ты вздумала? — сказалъ онъ, — а я завтра хотѣлъ къ тебѣ ѣхать. — Но, всмотрѣвшись ближе въ мое лицо, онъ какъ будто испугался. — Что ты? что съ тобой? — проговорилъ онъ.

— Ничего, — отвѣчала я, едва удерживаясь отъ слезъ. — Я совсѣмъ пріѣхала. Поѣдемъ хоть завтра домой въ Россію.

Онъ довольно долго молча и внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Да разскажи же, что съ тобой случилось? — сказалъ онъ.

Я невольно покраснѣла и опустила глаза. Въ глазахъ его блеснуло чувство оскорбленія и гнѣва. Я испугалась мыслей, которыя могли прійти ему, и съ силой притворства, которой я сама не ожидала въ себѣ, я сказала:

— Ничего не случилось, просто скучно и грустно стало одной, и я много думала о нашей жизни и о тебѣ. Ужъ такъ давно я виновата передъ тобой! За что ты ѣздишь со мной туда, куда тебѣ не хочется? Давно ужъ я виновата передъ тобой, — повторила я, и опять слезы мнѣ навернулись на глаза. — Поѣдемъ въ деревню и навсегда.

— Ахъ! мой другъ, уволь отъ чувствительныхъ сценъ, — сказалъ онъ холодно. — Что ты въ деревню хочешь, это прекрасно, потому что и денегъ у насъ мало; а что навсегда, то это мечта. Я знаю, что ты не уживешь. А вотъ чаю напейся, это лучше будетъ, — заключилъ онъ, вставая, чтобы позвонить человѣка.

Мнѣ представлялось все, что онъ могъ думать обо мнѣ, и я оскорбилась тѣми страшными мыслями, которыя приписывала ему, встрѣтивъ невѣрный и какъ будто пристыженный взглядъ, устремленный на меня. «Нѣтъ, онъ не хочетъ и не можетъ понять меня!» Я сказала, что я пойду посмотрѣть ребенка, и вышла отъ него. Мнѣ хотѣлось быть одной и плакать, плакать, плакать...

IV.

Давно нетопленный, пустой никольскій домъ снова ожилъ, но не ожило то, что жило въ немъ. Мамаши уже не было, и мы одни были другъ противъ друга. Но теперь намъ не только не нужно было одиночество, оно уже стѣсняло насъ. Зима прошла тѣмъ хуже для меня, что я была больна и оправилась только послѣ родовъ второго моего сына. Отношенія наши съ мужемъ продолжали быть тѣ же холодно-дружелюбныя, какъ и во время нашей городской жизни, но въ деревнѣ каждая половица, каждая стѣна, диванъ напоминали мнѣ то, чѣмъ онъ былъ для меня, и то, что я утратила! Какъ будто непрощенная обида была между нами, какъ будто онъ наказывалъ меня за что-то и дѣлалъ видъ, что самъ того не замѣчаетъ. Просить прощенія было не за что, просить помилованія не отъ чего: онъ наказывалъ меня только тѣмъ, что не отдавалъ мнѣ всего себя, всей своей души, какъ прежде: но и никому и ничему онъ не отдавалъ ея, какъ будто у него ея уже не было. Иногда мнѣ приходило въ голову, что онъ притворяется только такимъ, чтобы мучить меня, а что въ немъ еще живо прежнее чувство, и я старалась вызвать его. Но онъ всякій разъ какъ будто избѣгалъ откровенности, какъ будто подозрѣвалъ меня въ притворствѣ и боялся, какъ смѣшного, всякой чувствительности. Взглядъ и тонъ его говорили: все знаю, все знаю, нечего говорить, все, что ты хочешь сказать, и то знаю. Знаю и то, что ты скажешь одно, а сдѣлаешь другое. Сначала я оскорблялась этимъ страхомъ передъ откровенностью, но потомъ привыкла къ мысли о томъ, что это не откровенность, а отсутствіе потребности въ откровенности. У меня языкъ не повернулся бы теперь вдругъ сказать ему, что я люблю его, или попросить его прочесть молитвы со мной, или позвать его слушать, какъ я играю. Между нами чувствовались уже извѣстныя условія приличія. Мы жили каждый порознь: онъ — своими занятіями, въ которыхъ мнѣ не нужно было и не хотѣлось теперь участвовать, я — со своею праздностью, которая не оскорбляла и не печалила его, какъ прежде. Дѣти еще были слишкомъ малы и не могли еще соединить насъ.

Но пришла весна. Катя съ Соней пріѣхали на лѣто въ деревню, домъ нашъ въ Никольскомъ стали перестраивать, мы переѣхали въ Покровское. Тотъ же былъ старый покровскій домъ со своею террасой, со сдвижнымъ столомъ и фортепіано въ свѣтлой залѣ и моею бывшею комнатой съ бѣлыми занавѣсками и моими, какъ будто забытыми тамъ, дѣвичьими мечтами. Въ этой комнатѣ были двѣ кроватки: одна — бывшая моя, въ которой я по вечерамъ крестила раскидавшагося пухлаго Кокошу, а другая — маленькая, въ которой изъ пеленокъ выглядывало личико Вани. Перекрестивъ ихъ, я часто останавливалась посрединѣ тихой комнатки, и вдругъ изъ всѣхъ угловъ, отъ стѣнъ, отъ занавѣсокъ поднимались старыя, забытыя молодыя видѣнія. Начинали пѣть старые голоса дѣвическія пѣсни. И гдѣ эти видѣнія? Гдѣ эти милыя, сладкія пѣсни? Сбылось все то, чего я едва смѣла надѣяться. Неясныя, сливающіяся мечты стали дѣйствительностью, а дѣйствительность стала тяжелою, трудною и безрадостною жизнью. А все то же: тотъ же садъ виденъ въ окно, та же площадка, та же дорожка, та же скамейка вонъ тамъ надъ оврагомъ, тѣ же соловьиныя пѣсни несутся отъ пруда, тѣ же сирени во всемъ цвѣту, и тотъ же мѣсяцъ стоитъ надъ домомъ, а все такъ страшно, такъ невозможно измѣнилось! Такъ холодно все то, что могло быть такъ дорого и близко! Такъ же, какъ и въ старину, мы, тихо вдвоемъ сидя въ гостиной, говоримъ съ Катей и говоримъ о немъ. Но Катя сморщилась, пожелтѣла, глаза ея не блестятъ радостью и надеждой, а выражаютъ сочувствующую грусть и сожалѣніе. Мы не восхищаемся имъ по-старому, мы судимъ его, мы не удивляемся, зачѣмъ и за что мы такъ счастливы, и не по-старому всему свѣту хотимъ разсказать то, что мы думаемъ; мы, какъ заговорщицы, шепчемъ другъ съ другомъ и сотый разъ спрашиваемъ другъ друга, зачѣмъ все такъ грустно перемѣнилось? И онъ все тотъ же, только глубже морщина между его бровей, больше сѣдыхъ волосъ въ его вискахъ, но глубокій, внимательный взглядъ постоянно заволоченъ отъ меня тучей. Все та же и я, но нѣтъ во мнѣ ни любви, ни желанія любви. Нѣтъ потребности труда, нѣтъ довольства собой. И такъ далеки и невозможны мнѣ кажутся прежніе религіозные восторги и прежняя любовь къ нему, прежняя полнота жизни. Я не поняла бы теперь того, что прежде мнѣ казалось такъ ясно и справедливо: счастіе жить для другого. Зачѣмъ для другого, когда и для себя жить не хочется?

Я совершенно бросила музыку съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ переѣхала въ Петербургъ; но теперь старое фортепіано, старыя ноты снова пріохотили меня.

Одинъ день мнѣ нездоровилось, я осталась одна дома: Катя и Соня поѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ Никольское смотрѣть новую постройку. Чайный столъ былъ накрытъ, я вошла внизъ, и, ожидая ихъ, сѣла за фортепіано. Я открыла сонату quasi una fantasia и стала играть ее. Никого не видно и не слышно было, окна были открыты въ садъ, и знакомые грустно торжественные звуки раздавались въ комнатѣ. Я кончила первую часть и совершенно безсознательно по старой привычкѣ оглянулась въ тотъ уголъ, въ которомъ онъ сиживалъ, бывало, слушая меня. Но его не было; стулъ, давно не сдвинутый, стоялъ въ своемъ углу; и въ окно виднѣлся кустъ сирени на свѣтломъ закатѣ, и свѣжесть вечера вливалась въ открытыя окна. Я облокотилась на фортепіано, обѣими руками закрыла лицо и задумалась. Я долго сидѣла такъ, съ болью вспоминая старое, невозвратимое и робко придумывая новое. Но впереди какъ будто уже ничего не было, какъ будто я ничего не желала и не надѣялась. «Неужели я отжила?» подумала я, съ ужасомъ приподняла голову и, чтобы забыть и не думать, опять стала играть и все то же andante. «Боже мой! — подумала я, — прости меня, ежели я виновата, или возврати мнѣ все, что было такъ прекрасно въ моей душѣ, или научи, что̀ мнѣ дѣлать, какъ мнѣ жить теперь?» Шумъ колесъ послышался по травѣ и передъ крыльцомъ, и на террасѣ послышались осторожные, знакомые шаги и затихли. Но уже не прежнее чувство отозвалось на звукъ этихъ знакомыхъ шаговъ. Когда я окончила, шаги послышались за мной, и рука легла на мое плечо.

— Какая ты умница, что сыграла эту сонату, — сказалъ онъ.

Я молчала.

— Ты не пила чай?

Я отрицательно покачала головой и не оглядывалась на него, чтобы не выдать слѣдовъ волненія, оставшихся на моемъ лицѣ.

— Онѣ сейчасъ пріѣдутъ: лошадь зашалила, и онѣ сошли пѣшкомъ отъ большой дороги, — сказалъ онъ.

— Подождемъ ихъ, — сказала я и вышла на террасу, надѣясь, что и онъ пойдетъ за мной; но онъ спросилъ про дѣтей и пошелъ къ нимъ. Опять его присутствіе, его простой, добрый голосъ разувѣрилъ меня въ томъ, что что-то утрачено мной. Чего же еще желать? Онъ добръ, кротокъ, онъ хорошій мужъ, хорошій отецъ, я сама не знаю, чего еще недостаетъ мнѣ. Я вышла на балконъ и сѣла подъ полотно террасы на ту самую скамейку, на которой я сидѣла въ день нашего объясненія. Ужъ солнце зашло, начинало смеркаться, и весенняя темная тучка висѣла надъ домомъ и садомъ, только изъ-за деревьевъ виднѣлся чистый край неба съ потухавшею зарей и только что вспыхнувшею вечернею звѣздочкой. Надъ всѣмъ стояла тѣнь легкой тучки, и все ждало тихаго весенняго дождика. Вѣтеръ замеръ, ни одинъ листъ, ни одна травка не шевелились, запахъ сирени и черемухи такъ сильно, какъ будто весь воздухъ цвѣлъ, стоялъ въ саду и на террасѣ и наплывами то вдругъ ослабѣвалъ, то усиливался, такъ что хотѣлось закрыть глаза и ничего не видѣть, не слышать, кромѣ этого сладкаго запаха. Георгины и кусты розановъ еще безъ цвѣта, неподвижно вытянувшись на своей вскопанной черной рабаткѣ, какъ будто медленно росли вверхъ по своимъ бѣлымъ обструганнымъ подставкамъ; лягушки изо всѣхъ силъ, какъ будто напослѣдкахъ предъ дождемъ, который ихъ загонитъ въ воду, дружно и пронзительно трещали изъ-подъ оврага. Одинъ какой-то тонкій непрерывный водяной звукъ стоялъ надъ этимъ крикомъ. Соловьи перекликались вперемежку, и слышно было, какъ тревожно перелетали съ мѣста на мѣсто. Опять нынѣшнюю весну одинъ соловей пытался поселиться въ кустѣ подъ окномъ, и, когда я вышла, слышала, какъ онъ перемѣстился за аллею и оттуда щелкнулъ одинъ разъ и затихъ, тоже ожидая.

Напрасно я себя успокаивала: я ждала и жалѣла чего-то.

Онъ вернулся сверху и сѣлъ подлѣ меня.

— Кажется, помочитъ нашихъ, — сказалъ онъ.

— Да, — проговорила я, и мы оба долго молчали.

А туча безъ вѣтра все опускалась ниже и ниже; все становилось тише, пахучѣе и неподвижнѣе, и вдругъ капля упала и какъ будто подпрыгнула на парусинномъ навѣсѣ террасы, другая разбилась на щебнѣ дорожки; по лопуху шлепнуло, и закапалъ крупный, свѣжій, усиливающійся дождикъ. Соловьи и лягушки совсѣмъ затихли, только тонкій водяной звукъ хотя и казался дальше изъ-за дождя, но все стоялъ въ воздухѣ, и какая-то птица, должно-быть, забившись въ сухіе листья недалеко отъ террасы, равномѣрно выводила свои двѣ однообразныя ноты. Онъ всталъ и хотѣлъ уйти.

— Куда ты, — спросила я, удерживая его. — Здѣсь такъ хорошо...

— Послать зонтикъ и калоши надо, — отвѣчалъ онъ.

— Не нужно, сейчасъ пройдетъ.

Онъ согласился со мной, и мы вмѣстѣ остались у перилъ террасы. Я оперлась рукой на склизкую мокрую перекладину и выставила голову. Свѣжій дождикъ неровно кропилъ мнѣ волосы и шею. Тучка, свѣтлѣя и рѣдѣя, проливалась надъ нами; ровный звукъ дождя замѣнился рѣдкими каплями, падавшими сверху и съ листьевъ. Опять внизу затрещали лягушки, опять встрепенулись соловьи и изъ мокрыхъ кустовъ стали отзываться то съ той, то съ другой стороны. Все просвѣтлѣло передъ нами.

— Какъ хорошо! — проговорилъ онъ, присаживаясь на перила и рукой проводя по моимъ мокрымъ волосамъ.

Эта простая ласка, какъ упрекъ, подѣйствовала на меня: мнѣ захотѣлось плакать.

— И чего еще нужно человѣку? — сказалъ онъ. — Я теперь такъ доволенъ, что мнѣ ничего не нужно, совершенно счастливъ.

«Не такъ ты говорилъ мнѣ когда-то про свое счастіе, — подумала я. — Какъ ни велико оно было, ты говорилъ, что все еще и еще чего-то хотѣлось тебѣ. А теперь ты спокоенъ и доволенъ, когда у меня въ душѣ какъ будто невысказанное раскаяніе и невыплаканныя слезы».

— И мнѣ хорошо, — сказала я, — но грустно именно оттого, что все такъ хорошо передо мной. Во мнѣ такъ несвязно, неполно, все хочется чего-то, а тутъ такъ прекрасно и спокойно. Неужели и у тебя не примѣшивается какая-то тоска къ наслажденію природой, какъ будто хочется чего-то прошедшаго?

Онъ принялъ руку съ моей головы и помолчалъ немного.

— Да, прежде и со мной это бывало, особенно весной, — сказалъ онъ, какъ будто припоминая. — И я тоже ночи просиживалъ, желая и надѣясь, и хорошія ночи!.. Но тогда все было впереди, а теперь все сзади; теперь съ меня довольно того, что есть, и мнѣ славно, — заключилъ онъ такъ увѣренно-небрежно, что, какъ ни больно было слышать это, мнѣ повѣрилось, что онъ говоритъ правду.

— И ничего тебѣ не хочется? — спросила я.

— Ничего невозможнаго, — отвѣчалъ онъ, угадывая мое чувство. — Ты вотъ мочишь голову, — прибавилъ онъ, какъ ребенка лаская меня, еще разъ проводя рукой по моимъ волосамъ, — ты завидуешь и листьямъ и травѣ за то, что ихъ мочитъ дождикъ, тебѣ бы хотѣлось быть и травой, и листьями, и дождикомъ. А я только радуюсь на нихъ, какъ на все на свѣтѣ, что̀ хорошо, молодо и счастливо.

— И не жаль тебѣ ничего прошлаго? — продолжала я спрашивать, чувствуя, что все тяжеле и тяжеле становится у меня на сердцѣ.

Онъ задумался и опять замолчалъ. Я видѣла, что онъ хотѣлъ отвѣтить совершенно искренно.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ коротко.

— Неправда! неправда! — заговорила я, оборачиваясь къ нему и глядя въ его глаза. — Ты не жалѣешь прошлаго?

— Нѣтъ! — повторилъ онъ еще разъ, — я благодаренъ за него, но не жалѣю прошлаго.

— Но развѣ ты не желалъ бы воротить его? — сказала я.

Онъ повернулся и сталъ смотрѣть въ садъ.

— Не желаю, какъ не желаю того, чтобы у меня выросли крылья, — сказалъ онъ. — Нельзя!

— И не поправляешь ты прошедшаго? не упрекаешь себя или меня?

— Никогда! все было къ лучшему.

— Послушай! — сказала я, дотрогиваясь до его руки, чтобы онъ оглянулся на меня. — Послушай, отчего ты никогда не сказалъ мнѣ, что ты хочешь, чтобы я жила именно такъ, какъ ты хотѣлъ, зачѣмъ ты давалъ мнѣ волю, которой я не умѣла пользоваться, зачѣмъ ты пересталъ учить меня? Ежели бы ты хотѣлъ, ежели бы ты иначе велъ меня, ничего, ничего бы не было, — сказала я голосомъ, въ которомъ сильнѣе и сильнѣе выражалась холодная досада и упрекъ, а не прежняя любовь.

— Чего бы не было? — сказалъ онъ, удивленно оборачиваясь ко мнѣ, — и такъ ничего нѣтъ. Все хорошо. Очень хорошо, — прибавилъ онъ, улыбаясь.

«Неужели онъ не понимаетъ или — еще хуже — не хочетъ понимать?» подумала я, и слезы выступили мнѣ на глаза.

— Не было бы того, что, ничѣмъ невиноватая передъ тобой, я наказана твоимъ равнодушіемъ, презрѣніемъ даже, — вдругъ высказалась я. — Не было бы того, что безъ всякой моей вины ты вдругъ отнялъ у меня все, что мнѣ было дорого.

— Что ты, душа моя! — сказалъ онъ, какъ бы не понимая того, что я говорила.

— Нѣтъ, дай мнѣ говорить... Ты отнялъ отъ меня свое довѣріе, любовь, уваженіе даже; потому что я не повѣрю, что ты меня любишь теперь, послѣ того, что было прежде. Нѣтъ, мнѣ надо сразу высказать все, что давно мучитъ меня, — опять перебила я его. — Развѣ я виновата въ томъ, что не знала жизни, а ты меня оставилъ одну отыскивать... Развѣ я виновата, что теперь, когда я сама поняла то, что нужно, когда я, скоро годъ, бьюсь, чтобы вернуться къ тебѣ, ты отталкиваешь меня, какъ будто не понимая, чего я хочу, и все такъ, что ни въ чемъ нельзя упрекнуть тебя, а что я и виновата и несчастна! Да, ты хочешь опять выбросить меня въ ту жизнь, которая могла сдѣлать мое и твое несчастіе.

— Да чѣмъ же я показалъ тебѣ это? — съ искреннимъ испугомъ и удивленіемъ спросилъ онъ.

— Не ты ли еще вчера говорилъ, да и безпрестанно говоришь, что я не уживусь здѣсь и что намъ опять на зиму надо ѣхать въ Петербургъ, который ненавистенъ мнѣ? — продолжала я. — Чѣмъ бы поддержать меня, ты избѣгаешь всякой откровенности, всякаго искренняго, нѣжнаго слова со мной. И потомъ, когда я паду совсѣмъ, ты будешь упрекать меня и радоваться на мое паденіе.

— Постой, постой, — сказалъ онъ строго и холодно, — это нехорошо, что̀ ты говоришь теперь. Это только доказываетъ, что ты дурно расположена противъ меня, что ты не...

— Что я не люблю тебя? говори! говори! — досказала я, и слезы полились у меня изъ глазъ. Я сѣла на скамейку и закрыла платкомъ лицо.

«Вотъ какъ онъ понялъ меня!» думала я, стараясь удерживать рыданія, давившія меня. «Кончена, кончена наша прежняя любовь», говорилъ какой-то голосъ въ моемъ сердцѣ. Онъ не подошелъ ко мнѣ, не утѣшилъ меня. Онъ былъ оскорбленъ тѣмъ, чтò я сказала. Голосъ его былъ спокоенъ и сухъ.

— Не знаю, въ чемъ ты упрекаешь меня, — началъ онъ, — ежели въ томъ, что я уже не такъ любилъ тебя, какъ прежде...

— Любилъ! — проговорила я въ платокъ, и горькія слезы еще обильнѣе полились на него.

— То въ этомъ виновато время и мы сами. Въ каждой порѣ есть своя любовь... — Онъ помолчалъ. — И сказать тебѣ всю правду, ежели уже ты хочешь откровенности? Какъ въ тотъ годъ, когда я только узналъ тебя, я ночи проводилъ безъ сна, думая о тебѣ, и дѣлалъ самъ свою любовь, и любовь эта росла и росла въ моемъ сердцѣ, такъ точно и въ Петербургѣ и за границей я не спалъ ужасныя ночи и разламывалъ, разрушалъ эту любовь, которая мучила меня. Я не разрушилъ ея, а разрушилъ только то, что мучило меня, успокоился и все-таки люблю, но другою любовью.

— Да, ты называешь это любовью, а это мука, — проговорила я. — Зачѣмъ ты мнѣ позволилъ жить въ свѣтѣ, ежели онъ такъ вреденъ тебѣ казался, что ты меня разлюбилъ за него.

— Не свѣтъ, мой другъ, — сказалъ óнъ.

— Зачѣмъ не употребилъ ты своей власти, — продолжала я, — не связалъ, не убилъ меня? Мнѣ бы лучше было теперь, чѣмъ лишиться всего, что составляло мое счастіе, мнѣ бы хорошо, не стыдно было.

Я опять зарыдала и закрыла лицо.

Въ это время Катя съ Соней, веселыя и мокрыя, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ вошли на террасу, но, увидавъ насъ, затихли и тотчасъ же вышли.

Мы долго молчали, когда онѣ ушли; я выплакала свои слезы, и мнѣ стало легче. Я взглянула на него. Онъ сидѣлъ, облокотивъ голову на руку, и хотѣлъ что-то сказать въ отвѣтъ на мой взглядъ, но только тяжело вздохнулъ и опять облокотился.

Я подошла къ нему и отвела его руку. Взглядъ его задумчиво обратился на меня.

— Да, — заговорилъ онъ, какъ будто продолжая свои мысли. — Всѣмъ намъ, особенно вамъ, женщинамъ, надо прожить самимъ весь вздоръ жизни, для того, чтобы вернуться къ самой жизни; а другому вѣрить нельзя. Ты еще далеко не прожила тогда этотъ прелестный и милый вздоръ, на который я любовался въ тебѣ; и я оставлялъ тебѣ выживать его и чувствовалъ, что не имѣлъ права стѣснять тебя, хотя для меня уже давно прошло время.

— Зачѣмъ же ты проживалъ со мной и давалъ мнѣ проживать этотъ вздоръ, ежели ты любишь меня? — сказала я.

— Зачѣмъ, что ты и хотѣла бы, но не могла бы повѣрить мнѣ; ты сама должна была узнать и узнала.

— Ты разсуждалъ, ты разсуждалъ много, — сказала я. — Ты мало любилъ.

Мы опять помолчали

— Это жестоко, что̀ ты сейчасъ сказала, но это правда, — проговорилъ онъ, вдругъ приподнимаясь и начиная ходить по террасѣ, — да, это правда. Я виноватъ былъ, — прибавилъ онъ, останавливаясь противъ меня: — или я не долженъ былъ вовсе позволить себѣ любить тебя, или любить проще, да.

— Забудемъ все, — сказала я робко.

— Нѣтъ, что прошло, то ужъ не воротится, никогда не воротишь, — и голосъ его смягчился, когда онъ говорилъ это.

— Все вернулось уже, — сказала я, на плечо кладя ему руку.

Онъ отвелъ мою руку и пожалъ ее.

— Нѣтъ, я не правду говорилъ, что не жалѣю прошлаго; нѣтъ, я жалѣю, я плачу о той прошедшей любви, которой ужъ нѣтъ и не можетъ быть больше. Кто виноватъ въ этомъ, не знаю. Осталась любовь, но не та, осталось ея мѣсто, но она вся выболѣла, нѣтъ ужъ въ ней силы и сочности, остались воспоминанія и благодарность, но...

— Не говори такъ... — перебила я. — Опять пусть будетъ все, какъ прежде. Вѣдь можетъ быть? Да? — спросила я, глядя въ его глаза. Но глаза его были ясны, спокойны и не глубоко смотрѣли въ мои.

Въ то время, какъ я говорила, я чувствовала уже, что невозможно то, чего я желала и о чемъ просила его. Онъ улыбнулся спокойною, кроткою, какъ мнѣ показалось, старческою улыбкой.

— Какъ еще ты молода, а я такъ старъ, — сказалъ онъ. — Во мнѣ ужъ нѣтъ того, чего ты ищешь; зачѣмъ обманывать себя? — прибавилъ онъ, продолжая такъ же улыбаться.

Я молча стала подлѣ него, и на душѣ у меня становилось спокойнѣе.

— Не будемъ стараться повторять жизнь, — продолжалъ онъ, — не будемъ лгать сами передъ собой. А что нѣтъ старыхъ тревогъ и волненій, и слава Богу! Намъ нечего искать и волноваться. Мы ужъ нашли, и на нашу долю выпало довольно счастія. Теперь намъ ужъ нужно сторониться и давать дорогу вотъ кому, — сказалъ онъ, указывая на кормилицу, которая съ Ваней подошла и остановилась у дверей террасы. — Такъ-то, милый другъ, — заключилъ онъ, пригибая къ себѣ мою голову и цѣлуя ее. Не любовникъ, а старый другъ цѣловалъ меня.

А изъ сада все сильнѣе и слаще поднималась пахучая свѣжесть ночи, все торжественнѣе становились звуки и тишина, и на небѣ чаще зажигались звѣзды. Я посмотрѣла на него, и мнѣ вдругъ стало легко на душѣ, какъ будто отняли у меня тотъ больной нравственный нервъ, который заставлялъ страдать меня. Я вдругъ ясно и спокойно поняла, что чувство того времени невозвратимо прошло, какъ и самое время, и что возвратить его теперь не только невозможно, но тяжело и стѣснительно было бы. Да и полно, такъ ли хорошо было это время, которое казалось мнѣ такимъ счастливымъ? И такъ давно, давно уже все это было!

— Однако пора чай пить! — сказалъ онъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ пошли въ гостиную. Въ дверяхъ мнѣ опять встрѣтилась кормилица съ Ваней. Я взяла на руки ребенка, закрыла его оголившіяся красныя ножонки, прижала его къ себѣ и, чуть прикасаясь губами, поцѣловала его. Онъ какъ во снѣ зашевелилъ ручонкой съ растопыренными сморщенными пальцами и открылъ мутные глазенки, какъ будто отыскивая или вспоминая что-то; вдругъ эти глазенки остановились на мнѣ, искра мысли блеснула въ нихъ, пухлыя оттопыренныя губки стали собираться и открылись въ улыбку. «Мой, мой, мой!» подумала я, съ счастливымъ напряженіемъ во всѣхъ членахъ прижимая его къ груди и съ трудомъ удерживаясь отъ того, чтобы не сдѣлать ему больно. И я стала цѣловать его холодныя ножонки, животикъ, ручки и чуть обросшую волосами головку. Мужъ подошелъ ко мнѣ, и я быстро закрыла лицо ребенка и опять открыла его.

— Иванъ Сергѣичъ! — проговорилъ мужъ, пальцемъ трогая его подъ подбородочекъ. Но я опять быстро закрыла Ивана Сергѣича. Никто, кромѣ меня, не долженъ былъ долго смотрѣть на него. Я взглянула на мужа, глаза его смѣялись, глядя въ мои, и мнѣ въ первый разъ послѣ долгаго времени легко и радостно было смотрѣть въ нихъ.

Съ этого дня кончился мой романъ съ мужемъ, старое чувство стало дорогимъ, невозвратимымъ воспоминаніемъ, а новое чувство любви къ дѣтямъ и къ отцу моихъ дѣтей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила въ настоящую минуту...

ПОЛИКУШКА

Повѣсть

(1860 г.)

I

— Какъ изволите приказать, сударыня! Только Дутловыхъ жалко. Всѣ одинъ къ одному, ребята хорошіе; а коли хоть одного двороваго не поставить, не миновать ихнему идти, — говорилъ приказчикъ: — и то теперь всѣ на нихъ указываютъ. Впрочемъ, воля ваша.

И онъ переложилъ правую руку на лѣвую, держа обѣ передъ животомъ, перегнулъ голову на другую сторону, втянулъ въ себя, чуть не чмокнувъ, тонкія губы, позакатилъ глаза и замолчалъ съ видимымъ намѣреніемъ молчать долго и слушать безъ возраженій весь тотъ вздоръ, который должна была сказать ему на это барыня.

Это былъ приказчикъ изъ дворовыхъ, бритый, въ длинномъ сюртукѣ (особаго приказчицкаго покроя), который вечеромъ, осенью, стоялъ съ докладомъ передъ своею барыней. Докладъ, по понятіямъ барыни, состоялъ въ томъ, чтобы выслушивать отчеты о прошедшихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и дѣлать распоряженія о будущихъ. По понятіямъ приказчика, Егора Михайловича, докладъ былъ обрядъ ровнаго стоянія на обѣихъ вывернутыхъ ногахъ въ углу, съ лицомъ, обращеннымъ къ дивану, выслушиванія всякой не идущей къ дѣлу болтовни и доведенія барыни различными средствами до того, чтобъ она скоро и нетерпѣливо заговорила «хорошо, хорошо», на всѣ предложенія Егора Михайловича.

Теперь дѣло шло о наборѣ. Съ Покровскаго надо было поставить троихъ. Двое были несомнѣнно назначены самою судьбой, по совпаденію семейныхъ, нравственныхъ и экономическихъ условій. Относительно ихъ не могло быть колебанія и спора ни со стороны міра, ни со стороны барыни, ни со стороны общественнаго мнѣнія. Третій былъ спорный. Приказчикъ хотѣлъ отстоять тройника Дутлова и поставить семейнаго двороваго Поликушку, имѣвшаго весьма дурную репутацію, неоднократно попадавшагося въ кражѣ мѣшковъ, вожжей и сѣна; барыня же, часто ласкавшая оборванныхъ дѣтей Поликушки и посредствомъ евангелическихъ внушеній исправлявшая его нравственность, не хотѣла отдавать его. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не хотѣла зла и Дутловымъ, которыхъ она не знала и никогда не видала. Но почему-то она никакъ не могла сообразить, а приказчикъ не рѣшался прямо объяснить ей того, что ежели не пойдетъ Поликушка, то пойдетъ Дутловъ. «Да я не хочу несчастія Дутловыхъ», говорила она съ чувствомъ. «Ежели не хотите, то заплатите триста рублей за рекрута», вотъ что надо было бы отвѣчать ей на это. Но политика не допускала этого.

Итакъ, Егоръ Михайловичъ спокойно уставился, незамѣтно даже прислонился къ притолкѣ и, храня на лицѣ подобострастіе, сталъ смотрѣть, какъ у барыни шевелились губы, какъ подпрыгивалъ рюшъ на ея чепчикѣ вмѣстѣ со своею тѣнью на стѣнѣ подъ картинкой. Но онъ вовсе не находилъ нужнымъ вникать въ смыслъ ея рѣчей. Барыня говорила долго и много. Звуки эти ему были даже пріятны, и у него сдѣлалась зѣвотная судорога за ушами, но онъ ловко измѣнилъ это содроганіе въ кашель, закрывшись рукой и притворно крякнувъ. Я недавно видѣлъ, какъ лордъ Пальмерстонъ сидѣлъ, накрывшись шляпой, въ то время какъ членъ оппозиціи громилъ министерство, и вдругъ, вставъ, трехчасовою рѣчью отвѣчалъ на всѣ пункты противника; я видѣлъ это и не удивлялся, потому что нѣчто подобное я тысячу разъ видѣлъ между Егоромъ Михайловичемъ и его барыней. Боялся ли онъ заснуть или показалось ему, что она ужъ очень увлекается, — онъ перенесъ тяжесть своего корпуса съ лѣвой ноги на правую и началъ сакраментальнымъ вступленіемъ, какъ всегда начиналъ:

— Воля ваша, сударыня, только... только сходка теперь стоитъ у меня передъ конторой и надо конецъ сдѣлать. Въ приказѣ сказано, до Покрова нужно свезти рекрутовъ въ городъ. А изъ крестьянъ всѣ на Дутловыхъ показываютъ, да и не на кого больше. А міръ интересу вашего не соблюдаетъ: ему все равно, что мы Дутловыхъ разоримъ. Вѣдь я знаю, какъ они бились. Вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я управляю, все въ бѣдности жили. Только-только дождался старикъ меньшого племянника, теперь ихъ опять разорить надо. А я, вы изволите знать, о вашей собственности какъ о своей забочусь. Жалко, сударыня, какъ вамъ будетъ угодно. Они мнѣ ни сватъ, ни братъ, и я съ ихъ ничего не взялъ...

— Да я и не думала, Егоръ, — прервала барыня и тотчасъ же подумала, что онъ подкупленъ Дутловыми.

— ...А только по всему Покровскому лучшій дворъ. Богобоязненные, трудолюбивые мужики. Старикъ тридцать лѣтъ старостой церковнымъ, ни вина не пьетъ, ни словомъ дурнымъ не бранится, въ церковь ходитъ. (Зналъ приказчикъ, чѣмъ подкупить.) И главное дѣло, доложу вамъ, у него сыновей только двое, а то племянники. Міръ указываетъ, а по-настоящему ему бы надо двойниковый жребій кидать. Другіе и отъ трехъ сыновей подѣлились по своей необстоятельности, а теперь и правы, а эти за свою добродѣтель должны пострадать.

Тутъ ужъ барыня ничего не понимала, — не понимала, что значили тутъ «двойниковый жребій» и «добродѣтель»; она слышала только звуки и наблюдала нанковыя пуговицы на сюртукѣ приказчика: верхнюю онъ вѣрно рѣже застегивалъ, такъ она и плотно сидѣла, а средняя совсѣмъ оттянулась и висѣла, такъ что давно бы ее пришить надо было. Но, какъ всѣмъ извѣстно, для разговора, особенно дѣлового, совсѣмъ не нужно понимать того, что вамъ говорятъ, а нужно только помнить, что̀ самъ хочешь сказать. Такъ и поступала барыня.

— Какъ ты не хочешь понять, Егоръ Михайловъ? — сказала она. — Я вовсе не желаю, чтобы Дутловъ пошелъ въ солдаты. Кажется, сколько ты меня знаешь, ты можешь судить, что я все дѣлаю, что̀ могу, для того чтобы помочь своимъ крестьянамъ, и не хочу ихъ несчастія. Ты знаешь, что я всѣмъ готова бы пожертвовать, чтобъ избавиться отъ этой грустной необходимости и не отдавать ни Дутлова, ни Хорюшкина. (Не знаю, пришло ли въ голову приказчику, что, для того чтобъ избавиться отъ грустной необходимости, не нужно жертвовать *всѣмъ*, а довольно трехсотъ рублей; но эта мысль легко могла прійти ему). Одно только скажу тебѣ, что Поликея я ни за что не отдамъ. Когда послѣ этого дѣла съ часами онъ самъ признался мнѣ и плакалъ, и клялся, что онъ исправится, я долго говорила съ нимъ и видѣла, что онъ тронутъ и искренно раскаялся. («Ну, понесла!» подумалъ Егоръ Михайловичъ и сталъ разсматривать варенье, которое у нея было положено въ стаканъ воды: апельсинное или лимонное? «Должно-быть, съ горечью», подумалъ онъ). Съ тѣхъ поръ вотъ семь мѣсяцевъ, а онъ ни разу пьянъ не былъ и ведетъ себя прекрасно. Мнѣ его жена говорила, что онъ другой человѣкъ сталъ. И какъ же ты хочешь, чтобъ я теперь наказала его, когда онъ исправился? Да и развѣ это не безчеловѣчно отдать человѣка, у котораго пять человѣкъ дѣтей, и онъ одинъ? Нѣтъ, ты мнѣ лучше не говори про это, Егоръ...

И барыня запила изъ стакана съ вареньемъ.

Егоръ Михайловичъ прослѣдилъ за прохожденіемъ воды черезъ горло и затѣмъ возразилъ коротко и сухо:

— Такъ Дутлова назначить прикажете?

Барыня всплеснула руками.

— Какъ ты не можешь меня понять? Развѣ я желаю несчастія Дутлова, развѣ я имѣю что-нибудь противъ него? Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я все готова сдѣлать для нихъ. (Она взглянула на картину въ углу, но вспомнила, что это не Богъ: «Ну да все равно, не въ томъ дѣло», подумала она. Опять странно, что она не напала на мысль о трехстахъ рубляхъ). Но что же мнѣ дѣлать? Развѣ я знаю, какъ и что? Я не могу этого знать. Ну, я на тебя полагаюсь, ты знаешь, чего я хочу. Дѣлай такъ, чтобы всѣ были довольны, по закону. Что-жъ дѣлать? Не имъ однимъ, — всѣмъ бываютъ тяжелыя минуты. Только Поликея нельзя отдать. Ты пойми, что это было бы ужасно съ моей стороны.

Она бы долго еще говорила, — она такъ одушевилась, но въ это время въ комнату вошла горничная дѣвушка.

— Что ты, Дуняша?

— Мужикъ пришелъ, велѣлъ спросить у Егора Михайлыча, прикажутъ дожидаться сходкѣ? — сказала Дуняша и сердито взглянула на Егора Михайловича. («Экой этотъ приказчикъ! — подумала она: — растревожилъ барыню, теперь опять не дастъ заснуть до второго часа»).

— Такъ поди, Егоръ, — сказала барыня, — дѣлай какъ лучше.

— Слушаю-съ. (Онъ ужъ ничего не сказалъ о Дутловѣ). А за деньгами къ садовнику кого прикажете послать?

— Петруша развѣ не пріѣзжалъ изъ города?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А Николай не можетъ ли съѣздить?

— Тятенька отъ поясницы лежитъ, — сказала Дуняша.

— Не прикажете ли мнѣ самому завтра съѣздить? — спросилъ приказчикъ.

— Нѣтъ, ты здѣсь нуженъ, Егоръ. (Барыня задумалась). Сколько денегъ?

— 462 рубля-съ.

— Поликея пошли, — сказала барыня, рѣшительно взглянувъ въ лицо Егора Михайлова.

Егоръ Михайловъ, не открывая зубовъ, растянулъ губы, какъ будто улыбался, и не измѣнился въ лицѣ.

— Слушаю-съ.

— Пошли его ко мнѣ.

— Слушаю-съ, — и Егоръ Михайловичъ пошелъ въ контору.

II

Поликей, какъ человѣкъ незначительный и замаранный, да еще изъ другой деревни, не имѣлъ протекціи ни черезъ ключницу, ни черезъ буфетчика, ни черезъ приказчика или горничную, и *уголъ* у него былъ самый плохой, даромъ что онъ былъ самъ-сёмъ съ женой и дѣтьми. *Углы* еще покойнымъ бариномъ построены были такъ: въ десятиаршинной каменной избѣ въ серединѣ стояла русская печь, кругомъ былъ *колидоръ* (какъ звали дворовые), а въ каждомъ углу былъ отгороженный досками *уголъ.* Мѣста, значитъ, было немного, особенно въ Поликеевомъ углу, крайнемъ къ двери. Брачное ложе со стеганымъ одѣяломъ и ситцевыми подушками, люлька съ ребенкомъ, столикъ на трехъ ножкахъ, на которомъ стряпалось, мылось, клалось все домашнее и работалъ самъ Поликей (онъ былъ коновалъ), кадушки, платья, куры, теленокъ и сами семеро наполняли весь уголъ и не могли бы пошевелиться, ежели бы общая печь не представляла своей четвертой части, на которой ложились и вещи и люди, да ежели бы еще нельзя было выходить на крыльцо. Оно, пожалуй, и нельзя было: въ октябрѣ холодно, а теплаго платья былъ одинъ тулупъ на всѣхъ семерыхъ; но зато можно было грѣться дѣтямъ бѣгая, а большимъ работая, и тѣмъ и другимъ взлѣзая на печку, гдѣ было до 40 градусовъ тепла. Оно, кажется, страшно жить въ такихъ условіяхъ, а имъ было ничего: жить можно было. Акулина обмывала, обшивала дѣтей и мужа, пряла и ткала и бѣлила свои холсты, варила и пекла въ общей печи, бранилась и сплетничала съ сосѣдями. Мѣсячины доставало не только на дѣтей, но еще и на посыпку коровѣ. Дрова вольныя были, кормъ скотинѣ тоже. И сѣнцо изъ конюшни перепадало. Была полоска огорода. Коровенка отелилась; свои куры были. Поликей при конюшнѣ былъ, убиралъ двухъ жеребцовъ и бросалъ кровь лошадямъ и скотинѣ, расчищалъ копыта, насосы спускалъ и давалъ мази собственнаго изобрѣтенія, и за это ему деньжонки и припасы перепадали. Господскаго овса тоже оставалось. На деревнѣ былъ мужичокъ, который регулярно въ мѣсяцъ за двѣ мѣрки выдавалъ двадцать фунтовъ баранины. Жить бы можно было, коли бы душевнаго горя не было. А горе было большое всему семейству. Поликей смолоду былъ въ другой деревнѣ при конномъ заводѣ. Конюшій, къ которому онъ попалъ, былъ первый воръ по всему околотку: его на поселенье сослали. У этого конюшаго Поликей ученіе прошелъ и по молодости лѣтъ такъ къ *этимъ пустякамъ* привыкъ, что потомъ и радъ бы отстать — не могъ. Человѣкъ онъ былъ молодой, слабый; отца, матери не было и учить некому было. Поликей любилъ выпить, а не любилъ, чтобы гдѣ что плохо лежало. Гужъ ли, сѣделка ли, замокъ ли, шкворень ли или подороже что,—все у Поликея Ильича мѣсто себѣ находило. Вездѣ были люди, которые вещицы эти принимали и платили за нихъ виномъ или деньгами, по согласію. Заработки эти самые легкіе, какъ говоритъ народъ: ни ученія тутъ, ни труда, ничего не надо, а коли разъ испытаешь, другой работы не захочется. Только одно нехорошо въ этихъ заработкахъ: хотя и дешево и нетрудно все достается, и жить пріятно бываетъ, да вдругъ отъ злыхъ людей не поладится этотъ промыселъ, и за все разомъ заплатишь и жизни не радъ будешь.

Такъ-то и съ Поликеемъ случилось. Женился Поликей, и далъ ему Богъ счастіе: жена, скотникова дочь, попалась баба здоровая, умная, работящая; дѣтей ему нарожала одинъ другого лучше. Поликей все своего промысла не оставлялъ, и все шло хорошо. Вдругъ пришла на него неудача, и онъ попался. И попался изъ пустяковъ: у мужика ременныя вожжи припряталъ. Нашли, побили, до барыни довели и стали примѣчать. Другой, третій разъ попался. Народъ срамить сталъ, приказчикъ солдатствомъ погрозилъ, барыня выговорила, жена плакать, убиваться стала; совсѣмъ все навыворотъ пошло. Человѣкъ онъ былъ добрый и не дурной, только слабый, — выпить любилъ и такую сильную привычку взялъ къ этому, что никакъ не могъ отстать. Бывало, начнетъ ругать его жена, даже бить, какъ онъ пьяный придетъ, а онъ плачетъ. «Несчастный я, — говоритъ, — человѣкъ, что мнѣ дѣлать? Лопни мои глаза, брошу, не стану». Глядишь, черезъ мѣсяцъ опять уйдетъ изъ дому, напьется, дня два пропадаетъ. «Откудова-нибудь да онъ деньги беретъ, чтобы гулять», разсуждали люди. Послѣднее его дѣло было съ часами конторскими. Были въ конторѣ старые висячіе стѣнные часы, давно ужъ не шли. Пришлось ему одному войти въ отпертую контору: польстился онъ на часы, унесъ и сбылъ въ городъ. Какъ нарочно случись, что тотъ лавочникъ, которому онъ часы сбылъ, приходился сватомъ одной дворовой и пришелъ на праздникъ въ деревню и разсказалъ про часы. Стали добираться, точно кому-нибудь это нужно было. Особенно приказчикъ Поликея не любилъ. И нашли. Доложили барынѣ. Барыня призвала Поликея. Онъ сразу упалъ въ ноги и съ чувствомъ, трогательно во всемъ признался, какъ его научила жена. Онъ все исполнилъ очень хорошо. Стала его барыня урезонивать, говорила-говорила, причитала-причитала, и о Богѣ, и о добродѣтели, и о будущей жизни, и о женѣ, и о дѣтяхъ, и довела его до слезъ. Барыня сказала:

— Я тебя прощаю, только обѣщай ты мнѣ никогда этого впередъ не дѣлать.

— Вѣкъ не буду! Провалиться мнѣ, разорвись моя утроба! — говорилъ Поликей и трогательно плакалъ.

Поликей пришелъ домой и дома, какъ теленокъ, ревѣлъ цѣлый день и на печи лежалъ. Съ тѣхъ поръ ни разу ничего не было замѣчено за Поликеемъ. Только жизнь его стала невесела: народъ на него какъ на вора смотрѣлъ, и, какъ пришло время набора, всѣ стали на него указывать.

Поликей былъ коновалъ, какъ уже сказано. Какъ онъ вдругъ сдѣлался коноваломъ, это никому не было извѣстно и еще меньше ему самому. На конномъ заводѣ при конюшемъ, сосланномъ на поселенье, онъ не исполнялъ никакой другой должности, кромѣ чистки навоза изъ денниковъ, иногда чистки лошадей и возки воды. Тамъ онъ не могъ выучиться. Потомъ онъ былъ ткачомъ, потомъ работалъ въ саду, чистилъ дорожки; потомъ за наказаніе билъ кирпичъ; потомъ, ходя по оброку, нанимался въ дворники къ купцу. Стало-быть, и тутъ не было ему практики. Но въ послѣднее пребываніе его дома какъ-то понемногу стала распространяться репутація его необычайнаго, даже нѣсколько сверхъестественнаго коновальскаго искусства. Онъ пустилъ кровь разъ-другой, потомъ повалилъ лошадь и поковырялъ ей что-то въ ляжкѣ, потомъ потребовалъ, чтобы завели лошадь въ станокъ, и сталъ ей рѣзать стрѣлку до крови, несмотря на то, что лошадь билась и даже визжала, и сказалъ, что это значитъ «спущать подкопытную кровь». Потомъ онъ объяснилъ мужику, что необходимо бросить кровь изъ обѣихъ жилъ «для большей легкости», и сталъ бить колотушкой по тупому ланцету; потомъ подъ брюхомъ дворниковой лошади передернулъ покромку отъ женинаго головного платка; наконецъ сталъ присыпать купоросомъ всякія болячки, мочить изъ стклянки и давать иногда внутрь что̀ вздумается. И чѣмъ больше онъ мучилъ и убивалъ лошадей, тѣмъ больше ему вѣрили и тѣмъ больше водили къ нему лошадей.

Я чувствую, что нашему брату, господамъ, не совсѣмъ прилично смѣяться надъ Поликеемъ. Пріемы, которые онъ употреблялъ для внушенія довѣрія, тѣ же самые, которые дѣйствовали на нашихъ отцовъ, на насъ и на нашихъ дѣтей будутъ дѣйствовать. Мужикъ, брюхомъ навалившись на голову своей единственной кобылы, составляющей не только его богатство, но почти часть его семейства, и съ вѣрой и ужасомъ глядящій на значительно нахмуренное лицо Поликея и его тонкія засученныя руки, которыми онъ нарочно жметъ именно то мѣсто, которое болитъ, и смѣло рѣжетъ живое тѣло съ затаенною мыслью: «куда кривая не вынесетъ», и показывая видъ, что онъ знаетъ, гдѣ кровь, гдѣ матерія, гдѣ сухая, гдѣ мокрая жила, а въ зубахъ держитъ цѣлительную тряпку или стклянку съ купоросомъ, — мужикъ этотъ не можетъ представить себѣ, чтобъ у Поликея поднялась рука рѣзать не зная. Самъ онъ не могъ бы этого сдѣлать. А какъ скоро разрѣзано, онъ не упрекнетъ себя за то, что далъ напрасно рѣзать. Не знаю, какъ вы, а я испытывалъ съ докторомъ, мучившимъ по моей просьбѣ людей, близкихъ моему сердцу, точь въ точь то же самое. Ланцетъ и таинственная бѣлесоватая стклянка съ сулемой и слова: *чильчакъ*, *почечуй*, *спущать кровь*, *матерію* и т. п., развѣ не тѣ же *нервы*, *ревматизмы*, *организмы* и т. п.? Wage du zu irren und zu träumen — это не столько къ поэтамъ относится, сколько къ докторамъ и коноваламъ.

III

Въ тотъ самый вечеръ, какъ сходка, выбирая рекрута, гудѣла у конторы въ холодномъ мракѣ октябрьской ночи, Поликей сидѣлъ на краю кровати у стола и растиралъ на немъ бутылкой лѣкарство, котораго онъ не зналъ, отъ лошадиной болѣзни, которую онъ тоже не зналъ. Тутъ были сулема, сѣра, глауберова соль и трава, которую Поликей собиралъ, вообразивъ себѣ какъ-то разъ, что эта трава очень полезна отъ запала, и находя не лишнимъ давать ее и отъ другихъ болѣзней. Дѣти уже лежали: двое на печи, двое на кровати, одинъ въ люлькѣ, у которой сидѣла Акулина за пряжей. Огарокъ, оставшійся отъ господскихъ плохо лежавшихъ свѣчъ, въ деревянномъ подсвѣчникѣ стоялъ на окнѣ и, чтобы мужъ не отрывался отъ своего важнаго занятія, Акулина вставала поправлять огарокъ пальцами. Были вольнодумцы, которые считали Поликея пустымъ коноваломъ и пустымъ человѣкомъ. Другіе и большинство считали его нехорошимъ человѣкомъ, но великимъ мастеромъ своего дѣла. Акулина же, несмотря на то, что часто ругала и даже бивала своего мужа, считала его несомнѣнно первымъ коноваломъ и первымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Поликей высыпалъ въ горсточку какую-то специю. (Вѣсовъ онъ не употреблялъ и иронически отзывался о нѣмцахъ, употреблявшихъ вѣсы. «Это, — говорилъ онъ, — не аптека!»). Поликей прикинулъ свою специю на рукѣ и встряхнулъ; но ему показалось мало, и онъ высыпалъ въ десять разъ болѣе. «Всю положу, лучше подниметъ», сказалъ онъ самъ про себя. Акулина быстро оглянулась на голосъ властелина, ожидая приказанія; но увидавъ, что дѣло до нея не касается, пожала плечами: «вишь, дошлый! Откуда берется!» подумала она и опять принялась прясть. Бумажка, изъ которой высыпана была специя, упала подъ столъ. Акулина не пропустила этого.

— Анютка! — крикнула она, — вишь, отецъ уронилъ, подними.

Анютка выкинула тоненькія босыя ножки изъ-подъ капота, покрывавшаго ее, какъ котенокъ слѣзла подъ столъ и достала бумажку.

— Нате, тятенька, — сказала она и юркнула опять въ постель озябшими ножонками.

— Сто толкаесся, — пропищала ея меньшая сестра, сюсюкая и засыпающимъ голосомъ.

— Я васъ! — проговорила Акулина, и обѣ головы скрылись подъ капотомъ.

— Три цѣлковыхъ дастъ, — проговорилъ Поликей, затыкая бутылку, — вылѣчу лошадь. Еще дешево, — прибавилъ онъ. — Поломай-ка голову, поди! Акулина, сходи попроси табачку у Никиты. Завтра отдамъ.

И Поликей досталъ изъ штановъ липовый, когда-то выкрашенный чубучокъ, съ сургучомъ вмѣсто мундштука, и сталъ налаживать трубку.

Акулина оставила веретено и вышла, не зацѣпившись, что̀ было очень трудно. Поликей открылъ шкапчикъ, поставилъ бутылку и опрокинулъ въ ротъ пустой штофчикъ, но водки не было. Онъ поморщился, но когда жена принесла табакъ и онъ набилъ трубку, закурилъ и сѣлъ на кровать, лицо его просіяло довольствомъ и гордостью человѣка, окончившаго свой дневной трудъ. Думалъ ли онъ о томъ, какъ онъ завтра прихватитъ языкъ лошади и вольетъ ей въ ротъ эту удивительную микстуру, или онъ размышлялъ о томъ, какъ для нужнаго человѣка ни у кого не бываетъ отказа и что вотъ Никита прислалъ-таки табачку, — ему было хорошо. Вдругъ дверь, висѣвшая на одной петлѣ, откинулась, и въ уголъ вошла верховая дѣвушка, не вторая, а третья, маленькая, которую держали для посылокъ. *Верхъ*, какъ всѣмъ извѣстно, значитъ барскій домъ, хотя бы онъ былъ и внизу. Аксютка — такъ звали дѣвочку — всегда летала какъ пуля, и при этомъ руки ея не сгибались, а качались какъ маятникъ, по мѣрѣ быстроты ея движенія, не вдоль боковъ, а передъ корпусомъ, щеки ея всегда были краснѣе ея розоваго платья; языкъ ея шевелился всегда такъ же быстро, какъ и ноги. Она влетѣла въ комнату и, ухватившись для чего-то за печку, начала качаться и, какъ будто желая выговорить непремѣнно не болѣе какъ по два, по три слова за разъ, вдругъ, задыхаясь, произнесла слѣдующее, обращаясь къ Акулинѣ:

— Барыня велѣла Поликею Ильичу сею минутою притить вверхъ, велѣла... (Она остановилась и тяжело перевела духъ). Егоръ Михалычъ былъ у барыни, о некрутахъ говорили, Поликея Ильича поминали... Авдотья Миколавна велѣла сею минутою притить. Авдотья Миколавна велѣла... (опять вздохъ) сею минутою притить.

Съ полминуты Аксютка посмотрѣла на Поликея, на Акулину, на дѣтей, которыя высунулись изъ-подъ одѣяла, схватила скорлупу орѣха, валявшуюся на печи, бросила въ Анютку и, проговоривъ еще разъ «сею минутою притить», какъ вихрь вылетѣла изъ комнаты, и маятники съ обычною быстротой замотались поперекъ линіи ея бѣга.

Акулина встала опять и достала мужу сапоги. Сапоги были скверные, прорванные, солдатскіе. Сняла кафтанъ съ печи и подала ему, не глядя на него.

— Ильичъ, перемѣнять рубаху не станешь?

— Нѣ, — сказалъ Поликей.

Акулина не взглянула на его лицо ни разу, въ то время какъ онъ молча обувался и одѣвался, и хорошо сдѣлала, что не взглянула: лицо у Поликея было блѣдно, нижняя челюсть дрожала, и въ глазахъ было то плаксивое и покорное, глубоко-несчастное выраженіе, которое бываетъ только у людей добрыхъ, слабыхъ и виноватыхъ. Онъ причесался и хотѣлъ выйти, жена остановила его и поправила ему тесемку рубахи, висѣвшую на армякѣ, и надѣла на него шапку.

— Что, Поликей Ильичъ, али барыня васъ требуютъ? — раздался голосъ столяровой жены изъ-за перегородки.

Столярова жена только нынче утромъ имѣла съ Акулиной жаркую непріятность за горшокъ щелока, который у ней разлили Поликеевы дѣти, и ей въ первую минуту пріятно было слышать, что Поликея зовутъ къ барынѣ: должно-быть, не за добромъ. Притомъ она была тонкая, политичная и язвительная дама. Никто лучше ея не умѣлъ отбрить словомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, она сама про себя думала.

— Должно-быть, въ городъ за покупками хотятъ послать, — продолжала она. — Я такъ полагаю, что вѣрнаго человѣка изберутъ, васъ и посылаютъ. Вы мнѣ тогда чайку четверточку купите, Поликей Ильичъ.

Акулина удержала слезы, и губы ея стянулись въ злое выраженіе. Такъ бы и вцѣпилась она въ паскудные волосы сволочи этой, столяровой жены. Но какъ взглянула она на своихъ дѣтей и подумала, что они останутся сиротами, а она солдаткой-вдовой, забыла она язвительную столярову жену, закрыла лицо руками, сѣла на постель, и голова ея опустилась на подушки.

— Мамуска, ты меня сплюссила, — проворчала сюсюкающая дѣвочка, выдергивая свой салопъ изъ-подъ локтя матери.

— Хоть бы перемерли вы всѣ! На горе народила я васъ! — прокричала Акулина и зарыдала на весь уголъ въ утѣху столяровой женѣ, не забывшей еще про утренній щелокъ.

IV

Прошло полчаса. Ребенокъ закричалъ, Акулина встала и покормила его. Она ужъ не плакала, но, облокотивъ свое еще красивое худое лицо, уставилась глазами на догоравшую свѣчу и думала о томъ, зачѣмъ она вышла замужъ, зачѣмъ столько солдатъ нужно, и о томъ еще, какъ бы ей отплатить столяровой женѣ.

Послышались шаги мужа: она отерла слѣды слезъ и встала, чтобы дать ему дорогу. Поликей вошелъ козыремъ, бросилъ шапку на кровать, отдулся и сталъ распоясываться.

— Ну, что? За чѣмъ звала?

— Гм... извѣстно! Поликушка послѣдній человѣкъ, а какъ дѣло нужно, такъ кого? Поликушку.

— Какое дѣло?

Поликей не торопился отвѣчать; онъ закурилъ трубку и сплюнулъ.

— Къ купцу за деньгами велѣла ѣхать.

— Деньги везть? — спросила Акулина.

Поликей усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Куды ловка на словахъ! Ты, говоритъ, былъ на замѣчаньи, что ты невѣрный человѣкъ, только я тебѣ вѣрю больше, чѣмъ другому кому. (Поликей говорилъ громко за тѣмъ, чтобы сосѣди слышали). Ты мнѣ обѣщалъ исправиться, говоритъ, вотъ тебѣ значитъ первое доказательство, что я тебѣ вѣрю: съѣзди, говоритъ, къ купцу, возьми деньги и привези. Я, говорю, сударыня, мы, говорю, всѣ ваши холопы и должны служить какъ Богу, такъ и вамъ, потому я чувствую себя, что могу все издѣлать для вашего здоровья и отъ должности ни отъ какой не могу отказываться; что прикажете, то и исполню, потому я есть вашъ рабъ. (Онъ опять усмѣхнулся тою особенною улыбкой слабаго, добраго и виноватаго человѣка). Такъ ты, говоритъ, сдѣлаешь вѣрно? Ты, говоритъ, понимаешь ли, что твоя судьба зависитъ отъ этого? Какъ могу не понимать, что я все могу сдѣлать? Коли на меня наговорили, такъ обвинить каждаго можно, а я никогда ничѣмъ, кажется, противу вашего здоровья не могъ и помыслить. Такъ, значитъ, ее заговорилъ, что совсѣмъ моя барыня мягкая стала. Ты, говоритъ, мнѣ первый человѣкъ будешь. (Онъ помолчалъ, и опять та же улыбка остановилась на его лицѣ). Я очень знаю, какъ съ ними говорить. Бывало, какъ я еще по оброку ходилъ, какой наскочитъ! А только дай поговорить съ нимъ, такъ его умаслю, что шелковый станетъ.

— И много денегъ? — спросила еще Акулина.

— Три полтысячи рублевъ, — небрежно отвѣчалъ Поликей.

Она покачала головой.

— Когда ѣхать?

— Завтра велѣла. Возьми, говоритъ, лошадь, какую хочешь, зайди въ контору и ступай съ Богомъ.

— Слава Тебѣ, Господи, — сказала Акулина, вставая и крестясь. — Помоги тебѣ Богъ, Ильичъ, — прибавила она шопотомъ, чтобы не слыхали за перегородкой, и придерживая его за рукавъ рубахи. — Ильичъ, слушай меня, Христомъ-Богомъ прошу, какъ поѣдешь, крестъ поцѣлуй, что въ ротъ капли не возьмешь.

— А то пить стану, съ такими деньгами ѣхамши! — фыркнулъ онъ. — Ужъ какъ тамъ въ фортопьянъ игралъ кто-то ловко, бѣда! — прибавилъ онъ, помолчавъ и усмѣхаясь. — Должно, барышня. Я такъ-то передъ ней стоялъ, передъ барыней у горки, а барышня тамъ, за дверью, закатывала. Запуститъ, запуститъ, такъ складно подлаживаетъ, что ну! Поигралъ бы я, право. Я бы дошелъ. Какъ разъ бы дошелъ. Я до этихъ дѣловъ ловокъ. Рубаху завтра чистую дай.

И они легли спать счастливые.

V.

Сходка между тѣмъ шумѣла у конторы. Дѣло было не шуточное. Мужики почти всѣ были въ сборѣ, и въ то время какъ Егоръ Михайловичъ ходилъ къ барынѣ, головы накрылись, больше голосовъ стало слышно вдругъ, и голоса стали громче. Стонъ густыхъ голосовъ, изрѣдка перебиваемый задыхающеюся, хриплою, крикливою рѣчью, стоялъ въ воздухѣ, и стонъ этотъ долеталъ, какъ звукъ шумящаго моря, до окошекъ барыни, которая терпѣть не могла этихъ звуковъ и испытывала при этомъ нервическое безпокойство, похожее на чувство, возбуждаемое сильною грозой: не то страшно, не то непріятно ей было. Все ей казалось, что вотъ-вотъ еще громче и чаще станутъ голоса и случится что-нибудь. «Какъ будто нельзя все сдѣлать тихо, мирно, безъ спору, безъ крику, — думала она, — по христіанскому, братолюбивому и кроткому закону».

Много голосовъ говорило вдругъ, но громче всѣхъ кричалъ Ѳедоръ Рѣзунъ, плотникъ. Онъ былъ двойниковый и нападалъ на Дутловыхъ. Старикъ Дутловъ защищался; онъ повыступилъ впередъ изъ толпы, за которой стоялъ сначала, и, захлебываясь, широко разводя руками и поддерживая бородку, гнусилъ такъ часто, что самому ему трудно было бы понять, что̀ онъ говорилъ. Дѣти и племянники, молодецъ къ молодцу, стояли и жались за нимъ, и старикъ Дутловъ напоминалъ собою матку въ игрѣ *въ коршуна.* Коршуномъ былъ Рѣзунъ, и не одинъ Рѣзунъ, а всѣ двойники и всѣ одинокіе, почти вся сходка, наступавшая на Дутлова. Дѣло было въ томъ, что Дутлова братъ былъ лѣтъ тридцать тому назадъ отданъ въ солдаты, и потому онъ не хотѣлъ быть на очереди съ тройниками, а хотѣлъ, чтобы службу его брата зачли и его бы сравняли съ двойниками въ общій жребій и изъ нихъ бы ужъ взяли третьяго рекрута. Тройниковыхъ было еще четверо, кромѣ Дутлова; но одинъ былъ староста, и его госпожа уволила; изъ другой семьи поставленъ былъ рекрутъ въ прошлый наборъ; изъ остальныхъ двухъ были назначены двое, и одинъ изъ нихъ даже и не пришелъ на сходку, только баба его грустно стояла позади всѣхъ, смутно ожидая, что какъ-нибудь колесо перевернется на ея счастье; другой же изъ двухъ назначенныхъ, рыжій Романъ, въ оборванномъ армякѣ, хотя и не бѣдный, стоялъ, прислонившись, у крыльца и, наклонивъ голову, все время молчалъ, только изрѣдка внимательно вглядывался въ того, кто заговаривалъ погромче, и опять опускалъ голову. Такъ и вѣяло несчастіемъ отъ всей его фигуры. Старикъ Семенъ Дутловъ былъ такой человѣкъ, что всякій, немного знавшій его, отдалъ бы ему на сохраненіе сотни и тысячи рублей. Человѣкъ онъ былъ степенный, богобоязненный, состоятельный, былъ онъ притомъ церковнымъ старостой. Тѣмъ разительнѣе былъ азартъ, въ которомъ онъ находился.

Рѣзунъ плотникъ былъ, напротивъ, человѣкъ высокій, черный, буйный, пьяный, смѣлый и особенно ловкій въ спорахъ и толкахъ на сходкахъ, на базарахъ съ работниками, купцами, мужиками или господами. Теперь онъ былъ спокоенъ, язвителенъ и со всей высоты своего роста, всею силою звучнаго голоса и ораторскаго таланта давилъ захлебывавшагося и выбитаго совершенно изъ своей степенной колеи церковнаго старосту. Участниками въ спорѣ были еще: круглолицый, моложавый, съ четвероугольною головой и курчавою бородкой, коренастый Гараська Копыловъ, одинъ изъ говоруновъ слѣдующаго за Рѣзуномъ болѣе молодого поколѣнія, отличавшійся всегда рѣзкою рѣчью и уже заслужившій себѣ вѣсъ на сходкѣ. Потомъ Ѳедоръ Мельничный, желтый, худой, длинный, сутуловатый мужикъ, тоже молодой, съ рѣдкими волосами на бородѣ и съ маленькими глазками, всегда желчный, мрачный, во всемъ находившій злую сторону и часто озадачивавшій сходку своими неожиданными и отрывистыми вопросами и замѣчаніями. Оба эти говоруна были на сторонѣ Рѣзуна. Кромѣ того, вмѣшивались изрѣдка два болтуна: одинъ, съ добродушнѣйшею рожей и окладистою русою бородой, Храпковъ, все приговаривавшій: «другъ ты мой любезный», и другой, маленькій, съ птичьею рожицей, Жидковъ, тоже приговаривавшій ко всему: «выходитъ, братцы мои», обращавшійся ко всѣмъ и говорившій складно ни къ селу, ни къ городу. Оба они были то за того, то за другого, но ихъ никто не слушалъ. Были и другіе такіе же, но эти двое такъ и сѣменили между народомъ, больше всѣхъ кричали, пугая барыню, меньше всѣхъ были слушаемы и, одуренные шумомъ и крикомъ, вполнѣ предавались удовольствію чесанія языка. Было еще много разныхъ характеровъ міранъ: были мрачные, приличные, равнодушные, загнанные; были и бабы позади мужиковъ съ палочками; но про всѣхъ ихъ, Богъ дастъ, я разскажу въ другой разъ. Толпа же составлялась вообще изъ мужиковъ, стоявшихъ на сходкѣ, какъ въ церкви, и позади шопотомъ разговаривавшихъ о домашнихъ дѣлахъ, о томъ, какъ въ рощѣ вырѣзки накладать, или молча ожидавшихъ, скоро ли кончатъ галдѣть. А то были еще богатые, которымъ сходка ничего не можетъ прибавить или убавить въ ихъ благосостояніи. Таковъ былъ Ермилъ съ широкимъ, глянцевитымъ лицомъ, котораго мужики называли толстобрюхимъ за то, что онъ былъ богатъ. Таковъ былъ еще Старостинъ, на лицѣ котораго лежало самодовольное выраженіе власти: «вы, молъ, что̀ ни говорите, а меня никто не тронетъ. Четверо сыновей, да вотъ никого не отдадутъ». Изрѣдка и ихъ задирали вольнодумцы, какъ Копыловъ и Рѣзунъ, и они отвѣчали, но спокойно и твердо, съ сознаніемъ своей неприкосновенности. Если Дутловъ походилъ на матку въ игрѣ въ коршуна, то парни его не вполнѣ напоминали собой птенцовъ: не метались, не пищали, а стояли спокойно позади его. Старшій, Игнатъ, былъ уже тридцати лѣтъ; второй, Василій, былъ тоже женатъ, но негоденъ въ рекруты; третій Илюшка, племянникъ, только что женившійся, бѣлый, румяный, въ щегольскомъ тулупѣ (онъ въ ямщикахъ ѣздилъ), стоялъ и поглядывалъ на народъ, почесывая иногда въ затылкѣ подъ шляпой, какъ будто дѣло не до него касалось, а его-то именно и хотѣли оторвать коршуны.

— Такъ-то и мой дѣдъ въ солдатахъ былъ, — говорилъ одинъ, — такъ и я отъ жеребья отказываться стану. Такого, братъ, закона нѣтъ. Прошлый наборъ Михеичева забрили, а его дядя еще домой не приходилъ.

— У тебя ни отецъ, ни дядя царю не служили, — въ одно и то же время говорилъ Дутловъ, — да и ты-то ни господамъ, ни міру не служилъ, только бражничалъ, да дѣти отъ тебя подѣлились. Что жить съ тобой нельзя, такъ на другихъ показываешь, а я сотскимъ десять годовъ ходилъ, старостой ходилъ, два раза горѣлъ, мнѣ никто не помогъ; а за то, что въ дворѣ у насъ мирно да честно, такъ и разорить меня? Дайте же мнѣ брата назадъ. Онъ небось тамъ и померъ. Судите по правдѣ, по Божьему, міръ православный, а не такъ, что пьяный сбрешетъ, то и слушать.

Въ одно и то же время Герасимъ говорилъ Дутлову:

— Ты на брата указываешь, а его не міромъ отдали, а за его безпутство господа отдали, такъ онъ тебѣ не отговорка.

Еще Герасимъ не договорилъ, какъ мрачно началъ желтый и длинный Ѳедоръ Мельничный, выступая впередъ:

— То-то господа, отдаютъ кого вздумаютъ, а потомъ міромъ разбирай. Міръ приговорилъ твоему сыну идти, а не хочешь, проси барыню, она може велитъ мнѣ, отъ дѣтей одинокому, лобъ забрить. Вотъ-те и законъ, — сказалъ онъ желчно. И опять, махнувъ рукой, сталъ на прежнее мѣсто.

Рыжій Романъ, у котораго былъ назначенъ сынъ, поднялъ голову и проговорилъ: «вотъ такъ, такъ!» и даже сѣлъ съ досады на приступку.

Но это были еще не всѣ голоса, говорившіе вдругъ. Кромѣ тѣхъ, которые, стоя позади, говорили о своихъ дѣлахъ, и болтуны не забывали своей должности.

— И точно, міръ православный, — говорилъ маленькій Жидковъ, повторяя слова Дутлова, — надо судить по христіанству. По христіанству, значитъ, братцы мои, судить надо.

— Надо по совѣсти судить, другъ ты мой любезный, — говорилъ добродушный Храпковъ, повторяя слова Копылова и дергая Дутлова за тулупъ, — на то господская воля была, а не мірское рѣшеніе.

— Вѣрно! Вотъ оно что! — говорили другіе.

— Кто пьяный брешетъ? — возражалъ Рѣзунъ. — Ты меня поилъ, что ли, али сынъ твой, что по дорогѣ подбираютъ, меня виномъ укорять станетъ? Что, братцы, надо рѣшенье сдѣлать. Коли хотите Дутлова миловать, хоть не то двойниковъ, одинокихъ назначайте, а онъ смѣяться намъ будетъ.

— Дутлову идти! Что говорить!

— Извѣстное дѣло! Тройникамъ впередъ надо жеребій брать, — заговорили голоса.

— Еще что барыня велитъ. Егоръ Михалычъ сказывалъ, двороваго поставить хотѣли, — сказалъ чей-то голосъ.

Это замѣчаніе задержало немного споръ, но скоро онъ опять загорѣлся и снова перешелъ въ личности.

Игнатъ, про котораго Рѣзунъ сказалъ, что его подбирали по дорогѣ, сталъ доказывать Рѣзуну, что онъ пилу укралъ у прохожихъ плотниковъ и свою жену чуть до смерти не убилъ пьяный.

Рѣзунъ отвѣчалъ, что жену онъ и трезвый и пьяный бьетъ, и все мало, и тѣмъ всѣхъ разсмѣшилъ. Насчетъ же пилы онъ вдругъ обидѣлся, приступилъ къ Игнату ближе и сталъ спрашивать:

— Кто укралъ?

— Ты укралъ, — смѣло отвѣчалъ здоровенный Игнатъ, подступая къ нему еще ближе.

— Кто укралъ? не ты ли? — кричалъ Рѣзунъ.

— Нѣтъ, ты! — кричалъ Игнатъ.

Послѣ пилы дѣло дошло до краденой лошади, до мѣшка съ овсомъ, до какой-то полоски огорода на селищахъ, до какого-то мертваго тѣла. И такія страшныя вещи наговорили себѣ оба мужика, что ежели бы сотая доля того, въ чемъ они попрекали себя, была правда, ихъ бы слѣдовало обоихъ, по закону, тотчасъ же въ Сибирь сослать, по крайней мѣрѣ, на поселенье.

Дутловъ старикъ между тѣмъ избралъ другой родъ защиты. Ему не нравился крикъ сына; онъ, останавливая его, говорилъ: «грѣхъ, брось! тебѣ говорятъ!» а самъ доказывалъ, что тройники не одни тѣ, у кого три сына вмѣстѣ, а и тѣ, которые подѣлились. И онъ указалъ еще на Старостина.

Старостинъ слегка улыбнулся, крякнулъ и, погладивъ бороду съ пріемомъ богатаго мужика, отвѣчалъ, что на то воля господская. Должно, заслужилъ его сынъ, коли велѣно его обойти.

Насчетъ же подѣленныхъ семействъ Герасимъ тоже разбилъ доводы Дутлова, замѣтивъ, что надо было дѣлиться не позволять, какъ при старомъ баринѣ было, что спустя лѣто по малину не ходятъ, что теперь не одинокихъ же отдавать стать.

— Развѣ изъ баловства дѣлились? За что-жъ ихъ теперь разорить въ конецъ? — послышались голоса дѣленыхъ, и болтуны пристали къ этимъ голосамъ.

— А ты купи рекрута, коли не любо. Осилишь! — сказалъ Рѣзунъ Дутлову.

Дутловъ отчаянно запахнулъ кафтанъ и сталъ за другихъ мужиковъ.

— Ты мои деньги сосчиталъ видно, — проговорилъ онъ злобно. — Вотъ что еще Егоръ Михайлычъ скажетъ отъ барыни.

VI

Дѣйствительно, Егоръ Михайловичъ въ это время вышелъ изъ дома. Шапки одна за другой поднялись надъ головами и, по мѣрѣ того, какъ подходилъ приказчикъ, одна за другой открывались плѣшивыя, съ средины и спереди, сѣдыя, полусѣдыя, рыжія, черныя и русыя головы, и понемногу, понемногу затихали голоса и, наконецъ, совершенно затихли. Егоръ Михайловичъ сталъ на крыльцо и показалъ видъ, что хочетъ говорить. Егоръ Михайловичъ въ своемъ длинномъ сюртукѣ, съ неудобно всунутыми въ передніе карманы руками, въ фабричной, надвинутой напередъ фуражкѣ, и стоя твердо разставленными ногами на возвышеніи, командующемъ надъ этими поднятыми и обращенными къ нему большею частью старыми и большею частью красивыми, бородатыми головами, имѣлъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ передъ барыней. Онъ былъ величественъ.

— Вотъ, ребята, барынино рѣшеніе: дворовыхъ отдавать ей не угодно, а кого изъ себя вы сами назначите, тотъ и пойдетъ. Нынче намъ троихъ надо. По-настоящему два съ половиной, да половина впередъ пойдетъ. Все равно: не нынче, такъ въ другой разъ.

— Извѣстно! Это дѣло! — сказали голоса.

— По моему сужденію, — продолжалъ Егоръ Михайловичъ, — Хорюшкину и Митюхину Васькѣ идти, — это ужъ самъ Богъ велѣлъ.

— Такъ точно, вѣрно! — сказали голоса.

— Третьему надо либо Дутлову, либо изъ двойниковыхъ. Какъ вы скажете?

— Дутлову, — заговорили голоса: — Дутловы тройники.

И опять понемногу, понемногу начался крикъ, и опять дѣло дошло какъ-то до полоски на селищахъ и до какихъ-то украденныхъ съ барскаго двора веретей. Егоръ Михайловичъ уже двадцать лѣтъ управлялъ имѣніемъ и былъ человѣкъ умный и опытный. Онъ постоялъ, послушалъ съ четверть часа и вдругъ велѣлъ всѣмъ молчать, а Дутловымъ кидать жеребій, кому изъ троихъ. Нарѣзали жеребьевъ, Храпковъ сталъ доставать изъ потрясаемой шляпы и вынулъ жеребій Илюшкинъ. Всѣ замолчали.

— Мой, что-ль? Покажь сюда, — сказалъ Илья оборвавшимся голосомъ.

Всѣ молчали. Егоръ Михайловичъ велѣлъ принесть къ завтрашнему дню рекрутскія деньги, по семи копеекъ съ тягла, и, объявивъ, что все кончено, распустилъ сходку. Толпа двинулась, надѣвая шапки за угломъ и гудя говоромъ и шагами. Приказчикъ стоялъ на крыльцѣ, глядя на уходившихъ. Когда молодежь-Дутловы прошли за уголъ, онъ подозвалъ къ себѣ старика, который самъ остановился, и вошелъ съ нимъ въ контору.

— Жалко мнѣ тебя, старикъ, — сказалъ Егоръ Михайловичъ, садясь въ кресло передъ столомъ, — на тебѣ чередъ. Не купишь за племянника или купишь?

Старикъ, не отвѣчая, значительно взглянулъ на Егора Михайловича.

— Не миновать, — отвѣтилъ Егоръ Михайловичъ на его взглядъ.

— И ради бы купили, да не изъ чего, Егоръ Михалычъ. Двѣ лошади въ лѣто ободрали. Женилъ племянника. Видно, судьба наша такая за то, что честно живемъ. Ему хорошо говорить (онъ вспомнилъ о Рѣзунѣ).

Егоръ Михайловичъ потеръ рукой лицо и зѣвнулъ. Ему, видно, ужъ наскучило, и пора было чай пить.

— Эхъ, старый, не грѣши! — сказалъ онъ, — а поищи-ка въ подпольѣ, авось найдешь стареньких цѣлковенькихъ четыре сотенки. Я тебѣ такого охотничка куплю, что чудо. Намедни назывался человѣкъ одинъ.

— Въ губерни? — спросилъ Дутловъ, подъ *губерней* разумѣя городъ.

— Что-жъ, купишь?

— И радъ бы, вотъ передъ Богомъ, да...

Егоръ Михайловичъ строго перервалъ его:

— Ну, такъ слушай ты меня, старикъ: чтобъ Илюшка надъ собой чего не сдѣлалъ; какъ пришлю, нынче ли, завтра ли, чтобъ сейчасъ и везти. Ты повезешь, ты и отвѣчаешь, а ежели что, избави Богъ, надъ нимъ случится, старшаго сына забрею. Слышишь?

— Да нельзя ли двойниковыхъ, Егоръ Михалычъ, вѣдь обидно, — сказалъ онъ, помолчавъ. — Какъ братъ мой въ солдатахъ померъ, еще сына берутъ: за что же на меня напасть такая? — заговорилъ онъ, почти плача и готовый удариться въ ноги.

— Ну, ступай, ступай, — сказалъ Егоръ Михайловичъ: — ничего нельзя, порядокъ. За Илюшкой смотрѣть; ты отвѣчаешь.

Дутловъ пошелъ домой, задумчиво постукивая лутошкой по колчужкамъ дороги.

VII

На другой день рано утромъ передъ крыльцомъ двороваго «флигеря» стояла разъѣзжая телѣжка (въ которой и приказчикъ ѣзжалъ), запряженная ширококостымъ гнѣдымъ мериномъ, называемымъ неизвѣстно почему Барабаномъ. Анютка, Поликеева старшая дочь, несмотря на дождь съ крупой и холодный вѣтеръ, босикомъ стояла передъ головой мерина, издалека, съ видимымъ страхомъ, держа его одною рукой за поводъ, другою придерживая на своей головѣ желто-зеленую кацавейку, исполнявшую въ семействѣ должность одѣяла, шубы, чепчика, ковра, пальто для Поликея и еще много другихъ должностей. Въ *углѣ* происходила возня. Было еще темно; чуть-чуть пробивался утренній свѣтъ дождливаго дня сквозь окно, залѣпленное кое-гдѣ бумагой. Акулина, оставивъ на время и стряпню въ печи, и дѣтей, изъ которыхъ малыя еще не вставали и зябли, такъ какъ одѣяло ихъ было взято для одежды и на мѣсто его былъ данъ имъ головной платокъ матери, — Акулина была занята собираніемъ мужа въ дорогу. Рубаха была чистая. Сапоги, которые, какъ говорится, просили каши, причиняли ей особенную заботу. Во-первыхъ, она сняла съ себя толстые шерстяные единственные чулки и дала ихъ мужу; а во-вторыхъ, изъ потника, который лежалъ плохо въ конюшнѣ и который Ильичъ третьяго дня принесъ въ избу, она ухитрилась сдѣлать стельки такимъ образомъ, чтобы заткнуть дыры и предохранить отъ сырости Ильичевы ноги. Ильичъ самъ, сидя съ ногами на кровати, былъ занятъ перевертываніемъ кушака такимъ образомъ, чтобъ онъ не имѣлъ вида грязной веревки. А сюсюкающая сердитая дѣвочка въ шубѣ, которая, надѣтая ей на голову, все-таки путалась у ней въ ногахъ, была отправлена къ Никитѣ попросить шапки. Возню увеличивали дворовые, приходившіе просить Ильича купить въ городѣ — той иголокъ, той чайку, той деревяннаго маслица, тому табачку, и сахарцу столяровой женѣ, успѣвшей уже поставить самоваръ и, чтобы задобрить Ильича, принесшей ему въ кружкѣ напитокъ, который она называла чаемъ. Хотя Никита и отказалъ въ шапкѣ и надо было привести въ порядокъ свою, то-есть засунуть выбивавшіеся и висѣвшіе изъ нея хлопки и зашить коновальной иглой дыру, хоть сапоги со стельками изъ потника и не влѣзали сначала на ноги, хоть Анютка и промерзла и выпустила было Барабана, и Машка въ шубѣ пошла на ея мѣсто, а потомъ Машка должна была снять шубу, а сама Акулина пошла держать Барабана, — кончилось тѣмъ, что Ильичъ надѣлъ-таки на себя все одѣяніе своего семейства, оставивъ только одну кацавейку и *тухли*, и, убравшись, сѣлъ въ телѣгу, запахнулся, поправилъ сѣно, еще разъ запахнулся, разобралъ вожжи, еще плотнѣе запахнулся, какъ это дѣлаютъ очень степенные люди, и тронулъ.

Мальчишка его, Мишка, выбѣжавшій на крыльцо, потребовалъ, чтобы его прокатили. Сюсюкающая Машка тоже стала просить, чтобъ ее «плокатили и сто ей тепло и безъ субы», и Поликей придержалъ Барабана, улыбнулся своею слабою улыбкой, а Акулина подсадила ему дѣтей и, нагнувшись къ нему, шопотомъ проговорила, чтобъ онъ помнилъ клятву и ничего не пилъ дорогой. Поликей провезъ дѣтей до кузницы, высадилъ ихъ, опять укутался, опять поправилъ шапку и поѣхалъ одинъ маленькою, степенною рысью, подрагивая на толчкахъ щеками и постукивая ногами по лубку телѣги. Машка же и Мишка съ такою быстротой и съ такимъ визгомъ полетѣли босикомъ къ дому по скользкой горѣ, что забѣжавшая съ деревни на дворню собака посмотрѣла на нихъ и вдругъ, поджавши хвостъ, съ лаемъ пустилась домой, отъ чего визгъ Поликеевыхъ наслѣдниковъ еще удесятерился.

Погода была скверная, вѣтеръ рѣзалъ лицо, и не то снѣгъ, не то дождь, не то крупа изрѣдка принимались стегать Ильича по лицу и голымъ рукамъ, которыя онъ пряталъ съ холодными вожжами подъ рукава армяка, и по кожаной крышкѣ хомута, и по старой головѣ Барабана, который прижималъ уши и жмурился.

Потомъ вдругъ переставало, мгновенно расчищалось; ясно виднѣлись голубоватыя снѣговыя тучи, и солнце какъ будто начинало проглядывать, но нерѣшительно и невесело, какъ улыбка самого Поликея. Несмотря на то, Ильичъ былъ погруженъ въ пріятныя мысли. Онъ, котораго на поселеніе сослать хотѣли, которому угрожали солдатствомъ, котораго только лѣнивый не ругалъ и не билъ, котораго всегда тыкали туда, гдѣ похуже, — онъ ѣдетъ теперь получать *сумму* денегъ, и большую сумму, и барыня ему довѣряетъ, и ѣдетъ онъ въ приказчицкой телѣжкѣ на Барабанѣ, на которомъ сама барыня ѣздитъ, ѣдетъ какъ дворникъ какой, съ ременными гужами и вожжами. И Поликей усаживался прямѣе, поправлялъ хлопки въ шапкѣ и еще запахивался. Впрочемъ, ежели Ильичъ думалъ, что онъ совершенно похожъ на богатаго дворника, то онъ заблуждался. Оно, правда, всякій знаетъ, что и отъ десяти тысячъ торговцы въ телѣжкѣ съ ременною упряжью ѣздятъ; только это — то, да не то. Ѣдетъ человѣкъ, съ бородой, въ синемъ ли, черномъ ли кафтанѣ, на сытой лошади, одинъ сидитъ въ ящикѣ; только взглянешь, сыта ли лошадь, самъ сытъ ли, какъ сидитъ, какъ запряжена лошадь, какъ ошинена телѣжка, какъ самъ подпоясанъ, сейчасъ видно, на тысячи ли, на сотни ли мужикъ торгуетъ. Всякій опытный человѣкъ, какъ только бы поглядѣлъ вблизи на Поликея, на его руки, на его лицо, на его недавно отпущенную бороду, на кушакъ, на сѣно, брошенное кое-какъ въ ящикъ, на худого Барабана, на стертыя шины, сейчасъ узналъ бы, что это ѣдетъ холопишка, а не купецъ, не гуртовщикъ, не дворникъ, ни отъ тысячи, ни отъ ста, ни отъ десяти рублевъ. Но Ильичъ такъ не думалъ, онъ заблуждался и пріятно заблуждался! Три полтысячи рублевъ повезетъ онъ за своею пазухой. Захочетъ, повернетъ Барабана вмѣсто дома къ Одесту, да и поѣдетъ куда Богъ приведетъ. Только онъ этого не сдѣлаетъ, а вѣрно привезетъ деньги барынѣ и будетъ говорить, что и не такія деньги važивали. Поровнявшись съ кабакомъ, Барабанъ сталъ затягивать лѣвую вожжу, останавливаться и приворачивать; но Поликей, несмотря на то, что у него были деньги, данныя на покупки, свиснулъ Барабана кнутомъ и проѣхалъ. То же самое онъ сдѣлалъ и у другого кабака, и къ полднямъ слѣзъ съ телѣги и, отворивъ ворота купеческаго дома, въ которомъ останавливались всѣ барынины люди, провелъ телѣжку, отпрягъ, приставилъ къ сѣну лошадь, пообѣдалъ съ купеческими работниками, не преминувъ разсказать, за какимъ онъ важнымъ дѣломъ пріѣхалъ, и пошелъ съ письмомъ въ шапкѣ къ садовнику. Садовникъ, знавшій Поликея, прочтя письмо, съ видимымъ сомнѣніемъ поразспросилъ, точно ли ему велѣно везти деньги. Ильичъ хотѣлъ обидѣться, но не сумѣлъ, только улыбнулся своею улыбкой. Садовникъ перечелъ еще письмо и отдалъ деньги. Получивъ деньги, Поликей положилъ ихъ за пазуху и пошелъ на квартиру. Ни полпивная, ни питейные дома, ничто не соблазнило его. Онъ испытывалъ пріятное раздраженіе во всемъ существѣ и не разъ останавливался у лавокъ съ искушающими товарами, сапогами, армяками, шапками, ситцами и съѣстнымъ. И, постоявъ немножко, отходилъ съ пріятнымъ чувствомъ: могу все купить, да вотъ не сдѣлаю. Онъ пошелъ на базаръ купить, что̀ ему велѣно было, забралъ все и поторговалъ дубленую шубу, за которую просили двадцать пять рублей. Продавецъ почему-то, глядя на Поликея, не вѣрилъ, чтобы Поликей могъ купить; но Поликей показалъ ему на пазуху, говоря, что всю лавку его купить можетъ, коли захочетъ, и потребовалъ примѣрять шубу, помялъ, потрепалъ ее, подулъ въ мѣхъ, даже провонялъ отъ нея и, наконецъ, со вздохомъ снялъ. «Неподходящая цѣна. Коли бы изъ пятнадцати рублевъ уступилъ», сказалъ онъ. Купецъ сердито перекинулъ шубу черезъ столъ, а Поликей вышелъ и въ веселомъ духѣ отправился на кватиру. Поужинавъ, напоивъ Барабана и задавъ ему овса, онъ взлѣзъ на печку, вынулъ конвертъ, долго осматривалъ его и попросилъ грамотнаго дворника прочесть адресъ и слова: «со вложеніемъ тысячи шестисотъ семнадцати рублей ассигнаціями». Конвертъ былъ сдѣланъ изъ простой бумаги, печати были изъ бураго сургуча съ изображеніемъ якоря: одна большая въ серединѣ, четыре по краямъ; сбоку было капнуто сургучомъ

Ильичъ все это осмотрѣлъ и заучилъ и даже потрогалъ вострые концы ассигнацій. Какое-то дѣтское удовольствіе испытывалъ онъ, зная, что въ его рукахъ находятся такія деньги. Онъ засунулъ конвертъ въ дыру шапки, шапку положилъ подъ голову и легъ, но ночью онъ нѣсколько разъ просыпался и щупалъ конвертъ. И всякій разъ, находя конвертъ на мѣстѣ, онъ испытывалъ пріятное чувство сознанія, что вотъ онъ, Поликей, осрамленный, забиженный, везетъ такія деньги и доставитъ ихъ вѣрно, такъ вѣрно, какъ не доставилъ бы и самъ приказчикъ.

VIII

Около полуночи и купцовы работники и Поликей были разбужены стукомъ въ ворота и крикомъ мужиковъ. Это были рекруты, которыхъ привезли изъ Покровскаго. Ихъ было человѣкъ десять: Хорюшкинъ, Митюшкинъ и Илья (племянникъ Дутлова), двое подставныхъ, староста, старикъ Дутловъ и подводчики. Въ избѣ горѣлъ ночникъ, кухарка спала на лавкѣ подъ образами. Она вскочила и стала зажигать свѣчу. Поликей тоже проснулся и, перегнувшись съ печи, сталъ смотрѣть на входившихъ мужиковъ. Всѣ входили, крестились и садились на лавки. Всѣ они были совершенно спокойны, такъ что узнать нельзя было, кто кого привезъ въ отдачу. Они здоровались, гуторили и спрашивали поѣсть. Правда, нѣкоторые были молчаливы и грустны; зато другіе были необыкновенно веселы, видимо выпивши. Въ томъ числѣ былъ и Илья, до сихъ поръ никогда не пившій.

— Что-жъ, ребята, ужинать али спать ложиться? — спросилъ староста.

— Ужинать, — отвѣчалъ Илья, распахнувъ шубу и усѣвшись на лавкѣ. — Посылай за водкой.

— Будетъ-те водки-то, — отвѣчалъ староста мелькомъ и снова обратился къ другимъ. — Такъ хлѣбца закусите, ребята! что̀ народъ будить?

— Водки дай, — повторилъ Илья, ни на кого не глядя и такимъ голосомъ, что видно было, что онъ не скоро отстанетъ.

Мужики послушались совѣта старосты, достали изъ телѣгъ хлѣбушка, поѣли, попросили кваску и полегли кто на полу, кто на печи.

Илья изрѣдка все повторялъ: «Водки дай, я говорю, подай». — Вдругъ онъ увидѣлъ Поликея: — «Ильичъ, а Ильичъ! ты здѣсь, другъ любезный? Вѣдь я въ солдаты иду, совсѣмъ распрощался съ матушкой, съ хозяйкой... Какъ выла! Въ солдаты упекли. Поставь водки».

— Денегъ нѣтъ, — отвѣчалъ Поликей. — Еще, Богъ дастъ, затылокъ, — прибавилъ Поликей, утѣшая.

— Нѣтъ, братъ, какъ береза чистая, никакой болѣзни не видалъ надъ собой. Ужъ какой мнѣ затылокъ? какихъ еще царю солдатъ надо?

Поликей сталъ разсказывать исторію, какъ дохтору синенькую мужикъ далъ и тѣмъ уволился.

Илья подвинулся къ печкѣ и разговорился.

— Нѣтъ, Ильичъ, теперь кончено, и самъ не хочу оставаться. Дядя меня упекъ. Развѣ бы мы не купили за себя? Нѣтъ, сына жалко и денегъ жалко. Меня отдаютъ... Теперь самъ не хочу. (Онъ говорилъ тихо, довѣрчиво, подъ вліяніемъ тихой грусти). Одно — матушку жалко; какъ убивалась, сердешная! Да и хозяйку; такъ, ни за что̀ погубили бабу; теперь пропадетъ: солдатка, одно слово. Лучше бы не женить. Зачѣмъ они меня женили? Завтра пріѣдутъ.

— Да что же васъ такъ рано привезли? — спросилъ Поликей: — то ничего не слыхать было, а то вдругъ...

— Вишь, боятся, чтобъ я надъ собой чего не сдѣлалъ, — отвѣчалъ Илюшка, улыбаясь. — Небось, ничего не сдѣлаю. Я и въ солдатахъ не пропаду, только матушку жалко. Зачѣмъ они меня женили? — говорилъ онъ тихо и грустно.

Дверь отворилась, крѣпко хлопнула, и вошелъ старикъ Дутловъ, отряхивая шапку, въ своихъ лаптяхъ, всегда огромныхъ, точно на ногахъ у него были лодки.

— Аѳанасій, — сказалъ онъ, перекрестясь и обращаясь къ дворнику, — нѣтъ ли фонарика, овса всыпать?

Дутловъ не взглянулъ на Илью и спокойно началъ зажигать огарокъ. Рукавицы и кнутъ были засунуты у него за поясомъ и армякъ аккуратно подпоясанъ, точно онъ съ обозомъ пріѣхалъ; такъ обычно-просто, мирно и озабочено хозяйственнымъ дѣломъ было его трудовое лицо.

Илья, увидавъ дядю, замолкъ, опять мрачно опустилъ глаза куда-то на лавку и заговорилъ, обращаясь къ старостѣ:

— Водки дай, Ермила. Вина пить хочу.

Голосъ его былъ злой и мрачный.

— Какое теперь вино? — отвѣчалъ староста, хлебая изъ чашки: — видишь, люди поѣли да и легли; а ты что буянишь?

Слово «буянишь», видимо, навело его на мысль буянить.

— Староста, я бѣду надѣлаю, коли ты мнѣ водки не дашь.

— Хоть бы ты его урезонилъ, — обратился староста къ Дутлову, который зажегъ уже фонарь, но, видимо, остановился послушать, что̀ еще дальше будетъ, и искоса съ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ на племянника, какъ будто удивляясь его ребячеству.

Илья, потупившись, опять проговорилъ:

— Вина дай, бѣду надѣлаю.

— Брось, Илья! — сказалъ староста кротко, — право, брось, лучше будетъ.

Но не успѣлъ онъ еще выговорить этихъ словъ, какъ Илья вскочилъ, ударилъ кулакомъ въ стекло и закричалъ во всю мочь:

— Не хотите слушать, вотъ вамъ! — и бросился къ другому окну, чтобы и то разбить.

Ильичъ во мгновеніе ока перекатился два раза и спрятался въ углу печи, такъ что распугалъ всѣхъ таракановъ. Староста бросилъ ложку и побѣжалъ къ Ильѣ. Дутловъ медленно поставилъ фонарь, распоясался, пощелкивая языкомъ, покачалъ головой и подошелъ къ Ильѣ, который ужъ возился со старостой и дворникомъ, не пускавшими его къ окну. Они поймали его за руки и держали, казалось, крѣпко; но какъ только Илья увидѣлъ дядю съ кушакомъ, силы его удесятерились, онъ вырвался и, закативъ глаза, подступилъ съ сжатымъ кулакомъ къ Дутлову.

— Убью, не подходи, варваръ! Ты меня загубилъ, ты, съ своими сыновьями-разбойниками, ты загубилъ меня! Зачѣмъ меня женили? Не подходи, убью!

Илюшка былъ страшенъ. Лицо его было багровое, глаза не знали куда дѣваться; все его здоровое молодое тѣло дрожало какъ въ лихорадкѣ. Онъ, казалось, хотѣлъ и могъ убить всѣхъ троихъ мужиковъ, наступавшихъ на него.

— Братнину кровь пьешь, кровопійца!

Что-то сверкнуло на вѣчно-спокойномъ лицѣ Дутлова. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Не хотѣлъ добромъ, — проговорилъ онъ и вдругъ, откуда взялась энергія, быстрымъ движеніемъ схватилъ онъ племянника, повалился съ нимъ на землю и съ помощью старосты началъ крутить ему руки. Минутъ съ пять боролись они; наконецъ Дутловъ съ помощью мужиковъ всталъ, отдирая руки Ильи отъ своей шубы, въ которую тотъ вцѣпился, всталъ самъ, потомъ поднялъ Илью со связанными назадъ руками и посадилъ его на лавку въ углу.

— Говорилъ, хуже будетъ, — сказалъ онъ, задыхаясь еще отъ борьбы и оправляя поясокъ рубахи: — что грѣшить? всѣ умирать будемъ. Дай ему подъ голову армякъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ дворнику, — а то голова затечетъ, — и самъ взялъ фонарь, подпоясался веревочкой и вышелъ опять къ лошадямъ.

Илья со спутанными волосами, съ блѣднымъ лицомъ и вздернутою рубахой оглядывалъ комнату, какъ будто старался вспомнить, гдѣ онъ. Дворникъ подбиралъ осколки стеколъ и утыкалъ въ окно полушубокъ, чтобы не дуло. Староста опять сѣлъ за свою чашку.

— Эхъ, Илюха, Илюха! Жалко мнѣ тебя, право. Что-жъ дѣлать! Вотъ Хорюшкинъ тоже женатый; не миновать видно.

— Отъ злодѣя дяди погибаю, — повторилъ Илья съ сухою злобой. — Ему своего жалко... Матушка говорила, приказчикъ приказывалъ купить некрута. Не хочетъ: говоритъ, не одолѣетъ. Развѣ мы съ братомъ мало въ домъ принесли?.. Злодѣй онъ.

Дутловъ вошелъ въ избу, помолился образамъ, раздѣлся и подсѣлъ къ старостѣ. Работница подала ему еще квасу и ложку. Илья замолкъ и, закрывъ глаза, прилегъ на армякъ. Староста молча указалъ на него и покачалъ головой. Дутловъ махнулъ рукой.

— Развѣ не жалко? Брата родного сынъ. Мало того, что жалко, еще злодѣемъ меня передъ нимъ исдѣлали. Вложила ему въ голову его хозяйка, что-ль, бабочка хитрая, даромъ что молодая, что у насъ деньги такія, что купить некрута осилимъ. Вотъ и укоряетъ меня. А какъ жалко малаго-то!..

— Охъ, малый хорошъ! — сказалъ староста.

— Да мочи моей съ нимъ нѣтъ. Завтра Игната пришлю, и хозяйка его пріѣхать хотѣла.

— Присылай-ка, ладно, — сказалъ староста, всталъ и полѣзъ на печку. — Что деньги? Деньги — прахъ.

— Были бы деньги, кто бы пожалѣлъ? — проговорилъ купеческій работникъ, поднимая голову.

— Эхъ, деньги, деньги! Много грѣха отъ нихъ, — отозвался Дутловъ. — Ни отъ чего въ свѣтѣ столько грѣха, какъ отъ денегъ, и въ писаніи сказано.

— Все сказано, — повторилъ дворникъ. — Такъ-то сказывалъ мнѣ человѣкъ одинъ: купецъ былъ, денегъ много накопилъ и ничего оставить не хотѣлъ; такъ свои деньги любилъ, что съ собою въ гробъ унесъ. Сталъ помирать, только велѣлъ подушечку съ собою въ гробъ положить. Не догадались. Такъ и сдѣлали. Потомъ стали искать денегъ сыновья: нѣтъ ничего. Догадался одинъ сынъ, что, должно, въ подушкѣ деньги были. До царя доходило, позволилъ откопать. Такъ что-жъ ты думаешь? Открыли, въ подушкѣ ничего нѣтъ, а полонъ козюлями гробъ; такъ и зарыли опять. Вотъ оно что деньги-то дѣлаютъ.

— Извѣстно, грѣха много, — сказалъ Дутловъ, всталъ и началъ молиться Богу.

Помолившись, онъ посмотрѣлъ на племянника. Тотъ спалъ. Дутловъ подошелъ, отпустилъ ему кушакъ и легъ. Другой мужикъ пошелъ спать къ лошадямъ.

IX

Какъ только все затихло, Поликей, будто виноватый, потихоньку слѣзъ и сталъ убираться. Ему почему-то было жутко ночевать здѣсь съ рекрутами. Пѣтухи ужъ перекликались чаще. Барабанъ поѣлъ весь свой овесъ и тянулъ къ пойлу. Ильичъ запрягъ его и вывелъ мимо мужичьихъ телѣгъ. Шапка съ содержимымъ была въ цѣлости, и колеса телѣжки снова застучали по подмерзнувшей Покровской дорогѣ. Поликею легче стало только тогда, какъ онъ выѣхалъ за городъ. А то все почему-то ему казалось, что вотъ-вотъ сзади послышится погоня, остановятъ его да на мѣсто Ильи скрутятъ ему назадъ руки и завтра поведутъ въ ставку. Не то отъ холода, не то отъ страха морозъ пробѣгалъ у него по спинѣ, и онъ все потрогивалъ и потрогивалъ Барабана. Первый встрѣтившійся ему человѣкъ былъ попъ въ высокой зимней шапкѣ съ кривымъ работникомъ. Еще жутче стало Поликею. Но за городомъ страхъ этотъ понемногу прошелъ. Барабанъ пошелъ шагомъ, стала виднѣе впереди дорога; Ильичъ снялъ шапку и ощупалъ деньги. «Положить ихъ за пазуху? — думалъ онъ: — еще распоясываться надо. Вотъ дай подъ изволокъ заѣду, тамъ сойду съ телѣги, уберусь. Шапка крѣпко зашита сверху, а внизъ изъ-подъ подкладки не выскочитъ. И сымать шапки до дому не стану». Съѣхавъ подъ изволокъ, Барабанъ по собственной охотѣ на вынось выскакалъ въ гору, и Поликей, которому такъ же, какъ и Барабану, хотѣлось скорѣе домой, не препятствовалъ ему. Все было въ порядкѣ, по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось, и онъ предался мечтаніямъ о благодарности госпожи, о пяти цѣлковыхъ, которые она ему дастъ, и о радости своихъ домашнихъ. Онъ снялъ шапку, ощупалъ еще разъ письмо, нахлобучилъ себѣ шапку глубже на голову и улыбнулся. Плисъ на шапкѣ былъ гнилой и именно потому, что наканунѣ Акулина старательно зашила его въ прорванномъ мѣстѣ, онъ разлѣзся съ другого конца, и именно то движеніе, которымъ Поликей, снявъ шапку, думалъ въ темнотѣ засовать глубже подъ хлопки письмо съ деньгами, это самое движеніе распороло шапку и высунуло конвертъ однимъ угломъ изъ-подъ плиса.

Стало свѣтать, и Поликей, не спавшій всю ночь, задремалъ. Надвинувъ шапку и тѣмъ еще больше высунувъ письмо, Поликей въ дремотѣ сталъ стукаться головой о грядку. Онъ проснулся около дома. Первымъ движеніемъ его было схватиться за шапку, она сидѣла плотно на головѣ, онъ и не снялъ ея, увѣренный, что конвертъ тутъ. Онъ тронулъ Барабана, поправилъ сѣно, опять принялъ видъ дворника и, важно поглядывая вокругъ себя, затрясся къ дому.

Вотъ кухня, вотъ «флигель», вонъ столярова жена несетъ холсты, вонъ контора, вонъ барынинъ домъ, въ которомъ сейчасъ Поликей покажетъ, что онъ человѣкъ вѣрный и честный, что «наговорить, молъ, можно на всякаго, и барыня скажетъ: «Ну, благодарствуй, Поликей, вотъ тебѣ три...», а можетъ и пять, а можетъ и десять цѣлковыхъ, и велитъ еще чаю поднесть ему, а може и водочки. Съ холоду бы не мѣшало. На десять цѣлковыхъ и погуляемъ на праздникѣ, и сапоги купимъ, и Никитѣ, такъ и быть, отдадимъ четыре съ полтиной, а то приставать очень началъ... Не доѣзжая шаговъ ста до дому, Поликей замахнулся еще, оправилъ поясъ, ожерелку, снялъ шапку, поправилъ волосы, и, не торопясь, сунулъ руку подъ подкладку. Рука зашевелилась въ шапкѣ, быстрѣй, еще быстрѣй, другая всунулась туда же, лицо блѣднѣло, блѣднѣло, одна рука проскочила насквозь... Поликей вскочилъ на колѣни, остановилъ лошадь и началъ оглядывать телѣгу, сѣно, покупки, щупать пазуху, шаровары: денегъ нигдѣ не было.

«Батюшки! да что же это? Что-жъ это будетъ!» заревѣлъ онъ, схвативъ себя за волосы.

Но, тутъ же вспомнивъ, что его могутъ увидать, повернулъ Барабана назадъ, надвинулъ шапку и погналъ удивленнаго и недовольнаго Барабана назадъ по дорогѣ.

«Терпѣть не могу ѣздить съ Поликеемъ, — долженъ былъ думать Барабанъ. — Одинъ разъ въ жизни онъ накормилъ и напоилъ меня во-время и лишь для того, чтобъ такъ непріятно обмануть меня. Какъ я старался бѣжать домой! Усталъ, а тутъ, только что запахло нашимъ сѣномъ, онъ гонитъ меня назадъ».

— Ну ты, одеръ чертовскій! — сквозь слезы кричалъ Поликей, вставъ въ телѣгѣ, дергая по Барабанову рту вожжами и стегая кнутомъ.

X

Цѣлый этотъ день никто въ Покровскомъ не видалъ Поликея. Барыня спрашивала нѣсколько разъ послѣ обѣда, и Аксютка прилетала къ Акулинѣ; но Акулина говорила, что онъ не пріѣзжалъ, что, видно, купецъ задержалъ или что съ лошадью что-нибудь случилось. «Не захромала ли? — говорила она, — прошлый разъ такъ-то цѣлыя сутки ѣхалъ Максимъ, всю дорогу пѣшкомъ шелъ!» И Аксютка налаживала свои маятники опять къ дому, а Акулина придумывала причины задержки мужа и старалась успокоить себя, — но не успѣвала! У ней тяжело было на сердцѣ, и никакая работа къ завтрашнему празднику не спорилась у ней въ рукахъ. Тѣмъ болѣе она мучилась, что столярова жена увѣряла, какъ она сама видѣла: «человѣкъ, точно какъ Ильичъ, подъѣхалъ къ прешпекту и потомъ назадъ поворотилъ». Дѣти тоже съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ ждали тятеньку, но по другимъ причинамъ: Анютка и Машка остались безъ шубы и армяка, дававшихъ имъ возможность хоть поочередно выходить на улицу, и потому принуждены были только около дома въ однихъ платьяхъ дѣлать круги съ усиленною быстротой, чѣмъ немало стѣсняли всѣхъ жителей *флигеря*, входившихъ и выходившихъ. Одинъ разъ Машка налетѣла на ноги столяровой жены, несшей воду, и, хотя впередъ заревѣла, стукнувшись объ ея колѣни, получила, однако, потасовку за вихры и еще сильнѣе заплакала. Когда же она не сталкивалась ни съ кѣмъ, то прямо влетала въ дверь и по кадушкѣ взлѣзала на печку. Только барыня и Акулина истинно безпокоились собственно о Поликеѣ; дѣти же — только о томъ, что̀ было на немъ надѣто. А Егоръ Михайловичъ, докладывая барынѣ, на вопросъ ея: «не пріѣзжалъ-ли Поликей и гдѣ онъ можетъ быть?» улыбнулся, отвѣчая: «не могу знать», и видимо былъ доволенъ тѣмъ, что предположенія его оправдывались. «Надо бы къ обѣду пріѣхать», сказалъ онъ значительно. Весь этотъ день въ Покровскомъ никто ничего не зналъ про Поликея; только уже потомъ узналось, что видѣли его мужики сосѣдніе, безъ шапки бѣгавшаго по дорогѣ и у всѣхъ спрашивавшаго: «не находили ли письма?» Другой человѣкъ видѣлъ его спящимъ на краю дороги подлѣ прикрученной лошади съ телѣгой. «Еще я подумалъ, — говорилъ этотъ человѣкъ, — что пьяный и лошадь дня два не поена, не кормлена: такъ ей бока подвело». Акулина не спала всю ночь, все прислушивалась, но и въ ночь Поликей не пріѣзжалъ. Если-бъ она была одна и были бы у ней поваръ и дѣвушка, она была бы еще несчастнѣе; но какъ только пропѣли третьи пѣтухи и столярова жена поднялась, Акулина должна была встать и приняться за печку. Былъ праздникъ: до свѣта надо было хлѣбы вынуть, квасъ сдѣлать, лепешки испечь, корову подоить, платья и рубахи выгладить, дѣтей перемыть, воды принесть и сосѣдкѣ не дать всю печку занять. Акулина, не переставая прислушиваться, принялась за эти дѣла. Ужъ разсвѣло, ужъ заблаговѣстили, ужъ дѣти встали, а Поликея все не было. Наканунѣ былъ зазимокъ, снѣгъ неровно покрылъ поля, дорогу и крыши; и нынче, какъ бы для праздника, день былъ красный, солнечный и морозный, такъ что издалека было и слышно и видно. Но Акулина, стоя у печи и съ головой всовываясь въ устье, такъ занялась печеньемъ лепешекъ, что не слыхала, какъ подъѣхалъ Поликей, и только по крику дѣтей узнала, что мужъ пріѣхалъ. Анютка, какъ старшая, насалила голову и сама одѣлась. Она была въ новомъ, розовомъ, ситцевомъ, но мятомъ платьѣ, подаркѣ барыни, которое, какъ лубокъ, стояло на ней и кололо глаза сосѣдямъ; волосы у ней лоснились, на нихъ она полъ-огарка вымазала; башмаки были хоть не новые, но тонкіе. Машка была еще въ кацавейкѣ и грязи, и Анютка не подпускала ея къ себѣ близко, чтобы не выпачкала. Машка была на дворѣ, когда отецъ подъѣхалъ съ кулькомъ. «Тятенька пліѣхали», завизжала она, стремглавъ бросилась въ дверь мимо Анютки и запачкала ее. Анютка, уже не боясь запачкаться, тотчасъ же прибила Машку, а Акулина не могла оторваться отъ своего дѣла. Она только крикнула на дѣтей: «Ну васъ! всѣхъ перепорю!» и оглянулась на дверь. Ильичъ съ кулькомъ въ рукахъ вошелъ въ сѣни и тотчасъ же пробрался въ свой уголъ. Акулинѣ показалось, что онъ былъ блѣденъ и лицо у него было такое, какъ будто онъ не то плакалъ, не то улыбался; но ей некогда было разобрать.

— Что, Ильичъ, благополучно? — спросила она отъ печи.

Ильичъ что-то пробормоталъ, чего она не поняла.

— Ась? — крикнула она, — былъ у барыни?

Ильичъ въ своемъ углѣ сидѣлъ на кровати, дико смотрѣлъ кругомъ себя и улыбался своею виноватою и глубоко несчастною улыбкой. Онъ долго ничего не отвѣчалъ.

— А, Ильичъ? что долго? — раздался голосъ Акулины.

— Я, Акулина, деньги отдалъ барынѣ. Какъ благодарила! — сказалъ онъ вдругъ и еще безпокойнѣе сталъ оглядываться и улыбаться. Два предмета особенно останавливали его безпокойные лихорадочно-открытые глаза: веревки, привязанныя къ люлькѣ, и ребенокъ. Онъ подошелъ къ люлькѣ и своими тонкими пальцами торопливо сталъ распутывать узелъ веревки. Потомъ глаза его остановились на ребенкѣ; но тутъ Акулина съ лепешками на доскѣ вошла въ уголъ. Ильичъ быстро спряталъ веревку за пазуху и сѣлъ на кровать.

— Что ты, Ильичъ, какъ будто не по себѣ? — сказала Акулина.

— Не спалъ, — отвѣчалъ онъ.

Вдругъ за окномъ мелькнуло что-то, и черезъ мгновенье, какъ стрѣла, влетѣла верховая дѣвушка Аксютка.

— Барыня велѣла Поликею Ильичу придти сею минутою, — сказала она. — Сею минутою велѣла Авдотья Миколавна.... сею минутою.

Поликей посмотрѣлъ на Акулину, на дѣвочку.

— Сейчасъ! чего еще надо? — сказалъ онъ такъ просто, что Акулина успокоилась: можетъ, наградить хочетъ. — Скажи, сейчасъ приду.

Онъ всталъ и вышелъ; Акулина же взяла корыто, поставила на лавку, налила воды изъ ведеръ, стоявшихъ у двери, изъ горячаго котла въ печи, засучила рукава и попробовала воду.

— Иди, Машка, вымою.

Сердитая, сюсюкающая дѣвочка заревѣла.

— Иди, паршивая, чистую рубаху надѣну. Ну, ломайся! Иди, еще сестру мыть надо.

Поликей между тѣмъ пошелъ не за верховою дѣвушкой къ барынѣ, а совсѣмъ въ другое мѣсто. Въ сѣняхъ подлѣ стѣны была прямая лѣстница, ведущая на чердакъ. Поликей, выйдя въ сѣни, оглянулся и, не видя никого, нагнувшись, почти бѣгомъ, ловко и скоро взбѣжалъ по этой лѣстницѣ.

— Что такое значитъ, что Поликей не приходитъ, — сказала нетерпѣливо барыня, обращаясь къ Дуняшѣ, которая чесала ей голову, — гдѣ Поликей? Отчего онъ не идетъ?

Аксютка опять полетѣла на дворню и опять влетѣла въ сѣнцы и потребовала Ильича къ барынѣ.

— Да онъ пошелъ давно, — отвѣчала Акулина, которая, вымывъ Машку, въ это время только что посадила въ корыто своего грудного мальчика и мочила ему, несмотря на его крикъ, его рѣдкіе волосики. Мальчикъ кричалъ, морщился и старался поймать что-то своими безпомощными ручонками. Акулина поддерживала одною большою рукой его пухленькую, всю въ ямочкахъ, мягкую спинку, а другою мыла его.

— Посмотри, не заснулъ ли онъ гдѣ, — сказала она, съ безпокойствомъ оглядываясь.

Столярова жена въ это время, нечесаная, съ распахнутою грудью, поддерживая юбки, входила на чердакъ достать свое сохнувшее тамъ платье. Вдругъ крикъ ужаса раздался на чердакѣ, и столярова жена, какъ сумасшедшая, съ закрытыми глазами, на четверенькахъ, задомъ и скорѣе кѝтомъ, чѣмъ бѣгомъ, слетѣла съ лѣстницы.

— Ильичъ! — крикнула она.

Акулина выпустила изъ рукъ ребенка.

— Удавился! — проревѣла столярова жена.

Акулина, не замѣчая того, что ребенокъ, какъ клубочекъ, перекатился навзничь и, задравъ ножонки, головой окунулся въ воду, выбѣжала въ сѣни.

— На балкѣ... виситъ, — проговорила столярова жена, но остановилась, увидавъ Акулину.

Акулина бросилась на лѣстницу и, прежде чѣмъ успѣли ее удержать, взбѣжала и съ страшнымъ крикомъ, какъ мертвое тѣло, упала на лѣстницѣ, и убилась бы, если бы выбѣжавшій изъ всѣхъ угловъ народъ не успѣлъ поддержать ее.

XI

Нѣсколько минутъ ничего нельзя было разобрать въ общей суматохѣ. Народу сбѣжалось бездна, всѣ кричали, всѣ говорили, дѣти и старухи плакали, Акулина лежала безъ памяти.

Наконецъ мужчины, столяръ и прибѣжавшій приказчикъ вошли наверхъ, и столярова жена въ двадцатый разъ разсказала, какъ она, ничего не думавши, пошла за пелеринкой, глянула этакимъ манеромъ: вижу — человѣкъ стоитъ; посмотрѣла: шапка подлѣ вывернута лежитъ. Глядь, а ноги качаются. Такъ меня холодомъ и обдало. Легко ли, повѣсился человѣкъ, и я это видѣть должна. Какъ загремлю внизъ, а сама не помню. И чудо, какъ меня Богъ спасъ. Истинно Господь помиловалъ. Легко ли! И кручь и вышина какая! Такъ бы до-смерти и убилась.

Люди, всходившіе наверхъ, разсказали то же. Ильичъ висѣлъ на балкѣ въ одной рубахѣ и порткахъ на той самой веревкѣ, которую онъ снялъ съ люльки. Шапка его вывернутая лежала тутъ же. Армякъ и шуба были сняты и порядкомъ сложены подлѣ. Ноги доставали до земли, и признаковъ жизни уже не было. Акулина пришла въ себя и рванулась опять на лѣстницу, но ее не пустили.

— Мамуска, Семка захлебнулся, — вдругъ запищала сюсюкающая дѣвочка изъ угла. Акулина вырвалась опять и побѣжала въ уголъ. Ребенокъ, не шевелясь, лежалъ навзничь въ корытѣ, и ножки его не шевелились. Акулина выхватила его, но ребенокъ не дышалъ и не двигался. Акулина бросила его на кровать, подперлась руками и захохотала такимъ громкимъ, звонкимъ и страшнымъ смѣхомъ, что Машка, сначала тоже засмѣявшаяся, зажала уши и съ плачемъ выбѣжала въ сѣни. Народъ валилъ въ *уголъ* съ воемъ и плачемъ. Ребенка вынесли, стали оттирать; но все было напрасно. Акулина валялась по постели и хохотала, хохотала такъ, что страшно становилось всѣмъ, кто только слышалъ этотъ хохотъ. Только теперь, увидавъ эту разнородную толпу мужчинъ и женщинъ, стариковъ, дѣтей, столпившихся въ сѣняхъ, можно было понять, какая бездна и какой народъ жилъ въ дворовомъ *флигерѣ*. Всѣ суетились, всѣ говорили, многіе плакали, и никто ничего не дѣлалъ. Столярова жена все еще находила людей, не слыхавшихъ ея исторіи, и вновь разсказывала о томъ, какъ ея нѣжныя чувства были поражены неожиданнымъ видомъ и какъ Богъ спасъ ее отъ паденія съ лѣстницы. Старичокъ буфетчикъ въ женской кацавейкѣ разсказывалъ, какъ при покойномъ баринѣ женщина въ пруду утопилась. Приказчикъ отправилъ къ становому и священнику пословъ и назначилъ караулъ. Верховая дѣвушка Аксютка съ выкаченными глазами все смотрѣла въ дыру на чердакъ, и хотя ничего тамъ не видала, не могла оторваться и пойти къ барынѣ. Агаѳья Михайловна, бывшая горничная старой барыни, требовала чаю для успокоенія своихъ нервовъ и плакала. Бабушка Анна своими практичными, пухлыми и пропитанными деревяннымъ масломъ руками укладывала маленькаго покойника на столикъ. Женщины стояли около Акулины и молча смотрѣли на нее. Дѣти, прижавшись въ углахъ, взглядывали на мать и принимались ревѣть, потомъ замолкали, опять взглядывали и еще пуще жались. Мальчишки и мужики толпились у крыльца и съ испуганными лицами смотрѣли въ двери и въ окна, ничего не видя и не понимая и спрашивая другъ у друга, въ чемъ дѣло. Одинъ говорилъ, что столяръ своей женѣ топоромъ ногу отрубилъ.

Другой говорилъ, что прачка родила тройню. Третій говорилъ, что поварова кошка взбѣсилась и перекусала народъ. Но истина понемногу распространялась и, наконецъ, достигла ушей барыни. И, кажется, даже не сумѣли приготовить ее: грубый Егоръ прямо доложилъ ей и такъ разстроилъ нервы барыни, что она долго послѣ не могла оправиться. Толпа уже начинала успокаиваться; столярова жена поставила самоваръ и заварила чай, при чемъ посторонніе, не получая приглашенія, нашли неприличнымъ оставаться долѣе въ ея углу. Мальчишки начинали драться у крыльца. Всѣ уже знали, въ чемъ дѣло, и, крестясь, начали расходиться, какъ вдругъ послышалось: «барыня, барыня!» и всѣ опять столпились и сжались, чтобы дать ей дорогу, но всѣ тоже хотѣли видѣть, что она будетъ дѣлать. Барыня блѣдная, заплаканная вошла въ сѣни черезъ порогъ, въ Акулининъ уголъ. Десятки головъ жались и смотрѣли у дверей. Одну беременную женщину придавили такъ, что она запищала, но тотчасъ же, воспользовавшись этимъ самымъ обстоятельствомъ, эта женщина выгадала себѣ впереди мѣсто. И какъ было не посмотрѣть на барыню въ Акулининомъ углу! Это было для дворовыхъ все равно, что бенгальскій огонь въ концѣ представленія. Ужъ значитъ хорошо, коли бенгальскій огонь зажгли, и ужъ значитъ хорошо, коли барыня въ шелку да въ кружевахъ вошла къ Акулинѣ въ уголъ. Барыня подошла къ Акулинѣ и взяла ее за руку; но Акулина вырвала ее. Старые дворовые неодобрительно покачали головами.

— Акулина! — сказала барыня, — у тебя дѣти, пожалѣй себя.

Акулина захохотала и поднялась.

— У меня дѣти все серебряныя, все серебряныя... Я бумажекъ не держу, — забормотала она скороговоркой. — Я Ильичу говорила, не бери бумажекъ, вотъ тебя и подмазали, подмазали дегтемъ. Дегтемъ съ мыломъ, сударыня. Какія бы парши ни были, сейчасъ соскочутъ. — И опять она захохотала еще пуще.

Барыня обернулась и потребовала фершела съ горчицей. «Воды холодной дайте», и она сама стала искать воды; но, увидавъ мертваго ребенка, передъ которымъ стояла бабушка Анна, барыня отвернулась, и всѣ видѣли, какъ она закрылась платкомъ и заплакала. Бабушка же Анна (жалко, что барыня не видала: она бы оцѣнила это, — для нея и было все это сдѣлано) прикрыла ребенка кусочкомъ холста, поправила ему ручку своею пухлою ловкою рукой и такъ потрясла головой, такъ вытянула губы и чувствительно прищурила глаза, такъ вздохнула, что всякій могъ видѣть ея прекрасное сердце. Но барыня не видала этого, да и ничего не могла видѣть. Она зарыдала, съ ней сдѣлалась нервная истерика, и ее вывели подъ руки въ сѣни и подъ руки отвели домой. «Только-то отъ нея и было», подумали многіе и стали расходиться. Акулина все хохотала и говорила вздоръ. Ее вывели въ другую комнату, пустили ей кровь, обложили горчичниками, льду приложили къ головѣ; но она все такъ же ничего не понимала, не плакала, а хохотала, и говорила и дѣлала такія вещи, что добрые люди, которые за ней ухаживали, не могли удерживаться и тоже смѣялись.

XII

Праздникъ былъ невеселый на дворнѣ Покровскаго. Несмотря на то, что день былъ прекрасный, народъ не выходилъ гулять: дѣвки не собирались пѣсни пѣть, ребята фабричные, пришедшіе изъ города, не играли ни въ гармонику, ни въ балалайки и съ дѣвушками не играли. Всѣ сидѣли по угламъ и ежели говорили, то говорили тихо, какъ будто кто недобрый былъ тутъ и могъ слышать ихъ. Днемъ все еще было ничего, но вечеромъ, какъ смерклось, завыли собаки, и тутъ на бѣду поднялся вѣтеръ и завылъ въ трубы, и такой страхъ напалъ на всѣхъ жителей дворни, что у кого были свѣчи, тѣ зажгли ихъ передъ образомъ; кто былъ одинъ въ *углѣ,* пошелъ къ сосѣдямъ проситься ночевать, глѣ полюднѣе, а кому нужно было выйти въ закуты, не пошелъ и не пожалѣлъ оставить скотину безъ корму на эту ночь. И святую воду, которая у каждаго хранилась въ пузырькѣ, всю въ эту ночь истратили. Многіе даже слышали, какъ въ эту ночь кто-то все ходилъ по чердаку тяжелымъ шагомъ, и кузнецъ видѣлъ, какъ змѣй летѣлъ прямо на чердакъ. Въ Поликеевомъ *углѣ* никого не было: дѣти и сумасшедшая переведены были въ другія мѣста. Тамъ только покойничекъ-младенецъ лежалъ да были двѣ старушки и странница, которая по своему усердію читала псалтирь не надъ младенцемъ, а такъ, по случаю всего этого несчастія. Такъ пожелала барыня. Старушки эти и странница сами слышали, какъ только-только прочтется каѳизма, такъ задрожитъ наверху балка и застонетъ кто-то. Прочтутъ: «Да воскреснетъ

Богъ», опять затихнетъ. Столярова жена позвала куму и въ эту ночь, не спамши, выпила съ ней весь чай, который запасла себѣ на недѣлю. Онѣ тоже слышали, какъ наверху балки трещали, точно мѣшки падали сверху. Мужики-караульщики придавали храбрости дворовымъ, а то бы они перемерли въ эту ночь со страху. Мужики лежали въ сѣняхъ на сѣнѣ и потомъ увѣряли, что слышали тоже чудеса на чердакѣ, хотя въ самую эту ночь преспокойно бесѣдовали между собой о некрутствѣ, жевали хлѣбъ, чесались и главное такъ наполнили сѣни особымъ мужичьимъ запахомъ, что столярова жена, проходя мимо нихъ, сплюнула и обругала ихъ мужичьемъ. Какъ бы то ни было, удавленникъ все висѣлъ на чердакѣ, и какъ будто самъ злой духъ осѣнилъ въ эту ночь *флигерь* огромнымъ крыломъ, показавъ свою власть и ближе чѣмъ когда-либо ставъ къ этимъ людямъ. По крайней мѣрѣ, всѣ они чувствовали это. Не знаю, справедливо ли это было. Я даже думаю, что вовсе несправедливо. Я думаю, что если бы смѣльчакъ въ эту страшную ночь взялъ свѣчу или фонарь и, осѣнивъ или даже не осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вошелъ на чердакъ и, медленно раздвигая передъ собой огнемъ свѣчи ужасъ ночи и освѣщая балки, песокъ, боровъ, покрытый паутиной, и забытыя столяровою женой пелеринки, добрался до Ильича, и ежели бы, не поддавшись чувству страха, поднялъ фонарь на высоту лица, то онъ увидѣлъ бы знакомое худощавое тѣло съ ногами, стоящими на землѣ (веревка опустилась), безжизненно согнувшееся на бокъ, съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, подъ которой не видно креста, и опущенную на грудь голову, и доброе лицо съ открытыми, невидящими глазами, и кроткую, виноватую улыбку, и строгое спокойствіе, и тишину на всемъ. Право, столярова жена, прижавшись въ углу своей кровати, съ растрепанными волосами и испуганными глазами разсказывающая, что она слышитъ, какъ падаютъ мѣшки, гораздо ужаснѣе и страшнѣе Ильича, хотя крестъ его снятъ и лежитъ на балкѣ.

Въ *верху*, то-есть у барыни, такой же ужасъ царствовалъ, какъ и во *флигерѣ*. Въ барыниной комнатѣ пахло одеколономъ и лѣкарствомъ. Дуняша грѣла желтый воскъ и дѣлала спускъ. Для чего именно спускъ, я не знаю: но знаю, спускъ дѣлался всегда, когда барыня была больна. А она теперь разстроилась до нездоровья. Къ Дуняшѣ для храбрости пришла ночевать ея тетка. Онѣ всѣ четверо сидѣли въ дѣвичьей съ дѣвочкой и тихо разговаривали.

— Кто же за масломъ пойдетъ? — сказала Дуняша.

— Ни за что, Авдотья Миколавна, не пойду. Убейте, не пойду, — рѣшительно отвѣчала вторая дѣвушка.

— Полно, съ Аксюткой вмѣстѣ поди.

— Я одна сбѣгаю, я ничего не боюсь, — сказала Аксютка, но тутъ же заробѣла.

— Ну, поди, умница, спроси у бабушки Анны, въ стаканѣ, и принеси, не расплескай, — сказала ей Дуняша.

Аксютка подобрала одною рукой подолъ и, хотя вслѣдствіе этого уже не могла махать обѣими руками, замахала одной вдвое сильнѣе поперекъ линіи своего направленія и полетѣла. Ей было страшно, и она чувствовала, что ежели бы она увидала или услыхала что̀ бы то ни было, хоть свою мать живую, она бы пропала со страху. Она летѣла, почти зажмурившись, по знакомой тропинкѣ.

XIII

«Барыня спитъ али нѣтъ?» спросилъ вдругъ подлѣ Аксютки густой мужицкій голосъ. Она открыла глаза, которые прежде были зажмурены, и увидала чью-то фигуру, которая, показалось ей, была выше *флигеря;* она взвизгнула и понеслась назадъ, такъ что ея юбка не поспѣвала летѣть за ней. Однимъ скачкомъ она была на крыльцѣ, другимъ въ дѣвичьей и съ дикимъ воплемъ бросилась на постель. Дуняша, тетка ея и другая дѣвушка обмерли со страху; но не успѣли онѣ очнуться, какъ тяжелые, медленные и нерѣшительные шаги послышались въ сѣняхъ и у двери. Дуняша бросилась къ барынѣ, уронивъ спускъ; вторая горничная спряталась за юбки, висѣвшія на стѣнѣ; тетка, болѣе рѣшительная, хотѣла было придержать дверь, но дверь отворилась, и мужикъ вошелъ въ комнату. Это былъ Дутловъ въ своихъ лодкахъ. Не обращая вниманія на страхъ дѣвушекъ, онъ поискалъ глазами иконы и, не найдя маленькаго образка, висѣвшаго въ лѣвомъ углу, перекрестился на шкапчикъ съ чашками, положилъ шапку на окно и, засунувъ глубоко руку за полушубокъ, точно онъ хотѣлъ почесаться подъ мышкой, досталъ письмо съ пятью бурыми печатями, изображавшими якори. Дуняшина тетка схватилась за грудь... Насилу она выговорила, голосъ ея прерывался:

— Перепугалъ же ты меня, Наумычъ! выговорить не могу сло̀...ва. Такъ и думала, что конецъ пришелъ.

— Можно ли такъ! — проговорила вторая дѣвушка, высовываясь изъ-за юбокъ.

— И барыню даже встревожили, — сказала Дуняша, выходя изъ двери, — что лѣзешь на дѣвичье крыльцо не спросимши? Настоящій мужикъ!

Дутловъ, не извиняясь, повторилъ, что барыню нужно видѣть.

— Она нездорова, — сказала Дуняша.

Въ это время Аксютка фыркнула такимъ неприлично-громкимъ смѣхомъ, что опять должна была спрятать голову въ подушки постели, изъ которыхъ она цѣлый часъ, несмотря на угрозы Дуняши и ея тетки, не могла вынуть ее безъ того, чтобы не прыснуть, какъ будто разрывалось что̀ въ ея розовой груди и красныхъ щекахъ. Ей такъ смѣшно казалось, что всѣ перепугались, и она опять прятала голову, будто въ конвульсіяхъ елозила башмакомъ и подпрыгивала всѣмъ тѣломъ.

Дутловъ остановился, посмотрѣлъ на нее внимательно, какъ будто желая дать себѣ отчетъ въ томъ, что такое съ ней происходитъ, но, не разобравъ въ чемъ дѣло, отвернулся и продолжалъ свою рѣчь.

— Значитъ, какъ есть, оченно важное дѣло, — сказалъ онъ, — только скажите, что мужикъ письмо съ деньгами нашелъ.

— Какія деньги?

Дуняша, прежде чѣмъ доложить, прочла адресъ и разспросила Дутлова, гдѣ и какъ онъ нашелъ эти деньги, которыя Ильичъ долженъ былъ привезть изъ города. Разузнавъ все подробно и вытолкнувъ въ сѣни бѣгунью, которая не переставала фыркать, Дуняша пошла къ барынѣ, но, къ удивленію Дутлова, барыня все-таки не приняла его и ничего толкомъ не сказала Дуняшѣ.

— Ничего не знаю и не хочу знать, — сказала барыня: — какой мужикъ и какія деньги. Никого я не могу и не хочу видѣть. Пускай онъ оставитъ меня въ покоѣ.

— Что же я буду дѣлать? — сказалъ Дутловъ, поворачивая конвертъ: — деньги не маленькія. Написано-то что̀ на нихъ? — спросилъ онъ Дуняшу, которая снова прочла ему адресъ.

Дутлову какъ будто все что-то не вѣрилось. Онъ надѣялся, что, можетъ-быть, деньги не барынины и что не такъ прочли ему адресъ. Но Дуняша подтвердила ему еще. Онъ вздохнулъ, положилъ за пазуху конвертъ и готовился выйти.

— Видно, становому отдать, — сказалъ онъ.

— Постой, я еще попытаюсь, скажу, — остановила его Дуняша, внимательно прослѣдивъ за исчезновеніемъ конверта въ пазухѣ мужика. — Дай сюда письмо.

Дутловъ опять досталъ, однако не тотчасъ передалъ его въ протянутую руку Дуняши.

— Скажите, что нашелъ на дорогѣ Дутловъ Семенъ.

— Да дай сюда.

— Я было думалъ такъ письмо, да солдатъ прочелъ, что съ деньгами.

— Да давай же.

— Я и не посмѣлъ домой заходить для того... — опять говорилъ Дутловъ, не разставаясь съ драгоцѣннымъ конвертомъ, — такъ и доложите.

Дуняша взяла конвертъ и еще разъ пошла къ барынѣ.

— Ахъ, Боже мой, Дуняша! — сказала барыня укорительнымъ голосомъ, — не говори мнѣ про эти деньги. Какъ я вспомню только этого малюточку...

— Мужикъ, сударыня, не знаетъ, кому прикажете отдать, — опять сказала Дуняша.

Барыня распечатала конвертъ, вздрогнула, какъ только увидала деньги, и задумалась.

— Страшныя деньги, сколько зла онѣ дѣлаютъ! — сказала она.

— Это Дутловъ, сударыня. Прикажете ему идти или изволите выйти къ нему? Цѣлы ли еще деньги-то? — спросила Дуняша.

— Не хочу я этихъ денегъ. Это ужасныя деньги. Что онѣ надѣлали? Скажи ему, чтобы онъ взялъ ихъ себѣ, коли хочетъ, — сказала вдругъ барыня, отыскивая руку Дуняши. — Да, да, да, — повторила барыня удивленной Дуняшѣ, — пускай совсѣмъ возьметъ себѣ и дѣлаетъ, что хочетъ.

— Полторы тысячи рублей, — замѣтила Дуняша, слегка улыбаясь, какъ съ ребенкомъ.

— Пускай возьметъ всѣ, — нетерпѣливо повторила барыня. — Что ты меня не понимаешь? Эти деньги несчастныя, никогда не говори мнѣ про нихъ. Пускай возьметъ себѣ этотъ мужикъ, что нашелъ. Иди, ну иди же!

Дуняша вышла въ дѣвичью.

— Всѣ ли? — спросилъ Дутловъ.

— Да ужъ самъ сосчитай, — сказала Дуняша, подавая ему конвертъ: — тебѣ велѣно отдать.

Дутловъ положилъ шапку подъ мышку и, перегнувшись, сталъ считать.

— Счетовъ нѣту?

Дутловъ понялъ, что барыня по глупости не умѣетъ считать и велѣла ему это сдѣлать.

— Дома сосчитаешь! Тебѣ... твои деньги! — сказала Дуняша сердито. — Не хочу, говоритъ, ихъ видѣть, отдай тому, кто принесъ.

Дутловъ, не разгибаясь, уставился глазами на Дуняшу.

Тетка Дуняшина такъ и всплеснула руками.

— Матушки родимыя! Вотъ далъ Богъ счастія! Матушки родныя!

Вторая горничная не повѣрила.

— Что вы, Авдотья Николаевна, шутите?

— Вотъ-те шутите! Велѣла отдать мужику... Ну, бери деньги, да и ступай, — сказала Дуняша, не скрывая досады. — Кому горе, а кому счастье.

— Шутка ли, полторы тысячи рублевъ, — сказала тетка.

— Больше, — подтвердила Дуняша. — Ну, свѣчку поставишь десятикопеечную Миколѣ, — говорила Дуняша насмѣшливо. — Что, не опомнишься? И добро бы бѣдному! А то у него и своихъ много.

Дутловъ, наконецъ, понялъ, что это была не шутка, и сталъ собирать и укладывать въ конвертъ деньги, которыя онъ разложилъ было считать; но руки его дрожали, и онъ все взглядывалъ на дѣвушекъ, чтобъ убѣдиться, что это не смѣхъ.

— Вишь, не опомнится, радъ, — сказала Дуняша, показывая, что она все-таки презираетъ и мужика и деньги. — Дай я тебѣ уложу.

И она хотѣла взять. Но Дутловъ не далъ; онъ скомкалъ деньги, засунулъ ихъ еще глубже и взялся за шапку.

— Радъ?

— И не знаю, что сказать! Вотъ точно...

Онъ не договорилъ, только махнулъ рукой, ухмыльнулся, чуть не заплакалъ и вышелъ.

Колокольчикъ зазвонилъ въ комнатѣ барыни.

— Что, отдала?

— Отдала.

— Что же, очень радъ?

— Совсѣмъ какъ сумасшедшій сталъ.

— Ахъ, позови его. Я спрошу у него, какъ онъ нашелъ. Позови сюда, я не могу выйти.

Дуняша выбѣжала и застала мужика въ сѣняхъ. Онъ, не надѣвая шапки, вытянулъ кошель и, перегнувшись, развязывалъ его, а деньги держалъ въ зубахъ. Ему, можетъ-быть, казалось, что, пока деньги не въ кошелѣ, онѣ не его. Когда Дуняша позвала его, онъ испугался.

— Что, Авдотья... Авдотья Миколавна. Али назадъ отобрать хочетъ? Хоть бы вы заступились, ей-Богу, а я медку вамъ принесу.

— То-то! Приносилъ.

Опять отворилась дверь, и повели мужика къ барынѣ. Не весело ему было. «Охъ, потянетъ назадъ», думалъ онъ почему-то, какъ по высокой травѣ поднимая всю ногу и стараясь не стучать лаптями, когда проходилъ по комнатамъ. Онъ ничего не понималъ и не видѣлъ, что было вокругъ него. Онъ проходилъ мимо зеркала, видѣлъ цвѣты какіе-то, мужикъ какой-то въ лаптяхъ ноги задираетъ, баринъ съ глазочкомъ написанъ, какая-то кадушка зеленая и что-то бѣлое... Глядь, заговорило это что-то бѣлое; это барыня. Ничего онъ не разобралъ, только глаза выкачивалъ. Онъ не зналъ, гдѣ онъ, и все представлялось ему въ туманѣ.

— Это ты, Дутловъ?

— Я-съ, сударыня. Какъ было, такъ и не трогалъ, — сказалъ онъ. — Я не радъ, какъ передъ Богомъ. Какъ лошадь замучилъ...

— Ну, твое счастіе, — сказала она съ презрительно-доброю улыбкой. — Возьми, возьми себѣ.

Онъ только таращилъ глаза.

— Я рада, что тебѣ досталось. Дай Богъ, чтобы впрокъ пошло! Что же, ты радъ?

— Какъ не радъ! Ужъ такъ-то радъ, матушка! Все за васъ Бога молить буду. Я ужъ такъ радъ, что слава Богу, что барыня наша жива. Только и вины моей было.

— Какъ же ты нашелъ?

— Значитъ, мы для барыни всегда могли стараться по чести, а не то что...

— Ужъ онъ совсѣмъ запутался, сударыня, — сказала Дуняша.

— Возилъ рекрута племянника, назадъ ѣхалъ, на дорогѣ и нашелъ, Поликей, должно, нечаянно выронилъ.

— Ну, ступай, ступай, голубчикъ. Я рада.

— Такъ радъ, матушка!.. — говорилъ мужикъ.

Потомъ онъ вспомнилъ, что онъ не поблагодарилъ и не умѣлъ обойтись какъ слѣдовало. Барыня и Дуняша улыбались, а онъ опять зашагалъ какъ по травѣ и насилу удерживался, чтобы не побѣжать рысью. А то все казалось ему, вотъ-вотъ еще остановятъ и отнимутъ...

XIV.

Выбравшись на свѣжій воздухъ, Дутловъ отошелъ съ дороги къ липкамъ, даже распоясался, чтобы ловчѣе достать кошель, и сталъ укладывать деньги. Губы его шевелились, вытягиваясь и растягиваясь, хотя онъ и не произносилъ ни одного звука. Уложивъ деньги и подпоясавшись, онъ перекрестился и пошелъ, какъ пьяный, колеся по дорожкѣ, такъ онъ былъ занятъ мыслями, хлынувшими ему въ голову. Вдругъ онъ увидѣлъ передъ собой фигуру мужика, шедшаго ему навстрѣчу. Онъ кликнулъ: это былъ Ефимъ, который, съ дубиной, караульщикомъ ходилъ около флигеля.

— А, дядя Семенъ, — радостно проговорилъ Ефимка, подходя ближе. (Ефимкѣ жутко было одному). — Что, свезли рекрутовъ, дядюшка?

— Свезли. Ты что?

— Да тутъ Ильича удавленнаго караулить поставили.

— А онъ гдѣ?

— Вонъ, на чердакѣ, говорятъ, виситъ, — отвѣчалъ Ефимка, дубиной показывая въ темнотѣ на крышу флигеля.

Дутловъ посмотрѣлъ по направленію руки и, хотя ничего не увидалъ, поморщился, прищурился и покачалъ головой.

— Становой пріѣхалъ, — сказалъ Ефимка, — сказывалъ кучеръ. Сейчасъ снимать будутъ. То-то страсть ночью, дядюшка. Ни за что не пойду ночью, коли велятъ идти наверхъ. Хоть до-смерти убей меня Егоръ Михалычъ, не пойду.

— Грѣхъ-то, грѣхъ-то какой! — повторялъ Дутловъ видимо для приличія, но вовсе не думая о томъ, что говорилъ, и хотѣлъ идти своею дорогой. Но голосъ Егора Михайловича остановилъ его.

— Эй, караульщикъ, поди сюда, — кричалъ Егоръ Михайловичъ съ крыльца.

Ефимка откликнулся.

— Да кто еще тамъ съ тобой мужикъ стоялъ?

— Дутловъ.

— И ты, Семенъ, иди.

Приблизившись, Дутловъ разсмотрѣлъ при свѣтѣ фонаря, который несъ кучеръ, Егора Михайловича и низенькаго чиновника въ фуражкѣ съ кокардой и въ шинели: это былъ становой.

— Вотъ и старикъ съ нами пойдетъ, — сказалъ Егоръ Михайловичъ, увидавъ его.

Старика покоробило, но дѣлать было нечего.

— А ты, Ефимка, парень молодой, бѣги-ка на чердакъ, гдѣ повѣсился, лѣстницу поправить, чтобы ихъ благородію пройти.

Ефимка, ни за что не хотѣвшій подойти къ флигелю, побѣжалъ къ нему, стуча лаптями, какъ бревнами.

Становой высѣкъ огня и закурилъ трубку. Онъ жилъ въ двухъ верстахъ, былъ только что жестоко распеченъ исправникомъ за пьянство и потому теперь былъ въ припадкѣ усердія: пріѣхавъ въ десять часовъ вечера, онъ хотѣлъ немедленно осмотрѣть удавленника. Егоръ Михайловичъ спросилъ Дутлова, зачѣмъ онъ здѣсь. Доро́гой Дутловъ разсказалъ приказчику о найденныхъ деньгахъ и о томъ, что барыня сдѣлала. Дутловъ сказалъ, что онъ пришелъ позволенія Егора Михалыча спросить. Приказчикъ къ ужасу Дутлова потребовалъ конвертъ и посмотрѣлъ его. Становой тоже взялъ конвертъ въ руки и коротко и сухо спросилъ о подробностяхъ.

«Ну, пропали деньги», подумалъ Дутловъ и сталъ уже извиняться. Но становой отдалъ ему деньги.

— Вотъ счастіе сиволапому, — сказалъ онъ.

— Ему на руку, — сказалъ Егоръ Михайловичъ; — онъ только племянника въ ставку свезъ; теперь выкупитъ.

— А! — сказалъ становой и пошелъ впередъ.

— Выкупишь, что-ль, Илюшку-то? — сказалъ Егоръ Михайловичъ.

— Какъ его выкупить-то. Денегъ хватитъ ли? А можъ и не время.

— Какъ знаешь, — сказалъ приказчикъ, и оба пошли за становымъ.

Они подошли къ флигелю, въ сѣняхъ котораго вонючіе караульщики ждали съ фонаремъ. Дутловъ шелъ за ними. Караульщики имѣли виноватый видъ, который могъ относиться развѣ только къ произведенному ими запаху, потому что они ничего дурного не сдѣлали. Всѣ молчали.

— Гдѣ? — спросилъ становой.

— Здѣсь, — шопотомъ сказалъ Егоръ Михайловичъ. — Ефимка, — прибавилъ онъ, — ты малый молодой, пошелъ впередъ съ фонаремъ!

Ефимка ужъ поправилъ наверху половицу и, казалось, потерялъ весь страхъ. Шагая черезъ двѣ и три ступени, онъ съ веселымъ лицомъ полѣзъ впередъ, только оглядываясь и освѣщая фонаремъ дорогу становому. За становымъ шелъ Егоръ Михайловичъ. Когда они скрылись, Дутловъ, поставивъ уже одну ногу на ступеньку, вздохнулъ и остановился. Прошли минуты двѣ, шаги ихъ затихли на чердакѣ: видно, они подошли къ тѣлу.

— Дядя, тебя зоветъ! — крикнулъ Ефимка въ дыру.

Дутловъ полѣзъ. Становой и Егоръ Михайловичъ видны были при свѣтѣ фонаря только верхнею своею частью за балкой; за ними стоялъ еще кто-то спиной. Это былъ Поликей. Дутловъ перелѣзъ черезъ балку и, крестясь, остановился.

— Поверни-ка его, ребята, — сказалъ становой.

Никто не тронулся.

— Ефимка, ты малый молодой, — сказалъ Егоръ Михайловичъ.

Малый молодой, перешагнувъ черезъ балку и, перевернувъ Ильича, сталъ подлѣ, самымъ веселымъ взглядомъ поглядывая то на Ильича, то на начальство, какъ показывающій альбиноску или Юлію Пастрану глядитъ то на публику, то на свою показываемую штуку, готовый исполнить всѣ желанія зрителей.

— Еще поверни.

Ильичъ еще повернулся, замахалъ слегка руками и поволокъ ногой по песку.

— Берись, снимай.

— Отрубить прикажете, Василій Борисовичъ? — сказалъ Егоръ Михайловичъ. — Топоръ подайте, братцы.

Караульщикамъ и Дутлову надо было приказать раза два, чтобъ они приступили. Малый же молодой обращался съ Ильичомъ какъ съ бараньей тушей. Наконецъ отрубили веревку, сняли тѣло и покрыли. Становой сказалъ, что завтра пріѣдетъ лѣкарь, и отпустилъ народъ.

XV

Дутловъ, шевеля губами, пошелъ къ дому. Сначала было ему жутко, но, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ деревнѣ, чувство это проходило, а чувство радости больше и больше проникало ему въ душу. На деревнѣ слышались пѣсни и пьяные голоса. Дутловъ никогда не пилъ и теперь пошелъ прямо домой. Ужъ было поздно, какъ онъ вошелъ въ избу. Старуха его спала. Старшій сынъ и внуки спали на печкѣ, второй сынъ — въ чуланѣ. Одна Илюшкина баба не спала и въ грязной непраздничной рубахѣ, простоволосая, сидѣла на лавкѣ и выла. Она не вышла отворить дядѣ, а только пуще стала выть и приговаривать, какъ только онъ вошелъ въ избу. По мнѣнію старухи, она причитала очень складно и хорошо, несмотря на то, что по молодости своей не могла еще имѣть практики.

Старуха встала и собрала ужинать мужу. Дутловъ прогналъ Илюшкину бабу отъ стола. «Буде, буде!» сказалъ онъ. Аксинья встала и, прилегши на лавку, не переставала выть. Старуха молча набрала на столъ и потомъ убрала. Старикъ тоже не сказалъ ни одного слова. Помолившись Богу, онъ рыгнулъ, умылъ руки и, захвативъ съ гвоздя счеты, пошелъ въ чуланъ. Тамъ сначала онъ пошепталъ со старухой, потомъ старуха вышла, а онъ сталъ щелкать счетами, наконецъ стукнулъ крышкой сундука и полѣзъ въ подполье. Долго возился онъ въ чуланѣ и въ подпольѣ. Когда онъ вошелъ, въ избѣ уже было темно, лучина не горѣла. Старуха, днемъ обыкновенно тихая и неслышная, уже завалилась на полати и храпѣла на всю избу. Шумливая Илюшкина баба тоже спала и неслышно дышала. Она спала на лавкѣ, не раздѣвшись, какъ была, и ничего не подостлавъ подъ голову. Дутловъ сталъ молиться, потомъ посмотрѣлъ на Илюшкину бабу, покачалъ головой, потушилъ лучину, еще рыгнулъ, полѣзъ на печку и легъ рядомъ съ мальчикомъ-внучкомъ. Въ темнотѣ покидалъ онъ сверху лапти и легъ на спину, глядя на переметъ надъ печкой, чуть виднѣвшійся надъ его головой, и прислушиваясь къ тараканамъ, шуршавшимъ по стѣнѣ, ко вздохамъ, храпѣнью, чесанью нога объ ногу и къ звукамъ скотины на дворѣ. Ему долго не спалось; взошелъ мѣсяцъ, свѣтлѣе стало въ избѣ, ему видно стало въ углу Аксинью и что-то, чего онъ разобрать не могъ: армякъ ли сынъ забылъ, или кадушку бабы поставили, или стоитъ кто-то. Задремалъ онъ или нѣтъ, но только онъ сталъ опять вглядываться... Видно, тотъ мрачный духъ, который навелъ Ильича на страшное дѣло и котораго близость чувствовали дворовые въ эту ночь, видно, этотъ духъ досталъ крыломъ и до деревни, до избы Дутлова, гдѣ лежали тѣ деньги, которыя *онъ* употребилъ на пагубу Ильича. По крайней мѣрѣ, Дутловъ чувствовалъ *его* тутъ, и Дутлову было не по себѣ. Ни спать ни встать. Увидѣвъ что-то, чего не могъ онъ опредѣлить, онъ вспомнилъ Илюху со связанными руками, вспомнилъ лицо Аксиньи и ея складное причитанье, вспомнилъ Ильича съ качающимися кистями рукъ. Вдругъ старику показалось, что кто-то прошелъ мимо окна. «Что это, или ужъ староста повѣщать идетъ?» подумалъ онъ. «Какъ это онъ отперъ? — подумалъ старикъ, слыша шаги въ сѣняхъ: —

или старуха не заложила, какъ выходила въ сѣнцы?» Собака завыла на задворкѣ, а *онъ* шелъ по сѣнямъ, какъ потомъ разсказывалъ старикъ, какъ будто искалъ двери, прошелъ мимо, сталъ опять ощупывать по стѣнѣ, споткнулся на кадушку, и она загремѣла. И опять *онъ* сталъ ощупывать, точно скобку искалъ. Вотъ взялся за скобку. У старика дрожь пробѣжала по тѣлу. Вотъ дернулъ за скобку и вошелъ въ человѣческомъ образѣ. Дутловъ зналъ уже, что это былъ *онъ*. Онъ хотѣлъ сотворить крестъ, но не могъ. *Онъ* подошелъ къ столу, на которомъ лежала скатерть, сдернулъ ее, бросилъ на полъ и полѣзъ на печь. Старикъ узналъ, что *онъ* былъ въ Ильичовомъ образѣ. *Онъ* оскалялся, руки болтались. *Онъ* взлѣзъ на печку, навалился прямо на старика и началъ душить.

— Мои деньги, — выговорилъ Ильичъ.

— Отпусти, не буду, — хотѣлъ и не могъ сказать Семенъ.

Ильичъ душилъ его всею тяжестью каменной горы, напирая ему на грудь. Дутловъ зналъ, что ежели онъ прочтетъ молитву, *онъ* отпуститъ его, и зналъ, какую надо прочесть молитву, но молитва эта не выговаривалась. Внукъ спалъ рядомъ съ нимъ. Мальчикъ закричалъ пронзительно и заплакалъ: дѣдъ придавилъ его къ стѣнѣ. Крикъ ребенка освободилъ уста старика. «Да воскреснетъ Богъ», проговорилъ Дутловъ. *Онъ* отпустилъ немного. «И расточатся врази...» шамкалъ Дутловъ. *Онъ* сошелъ съ печки. Дутловъ слышалъ, какъ стукнулъ онъ обѣими ногами объ полъ. Дутловъ все читалъ молитвы, которыя были ему извѣстны, читалъ всѣ подъ рядъ. *Онъ* пошелъ къ двери, миновалъ столъ и такъ стукнулъ дверью, что изба задрожала. Всѣ спали, однако кромѣ дѣда и внука. Дѣдъ читалъ молитвы и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а внукъ плакалъ, засыпая, и жался къ дѣду. Все опять затихло. Дѣдъ лежалъ не двигаясь. Пѣтухъ прокричалъ за стѣной подъ ухомъ Дутлова. Онъ слышалъ, какъ куры зашевелились, какъ молодой пѣтушокъ попробовалъ закричать вслѣдъ за старымъ и не сумѣлъ. Что-то зашевелилось по ногамъ старика. Это была кошка: она спрыгнула на мягкія лапки съ печки наземь и стала мяукать у двери. Дѣдъ всталъ, поднялъ окно; на улицѣ было темно, грязно; передокъ стоялъ тутъ же подъ окномъ. Онъ босикомъ, крестясь, вышелъ на дворъ къ лошадямъ: и тутъ было видно, что *хозяинъ* приходилъ. Кобыла, стоявшая подъ навѣсомъ у обрѣза, запуталась ногой въ поводъ, просыпала мякину и, поднявъ ногу, закрутивъ голову, ожидала хозяина. Жеребенокъ завалился въ навозъ. Дѣдъ поднялъ его на ноги, распуталъ кобылу, заложилъ корму и пошелъ въ избу. Старуха поднялась и зажгла лучину. «Буди ребятъ, — сказалъ онъ, — въ городъ поѣду», и, зажегши восковую свѣчку отъ образовъ, полѣзъ съ ней въ подполье. Ужъ не у одного Дутлова, а у всѣхъ сосѣдей зажглись огни, когда онъ вышелъ оттуда. Ребята встали и уже сбирались. Бабы входили и выходили съ ведрами и шайками молока. Игнатъ запрягалъ телѣгу. Второй сынъ мазалъ другую. Молодайка уже не выла, но, убравшись и повязавшись платкомъ, сидѣла въ избѣ на лавкѣ, ожидая времени ѣхать въ городъ проститься съ мужемъ.

Старикъ казался въ особенности строгъ. Никому онъ не сказалъ ни одного слова, надѣлъ новый кафтанъ, подпоясался и со всѣми Ильичовыми деньгами за пазухой пошелъ къ Егору Михайловичу.

— Ты у меня копайся! — крикнулъ онъ на Игната, вертѣвшаго колеса на поднятой и смазанной оси. — Сейчасъ приду. Чтобъ готово было!

Приказчикъ, только что вставъ, пилъ чай и самъ собирался въ городъ ставить рекрутъ.

— Что ты? — спросилъ онъ.

— Я, Егоръ Михалычъ, малаго выкупить хочу. Ужъ сдѣлайте милость. Вы намедни говорили, что въ городѣ охотника знаете. Научите: наше дѣло темное.

— Что-жъ, передумалъ?

— Передумалъ, Егоръ Михалычъ: жалко, братнинъ сынъ. Какой ни на есть, все жалко. Грѣха отъ нихъ много, отъ денегъ отъ этихъ. Ужъ сдѣлай милость — научи, — говорилъ онъ, кланяясь въ поясъ.

Егоръ Михайловичъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, глубокомысленно и молча чмокалъ долго губами и, обсудивъ дѣло, написалъ двѣ записки и разсказалъ, что̀ и какъ надобно дѣлать въ городѣ.

Когда Дутловъ вернулся домой, молодайка уже уѣхала съ Игнатомъ, и чалая брюхастая кобыла, совсѣмъ запряженная, стояла подъ воротами. Онъ выломилъ хворостину изъ забора; запахнувшись, усѣлся въ ящикъ и погналъ лошадь. Дутловъ гналъ кобылу такъ шибко, что у ней сразу пропало все брюхо, и Дутловъ уже не глядѣлъ на нее, чтобы не разжалобиться. Его мучила мысль, что онъ опоздаетъ какъ-нибудь къ ставкѣ, что Илюха пойдетъ въ солдаты, и чортовы деньги останутся у него на рукахъ.

Не стану подробно описывать всѣхъ похожденій Дутлова въ это утро; скажу только, что ему особенно посчастливилось. У хозяина, которому Егоръ Михайловичъ далъ записку, былъ совсѣмъ готовый охотникъ, прожившій уже двадцать три цѣлковыхъ и уже одобренный въ палатѣ. Хозяинъ хотѣлъ взять за него четыреста, а покупщикъ, мѣщанинъ, ходившій уже третью недѣлю, все просилъ уступить за триста. Дутловъ кончилъ дѣло съ двухъ словъ. «Триста съ четвертною возьмешь?» сказалъ онъ, протягивая руку, но съ такимъ выраженіемъ, что сейчасъ же было видно, что онъ готовъ еще надбавить. Хозяинъ оттягивалъ руку и продолжалъ просить четыреста. «Не возьмешь съ четвертной?» повторилъ Дутловъ, схватывая лѣвою рукой правую руку хозяина и угрожая хлопнуть по ней своею правой. «Не возьмешь? Ну, Богъ съ тобой!» вдругъ проговорилъ онъ, ударивъ по рукѣ хозяина и съ размаху повернувшись отъ него всѣмъ тѣломъ. «Видно такъ и быть! Бери съ полсотней. Выправляй фитанецъ. Веди малаго-то. А теперь на задатку. Двѣ красненькихъ будетъ, что-ль?»

И Дутловъ распоясывался и доставалъ деньги.

Хозяинъ хотя и не отнималъ руки, но все еще какъ будто бы не совсѣмъ соглашался и, не принимая задатка, выговаривалъ могарычи и угощеніе охотнику.

— Не грѣши, — повторилъ Дутловъ, суя ему деньги, — умирать будемъ, — повторялъ онъ такимъ кроткимъ, поучительнымъ и увѣреннымъ тономъ, что хозяинъ сказалъ:

— Нечего дѣлать, — еще разъ ударилъ по рукѣ и сталъ молиться Богу. — Дай Богъ часъ, — сказалъ онъ.

Разбудили охотника, который спалъ еще со вчерашняго перепоя, для чего-то осмотрѣли его и пошли всѣ въ правленіе. Охотникъ былъ веселъ, требовалъ опохмелиться рому, на который далъ ему денегъ Дутловъ, и заробѣлъ только въ ту минуту, когда они стали входить въ сѣни присутствія. Долго стояли тутъ въ сѣняхъ старикъ-хозяинъ въ синей сибиркѣ и охотникъ въ коротенькомъ полушубкѣ, съ поднятыми бровями и вытаращенными глазами; долго они тутъ перешептывались, куда-то просились, кого-то искали, зачѣмъ-то передъ всякимъ писцомъ снимали шапки и кланялись и глубокомысленно выслушивали рѣшеніе, вынесенное знакомымъ хозяину писцомъ. Уже всякая надежда окончить дѣло нынче была оставлена, и охотникъ начиналъ было опять становиться веселѣе и развязнѣе, какъ Дутловъ увидалъ Егора Михайловича, тотчасъ же вцѣпился въ него и началъ просить и кланяться. Егоръ Михайловичъ помогъ такъ хорошо, что часу въ третьемъ охотника, къ великому его неудовольствію и удивленію, ввели въ присутствіе, поставили въ ставку и съ общею почему-то веселостью, начиная отъ сторожей до предсѣдателя, раздѣли, обрили, одѣли и выпустили за двери, и черезъ пять минутъ Дутловъ отсчиталъ деньги, получилъ квитанцію и, простившись съ хозяиномъ и охотникомъ, пошелъ на квартиру къ купцу, гдѣ стояли рекруты изъ Покровскаго. Илья съ молодайкой сидѣли въ углу купцовой кухни и, какъ только вошелъ старикъ, они перестали говорить и уставились на него съ покорнымъ и недоброжелательнымъ выраженіемъ. Какъ всегда, старикъ помолился Богу, распоясался, досталъ какую-то бумагу и позвалъ въ избу старшаго сына Игната и Илюшкину мать.

— Ты не грѣши, Илюха, — сказалъ онъ, подходя къ племяннику. — Вечоръ ты мнѣ такое слово сказалъ... Развѣ я тебя не жалѣю? Я помню, какъ мнѣ тебя братъ приказывалъ. Кабы была моя сила, развѣ я тебя бы отдалъ? Богъ далъ счастія, я не пожалѣлъ. Вотъ она бумага-то, — сказалъ онъ, кладя квитанцію на столъ и бережно расправляя ее кривыми, неразгибающимися пальцами.

Въ избу вошли со двора всѣ покровскіе мужики, купцовы работники и даже посторонній народъ. Всѣ догадывались, въ чемъ дѣло, но никто не прерывалъ торжественной рѣчи старика.

— Вотъ она бумажка-то! Четыреста цѣлковыхъ отдалъ. Не кори дядю.

Илюха всталъ, но молчалъ, не зная, что̀ сказать. Губы его вздрагивали отъ волненія; старуха мать подошла было къ нему, всхлипывая, и хотѣла броситься ему на шею, но старикъ медленно и повелительно отвелъ ее рукой и продолжалъ говорить:

— Ты мнѣ вчера одно слово сказалъ, — повторилъ еще разъ старикъ, — ты меня этимъ словомъ какъ ножомъ въ сердце пырнулъ. Твой отецъ мнѣ тебя умираючи приказывалъ, ты мнѣ замѣсто сына родного былъ, а коли я тебя чѣмъ обидѣлъ, всѣ мы въ грѣхѣ живемъ. Такъ ли, православные? — обратился онъ къ стоявшимъ вокругъ мужикамъ. — Вотъ и матушка твоя родная тутъ, и хозяйка молодая, вотъ вамъ фитанецъ. Богъ съ ними съ деньгами! А меня простите, Христа ради!

И онъ, заворотивъ полу армяка, медленно опустился на колѣни и поклонился въ ноги Илюшкѣ и его хозяйкѣ. Напрасно удерживали его молодые: не прежде, какъ дотронувшись головой до земли, онъ всталъ и, отряхнувшись, сѣлъ на лавку. Илюшкина мать и молодайка выли отъ радости: въ толпѣ слышались голоса одобренія. «По правдѣ, по Божьему, такъ-то», говорилъ одинъ. «Что деньги? За деньги малаго не купишь», говорилъ другой. «Радость-то какая, — говорилъ третій, — справедливый человѣкъ, одно слово». Только мужики, назначенные въ рекруты, ничего не говорили и неслышно вышли на дворъ.

Черезъ два часа двѣ телѣги Дутловыхъ выѣзжали изъ предмѣстья города. Въ первой, запряженной чалою кобылой, съ подведеннымъ животомъ и потною шеей, сидѣли старикъ и Игнатъ. Въ задкѣ тряслись связки, котелокъ и калачи. Во второй телѣгѣ, которою никто не правилъ, степенно и счастливо сидѣли молодайка съ свекровью, обвязанныя платочками. Молодайка держала подъ занавѣской штофчикъ. Илюшка, скорчившись задомъ къ лошади, съ раскраснѣвшимся лицомъ, трясся на передкѣ, закусывая калачомъ и не переставая разговаривать. И голоса, и громъ телѣгъ по мостовой, и пофыркиванье лошадей, — все сливалось въ одинъ веселый звукъ. Лошади, помахивая хвостами, все прибавляли рыси, чуя направленіе къ дому. Прохожіе и проѣзжіе невольно оглядывались на веселую семью.

На самомъ выѣздѣ изъ города Дутловы стали обгонять партію рекрутъ. Группа рекрутъ стояла кружкомъ около питейнаго дома. Одинъ рекрутъ съ тѣмъ неестественнымъ выраженіемъ, которое даетъ человѣку бритый лобъ, сдвинувъ на затылокъ сѣрую фуражку, бойко трепалъ въ балалайку; другой, безъ шапки, со штофомъ водки въ одной рукѣ, плясалъ въ серединѣ кружка. Игнатъ остановилъ лошадь и слѣзъ, чтобы закрутить тяжъ. Всѣ Дутловы стали смотрѣть съ любопытствомъ, одобреніемъ и веселостью на плясавшаго человѣка. Рекрутъ, казалось, не видалъ никого, но чувствовалъ, что дивившаяся на него публика все увеличивалась, и это придавало ему силы и ловкости. Рекрутъ плясалъ бойко. Брови его были нахмурены, румяное лицо его было неподвижно, ротъ остановился на улыбкѣ, уже давно потерявшей выраженіе. Казалось, всѣ силы души его были направлены на то, чтобы какъ можно быстрѣе становить, одну ногу за другою то на каблукъ, то на носокъ. Иногда онъ вдругъ останавливался, подмигивалъ балалаечнику, и тотъ еще бойчѣе начиналъ дребезжать всѣми струнами и даже постукивать по крышкѣ костяшками пальцевъ. Рекрутъ останавливался, но, и оставаясь неподвижнымъ, онъ все, казалось, плясалъ. Вдругъ онъ начиналъ медленно двигаться, потряхивая плечами, и вдругъ взвивался кверху, съ разлету садился на корточки и съ дикимъ визгомъ пускался въ присядку. Мальчишки смѣялись, женщины покачивали головой, мужчины одобрительно улыбались. Старый унтеръ-офицеръ спокойно стоялъ подлѣ пляшущаго съ видомъ, говорившимъ: «Вамъ это въ диковинку, а намъ ужъ все это коротко знакомо». Балалаечникъ, видимо, усталъ, лѣниво оглянулся, сдѣлавъ какой-то фальшивый аккордъ, вдругъ стукнулъ пальцами о крышку, и пляска кончилась.

— Эй, Алеха! — сказалъ балалаечникъ плясавшему, указывая на Дутлова, — вонъ крестный-то!

— Гдѣ? Другъ ты мой любезный! — закричалъ Алеха, тотъ самый рекрутъ, котораго купилъ Дутловъ, и усталыми ногами падая напередъ и поднимая надъ головой штофъ водки, подвинулся къ телѣгѣ. — Мишка, стаканъ! — закричалъ онъ. — Хозяинъ! другъ ты мой любезный! Вотъ радость-то, право... — вскричалъ онъ, заваливаясь пьяною головой въ телѣгу, и началъ угощать мужиковъ и бабъ водкой. Мужики выпили, бабы отказывались. — Родные вы мои, чѣмъ мнѣ васъ одарить? — восклицалъ Алеха, обнимая старухъ.

Торговка съ закусками стояла въ толпѣ, Алеха увидалъ ее, выхватилъ у ней лотокъ и весь высыпалъ въ телѣгу.

— Небось, заплачу-у-у, чортъ, — завопилъ онъ плачущимъ голосомъ и тутъ же, вытащивъ изъ шароваръ кисетъ съ деньгами, бросилъ его Мишкѣ.

Онъ стоялъ, облокотившись на телѣгу, и влажными глазами смотрѣлъ на сидѣвшихъ въ ней.

— Матушка-то которая? — спросилъ онъ. — Ты, что-ль? И ей пожертвую.

Онъ задумался на мгновеніе и полѣзъ въ карманъ, досталъ новый сложенный платокъ, полотенце, которымъ онъ былъ подпоясанъ подъ шинелью, торопливо снялъ съ шеи красный платокъ, скомкалъ все и сунулъ въ колѣни старухѣ.

— На тебѣ, жертвую, — сказалъ онъ голосомъ, который становился все тише и тише.

— Зачѣмъ? Спасибо, родной! Вишь, прòстый малый какой, — говорила старуха, обращаясь къ старику Дутлову, подошедшему къ ихъ телѣгѣ.

Алеха совсѣмъ замолкъ и, осоловѣлый, какъ будто засыпая, поникалъ все ниже и ниже головой.

— За васъ иду, за васъ погибаю! — проговорилъ онъ. — За то васъ и дарю.

— Я чай, тоже матушка есть, — сказалъ кто-то изъ толпы. — Прòстый малый какой! бѣда!

Алеха поднялъ голову.

— Матушка есть, — сказалъ онъ. — Батюшка родимый есть. Всѣ меня отрѣшились. Слушай ты, старая, — прибавилъ онъ, хватая Илюшкину старуху за руку. — Я тебя одарилъ. Послушай ты меня, ради Христа. Ступай ты въ село Водное, спроси ты тамъ старуху Никонову, она самая моя матушка родимая, чуешь, и скажи ты старухѣ этой самой, Никоновой старухѣ, съ краю третья изба, колодезь новый... скажи ты ей, что Алеха, сынъ твой... значитъ... Музыкантъ! Валяй! — крикнулъ онъ.

И опять сталъ плясать, приговаривая; и швырнулъ объ землю штофъ съ оставшеюся водкой.

Игнатъ взлѣзъ на телѣгу и хотѣлъ тронуть.

— Прощай, дай Богъ тебѣ!.. — проговорила старуха, запахивая шубу.

Алеха вдругъ остановился.

— Поѣзжайте вы къ дьяволу! — закричалъ онъ, угрожая стиснутыми кулаками. — Чтобъ твоей матери!...

— Охъ, Господи! — проговорила, крестясь, Илюшкина мать.

Игнатъ тронулъ кобылу, и телѣги снова застучали. Алексѣй-рекрутъ стоялъ посрединѣ дороги и, стиснувъ кулаки, съ выраженіемъ ярости на лицѣ, ругалъ мужиковъ, что было мочи.

— Что стали? Пошелъ! Дьяволъ, людоѣды! — кричалъ онъ. — Не уйдешь моей руки! Черти! Лапотники!..

Съ этимъ словомъ голосъ его оборвался, и онъ, какъ стоялъ, со всѣхъ ногъ ударился оземь.

Скоро Дутловы выѣхали въ поле и, оглядываясь, уже не видали толпы рекрутъ. Проѣхавъ верстъ пять шагомъ, Игнатъ слѣзъ съ отцовской телѣги, на которой заснулъ старикъ, и пошелъ рядомъ съ Илюшкиной.

Вдвоемъ выпили они штофчикъ, взятый изъ города. Немного погодя, Илья запѣлъ пѣсню, бабы подтянули ему, Игнатъ весело покрикивалъ на лошадь въ ладъ пѣсни. Быстро навстрѣчу промчалась веселая перекладная. Ямщикъ бойко крикнулъ на лошадей, поравнявшись съ двумя веселыми телѣгами; почтальонъ оглянулся и подмигнулъ на красныя лица мужиковъ и бабъ, съ веселою пѣсней трясшихся въ телѣгѣ.

ХОЛСТОМѢРЪ

Исторія лошади

Посвящается памяти М. А. Стаховича[1].

(1861 г.)

I

Все выше и выше поднималось небо, шире расплывалась заря, бѣлѣе становилось матовое серебро росы, безжизненнѣе становился серпъ мѣсяца, звучнѣе лѣсъ... Люди начали подниматься, и на барскомъ конномъ дворѣ чаще и чаще слышалось фырканье, возня по соломѣ и даже сердитое визгливое ржанье столпившихся и повздорившихъ за что-то лошадей.

— Ноо! успѣешь, проголодалась! — сказалъ старый табунщикъ, быстро отворяя скрипящія ворота. — Куда? — крикнулъ онъ замахиваясь на кобылку, которая сунулась было въ ворота.

Табунщикъ Нестеръ былъ одѣтъ въ казакинъ, подпоясанный ремнемъ съ наборомъ, кнутъ у него былъ захлестнутъ черезъ плечо, и хлѣбъ въ полотенцѣ былъ за поясомъ. Въ рукахъ онъ несъ сѣдло и уздечку.

---

[1] Сюжетъ этотъ былъ задуманъ М. А. Стаховичемъ, авторомъ «Ночного» и «Наѣздники», и переданъ автору А. А. Стаховичемъ.

Лошади нисколько не испугались и не оскорбились насмѣшливымъ тономъ табунщика, онѣ сдѣлали видъ, что имъ все равно, и неторопливо отошли отъ воротъ, только одна старая караковая гривастая кобыла приложила ухо и быстро повернулась задомъ. При этомъ случаѣ молодая кобылка, стоявшая сзади и до которой это вовсе не касалось, взвизгнула и поддала задомъ первой попавшейся лошади.

— Но! — еще громче и грознѣе закричалъ табунщикъ и направился въ уголъ двора.

Изъ всѣхъ лошадей, находившихся на варкѣ (ихъ было около сотни), меньше всѣхъ нетерпѣнія показывалъ пѣгій меринъ, стоявшій одиноко въ углу подъ навѣсомъ и, прищуривъ глаза, лизавшій дубовую соху сарая.

Неизвѣстно, какой вкусъ находилъ въ этомъ пѣгій меринъ, но выраженіе его было серьезно и задумчиво, когда онъ это дѣлалъ.

— Бàлуй! — опять тѣмъ же тономъ обратился къ нему табунщикъ, подходя къ нему и кладя на навозъ подлѣ него сѣдло и залоснившійся потникъ.

Пѣгій меринъ пересталъ лизать и, не шевелясь, долго смотрѣлъ на Нестера. Онъ не засмѣялся, не разсердился, не нахмурился, а понесъ только всѣмъ животомъ и тяжело-тяжело вздохнулъ и отвернулся. Табунщикъ обнялъ его шею и надѣлъ уздечку.

— Что вздыхаешь? — сказалъ Нестеръ.

Меринъ взмахнулъ хвостомъ, какъ будто говоря: «такъ, ничего, Нестеръ». Нестеръ положилъ на него потникъ и сѣдло, при чемъ меринъ приложилъ уши, выражая, должно-быть, свое неудовольствіе, но его только выбранили за это «дрянью» и стали стягивать подпруги.

При этомъ меринъ надулся, но ему всунули палецъ въ ротъ и ударили колѣномъ въ животъ, такъ что онъ долженъ былъ выпустить духъ. Несмотря на то, когда зубомъ подтягивали трокъ, онъ еще разъ приложилъ уши и даже оглянулся. Хотя онъ зналъ, что это не поможетъ, онъ все-таки считалъ нужнымъ выразить, что ему это непріятно и что онъ всегда будетъ показывать это. Когда онъ былъ осѣдланъ, онъ отставилъ оплывшую правую ногу и сталъ жевать удила, тоже по какимъ-то особеннымъ соображеніямъ, потому что пора ему было знать, что въ удилахъ не можетъ быть никакого вкуса.

Нестеръ по короткому стремени взлѣзъ на мерина, размоталъ кнутъ, выпросталъ изъ-подъ колѣна казакинъ, усѣлся на сѣдлѣ особенной, кучерской, охотничьей, табунщичьей посадкой и дернулъ за поводья. Меринъ поднялъ голову, изъявляя готовность идти, куда прикажутъ, но не тронулся съ мѣста. Онъ зналъ, что, прежде чѣмъ ѣхать, много еще будутъ кричать, сидя на немъ, приказывать другому табунщику Васькѣ и лошадямъ. Дѣйствительно, Нестеръ сталъ кричать: «Васька! а Васька! матокъ выпустилъ, что-ль? Куда ты, лѣшій! Ноо! Аль спишь... Отворяй! пущай напередъ матки пройдутъ», и т. д.

Ворота заскрипѣли. Васька сердитый и заспанный, держа лошадь въ поводу, стоялъ у вереи и пропускалъ лошадей. Лошади одна за другой, осторожно ступая по соломѣ и обнюхивая ее, стали проходить: молодыя кобылки, стригуны, сосунчики и тяжелыя матки, осторожно, по одной, въ воротахъ пронося свои утробы. Молодыя кобылки тѣснились иногда по двѣ, по три, кладя другъ другу головы черезъ спины, и торопились ногами въ воротахъ, за что всякій разъ получали бранныя слова отъ табунщиковъ. Сосунчики бросались къ ногамъ иногда чужихъ матокъ и звонко ржали, отзываясь на короткое гоготанье матокъ.

Молодая кобылка-шалунья, какъ только выбралась за ворота, загнула внизъ и на бокъ голову, взнесла задомъ и взвизгнула, но все-таки не посмѣла забѣжать впередъ сѣрой, старой, осыпанной гречкою Жулдыбы, которая тихимъ, тяжелымъ шагомъ, съ боку на бокъ переваливая брюхо, степенно шла, какъ всегда, впереди всѣхъ лошадей.

За нѣсколько минутъ столь оживленный варокъ печально опустѣлъ, грустно торчали столбы подъ пустымъ навѣсомъ и виднѣлась одна измятая, унавоженная солома. Какъ ни привычна была эта картина опустѣнія пѣгому мерину, она, должно-быть, грустно подѣйствовала на него. Онъ медленно, какъ бы кланяясь, опустилъ и поднялъ голову, вздохнулъ, насколько ему позволялъ стянутый трокъ, и, ковыляя своими погнутыми, нерасходившимися ногами, побрелъ за табуномъ, унося на своей костлявой спинѣ стараго Нестера.

«Знаю теперь: какъ выѣдемъ на дорогу, онъ станетъ высѣкать огонь и закуритъ свою деревянную трубочку въ мѣдной оправѣ и съ цѣпочкой, — думалъ меринъ. — Я радъ этому, потому что рано поутру съ росой мнѣ пріятенъ этотъ запахъ и напоминаетъ много пріятнаго; досадно только, что съ трубочкой въ зубахъ старикъ всегда раскуражится, что-то вообразитъ о себѣ и сядетъ бокомъ, непремѣнно бокомъ; а мнѣ больно съ этой стороны. Впрочемъ, Богъ съ нимъ, мнѣ не новость страдать для удовольствія другихъ; я даже сталъ ужъ находить какое-то лошадиное удовольствіе въ этомъ. Пускай его хорохорится, бѣднякъ. Вѣдь только и храбриться ему одному, пока его никто не видитъ; пускай сидитъ бокомъ», разсуждалъ меринъ и, осторожно ступая покоробленными ногами, шелъ посрединѣ дороги.

II

Пригнавъ табунъ къ рѣкѣ, около которой должны были пастись лошади, Нестеръ слѣзъ и разсѣдлалъ. Табунъ между тѣмъ уже медленно сталъ разбираться по несбитому еще лугу, покрытому росой и паромъ, поднимавшимся одинаково отъ луга и отъ огибавшей его рѣки.

Снявъ уздечку съ пѣгаго мерина, Нестеръ почесалъ его подъ шеей, въ отвѣтъ на что меринъ, въ знакъ благодарности и удовольствія, закрылъ глаза. — Любитъ, старый песъ! — проговорилъ Нестеръ. Меринъ же нисколько не любилъ этого чесанья и только изъ деликатности притворялся, что оно ему пріятно; онъ помоталъ головой въ знакъ согласія. Но вдругъ, совершенно неожиданно и безъ всякой причины, Нестеръ, предполагая, можетъ-быть, что слишкомъ большая фамильярность можетъ дать ложныя о своемъ значеніи мысли пѣгому мерину, Нестеръ, безъ всякаго приготовленія, оттолкнулъ отъ себя голову мерина и, замахнувшись уздой, очень больно ударилъ мерина пряжкой узды по сухой ногѣ и, ничего не говоря, пошелъ на бугорокъ къ пню, около котораго онъ сиживалъ обыкновенно.

Поступокъ этотъ хотя и огорчилъ пѣгаго мерина, онъ не показалъ никакого вида и, медленно помахивая вылѣзшимъ хвостомъ и принюхиваясь къ чему-то, только для разсѣянія пощипывая траву, пошелъ къ рѣкѣ. Не обращая никакого вниманія на то, что выдѣлывали вокругъ него обрадованные утромъ молодые кобылки, стригунки и сосунчики, и зная, что здоровѣе всего, особенно въ его лѣта, прежде напиться хорошенько натощакъ, а потомъ ужъ ѣсть, онъ выбралъ, гдѣ поотложе и просторнѣе берегъ, и, моча копыта и щетку ногъ, всунулъ храпъ въ воду и сталъ сосать воду сквозь свои прорванныя губы, поводить наполнявшимися боками и отъ удовольствія помахивать своимъ жидкимъ, пѣгимъ хвостомъ съ оголенною репицей.

Бурая кобылка, забіяка, всегда дразнившая старика и дѣлавшая ему всякія непріятности, и тутъ по водѣ подошла къ нему, какъ будто по своей надобности, но только съ тѣмъ, чтобы намутить ему воду передъ носомъ. Но пѣгій ужъ напился и, какъ будто не замѣчая умысла бурой кобылки, спокойно вытащилъ одну за другой свои увязшія ноги, встряхнулъ головой и, отойдя въ сторону отъ молодежи, принялся ѣсть. На различныя манеры отставляя ноги и не топча лишней травы, онъ, почти не разгибаясь, ѣлъ ровно три часа. Наѣвшись такъ, что брюхо у него повисло какъ мѣшокъ на худыхъ крутыхъ ребрахъ, онъ установился ровно на всѣхъ четырехъ больныхъ ногахъ такъ, чтобы было какъ можно менѣе больно, особенно правой передней ногѣ, которая была слабѣе всѣхъ, и заснулъ.

Бываетъ старость величественная, бываетъ гадкая, бываетъ жалкая старость. Бываетъ и гадкая и величественная вмѣстѣ. Старость пѣгаго мерина была именно такого рода.

Меринъ былъ роста большого — не менѣе 2-хъ аршинъ 3-хъ вершковъ. Мастью онъ былъ вороно-пѣгій; такимъ онъ былъ, но теперь вороныя пятна стали грязно-бураго цвѣта. Пѣжина его составлялась изъ трехъ пятенъ: одно на головѣ съ кривой, съ боку носа, лысиной, и до половины шеи. Длинная и засоренная репьями грива была гдѣ бѣлая, гдѣ буроватая. Другое пятно шло вдоль бока праваго и до половины живота; третье пятно — на крупѣ, захватывая часть хвоста и до половины ляжекъ. Остатокъ хвоста былъ бѣлесоватый, пестрый. Большая костлявая голова съ глубокими впадинами надъ глазами и отвисшей, разорванной когда-то черной губой тяжело и низко висѣла на выгнутой отъ худобы, какъ будто деревянной, шеѣ. Изъ-за отвисшей губы видны были прикушенный на сторону черноватый языкъ и желтые остатки съѣденныхъ нижнихъ зубовъ. Уши, изъ которыхъ одно было разрѣзано, опускались низко по бокамъ, и изрѣдка только лѣниво поводились, чтобы спугивать липшихъ мухъ. Одинъ клокъ, еще длинный, отъ чолки висѣлъ сзади за ухомъ; открытый лобъ былъ углубленъ и шершавъ; на просторныхъ салазкахъ мѣшками висѣла кожа. На шеѣ и головѣ жилы связались узлами, вздрагивавшими и дрожавшими при каждомъ прикосновенiи мухи. Выраженiе лица было строго-терпѣливое, глубокомысленное и страдальческое.

Переднія ноги его были дугой согнуты въ колѣняхъ, на обоихъ копытахъ были наплывы, и на одной, на которой пѣжина доходила до половины ноги, около колѣна была въ кулакъ большая шишка. Заднія ноги были свѣжѣе, но стерты на ляжкахъ, видимо, давно, и шерсть уже не зарастала на этихъ мѣстахъ. Всѣ ноги казались несоразмѣрно длинны по худобѣ стана. Ребра, хотя и крутыя, были такъ открыты и обтянуты, что шкура, казалось, присохла къ лощинкамъ между ними. Холка и спина были испещрены старыми побоями, а сзади была еще свѣжая опухшая и гноящаяся болячка; черная репица хвоста съ обозначавшимися на ней позвонками торчала длинная и почти голая. На буромъ крупѣ, около хвоста, была заросшая бѣлыми волосами въ ладонь рана, въ родѣ укуса. Другая рана-рубецъ видна была въ передней лопаткѣ. Заднія колѣнки и хвостъ были нечисты отъ постояннаго разстройства желудка. Шерсть по всему тѣлу, хотя и короткая, стояла торчкомъ. Но, несмотря на отвратительную старость этой лошади, невольно задумывался, взглянувъ на нее, а знатокъ сразу бы сказалъ, что это была въ свое время замѣчательно хорошая лошадь. Знатокъ сказалъ бы даже, что была только одна порода въ Россіи, которая могла дать такую широкую кость, такіе громадные маслаки, такія копыта, такую тонкость кости ноги, такой постановъ шеи, главное — такую кость головы, глазъ — большой, черный и свѣтлый, и такіе породистые комки жилъ около головы и шеи, и тонкую шкуру и волосъ.

Дѣйствительно, было что-то величественное въ фигурѣ этой лошади и въ страшномъ соединеніи въ ней отталкивающихъ признаковъ дряхлости, усиленной пестротою шерсти, и пріемовъ и выраженія самоувѣренности и спокойствія сознательной красоты и силы.

Какъ живая развалина, онъ стоялъ одиноко посреди росистаго луга, а недалеко отъ него слышались топотъ, фырканье, молодое ржанье, взвизгиванье разсыпавшагося табуна.

III

Солнце уже выбралось выше лѣса и ярко блестѣло на травѣ и извивахъ рѣки. Роса обсыхала и собиралась каплями; какъ дымокъ, расходился послѣдній утренній паръ. Тучки кудрявились, но вѣтру еще не было. За рѣкой щетинкой стояла зеленая, свертывавшаяся въ трубку, рожь, и пахло свѣжею зеленью и цвѣтомъ. Кукушка куковала съ прихрипываньемъ изъ лѣсу, и Нестеръ, развалившись на спину, считалъ, сколько лѣтъ ему еще жить. Жаворонки поднимались надъ рожью и лугомъ. Запоздалый заяцъ попался между табуна и выскочилъ на просторъ, сѣлъ у куста и прислушивался. Васька задремалъ, уткнувъ голову въ траву; кобылки еще просторнѣе, обойдя его, разсыпались понизу. Старыя, пофыркивая, прокладывали по росѣ свѣтлый слѣдокъ и все выбирали такое мѣсто, гдѣ бы никто не мѣшалъ имъ; но ужъ не ѣли, а только закусывали вкусными травками. Весь табунъ незамѣтно подвигался въ одномъ направленіи.

И опять старая Жулдыба, степенно выступая впереди другихъ, показывала возможность идти дальше. Молодая, въ первый разъ ожеребившаяся, вороная Мушка безпрестанно гоготала и, поднявъ хвостъ, фыркала на своего лиловенькаго сосунчика; молодая Атласная, гладкая и блестящая шерстью, опустивъ голову такъ, что черная шелковистая чолка закрывала ей лобъ и глаза, играла съ травой — щипнетъ и броситъ и стукнетъ мокрой отъ росы ногой съ пушистой щеткой. Одинъ изъ старшихъ сосунчиковъ, должно-быть, воображая себѣ какую-нибудь игру, уже 26-й разъ, поднявъ панашемъ коротенькій кудрявый хвостикъ, обскакалъ кругомъ своей матки, которая спокойно щипала траву, успѣвъ уже привыкнуть къ характеру своего сына, и только изрѣдка косилась на него большимъ чернымъ глазомъ.

Одинъ изъ самыхъ маленькихъ сосуновъ, черный, головастый, съ удивленно торчащею между ушами чолкой и хвостикомъ, свернутымъ еще на ту сторону, на которую онъ былъ загнутъ въ брюхѣ матери, установивъ уши и тупые глаза, не двигаясь съ мѣста, пристально смотрѣлъ на сосуна, который скакалъ и пятился, неизвѣстно, завидуя или осуждая, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Которые сосутъ, подталкивая носомъ; которые, неизвѣстно почему, несмотря на зовы матерей, бѣгутъ маленькой, неловкой рысцой прямо въ противоположную сторону, какъ будто отыскивая что-то, и потомъ, неизвѣстно для чего, останавливаются и ржутъ отчаянно-пронзительнымъ голосомъ; которые лежатъ бокомъ въ повалку; которые учатся ѣсть траву; которые чешутся заднею ногой за ухомъ. Двѣ еще жеребыя кобылы ходятъ отдѣльно и, медленно передвигая ноги, все еще ѣдятъ. Видно, что ихъ положеніе уважаемо другими, и никто изъ молодежи не рѣшается подходить и мѣшать. Ежели и вздумаетъ какая-нибудь шалунья подойти близко къ нимъ, то одного движенія уха и хвоста достаточно, чтобы показать имъ всю неприличность ихъ поведенія.

Стригунки, годовалыя кобылки притворяются уже большими и степенными, рѣдко подпрыгиваютъ и сходятся съ веселыми компаніями. Они чинно ѣдятъ траву, выгибая свои лебединыя стриженыя шейки, и, какъ будто у нихъ тоже есть хвосты, помахиваютъ своими вѣничками. Такъ же, какъ большіе, нѣкоторые ложатся, катаются или чешутъ другъ друга. Самая веселая компанія составляется изъ двухлѣтокъ, трехлѣтокъ и холостыхъ кобылъ. Онѣ ходятъ почти всѣ вмѣстѣ и отдѣльно веселой дѣвичьей гурьбой. Между ними слышится топотъ, взвизгиванье, ржанье, фырканье. Онѣ сходятся, кладутъ головы другъ другу черезъ плечи, обнюхиваются, прыгаютъ и иногда, поднявъ трубой хвостъ, полурысью, полу-тропотой гордо и кокетливо пробѣгаютъ передъ товарками. Первой красавицей и затѣйщицей между всей этой молодежью была шалунья бурая кобылка. Что она затѣвала, то дѣлали и другія; куда она шла, туда за ней шла и вся гурьба красавицъ. Шалунья была въ особенно игривомъ расположеніи въ это утро. Веселый стихъ нашелъ на нее такъ, какъ онъ находитъ и на людей. Еще на водопоѣ, подшутивъ надъ старикомъ, она побѣжала вдоль по водѣ, притворилась, что испугалась чего-то, храпнула и во всѣ ноги понеслась въ поле, такъ что Васька долженъ былъ скакать за ней и за другими, увязавшимися за ней. Потомъ, поѣвъ немного, она начала валяться, потомъ дразнить старухъ тѣмъ, что заходила впередъ ихъ; потомъ отбила одного сосунка и начала бѣгать за нимъ, какъ будто желая укусить его. Мать испугалась и бросила ѣсть, сосунчикъ кричалъ жалкимъ голосомъ, но шалунья ничѣмъ даже не тронула его, а только попугала его и доставила зрѣлище товаркамъ, которыя съ сочувствіемъ смотрѣли на ея продѣлки. Потомъ она затѣяла вскружить голову чалой лошадкѣ, на которой далеко за рѣкой по ржамъ проѣзжалъ мужичокъ съ сохой. Она остановилась, гордо, нѣсколько на бокъ, подняла голову, встряхнулась и заржала сладкимъ, нѣжнымъ и протяжнымъ голосомъ. И шалость, и чувство, и нѣкоторая грусть выражались въ этомъ ржаніи. Въ немъ было и желаніе, и обѣщаніе любви, и грусть по ней.

Вонъ дергачъ, въ густомъ тростникѣ, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, страстно зоветъ къ себѣ свою подругу; вонъ и кукушка и перепелъ поютъ любовь, и цвѣты по вѣтру пересылаютъ свою душистую пыль другъ другу.

«И я и молода, и хороша, и сильна, — говорило ржанье шалуньи, — а мнѣ не дано было до сихъ поръ испытать сладость этого чувства, не только не дано испытать, но ни одинъ любовникъ, ни одинъ еще не видѣлъ меня».

И многозначащее ржанье грустно и молодо отозвалось низомъ и полемъ и издалека донеслось до чалой лошадки. Она подняла уши и остановилась. Мужикъ ударилъ ее лаптемъ, но чалая лошадка была очарована серебрянымъ звукомъ далекаго ржанья и заржала тоже. Мужикъ разсердился, дернулъ ее вожжами и такъ ударилъ лаптемъ по брюху, что она не успѣла докончить своего ржанья и пошла дальше. Но чалой лошадкѣ стало сладко и грустно, и изъ далекихъ ржей долго еще долетали до табуна звуки начатаго страстнаго ржанья и сердитаго голоса мужика.

Ежели отъ одного звука этого голоса чалая лошадка могла ошалѣть такъ, что забыла свою должность, что̀ бы было съ ней, ежели бы она видѣла всю красавицу-шалунью, какъ она, насторроживъ уши, растопыривъ ноздри, втягивая въ себя воздухъ и куда-то порываясь и дрожа всѣмъ своимъ молодымъ и красивымъ тѣломъ, звала ее.

Но шалунья долго не задумывалась надъ своими впечатлѣніями. Когда голосъ чалаго замолкъ, она насмѣшливо поржала еще и, опустивъ голову, стала копать ногой землю, а потомъ пошла будить и дразнить пѣгаго мерина. Пѣгій меринъ былъ всегдашнимъ мученикомъ и шутомъ этой счастливой молодежи. Онъ страдалъ отъ этой молодежи больше, чѣмъ отъ людей. Ни тѣмъ, ни другимъ онъ не дѣлалъ зла. Людямъ онъ былъ нуженъ, но за что же мучили его молодыя лошади?

IV

Онъ былъ старъ, онѣ были молоды; онъ былъ худъ, онѣ были сыты; онъ былъ скученъ, онѣ были веселы. Стало-быть, онъ былъ совсѣмъ чужой, посторонній, совсѣмъ другое существо, и нельзя было жалѣть его. Лошади жалѣютъ только самихъ себя и изрѣдка только тѣхъ, въ шкурѣ кого онѣ себя легко могутъ представить. Но вѣдь не виноватъ же былъ пѣгій меринъ въ томъ, что онъ былъ старъ и тощъ и уродливъ?..

Казалось бы, что нѣтъ, но по-лошадиному онъ былъ виноватъ, и правы были всегда только тѣ, которые были сильны, молоды и счастливы, тѣ, у которыхъ было все впереди, тѣ, у которыхъ отъ ненужнаго напряженія дрожалъ каждый мускулъ и коломъ поднимался хвостъ кверху. Можетъ-быть, что и самъ пѣгій меринъ понималъ это и въ спокойныя минуты соглашался, что онъ виноватъ тѣмъ, что прожилъ уже жизнь, что ему надо платить за эту жизнь; но онъ все-таки былъ лошадь и не могъ удерживаться часто отъ чувствъ оскорбленія, грусти и негодованія, глядя на всю эту молодежь, казнившую его за то самое, чему всѣ они будутъ подлежать въ концѣ жизни. Причиной безжалостности лошадей было тоже и аристократическое чувство. Каждая изъ нихъ вела свою родословную по отцу или по матери отъ знаменитаго Сметанки; пѣгій же былъ неизвѣстно какого рода, пѣгій былъ пришелецъ, купленный три года тому назадъ за 80 рублей ассигнаціями на ярмаркѣ.

Бурая кобылка, какъ будто прогуливаясь, подошла къ самому носу пѣгаго мерина и толкнула его. Онъ уже зналъ, что̀ это такое, и, не открывая глазъ, приложилъ уши и оскалился. Кобылка повернулась задомъ и сдѣлала видъ, что хочетъ ударить его. Онъ открылъ глаза и отошелъ въ другую сторону. Спать ему ужъ не хотѣлось и онъ началъ ѣсть. Снова шалунья, сопутствуемая своими подругами, подошла къ мерину. Двухлѣтняя лысая кобылка, очень глупая, всегда подражавшая и во всемъ слѣдовавшая за бурой, подошла съ ней вмѣстѣ и, какъ всегда поступаютъ подражатели, начала пересаливать то самое, что дѣлала зачинщица. Бурая кобылка обыкновенно подходила какъ будто по своему дѣлу и проходила мимо самаго носа мерина, не глядя на него, такъ что онъ рѣшительно не зналъ, сердиться или нѣтъ, и это было дѣйствительно смѣшно.

Она сдѣлала это и теперь, но лысая, шедшая за ней и особенно развеселившаяся, уже прямо грудью ударила мерина. Онъ снова оскалилъ зубы, взвизгнулъ и съ прытью, которую нельзя бы было ожидать отъ него, бросился за ней и укусилъ ее въ ляжку. Лысенькая ударила всѣмъ задомъ и тяжело ударила старика по худымъ, голымъ ребрамъ. Старикъ захрипѣлъ даже, хотѣлъ броситься еще, но потомъ раздумалъ и, тяжело вздохнувъ, отошелъ въ сторону. Должно-быть, вся молодежь табуна приняла за личное оскорбленіе дерзость, которую позволилъ себѣ пѣгій меринъ въ отношеніи лысой кобылки, и весь остальной день ему рѣшительно не давали кормиться и ни на минуту не давали покоя, такъ что табунщикъ нѣсколько разъ унималъ ихъ и не могъ понять, что съ ними сдѣлалось.

Меринъ такъ былъ обиженъ, что самъ подошелъ къ Нестеру, когда старикъ собрался гнать назадъ табунъ, и почувствовалъ себя счастливѣе и покойнѣе, когда его осѣдлали и сѣли на него.

Богъ знаетъ о чемъ думалъ старикъ-меринъ, унося на своей спинѣ старика Нестера. Съ горечью ли думалъ онъ о неотвязчивой и жестокой молодежи или, со свойственною старикамъ презрительною и молчаливою гордостью, прощалъ своихъ обидчиковъ, только онъ ничѣмъ не проявилъ своихъ размышленій до самаго дома.

Въ этотъ вечеръ къ Нестеру пріѣхали кумовья и, прогоняя табунъ мимо дворовыхъ избъ, онъ замѣтилъ телѣгу съ лошадью, привязанную къ его крыльцу. Загнавъ табунъ, онъ такъ поторопился, что, не снявъ сѣдла, пустилъ на дворъ мерина и, крикнувъ Васькѣ, чтобъ онъ разсѣдлалъ табуннаго, заперъ ворота и пошелъ къ кумовьямъ. Вслѣдствіе ли оскорбленія, нанесеннаго лысой кобылкѣ, Сметанкиной правнучкѣ, «коростовою дрянью», купленною на конной и не знающею отца и матери, и оскорбленнаго поэтому аристократическаго чувства всего варка, или вслѣдствіе того, что меринъ въ высокомъ сѣдлѣ безъ сѣдока представлялъ странно-фантастическое зрѣлище для лошадей, — только на варкѣ произошло въ эту ночь что-то необыкновенное. Всѣ лошади, молодыя и старыя, съ оскаленными зубами бѣгали за мериномъ, гоняя его по двору; раздавались звуки копытъ о его худые бока и тяжелое кряхтѣніе. Меринъ не могъ болѣе переносить этого, не могъ болѣе избѣгать ударовъ. Онъ остановился посрединѣ двора; на лицѣ его выразилось отвратительное слабое озлобленіе безсильной старости, потомъ отчаяніе; онъ приложилъ уши, и вдругъ что-то такое сдѣлалось, отъ чего всѣ лошади вдругъ затихли. Подошла самая старая кобыла Вязопуриха, понюхала мерина и вздохнула. Вздохнулъ и меринъ . .

. . . .

V

Посрединѣ освѣщеннаго луной двора стояла высокая худая фигура мерина съ высокимъ сѣдломъ, съ торчащей шишкой луки. Лошади неподвижно и въ глубокомъ молчанiи стояли вокругъ него, какъ будто онѣ что-то новое, необыкновенное узнали отъ него. И точно, новое и неожиданное онѣ узнали отъ него.

Вотъ что онѣ узнали отъ него. . . . .
. . . .

НОЧЬ ПЕРВАЯ

— Да, я сынъ Любезнаго 1-го и Бабы. Имя мое по родословной Мужикъ 1-й. Я Мужикъ 1-й по родословной, я Холстомѣръ по-уличному, прозванный такъ толпой за длинный и размашистый ходъ, равнаго которому не было въ Россiи. По происхожденiю нѣтъ въ мiрѣ лошади выше меня по крови. Я бы никогда не сказалъ вамъ этого. Къ чему? Вы бы никогда не узнали меня, какъ не узнавала меня Вязопуриха, бывшая со мной вмѣстѣ въ Хрѣновомъ и теперь только признавшая меня. Вы бы и теперь не повѣрили мнѣ, ежели бы не было свидѣтельства этой Вязопурихи. Я бы никогда не сказалъ вамъ этого. Мнѣ не нужно лошадинаго сожалѣнiя. Но вы хотѣли этого. Да, я тотъ Холстомѣръ, котораго отыскиваютъ и не находятъ охотники, тотъ Холстомѣръ, котораго знавалъ самъ графъ и сбылъ съ завода за то, что я обижалъ его любимца Лебедя. . .
. . . .

Когда я родился, я не зналъ, что такое значитъ *пѣгiй*, я думалъ, что я лошадь. Первое замѣчанiе о моей шерсти, помню, глубоко поразило меня и мою мать.

Я родился, должно-быть, ночью; къ утру я уже, облизанный матерью, стоялъ на ногахъ.

Помню, что мнѣ все чего-то хотѣлось и все мнѣ казалось чрезвычайно удивительно и вмѣстѣ чрезвычайно просто. Денники у насъ были въ длинномъ тепломъ корридорѣ съ рѣшетчатыми дверьми, сквозь которыя все видно было.

Мать подставляла мнѣ соски, а я былъ такъ еще невиненъ, что тыкалъ ее носомъ то подъ переднія ноги, то подъ кормягу. Вдругъ мать оглянулась на рѣшетчатую дверь и, перенесши черезъ меня ногу, посторонилась. Дневальный конюхъ смотрѣлъ къ намъ въ денникъ черезъ рѣшетку.

— Ишь ты, Баба-то ожеребилась, — сказалъ онъ и сталъ отворять задвижку. Онъ вошелъ по свѣжей постилкѣ и обнялъ меня руками. — Глянь-ка, Тарасъ, — крикнулъ онъ, — пѣгій какой, ровно сорока.

Я рванулся отъ него и споткнулся на колѣни.

— Вишь, чертенокъ! — проговорилъ онъ.

Мать обезпокоилась, но не стала защищать меня и, только тяжело-тяжело вздохнувъ, отошла немного въ сторону. Пришли конюхи и стали смотрѣть меня. Одинъ побѣжалъ объявить конюшему.

Всѣ смѣялись, глядя на мои пѣжины, и давали мнѣ разныя странныя названія. Не только я, но и мать не понимала значенія этихъ словъ. До сихъ поръ между нами и всѣми моими родными не было ни одного пѣгаго. Мы не думали, чтобы въ этомъ было что-нибудь дурное. Сложеніе же и силу мою и тогда всѣ хвалили.

— Вишь, какой шустрый, — говорилъ конюхъ: — не удержишь.

Черезъ нѣсколько времени пришелъ конюшій и сталъ удивляться на мой цвѣтъ; онъ даже казался огорченнымъ.

— И въ кого такая уродина? — сказалъ онъ: — генералъ его теперь не оставитъ въ заводѣ. — Эхъ, Баба, посадила ты меня, — обратился онъ къ моей матери, — хоть бы лысаго ожеребила, а то вовсе пѣгаго!

Мать моя ничего не отвѣчала и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, опять вздохнула.

— И въ какого чорта онъ уродился, точно мужикъ, — продолжалъ онъ, — въ заводѣ нельзя оставить, срамъ! А хорошъ, очень хорошъ! — говорилъ и онъ, говорили и всѣ, глядя на меня.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ и самъ генералъ; посмотрѣлъ на меня, и опять всѣ чему-то ужасались и бранили и меня и мою мать за цвѣтъ моей шерсти. «А хорошъ, очень хорошъ!» говорилъ всякій, кто только меня видѣлъ.

До весны мы жили въ маточной всѣ порознь, каждый при своей матери: только изрѣдка, когда снѣгъ на крышахъ варковъ сталъ уже таять отъ солнца, насъ съ матерями стали выпускать на широкій дворъ, устланный свѣжею соломой. Тутъ въ первый разъ я узналъ всѣхъ своихъ родныхъ, близкихъ и дальнихъ. Тутъ изъ разныхъ дверей я видѣлъ, какъ выходили со своими сосунками всѣ знаменитыя кобылы того времени. Тутъ была старая Голландка, Мушка — Сметанкина дочь, Краснуха, верховая Доброхотиха, — всѣ знаменитости того времени, всѣ собирались тутъ со своими сосунками, похаживали по солнышку, катались по свѣжей соломѣ и обнюхивали другъ друга, какъ и простыя лошади. Видъ этого варка, наполненнаго красавицами того времени, я не могу забыть до сихъ поръ. Вамъ странно думать и вѣрить, что я былъ молодъ и рѣзвъ, но это такъ было. Тутъ была эта самая Вязопуриха, тогда еще годовалымъ стригунчикомъ, — милой, веселой и рѣзвой лошадкой; но, не въ обиду будь ей сказано, несмотря на то, что она рѣдкостью по крови теперь считается между вами, тогда она была изъ худшихъ лошадей того приплода. Она сама вамъ подтвердитъ это.

Пестрота моя, такъ не нравившаяся людямъ, чрезвычайно понравилась всѣмъ лошадямъ; всѣ окружили меня, любовались и заигрывали со мной. Я началъ уже забывать слова людей о моей пестротѣ и чувствовалъ себя счастливымъ. Но скоро я узналъ первое горе въ моей жизни, и причиной его была мать. Когда уже начало таять, воробьи чирикали подъ навѣсами и въ воздухѣ сильнѣе начала чувствоваться весна, мать моя стала перемѣняться въ обращенiи со мной.

Весь нравъ ея измѣнился: то она вдругъ безъ всякой причины начинала играть, бѣгая по двору, что совершенно не шло къ ея почтенному возрасту, то задумывалась и начинала ржать, то кусала и брыкала въ своихъ сестеръ-кобылъ, то начинала обнюхивать меня и недовольно фыркать, то, выходя на солнце, клала свою голову черезъ плечо своей двоюродной сестрѣ Купчихѣ и долго задумчиво чесала ей спину и отталкивала меня отъ сосковъ. Одинъ разъ пришелъ конюшiй, велѣлъ надѣть на нее недоуздокъ, и ее повели изъ денника. Она заржала, я откликнулся ей и бросился за нею, но она и не оглянулась на меня. Конюхъ Тарасъ схватилъ меня въ охапку, въ то время какъ затворяли дверь за выведенною матерью.

Я рванулся, сбилъ конюха въ солому, но дверь была заперта, и я только слышалъ все удалявшееся ржанье матери. И въ ржаніи этомъ я уже не слышалъ призыва, а слышалъ другое выраженіе. На ея голосъ далеко отозвался могущественный голосъ, какъ я послѣ узналъ, Добраго перваго, который съ двумя конюхами по сторонамъ шелъ на свиданье съ моею матерью.

Я не помню, какъ вышелъ Тарасъ изъ моего денника: мнѣ было слишкомъ грустно, я чувствовалъ, что навсегда потерялъ любовь своей матери. И все оттого, что я пѣгій, думалъ я, вспоминая слова людей о своей шерсти, и такое зло меня взяло, что я сталъ биться объ стѣны денника головой и колѣнами и бился до тѣхъ поръ, пока не вспотѣлъ и не остановился въ изнеможеніи.

Черезъ нѣсколько времени мать вернулась ко мнѣ. Я слышалъ, какъ она рысцой и непривычнымъ ходомъ подбѣжала къ нашему деннику по корридору. Ей отворили дверь, я не узналъ ея: такъ она помолодѣла и похорошѣла. Она обнюхала меня, фыркнула и начала гоготать. По всему выраженію ея я видѣлъ, что она меня не любила.

Она разсказывала мнѣ про красоту Добраго и про свою любовь къ нему. Свиданія эти продолжались, и между мною и матерью отношенія становились холоднѣе и холоднѣе.

Скоро насъ выпустили на траву. Съ этой поры я узналъ новыя радости, которыя мнѣ замѣнили потерю любви моей матери. У меня были подруги и товарищи. Мы вмѣстѣ учились ѣсть траву, ржать такъ же, какъ и большія, и, поднявъ хвосты, скакать кругами вокругъ своихъ матерей. Это было счастливое время. Мнѣ все прощалось, всѣ меня любили, любовались мной и снисходительно смотрѣли на все, что̀ бы я ни сдѣлалъ. Это продолжалось недолго.

Тутъ скоро со мной случилось ужасное. — Меринъ вздохнулъ тяжело-тяжело и пошелъ прочь отъ лошадей.

Заря уже давно занялась. Заскрипѣли ворота, вошелъ Нестеръ. Лошади разошлись. Табунщикъ оправилъ сѣдло на меринѣ и выгналъ табунъ.

VI

НОЧЬ ВТОРАЯ

Какъ только лошади были загнаны, онѣ опять столпились вокругъ пѣгаго.

— Въ августѣ мѣсяцѣ насъ разлучили съ матерью, — продолжалъ пѣгій, — и я не чувствовалъ особеннаго горя. Я видѣлъ, что мать моя носила уже меньшого брата, знаменитаго Усана, и я уже не былъ тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Я не ревновалъ, но я чувствовалъ, что становился холоднѣе къ ней. Кромѣ того, я зналъ, что, оставивъ мать, я поступлю въ общее отдѣленіе жеребятъ, гдѣ мы стояли по-двое и по-трое и каждый день всею гурьбой молодежи выходили на воздухъ. Я стоялъ въ одномъ денникѣ съ Милымъ. Милый былъ верховый, и впослѣдствіи на немъ ѣздилъ императоръ, и его изображали на картинахъ и въ статуяхъ. Тогда онъ еще былъ простой сосунокъ, съ глянцевитою, нѣжною шерстью, лебединою шейкой и, какъ струнки, ровными и тонкими ногами. Онъ былъ всегда веселъ, добродушенъ и любезенъ, всегда былъ готовъ играть, лизаться и подшутить надъ лошадью или человѣкомъ. Мы съ нимъ невольно подружились, живя вмѣстѣ, и дружба эта продолжалась во все время нашей молодости. Онъ былъ веселъ и легкомысленъ. Онъ тогда уже начиналъ любить, заигрывалъ съ кобылками и смѣялся надъ моею невинностью. И на мое несчастіе я изъ самолюбія сталъ подражать ему и очень скоро увлекся любовью. И эта ранняя склонность моя была причиной величайшей перемѣны моей судьбы. Случилось такъ, что я увлекся... Вязопуриха была старше меня однимъ годомъ, мы съ ней были особенно дружны, но подъ конецъ осени я замѣтилъ, что она начала дичиться меня...

Но я не стану разсказывать всей этой несчастной исторіи моей первой любви, она сама помнитъ мое безумное увлеченіе, окончившееся для меня самою важною перемѣной въ моей жизни.

Табунщики бросились гонять ее и бить меня. Вечеромъ меня загнали въ особый денникъ, я ржалъ цѣлую ночь, какъ будто предчувствуя событіе завтрашняго дня.

На утро пришли въ корридоръ моего денника генералъ, конюшій, конюхи и табунщики, и начался страшный крикъ. Генералъ кричалъ на конюшаго, конюшій оправдывался, что онъ не велѣлъ меня пускать, а что это самовольно сдѣлали конюхи. Генералъ сказалъ, что онъ всѣхъ перепоретъ; а жеребчиковъ нельзя держать. Конюшій обѣщалъ, что онъ все исполнитъ. Они затихли и ушли. Я ничего не понималъ, но я видѣлъ, что что-то такое замышлялось обо мнѣ.

. . . .

. . . .

На другой день послѣ этого я уже навѣки пересталъ ржать: я сталъ тѣмъ, чѣмъ я теперь. Весь свѣтъ измѣнился въ моихъ глазахъ. Ничего мнѣ не стало мило, я углубился въ себя и сталъ размышлять. Сначала мнѣ все было постыло. Я пересталъ даже пить, ѣсть и ходить, а ужъ объ игрѣ и думать нечего. Иногда мнѣ приходило въ голову взбрыкнуть, поскакать, поржать; но сейчасъ же представлялся страшный вопросъ: зачѣмъ? къ чему? И послѣднія силы пропадали.

Одинъ разъ меня проваживали вечеромъ въ то время, какъ табунъ гнали съ поля. Я издалека увидалъ еще облако пыли съ неясными знакомыми очертаніями всѣхъ нашихъ матокъ. Я услыхалъ веселое гоготанье и топотъ. Я остановился, несмотря на то, что веревка недоуздка, за который тянулъ меня конюхъ, рѣзала мнѣ затылокъ, и сталъ смотрѣть на приближающійся табунъ, какъ смотрятъ на потерянное навсегда и невозвратимое счастіе. Онѣ приближались, и я различалъ по одной всѣ мнѣ знакомыя, красивыя, величавыя, здоровыя, сытыя фигуры. Кое-кто изъ нихъ тоже оглянулся на меня. Я не чувствовалъ боли отъ дерганья недоуздка конюха. Я забылся и невольно, по старой памяти, заржалъ и побѣжалъ рысью; но ржанье мое отозвалось грустно, смѣшно и нелѣпо. Въ табунѣ не засмѣялись, но я замѣтилъ, какъ многія изъ нихъ изъ приличія отвернулись отъ меня. Имъ, видимо, и гадко, и жалко, и совѣстно, и главное смѣшно было на меня. Имъ смѣшно было на мою тонкую, невыразительную шею, большую голову (я похудѣлъ въ это время), на мои длинныя, неуклюжія ноги и на глупый аллюръ рысцой, который я, по старой привычкѣ, принялъ вокругъ конюха. Никто не отозвался на мое ржанье, всѣ отвернулись отъ меня. Я вдругъ все понялъ, — понялъ, насколько я навсегда сталъ далекъ отъ всѣхъ нихъ, и не помню, какъ пришелъ домой за конюхомъ.

Я уже и прежде показывалъ склонность къ серьезности и глубокомыслію, теперь же во мнѣ сдѣлался рѣшительный переворотъ. Моя пѣжина, возбуждавшая такое странное презрѣніе въ людяхъ, мое страшное, неожиданное несчастіе и еще какое-то особенное положеніе мое на заводѣ, которое я чувствовалъ, но никакъ еще не могъ объяснить себѣ, заставили меня углубиться въ себя. Я задумывался надъ несправедливостью людей, осуждавшихъ меня за то, что я пѣгій; я задумывался о непостоянствѣ материнской и вообще женской любви и зависимости ея отъ физическихъ условій, и главное, я задумывался надъ свойствами той странной породы животныхъ, съ которыми мы такъ тѣсно связаны и которыхъ мы называемъ людьми, — тѣми свойствами, изъ которыхъ вытекала та особенность моего положенія на заводѣ, которую я чувствовалъ, но не могъ понять.

Значеніе этой особенности и свойствъ людскихъ, на которыхъ она была основана, открылось мнѣ по слѣдующему случаю.

Это было зимой, во время праздниковъ. Цѣлый день мнѣ не давали корму и не поили меня. Какъ я послѣ узналъ, это происходило оттого, что конюхъ нашъ былъ пьянъ. Въ этотъ же день конюшій вошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ, что нѣтъ корму, и началъ ругать дурными словами конюха, котораго здѣсь не было, и потомъ ушелъ.

На другой день конюхъ съ другимъ товарищемъ вошелъ въ нашъ денникъ задавать намъ сѣна. Я замѣтилъ, что онъ особенно былъ блѣденъ и печаленъ, въ особенности въ выраженіи длинной спины его было что-то значительное и вызывающее состраданіе.

Онъ сердито бросилъ сѣно за рѣшетку. Я сунулся было головой черезъ его плечо, но онъ кулакомъ такъ больно ударилъ меня по храпу, что я отскочилъ. Онъ еще ударилъ меня сапогомъ по животу.

— Кабы не этотъ коростовый, — сказалъ онъ, — ничего бы не было.

— А что? — спросилъ другой конюхъ.

— Небось, графскихъ не ходитъ провѣдывать, а своего по два раза въ день навѣдываетъ.

— Развѣ отдали ему пѣгаго-то? — спросилъ другой.

— Продали ли, подарили ли, песъ ихъ вѣдаетъ. Графскихъ хоть всѣхъ голодомъ помори — ничего, а вотъ какъ смѣлъ *его* жеребенку корму не дать. Ложись, говоритъ, и ну бузовать! Христіанства нѣтъ. Скотину жалчѣе человѣка. Креста, видно, на немъ нѣтъ, самъ считалъ, варваръ! Генералъ такъ не парывалъ, всю спину исполосовалъ: видно, христіанской души нѣтъ.

То, что они говорили о сѣченіи и о христіанствѣ, я хорошо понялъ, но для меня совершенно было темно тогда, что такое значили слова: *своего*, *его* жеребенка, изъ которыхъ я видѣлъ, что люди предполагали какую-то связь между мной и конюшимъ. Въ чемъ состояла эта связь, я никакъ не могъ понять тогда. Только гораздо уже послѣ, когда меня отдѣлили отъ другихъ лошадей, я понялъ, что это значило. Тогда я никакъ не могъ понять, что такое значило то, что *меня* называли собственностью человѣка. Слова: «*моя* лошадь», относились ко мнѣ, живой лошади, и казались мнѣ такъ же странны, какъ слова: «моя земля», «мой воздухъ», «моя вода».

Но эти слова имѣли на меня огромное вліяніе. Я, не переставая, думалъ объ этомъ и только долго послѣ самыхъ разнообразныхъ отношеній съ людьми понялъ, наконецъ, значеніе, которое приписывается людьми этимъ страннымъ словамъ. Значеніе ихъ такое: люди руководятся въ жизни не дѣлами, а словами. Они любятъ не столько возможность дѣлать или не дѣлать чего-нибудь, сколько возможность говорить о разныхъ предметахъ условленныя между ними слова. Таковыя слова, считающіяся очень важными между ними, суть слова: мой, моя, мое, которыя они говорятъ про различные вещи, существа и предметы, даже про землю, про людей и про лошадей. Про одну и ту же вещь они условливаются, чтобы только одинъ говорилъ: *мое*. И тотъ, кто про наибольшее число вещей по этой условленной между ними игрѣ говоритъ: *мое*, тотъ считается у нихъ счастливѣйшимъ. Для чего это такъ, я не знаю, но это такъ. Я долго прежде старался объяснить себѣ это какою-нибудь прямою выгодой, но это оказалось несправедливымъ.

Многіе изъ тѣхъ людей, которые меня, напримѣръ, называли своею лошадью, не ѣздили на мнѣ, но ѣздили на мнѣ совершенно другіе.

Кормили меня тоже не они, а совершенно другіе. Дѣлали мнѣ добро опять-таки не тѣ, которые называли меня своею лошадью, а кучера, коновалы и вообще сторонніе люди. Впослѣдствіи, расширивъ кругъ своихъ наблюденій, я убѣдился, что не только относительно насъ, лошадей, понятіе *мое* не имѣетъ никакого другого основанія, какъ низкій и животный, людской инстинктъ, называемый ими чувствомъ или правомъ собственности. Человѣкъ говоритъ: «домъ мой», и никогда не живетъ въ немъ, а только заботится о постройкѣ и поддержаніи дома. Купецъ говоритъ: «моя лавка, моя лавка суконъ», напримѣръ, и не имѣетъ одежды изъ лучшаго сукна, которое есть въ его лавкѣ.

Есть люди, которые землю называютъ своею, а никогда не видали этой земли и никогда по ней не проходили. Есть люди, которые другихъ людей называютъ своими, а никогда не видали этихъ людей, и все отношеніе ихъ къ этимъ людямъ состоитъ въ томъ, что они дѣлаютъ имъ зло.

Есть люди, которые женщинъ называютъ своими женщинами или женами, а женщины эти живутъ съ другими мужчинами. И люди стремятся въ жизни не къ тому, чтобы дѣлать то, что они считаютъ хорошимъ, а къ тому, чтобы называть какъ можно больше вещей *своими*.

Я убѣжденъ теперь, что въ этомъ и состоитъ существенное различіе людей отъ насъ. И потому, не говоря уже о другихъ нашихъ преимуществахъ передъ людьми, мы уже по одному этому смѣло можемъ сказать, что стоимъ въ лѣстницѣ живыхъ существъ выше, чѣмъ люди: дѣятельность людей, по крайней мѣрѣ тѣхъ, съ которыми я былъ въ сношеніяхъ, руководима словами, наша же дѣломъ.

И вотъ это право — говорить обо мнѣ *моя лошадь* — получилъ конюшій и отъ этого высѣкъ конюха. Это открытіе сильно поразило меня и вмѣстѣ съ тѣми мыслями и сужденіями, которыя вызывала въ людяхъ моя пѣгая масть, и съ задумчивостью, вызванною во мнѣ измѣной моей матери, заставило меня сдѣлаться тѣмъ серьезнымъ и глубокомысленнымъ мериномъ, которымъ я есть.

Я былъ трижды несчастливъ: я былъ пѣгій, я былъ меринъ, и люди вообразили себѣ обо мнѣ, что я принадлежалъ не Богу и себѣ, какъ это свойственно всему живому, а что я принадлежалъ конюшему.

Послѣдствій того, что они вообразили себѣ это обо мнѣ, было много. Первое изъ нихъ ужъ было то, что меня держали отдѣльно, кормили лучше, чаще гоняли на кордѣ и раньше запрягли. Меня запрягли въ первый разъ по 3-му году. Я помню, какъ въ первый разъ самъ конюшій, который воображалъ, что я ему принадлежу, съ толпой конюховъ сталъ запрягать меня, ожидая отъ меня буйства или противодѣйствія. Они обвили меня веревками, заводя въ оглобли; они надѣли мнѣ на спину широкій ременный крестъ и привязали его къ оглоблямъ, чтобы я не билъ задомъ, а я ожидалъ только случая показать свою охоту и любовь къ труду.

Они удивлялись, что я пошелъ какъ старая лошадь. Меня стали проѣзжать, и я сталъ упражняться въ бѣганьи рысью. Съ каждымъ днемъ я дѣлалъ бо́льшіе успѣхи, такъ что черезъ три мѣсяца самъ генералъ и многіе другіе хвалили мой ходъ. Но, странное дѣло, именно потому, что они воображали себѣ, что я не свой, а конюшаго, ходъ мой получалъ для нихъ совсѣмъ другое значеніе.

Жеребцовъ, моихъ братьевъ, проѣзжали на бѣгу, вымѣряли ихъ проносъ, выходили смотрѣть на нихъ, ѣздили въ золоченыхъ дрожкахъ, накидывали на нихъ дорогія попоны. Я ѣздилъ въ простыхъ дрожкахъ конюшаго по его дѣламъ въ Чесменку и другіе хутора. Все это происходило оттого, что я былъ пѣгій, а главное потому, что я былъ, по ихъ мнѣнію, не графскій, а собственный конюшаго.

Завтра, если будемъ живы, я разскажу вамъ, какое главное послѣдствіе имѣло для меня это право собственности, которое воображалъ себѣ конюшій.

Весь этотъ день лошади почтительно обращались съ Холстомѣромъ. Но обращеніе Нестера было такъ же грубо. Чалый жеребеночекъ мужика, уже подходя къ табуну, заржалъ, и бурая кобылка опять кокетничала.

VII

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

Народился мѣсяцъ, и узенькій серпъ его освѣщалъ фигуру Холстомѣра, стоявшаго посрединѣ двора; лошади толпились около него.

— Главное удивительное послѣдствіе для меня того, что я былъ не графскій, не Божій, а конюшаго, — продолжалъ пѣгій, — было то, что то, что составляетъ главную заслугу нашу: рѣзвый ходъ, сдѣлалось причиной моего изгнанія. Проѣзжали на кругу Лебедя, а конюшій изъ Чесменки подъѣхалъ на мнѣ и сталъ у круга. Лебедь прошелъ мимо насъ. Онъ хорошо ѣхалъ, но онъ все-таки щеголялъ; не было въ немъ той спорости, которую я выработалъ въ себѣ; того, чтобы мгновенно при прикосновеніи одной ноги отдѣлялась другая и не тратилось бы ни малѣйшаго усилія праздно, а всякое усиліе двигало бы впередъ. Лебедь прошелъ мимо насъ. Я потянулся въ кругъ, конюшій не задержалъ меня. «А что, помѣрить моего пѣгаша?» крикнулъ онъ, и когда Лебедь поровнялся другой разъ, онъ пустилъ меня. У того уже была набрана скорость, и потому я отсталъ на первомъ заѣздѣ, но во второй я сталъ набирать на него, сталъ близиться къ дрожкамъ, сталъ равняться, обходить — и обошелъ. Попытался въ другой разъ — то же самое. Я былъ рѣзвѣе. И это привело всѣхъ въ ужасъ. Генералъ просилъ, чтобы скорѣе продать меня подальше, чтобы и слуху не было. «А то узнаетъ графъ, и бѣда», такъ говорилъ онъ. И меня продали барышнику въ коренной. У барышника я пробылъ не долго. Меня купилъ гусаръ, пріѣзжавшій за ремонтомъ. Все это было такъ несправедливо, такъ жестоко, что я былъ радъ, когда меня вывели изъ Хрѣновой и навсегда разлучили со всѣмъ, что мнѣ было родно и мило. Мнѣ было слишкомъ тяжело между ними. Имъ предстояли любовь, почести, свобода; мнѣ — трудъ, униженіе, униженіе, трудъ до конца моей жизни! За что? за то, что я былъ пѣгій и что отъ этого я долженъ былъ сдѣлаться чьею-то лошадью...

Дальше въ этотъ вечеръ Холстомѣръ не могъ разсказывать. На варкѣ случилось событіе, переполошившее всѣхъ лошадей. Купчиха, жеребая запоздавшая кобыла, слушавшая сначала разсказъ, вдругъ повернулась и медленно отошла подъ сарай, тамъ начала кряхтѣть такъ громко, что всѣ лошади обратили на нее вниманіе; потомъ она легла, потомъ опять встала, опять легла. Старыя матки поняли, что̀ съ ней, но молодежь пришла въ волненіе и, оставивъ мерина, окружила больную. Къ утру былъ новый жеребенокъ, качавшійся на ножкахъ. Нестеръ крикнулъ конюшаго, и кобылу съ жеребенкомъ отвели въ денникъ, а лошадей погнали безъ нихъ.

VIII

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вечеромъ, когда ворота затворили и все затихло, пѣгій продолжалъ такъ:

— Много наблюденій и надъ людьми и надъ лошадьми успѣлъ я сдѣлать во время своихъ переходовъ изъ рукъ въ руки. Долѣе всего я былъ у двухъ хозяевъ: у князя, гусарскаго офицера, потомъ у старушки, жившей у Николы Явленнаго.

У гусарскаго офицера я провелъ лучшее время моей жизни.

Хотя онъ былъ причиной моей погибели, хотя онъ никого и ничего никогда не любилъ, я люблю и любилъ его именно за это.

Мнѣ нравилось въ немъ именно то, что онъ былъ красивъ, счастливъ, богатъ и потому никого не любилъ.

Вы понимаете это наше высокое лошадиное чувство! Его холодность, моя зависимость отъ него придавали особенную силу моей любви къ нему. «Убей, загони меня, — думалъ я, бывало, въ наши хорошія времена, — я тѣмъ буду счастливѣе».

Онъ купилъ меня у барышника, которому за 800 рублей продалъ меня конюшій. Онъ купилъ меня за то, что ни у кого не было пѣгихъ лошадей. Это было мое лучшее время. У него была любовница. Я зналъ это потому, что каждый день возилъ его къ ней и ее, и иногда возилъ ихъ вмѣстѣ.

Любовница его была красавица, и онъ былъ красавецъ, и кучеръ у него былъ красавецъ. И я всѣхъ ихъ любилъ за это. И мнѣ было хорошо жить. Жизнь моя проходила такъ: съ утра приходилъ конюхъ чистить меня, — не самъ кучеръ, а конюхъ. Конюхъ былъ молодой мальчикъ, взятый изъ мужиковъ. Онъ отворялъ дверь, выпускалъ паръ лошадиный, выкидывалъ навозъ, снималъ попоны и начиналъ ерзать щеткой по тѣлу и скребницей класть бѣловатые ряды плоти на избитый шипами накатникъ пола. Я шутливо покусывалъ его за рукава, я постукивалъ ногой. Потомъ подводили одного за другимъ къ чану холодной воды, и малый любовался на гладкія своего труда пѣжины, на ногу, прямую какъ стрѣла, съ широкимъ копытомъ и на лоснящійся крупъ и спину, хоть спать ложись. За высокія рѣшетки закладывали сѣно, всыпали овесъ въ дубовыя ясли. Приходилъ Ѳеофанъ, старшій кучеръ.

Хозяинъ и кучеръ были похожи. И тотъ и другой ничего не боялись и никого не любили, кромѣ себя, и за это всѣ любили ихъ. Ѳеофанъ ходилъ въ красной рубахѣ и плисовыхъ штанахъ и поддевкѣ. Я любилъ, когда онъ, бывало, въ праздникъ, напомаженный, въ поддевкѣ, зайдетъ въ конюшню и крикнетъ:

— Ну, животина, забыла! — и толкнетъ рукояткой вилокъ меня по ляжкѣ, но никогда не больно, а только для шутки. Я тотчасъ же понималъ шутку и, прикладывая ухо, щелкалъ зубами.

Былъ у насъ вороной жеребецъ изъ пары. Меня по ночамъ запрягали и съ нимъ. Полканъ этотъ не понималъ шутокъ, а былъ просто золъ, какъ чортъ. Я съ нимъ рядомъ стоялъ, черезъ стойло, и бывало серьезно грызся. Ѳеофанъ не боялся его. Бывало, подойдетъ прямо, крикнетъ, — кажется, убьетъ, — нѣтъ, мимо, и Ѳеофанъ надѣнетъ оброть.

Разъ мы съ нимъ въ парѣ понесли внизъ по Кузнецкому. Ни хозяинъ, ни кучеръ не испугались: смѣялись, кричали на народъ, и сдерживали, и поворачивали... такъ никого и не задавилъ.

На ихъ службѣ я потерялъ лучшія свои качества и половину жизни. Тутъ меня опоили и разбили на ноги... Но, несмотря на все, это было лучшее время моей жизни! Въ 12 приходили, запрягали, мазали копыта, примачивали чолку и гриву и вводили въ оглобли.

Сани были камышевыя, плетеныя, бархатныя; сбруя съ маленькими серебряными пряжками; вожжи шелковыя и одно время — филэ. Запряжка была такая, что когда всѣ поводки, ремешки были прилажены и застегнуты, нельзя было разобрать, гдѣ кончается запряжка и начинается лошадь. Запрягутъ въ сараѣ на развязкѣ. Выйдетъ Ѳеофанъ съ задомъ шире плечъ, въ красномъ кушакѣ подъ мышки; оглядитъ запряжку, сядетъ, заправитъ кафтанъ, вставитъ ногу въ стремя, пошутитъ что-нибудь, всегда привѣситъ кнутъ, которымъ почти никогда не стегнетъ меня, только для порядка, и скажетъ: «пущай!». И, играя каждымъ шагомъ, я трогаю изъ воротъ; и кухарка, вышедшая выплеснуть помои, останавливается на порогѣ, и мужикъ, привезшій на дворъ дрова, таращитъ глаза. Выѣдетъ, проѣдетъ и станетъ. Выйдутъ лакеи, подъѣдутъ кучера. И пойдутъ разговоры. Все ждутъ; часа три иногда стоимъ у подъѣзда, изрѣдка проѣзжаемъ, заворачиваемъ и опять становимся.

Наконецъ зашумятъ въ сѣняхъ, выбѣжитъ во фракѣ сѣдой Тихонъ съ брюшкомъ: «подавай!». Тогда не было этой тупой манеры говорить: «впередъ», какъ будто я не знаю, что ѣздятъ не назадъ, а впередъ; чмокнетъ Ѳеофанъ, подъѣдетъ, и выходитъ князь торопливо, небрежно, какъ будто ничего удивительнаго нѣтъ ни въ этихъ саняхъ, ни въ лошади, ни въ Ѳеофанѣ, который изогнетъ спину и вытянетъ руки такъ, какъ ихъ, кажется, держать долго нельзя. Выйдетъ князь въ киверѣ и шинели съ бобровымъ сѣдымъ воротникомъ, закрывающимъ румяное, чернобровое красивое лицо, которое бы никогда закрывать не надо. Выйдетъ, побрякивая саблей, шпорами и мѣдными задниками калошъ, ступая по ковру, какъ будто торопясь и не обращая вниманія на меня и на Ѳеофана, то, на что смотрятъ и чѣмъ любуются всѣ, кромѣ него. Чмокнетъ Ѳеофанъ, я влягу въ поводья и честно, шагомъ подъѣдемъ, станемъ; я покошусь на князя, взмахну своею кровною головой и тонкою чолкой... Князь въ духѣ; иногда пошутитъ съ Ѳеофаномъ, Ѳеофанъ отвѣтитъ, чуть оборачивая красивую голову, и, не спуская рукъ, дѣлаетъ чуть замѣтное, понятное для меня движеніе вожжами, и разъ, разъ, разъ... все шире и шире, содрогаясь каждымъ мускуломъ и кидая снѣгъ съ грязью подъ передокъ, я ѣду; тогда тоже не было нынѣшней глупой манеры кричать: «о!» какъ будто у кучера болитъ что-нибудь, а не понятное: «поди, берегись». — Поди! берегись! — покрикиваетъ Ѳеофанъ, и народъ сторонится и останавливается и шею кривитъ, оглядываясь на красавца-мерина, красавца-кучера и красавца-барина...

Особенно любилъ я перегнать рысака. Когда, бывало, мы издалека завидимъ съ Ѳеофаномъ упряжь, достойную нашего усилія, мы, летя какъ вихрь, медленно начинали наплывать ближе и ближе. Ужъ я, кидая грязь въ спинку саней, равняюсь съ сѣдокомъ и надъ головой фыркаю ему; равняюсь съ сѣделкой, съ дугой, уже не вижу его и слышу только сзади себя все удаляющіеся его звуки. А князь и Ѳеофанъ и я — мы всѣ молчимъ и дѣлаемъ видъ, что мы просто ѣдемъ и по своему дѣлу, что мы и не замѣчаемъ тѣхъ, которые попадаются намъ на пути на тихихъ лошадяхъ. Любилъ я перегнать, но любилъ я также встрѣчаться съ хорошимъ рысакомъ. Одинъ мигъ, звукъ, взглядъ — и мы ужъ разъѣхались и опять одиноко летимъ каждый въ свою сторону...

Заскрипѣли ворота и послышались голоса Нестера и Васьки.

НОЧЬ ПЯТАЯ

Погода начала измѣняться. Было пасмурно, съ утра и росы не было, но тепло, и комары липли. Какъ только табунъ загнали, лошади собрались вокругъ пѣгаго, и онъ такъ кончилъ свою исторію.

— Счастливая жизнь моя кончилась скоро. Я прожилъ такъ только два года. Въ концѣ второй зимы случилось самое радостное для меня событіе и вслѣдъ за нимъ самое большое мое несчастіе. Это было на масляницѣ. Я повезъ князя на бѣгъ. На бѣгу ѣхали Атласный и Бычокъ. Не знаю, что они дѣлали тамъ въ бесѣдкѣ. Но знаю, что онъ вышелъ и велѣлъ Ѳеофану въѣхать въ кругъ. Помню, меня ввели въ кругъ, поставили, и поставили Атласнаго. Атласный ѣхалъ съ поддужнымъ, я, какъ былъ, въ городскихъ санкахъ. Въ заворотѣ я его кинулъ. Хохотъ и ревъ восторга привѣтствовали меня.

Когда меня проваживали, за мной ходила толпа. И человѣкъ пять предлагали князю тысячи. Онъ только смѣялся, показывая свои бѣлые зубы.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ, — это не лошадь, а другъ; горы золота не возьму. До свиданія, господа!

Разстегнулъ полость, сѣлъ.

— На Остоженку!

Эта была квартира его любовницы. И мы полетѣли...

Это былъ нашъ послѣдній счастливый день. Мы пріѣхали къ ней. Онъ называлъ ее *своей*. А она полюбила другого и уѣхала съ нимъ. Онъ узналъ это у нея на квартирѣ. Было 5 часовъ, и онъ, не отпрягая меня, поѣхалъ за ней. Чего никогда не было, меня стегали кнутомъ и пускали скакать. Въ первый разъ я сдѣлалъ сбой, и мнѣ совѣстно стало, и я хотѣлъ поправиться; но вдругъ я услыхалъ, князь кричитъ не своимъ голосомъ: «валяй!» И свиснулъ кнутъ и рѣзнулъ меня, и я поскакалъ, ударяя ногой въ желѣзо передка. Мы догнали ее за 25 верстъ. Я довезъ его, но дрожалъ всю ночь и не могъ ничего ѣсть. На утро мнѣ дали воды. Я выпилъ и навѣки пересталъ быть тою лошадью, какою я былъ. Я болѣлъ, меня мучили и калѣчили — лѣчили, какъ это называютъ люди. Сошли копыта, сдѣлались наливы, и ноги согнулись, груди не стало и появилась вялость и слабость во всемъ. Меня продали барышнику. Онъ меня кормилъ морковью и еще чѣмъ-то и сдѣлалъ изъ меня что-то совсѣмъ непохожее на меня, но такое, что могло обмануть незнающаго. Ни силы, ни ѣзды во мнѣ уже не было.

Кромѣ того, барышникъ мучилъ меня еще тѣмъ, что, какъ только приходили покупатели, онъ входилъ въ мой денникъ и начиналъ большимъ кнутомъ стегать и пугать меня, такъ что доводилъ меня до бѣшенства. Потомъ онъ затиралъ рубцы отъ кнута и выводилъ.

У барышника купила меня старушка. Ѣздила она все къ Николѣ Явленному и сѣкла кучера. Кучеръ плакалъ въ моемъ стойлѣ. И я узналъ, что слезы имѣли пріятный, соленый вкусъ. Потомъ старушка умерла. Приказчикъ ея взялъ меня въ деревню и продалъ краснорядцу; потомъ я объѣлся пшеницы и еще хуже заболѣлъ. Меня продали мужику. Тамъ я пахалъ, почти ничего не ѣлъ, и мнѣ подрѣзали ногу сошникомъ. Я опять болѣлъ. Цыганъ вымѣнялъ меня. Онъ мучилъ меня ужасно и, наконецъ, продалъ здѣшнему приказчику. И вотъ я здѣсь...

Всѣ молчали. Сталъ накрапывать дождь.

IX

Возвращаясь домой въ слѣдующій вечеръ, табунъ наткнулся на хозяина съ гостемъ. Жулдыба, подходя къ дому, покосилась на двѣ мужскія фигуры: одинъ былъ молодой хозяинъ въ соломенной шляпѣ, другой — высокій, толстый, обрюзгшій военный. Старуха покосилась на людей и, прижавъ, прошла подлѣ него; остальныя — молодежь — переполошились, замялись, особенно когда хозяинъ съ гостемъ нарочно вошли въ середину лошадей, что-то показывая другъ другу и разговаривая.

— Вотъ эту я у Воейкова купилъ, сѣрую въ яблокахъ, — говорилъ хозяинъ.

— А эта, молодая, вороная, бѣлоножка, чья? Хороша, — говорилъ гость. Они перебрали много лошадей, забѣгая и останавливая. Замѣтили и бурую кобылку.

— Это отъ верховыхъ, Хрѣновскихъ осталась у меня порода, — сказалъ хозяинъ.

Они не могли разсмотрѣть всѣхъ лошадей на ходу. Хозяинъ закричалъ Нестера, и старикъ, торопливо постукивая каблуками бока пѣгаго, рысцой выбѣжалъ впередъ. Пѣгій ковылялъ, припадая на одну ногу, но бѣжалъ такъ, что, видно было, онъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы роптать, даже ежели бы ему велѣли бѣжать такъ, насколько хватитъ силы, на край свѣта. Онъ даже готовъ былъ бѣжать навскочь и даже покушался на это съ правой ноги.

— Вотъ лучше этой кобылы, я смѣло могу сказать, нѣтъ лошадей въ Россіи, — сказалъ хозяинъ, указывая на одну изъ кобылъ. Гость похвалилъ. Хозяинъ взволнованно заходилъ, забѣгалъ, показывалъ и разсказывалъ исторію и породу каждой лошади.

Гостю, очевидно, было скучно слушать хозяина и онъ придумывалъ вопросы, чтобы было похоже, что и онъ интересуется этимъ.

— Да, да, — говорилъ онъ разсѣянно.

— Ты взгляни, — говорилъ хозяинъ, не отвѣчая, — ноги, взгляни... Дорого досталась, да у меня третьякъ ужъ отъ нея и ѣдетъ.

— Хорошо ѣдетъ? — сказалъ гость.

Такъ перебрали почти всѣхъ лошадей и показывать больше нечего было. И они замолчали.

— Ну что-жъ, пойдемъ?

— Пойдемъ. — Они вошли въ ворота. Гость радъ былъ, что кончилось показываніе и что пойдетъ домой, гдѣ можно поѣсть, попить, покурить, и, видимо, повеселѣлъ. Проходя мимо Нестера, который, сидя на пѣгомъ, ожидалъ еще приказаній, гость хлопнулъ большой, жирной рукой по крупу пѣгаго.

— Вотъ расписной-то, — сказалъ онъ. — Такой-то у меня былъ пѣгій, помнишь, я тебѣ разсказывалъ?

Хозяинъ услыхалъ, что говорятъ не о его лошадяхъ, и не слушалъ, а, оглядываясь, продолжалъ смотрѣть на табунъ.

Вдругъ надъ самымъ ухомъ его послышалось глухое, слабое, старческое ржанье. Это заржалъ пѣгій, не кончилъ и, какъ будто сконфузившись, оборвалъ.

Ни гости, ни хозяинъ не обратили вниманія на это ржанье и прошли домой. Холстомѣръ узналъ въ обрюзгшемъ старикѣ своего любимаго хозяина, бывшаго блестящаго богача-красавца Серпуховского.

X

. . . .

. . . .

Дождь продожалъ моросить. На варкѣ было пасмурно, а въ барскомъ домѣ было совсѣмъ другое. У хозяина былъ накрытъ роскошный вечерній чай въ роскошной гостиной. За чаемъ сидѣли хозяинъ, хозяйка и пріѣзжій гость.

Хозяйка, беременная, что очень замѣтно было по ея поднявшемуся животу, прямой, выгнутой позѣ, по полнотѣ и въ особенности по глазамъ, внутрь кротко и важно смотрѣвшимъ большимъ глазамъ, сидѣла за самоваромъ.

Хозяинъ держалъ въ рукахъ ящикъ особенныхъ, десятилѣтнихъ сигаръ, какихъ ни у кого не было, по его словамъ, и сбирался похвастать ими передъ гостемъ. Хозяинъ былъ красавецъ лѣтъ 25, свѣжій, выхоленный, расчесанный. Онъ дома былъ одѣтъ въ свѣжую широкую, толстую пару, сдѣланную въ Лондонѣ. На цѣпочкѣ у него были крупные, дорогіе брелоки. Запонки у рубашки были большія, тоже массивныя, золотыя, съ бирюзою. Борода была à la Napoléon III, и мышиные хвостики были напомажены и торчали такъ, какъ только могли это произвести въ Парижѣ.

На хозяйкѣ было платье шелковой кисеи съ большими пестрыми букетами, на головѣ большія золотыя, какія-то особенныя шпильки въ густыхъ, русыхъ, хоть и не вполнѣ своихъ, но прекрасныхъ волосахъ. На рукахъ было много браслетовъ и колецъ, и все дорогіе.

Самоваръ былъ серебряный, сервизъ тонкій. Лакей, великолѣпный въ своемъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ и галстукѣ, какъ статуя, стоялъ у двери, ожидая приказаній. Мебель была изогнутая и яркая; обои темные, большими цвѣтами. Около стола звенѣла серебрянымъ ошейникомъ левретка, необычайно тонкая, которую звали необычайно труднымъ англійскимъ именемъ, плохо выговариваемымъ обоими, не знавшими по-англійски.

Въ углу въ цвѣтахъ стояло фортепіано incrusté. Отъ всего вѣяло новизною, роскошью и рѣдкостью. Все было очень хорошо, но на всемъ былъ особенный отпечатокъ излишка, богатства и отсутствія умственныхъ интересовъ.

Хозяинъ былъ рысистый охотникъ, крѣпышъ-сангвиникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые никогда не переводятся, ѣздятъ въ собольихъ шубахъ, бросаютъ дорогіе букеты актрисамъ, пьютъ вино самое дорогое съ самой новой маркой, въ самой дорогой гостинницѣ, даютъ призы съ своимъ именемъ и содержатъ самую дорогую . . .

Пріѣзжій, Никита Серпуховской, былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, высокій, толстый, плѣшивый, съ большими усами и бакенбардами. Онъ долженъ былъ быть очень красивъ. Теперь онъ опустился, видимо, физически и морально и денежно.

На немъ было столько долговъ, что онъ долженъ былъ служить, чтобъ его не посадили въ яму. Онъ теперь ѣхалъ въ губернскій городъ начальникомъ коннозаводства. Ему выхлопотали это его важные родные.

Онъ былъ одѣтъ въ военный китель и синіе штаны. Китель и штаны были такіе, какихъ бы никто себѣ не сдѣлалъ, кромѣ богача; бѣлье тоже; часы тоже были англійскіе. Сапоги были на какихъ-то чудныхъ, въ палецъ толщины, подошвахъ.

Никита Серпуховской промоталъ въ жизни состояніе въ два милліона и остался еще долженъ 120 тысячъ. Отъ такого куска всегда остается размахъ жизни, дающій кредитъ и возможность почти роскошно прожить еще лѣтъ десять.

Лѣтъ десять уже проходили, и размахъ кончался, и Никитѣ становилось грустно жить. Онъ начиналъ уже попивать, т.-е. хмелѣть отъ вина, чего прежде съ нимъ не бывало. Пить же собственно онъ никогда не начиналъ и не кончалъ. Болѣе же всего замѣтно было его паденіе въ безпокойствѣ взглядовъ (глаза его начинали бѣгать) и нетвердости интонацій и движеній. Это безпокойство поражало тѣмъ, что оно, очевидно, недавно пришло къ нему, потому что видно было, что онъ долго привыкъ, всю жизнь, никого и ничего не бояться и что теперь, недавно, онъ дошелъ тяжелыми страданіями до этого страха, столь несвойственнаго его натурѣ.

Хозяинъ и хозяйка замѣчали это, переглядывались такъ, что видимо, понимая другъ друга, откладывали только до постели подробное обсужденіе этого предмета и переносили бѣднаго Никиту. И даже ухаживали за нимъ.

Видъ счастья молодого хозяина унижалъ Никиту и заставлялъ его, вспоминая свое безвозвратное прошедшее, болѣзненно завидовать.

— Что, вамъ ничего сигара, Мари? — сказалъ онъ, обращаясь къ дамѣ тѣмъ особеннымъ и пріобрѣтаемымъ только опытностью тономъ — вѣжливымъ, пріятельскимъ, но не вполнѣ уважительнымъ, которымъ говорятъ люди, знающіе свѣтъ, съ содержанками въ отличіе отъ женъ. Не то, чтобы онъ хотѣлъ оскорбить ее: напротивъ, теперь онъ скорѣе хотѣлъ поддѣлаться къ ней и ея хозяину, хотя ни за что самъ себѣ не признался бы въ этомъ. Но онъ уже привыкъ говорить такъ съ такими женщинами. Онъ зналъ, что она сама бы удивилась, оскорбилась бы даже, ежели бы онъ съ ней обходился какъ съ дамой. Притомъ надо было удержать за собой извѣстный оттѣнокъ почтительнаго тона для настоящей жены своего равнаго. Онъ обращался съ такими дамами всегда уважительно, но не потому, чтобы онъ раздѣлялъ такъ называемыя убѣжденія, которыя проповѣдуются въ журналахъ (онъ никогда не читалъ этой дряни объ уваженіи къ личности каждаго человѣка, о ничтожности брака и т. д.), а потому, что такъ поступаютъ всѣ порядочные люди, а онъ былъ порядочный человѣкъ, хотя и упавшій.

Онъ взялъ сигару. Но хозяинъ неловко взялъ горсть сигаръ и предложилъ гостю.

— Нѣтъ, ты увидишь, какъ хороши. Возьми.

Никита отклонилъ рукой сигары, и въ глазахъ его мелькнули чуть замѣтно оскорбленіе и стыдъ.

— Спасибо. — Онъ досталъ сигарочницу. — Попробуй моихъ.

Хозяйка была чуткая. Она замѣтила это и поспѣшно заговорила съ нимъ:

— Я очень люблю сигары. Я бы сама курила, если бы не всѣ курили вокругъ меня.

И она улыбнулась своей красивой, доброй улыбкой. Онъ улыбнулся въ отвѣтъ ей не твердо. Двухъ зубовъ у него не было.

— Нѣтъ, ты возьми эту, — продолжалъ не чуткій хозяинъ. — Другія тѣ послабѣе. Фрицъ, bringen Sie noch eine Kiste, — сказалъ онъ, — dort zwei.

Нѣмецъ-лакей принесъ другой ящикъ.

— Ты какія, большія любишь? Крѣпкія? Эти очень хороши. Ты возьми всѣ, — продолжалъ онъ совать.

Онъ, видимо, былъ радъ, что было передъ кѣмъ похвастаться своими рѣдкостями, и ничего не замѣчалъ. Серпуховской закурилъ и поспѣшилъ продолжать начатый разговоръ.

— Такъ во сколько тебѣ пришелся Атласный? — сказалъ онъ.

— Дорогъ пришелся, не меньше пяти тысячъ, но по крайней мѣрѣ ужъ я обезпеченъ. Какія дѣти, я тебѣ скажу!

— Ѣдутъ? — спросилъ Серпуховской.

— Хорошо ѣдутъ. Нынче сынъ его взялъ три приза: въ Тулѣ, Москвѣ и Петербургѣ; бѣжалъ съ Воейковскимъ Воронымъ. Каналья-наѣздникъ сбилъ 4 сбоя, а то бы за флагомъ оставилъ.

— Сыръ онъ немного. Голландщины много, вотъ что я тебѣ скажу, — сказалъ Серпуховской.

— Ну, а матки-то на что? Я тебѣ покажу завтра. Добрыню я далъ три тысячи. Ласковую двѣ тысячи.

И опять хозяинъ началъ перечислять свое богатство. Хозяйка видѣла, что Серпуховскому это тяжело и что онъ притворно слушаетъ.

— Будете еще чай пить? — спросила хозяйка.

— Не буду, — сказалъ хозяинъ и продолжалъ разсказывать. Она встала, хозяинъ остановилъ ее, обнялъ и поцѣловалъ.

Серпуховской началъ было улыбаться, глядя на нихъ и для нихъ, ненатуральной улыбкой, но, когда хозяинъ всталъ и, обнявъ ее, вышелъ съ ней до портьеры, лицо Никиты вдругъ измѣнилось, онъ тяжело вздохнулъ, и на обрюзгломъ лицѣ его вдругъ выразилось отчаяніе. Даже злоба была видна на немъ.

Хозяинъ вернулся и, улыбаясь, сѣлъ противъ Никиты. Они помолчали.

XI

— Да, ты говорилъ, у Воейкова купилъ, — сказалъ Серпуховской какъ будто небрежно.

— Да, Атласнаго, вѣдь я говорилъ. Мнѣ все хотѣлось кобылъ у Дубовицкаго купить. Да дрянь осталась.

— Онъ прогорѣлъ, — сказалъ Серпуховской и вдругъ остановился и оглянулся кругомъ. Онъ вспомнилъ, что долженъ этому самому прогорѣвшему 20 тысячъ. И что если говорить про кого «прогорѣлъ», то ужъ вѣрно про него говорятъ это. Онъ засмѣялся.

Оба опять долго молчали. Хозяинъ въ головѣ перебиралъ, чѣмъ бы похвастаться передъ гостемъ; Серпуховской придумывалъ, чѣмъ бы показать, что онъ не считаетъ себя прогорѣвшимъ. Но у обоихъ мысли ходили туго, несмотря на то, что они старались подбодрить себя сигарами. «Что-жъ, когда выпить?» думалъ Серпуховской. «Непремѣнно надо выпить, а то съ нимъ съ тоски умрешь», думалъ хозяинъ.

— Такъ какъ же ты, долго здѣсь пробудешь? — спросилъ Серпуховской.

— Да еще съ мѣсяцъ. Что же, поужинаемъ, что ли? Фрицъ, готово?

Они вышли въ столовую. Въ столовой подъ лампой стоялъ столъ, уставленный свѣчами и самыми необыкновенными вещами: сифоны и куколки на пробкахъ, вино необыкновенное въ графинахъ, необыкновенныя закуски и водка. Они выпили, съѣли, еще выпили, еще съѣли, и разговоръ завязался. Серпуховской раскраснѣлся и сталъ говорить не робѣя.

Они говорили про женщинъ. У кого какая: цыганка, танцовщица, француженка.

— Ну, что же, ты оставилъ Матье? — спросилъ хозяинъ.

Это была содержанка, которая разорила Серпуховского.

— Не я, а она. Ахъ, братъ, какъ вспомнишь, что̀ просадилъ въ своей жизни. Теперь я радъ, право, какъ заведутся 1.000 рублей, радъ, право, какъ уѣду отъ всѣхъ. Въ Москвѣ не могу. Ахъ, что говорить!

Хозяину было скучно слушать Серпуховского. Ему хотѣлось говорить про себя — хвастаться. А

Серпуховскому хотѣлось говорить про себя — про свое блестящее прошедшее. Хозяинъ налилъ ему вина и ждалъ, когда онъ кончитъ, чтобы разсказать ему про себя, какъ у него теперь устроенъ заводъ такъ, какъ ни у кого не было прежде. И что его Мари не только изъ-за денегъ, но и сердцемъ любитъ его.

— Я тебѣ хотѣлъ сказать, что въ моемъ заводѣ... — началъ было онъ. Но Серпуховской перебилъ его. — Было время, могу сказать, — началъ онъ, — что я любилъ и умѣлъ пожить. Ты вотъ говоришь про ѣзду, ну, скажи, какая у тебя самая рѣзвая лошадь?

Хозяинъ обрадовался случаю разсказать еще про свой заводъ и началъ было, но Серпуховской опять перебилъ его.

— Да, да, — сказалъ онъ. — Вѣдь это у васъ, у заводчиковъ, только для тщеславія, а не для удовольствія, для жизни. А у меня не такъ было. Вотъ я тебѣ говорилъ нынче, что у меня была ѣздовая лошадь пѣгая, такія же пѣжины, какъ подъ твоимъ табунщикомъ. Охъ лошадь же была! Ты не могъ знать: это было въ 42-мъ году, я только пріѣхалъ въ Москву, поѣхалъ къ барышнику и вижу: пѣгій меринъ. Ладовъ хорошихъ. Мнѣ понравился. Цѣна? 1.000 рублей. Мнѣ понравился, я взялъ и сталъ ѣздить. Не было у меня, да и у тебя нѣтъ и не будетъ такой лошади. Лучше я не зналъ лошади ни ѣздой, ни силой, ни красотой. Ты мальчикомъ былъ тогда, ты не могъ знать, но ты слышалъ, я думаю. Вся Москва знала его.

— Да, я слышалъ, — неохотно сказалъ хозяинъ, — но я хотѣлъ тебѣ сказать про своихъ...

— Такъ ты слышалъ. Я купилъ его такъ, безъ породы, безъ аттестата; потомъ ужъ я узналъ. Мы съ Воейковымъ добрались. Это былъ сынъ Любезнаго 1-го, Холстомѣръ, холсты мѣряетъ. Его за пѣжину отдали съ Хрѣновскаго завода конюшему, а тотъ его выхолостилъ и продалъ барышнику. Такихъ ужъ лошадей нѣтъ, дружокъ! Ахъ, время было! Ахъ, ты, молодость! — пропѣлъ онъ изъ цыганской пѣсни. Онъ начиналъ хмелѣть. — Эхъ, хорошее было время. Мнѣ было 25 лѣтъ, у меня было 80 тысячъ годового дохода, тогда ни одного сѣдого волоса, всѣ зубы какъ жемчугъ... За что ни возьмешься, удается, и все кончилось...

— Ну, тогда не было той рѣзвости, — сказалъ хозяинъ, пользуясь перерывомъ. — Я тебѣ скажу, что мои первыя лошади стали ходить безъ...

— Твои лошади! Да тогда рѣзвѣе были...

— Какъ рѣзвѣе?

— Рѣзвѣе. Я какъ теперь помню, выѣхалъ я разъ въ Москвѣ на бѣгъ на немъ. Моихъ лошадей не было. Я не любилъ рысистыхъ, у меня были кровныя: Генералъ Шоле, Магомедъ. На пѣгомъ я ѣздилъ. Кучеръ у меня былъ славный малый, я любилъ его. Тоже спился. Такъ пріѣхалъ я.

— Серпуховской, говорятъ, когда же ты заведешь рысистыхъ? — Мужиковъ-то вашихъ, чортъ ихъ возьми! У меня извозчичій пѣгій всѣхъ вашихъ обѣжитъ. — Да вотъ не обѣгаетъ. — Пари 1000 рублей. — Ударились, пустили. На пять секундъ обошелъ, 1000 рублей выигралъ пари. Да это что! Я на кровныхъ, на тройкѣ 100 верстъ въ 3 часа сдѣлалъ. Вся Москва знаетъ.

И Серпуховской началъ врать такъ складно и такъ непрерывно, что хозяинъ не могъ вставить ни одного слова и съ унылымъ лицомъ сидѣлъ противъ него, только для развлеченія подливалъ себѣ и ему вина въ стаканы.

Стало уже свѣтать. А они все сидѣли. Хозяину было мучительно скучно. Онъ всталъ.

— Спать, такъ спать, — сказалъ Серпуховской, вставая и шатаясь, и, отдуваясь, пошелъ въ отведенную комнату.

. . . .

. . . .

. . . .

Хозяинъ лежалъ съ любовницей. — Нѣтъ, онъ невозможенъ. Напился и вретъ, не переставая.

— И за мной ухаживаетъ.

— Я боюсь — будетъ просить денегъ.

Серпуховской лежалъ нераздѣтый на постели и отдувался.

«Кажется, я много вралъ, — подумалъ онъ. — Ну, все равно! Вино хорошо, но свинья онъ большая. Купеческое что-то. И я свинья большая, — сказалъ онъ самъ себѣ и захохоталъ. — То я содержалъ, то меня содержатъ. Да, Винклерша содержитъ, я у ней деньги беру. Такъ ему и надо. Однако раздѣться. Сапоги не снимешь». — Эй! эй! — крикнулъ онъ, но человѣкъ, приставленный къ нему, ушелъ давно спать.

Онъ сѣлъ, снялъ китель, жилетъ и штаны стопталъ съ себя кое-какъ; но сапогъ долго не могъ стащить, — брюхо мягкое мѣшало. Кое-какъ стащилъ одинъ, другой, бился, бился, запыхался и усталъ. И такъ съ ногой въ голенищѣ повалился и захрапѣлъ, наполняя всю комнату запахомъ табаку, вина и грязной старости.

XII

Ежели Холстомѣръ что̀ еще вспоминалъ въ эту ночь, то его развлекъ Васька. Кинулъ на него попону и поскакалъ. До утра онъ держалъ его у двери кабака съ мужицкою лошадью. Они лизались. Утромъ онъ пошелъ въ табунъ и все чесался.

«Что-то больно чешется», думалъ онъ.

Прошло пять дней. Позвали коновала. Онъ съ радостью сказалъ:

— Короста, позвольте цыганамъ продать.

— Зачѣмъ, зарѣжьте, только чтобъ нынче его не было.

Утро тихое и ясное. Табунъ пошелъ въ поле. Холстомѣръ остался. Пришелъ странный человѣкъ, худой, черный, грязный, въ забрызганномъ чѣмъ-то чернымъ кафтанѣ. Это былъ драчъ. Онъ взялъ, не поглядѣвъ на него, поводъ оброти, надѣтой на Холстомѣра, и повелъ. Холстомѣръ пошелъ спокойно, не оглядываясь, какъ всегда волоча ноги и цѣпляя задомъ по соломѣ.

Выйдя за ворота, онъ потянулся къ колодцу, но драчъ дернулъ и сказалъ: — Не къ чему.

Драчъ и Васька, шедшій сзади, пришли въ лощинку за кирпичнымъ сараемъ и, какъ будто что-то особенное было на этомъ самомъ обыкновенномъ мѣстѣ, остановились, и драчъ, передавъ Васькѣ поводъ, снялъ кафтанъ, засучилъ рукава, досталъ изъ голенища ножъ и брусокъ. Меринъ потянулся къ поводу, хотѣлъ отъ скуки пожевать его, но далеко было. Онъ вздохнулъ и закрылъ глаза. Губа его повисла, открылись съѣденные желтые зубы, и онъ сталъ задремывать подъ звуки точенія ножа. Только подрагивала его больная съ наплывомъ отставленная нога. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его взяли подъ салазки и поднимаютъ кверху голову. Онъ открылъ глаза. Двѣ собаки были передъ нимъ. Одна нюхала по направленію къ драчу, другая сидѣла, глядя на мерина, какъ будто ожидая чего-то именно отъ него. Меринъ взглянулъ на нихъ и сталъ тереться скулой о руку, которая держала его.

«Лѣчить, вѣрно, хотятъ, — подумалъ онъ. — Пускай!»

И точно, онъ почувствовалъ, что что-то сдѣлали съ его горломъ. Ему стало больно, онъ вздрогнулъ, ботнулъ ногой, но удержался и сталъ ждать, что будетъ дальше... Дальше сдѣлалось то, что что-то жидкое полилось большою струей ему на шею и грудь. Онъ вздохнулъ во всѣ бока. И ему стало легче, гораздо.

Облегчалась вся тяжесть его жизни!

Онъ закрылъ глаза и сталъ склонять голову, — никто не держалъ ея. Потомъ ноги задрожали, зашаталось все тѣло. Онъ не столько испугался, сколько удивился.

Все такъ ново стало. Онъ удивился, рванулся впередъ, вверхъ... Но вмѣсто этого ноги, сдвинувшись съ мѣста, заплелись, онъ сталъ валиться на бокъ и, желая переступить, завалился впередъ и на лѣвый бокъ.

Драчъ подождалъ, пока прекратились судороги, отогналъ собакъ, подвинувшихся ближе, и потомъ взялъ за ноги, отворотилъ мерина на спину и, велѣвъ Васькѣ держать за ногу, сталъ свѣжевать.

— Тоже лошадь была, — сказалъ Васька.

— Кабы посытѣе, хороша бы кожа была, — сказалъ драчъ.

Табунъ проходилъ вечеромъ горой, и тѣмъ, которые шли съ лѣваго края, видно было что-то красное внизу, около чего возились хлопотливо собаки и перелетали вороны и коршуны. Одна собака, упершись лапами въ стерву, мотая головой, отрывала съ трескомъ то, что̀ зацѣпила. Бурая кобылка остановилась, вытянула голову и шею и долго втягивала въ себя воздухъ. Насилу могли отогнать ее.

На зарѣ въ оврагѣ стараго лѣса, въ заросшемъ низу на полянкѣ, радостно выли головастые волченята. Ихъ было пять: четыре почти равные, а одинъ маленькій съ головой больше туловища. Худая линявшая волчица, волоча полное брюхо съ отвисшими сосками по землѣ, вышла изъ кустовъ и сѣла противъ волченятъ. Волченята полукругомъ стали противъ нея. Она подошла къ самому маленькому и, опустивъ колѣно и перегнувъ морду книзу, сдѣлала нѣсколько судорожныхъ движеній и, открывъ зубастый зѣвъ, натужилась и выхаркнула большой кусокъ конины. Волченята побольше сунулись къ ней, но она угрожающе двинулась къ нимъ и предоставила все маленькому. Маленькій, какъ бы гнѣваясь, рыча ухватилъ конину подъ себя и сталъ жрать. Такъ же выхаркнула волчица и другому, и третьему, и всѣмъ пятерымъ и тогда легла противъ нихъ, отдыхая.

Черезъ недѣлю валялись у кирпичнаго сарая только большой черепъ и два маслака; остальное все было растаскано. На лѣто мужикъ, собиравшій кости, унесъ и эти маслаки и черепъ и пустилъ ихъ въ дѣло.

Ходившее по свѣту, ѣвшее и пившее мертвое тѣло Серпуховского убрали въ землю гораздо послѣ. Ни кожа, ни мясо, ни кости его никуда не пригодились.

А какъ уже 20 лѣтъ всѣмъ въ великую тягость было его ходившее по свѣту мертвое тѣло, такъ и уборка этого тѣла въ землю была только лишнимъ затрудненіемъ для людей. Никому ужъ онъ давно былъ не нуженъ, всѣмъ ужъ давно онъ былъ въ тягость, но все-таки мертвые, хоронящіе мертвыхъ, нашли нужнымъ одѣть это тотчасъ же загнившее пухлое тѣло въ хорошій мундиръ, въ хорошіе сапоги, уложить въ новый хорошій гробъ, съ новыми кисточками на 4-хъ углахъ, потомъ положить этотъ новый гробъ въ другой свинцовый и свезти его въ Москву и тамъ раскопать давнишнія людскія кости и именно туда спрятать это гніющее, кишащее червями тѣло въ новомъ мундирѣ и вычищенныхъ сапогахъ и засыпать все землей.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.
Утро помѣщика. Повѣсть (1852) 5
Метель. Разсказъ (1856) 81
Записки маркера. Повѣсть (1856) 123
Два гусара. Повѣсть (1856) 149
Альбертъ. Разсказъ (1857) 234
Люцернъ. Изъ записокъ кн. Д. Нехлюдова. Разсказъ (1857) 273
Три смерти. Разсказъ (1859) 309
Семейное счастье. Романъ (1859) 328
Поликушка. Повѣсть (1860) 447
Холстомѣръ. Исторія лошади (1861) 527

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

LR
T6545
1921

459326
Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf
Сочиненія.
T.3
[Title transliterated: Sochineniya]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET